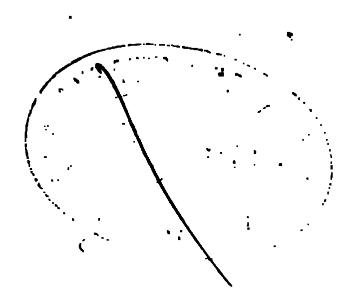

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

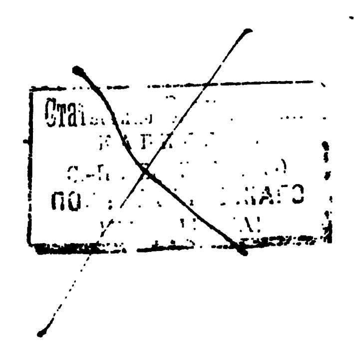
А. Повалишинъ.

РЯЗАНСКІЕ ПОМѢЩИКИ
и
ИХЪ КРѢПОСТНЫЕ

Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи

Изданіе Рязанской Архивной Коммиссіи подъ редакціей завѣд. ком. **С. Яхонтова.**

РЯЗАНЬ
Типографія Братства св. Василія
1903

Александръ Дмитріевичъ

Повалишинъ

род. 15 іюля 1844 г. † 17 іюля 1899 г

А. Повалишинъ.

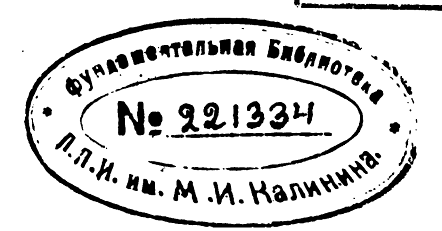
РЯЗАНСКІЕ ПОМѢЩИКИ
и
ИХЪ КРѢПОСТНЫЕ

Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи

Изданіе Рязанской Архивной Коммиссіи подъ редакціей члена ком. **С. Яхонтова.**

РЯЗАНЬ
Типографія Братства св. Василія
1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УКАЗАТЕЛЬ

А. ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ [1]).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

[1]) Село—с. Деревня—д. Уѣздъ—у. Тожъ—тж.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Б. ЛИЧНЫЙ [1]).

А.

---

[1]) Сокращ. Помѣщикъ—пм.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“,—подъ этимъ заглавіемъ покойный предсѣдатель Ряз. Арх. Ком., Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ началъ печатать въ „Трудахъ“ Коммиссіи результаты своихъ работъ надъ архивнымъ матеріаломъ по изслѣдованію различныхъ проявленій крѣпостнаго права. Работы эти начались еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Александру Дмитріевичу пришлось обстоятельно познакомиться съ историч. архивомъ Рязанскаго Губернскаго Земства для выясненія другого интересовавшаго его вопроса, объ отбываніи земскихъ повинностей въ дореформенное время и о дѣятельности бывшаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, находившагося въ такой связи съ его занятіями земскимъ дѣломъ. Вопросы, касавшіеся положенія крѣпостныхъ и порядковъ крѣпостнаго права, естественно охватили изслѣдователя со всѣхъ сторонъ, возбуждая цѣлые роли мыслей и заваливая обиліемъ матеріала.

Какъ разъ общество наше переживало тогда время, когда порядки крѣпостнаго права начинали забываться и на сцену дѣйствій выступило поколѣніе, не имѣвшее непосредственнаго представленія о нихъ. Чувствовалось, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части общества, какъ будто желаніе повернуть назадъ. Начинали раздаваться голоса о томъ, что и въ этомъ, такъ недавно проклинавшемся, времени были свои хорошія стороны, о которыхъ слѣдуетъ вспоминать съ любовью; стали даже открыто высказывать, что реформа 1861 года была преждевременна, что Государь слишкомъ поспѣшилъ съ нею и т. п. У Александра Дмитріевича Повалишина должны были сохраниться со временъ дѣтства еще и личныя воспоминанія, если не прямо о крѣпостныхъ порядкахъ, то о порядкахъ того *добраго стараго времени*, какъ теперь называли, когда крѣпостное право господствовало; а чего онъ самъ не помнилъ, про то слыхалъ отъ другихъ лицъ,

коротко знавшихъ эти порядки, изъ которыхъ нѣкоторые вели борьбу съ ними, участвуя въ реформѣ;—а тутъ въ дѣлахъ архива передъ внимательнымъ читателемъ открывалась въ живыхъ картинахъ закулисная сторона этихъ порядковъ. Да что же это такое? было естественно спросить себя. Неужели все это можно такъ и забыть, вычеркнуть изъ памяти, словно всего этого никода и не было? Забыть и стремленія шестидесятыхъ годовъ, всѣ тѣ усилія и жертвы, которыя были принесены, все, чѣмъ жило и двигалось наше общество въ эпоху реформъ, духомъ которой и онъ былъ охваченъ и въ дѣйствіяхъ которой принималъ посильное участіе? Налицо фактъ и его отрицаніе, простое, рѣшительное, безъ дальнихъ объясненій: „доброе старое время“ и только!

Но поставить такой вопросъ, значило и отвѣчать на него.

Александръ Дмитріевичъ не былъ человѣкомъ широкихъ обобщеній, догадокъ и творцомъ скорыхъ и спорныхъ гипотезъ. Но добросовѣстнымъ онъ былъ всегда и во всемъ до крайности. Онъ не понималъ вывода безъ фактовъ, безъ изученія дѣла. Отвѣтить—для него значило изучить дѣло. И онъ началъ изучать его, отмѣчать факты изъ временъ крѣпостныхъ порядковъ, записывать и печатать ихъ. Это былъ единственный возможный для него способъ отвѣта на то, что онъ слышалъ и читалъ. Если бы кто нибудь при немъ началъ серьезно высказывать тѣ взгляды, которые сдѣлались ходовыми въ 80-хъ годахъ, онъ вѣроятно подалъ бы ему одинъ изъ тѣхъ очерковъ крѣпостныхъ порядковъ, которые онъ печаталъ въ „Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи“ и попросилъ бы прочитать. Тоже онъ дѣлалъ съ публикою (конечно, только серьезною) печатая свои статьи.

Вотъ нѣкоторыя подробности о ходѣ этихъ работъ.

Въ 1885 году умеръ Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ крестьянскаго дѣла въ Рязанской губерніи, съ которымъ Повалишинъ былъ коротко знакомъ. Александру Дмитріевичу было поручено разобрать его бумаги. Въ некрологѣ, посвященномъ памяти Офросимова, Александръ Дмитріевичъ передаетъ, что извѣстность Ѳедора Сергѣевича въ качествѣ человѣка, хорошо знающаго все, что касалось крестьянскаго положенія, была настолько рас-

пространена, что въ затруднительныхъ случаяхъ къ нему пріѣзжали совѣтоваться даже крестьяне другихъ губерній. Дѣйствительно, едва ли кто нибудь другой могъ поспорить въ этомъ отношеніи съ Офросимовымъ. Его работы, сначала въ Рязанскомъ Губернскомъ Комитетѣ, отъ котораго онъ былъ посланъ депутатомъ въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Редакціонной Коммиссіи, а потомъ въ Рязанскомъ Губернскомъ Присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, котораго онъ былъ первымъ непремѣннымъ членомъ, при которомъ вводилось положеніе, непосредственное знаніе крѣпостныхъ порядковъ еще до реформы и большая природная наблюдательность давали ему такія преимущества въ ознакомленіи съ этимъ дѣломъ, какихъ въ Рязани не было ни у кого. Въ бумагахъ Офросимова Повалишинъ нашелъ богатый матеріалъ для выясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ отмѣну крѣпостнаго права въ Рязанской губерніи. Документы эти можно было легко сопоставить съ подлинными журналами Губернскаго Комитета и другими данными, хранившимися въ бумагахъ архива Рязанскаго Депутатскаго Собранія. Александръ Дмитріевичъ началъ работу надъ этимъ вопросомъ, въ результатѣ которой и появилось напечатанное имъ въ Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи изслѣдованіе подъ заглавіемъ: **„Участіе Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“** (Труды Коммиссіи 1887 г., стр. 35, 63, 167; 1890 г. стр. 74). Работа эта должна была войти въ составъ труда: „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“.

Очеркъ остался неконченнымъ, можетъ быть, потому, что, переходя вмѣстѣ съ депутатами Рязанскаго дворянства къ работамъ въ Редакціонной Коммиссіи, Повалишинъ не чувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ къ дѣлу и, прежде, чѣмъ выводить какія либо заключенія, считалъ нужнымъ ознакомиться съ другими источниками по тому же вопросу, что онъ впослѣдствіи и дѣлалъ, особенно въ послѣдніе годы жизни, доставая и прилежно изучая все, изъ чего можно было почерпнуть свѣдѣнія о крестьянской реформѣ и ближайшаго времени къ ней. Впослѣдствіи мною были сообщены также Александру Дмитріевичу и бумаги, оставшіяся послѣ другого депутата отъ Рязанской губерніи въ Редакціонной Коммиссіи, моего покойнаго

отца, князя Сергѣя Васильевича Волконскаго. Повалишинъ отобралъ изъ нихъ и напечаталъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи записку, написанную княземъ Волконскимъ еще до образованія Губернскаго Комитета, подъ заглавіемъ: **„Нѣкоторыя замѣчанія относительно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“** (Тр. Ком. 1891 г. стр. 33, 47). Въ остальномъ матеріалѣ, оставшійся послѣ князя Волконскаго, касающійся крестьянской реформы, былъ найденъ Повалишинымъ сходнымъ съ тѣмъ, съ которымъ онъ уже ознакомился по бумагамъ Офросимова (что и можно было ожидать) По вопросу, касающемуся работъ въ Редакціонной Коммиссіи, матеріалъ этотъ заключался, кромѣ журналовъ Коммиссіи, въ нѣсколькихъ письмахъ лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ Коммиссіи, во многихъ брошюрахъ и мнѣніяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ, черновыхъ особыхъ мнѣвій, поданныхъ депутатами отъ Рязанской губерніи и собственноручныхъ замѣткахъ карандашомъ на поляхъ обсуждавшихся проектовъ. Чтобы разобраться въ такомъ матеріалѣ, требовалось близкое знакомство со всѣми обстоятельствами дѣла. Если матеріалъ, оставшійся послѣ Офросимова, былъ такого же характера, то весьма естественно, что Повалишину трудно было закончить на основаніи его одного свой очеркъ.

Еще позднѣе, послѣ покупки крестьянскимъ банкомъ Кошелевскаго имѣнія Песочни, въ распоряженіе Повалишина поступила и часть бумагъ Александра Ивановича Кошелева. Такимъ образомъ можно сказать, что въ рукахъ Александра Дмитріевича побывали бумаги всѣхъ трехъ членовъ Рязанскаго дворянства, которые принимали участіе въ занятіяхъ Редакціонной Коммиссіи. Насколько мнѣ извѣстно, впрочемъ, матеріалъ, найденный въ бумагахъ А. И. Кошелева въ Песочнѣ, касался почти исключительно хозяйственныхъ распоряженій Кошелева по имѣнію и для выясненія роли Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ Повалишину ничего не далъ.

Во всякомъ случаѣ, личное знакомство съ главными дѣятелями крестьянской реформы въ Рязанской губерніи, которое было у Повалишина, имѣло для него ту выгоду, что оно избавляло его отъ возможности многихъ неправильныхъ выводовъ, въ которые онъ безъ

того могъ бы впасть. Отъ Офросимова онъ несомнѣнно слыхалъ также и много устныхъ разсказовъ объ этомъ времени.

Въ 1887 и 1888 годахъ Повалишинымъ были напечатаны въ Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи слѣдующіе матеріалы: **Дѣло о губернскомъ секретарѣ Алексѣевѣ 1844 г.** (Тр. Ком. 1887 г. стр. 76) „**Неповиновеніе крестьянъ помѣщику своему Демидову**" (1888 г. стр. 36), „**Дѣло о князѣ Г—нѣ**" (1888 г. стр. 103) и началъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „**Очерки крѣпостнаго права**". Такихъ очерковъ имъ было отпечатано четыре: два въ 1888 году.—„1 **Возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика Нарышкина**" и „2 **Происшествіе въ имѣніи Жилинскаго**" (стр. 131), „3 **Побѣги крѣпостныхъ**" въ 1889 г. (стр. 82) и „4 „**Жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами**" въ 1896 году (стр. 108—128).

По мѣрѣ того, какъ работа подвигалась и число обслѣдованныхъ фактовъ увеличивалось, въ умѣ Повалишина сталъ создаваться планъ всесторонняго изслѣдованія крѣпостнаго быта въ Рязанской губерніи. Въ основаніи задуманнаго труда должно было лечь изученіе архивныхъ источниковъ и всѣ выводы должны были быть подвергнуты самой строгой критикѣ, такъ чтобы для произвольныхъ заключеній мѣста не было. Задавшись такою мыслью, Повалишинъ сталъ обработывать отдѣльныя статьи, которыя онъ продолжалъ печатать въ Трудахъ Архивной Коммиссіи, такъ чтобы они могли пригодиться для этого будущаго сочиненія и служили каждая разъясненіемъ какой нибудь стороны юридическихъ отношеній. Такимъ образомъ и возникли упомянутые выше очерки, имѣющіе этотъ характеръ.

Конецъ 80-хъ годовъ былъ временемъ, наиболѣе обильнымъ статьями, напечатанными Повалишинымъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи. Съ 1889 года Повалишинъ началъ уже меньше прежняго посвящать времени земскому дѣлу, а въ 1890 году онъ поступилъ на должность управляющаго Рязанскимъ отдѣленіемъ Государственныхъ Дворянскаго и Крестьянскаго земельныхъ банковъ. Хотя это назначеніе и стѣснило нѣсколько его занятія другими дѣлами, но за

то, освободивъ его отъ необходимости искать частныхъ заработковъ, оно въ то же время давало ему возможность свободнѣе располагать своимъ досугомъ, который онъ начиналъ все болѣе обращать на любимыя работы надъ архивнымъ матерьяломъ.

Въ 1890 году изъ статей, посвященныхъ обслѣдованію крѣпостнаго быта, Повалишинымъ были напечатаны въ Трудахъ Архивной Коммиссіи: **„Дѣло крестьянъ кн. Долгорукихъ“** (стр. 23) и **„Вольноотпущенные“** (стр. 130), а въ 1892 году: **„Свободные хлѣбопашцы“** (стр. 1, 17, 33) и **„Неповиновеніе крестьянъ помѣщичьей власти“** (стр. 119, 137). Особенно первая изъ этихъ двухъ послѣднихъ работъ потребовала отъ автора много труда и времени и сопровождалась собираніемъ свѣдѣній (напр. чрезъ земск. начал.) даже на мѣстахъ, для выясненія условій жизни и хозяйства потомковъ лицъ, освобожденныхъ еще при крѣпостномъ правѣ. Судьба свободныхъ хлѣбопашцевъ интересовала Повалишина, между прочимъ, и по аналогіи, которую онъ усматривалъ между условіями ихъ хозяйства и хозяйства крестьянъ, пріобрѣтавшихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка.

Но случаи, которые представляли архивный матеріалъ, по необходимости принадлежали къ числу особенныхъ, представлявшихъ и при крѣпостномъ положеніи не правило, а отступленія отъ нормальнаго порядка, иначе дѣла о нихъ и не были бы возбуждены. Основывать на нихъ описаніе обычнаго положенія при крѣпостномъ правѣ было нельзя, не рискуя впасть въ ошибки. Для этой цѣли нуженъ былъ матеріалъ другого рода. Это обезпокоивало Повалишина, искавшаго данныхъ для характеристики нормальнаго строя крѣпостнаго хозяйства. Поэтому онъ усердно просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ доставлять ему всякія свѣдѣнія о крѣпостномъ бытѣ, которыя могли бы выяснить эту сторону вопроса, и усиленно погружался въ чтеніе всего, что по его мнѣнію могло тому содѣйствовать.

Значительную услугу оказали ему въ этомъ отношеніи данныя о хозяйствѣ князя С. В. Волконскаго и Кошелева, оказавшіяся въ ихъ бумагахъ. Изъ хозяйственныхъ книгъ князя Волконскаго имъ сдѣлано было даже извлеченіе наиболѣе характеристическихъ распоря-

женій, которое онъ имѣлъ въ виду напечатать въ Трудахъ Архивной Коммиссіи. Статья, имъ написанная по этому поводу, однако осталась ненапечатанною (и въ настоящее время находится у меня). Получалъ онъ и другой матеріалъ о сельскомъ хозяйствѣ при крѣпостномъ правѣ.

Другой вопросъ, безпокоившій Повалишина, заключался въ опасеніи не справиться съ оцѣнкою условій крѣпостнаго хозяйства. Не будучи самъ хозяиномъ, онъ боялся впасть въ ошибку вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Вопросъ этотъ сталъ особенно его озабочивать, когда Повалишинъ, рѣшивъ окончательно писать свое изслѣдованіе о Рязанскихъ помѣщикахъ и ихъ крѣпостныхъ, взялся за разработку статистическихъ данныхъ собранныхъ при ревизіяхъ, и когда эта работа стала обѣщать сдѣлаться очень содержательной. Около этого времени, кажется въ 1893 или 1894 годахъ, разговаривая со мною однажды о своей работѣ и посвящая въ свои намѣренія, онъ предложилъ мнѣ,--не возьму ли я на себя разработку экономической стороны. Не будучи вполнѣ знакомъ съ тѣми взглядами, которые у него сложились, и выводами, къ которымъ онъ приходилъ, я не счелъ возможнымъ принять на себя такое сотрудничество, но обѣщалъ Повалишину свое содѣйствіе, въ чемъ буду въ состояніи его оказать, а также сообщить ему, какіе взгляды у меня составились, такъ какъ мнѣ приходилось думать надъ этими вопросами. Тогда Повалишинъ передалъ мнѣ имѣвшуюся у него брошюру извѣстнаго въ свое время помѣщика Раненбургскаго уѣзда, М. И. Семенова, напечатанную еще въ 40 году прошлаго столѣтія подъ заглавіемъ: **„Руководство къ управленію имѣніемъ, селомъ Архангельскимъ Раненбургскаго уѣзда Ряз. губ.“**, представленную авторомъ въ Московское общество сельскаго хозяйства, и просилъ сообщить ему свои соображенія по поводу этой брошюры. Особенно его интересовалъ учетъ работъ и уроковъ, совершавшихся въ имѣніи силами крѣпостныхъ. „Руководство“ это представляло, дѣйствительно, полный планъ хозяйства въ крѣпостномъ имѣніи, составленный лицомъ, считавшимся въ свое время выдающимся хозяиномъ въ Раненбургкомъ уѣздѣ, и касалось имѣнія, которое мнѣ было лично извѣстно. Съ просьбою помочь

ему произвесть учетъ работъ, Повалишинъ, оказалось, обращался еще до меня къ Н. К. Любарскому, извѣстному землевладѣльцу и сельскому хозяину Рязанскаго уѣзда, и работа была почти произведена Любарскимъ, но осталась недоконченною вслѣдствіе смерти Любарскаго. Вопросъ былъ дѣйствительно интересный. Свои взгляды на условія крѣпостнаго хозяйства я сообщилъ Повалишину года черезъ два послѣ того, изложивъ ихъ въ трехъ письмахъ, которыя съ моего согласія и были напечатаны Повалишинымъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи за 1897 годъ, въ трехъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ: **„Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“** (Тр. К. 1897 г. II стр. 107 и III стр. 329). Повалишинъ остался доволенъ моей работой и положилъ сдѣланные въ ней выводы вмѣстѣ съ имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаломъ въ основаніе второй главы своего труда „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“, озаглавленной имъ: **„Условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства“**. (Тр. Ком. 1899 г. стр. 1—54). Первая глава подъ заглавіемъ: **„Цифровыя свѣдѣнія о крѣпостномъ населеніи Рязанской губерніи, число помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ имѣній“** была напечатана въ Трудахъ Коммиссіи уже раньше, еще въ 1895 г. (I стр. 1—29). Выводы, полученные изъ разработки статистическаго матеріала, доставленнаго ревизіями, оказались очень интересными и были частью неожиданными для самого Повалишина. Повалишинъ былъ доволенъ обѣими главами.

Такимъ образомъ работа, начатая, можетъ быть, не безъ задней мысли дать настоящій отвѣтъ на распространявшіяся въ извѣстной части нашего общества невѣрныя утвержденія, обратилась постепенно вслѣдствіе свойствъ автора, въ объективное изслѣдованіе условій крѣпостнаго быта по мѣстнымъ документамъ.

Послѣ окончанія этихъ двухъ главъ планъ сочиненія окончательно опредѣлился и большая часть работы была собственно говоря уже готова и даже напечатана въ отдѣльныхъ статьяхъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи. Оставалось собрать эти статьи, размѣстить сооображно плану и, связавъ между собою, освѣтить общими выводами. Повалишинъ сдѣлать этого не успѣлъ. Послѣд-

нею изъ статей, напечатанныхъ Повалишинымъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи, въ видѣ матеріала для изслѣдованія о Рязанскихъ помѣщикахъ и ихъ крѣпостныхъ, была статья подъ заглавіемъ: **„пожеланія дворянъ Пронскаго уѣзда въ 1857 году"**, помѣщенная въ Трудахъ Коммиссіи за 1894 годъ (II стр. 207). Но работа продолжалась. Можно даже сказать, что въ послѣдніе годы своей жизни, по мѣрѣ того, какъ болѣзнь, которою страдалъ Александръ Дмитріевичъ, усиливалась, а силы его слабѣли, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался на этой работѣ и все большее значеніе придавалъ ея окончанію.

Повалишинъ скончался въ іюлѣ 1899 года. Недѣли за полторы до его смерти я навѣстилъ его въ деревнѣ, уже по возвращеніи его изъ поѣздки заграницу. Онъ чувствовалъ себя какъ-будто и лучше, но сильно ослабѣвалъ. Когда мы остались съ нимъ наединѣ въ саду, онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: „Я чувствую, что я уже больше не работникъ. Вернуть прежнюю способность работать, конечно, думать нечего. Но что мнѣ хотѣлось бы: быть способнымъ работать на столько, чтобы кончить „Рязанскихъ помѣщиковъ".—„А много ли для этого Вамъ потребовалось бы времени?" полюбопытствовалъ я.—„Вотъ видите", сказалъ Повалишинъ, „первыя двѣ главы напечатаны. Третья глава, касающаяся уклоненій отъ нормальнаго порядка, написана и совершенно готова къ печати. Матеріала остается еще на двѣ главы. Одна изъ нихъ, скажемъ четвертая глава, еще не написана, но матеріалъ для нея весь собранъ и въ головѣ она совершенно готова. Мнѣ остается только перенести ее на бумагу. Если бы я могъ работать такъ, какъ работалъ прежде, то, принимая во вниманіе занятія по службѣ, мнѣ понадобилось бы отъ 3-хъ до 6-ти недѣль, чтобы приготовить къ печати и ее. Что касается послѣдней главы, въ которой пойдетъ рѣчь о реформѣ, то для нея и матеріалъ еще не весь собранъ. Надъ ней придется поработать побольше. Изложеніе ея тоже еще не вполнѣ сложилось въ моей головѣ. Но я знаю, гдѣ взять матеріалъ и какой онъ будетъ. Чтобы приготовить къ печати эту главу, въ здоровомъ состояніи мнѣ потребовалось поработать можетъ быть мѣсяцевъ до 6. Но теперь можно ли расчитать, когда это кончишь"!

Докончить работы Повалишину не довелось.

При разборѣ его бумагъ послѣ его смерти все такъ и оказалось, какъ говорилъ Александръ Дмитріевичъ. Весь относящійся до работы „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“ матеріалъ былъ найденъ собраннымъ и подобраннымъ приблизительно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ въ настоящее время предлагается вниманію читателей. Текстъ первыхъ двухъ главъ: „Цифровыя свѣдѣнія“ и „условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства“ лежалъ въ папкѣ въ печатныхъ экземплярахъ. Третья глава (въ настоящемъ изданіи IV) подъ заглавіемъ: „злоупотребленія помѣщичьею властью“ была набѣло переписана на ремингтонѣ и лежала совершенно готовою къ печати. Для четвертой главы, общее заглавіе которой должно было вѣроятно быть: „способы устраненія злоупотребленій помѣщичьею властью при крѣпостномъ правѣ“, матеріалъ лежалъ подобраннымъ въ отдѣльныхъ обложкахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) судебная и административная власть помѣщика, 2) законные способы для устраненія злоупотребленій помѣщичьею властью, 3) вольноотпущенные, 4) свободные хлѣбопашцы, 5) неповиновеніе крестьянъ помѣщичьей власти и крестьянскіе бунты, 6) личная расправа крестьянъ съ помѣщиками, 7) побѣги крѣпостныхъ, и 8) самоубійства крѣпостныхъ. Уже самое расположеніе матеріала по этимъ рубрикамъ указываетъ на вѣроятный ходъ разсужденія. Мѣстами печатный текстъ статей, помѣщенныхъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи, сокращенъ, мѣстами дополненъ новыми вставками. Иногда два и три случая, напечатанные въ „Трудахъ“ отдѣльно, слиты вмѣстѣ подъ одной рубрикой, а мѣстами текстъ прежнихъ статей разбитъ на составныя части и внесенъ въ разныя рубрики. Кое гдѣ введенъ даже соединительный текстъ. Но въ общемъ измѣненія не велики. Матеріалъ, который долженъ былъ войти въ составъ пятой главы, лежалъ въ обложкѣ, на которой было написано заглавіе: „на канунѣ реформы“ и состоялъ весь въ текстѣ статьи Повалишина: „участіе Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“, оставленномъ безъ всякихъ измѣненій, какъ онъ былъ напечатанъ въ Трудахъ Архивной Коммиссіи. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ листочкахъ, въ которыхъ были приведены ссылки на

разныя мѣста по большей части печатныхъ изданій, касающихся крестьянской реформы, статьи свода законовъ и т. п. цитаты.

Такъ какъ при изданіи не имѣлось въ виду вносить какія либо измѣненія въ текстѣ автора, то напечатанъ весь этотъ матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ найденъ. Сдѣлано лишь одно измѣненіе въ расположеніи матеріала; именно: статья подъ заглавіемъ: „судебная и административная помѣщика“ напечатана между 2-й и 3-й главой Повалишинскаго текста, между тѣмъ какъ въ бумагахъ Повалишина ея мѣсто было послѣ 3-й главы. Сдѣлано это потому, что въ такомъ расположеніи измѣненіе представляло больше послѣдовательности при невозможности ввести какой либо соединительный текстъ.

Такимъ образомъ получилось всего 12 главъ текста, изъ которыхъ I, II и III представляютъ подлинныя главы Повалишина, главы III и V—XI составляетъ отдѣльныя статьи, изъ которыхъ должна была составиться четвертая глава Повалишинскаго сочиненія, а XII глава есть только часть того текста, который долженъ былъ лечь въ основаніе пятой главы этого сочиненія. Не связанная съ другими, она стоитъ какъ бы совсѣмъ особнякомъ, и правильнѣе, можетъ быть, было-бы разсматривать ее, какъ совершенно особое сочиненіе.

Напечатанное въ такомъ видѣ, изслѣдованіе Повалишина представляется неоконченнымъ. Въ концѣ второй главы, правда, Повалишинъ дѣлаетъ выводъ, который можетъ дать итогъ къ разумѣнію основной мысли всего сочиненія. „И такъ, пишетъ онъ, нормальный порядокъ вещей при крѣпостномъ правѣ состоялъ въ томъ, что огромная часть населенія государства находилась въ положеніи, близкомъ къ рабству, служа исключительнымъ интересамъ другой, небольшой части населенія бѣднаго, малообразованнаго, лѣниваго, безпечнаго.—Для правильнаго роста государства такое положеніе могло продолжиться, оно требовало измѣненія, тѣмъ болѣе, что всѣ поводы къ измѣненію были выработаны уже самой жизнью, и состояли на лицо. Для осуществленія коренной реформы въ этомъ дѣлѣ нуженъ былъ человѣкъ, хорошо освѣдомленный объ истинномъ положеніи дѣла, искренно убѣжденный въ неизбѣжной необходимости реформы, имѣв-

шій власть сильную и неограниченную, чтобы осуществить ее, и помощниковъ, убѣжденныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ, чтобы привести задуманное имъ въ исполненіе. Какъ только явился такой человѣкъ въ образѣ Царя Освободителя,—крѣпостное право рушилось само собою, силою вещей, безъ какихъ либо потрясеній государственнаго организма. „Послѣ того, какъ авторъ показалъ бы въ двухъ послѣдующихъ главахъ своего изслѣдованія, каковы были на дѣлѣ злоупотребленія властью при крѣпостномъ правѣ и какъ не было возможности устранить эти злоупотребленія при существованіи крѣпостнаго права, онъ долженъ былъ въ послѣдней главѣ расказать, какъ была проведена на дѣлѣ самая реформа. При этомъ, что касается собственно участія въ реформѣ Рязанскаго дворянства, то на основаніи имѣвшагося у Повалишина матеріала, было бы нетрудно показать, чѣмъ оно было въ лицѣ своихъ представителей, которымъ оно довѣрило защиту своихъ интересовъ сперва въ Комитетѣ, а потомъ и въ Редакціонной Коммиссіи. Въ своихъ мнѣніяхъ и запискахъ, поданныхъ ими въ Редакціонную Коммиссію, Рязанскіе депутаты не цѣплялись за обломки крѣпостной власти, стараясь удержать хоть сколько нибудь отъ ускользавшей изъ подъ ногъ почвы, а старались обезпечить своему сословію возможно лучшее положеніе въ будущемъ гражданскомъ строѣ, при чемъ требованія и желанія шли далеко за предѣлъ того, что было дано въ дѣйствительности.

Таковъ могъ бы быть заключительный выводъ изъ того матеріала, который былъ собранъ и разработанъ въ трудѣ Повалишина.

Князь Никокай Волконскій.

I. ЦИФРОВЫЯ СВѢДѢНІЯ

а) О крѣпостномъ населеніи Рязанской губерніи *).

Движеніе крѣпостнаго мужскаго пола населенія въ Рязанской губерніи въ текущемъ столѣтіи можетъ быть выражено въ слѣдующей таблицѣ:

УѢЗДЫ.	5 рев. 1794 г.	6 рев. 1811 г.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	24529	26159	25099	28263	28107	25568
Егорьевскій	23946	38147	27896	32144	33637	31773
Зарайскій	31469	35905	32719	37652	34321	33208
Касимовскій. . . .	32757	39163	37537	43385	42885	44522
Михайловскій . . .	25405	26993	25532	30170	29476	29378
Пронскій.	26370	26295	25513	30013	29974	29702
Раненбургскій . . .	24122	27619 [1]	25760	33254	33945	33799
Ряжскій	23140	28587	27737	33779	34256	35820
Рязанскій	32056	38618	37085	44261	45158	45792
Сапожковскій . . .	23313	28092	27629	32918	33085	34572
Скопинскій	13197	14423	14424	16871	16788	16953
Спасскій	29444	34751	37292	33628	34348	34057
Итого . . .	309748	354752	344223	396338	395980	395144

¹) Окладной книги 6-й ревизіи по Раненбургскому уѣзду въ Рязанской Казенной Палатѣ нѣтъ, а потому число крѣпостныхъ опредѣлено приблизительно, на основаніи слѣдующихъ вычисленій. Общее число крѣпостныхъ по 5-й ревизіи въ 11 уѣздахъ, за исключеніемъ Раненбургскаго, будетъ 285626 душъ (309748—24122), а по 6-й ревизіи въ тѣхъ же 11 уѣздахъ 327133 души, такимъ образомъ, увеличеніе народонаселенія по губерніи, за исключеніемъ Раненбургскаго уѣзда, будетъ равно 41507 душъ, или 14,5%. Увеличивъ въ этомъ же процентѣ число душъ Раненбургскаго уѣзда по 5 ревизіи (24122), получимъ для 6-й ревизіи 27619 душъ.

*) Этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ Трудахъ Ряз. Арх. Комис. въ 1895 г., т. X. вып. 1-й, стр. I—29 подъ заглавіемъ: „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. *Ред.*

Изъ этой таблицы видно, что къ концу прошлаго столѣтія общее число мужскаго пола крѣпостныхъ людей въ Рязанской губерніи было немного болѣе 300 т., такъ, по 5-й ревизіи (1792 г.) ихъ значилось 309748. Въ началѣ же текущаго столѣтія это число значительно увеличилось, составляя по 6 ревизіи (1811 г.) 354752 души, т. е. болѣе на 45004 души, или 14,5%. Четыре года спустя, къ 7-й ревизіи (1815 г.) крѣпостное населеніе нѣсколько уменьшилось (на 2,09%), а затѣмъ чрезъ 18 лѣтъ, къ 8-й ревизіи (1833 г.), опять увеличилось на 52115 душъ, или на 15,14%, послѣ же сего, до самаго упраздненія крѣпостнаго права, оно не только не увеличилось, но даже немного уменьшилось. Такъ, по 8-й ревизіи было 396308 душъ, по 9-й ревизіи (1850 г.) 395980, а по 10-й ревизіи (1857 г.) 395144 души.

Движеніе крѣпостнаго населенія обусловливалось главнымъ образомъ слѣдующими причинами. Во первыхъ, пожалованіемъ, въ силу коего свободные люди дѣлались крѣпостными, чѣмъ увеличивалось число послѣднихъ: съ другой же стороны,—перечисленіемъ крѣпостныхъ въ другія сословія, путемъ отпуска ихъ на волю, путемъ рекрутства и т. п., чѣмъ число ихъ уменьшилось. Во вторыхъ, переселеніемъ крѣпостныхъ, какъ изъ предѣловъ Рязанской губерніи, такъ и въ ея предѣлы. Наконецъ, въ третьихъ, естественнымъ приростомъ, или убылью.

Пожалованіе населенныхъ имѣній съ 1801 года было прекращено повсемѣстно, но въ концѣ прошлаго столѣтія оно имѣло мѣсто и въ предѣлахъ Рязанской губерніи. Такъ, напр., въ 1797 году были пожалованы имѣнія въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ с. Бѣлоомутѣ, Дѣдиновѣ, Ловцахъ гг. Баскакову, Рославлеву, Похвисневу, Лосунскимъ, Измайлову, всего до 7436 душъ. Такимъ образомъ, на увеличеніе крѣпостнаго населенія въ періодъ 1794—1811 гг. нѣкоторое вліяніе могло имѣть и пожалованія. Но въ дальнѣйшемъ это вліяніе устраняется вслѣдствіе прекращенія пожалованія имѣній съ крѣпостными людьми.

Нѣкоторое вліяніе на уменьшеніе населенія долженъ былъ имѣть отпускъ крѣпостныхъ на волю. Но отпускъ этотъ былъ незначительный, такъ какъ требовалъ выкупа, а крестьяне могли его дать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Такъ, массовый отпускъ, на основаніи закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, представляется въ такомъ видѣ:—въ періодъ 1794—1811 гг. было отпущено 767 душъ, въ періодъ 1811—1815 гг.—1120 душъ,

въ періодъ 1815 — 1833 гг. — 5334 души, отъ 1833 — 1850 гг. — 5268 душъ, и, наконецъ, съ 1850—1857 гг.—1575 душъ, всего же 14064 души.

Отдача крѣпостныхъ крестьянъ въ рекруты также болѣе или менѣе вліяла на уменьшеніе числа крѣпостныхъ, такъ какъ послѣдствіемъ такой отдачи было исключеніе изъ крѣпостнаго состоянія, и, по отбытіи рекрутской повинности, зачисленіе въ другое сословіе.

Переселенія крестьянъ изъ Рязанской губерніи въ другія и обратно не могли быть особенно значительны, и, вѣроятно, взаимно уравновѣшивались, такъ какъ земли у крестьянъ было ограниченное количество, не допускавшее притока новыхъ лицъ, а съ другой стороны, населеніе не было такъ густо, чтобы дѣлать значительныя выселенія.

Такимъ образомъ, на движеніе крѣпостнаго населенія главнымъ образомъ вліяли причины естественныя, приростъ и убыль. Съ этой стороны мы видимъ, что крѣпостное населеніе до 1833 г. постоянно увеличивалось, а съ этихъ поръ ростъ его какъ бы пріостановился. Но причину сего, мнѣ думается, слѣдуетъ искать не въ томъ, что приростъ уменьшался, а въ томъ, что увеличивалась убыль и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе перечисленія изъ крѣпостнаго состоянія въ другія сословія.

Въ изслѣдованіи г. Тройницкаго (Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи, стр. 54—56), главною причиною уменьшенія крѣпостнаго населенія считается также перечисленіе части его въ другія сословія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ указываетъ и на другую причину, состоящую въ условіяхъ естественнаго приращенія, т. е. въ заключеніи браковъ, рождаемости и смертности, полагая, что они находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства. Это положеніе однако нельзя не признать произвольнымъ и ни на чемъ неоснованнымъ. Правда, условія жизни крѣпостнаго населенія были крайне неудовлетворительны, но откуда слѣдуетъ, что эти условія для другихъ сословій были лучше? Дѣйствительно, они пользовались сравнительно большею свободою, но въ сущности и они были крѣпостными, такъ какъ въ описываемое время весь строй государства покоился на крѣпостныхъ отношеніяхъ, свободныхъ людей совсѣмъ не было, все было чему нибудь крѣпко. Съ другой стороны, развѣ въ настоящее время

крестьяне, сдѣлавшись свободными болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, находятся въ лучшихъ условіяхъ жизни, чѣмъ прежде? Правда, они пользуются большею свободою, но въ матеріальномъ быту они не далеко ушли. И въ настоящее время крестьянинъ также много работаетъ, какъ работалъ въ крѣпостное право, и также мало получаетъ за эту работу,—его заработокъ далеко не покрываетъ всѣхъ его самыхъ необходимыхъ потребностей. Почему же за эти 30 лѣтъ приростъ не уменьшился?—Въ то время, когда г. Тройницкій писалъ свое изслѣдованіе, онъ могъ поставить положеніе, которое мы оспариваемъ, такъ какъ изъ этого положенія онъ дѣлаетъ такой выводъ:—одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе (книга издана въ 1861 г.) имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія и *необходимо и своевременно*. Такимъ образомъ, если выставленное положеніе приводилось для того, чтобы имѣть лишній доводъ въ защиту отмѣны крѣпостнаго права,—то противъ сего возражать нечего, хотя доводовъ этихъ и безъ того было слишкомъ много.

Но признавать вѣрность выставленнаго положенія въ настоящее время, когда крѣпостное право давно уже упразднено, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ положеніе это является совершенно гадательнымъ, и рѣшительно ничемъ неподкрѣпленнымъ.

Для опредѣленія того, какое существовало отношеніе между крѣпостнымъ и свободнымъ населеніемъ губерніи, или какъ великъ былъ *крѣпостной процентъ*, существуютъ данныя трехъ послѣднихъ ревизій. Процентъ этотъ былъ — для 8-й ревизіи—63, 45%, для 9-й—59, 28%, и для 10-й—55, 92%. И изъ этихъ данныхъ видно, что крѣпостное мужскаго пола населеніе сравнительно съ общимъ составомъ населенія съ 1833 года постоянно уменьшалось [1]).

Для опредѣленія соотношенія между крѣпостнымъ населеніемъ мужескаго и женскаго пола, существуютъ данныя двухъ ревизій, 9-й и 10-й.

---

[1]) Крѣпостной процентъ для 8-й и 9-й ревизій заимствованъ изъ сочиненія академика Кеппена, девятая ревизія, стр. 200, а для 10-й ревизіи—изъ соч. Тройницкаго, стр. 49, 82—86. У Тройницкаго показано 56,50%, ибо исчисленіе сдѣлано относительно населенія обоего пола.

Данныя эти представляются въ такомъ видѣ:

УѢЗДЫ.	9 рев. 1850 г. Мужск. население.	9 рев. 1850 г. Женск. население.	10 рев. 1857 г. Мужск. население.	10 рев. 1857 г. Женск. население.
Данковскій	28107	27605	25568	25833
Егорьевскій	33637	34783	31773	33206
Зарайскій	34321	34436	33208	34285
Касимовскій	42885	44298	44522	47022
Михайловскій	29476	28289	29378	28782
Пронскій	29974	30184	29702	30395
Раненбургскій	33945	33237	33799	33577
Ряжскій	34256	33859	35820	35825
Рязанскій	45158	45209	45792	46878
Сапожковскій	33085	33189	34572	34674
Скопинскій	16788	16429	16953	17069
Спасскій	34348	34599	34057	34936
Итого	395980	396117	395144	402492

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы оказывается, что по 9-й ревизіи число крѣпостныхъ того и другаго пола почти одинаково (395980 м. п. 396117 ж.), разница въ пользу женскаго пола будетъ 0,03%, т. е. на 10 т. м. 10003 ж. По 10-й же ревизіи это превышеніе болѣе значительно (395114 м. п. и 402492 ж.), и составляетъ 1,85%, т. е. на 1 т. м. 1018 ж. Такое отношеніе вполнѣ нормально и не представляетъ никакихъ особенностей.

О соотношеніи между крестьянами (поселянами) и дворовыми имѣются данныя—относительно мужскаго населенія трехъ послѣднихъ ревизій, а относительно женскаго населенія—двухъ послѣднихъ ревизій. Данныя эти представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Соотношеніе между крестьянами (поселянами) и дворовыми мужскаго пола:

УѢЗДЫ.	8 рев. 1833 г. крест.	8 рев. 1833 г. двор.	9 рев. 1850 г. крест.	9 рев. 1850 г. двор.	10 рев. 1857 г. крест.	10 рев. 1857 г. двор.
Данковскій	26093	2170	25793	2314	23452	2103
Егорьевскій	31187	957	32613	1024	30855	918
Зарайскій	33789	3863	31192	3129	29368	3148
Касимовскій	42102	1283	41974	911	43519	996
Михайловскій	27012	3158	26328	3148	25968	3409
Пронскій	26038	3975	25689	4285	24989	4705
Раненбургскій	31036	2218	31700	2245	31173	2602
Ряжскій	29869	3910	29995	4261	30854	4950
Рязанскій	39922	4339	41687	3471	41787	3951

УѢЗДЫ.	8 рев. 1833 г. крест.	двор.	9 рев. 1850 г. крест.	двор.	10 рев. 1857 г. крест.	двор.
Сапожковскій	31047	1871	30846	2239	31614	2957
Скопинскій	14329	2542	14880	1908	14470	2479
Спасскій	32232	1396	32816	1532	32410	1643
Итого	364656	31682	365513	30467	360459	34527

Въ процентахъ отношеніе это представляется въ такомъ видѣ:

	8-я рев.	9-я рев.	10 рев.
Поселяне	92%	92,3%	91,2%.
Дворовые	8%	7,7%	8,8%.

или иначе, по 8-й ревизіи дворовые составляли немного болѣе $^1/_{12}$ крѣпостныхъ, по 9 ревизіи число дворовыхъ уменьшилось, составляя $^1/_{13}$, а по 10-й ревизіи вновь увеличилось, давая уже немного болѣе $^1/_{11}$ части. Такъ какъ общее число крѣпостныхъ отъ 9-й къ 10-й ревизіи не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось, то увеличеніе числа дворовыхъ должно было совершиться на счетъ перечисленія поселянъ въ дворовые.

Тоже самое явленіе замѣчается и въ женскомъ населеніи, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

УѢЗДЫ.	9 рев. 1850 г. крест.	двор.	10 рев. 1858 г. крест.	двор.
Данковскій	25456	2149	23646	2187
Егорьевскій	33779	1004	32306	900
Зарайскій	31587	2849	30601	3684
Касимовскій	43405	893	45958	1064
Михайловскій	25503	2786	25534	3248
Пронскій	25888	4296	25527	4868
Раненбургскій	31112	2125	31164	2413
Ряжскій	29732	4127	30880	4945
Рязанскій	41942	3267	43126	3752
Сапожковскій	31003	2186	31748	2926
Скопинскій	14632	1797	14516	2553
Спасскій	33195	1404	33378	1558
Итого	367234	28883	368384	34098

Въ процентахъ соотношеніе это таково:

	9 рев.	10 рев.
Крестьяне	92,7%	91,5%.
Дворовые	7,3%	8,5%.

или, по 9-й ревизіи дворовые женскаго пола составляли около $^1/_{14}$ части, а по 10-й ревизіи около $^1/_{12}$, т. е. число ихъ увеличилось.

Значительное число дворовыхъ людей, не соответствовавшее средствамъ имѣнія, было большою обузою для помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ дворовыхъ всегда было не мало тунеядцевъ, а посему стремленіе помѣщиковъ къ уменьшенію дворовыхъ людей должно было представляться совершенно естественнымъ. Почему же число дворовыхъ не только не уменьшилось, но даже увеличилось къ 10-й ревизіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ г. Тройницкій (стр. 57—61), предполагая, что увеличеніе произошло вслѣдствіе приписки изъ поселянъ въ дворовые при послѣдней 10-й ревизіи, въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что при готовящейся крестьянской реформѣ дворовые будутъ выкуплены правительствомъ, или по крайней мѣрѣ помѣщики не будутъ обязаны давать имъ земельный надѣлъ. Послѣднее должно было вліять въ особенности въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, гдѣ земли мало и гдѣ она представляетъ значительную цѣнность.—Предложеніе это весьма вѣроятно, и находитъ себѣ подтвержденіе для Рязанской губерніи, во-первыхъ, въ томъ, что существуютъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, вслѣдствіе отобранія послѣдними отъ крестьянъ земли и перевода ихъ на мѣсячину; во-вторыхъ, въ томъ, что при разсмотрѣніи движенія дороваго населенія по уѣздамъ, мы видимъ, что число дворовыхъ немного увеличилось въ Касимовскомъ уѣздѣ и уменьшилось въ Егорьевскомъ, т. е. въ самыхъ плохихъ по качеству почвы уѣздахъ, во всѣхъ же остальныхъ уѣздахъ, гдѣ земля имѣетъ болѣе или менѣе значительную цѣнность,—оно дало крупное увеличеніе. Наконецъ, въ третьихъ, въ томъ, что какъ число помѣщичьихъ имѣній съ одними дворовыми людьми, такъ и число самихъ дворовыхъ, приписанныхъ къ этимъ имѣніямъ, отъ 9-й къ 10-й ревизіи увеличилось, какъ это и усматривается изъ слѣдующей таблицы:

УѢЗДЫ.	8 рев.		9 рев.		10 рев.	
	число имѣній	число дворов.	число имѣній	число дворов.	число имѣній	число дворов.
Данковскій . .	5	26	5	89	15	75
Егорьевскій . .	13	102	4	31	2	23
Зарайскій . . .	200	1187	139	858	135	905
Касимовскій . .	19	98	10	51	9	37
Михайловскій .	217	1034	147	581	144	641
Пронскій . . .	358	1706	296	1428	380	1722
Раненбургскій .	27	167	29	192	22	185

УѢЗДЫ.	8 рев. число имѣній	8 рев. число дворов.	9 рев. число имѣній	9 рев. число дворов.	10 рев. число имѣній	10 рев. число дворов.
Ряжскій . . .	250	1103	201	1010	174	995
Рязанскій . . .	193	989	185	971	157	1011
Сапожковскій .	80	363	76	365	117	565
Скопинскій . .	204	859	9	25	136	710
Спасскій . . .	4	7	9	20	6	17
Итого . .	1570	7641	1110	5571	1225	6886

Изъ данныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ, видно, что уменьшившееся отъ 8-й къ 9-й ревизіи число имѣній съ одними дворовыми, а равно и число дворовыхъ,—вновь увеличилось къ 10-й ревизіи; такъ, вмѣсто 1110 имѣній съ 5571 душ. дворовыхъ по 9-й ревизіи, оказалось 1225 имѣній съ 6886 дворовыхъ, 10-й ревизіи. Эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что увеличеніе числа дворовыхъ происходило на счетъ приписки ихъ изъ поселянъ.

Въ составѣ дворовыхъ людей различались дворовые, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ, и дворовые, приписанные къ городамъ. Число послѣднихъ, сравнительно съ общимъ числомъ дворовыхъ, было не велико. Такъ, по 5-й ревизіи 529 муж. п., по 6-й 796, по 7-й 709, по 10-й 158. Но такое дѣленіе, по припискѣ, не соотвѣтствовало тому, что одни дворовые употреблялись для услуги въ имѣніяхъ, а другіе—въ городахъ; не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ и другіе употреблялись въ услугу тамъ, гдѣ это требовалось, такъ что приписка здѣсь имѣетъ чисто формальное значеніе, а самое дѣленіе дворовыхъ лишено практическаго интереса.

Въ составѣ крестьянскаго населенія слѣдуетъ выдѣлять собственно поселянъ и фабричныхъ, а равно заводскихъ людей. Послѣдніе въ свою очередь подраздѣлялись на владѣльческихъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крѣпостныхъ людей, и поссессіонныхъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, но по упраздненіи ихъ перечисляемыхъ изъ крѣпостнаго въ другія свободныя состоянія.—Общее число фабричныхъ муж. п. было по 5-й ревизіи 3394, по 6-й 4530, по 7-й 4383, по 9-й 6555 и по 10-й 7049.

О поссесіонныхъ фабрикахъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Двѣ первыя фабрики игольныя основаны въ 1717 г., въ сс. Столпцахъ и Коленцахъ Пронскаго уѣзда. Во время 9-й ревизіи они

принадлежали г. Полторацкому и при нихъ состояло крестьянъ, приписанныхъ отъ казны, 374 муж. пола души и купленныхъ владѣльцемъ 680 душъ. Полотнянная фабрика въ с. Галдинѣ Михайловскаго уѣзда, основанная въ 1737 г., принадлежала г. Сѣкерину, число фабричныхъ муж. пола 364. Зеркальная фабрика г. Смольянинова, при с. Кирицахъ Спасскаго уѣзда, основанная въ 1750 г. имѣла крестьянъ, приписанныхъ отъ казны, 253 души и купленныхъ владѣльцемъ 195. Суконная фабрика въ с. Красномъ Егорьевскаго уѣзда, основанная въ 1761 г. и принадлежавшая г. Кознову, фабричныхъ 619. Суконная фабрика кн. Салтыкова, въ с. Федотьевѣ Спасскаго уѣзда, основана въ 1761 году, фабричныхъ 612. Полотнянная фабрика г. Офросимова въ с. Зеленевѣ Рязанскаго уѣзда основана въ 1762 г., число фабричныхъ 20. Суконная фабрика г-жи Толстой (урожд. Тулиновой), при дер. Горѣ и Васильковой Егорьевскаго уѣзда, основана въ 1769 году, число фабричныхъ 886. Наконецъ, Мининская стеклянная фабрика г. Ериной, въ Касимовскомъ уѣздѣ, основанная въ 1797 г., имѣла фабричныхъ 219 [1]).

б) О числѣ помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ имѣній.

Число помѣщиковъ не совпадаетъ съ числомъ принадлежавшихъ имъ имѣній, во первыхъ, потому, что нерѣдко владѣльцемъ одного и того же имѣнія было не одно лицо, а нѣсколько, а во вторыхъ, потому, что одно и тоже лицо имѣло довольно часто не одно имѣніе, а нѣсколько и не только въ одномъ уѣздѣ, а и во многихъ. Посему свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ и о самихъ помѣщикахъ приводятся мною раздѣльно.

Общее число помѣщичьихъ имѣній представляется въ слѣдующемъ видѣ:

УѢЗДЫ.	5 рев. 1794 г.	6 рев. 1811 г.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій . . .	425	441	454	366	319	292
Егорьевскій . . .	587	654	637	623	559	508
Зарайскій	893	995	954	851	667	619

[1]) Свѣдѣнія о фабричныхъ по 9-й рев., а равно и о поссессіонныхъ фабрикахъ заимствованы мною у Кеппена (стр. 286—291), а о фабричныхъ по 10-й рев., у г. Тройницкаго (стр. 47); всѣ же прочія цифровыя данныя, въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не сдѣлано указаній на источники, добыты мною самостоятельно, изъ окладныхъ книгъ Рязанской Казенной Палаты, составленныхъ на основаніи ревизскихъ сказокъ.

УѢЗДЫ.	5 рев. 1794 г.	6 рев. 1811 г.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Касимовскій . . .	570	678	678	627	544	556
Михайловскій . .	721	803	809	720	559	507
Пронскій	1072	1121	1072	1031	871	778
Раненбургскій . .	389	450 [1]	441	441	364	333
Ряжскій	669	890	914	818	661	574
Рязанскій	1043	1199	1196	1044	882	810
Сапожковскій . .	495	587	599	550	475	472
Скопинскій . . .	454	556	543	488	399	366
Спасскій	475	647	678	599	522	486
Итого. . .	7793	9021	8975	8158	6822	6301

При разсмотрѣніи этихъ данныхъ оказывается, что по 5-й ревизіи общее число помѣщичьихъ имѣній было 7793: принимая общее число крѣпостныхъ мужскаго пола къ тому времени 309748, получимъ въ среднемъ на одно имѣніе 39 душъ. Такъ какъ съ конца прошлаго столѣтія Рязанская губернія остается въ тѣхъ же предѣлахъ, что и нынѣ, а съ начала текущаго столѣтія пожалованіе имѣній прекращено,—то слѣдуетъ предположить, что дальнѣйшее увеличеніе числа помѣщичьихъ имѣній могло происходить только однимъ путемъ, именно,—путемъ дробленія имѣній, такъ какъ другой путь,—выселеніе прироста населенія на пустующія земли и образованіе такимъ образомъ новыхъ поселковъ,—едва ли могъ имѣть значительное развитіе, съ одной стороны, потому, что свободныхъ земель въ губерніи было немного, а съ другой, потому, что самый приростъ населенія съ 1833 года какъ бы пріостановился.—Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, благодаря такому дробленію имѣній, число ихъ по 6-й ревизіи достигло 9021, высшее число, которое когда либо было: но, хотя число имѣній значительно увеличилось, въ среднемъ на одно имѣніе опять приходилось 39 муж. п. душъ, потому что въ періодъ 1794—1811 г. былъ значительный приростъ населенія, именно: по 6-й ревизіи его значилось 354752 души. Послѣ 6-й ревизіи число помѣщичьихъ имѣній постоянно уменьшается, составляя въ 1815 г. 8975, въ 1833 г. 8158, въ 1850 г. 6822 и въ 1857 г. 6301. Вмѣстѣ

[1]) Окладныхъ книгъ по Раненбургскому уѣзду нѣтъ и число имѣній опредѣлено приблизительно, на основаніи того же расчета, какъ это сдѣлано выше, при опредѣленіи числа крѣпостныхъ.

съ уменьшеніемъ числа имѣній, въ среднемъ увеличивается число крѣпостныхъ на каждое имѣніе, именно: въ 1815 г. 38, въ 1833 г. 48, въ 1850 г. 58 и 1857 г. 62.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что въ началѣ текущаго столѣтія дробленіе дворянскихъ имѣній дошло до своего крайняго предѣла; далѣе оно не могло идти, ибо въ семъ случаѣ мелкія дворянскія имѣнія потеряли бы всѣ отличительныя свои свойства, т. е. существованіе на счетъ крѣпостнаго труда; дворянскія имѣнія пріобрѣли бы свойства имѣній крестьянскихъ, въ коихъ владѣлецъ можетъ существовать только при самой скромной крестьянской обстановкѣ, и притомъ участвуя непосредственно своимъ физическимъ трудомъ въ добываніи средствъ изъ принадлежащаго ему имѣнія.—Пріостановившееся такимъ образомъ дробленіе дворянскихъ имѣній указывало на то, что многіе изъ нихъ дошли до такого положенія, при которомъ прокормленіе дворянской семьи безъ другихъ постороннихъ источниковъ сдѣлалось невозможнымъ, отсюда слѣдуетъ сдѣлать преположеніе, что крайній предѣлъ дробленія имѣній долженъ былъ вызвать обратное движеніе, въ пользу сосредоточенія мелкихъ имѣній въ болѣе крупныя, или иначе сказать, ликвидацію мелкихъ имѣній со стороны ихъ собственниковъ. И дѣйствительно, нижеприводимыя цифры вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

УѢЗДЫ,	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	369	278	227	206
Егорьевскій . . .	563	529	460	412
Зарайскій	882	771	588	548
Касимовскій . . .	570	482	406	405
Михайловскій . . .	730	633	458	403
Пронскій	1012	956	794	700
Раненбургскій . .	371	340	254	214
Ряжскій	841	731	570	472
Рязанскій	1123	949	780	693
Сапожковскій . . .	534	461	377	371
Скопинскій	501	438	350	311
Спасскій	592	513	424	388
Итого . . .	8089	7081	5688	5123

Причисливъ къ мелкимъ имѣніямъ всѣ тѣ, въ коихъ было не свыше 100 душъ, изъ приведенной таблицы увидимъ, что число такихъ имѣній по ревизіи 1815 г. было 8089, что въ отношеніи общаго числа имѣній (8975) составляетъ 90%: по ревизіи 1833 г. число такихъ имѣній уменьшилось до 7081, что составляетъ въ отношеніи общаго числа имѣній (8158)—86,8%: далѣе, по ревизіи 1850 г. это число еще уменьшилось до 5688, что составляетъ уже отъ общаго числа имѣній (6822) 83,4%: наконецъ, по ревизіи 1857 г. послѣдовало новое уменьшеніе до 5123, что составляло только 81,3% общаго числа имѣній (6301). Отсюда нельзя не сдѣлать заключенія, что уменьшеніе дворянскихъ имѣній происходило на счетъ имѣній мелкихъ.

Тотъ же выводъ дѣлается еще болѣе нагляднымъ, при выдѣленіи изъ состава имѣній, отнесенныхъ въ группу мелкихъ, всѣхъ тѣхъ имѣній, въ коихъ не свыше 20 душъ. Дѣйствительно, взятая сейчасъ группа довольно крупна и разница между имѣніемъ въ 20 душъ и имѣніемъ во 100 душъ слишкомъ значительна. Установивъ же группу имѣній, въ коихъ было не свыше 20 душъ, будемъ имѣть тотъ именно разрядъ имѣній, которые назывались мелкопомѣстными [1]). Сдѣлавъ такое выдѣленіе, получимъ двѣ слѣдующія таблицы:

Число имѣній, въ коихъ не свыше 20 душъ.

УѢЗДЫ.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	253	134	88	67
Егорьевскій	336	238	167	127
Зарайскій	676	484	317	267
Касимовскій. . . .	363	261	173	149
Михайловскій . . .	556	418	266	217
Пронскій	833	732	568	458
Раненбургскій . . .	241	172	92	65
Ряжскій	710	530	360	270
Рязанскій	814	565	397	315
Сапожковскій . . .	456	328	235	215
Скопинскій	410	326	237	203
Спасскій	450	313	233	191
Итого .	6098	4501	3133	2544

[1]) По полож. 19 февраля 1861 г., мелкопомѣстными имѣніями считаются такія, въ коихъ числится по 10 й ревизіи не свыше 21 души.

Число имѣній, въ коихъ отъ 20—100 душъ.

Уѣзды.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	116	144	139	139
Егорьевскій	227	291	293	285
Зарайскій	207	287	271	281
Касимовскій. . . .	207	221	233	256
Михайловскій . . .	174	215	192	186
Пронскій.	179	224	226	242
Раненбургскій . . .	130	168	162	149
Ряжскій	131	201	210	202
Рязанскій	309	384	383	378
Сапожковскій . . .	78	133	142	156
Скопинскій	91	112	113	108
Спасскій	142	200	191	197
Итого .	1991	2580	2555	2579

Сравнивая двѣ группы имѣній,—тѣхъ, въ коихъ было не свыше 20 душъ, и тѣхъ, въ коихъ было отъ 20—100 душъ, и опредѣляя процентное отношеніе имѣній каждой группы къ общему числу имѣній, получимъ слѣдующее:

	7 рев.	8 рев.	9 рев.	10 рев.
Имѣнія не свыше 20 д. .	67,9%.	55,1%.	45,9%	40,4%.
Имѣнія отъ 20—100 д. .	22,1%.	31,7%.	37,5%	40,9%.

Этими цифрами не только подтверждается сдѣланный выводъ объ уменьшеніи числа имѣній на счетъ имѣній мелкихъ, но устанавливается еще другой, именно, что уменьшеніе происходило на счетъ имѣній мелкопомѣстныхъ, имѣвшихъ не свыше 20 душъ, и въ пользу имѣній, имѣвшихъ отъ 20—100 душъ.

Продолжая дальнѣйшее выясненіе вопроса о томъ, въ пользу какихъ имѣній происходило сосредоточеніе раздробленныхъ мелкихъ дворянскихъ имѣній, предпошлемъ слѣдующую таблицу.

Число имѣній, въ коихъ отъ 100—500 душъ:

Уѣзды.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	84	86	90	84
Егорьевскій	74	94	99	96
Зарайскій	66	75	75	67
Касимовскій. . . .	104	141	133	148
Михайловскій . . .	78	86	100	103

УѢЗДЫ.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Пронскій.	60	73	76	76
Раненбургскій . . .	65	95	103	113
Ряжскій	67	80	84	96
Рязанскій	68	89	96	109
Сапожковскій . . .	50	78	89	91
Скопинскій	42	50	49	54
Спасскій	78	79	93	93
Итого . .	836	1026	1087	1130

Изъ этой таблицы усматривается, что имѣній съ населеніемъ въ 100—500 душъ по 7-й ревизіи было 836. что составляетъ 9,3% общаго числа ихъ (8975), по 8-й ревизіи такихъ имѣній было уже 1026, или 12,5% общаго числа имѣній (8158), по 9-й ревизіи ихъ насчитывалось уже 1087, или 15,9% общаго числа имѣній (6822) и, наконецъ, по 10-й ревизіи—1130, что составитъ 17,9% общаго числа имѣній (6301). Эти данныя позволяютъ заключить, что сосредоточеніе мелкихъ дворянскихъ имѣній происходило также въ пользу имѣній, съ населеніемъ отъ 100—500 душъ.

Имѣнія свыше 500 душъ можно считать крупнопомѣстными. Число этихъ имѣній представляется въ такомъ видѣ:

УѢЗДЫ.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	1	2	2	2
Егорьевскій	—	—	—	—
Зарайскій	5	5	4	4
Касимовскій . . .	4	4	5	3
Михайловскій . . .	1	1	1	1
Пронскій	—	2	1	2
Раненбургскій . . .	5	6	7	6
Ряжскій	6	7	7	6
Рязанскій	5	6	6	8
Сапожковскій . . .	15	11	9	10
Скопинскій	—	—	—	1
Спасскій	8	7	5	5
Итого . .	50	51	47	48

Отсюда видно, что съ 7-ой ревизіи безъотносительное число этихъ имѣній остается почти тоже, и только по сравненію съ

общимъ числомъ имѣній, которое постепенно убываетъ, здѣсь замѣчается нѣкоторое увеличеніе, именно—0,55%, 0,62%, 0,68% и 0,76%. Тоже самое увидимъ, разложивъ эту группу на двѣ:—первую, въ коей будетъ имѣніе съ количествомъ душъ отъ 500—1000, и вторую, съ имѣніями свыше 1000 душъ.

Число имѣній, въ коихъ 500—1000 душъ.

УѢЗДЫ:	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	1	2	2	2
Егорьевскій	—	—	—	—
Зарайскій	1	1	2	2
Касимовскій . . .	3	3	4	2
Михайловскій . . .	1	1	1	1
Пронскій	—	2	1	2
Раненбургскій . . .	5	5	6	5
Ряжскій	5	5	6	5
Рязанскій	5	6	6	8
Сапожковскій . . .	13	9	7	7
Скопинскій	—	—	—	1
Спасскій	6	6	4	3
Итого . .	40	40	39	38

Число имѣній, въ коихъ свыше 1000 душъ.

УѢЗДЫ.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	—	—	—	—
Егорьевскій	—	—	—	—
Зарайскій	4	4	2	2
Касимовскій . . .	1	1	1	1
Михайловскій . . .	—	—	—	—
Пронскій	—	—	—	—
Раненбургскій . . .	—	1	1	1
Ряжскій	1	2	1	1
Рязанскій	—	—	—	—
Сапожковскій . . .	2	2	2	3
Скопинскій	—	—	—	—
Спасскій	2	1	1	2
Итого . .	10	11	8	10

Въ первой группѣ общее число имѣній таково:—по 7-ой ревизіи 40, по 8-й—40, по 9-й—39 и по 10-й—38; а во второй группѣ—10, 11, 8, 10. Относительное же увеличеніе къ общему числу имѣній выражается въ такомъ видѣ:—въ первой группѣ 0,44%, 0,48%, 0,57% и 0,60%, а во второй—0,11%, 0,14%, 0,11% и 0,16%.

УѢЗДЫ.	8 рев. число имѣній	8 рев. число дворов.	9 рев. число имѣній	9 рев. число дворов.	10 рев. число имѣній	10 рев. число дворов.
Ряжскій . . .	250	1103	201	1010	174	995
Рязанскій . . .	193	989	185	971	157	1011
Сапожковскій .	80	363	76	365	117	565
Скопинскій . .	204	859	9	25	136	710
Спасскій . . .	4	7	9	20	6	17
Итого . .	1570	7641	1110	5571	1225	6886

Изъ данныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ, видно, что уменьшившееся отъ 8-й къ 9-й ревизіи число имѣній съ одними дворовыми, а равно и число дворовыхъ,—вновь увеличилось къ 10-й ревизіи; такъ, вмѣсто 1110 имѣній съ 5571 душ. дворовыхъ по 9-й ревизіи, оказалось 1225 имѣній съ 6886 дворовыхъ, 10-й ревизіи. Эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что увеличеніе числа дворовыхъ происходило на счетъ приписки ихъ изъ поселянъ.

Въ составѣ дворовыхъ людей различались дворовые, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ, и дворовые, приписанные къ городамъ. Число послѣднихъ, сравнительно съ общимъ числомъ дворовыхъ, было не велико. Такъ, по 5-й ревизіи 529 муж. п., по 6-й 796, по 7-й 709, по 10-й 158. Но такое дѣленіе, по припискѣ, не соотвѣтствовало тому, что одни дворовые употреблялись для услуги въ имѣніяхъ, а другіе—въ городахъ; не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ и другіе употреблялись въ услугу тамъ, гдѣ это требовалось, такъ что приписка здѣсь имѣетъ чисто формальное значеніе, а самое дѣленіе дворовыхъ лишено практическаго интереса.

Въ составѣ крестьянскаго населенія слѣдуетъ выдѣлять собственно поселянъ и фабричныхъ, а равно заводскихъ людей. Послѣдніе въ свою очередь подраздѣлялись на владѣльческихъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крѣпостныхъ людей, и поссессіонныхъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, но по упраздненіи ихъ перечисляемыхъ изъ крѣпостнаго въ другія свободныя состоянія.—Общее число фабричныхъ муж. п. было по 5-й ревизіи 3394, по 6-й 4530, по 7-й 4383, по 9-й 6555 и по 10-й 7049.

О поссесіонныхъ фабрикахъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Двѣ первыя фабрики игольныя основаны въ 1717 г., въ сс. Столпцахъ и Коленцахъ Пронскаго уѣзда. Во время 9-й ревизіи они

принадлежали г. Полторацкому и при нихъ состояло крестьянъ, приписанныхъ отъ казны,. 374 муж. пола души и купленныхъ владѣльцемъ 680 душъ. Полотняная фабрика въ с. Галдинѣ Михайловскаго уѣзда, основанная въ 1737 г., принадлежала г. Сѣкерину, число фабричныхъ муж. пола 364. Зеркальная фабрика г. Смольянинова, при с. Кирицахъ Спасскаго уѣзда, основанная въ 1750 г. имѣла крестьянъ, приписанныхъ отъ казны, 253 души и купленныхъ владѣльцемъ 195. Суконная фабрика въ с. Красномъ Егорьевскаго уѣзда, основанная въ 1761 г. и принадлежавшая г. Кознову, фабричныхъ 619. Суконная фабрика кн. Салтыкова, въ с. Федотьевѣ Спасскаго уѣзда, основана въ 1761 году, фабричныхъ 612. Полотнянная фабрика г. Офросимова въ с. Зеленевѣ Рязанскаго уѣзда основана въ 1762 г., число фабричныхъ 20. Суконная фабрика г-жи Толстой (урожд. Тулиновой), при дер. Горѣ и Васильковой Егорьевскаго уѣзда, основана въ 1769 году, число фабричныхъ 886. Наконецъ, Мининская стеклянная фабрика г. Ериной, въ Касимовскомъ уѣздѣ, основанная въ 1797 г., имѣла фабричныхъ 219 [1]).

б) О числѣ помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ имѣній.

Число помѣщиковъ не совпадаетъ съ числомъ принадлежавшихъ имъ имѣній, во первыхъ, потому, что нерѣдко владѣльцемъ одного и того же имѣнія было не одно лицо, а нѣсколько, а во вторыхъ, потому, что одно и тоже лицо имѣло довольно часто не одно имѣніе, а нѣсколько и не только въ одномъ уѣздѣ, а и во многихъ. Посему свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ и о самихъ помѣщикахъ приводятся мною раздѣльно.

Общее число помѣщичьихъ имѣній представляется въ слѣдующемъ видѣ:

УѢЗДЫ.	5 рев. 1794 г.	6 рев. 1811 г.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій . . .	425	441	454	366	319	292
Егорьевскій . . .	587	654	637	623	559	508
Зарайскій	893	995	954	851	667	619

[1]) Свѣдѣнія о фабричныхъ по 9-й рев., а равно и о поссессіонныхъ фабрикахъ заимствованы мною у Кеппена (стр. 286—291), а о фабричныхъ по 10-й рев., у г. Тройницкаго (стр. 47); всѣ же прочія цифровыя данныя, въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не сдѣлано указаній на источники, добыты мною самостоятельно, изъ окладныхъ книгъ Рязанской Казенной Палаты, составленныхъ на основаніи ревизскихъ сказокъ.

Число крѣпостныхъ здѣсь также постоянно увеличивается, составляя по 7-й ревизіи 44% общаго числа крѣпостныхъ, по 8-й ревизіи 48,6%, по 9-й ревизіи 51,4% и по 10-й ревизіи 52,7%. Въ тоже время, и среднее число крѣпостныхъ на одно имѣніе не уменьшается, составляя 179, 187, 184. Слѣдовательно, и здѣсь число крѣпостныхъ увеличивалось за счетъ мелкопомѣстныхъ имѣній.

Въ имѣніяхъ, въ коихъ отъ 500—1000 душъ, число крѣпостныхъ остается почти безъ измѣненія, даже нѣсколько уменьшается, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы.

Число крѣпостныхъ въ имѣніяхъ, въ коихъ отъ 500—1000 душъ.

УѢЗДЫ	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	513	1059	1093	1130
Егорьевскій	—	—	—	—
Зарайскій	562	34	1352	1157
Касимовскій	1951	2043	2449	1084
Михайловскій	611	651	733	718
Пронскій	—	1319	682	1256
Раненбургскій	3087	3519	4028	3629
Ряжскій	3055	3065	3913	3443
Рязанскій	3277	4518	4795	5510
Сапожковскій	8117	5935	4309	4113
Скопинскій	—	—	—	508
Спасскій	4479	4348	3290	217
Итого	25652	26991	26644	24660

Здѣсь процентъ крѣпостныхъ, въ отношеніи общаго числа ихъ, составляетъ—7,6%, 6,8%, 6,7% и 6,2%. Но такъ какъ число имѣній этой группы также остается почти безъ измѣненія, то и среднее число крѣпостныхъ на одно имѣніе мало подвержено перемѣнамъ, именно—641, 675, 683, 649.

Наконецъ, въ имѣніяхъ, въ коихъ свыше 1000 душъ, число крѣпостныхъ также уменьшается, составляя отъ общаго числа крѣпостныхъ—5,5%, 4,5%, 3,3% и 4,1%. За такимъ уменьшеніемъ, при незначительно измѣняющемся общемъ числѣ этихъ имѣній, уменьшается и среднее число крѣпостныхъ на каждое изъ нихъ, именно—1838, 1572, 1587 и 1486.

Число крѣпостныхъ въ имѣніяхъ, въ коихъ отъ 1000 душъ.

Уѣзды.	7 рев. 1815 г.	8 рев. 1833 г.	9 рев. 1850 г.	10 рев. 1857 г.
Данковскій	—	—	—	—
Егорьевскій	—	—	—	—
Зарайскій	6815	8286	5149	5186
Касимовскій . . .	1360	1208	1230	1226
Михайловскій . . .	—	—	—	—
Пронскій	—	—	—	—
Раненбургскій . . .	—	1089	1215	1295
Ряжскій	1178	2479	1384	1546
Рязанскій	—	—	—	—
Сапожковскій . . .	2684	2899	2212	3049
Скопинскій	—	—	—	—
Спасскій	6346	1321	1511	2563
Итого . .	18383	17282	12701	14865

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ цифровыхъ свѣдѣній, можно сдѣлать тотъ выводъ, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа имѣній, совершавшимся за счетъ имѣній мелкопомѣстныхъ, въ пользу имѣній, въ коихъ отъ 20 до 500 душъ,—уменьшается и число крѣпостныхъ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, въ пользу имѣній, въ коихъ отъ 20 до 500 душъ, т. е. имѣній среднепомѣстныхъ.

Изъ приведенныхъ выше цифровыхъ свѣдѣній также видно, что громадное большинство имѣній Рязанской губерніи принадлежало къ числу имѣній мелкихъ и среднихъ, число же крупныхъ имѣній было незначительно, на столько, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ не было ни одного имѣнія свыше 1000 душъ, таковы уѣзды: Данковскій, Егорьевскій, Михайловскій, Пронскій, Рязанскій и Скопинскій. Самыя крупныя имѣнія въ этихъ уѣздахъ были: въ Данковскомъ уѣздѣ по 7-й ревизіи с. Мураевня, съ 513 душъ, принадлежавшее Елизаветѣ Сергѣевнѣ Текутьевой. По 10-й ревизіи, Муревня значилась за кн. Екатериною Алекс. Долгоруковою, съ 260 душ.—Въ Егорьевскомъ уѣздѣ с. Малива по 7-й ревизіи съ 390 душ., принадлежавшее поручику кн. Ник. Ник. Черкаскому. Въ Михайловскомъ уѣздѣ по 7-й ревизіи село Малинки, съ 611 душ., принадлежало кн. Екат. Алекс. Волконской. По 10-й ревизіи село это, съ другими деревнями, имѣло 2073 душ. и числилось за кн. Григор. Петр. Волконскимъ. Въ Пронскомъ уѣздѣ по 7-й ревизіи с. Старожилово съ 463 душ.,

принадлежавшее тайн. совѣт. Праск. Вас. Муравьевой-Апостолъ. Это село по 10-й рев., съ другими 5-ю селеніями, имѣло 954 душ. и числилось за кн. Ольлою Алекс. Орловой. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, по 7-й рев., с. Троицкое, Мурмино тожъ, съ 772 душ., принадлежало полковнику Серг. и чиновнику 6 класса Аполлону Ивановымъ Толбухинымъ. Наконецъ, въ Скопинскомъ уѣздѣ, по 7-й рев., с. Федоровское, Курбатово тожъ, съ 353 душ., принадлежало гвардіи капитанъ-поручику, Сергѣю Васильевичу Толстому. Село это, по 10-й рев., съ деревнею Сергіевкою и Андреевкою, имѣло 774 душ., а владѣльцемъ его былъ Арк. Кочубей.

Въ остальныхъ шести уѣздахъ были имѣнія свыше 1000 душъ. Такъ въ Зарайскомъ, по 7-й рев. значится с. Дѣдиново, съ 2631 душ.; село это принадлежало ген.-лейтен. Льву Дмитр. Измайлову; по 8-й рев. въ немъ было 3042 душ.; по 9-й рев. оно значится за гр. Алексан. Дмитр. Толстымъ съ 3069 душ., а по 10-й рев. за гр. Мих. Дмитр. Толстымъ съ 3033 душ. Село Верхній Бѣлоомутъ принадлежало Николаю Платоновичу Огареву; по 8-й рев. въ немъ было 1866 душ. Крестьяне этого села въ 1846 г. отпущены Огаревымъ на волю и перечислены въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Село Нижній Бѣлоомутъ по 8-й рев. значилось за Алекс. Мих. Похвисневымъ съ 2117 душ., а по 9-й рев. съ 2080 д. за Мих. Григор. Хомутовымъ; по 10-й рев. въ немъ было 2141 душ. Село Ловцы по 8-й рев. принадлежало Ник. Алексѣев. Теплову и имѣло 1261 душ. Многіе крестьяне этого села были отпущены на волю, такъ что по 9-й рев. у Теплова значилось уже въ с. Ловцахъ съ двумя деревнями 600 душъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ с. Ерахтуръ, принадлежавшее тайн. совѣт. дѣйст. камергеру и кавалеру Николаю Никитичу Демидову. По 7-й рев. въ немъ значилось 1360 душ. По 8-й рев. это село съ 1208 душ. числилось за его наслѣдниками, а по 9-й рев. съ 1230 душ. за Анатоліемъ Николаевичемъ Демидовымъ. По 10-й рев. въ немъ было 1225 душъ. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ, по 6-й рев. значилось село Богородицкое съ 1089 д. за кн. Анною Петровною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою. По 9-й рев. въ немъ было 1215 душ. Въ Ряжскомъ уѣздѣ, по 7-й рев. с. Пустотинѣ съ 1178 душ. принадлежало дѣйств. тайн. совѣт., дѣйств. камергеру и кавалер. гр. Григорію Ивановичу Чернышеву; по 8-й рев. въ немъ было 1340 душ., а по 10-й рев. это село съ деревнями съ 923 д. принадлежало Аннѣ Владиміровнѣ Кисловской. Село Большое Ухолово, по 8-й рев. съ 1139 душ. значилось за Алексѣемъ

Александр. Лопухинымъ; по 9-й рев. въ немъ было 1384 д. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ с. Меньшіе Можары по 7-й рев., съ 1360 д., принадлежало дѣтямъ умершаго гр. Петра Андреевича Шувалова—Андрею, Григорію, Елизаветѣ и Анастасіи. По 8-й рев. въ немъ было 1609 д. и оно числилось за Андр. и Григор. Петровичами Шуваловыми. Село Чучково съ 1290 душ., по 8-й рев. принадлежало кн. Николаю Сергѣевичу Меньшикову, по 9-й рев. въ немъ числилось 1021 душ., а по 10 рев. въ с. Чучковѣ съ деревнями 1261 душ. Село Сапчаково, по 9-й рев. имѣло 1191 д. и принадлежало гр. Андрею Петровичу Шувалову. Въ Спасскомъ уѣздѣ, с. Ижевское, по 7-й рев. съ 5166 душ. значилось за дѣйст. стат. сов. Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ. Крестьяне этого села въ 1832 г. отпущены въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Село Михайловское, Инякино тожъ, по 8-й рев. имѣло 1321 д. и принадлежало Дмитрію Сергѣевичу Олсуфьеву; по 9-й рев. въ немъ было 1511 д., а по 10-й рев. 1536 душ. Село Сасыкино по 10-й рев. имѣло 1122 душ. и принадлежало Елизаветѣ Дмитріевнѣ Шредеръ.

Такимъ образомъ, самое большое имѣніе съ крѣпостными людьми въ Рязанской губ. было с. Ижевское, Спасскаго уѣзда, а за отпускомъ крестьянъ этого села на волю,—с. Дѣдиново, Зарайскаго уѣзда.

Число помѣщиковъ.

Выше объяснена причина, почему число помѣщичьихъ имѣній не совпадаетъ съ числомъ помѣщиковъ. Свести данныя о помѣщикахъ представляетъ задачу довольно трудную и сложную, необходимо всѣ свѣдѣнія о нихъ разнести на карточки, и затѣмъ сдѣлать сводку сначала по каждому уѣзду отдѣльно, а затѣмъ по всей губерніи. Работа эта сдѣлана мною только для одной 7-й ревизіи, и дала слѣдующіе результаты.

Общее число помѣщиковъ, по 7-й ревизіи имѣвшихъ:

УѢЗДЫ.	до 20 д.	отъ 20—100 д.	отъ 100—500 д.	отъ 500—1000 д.	свыше 1000 д.	Итого.
Данковскій	225	78	64	6	1	374
Егорьевскій . . .	249	80	63	10	—	402
Зарайскій	563	130	60	5	4	762
Касимовскій . . .	280	67	55	7	7	416
Михайловскій . . .	462	117	67	5	1	652
Пронскій	730	116	45	6	1	898

УѢЗДЫ.	до 20 д.	отъ 20—100 д.	отъ 100—500 д.	отъ 500—1000 д.	свыше 1000 д.	Итого.
Раненбургскій. . .	222	92	63	8	1	386
Ряжскій.	647	102	54	8	1	812
Рязанскій	647	158	62	9	4	880
Сапожковскій. . .	408	52	30	8	7	505
Скопинскій. . . .	381	61	41	1	—	484
Спасскій	382	95	68	11	2	558
По губерніи. .	4777	940	642	72	40	6471

Изъ этихъ данныхъ видно, что число помѣщиковъ значительно менѣе числа помѣщичьихъ имѣній, именно: 6471 помѣщику принадлежало 8975 имѣній, или на 100 помѣщиковъ приходилось 138 имѣній. Какимъ образомъ между этими помѣщиками распредѣлялись крѣпостные крестьяне, видно изъ прилагаемой таблицы, при составленіи коей въ счетъ общаго числа крестьянъ, бывшихъ въ имѣніяхъ, не введены крестьяне, приписанные къ городамъ, фабричные и заводскіе, всего 5092 души.

Общее число крестьянъ, у помѣщиковъ, по 7-й ревизіи, имѣвшихъ:

УѢЗДЫ.	до 20 д.	отъ 20—100 д.	отъ 100—500 д.	отъ 500—1000 д.	свыше 1000 д.	Итого.
Данковскій. . . .	2246	3518	14524	3693	1083	25064
Егорьевскій . . .	3140	3602	12608	7166	—	26516
Зарайскій	5381	5505	12023	2881	6882	32672
Касимовскій . . .	3043	3148	13575	4915	12805	37486
Михайловскій. . .	3603	5301	12078	2991	1454	25427
Пронскій	5628	4738	8381	4014	1541	24302
Раненбургскій . .	2403	4821	12387	5064	1035	25710
Ряжскій.	5323	4447	11267	5156	1178	27371
Рязанскій	5539	7658	11742	5940	5752	36631
Сапожковскій. . .	3933	2396	6345	5761	9158	27593
Скопинскій. . . .	2599	3370	7831	604	—	14404
Спасскій	3480	4240	14441	7381	6413	35955
Итого. . . .	43347	41324	133550	47927	72988	339131

При разсмотрѣніи этихъ цифровыхъ свѣдѣній оказывается, что число помѣщиковъ, имѣвшихъ свыше 1000 душъ, составляло 0,61% общаго числа, а число помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500—1000 душъ, 1,11%, обѣ же эти группы, будучи соединены въ одну, даютъ 1,72%, т. е. число крупныхъ помѣщиковъ не составляло и двухъ сотыхъ общаго числа помѣщиковъ. Съ другой сто-

роны, число крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ первой группы, составляло 21,52% общаго числа крестьянъ, а второй группы—14,13%. Обѣ же группы помѣщиковъ владѣли 35,65% общаго числа крестьянъ, или иначе, болѣе чѣмъ одною третью.— Слѣдовательно, двѣ сотыя части помѣщиковъ владѣли одною третьею частью крѣпостныхъ крестьянъ; на долю же остальныхъ 98 сотыхъ причиталось лишь двѣ трети крѣпостныхъ.

Въ текущемъ столѣтіи наиболѣе крупными помѣщиками въ губерніи были слѣдующія лица: *Демидовъ*, Иванъ Ивановичъ, за коимъ значилось по 7-й рев. въ Спасскомъ уѣздѣ, с. Ижевское, съ деревнями, всего 5166 д. Крестьяне эти отпущены на волю. *Баташовъ*, Андрей Андреевичъ, имѣвшій по 7-й рев. въ уѣздахъ Касимовскомъ, Егорьевскомъ и Рязанскомъ 4907 д., а по 8-й рев. за Иваномъ Андреевичемъ значилось уже 5433 душ., по 9-й рев. имѣнія записаны за наслѣдниками послѣдняго, всего 3149 д. *Князь Волконскій*, Петръ Михайловичъ, по 9-й рев. имѣлъ въ Михайловскомъ уѣздѣ 4085 д., а по 10-й рев. значится за Григоріемъ Петровичемъ, въ уѣздахъ Касимовскомъ, Михайловскомъ и Рязанскомъ, всего 4171 д. *Барыковъ*, Иванъ Федоровичъ, по 7-й рев. имѣлъ въ девяти уѣздахъ, 2981 д., а съ 8-й ревизіи имѣнія значатся за Иваномъ Ивановичемъ; по 8-й рев. было 3727 д. *Колеминъ*, Александръ Ивановичъ, по 9-й рев. имѣлъ въ уѣздахъ Спасскомъ и Касимовскомъ 3016 д., а по 10-й рев. 3675 д. *Кошелевъ*, Александръ Ивановичъ, по 9-й рев. имѣлъ въ уѣздахъ Ряжскомъ и Сапожковскомъ 1632 д., да за женою его Ольгою Федоровною значилось 2230 д., всего же 3862 д. *Полтарацкая*, Анна Петровна, по 7-й рев. имѣла въ уѣздахъ Пронскомъ, Ряжскомъ, Касимовскомъ и Рязанскомъ 3391 д., а по 8-й рев. 4191 душ.; по 9-й же ревизіи имѣнія ея въ 3228 душ. значатся за Сергѣемъ Дмитріевичемъ. *Измайловъ*, Левъ Дмитріевичъ, по 7-й рев. имѣлъ въ уѣздахъ Михайловскомъ и Зарайскомъ 3499 д., а по 8-й рев. 4423; по 9-й рев. имѣнія съ 3799 д. значатся за гр. Александромъ Дмитріевичемъ Толстымъ, а по 10-й рев. съ 3033 д. за гр. Михаиломъ Дмитріевичемъ Толстымъ.

Помѣщики, имѣвшіе отъ 100—500 душъ составляли 9,92% общаго числа ихъ и владѣли 39,38% общаго числа крѣпостныхъ, а помѣщики, имѣвшіе отъ 20—100 душъ, составляли 14,52% и владѣли 12,18% общаго числа крѣпостныхъ. Обѣ же группы помѣщиковъ составляли 24,44% и владѣли 51,56% крѣпостныхъ.

Или иначе: на долю одной четвертой части этой группы среднихъ помѣщиковъ приходилась половина общаго числа крѣпостныхъ.

Итакъ, крупные помѣщики вмѣстѣ съ средними составляли 26,16% общаго числа помѣщиковъ, или немного болѣе одной четвертой части ихъ, и владѣли 87,21% крѣпостныхъ, или болѣе шести седьмыхъ общаго числа крѣпостныхъ.

Слѣдовательно, на долю мелкихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ не свыше 20 душъ, каковые помѣщики составляли немного менѣе трехъ четвертей общаго числа (73,84%) приходилась лишь одна седьмая общаго числа крѣпостныхъ (12,79%).

Таково было положеніе въ 1815 г. Въ дальнѣйшемъ ходѣ вновь замѣчается уменьшеніе числа мелкихъ помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ среднихъ и крупныхъ. Для сравненія того положенія, въ которомъ было это дѣло въ 1815 г., съ тѣмъ, какимъ оно стало 40 лѣтъ спустя, приводимъ цифровыя свѣдѣнія по сему предмету, заимствованныя у г. Тройницкаго и относящіяся къ 1857 году *).

Помѣщики, имѣвшие	Положеніе въ 1815 г.				Положеніе въ 1857 г.			
	Число помѣщ.	%	Число крѣп.	%	Число помѣщ.	%	Число крѣп.	%
до 20 душъ. . . .	4777	73,84	43347	12,79	2736	50	14900	3,77
отъ 20—100 душъ .	940	14,52	41324	12,18	1655	30	67311	17,07
„ 100—500 душъ .	642	9,92	133550	39,38	930	17	159423	40,43
„ 500—1000 душъ	72	1,11	47927	14,13	113	2	66351	16,83
свыше 1000 душъ .	40	0,61	72983	21,52	56	1	66233	21,90
Итого . . .	6471	100	339131	100	5490	100	394268	100

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что общее число помѣщиковъ значительно уменьшилось, и это уменьшеніе произошло на счетъ помѣщиковъ мелкихъ въ пользу помѣщиковъ среднихъ и крупныхъ, такъ, къ 1857 году число мелкихъ помѣщиковъ составляло только половину общаго числа ихъ. Съ другой стороны, хотя число крестьянъ въ 1857 году сравнительно съ 1815 г. было значительно болѣе, но мелкимъ помѣщикамъ принадлежало ихъ значительно менѣе, именно: около четырехъ сотыхъ общаго числа крѣпостныхъ.

Выше было указано, что дошедшее до крайнихъ предѣловъ дробленіе дворянскихъ имѣній должно было вызвать обратное

*) *Тройницкій.* О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, стр. 8.

явленіе, именно,—сосредоточеніе ихъ. Точно тоже относится и до самихъ помѣщиковъ—постепенное уменьшеніе средствъ, добываемыхъ изъ имѣнія, должно было вызвать или стремленіе добывать эти средства другимъ путемъ, или обращеніе помѣщиковъ—землевладѣльцевъ въ помѣщиковъ—земледѣльцевъ. Подтвержденіе сему находимъ въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ позднѣе, именно въ 1857 г., по распоряженію Мин. Внутр. Дѣлъ, губернаторами, чрезъ посредство уѣздн. предв. двор. о мелкопомѣстныхъ дворянахъ какъ имѣющихъ крестьянъ, такъ и владѣющихъ одною землею, при чемъ, подъ названіемъ мелкопомѣстныхъ разумѣлись такіе дворяне, которые имѣли не болѣе 10 душъ крестьянъ и находились въ бѣдномъ состояніи, обрабатывая сами землю, или занимаясь другими работами. Результаты собранныхъ свѣдѣній могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ *):

УѢЗДЫ.	Помѣщики, имѣвшіе не свыше 10 душъ.				Помѣщики, имѣвшіе только одну землю.	
	Число семей.	У нихъ число душъ	У нихъ, число крест. м. п.	Количество земли.	Число семей.	Количество земли.
Данковскій . .	13	46	65	356	4	76
Егорьевскій . .	3	7	4	12	—	—
Зарайскій . .	53	146	269	1602	15	158
Касимовскій. .	2	2	3	45	7	131
Михайловскій .	66	264	249	1914	68	773
Пронскій . . .	254	694	1348	6937	130	1175
Раненбургскій .	4	14	24	119	5	56
Ряжскій . . .	91	317	450	2581	31	233
Рязанскій . .	61	204	298	1877	18	195
Сапожковскій .	44	170	141	1438	14	184
Скопинскій . .	96	367	409	2432	35	367
Спасскій . . .	23	93	79	452	47	501
Итого. .	710	2324	3339	19765	374	3849

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ 1851 году въ числѣ мелкихъ помѣщиковъ было 710 семействъ, владѣвшихъ имѣніями не свыше 10 душъ. Эти владѣльцы были очень бѣдны, большинство изъ нихъ даже не имѣло документовъ на принадлежность къ дворянскому сословію, вѣроятно, по той причинѣ что не имѣло средствъ добыть эти документы; принадлежавшую

*) Дѣло Канц. Губерн. 1851 г., № 20.

имъ землю они обработывали сами вмѣстѣ съ своими крѣпостными людьми. Какъ малы были средства этихъ помѣщиковъ, видно изъ слѣдующаго разсчета: во владѣніи ихъ находилось земли 19765 десятинъ; доходомъ съ этой земли нужно было прокормить 710 семействъ помѣщиковъ, заключавшихъ въ себѣ 2324 наличныхъ обоего пола души, и 3339 м. п. душъ крестьянъ, а прибавляя столько же на женскій полъ,—6678 душъ, всего же 9002 живыхъ души; слѣд. на содержаніе каждой изъ нихъ могъ поступить доходъ только отъ 2 дес. 469 саж., во всѣхъ трехъ поляхъ.

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что къ 1851 году началъ образовываться особый классъ дворянъ-земледѣльцевъ, т. е. такихъ помѣщиковъ, которые совсѣмъ не имѣли крѣпостныхъ людей, а лишь одну землю, каковую и обработывали своимъ личнымъ трудомъ. Такихъ дворянъ было 374 семейства; имъ принадлежало 3849 десятинъ земли, т. е. на каждую семью съ небольшимъ 10 десятинъ.

Если всѣ приведенныя выше цифровыя свѣдѣнія разсмотрѣть въ совокупности, то позволительно будетъ придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ.

Съ начала текущаго столѣтія новый притокъ крѣпостныхъ людей, путемъ закрѣпощенія людей свободныхъ,—прекратился, и слѣдовательно, увеличенія числа крѣпостныхъ по этой причинѣ быть не могло; но такъ какъ оставались причины къ выходу изъ крѣпостнаго состоянія въ другія сословія, то общее число крѣпостныхъ людей, начиная съ тридцатыхъ годовъ, не только не увеличивалось, но даже нѣсколько уменьшалось, или вѣрнѣе сказать, ростъ крѣпостнаго населенія какъ бы пріостановился. Въ тоже время, общій приростъ населенія, а слѣдовательно и приростъ въ средѣ владѣльческаго элемента, продолжался безостановочно. При такихъ условіяхъ одно и тоже число крѣпостныхъ людей своимъ личнымъ трудомъ должно было прокармливать все большее и большее число своихъ владѣльцевъ.

Далѣе, уже съ начала столѣтія громадное большинство помѣщичьихъ имѣній принадлежало къ числу имѣній мелкихъ, т. е. такихъ, въ коихъ было менѣе 20 душъ. Для владѣльца, имѣющаго нѣсколько такихъ имѣній, не только въ разныхъ уѣздахъ, но даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ, но въ разныхъ селеніяхъ и деревняхъ,—правильное веденіе хозяйства и извлеченіе изъ имѣнія доходовъ представляло большія затрудненія, посему совершенно

естественно, дошедшее до крайнихъ предѣловъ дробленіе дворянскихъ имѣній должно было вызвать сосредоточеніе ихъ, или сліяніе нѣсколькихъ имѣній въ одно. Такое сліяніе и происходило на счетъ имѣній мелкихъ, число коихъ постоянно уменьшалось. Одновременно съ этимъ замѣчается увеличеніе числа среднихъ и крупныхъ имѣній, но это увеличеніе происходило не путемъ дробленія этихъ имѣній, а путемъ сліянія имѣній мелкихъ. Выводъ этотъ подтверждается тѣмъ, что одновременно съ уменьшеніемъ числа имѣній мелкихъ уменьшалось и число крѣпостныхъ въ этихъ имѣніяхъ, чего не могло бы быть, если бы мелкія имѣнія, сливаясь въ своей средѣ, въ тоже время оставались бы имѣніями мелкими. Такимъ образомъ, уменьшеніе мелкихъ имѣній и одновременное съ симъ уменьшеніе числа крѣпостныхъ въ этихъ имѣніяхъ происходило въ пользу имѣній среднихъ и крупныхъ. Да иначе это не могло быть. Причина дробленія имѣній состояла въ томъ, что владѣльцы ихъ при раздѣлѣ не имѣли средствъ оставить имѣніе въ однихъ рукахъ, съ уплатою другимъ соотвѣтственно - денежныхъ суммъ, а посему и при послѣдующей продажѣ имѣній они не могли пріобрѣтать ихъ за отсутствіемъ тѣхъ же средствъ. Такія средства могли быть только у среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ, кои и пріобрѣтали имѣнія мелкихъ собственниковъ.

Число помѣщиковъ было менѣе числа имѣній, слѣдовательно, были помѣщики, коимъ принадлежало не одно, а нѣсколько имѣній. При наступившемъ сліяніи мелкихъ имѣній число помѣщиковъ еще болѣе стало уменьшаться и это уменьшеніе происходило на счетъ помѣщиковъ мелкихъ, въ пользу помѣщиковъ среднихъ и крупныхъ. Не имѣя достаточныхъ средствъ для содержанія себя доходами съ имѣнія, мелкіе помѣщики должны были изыскивать другія для сего средства, и находили ихъ на службѣ военной или гражданской. Но для сего нужно было имѣть нѣкоторыя способности, и, хотя требованія описываемаго времени были не велики,— нѣкоторыя познанія. Не всѣ помѣщики могли удовлетворять даже такимъ требованіямъ, многіе изъ нихъ были совершенно безграмотны и способны лишь примѣнять свои физическія силы въ деревнѣ, въ той средѣ, къ которой они съ малолѣтства присмотрѣлись. Такіе помѣщики по необходимости оставались въ своихъ имѣніяхъ, которыя пріобрѣтали уже всѣ свойства имѣній крестьянскихъ. О такихъ помѣщикахъ А. И. Кошелевъ, большой знатокъ этого дѣла, въ статьѣ своей о мелкопомѣстныхъ дворя-

нахъ, говоритъ... „Всѣ эти помѣщики живутъ посреди своихъ крестьянъ, многіе изъ нихъ занимаютъ дома, прилегающіе направо и налѣво къ жилью крѣпостныхъ своихъ людей, но не малое количество сихъ владѣльцевъ обитаетъ съ своими крестьянами на одномъ и томъ же дворѣ и даже въ одной и той же избѣ. У всѣхъ мелкопомѣстныхъ поля совершенно перепутаны съ крестьянскими участками, у многихъ же изъ нихъ имѣются одни господскія поля, а крестьяне ихъ или на мѣсячинѣ, или на застольной, или ѣдятъ за однимъ столомъ съ своими господами. Многіе мелкопомѣстные дворяне сами извозничаютъ, ямщичествуютъ, пашутъ вмѣстѣ съ своими крестьянами, носятъ одни и тѣже кафтаны, полушубки, тулупы и сапоги. У многихъ мелкопомѣстныхъ во всемъ домѣ одинъ или два тулупа, кафтанъ, одна пара сапогъ, которые служатъ то барину, то мужику, глядя по тому, кто ѣдетъ въ дорогу, въ лѣсъ, на мельницу и пр. *)“... Но и такіе помѣщики могли существовать доходами съ своихъ имѣній при условіи достаточнаго количества земли, которую они могли обработывать только при помощи своихъ крѣпостныхъ. Если же этой земли было не много, если ее можно было обработать личными средствами семьи,—то не было ни какого разсчета дѣлить доходъ съ этой земли съ своими крѣпостными. Напротивъ, было болѣе выгодно продажею крѣпостныхъ, или отпускомъ ихъ на волю, или другимъ путемъ, получить за нихъ, что возможно, и затѣмъ обработывать землю только своимъ личнымъ трудомъ. Тогда образовывались уже имѣнія безъ крѣпостныхъ, въ коихъ сами помѣщики были земледѣльцами, ничѣмъ не отличавшимися отъ крестьянъ.

Вотъ какое движеніе совершалось въ средѣ помѣщичьихъ имѣній въ текущемъ столѣтіи. Мы видѣли уже, что число мелкопомѣстныхъ дворянъ даже ко времени крестьянской реформы было довольно велико. Если считать мелкопомѣстными тѣхъ дворянъ, которые имѣли ее свыше 20 душъ, то ко времени реформы они составляли ровно половину общаго числа помѣщиковъ; если же къ нимъ причислить болѣе или менѣе значительную часть тѣхъ помѣщиковъ, которые отнесены въ группу среднепомѣстныхъ дворянъ, имѣвшихъ отъ 20—100 душъ,—то общее число мелкопомѣстныхъ дворянъ значительно увеличится. При такихъ усло-

---

*) Сельское Благоустройство, 1858 г. № 2, стр. 129.

віяхъ нельзя говорить, что сотни тысячъ закрѣпощенныхъ крестьянъ служили интересамъ дворянскаго сословія, ибо въ дѣйствительности они служили интересамъ меньшинства этого сословія, состоящаго изъ крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ. Большинство же этого сословія легко могло обходиться и безъ крѣпостного права, оно выходило изъ состава помѣстнаго дворянства или на службу, или въ сословіе земледѣльцевъ, ибо и при существованіи крѣпостного права оно было также бѣдно, какъ и безъ него, какъ оно бѣдно и сейчасъ... *Слѣдовательно, отмѣною крѣпостнаго права большинство дворянства, лично, совсѣмъ заинтересовано не было.*

II. УСЛОВІЯ НОРМАЛЬНАГО ПОМѢЩИЧЬЯГО ХОЗЯЙСТВА [1].

Къ началу текущаго столѣтія, крѣпостное право, болѣе силою обычая, нежели закона, сложилось въ формы вполнѣ опредѣленныя. Крѣпостныя отношенія, вслѣдствіе государственныхъ соображеній, создали сильную помѣщичью власть. Созданіемъ этой власти правительство разрывало всякую непосредственную связь съ народомъ; оно знало крѣпостныхъ неиначе, какъ совокупно съ помѣщикомъ. Сила помѣщичьей власти заключала въ себѣ начала произвола; произволъ породилъ безконечныя злоупотребленія; послѣднія должны были вызвать со стороны правительства ограниченія помѣщичьей власти, а принятіе какихъ либо радикальныхъ мѣръ къ этому ограниченію представлялось невозможнымъ, безъ колебанія самой власти. Такимъ образомъ, для правительства представлялась неразрѣшимая задача--поддержать помѣщичью власть, въ силу государственныхъ соображеній, и смягчить дѣйствія ея для большинства населенія, крѣпостныхъ крестьянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ неразрѣшимость этой задачи сдѣлалась очевидною, выяснилась необходимость расторгнуть

---

[1]) Этотъ очеркъ былъ напечатанъ въ Труд. Ряз. Уч. Арх. Комиссіи, т. XIV, 1899 г. вып. I, стр. 1—54. Въ связи съ нимъ находится обстоятельная статья кн. Н. С. Волконскаго: *„условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“*, съ приложеніемъ четырехъ статистическихъ таблицъ, напечат. въ Труд. Ряз. Арх. Ком. т. XII, 1897 г., вып. 2 и 3.

Ред.

искусственно созданную связь между помѣщиками и ихъ крѣпостными, возстановить порванную связь между правительствомъ и народомъ, разверстать имущественные интересы помѣщиковъ и крестьянъ... Эту задачу разрѣшило Положеніе 19 февраля 1861 г.

Права помѣщиковъ на своихъ крѣпостныхъ были на столько обширны, что охватывали все ихъ существованіе и жизнь; это были права на имущество, на личность, право управленія и суда. Хотя законодатель, съ цѣлью устранить по возможности произволъ помѣщичьей власти, и допустилъ нѣкоторыя ограниченія ея, но послѣднія не могли по существу дѣла достигать своей цѣли.

Въ имущественномъ отношеніи владѣлецъ могъ налагать на крестьянъ всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей; при чемъ постановлено только одно общее ограниченіе этого требованія,—чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ сіе разореніе, и одно частное—именно, количество рабочихъ дней на помѣщика ограничено тремя въ недѣлю, и—помѣщикъ не имѣлъ права требовать отправленія работъ въ праздники. Отъ помѣщика зависитъ переводить крестьянъ своихъ во дворъ, или дворовыхъ людей на пашню, и замѣнять по своему усмотрѣнію ихъ повинность; помѣщикъ имѣетъ право отдавать крестьянъ постороннимъ лицамъ въ услуженіе, для обученія ремеслу, или на воспитаніе. Обязанности помѣщика по имуществу сводились къ тому, что онъ въ случаѣ неурожая или нужды, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ людей со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія; побуждая ихъ къ работѣ и воздерживая отъ нищенства, помѣщикъ долженъ пещись о содержаніи и призрѣніи крѣпостныхъ людей своихъ, пришедшихъ въ невозможность кормиться работою и не допускать ихъ до нищенства, за неисполненіе каковой обязанности уплачиваетъ штрафъ 1 руб. 50 к. [1]).

Такія общія постановленія, по духу своему желавшія согласовать интересы помѣщиковъ и крестьянъ, были очевидно недостаточны для достиженія преслѣдуемой закономъ цѣли. Начать съ того, что въ Рязанской губерніи была масса бѣдныхъ помѣщиковъ, которые жили можетъ быть немного лучше своихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи Рязанская губернія занимала выдающееся мѣсто среди другихъ; въ ней встрѣчались цѣлыя деревни (напр., Бардаково, Спасскаго уѣзда) населенные дворя-

---

[1]) Св. Зак. изд. 1857 г. Т. 9. ст. 1045, 1046, 1047, 1048, 1103, 1104 и 1105.

нами, кои въ образѣ жизни своей не многимъ отличались отъ крестьянъ. Въ 1807 году Рязанское дворянство вынуждено было оказать пособіе 800 бѣднымъ дворянамъ, чѣмъ и дало имъ возможность поступить въ военную службу [1]. Бѣдность дворянъ Рязанской губерніи даже обратила на себя вниманіе высшаго правительства, которое съ 1843 по 1852 годъ принимало мѣры къ воспитанію бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, къ устройству бѣдныхъ дворянъ на службѣ и даже къ переселенію ихъ цѣлыми семьями въ Симбирскую губернію съ надѣленіемъ отъ казны по 60 десятинъ на семью, и съ выдачею пособія на переселеніе въ размѣрѣ отъ 50 до 140 р. Охотниковъ находилось весьма много, хотя воспользовались дарованною милостью далеко не всѣ; нѣкоторые требовали извѣстныхъ угодій и удобнаго расположенія ихъ. Тѣмъ не менѣе, переселилось весьма значительное число дворянскихъ семей [2]). При такомъ положеніи нѣкоторой, весьма значительной части дворянства, стремленія закона могли бы быть достижимы при условіи крестьянской обстановки оскудѣвшихъ помѣщиковъ; при томъ условіи, если бы послѣдніе наравнѣ съ своими крестьянами несли и всю тягость работы и всѣ результаты своихъ трудовъ. Но такъ какъ, по происхожденію своему, обѣднѣвшіе помѣщики все таки были *благородные дворяне*, быть можетъ, вкусившіе въ малолѣтствѣ нѣкоторыя прелести дворянской жизни, усвоившіе себѣ нѣкоторыя потребности, то станетъ очевиднымъ естественное стремленіе удовлетворить послѣднія, что должно было совершаться уже на счетъ средствъ крестьянъ. Все то, что удовлетворяло помѣщика внѣ крестьянской обстановки, доставляя ему хоть какія нибудь удобства, въ то же время ложилось на его крестьянъ, лишая ихъ подчасъ самаго необходимаго. Вотъ почему иногда стѣсненія, претерпѣваемыя крестьянами, происходили не отъ чего другого, какъ отъ бѣдности помѣщика, который не только не имѣлъ средствъ порядочно держать своихъ крестьянъ, но даже и себя самого. Въ жалобѣ одного крестьянина на помѣщика своего Лунина, читаемъ: „господинъ мой, будучи не богатъ, не имѣетъ средствъ содержать находящихся у него въ рабствѣ людей, и при томъ взыскиваетъ не малый оброкъ“ [3]). По жалобѣ крестьянъ на помѣщика Арчаковскаго выяснилось, что крестьяне въ продоволь-

[1]) Варадиновъ, ист. Мин. Вн. Д. ч. 1 стр. 180.
[2]) Дѣло Дв. Деп. Собр. 1843 г., № 537.
[3]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г., № 294.

ствіи ихъ пищею претерпѣваютъ совершенную нужду, равно и въ одеждѣ имѣютъ недостатокъ; но все это происходитъ не отъ жестокости характера владѣльца, который и самъ терпитъ крайнюю нужду, а единственно отъ разстроеннаго его состоянія. Землю продалъ, а крестьянъ перевелъ въ Рязань и отдалъ ихъ на работы. По этой жалобѣ было сдѣлано распоряженіе отдавать крестьянъ въ частную работу изъ пропитанія, а если не будесъ къ тому возможности, то употреблять въ городскую работу, съ поденною платою на пропитаніе [1]).

По сему предмету у Заблоцкаго-Десятовскаго высказано: „Рязанская губернія въ особенности замѣчательна множествомъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (дворянковъ); у тѣхъ, которые обработываютъ землю лично, крестьяне живутъ почти вмѣстѣ съ помѣщиками, мало отъ нихъ отличаясь. Но имѣющіе нѣсколько десятковъ душъ большею частію обременяютъ работами крестьянъ, переводя ихъ часто на мѣсячину. Отсюду родился особый родъ издѣльныхъ крестьянъ, средній между собственно издѣльными и дворовыми людьми. Не владѣя землею, они однако-же употребляются для обработыванія земли собственными помѣщика орудіями и взамѣнъ того получаютъ съ ихъ семействами какъ жилища, такъ и полное содержаніе круглый годъ, выдаваемое имъ обыкновенно помѣщикомъ, и отъ того сей классъ людей носитъ названіе *мѣсячниковъ*. Такимъ образомъ, въ селѣ Гребневѣ, Рязанской губерніи, есть четыре двора крестьянъ, принадлежащихъ помѣщику П—ву. Онъ даетъ на каждаго работника по два четверика въ мѣсяцъ ржи, сверхъ того, назначается по одной трети десятины земли въ полѣ, съ которой они должны имѣть платье и телѣги“ [2]). Во всеподаннѣйшихъ отчетахъ рязанскихъ губернаторовъ по этому же премету изложено. Въ отчетѣ за 1855 годъ: „нельзя похвалиться богатствомъ Рязанскихъ помѣщиковъ, которыхъ имѣнія большею частію заложены въ кредитныхъ установленіяхъ и обременены частными долгами; но еще болѣе нельзя сказать въ пользу благосостоянія помѣщичьихъ крестьянъ, которые при недостаткахъ своихъ помѣщиковъ терпятъ еще большія лишенія. Причина сего—большое количество мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, кои при весьма ограниченныхъ средствахъ исторгаютъ изъ имѣній своихъ и крестьянъ все, что только можно. Уничтоженіе сихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ при-

[1]) Дѣло Кан. Ген. Губ. 1824 г., № 659.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. Т. 4, стр. 279.

несло бы величайшую и неоспоримую пользу". Въ отчетѣ за 1856 годъ: „въ губерніи весьма много мелкопомѣстныхъ и незначительныхъ малоземельныхъ помѣщиковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе основываютъ свои выгоды на излишнемъ трудѣ и оброкѣ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ своими распоряженіями доводятъ иногда до крайней степени лишеній. Эти распоряженія помѣщиковъ, происходящія отъ недостатка ихъ образованія, и, слѣдовательно, отъ незнанія своихъ выгодъ, собственнаго своего достоинства и должныхъ отношеній къ крѣпостнымъ ихъ крестьянамъ, были причиною нѣсколькихъ случаевъ ослушаній крестьянъ противъ своихъ владѣльцевъ и другихъ непріятныхъ для сихъ послѣднихъ произшествій. Посему губернаторъ находитъ, что изъятіе мелкихъ имѣній изъ крѣпостного состоянія порядкомъ выкупа, или другимъ какимъ либо способомъ, принесло бы Государству несомнѣнную пользу". Въ отчетѣ за 1860 годъ:— „изъ общаго числа владѣльцевъ только одна четверть можетъ считаться обезпеченною цѣнностью ихъ капиталовъ и имѣній; изъ остальныхъ же болѣе половины принадлежитъ къ мелкопомѣстнымъ и малоземельнымъ владѣльцамъ, которыхъ въ особенности много въ уѣздахъ: Пронскомъ, Скопинскомъ, Ряжскомъ, Сапожковскомъ и Рязанскомъ; нѣкоторые изъ этихъ дворянъ живутъ въ однихъ домахъ съ своими крѣпостными людьми и ведутъ жизнь, весьма мало отличающуюся отъ крестьянской".

Въ другихъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ помѣщикъ имѣлъ болѣе или менѣе значительное число крѣпостныхъ людей и земельныхъ угодій, конечно, легче было опредѣлить ту, или другую степень зажиточности крестьянъ; но такъ какъ законъ относительно нестѣсненія крестьянъ выраженъ въ самой общей формѣ, то о степени стѣсненія въ каждомъ данномъ случаѣ предоставлялось судить исполнителямъ этого закона. Отъ ихъ взгляда и усмотрѣнія зависѣло установить: стѣснены крестьяне помѣщикомъ или нѣтъ? Имѣніе Воейкова состояло изъ 726 ревизскихъ душъ мужскаго пола, составлявшихъ 259½ тяголъ. Каждое тягло было надѣлено господскою землею по полторы десятины въ полѣ ($80 \times 40 = 3200$ к. с.) или по 6 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ казенной мѣры; кромѣ того, каждое тягло имѣло разрѣшеніе отъ помѣщика расчистить для себя изъ подъ дровянаго лѣса четверть десятины. На помѣщика всякое тягло обработывало земли въ каждомъ полѣ столько-же, сколько было у крестьянъ; работа производилась *братъ на брата*, т. е. одинъ остается дома

для своихъ работъ, а другой отправляетъ господскую работу; иногда только, въ горячее время, какъ-то: уборку хлѣба, сѣнокосъ, и во время вывоза навоза, на господскія работы, наряжались крестьяне поголовно, дня на два, на три, но взамѣнъ этого давалось крестьянамъ столько же и для своихъ работъ. Подводы крестьянскія наряжались съ господскимъ хлѣбомъ для продажи въ Москву (изъ Пронскаго уѣзда), куда каждое тягло ставило двѣ подводы, въ Рязань—двѣ подводы, въ Ефремовскій уѣздъ, на разстояніи 200 верстъ, со всѣхъ тяголъ въ годъ 50 подводъ. Вмѣсто столоваго запаса собиралось деньгами съ тягла по 6 руб. 75 коп., а съ крестьянскихъ женокъ—посконной холстины съ каждой по два аршина, пряжи по одной талькѣ изъ господскаго льна. Крестьянамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ, давалась для продовольствія мука, а для посѣва полей—хлѣбъ зерномъ. Слѣдуетъ ли считать такое положеніе крестьянъ выходящимъ изъ предѣловъ требованія закона? Законъ говоритъ только, чтобы крестьяне *не претерпѣвали раззореніе*; обслѣдованіемъ же, сдѣланнымъ вслѣдствіе поданной крестьянами жалобы, было только установлено, что большая часть крестьянъ *не находится въ зажиточномъ состояніи*. Тѣмъ не менѣе, такое положеніе крестьянъ найдено стѣснительнымъ и уѣздный предводитель дверянства сдѣлалъ Воейкову *внушеніе*, вслѣдствіе чего онъ обѣщалъ „дать крестьянамъ своимъ всякія возможныя пособія къ улучшенію ихъ состоянія". Впослѣдствіи имъ сдѣлано распоряженіе объ уменьшеніи числа подводъ, а столовый запасъ велѣно взимать натурою, „какъ при прежнихъ господахъ съ давнихъ лѣтъ съ нихъ сбиралось" [1]).—Помѣщикъ Тарасовъ купилъ имѣніе съ оброчными крестьянами; съ покупкою крестьяне допустили недоимки въ казенныхъ платежахъ и перестали платить оброкъ помѣщику, который и перевелъ ихъ въ дворовые, а землю отобралъ, при чемъ содержаніе дворовыхъ было вполнѣ удовлетворительно. Крестьяне не были довольны такими распоряженіями и просили *собину*, т. е. выдѣлъ имъ по полудесятинѣ на душу въ полѣ; помѣщикъ и на это соглашался, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне платили оброкъ, или отбывали повинность, отъ чего крестьяне съ дерзостью отказывались. Было ли здѣсь стѣсненіе крестьянъ помѣщикомъ? Мужду тѣмъ, губернаторъ, по жалобѣ крестьянъ, заключилъ—сообщить губернскому предводителю, что отнятіе отъ крестьянъ всей земли, съ обра-

---

1) Дѣло Ряз. Угол. Палат. 1828 года, № 380.

щеніемъ ихъ въ дворовые, есть злоупотребленіе, а потому, если Тарасовъ не употребитъ никакихъ средствъ къ улучшенію своихъ крестьянъ и на него поступитъ еще жалоба, то будетъ сдѣлано распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія, для взятія имѣнія въ опекунское управленіе. Слѣдуетъ оговориться, что это распоряженіе выходитъ изъ ряда подобныхъ дѣлъ и объясняется только тѣмъ, что оно сдѣлано наканунѣ крестьянской реформы, въ періодъ господствовавшаго въ правительствѣ освободительнаго вѣянія. Оно основано на особомъ Высоч. повелѣніи, 2 марта 1858 года, такъ какъ по общему закону (ст. 1047, т. 9 изд. 1857 г.) отъ усмотрѣнія владѣльца зависитъ *переводить крестьянъ своихъ во дворъ*, или дворовыхъ людей на пашню [1]).—Съ другой стороны, крестьяне Казначеева были весьма отягощены работами, вслѣдствіе владѣнія большимъ количествомъ земли; помѣщикъ вынуждалъ работать стариковъ, едва таскавшихъ ноги, и даже наказывалъ ихъ за неудовлетворительную работу, дворовыхъ держалъ дурно, ходили они всегда въ ветхомъ и неприличномъ платьѣ. Прежде были въ лучшемъ состояніи, но съ поступленіемъ, во владѣніе Казначеева приведены въ плохое состояніе и изнурены работою. Работы же, какъ на помѣщика, такъ и на себя производятъ хорошо, но не успѣваютъ сдѣлать всего, что нужно, по большому количеству владѣемой ими земли. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ всѣ признаки къ тому, чтобы установить стѣсненіе крестьянъ помѣщикомъ; но достаточно было одного заявленія послѣдняго о томъ, что жалоба крестьянъ несправедлива и объясняется желаніемъ ихъ стать вольными; что они составили заговоръ и покушаются убить помѣщика,—чтобы генералъ-губернаторъ увидѣлъ въ жалобѣ крестьянъ неповиновеніе и распорядился наказать ихъ *по волѣ помѣщика*, каковое наказаніе всегда состояло въ сѣченіи розгами. Казначееву же внушено, чтобы впредъ наблюдалъ между крестьянами и дворовыми людьми болѣе порядка [2]).

Несмотря на неточное опредѣленіе закона, практика должна была выработать какія либо общія основанія для рѣшенія вопроса—стѣснены ли крестьяне даннаго помѣщика? Такія общія основанія, освященныя временемъ, въ дѣйствительности существовали и имѣли примѣненіе къ отдѣльнымъ случаямъ. Съ этой стороны,

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1859 г., № 297.

[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г., № 136.

представляетъ особый интересъ дѣло Заварицкаго, обсуждавшееся Депутатскимъ Собраніемъ по вопросу о взятіи имѣнія въ опеку.— Имѣніе Заварицкаго находилось въ Ряжскомъ уѣздѣ въ селѣ Чуриловкѣ. Земельный надѣлъ крестьянъ составлялъ по 1 дес. въ полѣ на тягло, земля была удалена отъ отъ имѣнія, дурного качества, и за отдаленностью отъ усадьбы плохо удобрялась. Крестьяне были раздѣлены на три разряда—пашенные, оброчные и полутяглые. Пашенные крестьяне за предоставленный имъ надѣлъ обязаны были отправлять господскую работу натурою. Оброчные за предоставленную имъ землю платили оброкъ по 60 руб. ассигнаціями въ годъ съ тягла; оброкъ взыскивался строго, за неплательщиковъ отвѣчали всѣ крестьяне; было предписано неисправныхъ отправлять на работу для заработка оброчнаго долга, брать на мѣсячину и наказывать тѣлесно. Кромѣ того, тяглые оброчные сверхъ уплаты оброка употреблялись и на работу; такіе наряды дѣлались не по установленному порядку, а потому, что у пашенныхъ крестьянъ не доставало лошадей. Полутяглые были тѣ, которые имѣли старый или молодой возрастъ, люди весьма пожилые или малолѣтніе; они не были надѣлены землею, не отправляли натуральныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе платили оброкъ съ тягла 28 руб. ассигнаціями въ годъ. Помимо повинностей, крестьяне обязаны были доставлять помѣщику подводы для отправки на продажу хлѣба изъ имѣнія въ Москву, и, если хлѣбъ продавался на мѣстѣ, то съ крестьянъ взыскивалась разница между мѣстною и московскою цѣнами. Управляющій наказывалъ крестьянъ розгами, хворостиной и билъ пощечинами, а со стороны помѣщика не было сдѣлано строгаго опредѣленія для руководства управляющему въ этомъ дѣлѣ. Разсмотрѣвъ дѣло, Собраніе признало, что ***„въ Рязанской губерніи общій обычай, освященный временемъ, надѣлять крестьянъ землею на половину съ помѣщикомъ“***, при малоземельности же имѣнія необходимо „лишнее число душъ перевести на другія земли, или не имѣть господской запашки и ***учредить сборъ, соразмѣрный съ производительностію и количествомъ земли***“ [1]). Далѣе, Собраніе высказавается за то, чтобы при исполненіи помѣщичьихъ работъ ***непремѣнно былъ установленъ извѣстный порядокъ въ работахъ***, вѣроятно съ тою

---

[1]) По закону, если у крестьянъ останется земли менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу, то они берутся въ казенное вѣдомство. Ст. 1107, т. 9, Св. Зак. изд. 1857 г.

цѣлію, что безъ этого условія трудно достигнуть уравнительности и судить о той или иной степени отяготительности работъ. Въ дѣлѣ Заварицкаго Собраніе признало, что помѣщикъ не понималъ тѣхъ отношеній, какія существуютъ между крестьянами и помѣщикомъ, и взглядъ его на бытъ крестьянъ, на ихъ заработки и вообще на всю ихъ жизнь, по всѣмъ его распоряженіямъ видно, что очень не вѣренъ... Онъ говоритъ, что тѣхъ крестьянъ, которыхъ онъ не можетъ надѣлить землею, онъ могъ бы отдавать въ заработки и получать съ каждаго по 60 руб. и на семъ основаніи учредились у него полутяглые безъ земли, и, вѣроятно, онъ остается въ томъ убѣжденіи, что сдѣлалъ большое снисхожденіе для крестьянъ. „Изъ всего видно, продолжаетъ Собраніе, что Заварицкій совершенно безопытенъ въ дѣлѣ хозяйства и управленія имѣніемъ и нѣкоторые поступки его заслуживаютъ полнаго порицанія; онъ виноватъ въ довѣренности къ Башкирцеву (управляющій), который безъ приказанія помѣщика, потому только, что у пашенныхъ крестьянъ не было лошадей, заставлялъ оброчныхъ исполнять натуральныя господскія работы сверхъ оброка, наказывалъ ихъ болѣе, нежели помѣщикъ ему предоставилъ право; виноватъ въ томъ, что учредилъ полутяглыхъ, не надѣливъ ихъ землею, и этотъ безразсчетный со стороны его поступокъ, *кромѣ порицанія со стороны всякаго благонамѣреннаго человѣка*, послужилъ ему самому во вредъ, ибо черезъ то у него накопились недоимки, которыя онъ впослѣдствіи всѣ сложилъ. Въ конечномъ результатѣ, Собраніе постановило: „не подвергая его опекѣ, сдѣлать ему выговоръ въ присутствіи предводителей и депутатовъ и постановить въ обязанность ему надѣлить крестьянъ землею ближе къ селенію и въ должномъ, достаточномъ количествѣ, на барщину брать законное число дней, а если будутъ на оброкѣ, то оброкъ учредить сообразный съ производительностью земли и мѣстныхъ промысловъ; оброчныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ оброкомъ не употреблять на господскія работы; Башкирцева изъ имѣнія удалить и въ этомъ имѣніи управляющимъ ему быть воспретить, и все это поручить надзору мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства къ точному и непремѣнному исполненію“ [1]).

Изъ этого постановленія видно, что тѣ отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными, которыя опредѣлялись *закономъ* въ самыхъ общихъ чертахъ и вслѣдствіе сего давали возможность къ самымъ разнообразнымъ злоупотребленіямъ,—тѣмъ не менѣе

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1856 года, № 270.

устанавливались достаточно ясно и опредѣленно *обычаемъ*, выработавшимъ извѣстныя нормы этихъ отношенiй и считавшимъ эти нормы обязательными для всякаго *благонамѣреннаго* помѣщика. Посему, установить *нормальныя* отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, тѣ отношенія, которые были выработаны жизнью и освящены силою обычая,—значитъ установить крѣпостное право въ томъ видѣ, въ какомъ оно считалось какъ закономъ, такъ и самими помѣщиками за учрежденіе вполнѣ естественное, справедливое и законное. Только при такомъ установленіи возможно отвѣчать на вопросы, вытекающіе изъ отдѣльныхъ случаевъ, были ли данныя явленія законны или нѣтъ; вытекали ли они изъ существа крѣпостныхъ отношеній, или изъ злоупотребленія ими. Равнымъ образомъ, только при установленіи нормы возможно отвѣчать на вопросъ о томъ, на сколько крѣпостное право, какъ учрежденіе, соотвѣтствовало потребностямъ даннаго времени; не служило ли оно въ существѣ своемъ тормазомъ, препятствующимъ какому бы то ни было развитію общественной жизни; не обрекало ли оно эту жизнь на полный застой и омертвѣніе?

Рѣшеніе же этого вопроса представляетъ несомнѣнный интересъ съ той стороны, что и до освобожденія крестьянъ и послѣ него (да несовсѣмъ умолкли вопли и сейчасъ), указывалось на несвоевременность произведенной реформы; говорилось, что отдѣльные случаи злоупотребленія помѣщичьей властью были исключеніемъ, а общее правило состояло въ господствѣ патріархальныхъ отношеній, каковыя являлись идеаломъ нашего общественнаго строя, и не только не требовали упраздненія, но, напротивъ, дальнѣйшаго упроченія и развитія. Слѣдовательно, если этотъ идеалъ окажется совершенно негоднымъ, гнилымъ, то вопросъ о своевременности реформы, въ смыслѣ установленія иныхъ началъ государственности, рѣшается самъ собою.

Въ чемъ же состояли нормальныя условія помѣщичьяго хозяйства?

Въ моемъ распоряженіи находятся нигдѣ до сихъ поръ не изданные документы, ярко характеризующіе эти отношенія; документы эти—*приказы*, отдаваемые помѣщикомъ К. В. своимъ бурмистрамъ, приказчикамъ и старостамъ, по управленію имѣніями въ Рязанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, и хозяйственныя записи по тѣмъ же имѣніямъ. Эти приказы относятся къ 1848, 1849, 1855 и 1856 годамъ, а хозяйственныя записи доходятъ до 1861 года, т. е. до времени упраздненія крѣпостного права. Общій

характеръ помѣщичьяго управленія обрисованъ въ одномъ изъ такихъ приказовъ. Когда староста жаловался помѣщику, что оброкъ собирать съ крестьянъ въ такой тяжелый годъ (1855) трудно, помѣщикъ приказалъ собрать сполна и выслать ему оброкъ немедленно и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ: „Вѣрю, что за послѣднюю четверть тебѣ труднѣе было собрать оброкъ, чѣмъ всегда; но вмѣстѣ съ тѣмъ знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ я вами начальствую, я не требовалъ съ васъ ни одной лишней копѣйки противъ того, что вы платили моимъ дѣдамъ; между тѣмъ какъ знаю и то, что всѣ окрестные крестьяне платятъ болѣе васъ. Въ дурной годъ и вамъ и мнѣ труднѣе, за то въ хорошій—вамъ легко, а у меня никогда ни одна копѣйка ваша не лежитъ на совѣсти. Вотъ почему я всегда болѣе всего требовалъ и буду требовать: *отъ васъ исправности, отъ себя—справедливости*".

Итакъ, нормальныя отношенія характеризуются двумя словами: *исправные крестьяне и справедливый помѣщикъ.*

Въ основу дальнѣйшаго выясненія условій нормальнаго помѣщичьяго хозяйства будетъ положенъ указанный сейчасъ матеріалъ; по мѣрѣ надобности, этотъ матеріалъ будетъ пополняться другими имѣющимися у меня данными, каковы: разные хозяйственныя вѣдомости и положенія по имѣнію Сапожковскаго помѣщика А. И. Кошелева (при с. Песочномъ съ деревнями), а равно печатное „Руководство къ управленію имѣніемъ" Семенова, положенное въ основу превосходнаго изслѣдованія кн. Н. С. Волконскаго [1]). Имѣніе Семенова дѣйствительно можно назвать нормальнымъ; въ основаніе управленія было положено всегда придерживаться неизмѣнныхъ правилъ, основанныхъ на законахъ, обычаяхъ, справедливости и пользѣ людей, ввѣренныхъ управленію помѣщика, а равно и собственной пользѣ помѣщика.

Все крѣпостное населеніе возможно подраздѣлить на слѣдующія группы: крестьяне барщинные (издѣльные), крестьяне оброчные, крестьяне мѣсячники, дворовые, фабричные и заводскіе. Всѣ группы этихъ крестьянъ встрѣчаются въ нашей губерніи. Такое дѣленіе было совершенно естественно и находилось въ зависимости отъ экономическихъ условій помѣщичьяго хозяйства въ данной мѣстности, въ данное время.

[1]) См. Тр. Ряз. Учен. Арх. Ком. 1897 г., вып. 2 и 3, „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ.

Выходя изъ основныхъ положеній указаннаго выше изслѣдованія кн. Волконскаго, постепенный ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Въ XVI вѣкѣ, когда только начали складываться тѣ отношенія, которыя впослѣдствіи вылились въ форму крѣпостныхъ, когда жизнь была еще настолько патріархальна, что не дѣлала большой разницы между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, когда потребности перваго были чрезвычайно ограничены и отличались отъ потребностей второго вѣроятно болѣе количественно, чѣмъ качественно,—вся забота землевладѣльца ограничивалась тѣмъ, чтобы принадлежащая ему земля не лежала впустѣ, чтобы она обработывалась земледѣльцемъ, который доставлялъ ему за это пользованіе землею часть добываемыхъ съ нея продуктовъ, а такъ же и часть своего личнаго труда, для услугъ. При такомъ положеніи хозяйство должно было представляться чрезвычайно упрощеннымъ, своя собственная запашка почти не требовалась и вся земля могла быть предоставлена крестьянамъ, на основаніяхъ аренды. Эта аренда была натуральною, продукты доставлялись частью въ ихъ естественномъ видѣ, частью въ грубо переработанномъ. Для доставленія аренды въ такомъ видѣ не требовалось отъ земледѣльца никакихъ особыхъ познаній, такъ какъ всякій взрослый, здоровый и мало-мальски смышленый крестьянинъ, въ состояніи обработывать землю, добыть зерно, обратить его въ хлѣбъ, привезти къ землевладѣльцу земледѣльческіе продукты; выставить подводу, нарубить и привезти дрова и т. п., словомъ сказать, всякій крестьянинъ могъ справить всякую крестьянскую работу. А кромѣ такой работы для землевладѣльца или почти ничего не требовалось, или требовалось очень немного. Число пріобрѣтаемыхъ имъ на рынкѣ за деньги вещей было ничтожно, а. потому и уплата аренды деньгами встрѣчается рѣдко и въ небольшомъ количествѣ. Желаніе землевладѣльца получать то, что крестьянинъ не могъ ему давать, или желаніе получать лучшія произведенія, чѣмъ крестьянскія, удовлетворялось простымъ способомъ, снабженіемъ крестьянъ потребными предметами. Чтобы получать отъ крестьянина масло, когда у него нѣтъ коровы, надо дать ему эту корову; при желаніи получить шерсть—надо дать овецъ, при желаніи получать яйца—надо дать куръ и пр. [1]).

[1]) Не здѣсь ли слѣдуетъ искать объясненія причины возникновенія крестьянской повинности, извѣстной подъ именемъ *столоваго запаса*, каковая повинность существовала вплоть до упраздненія крѣпостного права?

Но вотъ, съ теченіемъ времени, вкусы землевладѣльца развиваются, потребности растутъ и разница въ положеніи его съ земледѣльцемъ становится на столько велика, что его уже не могутъ удовлетворять тѣ предметы крестьянскаго хозяйства, которые доселѣ онъ получалъ въ натурѣ; предметы потребленія требуютъ переработки, приведенія въ иной видъ; для переработки же необходимо приспособленіе людей, пріобрѣтеніе ими познаній. Отсюда, выдѣленіе изъ крѣпостного населенія (крестьянъ) дворовыхъ людей, обязанность коихъ сводится къ переработкѣ сырого матеріала въ иной, потребный владѣльцу, видъ, и выполненіе работъ (услуга), которыя требуютъ извѣстной первоначальной подготовки. Независимо сего, приготовленіе самаго сырья извѣстнаго качества (когда крестьянское не удовлетворяетъ) требуетъ выдѣленія господскихъ работъ отъ крестьянскихъ, установленія собственной господской запашки, а отсюда—и введеніе *барщины.*

Такимъ образомъ, естественный ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства привелъ къ дѣленію крѣпостного населенія на двѣ основныя группы: *крестьянъ барщинныхъ* (издѣльные) и *дворовыхъ.* Назначеніе первыхъ состояло въ томъ, чтобы отправлять помѣщику всѣ крестьянскія работы, съ цѣлію добыть необходимое ему сырье; назначеніе вторыхъ было переработать это сырье, привести его въ видъ, потребный помѣщику.

Далѣе, съ теченіемъ времени, благодаря росту потребностей землевладѣльца, растетъ и нужда его въ пріобрѣтеніи тѣхъ вещей, кои не могутъ быть изготовлены даже спеціально приспособленными для сей цѣли дворовыми, а должны быть пріобрѣтены на рынкѣ, за деньги. Съ наступленіемъ же потребности въ деньгахъ,—помѣщичье хозяйство должно быть приспособлено къ работѣ для рынка, съ цѣлью поставки на него тѣхъ предметовъ, за кои могутъ быть выручены деньги.

Но разъ цѣлью хозяйства становится работа для рынка, то занятія въ немъ должны приспособляться къ тому, что можетъ дать рынку каждая мѣстность, т. е. первенствующее значеніе пріобрѣтаютъ естественныя условія мѣстности. При естественныхъ же условіяхъ мѣстности иногда выгоднѣе извлекать доходъ отъ земледѣлія, иногда же выгоднѣе извлекать его изъ промысловъ. Тамъ, гдѣ выгодно земледѣліе,—укрѣпляется барщина, при которой землевладѣлецъ имѣетъ полную возможность овладѣть всѣмъ крестьянскимъ трудомъ, а, слѣдовательно, получить наибольшій доходъ; тамъ же, гдѣ доходъ получался отъ промысловъ,

было выгоднѣе предоставить крестьянамъ свободу, обложивъ ихъ надлежащимъ оброкомъ, ибо такого рода трудомъ крестьянъ землевладѣлецъ овладѣть сполна не можетъ: занятіе промыслами требуетъ непремѣннаго энергическаго участія промышленника, отъ личнаго почина и находчивости котораго подчасъ зависитъ вся выручка. И вотъ причина выдѣленія изъ крѣпостного населенія особой группы *крестьянъ оброчныхъ*.

Какія же естественныя условія мѣстности Рязанской губерніи?

Губернія Рязанская теченіемъ рѣки Оки рѣзко раздѣляется на двѣ половины: сѣверную (по лѣвую сторону Оки) и южную (по правую сторону). Сѣверная половина губерніи представляетъ низменность, впадины которой заняты болотами и стоячими водами, а возвышенія представляютъ песчаныя и холмистыя пространства. Южная половина есть возвышенная площадь съ общею покатостью съ запада и сѣверо-запада къ юго-востоку. По характеру почвы сѣверная часть представляетъ край пустынный, почва его болотистая и песчаная, земля почти не родитъ безъ постояннаго и частаго удобренія; главное богатство этой части—лѣса. Южная часть составляетъ мѣстность плодородную, при чемъ на самомъ югѣ губерніи залегаетъ пластъ глубокаго чернозема, который по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, къ Окѣ, утончается и переходитъ въ суглинокъ [1]).

И вотъ, благодаря этимъ естественнымъ условіямъ мѣстности Рязанской губерніи, весь сѣверъ ея сталъ оброчнымъ, а югъ—барщиннымъ.

При условіи работъ для рынка, съ цѣлію добычи денегъ, дальнѣйшее развитіе помѣщичьяго хозяйства должно было все болѣе и болѣе направляться къ тому, чтобы всецѣло овладѣть крестьянскимъ трудомъ. Это овладѣніе, при барщинѣ, должно было все болѣе стѣснять крестьянъ въ пользованіи ихъ трудомъ для себя, а концомъ такого овладѣнія—представлялось бы содержаніе крестьянъ на положеніи хозяйственнаго инвентаря, съ отобраніемъ отъ нихъ всей земли въ пользу помѣщика, при содержаніи на его счетъ. Эти условія были на лицо во многихъ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ Рязанской губерніи, выдѣливъ особую группу *крестьянъ мѣсячниковъ*.

---

[1]) Обз. работъ Ряз. Губ. Зем. по оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія, стр. 36, 38—57.

Наконецъ, полное овладѣніе трудомъ крестьянъ-оброчниковъ тоже было возможно, при наличности слѣдующихъ условій: личной энергіи и предпріимчивости владѣльца, и при затратѣ капитала. При этихъ условіяхъ возможна борьба съ кустарнымъ производствомъ крестьянъ-оброчниковъ, а результатомъ этой борьбы было бы совершенное уничтоженіе кустарной промышленности съ замѣною ея фабричною и заводскою, при которой трудъ крестьянъ захватывается еще полнѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ работахъ на барщинѣ.

Этимъ выдѣляется группа крестьянъ—*фабричныхъ и заводскихъ*, которая въ нашей губерніи была невелика, благодаря отсутствію указанныхъ выше условій.

Отмѣна крѣпостного права совершилась въ тотъ моментъ, когда только что намѣченное развитіе помѣщичьяго хозяйства еще не было закончено. Въ общемъ счетѣ крѣпостного населенія двѣ послѣднія группы мѣсячниковъ, и фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ были незначительны. Количество мѣсячниковъ можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно. Считая имѣнія, въ коихъ не значилось крестьянъ, а одни лишь дворовые, за имѣнія съ мѣсячниками, будемъ имѣть: по ревизіи 1833 года—1570 имѣній съ 7641 дворовымъ, что составитъ 1,92% отъ общаго крѣпостного населенія губерніи; по ревизіи 1850 года—1110 имѣній съ 5571 дворовымъ, или 1,40%; по ревизіи 1857 года—1225 имѣній съ 6886 дворовыми, или 1,74%. Число фабричныхъ и заводскихъ было: по ревизіи 1850 года—6555, или 1,65%, а по ревизіи 1857 года—7049, или 1,78%. Такимъ образомъ, къ 1857 году, т. е. наканунѣ крестьянской реформы, общее число мѣсячниковъ, фабричныхъ и заводскихъ было 13935 человѣкъ, что составляетъ отъ общаго числа крѣпостного населенія лишь 3,52%. Остальная же масса крестьянъ принадлежала къ тремъ первымъ группамъ, именно: къ издѣльнымъ, оброчнымъ и дворовымъ, а посему нормальное помѣщичье хозяйство будетъ обнимать собою только эти три группы.

Но если ко времени реформы число мѣсячниковъ, и фабричныхъ и заводскихь людей было сравнительно не велико,—тѣмъ не менѣе весь ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства указывалъ на то, что число это съ каждымъ годомъ должно увеличиваться, а крѣпостные крестьяне обращаться въ совершенныхъ рабовъ. Подтвержденіе этой мысли мы находимъ у А. И. Кошелева въ составленной имъ въ 1858 г. запискѣ о необходимости уничтоженія

крѣпостного состоянія въ Россіи. „Обѣдненіе помѣщичьихъ крестьянъ видимо возрастаетъ, говоритъ онъ: оброки увеличиваются; оброкъ въ 25—30 р. с., считавшійся умѣреннымъ, доходитъ до 30—50 р. с. Эта повинность соразмѣряется не съ количествомъ и качествомъ земли, а съ личными добывками крестьянъ, съ нуждами и требованіями расточительныхъ и корыстолюбивыхъ помѣщиковъ. Барщина даетъ помѣщику болѣе средствъ почти незамѣтно извлекать изъ крестьянъ всякія сверхъ-законныя выгоды, почему число имѣній, переводимыхъ съ оброка на барщину, возрастаетъ. Господскія запашки удвоились и утроились. Усиленіе запашекъ потребовало отъ крестьянъ излишнихъ работъ, и, сверхъ того, къ великому ихъ прискорбію, многіе помѣщики усердно принялись за хозяйство: нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже агрономами, свекло-сахарными заводчиками и проч., что имѣло слѣдствіемъ значительную вывозку назёма, углубленіе и улучшеніе пахоты, умноженіе господскаго скотоводства, возведеніе разныхъ господскихъ построекъ и проч. Всѣ эти усовершенствованія сельскаго хозяйства, весьма полезныя для помѣщиковъ и государства, легли всею своею тяжестью на плечи крестьянъ. Прежде въ барщинскихъ хозяйствахъ бывали времена, что нечего дѣлать, и тогда отпускали крестьянъ на заработки для уплаты подушныхъ; теперь, по милости агрономіи, всегда есть дѣло для крестьянъ, такъ что никогда нѣтъ свободнаго времени къ увольненію ихъ на сторону для заработковъ. Прежде хлѣба у помѣщиковъ производилось гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ, и изъ этого количества большую часть поѣдали дворня да собаки: теперь почти весь хлѣбъ идетъ въ продажу и хлѣбные отвозы утроились и учетверились. Способы извлеченія помѣщиками изъ крестьянъ всякихъ выгодъ усиливаются, усложняются и разнообразятся съ каждымъ днемъ и доходятъ до такой утонченности, что страшно объ этомъ и подумать. По мѣрѣ развитія помѣщичьей изобрѣтательности обѣдненіе ихъ крестьянъ усиливается и обобщается“ [1]).

Эти слова имѣютъ большой вѣсъ: ихъ говорилъ не юноша, а человѣкъ въ 50-ти лѣтнемъ возрастѣ; не невѣжда, а человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ; не теоретикъ, а человѣкъ много лѣтъ занимавшійся веденіемъ собственнаго хозяйства; не пролетарій, ищущій во всякихъ перемѣнахъ способовъ улучшить

---

[1]) Записки Кошелева, приложенія, стр. 87.

свое благосостояніе,—а одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ нашей губерніи, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ, десятковъ тысячъ десятинъ земли и не одного милліона денегъ.

Общее завѣдываніе имѣніемъ и всѣ распоряженія сосредоточивались въ лицѣ самаго кн. В., помощниками его были назначенные имъ изъ числа своихъ же крѣпостныхъ крестьянъ приказщики, бурмистры и старосты, на обязанности коихъ лежало точное исполненіе всѣхъ распоряженій помѣщика. За этими лицами кн. В. имѣлъ строгій надзоръ, взвѣшивалъ всѣ ихъ дѣйствія, наказывалъ за дурное исполненіе обязанностей. Безъ уважительныхъ причинъ отъ службы помѣщикъ никого не освобождалъ. На этихъ же лицъ возлагалось ходатайство по дѣламъ въ разныхъ учрежденіяхъ, переговоры о положеніи этихъ дѣлъ съ секретарями этихъ мѣстъ; *благодарность* же уплачивалась послѣ окончанія дѣла.

Такъ какъ кн. В. страшно негодовалъ на лѣнтяевъ, требуя отъ всѣхъ крестьянъ усиленной работы,—то особое его неудовольствіе и гнѣвъ возбуждали такія распоряженія служащихъ, при которыхъ этой работы было мало. Въ неурожай 1848 г. бурмистръ доносилъ, что по случаю неурожая хлѣбовъ нѣтъ работы для крестьянъ. Это вызвало гнѣвъ кн. В. „Я вижу, говоритъ онъ, что по случаю плохого урожая ты стараешься о томъ, чтобы менѣе работать, между тѣмъ какъ именно во время неурожая слѣдуетъ болѣе работать, нежели когда нибудь. Я тебѣ предписывалъ брать по четыре дня съ тѣхъ, которые состоятъ въ долгу; ты мнѣ доносишь, что и въ господскіе три дня дѣлать нечего. А кирпичъ?“, спрашиваетъ онъ. „Ты доносишь, продолжаетъ кн. В., что молотить теперь опасаешься потому, что солома нынѣшней молотьбы на кормъ будетъ плоха; не ты бы говорилъ это, а лѣнтяй, который гроша мѣднаго не стоитъ. Отчего, спрашиваетъ онъ, солома нынѣшней молотьбы будетъ плоше зимней для корма? Не оттого ли, что она чище будетъ вымолочена и что хлѣбъ нынѣшней молотьбы сушить не надо будетъ? Кто осмѣливается мнѣ говорить такъ, тотъ не достоинъ того довѣрія, которое я имѣлъ къ тебѣ. Дѣлать нечего?—А перепахать лишній разъ землю, а кирпичъ дѣлать, а молотить, а смотрѣть за тѣмъ, чтобы лѣнтяи не лежали на печи и не думали даромъ хлѣбъ ѣсть“? Приказъ заканчивается такъ: „хлѣбъ молотить и молотить, рожь сѣять и сѣять; лѣнтяевъ заставлять работать болѣе, нежели когда нибудь“!

Въ тотъ же неурожайный годъ имѣлъ особую цѣну кормъ для скота, и вотъ нераспорядительность служащихъ по сему предмету вызвала не меньшее негодованіе кн. В. въ слѣдующемъ приказѣ. „За кормъ скоту я обоихъ васъ, и тебя Иванъ, и тебя Матвѣй, при первомъ моемъ пріѣздѣ накажу больно за то, во первыхъ, какъ ты могъ, Иванъ, довести до того, что корму недостаетъ въ то время, какъ по моимъ расчетамъ его должно бы достать; во вторыхъ, не пишете вы оба, какого корма нужно, сколько, по чемъ цѣна хлѣбу и проч. Однимъ словомъ, я не вижу въ васъ обоихъ должнаго усердія. Съ кормомъ поступить, какъ найдешь за лучшее и мнѣ донести. Если же впослѣдствіи я и тутъ замѣчу въ тебѣ неусердіе, то забрѣю лобъ. Ты береги себя, потому что за тебя никто не отвѣтитъ, а ты за всѣхъ. Я нѣсколько разъ тебѣ говорилъ, и теперь напоминаю, что я начальниковъ мною избранныхъ никогда не смѣняю безъ причины, а потому и безъ наказанія самаго строгаго“.

Вотъ еще одинъ изъ приказовъ, въ которомъ ярко очерчены отношенія къ служащимъ, причинившимъ своими распоряженіями значительные убытки помѣщику. „Коннымъ заводомъ я вѣрно не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока тамъ негодяй Порфирій. Стыдно тебѣ, Иванъ Афанасьевичъ, не смотрѣть самому и дозволять безсовѣстному и нерадивому мальчишкѣ, котораго, какъ и тебѣ извѣстно, я считаю изъ всѣхъ дворовыхъ за одного изъ худшихъ людей,—дѣлать, что ему угодно. Въ этомъ дѣлѣ передо мной не одинъ Порфирій виноватъ, а и ты такъ же. Уморить трехъ трехлѣтокъ, и отъ 19 матокъ дать только пять жеребятъ можетъ только тотъ, кто мнѣ служить не хочетъ. Замотай на усъ это, Иванъ Афанасьевъ. Если ты не умѣлъ или не хотѣлъ заняться заводомъ, то, разумѣется, я тебѣ кланяться не стану и самъ распоряжусь имъ; но ты это не забывай. Шерсти шпанской здѣсь всѣ сосѣди получили (да и всегда получаютъ болѣе насъ, при кормѣ, гораздо худшемъ нашего) по 5 фунтовъ съ головы въ кругу; а у тебя съ 480 головъ 42 пуда. Сосчитай, по скольку это придется. Можетъ быть, ты и эту часть дохода считаешь для меня столько же ненужной, какъ и конный заводъ. Филиппу впредь жалованья отнюдь не давать и прочесть ему слѣдующее: *что я и для него найду мѣсто; а сроку на исправленіе даю ему отъ нынѣшняго числа годъ.* Увидимъ, что черезъ годъ будетъ. Потрудись, Иванъ Афанасьевъ, подумать, для чего ты сдѣланъ прикащикомъ и сосчитать, чего стоятъ три издохшіе жеребенка трехлѣтка?

Вмѣсто 9-ти (самаго малаго количества жеребятъ) ты мнѣ далъ только 5: чего стоятъ недостающіе 4 жеребенка? Вмѣсто 5 фунтовъ шерсти, какъ у добрыхъ людей, ты мнѣ не далъ четырехъ: чего стоятъ слишкомъ 10 пудъ недостающей шерсти? Усушки у тебя на 347 четвертей ржи 81 четверть, вѣдь это по 2 мѣры на четверть. За эту цѣну, любезный мой, съ твоимъ жалованіемъ я всегда найду такого управляющаго, у котораго всѣ будутъ ходить по стрункѣ. Жалованья тебѣ не брать и не напоминать мнѣ о немъ впредь до приказанія".

Хорошими служащими кн. В. очень дорожилъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ міра, а потому, даже при просьбѣ ихъ, безъ особо уважительныхъ причинъ отъ службы не увольнялъ. Такъ, получивъ подобную просьбу отъ старосты Прокофія Афанасьева, кн. В. приказалъ ему сообщить, по какой причинѣ сестры его отъ него отходятъ, какого рода притѣсненія дѣлаетъ ему мѣстное начальство, и почему съ отходомъ сестеръ онъ лишается своей собственности? „Служба твоя, продолжаетъ онъ, мнѣ до сихъ поръ была такъ хороша, что безъ особенно важныхъ причинъ я не только для себя, но и для спокойствія всего мірскаго общества уволить тебя не имѣю права. Когда получу твое донесеніе и если найду, что дѣйствительно твои собственныя дѣла требуютъ, чтобы ты былъ уволенъ отъ должности старосты, тогда уволю. Въ противномъ случаѣ, ты долженъ послужить и мнѣ, и міру, и грѣхъ отъ этого дѣла отпрашиваться безъ особой надобности". Затѣмъ, получивъ отвѣтъ на заданные вопросы и найдя причины, приводимыя для увольненія отъ должности старосты, недостаточными, помѣщикъ приказалъ ему продолжать нести свою службу.

Имѣнія, въ коихъ кн. В. не жилъ, тѣмъ не менѣе находились подъ его строгимъ надзоромъ, такъ какъ онъ нерѣдко посѣщалъ эти имѣнія, или посылалъ для осмотра ихъ другихъ служащихъ лицъ. Эти посланные находились также подъ наблюденіемъ помѣщика, который ограничивалъ ихъ дѣятельность довольно тѣсными предѣлами. Вотъ полномочіе одного изъ такихъ посланныхъ. „Посланному на дорогу денегъ не давать, а овса выдать по расчету станцій, и мнѣ донести, сколько выдано. Посланному показать всѣ поля, какъ господскія такъ и крестьянскія, для того, чтобы онъ могъ мнѣ разсказать все подробнѣе; но распоряженій отъ него словесныхъ никакихъ не принимать, ибо ему

ничего не приказано на этотъ счетъ. Болѣе трехъ дней посланному жить не дозволять"...

Въ имѣніи Семенова, (с. Архангельское, Раненбургскаго уѣзда), на бурмистра возлагался общій надзоръ за благоустройствомъ имѣнія; бурмистромъ былъ или дворовый, или иное лицо, по назначенію помѣщика. Старосты (или старшины) назначались помѣщикомъ для наблюденія за работами и вообще за выполненіемъ обязанностей крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику. Они обязаны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы работники выходили на работу въ полномъ количествѣ и въ надлежащее время; работу производили въ лучшемъ видѣ, и, вообще, должны соблюдать строго пользу помѣщика и оберегать его собственность. Старосты получаютъ отъ помѣщика вознагражденіе въ каждомъ полѣ по 1 десятинѣ земли (сороковой, 80×40=3200 саж.) лишней противъ жеребья, а такъ какъ все время ихъ должно быть употреблено на смотрѣніе за работами помѣщика, то имъ отпускалось отъ крестьянъ по одному тягловому работнику изъ ихъ семейства для постоянной домашней работы, и отпущенные такимъ образомъ работники ни въ какую господскую работу не посылались. Пока крестьянинъ остается старостою, семейство его избавляется отъ рекрутства. Смѣняется староста по усмотрѣнію помѣщика.

Что же такое представляли изъ себя эти управляющіе изъ крѣпостныхъ крестьянъ? Отвѣтъ на это находимъ у Заблоцкаго-Десятовскаго. „Управляющіе изъ собственныхъ крестьянъ, происходя изъ одного сословія съ подчиненными и завися совершенно отъ произвола владѣльца, съ одной стороны;—не пользуются полнымъ уваженіемъ, а съ другой—по связямъ родства и дружбы, бываютъ пристрастны; или, стараясь показать свое превосходство и выслужиться предъ господиномъ,—бываютъ чрезмѣрно жестоки" [1]).

Основою всего управленія имѣніемъ было требованіе порядка въ немъ и безусловнаго повиновенія. Разъ, узнавъ изъ донесеній старосты, и самого міра о происходящихъ въ имѣніи безпорядкахъ, вслѣдствіе раздоровъ и жалобъ, и убѣдившись, что безъ личнаго вмѣшательства эти безпорядки не прекратятся,—кн. В. потребовалъ отъ крестьянъ совершеннаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ довѣренное лицо для разбора просьбъ и жалобъ крестьянъ.

1) Гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 296.

Второе основанiе состояло въ требованiи отъ крестьянъ работы. За обработкою крестьянской земли кн. В. также наблюдалъ, какъ и за обработкою земли его собственной; онъ слѣдилъ,— вся ли земля засѣяна; если кто не засѣялъ, требовалъ понужденья, возлагая отвѣтственность на старостъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны были слѣдить, чтобы чужихъ людей не допускать пахать свои крестьянскiя земли, а своимъ людямъ не дозволять нанимать у своихъ. Онъ требовалъ своевременнаго обсѣва крестьянскихъ полей, не смотря на погоду, возлагая отвѣтственность за несвоевременный обсѣвъ на лицъ надзирающихъ. Требованiе, чтобы крестьяне сами обработывали землю, простиралось до того, что когда нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ ратники (въ Крымскую компанiю), землю съ крестьянъ, поставленныхъ въ ратники, не велѣно было снимать, и бабъ ихъ высылать на работу обыкновеннымъ порядкомъ; у кого же некому вспахать и посѣять землю, тѣмъ приказано обработать ее мiромъ, но въ наймы не отдавать ни въ какомъ случаѣ.

Тотъ же порядокъ существовалъ и въ имѣнiи Семенова: крестьяне не имѣли права передавать земель, данныхъ имъ отъ помѣщика въ пользованiе, никому, даже крестьянамъ своего селенiя; не имѣли права даже промѣнивать земли, хотя бы на одинъ посѣвъ. Виновные въ этомъ подвергались наказанiю (штрафъ).

Наконецъ, третья основа управленiя состояла въ исправномъ отправленiи крестьянами лежащихъ на нихъ повинностей.

Вопросъ о повинностяхъ крестьянъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о тѣхъ выгодахъ, какiя они получали отъ помѣщика: чѣмъ выгоды эти были значительнѣе, тѣмъ повинности могли быть выше, и наоборотъ. Въ числѣ этихъ выгодъ, конечно, на первомъ мѣстѣ будетъ пользованiе землей, а потому вопросъ о распредѣленiи земли между помѣщикомъ и крестьянами, составляетъ вопросъ первостепенной важности.

Сколько было земли во всѣхъ помѣщичьихъ имѣнiяхъ губернiи, хотя бы ко времени упраздненiя крѣпостного права,— мнѣ до сихъ поръ точно не удалось выяснить; свѣдѣнiя по сему предмету, находящiяся въ разныхъ мѣстныхъ архивахъ, крайне сбивчивы, неясны, неточны. Единственный достовѣрный источникъ—это списки помѣщичьихъ имѣнiй, составленные ко времени работъ Комитета по улучшенiю быта крестьянъ, и вмѣстѣ съ работами послѣдняго представленные въ Редакцiонную Коммиссiю. Но этими списками мнѣ до сихъ поръ не удалось воспользоваться.

Тѣмъ не мѣнѣе, вопросъ о распредѣленіи земли между помѣщиками и ихъ крестьянами, можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе точно на основаніи другихъ данныхъ и, главнымъ образомъ, на основаніи тѣхъ же списковъ, такъ какъ часть ихъ, касающаяся имѣній свыше 100 душъ, напечатана въ приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи [1]).

Изъ этого описанія имѣній (по изслѣдованію кн. Волконскаго, въ указанномъ выше его трудѣ) видно, что въ распоряженіи помѣщиковъ, имѣвшихъ не менѣе 100 душъ, было удобной земли 576488 десят., или 52,26% общаго количества; у крестьянъ же оставалось 518563 десятины или 47,74%. Слѣдовательно, земля распредѣлялась приблизительно пополамъ, съ небольшимъ перевѣсомъ въ пользу помѣщиковъ. Но это отношеніе взято какъ среднее по губерніи и внѣ зависимости отъ того или другого состава угодій. Если же принять въ разсчетъ послѣднія и исключить изъ общаго количества земли лѣса, коими крестьяне рѣдко надѣлялись, и кои всецѣло оставались въ распоряженіи помѣщиковъ,—то распредѣленіе земли будетъ такое: у помѣщиковъ 47,40%, у крестьянъ—52,60%, т. е. тоже около половины, но съ небольшимъ перевѣсомъ въ пользу крестьянъ.

По отдѣльнымъ уѣздамъ это среднее отношеніе подвергается значительному измѣненію. Такъ, по Егорьевскому уѣзду (на сѣверѣ губерніи) у помѣщиковъ 13,38%, а у крестьянъ—86,62%. По Скопинскому же—(на югѣ) у помѣщиковъ 48,34% и у крестьянъ 51,66%.—Это распредѣленіе земли находится въ связи съ указанными выше условіями развитія помѣщичьяго хозяйства.

Въ отдѣльныхъ же имѣніяхъ, это среднее отношеніе подвергается еще большимъ измѣненіямъ; съ одной стороны—оно доходитъ до того, что вся земля предоставлена въ распоряженіе крестьянъ, у помѣщика же ея не оставалось;—это въ имѣніяхъ исключительно оброчныхъ. Съ другой—вся земля была въ распоряженіи помѣщика, крестьяне же ея не имѣли;—это въ имѣніяхъ съ одними дворовыми (мѣсячники). За выдѣленіемъ тѣхъ и другихъ имѣній, во всѣхъ остальныхъ распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами должно было находиться въ зависимости отъ какихъ нибудь иныхъ условій. По мнѣнію Заблоцкаго-Десятовскаго, количество земли, получаемой крестьянами на каждое тягло, зависитъ отъ пространства владѣній помѣщика и отъ

---

[1]) См. Т. III, извл. изъ описаній имѣній по Великороссійскимъ губерніямъ.

произвола владѣльца, всегда болѣе или менѣе основаннаго на мѣстномъ обыкновеніи. Въ среднихъ губерніяхъ (Рязанской) каждому тяглу даютъ помѣщики отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 десятинъ въ полѣ. Сѣнокосовъ даютъ вездѣ мало, и очень рѣдко болѣе одной десятины на тягло. Въ имѣніяхъ, гдѣ земли въ обрѣзъ, при увеличивающемся числѣ тяголъ, обыкновенно передѣляются крестьянскія земли, не трогая помѣщичьихъ [1]). Конечно, пространство владѣній помѣщика, или иначе, общее количество владѣемой имъ земли должно было имѣть первенствующее значеніе въ этомъ дѣлѣ, давая ему возможность надѣлять крестьянъ большимъ количествомъ, при значительной площади, и на оборотъ. Съ другой стороны, и произволъ владѣльца также долженъ былъ вліять на это распредѣленіе земли, такъ какъ въ законѣ не было опредѣленія относительно того, сколько помѣщикъ обязанъ давать земли крестьянамъ. Законъ говорилъ лишь, что если у крестьянъ останется земли менѣе $4\frac{1}{2}$ дес. на душу, то они берутся въ казенное вѣдомство [2]). Но если произволъ владѣльца *основанъ былъ на мѣстномъ обыкновеніи*,—то это уже не будетъ произволъ, это будетъ извѣстное правило, имѣющее свое основаніе. И дѣйствительно, самъ собою возникаетъ вопросъ: почему же въ среднихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Рязанской, каждому тяглу обыкновенно нарѣзалось отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 дес. пахатной земли въ полѣ и до 1 дес. сѣнокосу? А такія надѣлы были дѣйствительно нормальными, по словамъ Кошелева, скуднымъ, но не совершенно недостаточнымъ крестьянскимъ надѣломъ, считается по $1\frac{1}{2}$ дес. въ полѣ на тягло, при $\frac{3}{4}$ дес. лугу и усадебной земли [3]). Съ другой стороны, и господская запашка должна была имѣть свои предѣлы; по словамъ того же Кошелева, въ нашей губерніи, запашка на 100 тяголъ отнюдь не должна превышать 150 дес. указной мѣры въ каждомъ полѣ (т. е. опять таки $1\frac{1}{2}$ д. на тягло въ полѣ). Всякій излишекъ противъ этой пропорціи принудитъ помѣщика или къ усиленію уроковъ, или къ отнятію у крестьянъ собственныхъ ихъ дней [4]). Точно также и Ю. Ф. Самаринъ полагалъ, что на тягло господской запашки нельзя полагать болѣе 2 дес. въ средней Россіи [5]).

---

[1]) Гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 276.

[2]) Ст. 1107, т. 9, Св. Зак. изд. 1857 года,

[3]) Прил. къ Труд. Ред. Ком., т. 2, стр. 242.

[4]) Колюпановъ, біографія А. И. Кошелева, т. 2, стр. 197.

[5]) Сочин. т. 2, стр. 82.

Но поставленный сейчасъ вопросъ можетъ быть сведенъ къ другому, болѣе общему, именно, къ вопросу о томъ, сколько же земли вообще можетъ обработать тягло? Должны же быть какія нибудь предѣлы земельной площади, обработка коей ограничена какъ рабочими силами, такъ и рабочимъ временемъ? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса нужно опредѣлить точнѣе какъ рабочія силы (тягло), такъ и рабочее время.

Рабочая сила будетъ—средній работникъ, т. е. крестьянинъ съ средними физическими силами, имѣющій для работы необходимый живой и мертвый инвентарь, потребный для обработки земли: работникъ, имѣющій семью, жену съ подростками дѣтьми, при каковомъ условіи женщина въ нѣкоторыхъ случаяхъ несетъ одинаковую работу съ мужчиною (сушка травы, жнитво ржи); но основная въ полевомъ хозяйствѣ сила будетъ, конечно, мужская.

Рабочее время ограничивается началомъ и концомъ полевыхъ работъ. Это время, нѣсколько разнообразясь на югѣ и на сѣверѣ губерніи, въ среднемъ, при системѣ трехпольнаго, общепринятаго въ нашей губерніи хозяйства (съ посѣвомъ въ озимомъ ржи, въ яровомъ—овса, картофеля, проса и др. хлѣбовъ), можетъ быть принято: для начала—половина апрѣля, для конца сентябрь включительно. Слѣдовательно, средняя продолжительность полевыхъ работъ будетъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ. Смѣна работъ представляется въ такомъ видѣ. Съ 15 апрѣля по 1-е мая—пахота земли подъ овесъ и посѣвъ послѣдняго; съ 1-го по 20 мая—подготовка земли подъ посѣвъ проса, картофеля и посѣвъ ихъ; съ 20 мая по 1 іюня—вывозка навоза, съ 1-го по 23 іюня—подъемъ пара и боронованіе, пропашка картофеля, а такъ же домашнія сельско-хозяйственныя работы: починка строеній, инвентаря; съ 23 іюня по 6 іюля (включительно) сѣнокосъ. Для окскихъ луговъ продолжительность сѣнокоса можетъ быть принята съ 20 іюня по 12 іюля. Съ 8-го іюля по 6-е августа—уборка хлѣба, двоеніе и боронованіе поля и молотьба сѣмянъ; съ 6-го по 20-е августа—посѣвъ озимаго хлѣба и уборка проса. Послѣ 20-го августа, уборка картофеля, молотьба урожая и другія домашнія хозяйственныя работы. Вспашка земли подъ зиму производится не всегда; въ зависимости отъ размѣровъ посадки картофеля находится болѣе или менѣе значительное время для уборки его; въ общемъ, можно принять, что подготовка земли подъ яровой хлѣбъ производится весной.

Главными періодами, ограничивающими ***наивысшій предѣлъ*** количества земли въ посѣвѣ, являются: для яроваго хлѣба—время посѣва его, а для озимаго—время уборки.

Если сдѣлать подробный учетъ крестьянскихъ работъ [1]), то придемъ къ слѣдующимъ общимъ выводомъ. Въ трехпольномъ хозяйствѣ, являющемся господствующимъ у крестьянъ Рязанской губерніи,—озимое, яровое и паровое поля должны быть равны, Самыми тѣсными періодами для опредѣленія наибольшей площади посѣва долженъ служить посѣвъ яроваго и уборка озимаго и яроваго хлѣбовъ. Періодъ яроваго посѣва, при разнообразіи яровыхъ хлѣбовъ, дозволяетъ одному рабочему обработать 4 дес., но періодъ хлѣбной уборки ставитъ предѣломъ лишь 3 дес. въ полѣ. Иначе сказать, лишь при 3 дес. въ полѣ работы могуть быть своевременными, при большемъ же количествѣ полевой земли явится неуправка въ періодъ уборки хлѣба. Но при трехъ десятинахъ въ полѣ у крестьянъ будетъ остатокъ времени въ періодъ яроваго посѣва; въ теченіи этого времени можно обработать цѣлую десятину. Использовать это свободное время легко, если крестьяне имѣютъ подъ усадьбой не менѣе десятины.

И такъ, ***наибольшее количество удобной земли на одного работника можетъ быть принято въ 13 десятинъ*** (9 десят. пашни, 1 дес. пашни усадьбы, 3 дес. суходольнаго луга).

---

[1]) Учетъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Для посѣва 1 дес. овса требуется отъ $5^3/_4$—6 мужскихъ рабочихъ дней (предполагая ранній взметъ, когда земля еще сыра и работа по этому тяжела: вспахать $1^3/_4$ 2 дня, побороновать 1 день, подвести и разсѣять сѣмена $^1/_3$ дня, запахать $1^2/_3$ дня, побороновать 1 день).

Съ 18 апрѣля по 1 мая 14 дней, а за исключеніемъ двухъ празниковъ—12, въ кои по приведенному разсчету можно обсѣять 2 дес. При не управкѣ, боронованіе посѣва безъ вреда можетъ быть перенесено на 1-е число мая; наоборотъ, если взметъ произведенъ съ осени—будутъ запасные дни.

Для посѣва 1 дес. проса требуется $9^5/_6$ дня (взметать $1^1/_2$ дня, побороновать 1 день, передвоить $1^1/_3$ дня, побороновать одинъ день, разсѣять сѣмена $^1/_3$ дня, запахать $1^1/_3$ дня, заволочить 1 день, переломать $1^1/_3$ дня, поволочить 1 день).

Для посѣва 1 дес. картофеля, требуется $6^1/_3$ дня (взметать $1^1/_2$ дня, побороновать 1 день, передвоить $1^1/_3$ дня, побороновать 1 день, нарѣзать гряды и запахать $1^1/_2$ дня).

Выбрасывая изъ 20 дней мая, 6 праздничныхъ дней и 1 день на укатываніе 2 дес. овса,—въ остальные 13 дней можно вполнѣ обработать подъ картофель и просо $1^5/_8$ дес. (на 2 дес. потребовалосъ бы 15 дней); если же взметъ произведенъ съ осени, то и 2 дес., именно, одну картофеля и одну проса.

И такъ, со времени открытія весеннихъ полевыхъ работъ и до 20 мая (т. е. предѣльный срокъ яроваго посѣва) одинъ рабочій можетъ при нормальныхъ условіяхъ обсѣять $3^5/_8$ дес. различныхъ яровыхъ хлѣбовъ, при чемъ всѣ праздники у

Если же при нормальныхъ условіяхъ работникъ можетъ обработать не болѣе 13 дес. и если его работа (а съ тѣмъ вмѣстѣ и земля) распредѣляется и между нимъ и помѣщиковъ по ровну, то нормальный надѣлъ крестьянъ (а равно и господской запашки) будетъ составлять $6^1/_2$ десятинъ.

И дѣйствительно, по словамъ Кошелева, средній надѣлъ въ барщинныхъ имѣніяхъ земледѣльческой части Рязанской губерніи есть 2 указанныхъ десятины на тягло въ каждомъ полѣ. Есть надѣлы и по $1^1/_2$ дес. и по $2^1/_2$ дес., но число имѣній съ такимъ надѣломъ незначительно; сверхъ того, число имѣній съ послѣднимъ надѣломъ, т. е. $2^1/_2$ десятиннымъ, менѣе значительно, чѣмъ число имѣній съ первымъ надѣломъ, и заключаетъ въ себѣ преимущественно селенія, гдѣ вовсе нѣтъ луговъ. Двухдесятинный надѣлъ на тягло въ каждомъ полѣ, при $^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$ дес. луга и при $^1/_2$ дес. усадебной земли, считается у насъ такимъ нормальнымъ надѣломъ, что всякій излишекъ уполномочиваетъ самаго совѣстливаго помѣщика потребовать излишнихъ повинностей со стороны крестьянъ, безропотно ихъ исполняющихъ; а всякій недостатокъ побуждаетъ послѣднихъ жаловаться на малоземелье,

---

него останутся свободными, а если взметъ или часть его сдѣланы съ осени,—то онъ будетъ имѣть еще нѣкоторый запасъ рабочихъ дней.

Съ 20 мая по 1 іюня вывозка навоза, причемъ большая или меньшая удаленность поля дастъ большій или меньшій остатокъ свободныхъ дней, кои рабочій можетъ употребить на разныя домашнія дѣла. Въ тоже время можно пробороновать картофель, при появленіи всходовъ.

Съ 1—23 іюня, за исключеніемъ четырехъ праздничныхъ дней, остальные 19 дней будутъ употреблены: на боронованіе картофеля (если оно не произведено ранѣе, 1 день) и двѣ пропашки его (2 дня); 16 дней остаются на взметъ пара и боронованіе его (взметъ 1 дес. $1^1/_2$ дня, боронованіе 1 день), въ это время можно взметать и побороновать нѣсколько болѣе 6 дес.

Съ 23 іюня по 6 іюля въ нашей губерніи производится сѣнокосъ. Исключая изъ 14 дней на праздники (4 полдня праздниковъ)—2 дня и на случайности (самое главное—погода), исключая $^1/_4$ часть, или 3 дня остается 9 полныхъ рабочихъ дней.

Уборка 1 дес. луга требуетъ: при урожаѣ сѣна до 100 п. съ десятины—отъ 5—$5^1/_2$ дней (скосить—$1^1/_2$—2 дней, ворошить и копнить $2^1/_2$ дня, сложить въ стога 1 день), а при урожаѣ сѣна отъ 250—300 п. съ десятины—$11^1/_2$ дней (скосить 3 дня, ворошить и копнить $5^1/_2$ дней, сложить въ стога 3 дня).

Если при уборкѣ луговъ отнести 2—4 дня на работу женщинъ (при сушкѣ травы), то 1 дес. луга, при урожаѣ сѣна до 100 пудовъ, потребуетъ 3—$3^1/_2$ дня мужскихъ, а при урожаѣ отъ 250—300 п. $7^1/_2$ дней; а въ полный періодъ уборки 9 дней, одинъ косецъ можетъ обработать отъ $2^4/_7$ до 3 дес. луга суходольнаго, или $1^1/_5$ дес.—высокаго качества, заливнаго.

или на скудный надѣлъ. Можно рѣшительно сказать, что изъ 10 немалоземельныхъ имѣній, въ 8-ми, даже въ 9-ти, и имѣется этотъ нормальный надѣлъ, ***слѣдовательно, можно признать нормальнымъ надѣломъ въ нашей губерніи по 7 дес. на тягло.*** Душъ числится у насъ въ большей части имѣній отъ $2^1/_2$—3, хотя есть и по 4, какъ есть и по 2 души на тягло, а потому можно безошибочно принять въ среднемъ $2^3/_4$ души на тягло. Раздѣливъ 7 дес. на $2^3/_4$ души, получится среднимъ числомъ на душу земли по $2^1/_2$ дес. Это число и есть дѣйствительно настоящее [1]). По словамъ В. Селиванова, въ помѣщичьихъ, барщинныхъ имѣніяхъ, по большей части пахотная земля дѣлится между помѣщикомъ и крестьяниномъ поровну. Владѣя своей половиной, крестьяне за это обработываютъ барскую землю. Для этого всѣ обыкновенныя земледѣльческія орудія,

---

Въ мѣстностяхъ пріокскихъ, гдѣ земледѣліе играетъ второстепенную роль въ сравненіи съ луговымъ хозяйствомъ, время сѣнокоса продолжается въ среднемъ съ 20 іюня по 12 іюля. Отбрасывая праздники (6 полупраздниковъ—3 дня) и на случайности (на неблагопріятную погоду $^1/_4$ часть), въ остальные $13^1/_2$ дней, по приведенному сейчасъ расчету, можно обработать отъ $1^4/_5$—2 дес.

Съ 8 іюля по 8 августа (30 дней) производится двоеніе и боронованіе пароваго поля, уборка ржи и овса, и молотьба сѣмянъ ржи для посѣва.

Двоеніе 1 дес. пароваго поля требуетъ $1^1/_2$ дня, боронованіе 1 день, косьба 1 дес. ржи, при урожаѣ 10—15 копенъ—$2^1/_2$ дня. (а жнитво такой же дес.—7 дней), косьба 1 дес. овса—2 дня, а при урожаѣ менѣе 10—15 копенъ отъ 1—$1^1/_2$ дня, молотьба 1 копны ржи на сѣмена 1 день.

Изъ полныхъ 30 дней слѣдуетъ исключить не рабочее время, именно: 6 августа—праздникъ, строго почитаемый сельскимъ населеніенъ; еще 6 праздниковъ (4 воскресенья, 8 іюля и 1 августа) приравниваемыхъ къ тремъ днямъ (не работаютъ лишь полдня). Въ горячее рабочее время хлѣбной уборки, крестьяне не считаютъ за грѣхъ возить съ поля копны, или молотить у себя, дома, въ праздничные дни, даже съ утра. Разнообразіе работъ разсматриваемаго періода позволяетъ лучше приспособляться къ капризамъ погоды: въ хорошую погоду производится уборка хлѣба, въ дождливую—пахота, боронованіе пара, молотьба ржи на сѣмена.

При указанной выше нормѣ посѣва овса (2 дес.) на уборку необходимы 2—4 дня (въ среднемъ 3 дня). Возку урожая можно отнести на праздники, тогда на уборку ржи и на обработку пара останется 20 дней.

Такъ какъ при трехпольномъ хозяйствѣ, паровое поле равно озимому, то работы на 1 дес. того и другого будутъ требовать 6—7 дней передвоить, побороновать и подготовить сѣмена на 1 дес. пароваго поля $3^1/_2$ дня, скосить 1 дес. ржи $2^1/_2$ дес. или сжать, для двоихъ (мужъ и жена) $3^1/_2$ дня.

Такимъ образомъ, въ 20 дней можно исполнить тѣ же работы на $2^6/_7$ до $3^1/_2$ дес., а въ среднемъ на 3 дес.

Дальнѣйшія работы—посѣвъ озимаго, уборка проса, картофеля, не представляютъ затрудненій и не требуютъ подробнаго учета.

[1]) Прил. къ Труд. Ред. Ком., т. 2, стр. 258.

напр.: сохи, бороны, заступы, грабли, косы и проч., а также лошадей и упряжь, они должны содержать на свой счетъ въ порядкѣ, такъ, чтобъ работа ни своя, ни барская, отъ нерадѣнія или небрежности, не стояла. Обыкновенно принято надѣлять каждое тягло двумя тридцатыми десятинами въ каждомъ полѣ; тоже самое количество тягло обработываетъ и на господина [1]).

Какія же выгоды извлекали крестьяне изъ пользованія этимъ нормальнымъ надѣломъ?

По подчету кн Н. С. Волконскаго, сдѣланнному имъ для имѣнія Семенова, которое также было нормальнымъ и въ которомъ земли было предоставлено крестьянамъ даже нѣсколько болѣе, чѣмъ установлено вышеприведенною нормою,—урожай озимаго давалъ какъ разъ то количество ржи, которое требовалось на продовольствіе крестьянъ, считая на каждаго ѣдока по 2 четверти ржи въ годъ; урожай овса—давалъ тоже не болѣе того, сколько его требовалось на сѣмена и для прокормленія лошадей во время работъ. И такъ, *выгоды отъ пользованія надѣломъ состояли въ полученіи минимума для поддержанія существованія крестьянъ и ихъ рабочихъ силъ.*

При такомъ положеніи, очевидно, не было никакой возможности уменьшать надѣлъ тягла, при увеличивающемся отъ прироста населенія числѣ рабочихъ рукъ; надѣлъ новыхъ тягловыхъ долженъ былъ дѣлаться изъ запасныхъ земель помѣщика (если онѣ были): въ противномъ случаѣ, эти рабочіе должны были приспособляться къ промысламъ или къ найму на работу на сторонѣ. Этимъ пріостанавливалось дальнѣйшее дробленіе крестьянскаго тягловаго участка. Подтвержденіе сего находимъ у Ю. Ф. Самарина. По его словамъ, порядокъ, гдѣ число тяголъ увеличивается вмѣстѣ съ приростомъ населенія, и гдѣ на каждаго прибылаго работника нарѣзывается участокъ,—давно уже вывелся въ Рязанской губерніи. Здѣсь обыкновенно встрѣчается въ имѣніяхъ единожды на всегда опредѣленное и неизмѣнное число тяголъ (отъ $2^1/_2$ до до 3 душъ на каждое) и соотвѣтственная, также неизмѣнная, нарѣзка земли. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о *наложеніи* тяголъ по достиженіи работникомъ извѣстнаго возраста, ибо тягла не навязываются, а разбираются нарасхватъ [2]).

Онъ же въ другомъ мѣстѣ по тому же предмету говоритъ:

---

[1]) Годъ русскаго земледѣльца, изд. 1887 г., ст. 11—12.

[2]) Соч. т. 3, стр. 64—65).

„при мірскомъ владѣніи и тягловомъ раздѣлѣ *предѣлъ дробленія земли устанавливается самъ собою.* Среднія наши губерніи (Рязанская) представляютъ тому живое доказательство. Въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ вся земля давно разобрана, гдѣ нѣтъ запасной, число тяголъ, которому соотвѣтствуетъ равное число участковъ, не увеличивается, какъ бы ни наростало народонаселеніе. Можно встрѣтить дома, состоящіе изъ 5 женатыхъ работниковъ, и несущіе только 2 или 3 тягла. Здѣсь тягло уже утратило личный характеръ и получило значеніе недвижимаго участка. Лишніе, затягольные работники обращаются къ другимъ промысламъ, или нанимаются въ работу на сторонѣ, возвращаясь домой на косовицу, а иногда и къ уборкѣ хлѣба. Благоразумный предѣлъ дробленія земли положенъ не помѣщикомъ, онъ вышелъ изъ обычая и установился самъ собою, въ противность ихъ выгодамъ, ибо очевидно, что для нихъ было бы гораздо прибыльнѣе, не нарѣзая крестьянамъ новой земли, допустить неограниченное наращеніе тяголъ, и, слѣдовательно, имѣть въ своемъ распоряженіи постоянно возрастающее количество рукъ на барщинѣ [1]).

По удостовѣренію В. Селиванова, при равномъ раздѣленіи земли между помѣщикомъ и крестьянами помѣщикъ старается, чтобъ число тяголъ соотвѣтствовало количеству его земли, т. е. чтобъ на каждыя двѣ десятины было наличное тягло. Поэтому каждый помѣщикъ охотно допускаетъ умноженіе тяголъ, при которомъ онъ, не лишаясь ничего, пріобрѣтаетъ большее число рабочихъ рукъ, но крестьяне смотрятъ иначе. На каждое новое тягло имъ нужно выдѣлить землю изъ владѣемой ими, съ ущербомъ для себя, и хотя работа на барщинѣ черезъ умноженіе тяголъ для нихъ облегчается, но на это они мало обращаютъ вниманіе. Къ тому же, всѣ тѣ члены семействъ, которые тягла не несутъ и не пользуются землею, постоянно работаютъ на себя, или пріобрѣтаютъ деньги на сторонѣ, въ пользу своихъ домовъ. Потому, чѣмъ больше затяглыхъ въ семействѣ, тѣмъ дворъ богаче, и наоборотъ, совсѣмъ безъ затяглыхъ дворъ никогда не разбогатѣетъ [2]).

Какія же повинности передъ помѣщикомъ несли крестьяне за это пользованіе землею? Крестьяне несли передъ помѣщикомъ самыя разнообразныя повинности, денежныя и натуральныя. Де-

---

[1]) Соч. Самарина, т. 2, стр. 168.

[2]) Годъ русскаго земледѣльца, изд. 1887 г., стр. 12.

нежныя состояли въ уплатѣ оброка за пользованіе землей; натуральныя—въ обработкѣ полей, въ поставкѣ подводъ и разнаго рода припасовъ (столовый запасъ). Назначеніе тѣхъ и другихъ повинностей зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика. Кромѣ обязанностей крестьяне несли и разныя обязанности передъ правительствомъ; такъ, они уплачивали подушные и другіе установленные сборы, отправляли рекрутскую повинность, и проч. За точное исполненіе этихъ обязанностей передъ правительствомъ отвѣчалъ помѣщикъ, а потому ему принадлежало право надзора и хозяйственныя распоряженія въ этомъ дѣлѣ. Это свое право помѣщикъ охранялъ строго и не допускалъ никакого вмѣшательства со стороны органовъ правительственной власти въ область его хозяйственныхъ распоряженій. Такъ, въ одномъ изъ приказовъ кн. В. старостѣ читаемъ: „За прошлую четверть я оброкъ получилъ сполна, исключая толко тѣхъ тяголъ, съ которыхъ были сданы ратники; а такъ какъ это было сдѣлано тобою безъ моего дозволенія, а по распоряженію (будто бы) высшаго начальства, которое въ мои хозяйственныя дѣла помимо меня входить не можетъ, то собрать оную недоимку и также выслать съ оброкомъ. Оброкъ, слѣдуемый съ людей, отданныхъ въ ратники, отнынѣ раскладывать на міръ, а земли съ нихъ не снимать, ибо они могутъ возвратиться. Мнѣ же оброкъ доставлять непремѣнно весь сполна“. Такъ какъ исправное отправленіе повинностей составляло самую существенную часть хозяйства, и безпорядки въ этой части могли нарушить правильное теченіе дѣлъ и весь хозяйственный строй, кн. В. зорко слѣдилъ за своевременнымъ поступленіемъ платежей и принималъ крутыя мѣры противъ неплательщиковъ. „Объявить всему міру, пишетъ онъ въ Іюлѣ, что съ будущаго новаго года я всѣхъ неисправныхъ плательщиковъ оброка, всѣхъ людей дурного поведенія, всѣхъ дѣвокъ безъ уважительной причины не выходящихъ замужъ, буду совершенно переселять сюда на хлѣбопашество, чтобы имѣть ближайшій за ними надзоръ. Я бы и теперь это сдѣлалъ, но хочу впередъ объявить и тѣмъ дать возможность желающимъ исправиться“. Совершенныхъ негодяевъ помѣщикъ приказалъ отдавать въ солдаты. Помѣщикъ хорошо зналъ цѣну своевременно полученнаго оброка, а потому иногда не принималъ въ соображеніе даже такія обстоятельства, которыя повидимому представлялись весьма резонными. Такъ, въ холерный и неурожайный 1848 годъ староста объяснялъ причину задержки оброка болѣзнью. Это однако не стѣснило помѣщика послать

(19 Іюля) слѣдующій приказъ. „Оброчную сумму собрать непремѣнно и 1 Августа выслать; ибо болѣзнь не есть отговорка, и такъ какъ она существуетъ вездѣ, то и не могла служить помѣхой для работы. Хорошій крестьянинъ не лежитъ на печи ни въ какое время, а дурныхъ—слѣдуетъ наказывать“. Помѣщикъ особенно преслѣдовалъ лѣнтяевъ и понуждалъ ихъ къ работѣ. „Ты доносишь, пишетъ онъ, что скотина дешева, почти ничего не стоитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просишь, чтобы я уволилъ крестьянъ отъ повинностей (тягловыхъ). Ты, кажется, думаешь, что я самъ по міру пойду для того только, чтобы побаловать лѣнтяевъ... Лѣнтяевъ заставлять работать болѣе, нежели когда нибудь“. Иногда давалась отсрочка въ уплатѣ оброка, но на короткое время; такъ, сборъ оброка за первую четверть 1855 года, по просьбѣ старосты, былъ отсроченъ (12 Апрѣля) до 9 Мая; но 9 Мая велѣно собрать непремѣнно весь оброкъ сполна и доставить помѣщику. „На болѣе долгое время, пишетъ онъ, отсрочить не могу, ибо самъ нуждаюсь въ деньгахъ“.

Какъ велики были денежныя повинности (оброкъ)?

Какъ велики были оброки, изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно. Въ имѣніи Семенова, исключительно барщинномъ, съ дворовыхъ людей, отпускаемыхъ на оброкъ, взималось по 18 рублей серебромъ съ каждаго взрослаго мужчины. По словамъ А. И. Кошелева, крестьяне тѣхъ мѣстностей Рязанской губерніи, гдѣ мало земли и гдѣ она дешева, платятъ обыкновенно оброка около 20 рубл. сереб. При надѣлѣ 6—7 десятинъ въ трехъ поляхъ на тягло, и при существовавшей въ то время арендной платѣ на землю: подъ озимое 5 руб., подъ яровое 4 руб., а на десятину въ сложности въ трехъ поляхъ три рубля,—это будетъ нормальнымъ оброкомъ [1]). По словамъ кн. Волконскаго, оброкъ въ 18 рублей въ Раненбургскомъ уѣздѣ былъ заурядными, весьма распространеннымъ и считался не тяжелымъ. Указаннымъ выше изслѣдованіемъ того же кн. Волконскаго установлены слѣдующіе по сему предмету общіе выводы. Въ разныхъ мѣстностяхъ и даже въ разныхъ имѣніяхъ одной и той же мѣстности, денежные оброки были весьма разнообразны, измѣняясь отъ 10—40 и болѣе рублей съ тягла. Тотъ или другой размѣръ оброка находился въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ другихъ добавочныхъ сверхъ оброка натуральныхъ платежей и работъ, отъ

[1]) Прилож. къ Труд. Ред. Ком. Т. II, стр. 298.

состоянія помѣщика и проч. Имѣнія на смѣшанной повинности въ общемъ уплачивали болѣе низкіе оброки, чѣмъ имѣнія чисто оброчныя. Въ южныхъ и вообще коренныхъ помѣщичьихъ уѣздахъ, гдѣ помѣщики жили въ своихъ имѣніяхъ и преобладала барщина, число высокихъ оброковъ было больше; но за то въ такихъ уѣздахъ высокій оброкъ взимался часто лишь съ небольшого числа крестьянъ, обладавшихъ особыми средствами къ уплатѣ; прочіе же крестьяне селенія оставались при этомъ нерѣдко на барщинѣ и не платили оброка. Въ общемъ, размѣры оброковъ возрастаютъ по мѣрѣ уменьшенія въ каждой мѣстности относительнаго числа оброчныхъ имѣній. Чѣмъ больше въ данной мѣстности было непосредственныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ и чѣмъ болѣе обстоятельства благопріятствовали образованію такихъ хозяйствъ, тѣмъ выше былъ обычный размѣръ оброковъ.

Въ имѣніяхъ барщинныхъ за пользованіе землей крестьяне обязаны были отправлять всѣ барщинныя работы, какъ-то, производить полную обработку полевой земли, полную уборку урожая хлѣбовъ и травъ, обязаны вывезти хлѣбъ для продажи въ указанное мѣсто, и др.

Сколько же времени требовалось для исполненія всѣхъ этихъ работъ?

При разсмотрѣніи вопроса о количествѣ производимой крестьянами на помѣщика *работы*, слѣдуетъ имѣть въ виду издревле существовавшее правило *половничества*, или трехдневной работы въ имѣніяхъ. Въ 1797 году вышелъ законъ [1]) коимъ запрещалась работа въ праздничные дни и ограничивалась въ остальное время тремя днями въ недѣлю. Но установленное закономъ правило не было изобрѣтеньемъ, или слѣдствіемъ произвольнаго разсчета, а только утвержденіемъ существовавшаго уже порядка, или переводомъ его изъ права обычнаго въ законъ [2]). Однако законъ о трехдневной барщинѣ былъ не вполнѣ ясенъ; во первыхъ—въ томъ отношеніи, что изъ текста его не видно, есть ли это безусловное запрещеніе, или совѣтъ: „повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать

---

[1]) Пол. соб. 1797 г. № 17909.

[2]) Соч. Хомякова, изд. 2, 1878 года, т. 1, стр. 436. Еще о сельскихъ условіяхъ. Напечатано въ 1842 году.

крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по ровному числу оныхъ въ обще раздѣляемыхъ, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ"; а во вторыхъ,—въ томъ, что въ законѣ не сказано, съ кого помѣщикъ можетъ требовать трехдневныхъ работъ, съ души, или съ тягла; а эта неопредѣленность дѣлала неисполнимымъ требованіе о надзорѣ мѣстной полиціи за строжайшимъ соблюденіемъ закона [1].

Какую же *рабочую норму* слѣдуетъ установить изъ существовавшаго обычая и требованій закона? Въ конторѣ имѣнія А. И. Кошелева, въ селѣ Песочнѣ Сапожковскаго уѣзда, на видномъ мѣстѣ было вывѣшено росписаніе праздничныхъ дней, въ коихъ рабочіе освобождаются отъ работъ. Хотя это росписаніе примѣнялось гораздо позднѣе упраздненія крѣпостнаго права, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что оно дѣйствовало и ранѣе, такъ какъ трудно предположить, чтобы къ вольнонаемнымъ рабочимъ предъявляли болѣе тяжелыя требованія въ работѣ, чѣмъ къ крѣпостнымъ. Изъ этого росписанія видно, что за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней оставалось въ году рабочихъ дней около 280, слѣдовательно, при раздѣленіи этого времени пополамъ, при крѣпостномъ правѣ должно было причитаться на долю помѣщика *около 140 дней* [2]. Это и будетъ рабочая норма. Норма эта не вездѣ даже исчерпывалась; по словамъ того же Кошелева, во

---

[1]) Самаринъ, соч., т. 2 стр. 114.

[2]) Вотъ подробный разсчетъ. Крестьяне освобождались отъ работъ кромѣ воскресныхъ дней (52 въ годъ), еще въ слѣдующіе праздники: Въ *январѣ*, 1 Новый годъ, и 6 Крещеніе; въ *февралѣ*, 2 Срѣтеніе; вь *мартѣ*, 25 Благовѣщеніе; въ *маѣ*, 9 Николинъ день; въ *іюнѣ*, 29 Петровъ день; въ *іюлѣ*, 8 Казанская Божія Матерь (до обѣда), 20 Ильинъ день (до обѣда); въ *августѣ*, 1 Первый Спасъ (до обѣда), 6 Преображеніе, 15 Успеніе, 29 Усѣкновеніе Главы Іоанна Крестителя (до обѣда); въ *сентябрѣ*, 8 Рождество Богородицы, 14 Воздвиженіе, 26 Іоанна Богослова, (до обѣда); въ *октябрѣ*, 1 Покровъ, 22 Казанская; въ *ноябрѣ*, 8 Михаилъ Архангелъ, 21 Введеніе; въ *декабрѣ*, 6 Николинъ день, (престольный праздникъ въ селѣ празднуютъ 3 дня—6, 7, 8), 25 и 26—Рождество.—На масляницу—два дня, Пятница и Суббота; на Страстной недѣлѣ, Пятница до 2 часовъ (до обѣда) и Суббота, съ 3 часовъ, если пахота, а если нѣтъ—то весь день нѣтъ работы, Свѣтлая Недѣля, Вознесеніе, Троицынъ День и Духовъ День,—итого около 33 дней, а съ 52 Воскресеньями—около 85 дней, остается въ году рабочихъ дней около 280, а по поламъ около 140 помѣщику, и столько же крестьянамъ для себя.

всѣхъ имѣніяхъ его нарядъ работниковъ записывался ежедневно, и по многолѣтнему опыту онъ удостовѣряетъ, что въ сложности тяглецъ работаетъ не болѣе 120 дней въ году, а жена его не болѣе 40 дней [1]).

При исполненіи барщинныхъ работъ помѣщикъ не долженъ брать въ свою пользу сплошь всѣ рабочіе дни недѣли, такъ какъ здѣсь дѣйствовалъ законъ, ограничивавшій права помѣщика лишь половиною рабочаго времени. При чемъ въ счетъ этой половины можно было брать только три дня въ недѣлю, другіе же три дня принадлежали крестьянамъ. Однако, не смотря на это требораніе закона, онъ не примѣнялся строго, и въ случаяхъ особой спѣшности, кн. В. требовалъ отъ крестьянъ лишніе дни. Это дѣлалось при молотьбѣ хлѣба для заготовки сѣмянъ на обсѣвъ озимаго поля. Четвертый день брался съ тѣхъ крестьянъ, которые состояли въ долгу, или послѣ будутъ занимать. Лишніе крестьянскіе дни, съ кого они взяты, записывались на ихъ счетъ особо.

Порядокъ отправленія барщины былъ различный, но въ большинствѣ существовалъ обычай работать *братъ на брата*, если семейство состоитъ изъ двухъ тяголъ [2]). Этотъ порядокъ примѣнялся и въ имѣніи Семенова: „работать крестьянамъ надлежитъ по указанію помѣщика, не приневоливая однако крестьянъ отнюдь употреблять на помѣщичью работу болѣе половины тягловыхъ работниковъ и работницъ ежедневно“ (§ 12 руководства).

Вся крестьянская работа была на строгомъ учетѣ и производилась по *урокамъ*. Такъ, въ имѣніи того же Семенова въ ежедневный урокъ полагалось: метать тремъ работникамъ съ сохами на десятину (сороковую), бороновать одному работнику на десятину, двоить, троить и перепахивать—пяти ряботникамъ съ сохами на двѣ десятины, и при нихъ быть двумъ боронамъ безъ работниковъ и проч. (§ 13 руков.).

Для лицъ не знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ не лишне будетъ указать, что значитъ, напримѣръ, взметать одну десятину (сороковую) тремъ работникамъ? А это значитъ пройти каждому работнику съ сохою пространство болѣе семнадцати верстъ [3]).

---

[1]) Колюпановъ, біографія А. И. Кошелева, т. 2, стр. 197.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 278.

[3]) Вотъ подробный разсчетъ. Ширина борозды 6 вершковъ, въ сажени 8 бороздъ, въ 80 саженяхъ 640 бороздъ. Длина борозды 40 сажень, а вся длина (640×40)—25600 сажень для троихъ рабочихъ; для одного 8533 саж. или 17, 6 верстъ.

Если принять во вниманіе, что въ настоящее время полагается на одного рабочаго урокъ на взметъ одной десятины (тридцатой или казенной мѣры) полтора дня, что по тому же разсчету составитъ на одинъ день пространство въ 25,6 верстъ,—то нельзя не признать уроки г. Семенова необременительными для крестьянъ,—тѣмъ болѣе, что въ другихъ имѣніяхъ уроки были больше. Такъ, по удостовѣренію В. Селиванова, тридцатую десятину два работника съ двумя сохами взметываютъ въ одинъ день, что на каждаго составляетъ ½ десятины, или пространство въ 19,2 версты [1]).

Изъ другихъ повинностей особенно обременительною считалась крестьянами *подводная повинность* т. е. выставка подводъ для перевозки хлѣба и другихъ тяжестей; посему кн. В., охраняя интересы крестьянъ, озабочивался продажею хлѣба по близости. Разъ, предположивъ продать до 700 четвертей ржи, онъ поручилъ приказчику озаботиться запродажею на ближайшій заводъ, буде то найдетъ выгоднымъ и возможнымъ,—„помня, что далеко возить въ нынѣшнемъ году крестьянамъ будетъ тяжело".

Въ имѣніи Семенова креотьяне обязаны были вывозить зимою для продажи хлѣбъ помѣщика, на разстояніи отъ имѣнія: 350 верстъ 52 пуда (двѣ подводы) 100 верстъ—52 пуда, 50 верстъ—52 пуда, съ каждаго тягла; за освобожденіе отъ этой повинности взималось деньгами 18 рублей серебромъ (§ 1 и 3 руководства). По учету кн. Н. С. Волконскаго на выполненіе этой работы требовалось 22 дня.

Для помѣщиковъ эта повинность имѣла очень большое значеніе, давая имъ возможность пользоваться разницею цѣнъ на хлѣбъ на мѣстѣ производства и на рынкѣ. Необходимость же пользоваться этою разницею становилась тѣмъ большею, чѣмъ больше помѣщикъ работалъ для рынка, съ цѣлію добычи денегъ.— Вотъ почему, по словамъ Ю. Ф. Самарина, вмѣстѣ съ оскуденіемъ ихъ имѣній,—постоянно увеличивались повинности крестьянъ и въ особенности подводная. Въ Рязанской губерніи тамъ, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, теперь ставятъ двѣ, три, а иногда и болѣе [2]).

Подводную повинность отправляли исключительно издѣльные крестьяне; *столовый же запасъ*—составлялъ главнымъ обра-

---

[1]) Годъ русскаго земледѣльца, изд. 1887 года, стр. 15.

[2]) Соч. т. 2, стр. 60.

зомъ добавочную повинность оброчныхъ крестьянъ (и состоящихъ на смѣшанной повинности т. е. частію платившихъ денежный оброкъ, частію отправлявшихъ нѣкоторыя работы въ имѣніи помѣщика); и лишь иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, эту повинность отправляли издѣльные крестьяне. Посему, въ Рязанской губерніи эта повинность была распространена въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне были преимущественно оброчные, (Рязанскій, Егорьевскій, Зарайскій, Касимовскій и Спасскій), и рѣдко встрѣчалась въ южныхъ уѣздахъ (Данковскій, Михайловскій, Пронскій, Раненбургскій, Ряжскій, Сапожковскій и Скопинскій), гдѣ преобладали издѣльные крестьяне. Столовый запасъ взимался частію сельскохозяйственными продуктами, (рожь, ржаная мука, овесъ, сѣно, хмѣль, ягоды, бѣлые грибы, клюква, бараны, куры, яйца, свиное мясо, коровье масло, поросята, утки, циплята), частію издѣліями (холстъ, тальки, овчины, сукно, деготь), частію деньгами, которыя уплачивались за отправленіе этой повинности натурою, по расцѣнкѣ.

Въ имѣніяхъ кн. В., въ столовый запасъ крестьяне ставили: яйца, гусей, куръ, барановъ, свѣжину и проч. Въ случаѣ надобности одни припасы замѣнялись другими, напримѣръ, вмѣсто гусей велѣно было собрать по три курицы съ тягла. Весь этотъ сборъ дѣлался по заведенному порядку; взимался онъ не такъ строго, какъ другіе сборы: здѣсь давались довольно часто льготы, состоящія какъ въ уменьшеніи этого сбора, такъ и въ совершенной отмѣнѣ его, на тотъ или другой годъ. Вмѣсто натуральнаго сбора крестьяне, по ихъ желанію, могли платить деньгами по существующей цѣнѣ. Нерѣдко эти деньги помѣщикъ не обращалъ въ свою пользу, а направлялъ на уплату другихъ сборовъ съ крестьянъ. Въ одномъ изъ приказовъ кн. В. читаемъ: „Барановъ съ крестьянъ не собирать, но деньги, слѣдуемыя за барановъ, обратить въ уплату за нихъ же подушныхъ, въ уваженіе нынѣшняго неурожая яровыхъ хлѣбовъ... Свѣжину собрать всю сполна, обыкновеннымъ порядкомъ, но по случаю нынѣшняго дурного года внести половину суммы въ подушныя“. Позднѣе отъ сбора второй половины крестьяне также были освобождены.

На какомъ основаніи кромѣ трехдневной съ крестьянъ работы помѣщики взимаютъ сей оброкъ (столовый запасъ)? спрашиваетъ Заблоцкій—Десятовскій; и на поставленный вопросъ даетъ такой отвѣтъ: „на основаніи обычая и права, предоставленнаго помѣщику, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія

личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали разореній [1]).

Не касаясь права помѣщика налагать на крестьянъ всякія работы, интересно было бы выяснить происхожденіе обычая о взиманіи столоваго запаса, если такой обычай дѣйствительно существовалъ. Догадка объ основаніяхъ этого обычая мною указана уже выше: она состоитъ въ томъ, что при желаніи землевладѣльца получать такіе предметы хозяйства, которые крестьянинъ не могъ ему давать (при уплатѣ оброковъ въ натуральномъ видѣ), или при желаніи получать лучшія произведенія, чѣмъ крестьянскія, землевладѣлецъ могъ получать необходимые ему предметы, предварительно снабдивъ ими крестьянъ. Такъ, при желаніи получить коровье масло—надо дать крестьянину корову; при желаніи получать шерсть—надо дать овецъ; при желаніи получать яйца—надо дать куръ и т. д. Подтвержденіе той же догадки встрѣчается въ изслѣдованіи В. И. Семевскаго, который указываетъ, что въ имѣніяхъ кн. Голицына, какъ въ оброчныхъ, такъ и въ барщинныхъ, были розданы коровы, такъ называемыя *безсмертныя*, отъ которыхъ приплодъ шелъ въ пользу крестьянъ, а помѣщикъ получалъ отъ каждой по 20 фунтовъ масла ежегодно. Въ имѣніяхъ Волынскаго въ 1725 году сдѣлано распоряженіе, чтобы во всѣхъ деревняхъ были куплены молодыя овцы и молодыя свиньи, и розданы на каждое тягло по одной овцѣ и по одной свиньѣ неимущимъ крестьянамъ; а по прошествіи года велѣно брать съ каждаго тягла въ годъ по пуду свиного мяса, по три фунта коровьяго масла, по одному молодому барану и по три фунта овечьей шерсти [2]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, нельзя не указать на имѣніе А. И. Кошелева, въ которомъ, много лѣтъ спустя послѣ упраздненія крѣпостнаго права, именно, въ концѣ 1893 года, когда имѣніе это было пріобрѣтено Крестьянскимъ Поземельнымъ Банкомъ,—существовалъ слѣдующій порядокъ: на всѣхъ 12 хуторахъ этого имѣнія была птица (куры, гуси, утки, индѣйки), которая также могла быть названа *безсмертной*. Птица эта находилась въ завѣдываніи хуторскихъ старостъ и приказчиковъ, ва прокормъ ея изъ экономическаго хозяйства никакихъ припасовъ не отпу-

---

[1]) Гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 281.

[2]) Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, т. I, стр. 67. Сравни у Бѣляева, Крестьяне на Руси, изд. 1879 г., стр. 252, 281.

сказалось и лица завѣдывающія должны были прокармливать птицу за свой страхъ, пользуясь отъ нея нѣкоторыми выгодами, такъ какъ въ главной экономіи на отчетѣ она не состояла. Но въ теченіи года съ каждаго хутора завѣдующій долженъ быть доставить на содержаніе экономическаго стола извѣстное количество птицы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти распорядки вытекали изъ крѣпостного права и имѣютъ одинаковое основаніе съ происхожденіемъ столоваго запаса.

Но, конечно, если это основаніе обычая имѣло мѣсто въ дѣйствительности,—то оно было не одно, а дѣйствовали и другія вытекавшія изъ общаго положенія,—*участія владѣльца въ выгодахъ отъ предоставленія въ пользованіе крестьянъ того или другаго имущества*. Напримѣръ, тамъ, гдѣ въ пользованіе крестьянъ были предоставлены рѣки, озера, пруды, въ водахъ коихъ находилась рыба,—было вполнѣ естественно установить повинность доставленія части этой рыбы помѣщику. Или, при пользованіи крестьянами лѣсами и болотами, гдѣ произрастали ягоды, могла возникнуть повинность доставлять часть ихъ помѣщику (ягоды, клюква, бѣлые грибы, орѣхи) и т. п.

При переложеніи этихъ повинностей на деньги, современемъ могло утратиться изъ памяти и самое основаніе возникновенія ихъ; а съ утратою основанія денежная повинность могла существовать какъ добавочная, и въ томъ случаѣ, когда уже не было на лицо имущества, изъ пользованія коимъ вытекала повинность. Здѣсь дѣйствовало уже право помѣщика налагать на крестьянъ своихъ всякаго рода работы и повинности.

Кромѣ мужскихъ работъ, (которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть исполнены женщинами),—каждое тягло отправляло и спеціально женскія работы. Такъ, въ имѣніи Семенова, крестьянами обязаны какъ ленъ, такъ и коноплю разостлать, потомъ опять собрать и обмять, а въ зимнее время спрясть изъ льну на каждую работницу по шести талекъ, въ сорокъ пасмъ каждую; сверхъ сего, крестьянки обязаны весною остричь овецъ, вымыть шерсть и во время работы на суконной фабрикѣ ходить для браковки шерсти по 10 работницъ ежедневно, кромѣ времени уборки хлѣба, въ которое на фабрику крестьянки не посылались (§ 21 руководства).

Въ имѣніяхъ кн. В. размѣръ оброковъ для женскихъ работъ не былъ одинаковъ. Въ 1858 году Архангельскимъ бабамъ раздавалось льну на четыре тальки по $1^{7}/_{8}$ фунта (т. е. безъ восьмушки 2 фунта); Никольскимъ бабамъ на восемь талекъ—

по три съ половиной фунтовъ. Полутягловымъ полагалось половина противъ тягловыхъ. Освобождались отъ этой повинности крестьянки изъ семейства старосты, выборнаго, больные и имѣющіе сиротъ.

Какъ же велики были *всѣ* крестьянскія работы и повинности въ совокупности, отправляемые крестьянами за такое пользованіе имуществомъ, которое давало лишь минимумъ самаго необходимаго? По подчету кн. Волконскаго, сдѣланному для имѣнія г. Семенова, эти работы требовали отъ каждаго тягла въ годъ болѣе 168,6 дней мужскихъ работъ, въ томъ числѣ 110,3 дней съ лошадьми, и болѣе 50 дней женскихъ. Но это количество рабочихъ дней должно увеличить, такъ какъ въ счетъ не вошли нѣкоторыя работы, не поддающіяся точному учету.

Кромѣ повинностей въ пользу помѣщика, крестьяне отправляли и другія повинности передъ правительствомъ, каковы: казенныя, земскія, продовольственную и рекрутскую.

Кн. В. особенно строго слѣдилъ за уплатою подушныхъ (казенныхъ) денегъ, отдавая этому сбору преимущество даже передъ собственными сборами. Разъ крестьяне просили льготу въ подушныхъ деньгахъ, и помѣщикъ предписалъ, чтобы деньги эти были внесены сполна; но такъ какъ крестьяне должны были и господской экономіи: деньгами 134 руб., рожью 328 четвертей, овсомъ 93 четверти и гречихой 6 четв., то имъ предоставлено изъ этихъ долговъ взять заимообразно до осени, т. е. въ сущности помѣщикъ отсрочилъ уплату своего собственнаго долга. „Кто занималъ, пишетъ онъ, тотъ долженъ прежде отдать старое, чтобы имѣть право просить вновь“.

Продовольственными запасами кн. В. не всегда распоряжался сообразно назначенію этихъ запасовъ, но и употреблялъ ихъ, какъ это дѣлается и нынѣ, на другія нужды крестьянъ. Такъ, имъ дозволено взятое изъ запаснаго магазина количество хлѣба продать для уплаты податей; при чемъ, изъ этого количества, хлѣбъ, слѣдуемый на долю тѣхъ крестьянъ, которые за хлѣбомъ не приходили и подушные могутъ внести сами, велѣно выдать имъ зерномъ на руки, если они пожелаютъ. Остальной же затѣмъ хлѣбъ продать, и если за уплатою податей отъ продажи хлѣба еще останется, то, не раздавая на руки, ссыпать въ запасномъ магазинѣ въ особый закромъ, донеся о количествѣ его.—Когда такой остатокъ окажется, помѣщикъ приказалъ рожь не трогать ни зерна и не смѣть раздавать никому; овесъ же раздать только

тогда, когда начнется работа въ полѣ, и то не все количество, а за вычемъ господскаго, сколько останется.

При отправленіи рекрутской повинности опредѣленіе о томъ, кого слѣдуетъ ставить въ рекруты, исходило отъ міра. Конечно, за помѣщикомъ оставалось право сдавать въ рекруты и другихъ лицъ, чѣмъ и пользовался кн. В. въ отношеніи *негодяевъ*.

Въ началѣ 1885 года, по случаю Крымской компаніи, былъ объявленъ призывъ ополченія и кн. В. распорядился такъ. Вслѣдствіе того, что въ ополченіе принимаются люди двухъ вершковъ роста,—велѣно ставить ратниковъ изъ такихъ семействъ, которые не правили рекрутской повинности потому только, что малы ростомъ. Такъ какъ въ ополченіе принимаются люди до сорока пяти лѣтъ, несутъ службу временно и служба эта въ десять разъ легче солдатской,—если найдутся охотники, то имъ не только не препятствовать, но объявить: *если кто изъ нихъ будетъ въ состояніи обмундироваться на свой счетъ, то такому ополченіе будетъ зачтено за рекрута*, и при будущихъ наборахъ его семейство будетъ считаться справившимъ рекрутскую повинность, хотя бы ратникъ возвратился и черезъ мѣсяцъ домой. Обмундировку и продовольствіе ратниковъ половину положить на міръ, а половину покрыть изъ господскихъ денегъ. Съ кого собрать нельзя, записать долгомъ, сколько причтется по раскладкѣ. Обмундировку или исполнить дома натурой, или внести деньгами. Муку, крупу и овесъ на ратниковъ поставить непремѣнно натурой, а не деньгами. Если потребуется лошадь, то разсчитать что выгоднѣе: поставить ли свою, или купить, или внести деньгами. Приказъ заключается такъ: „Постарайся оправдать мое къ тебѣ довѣріе и въ настоящемъ случаѣ покажи свою распорядительность и справедливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ похлопочи о сбереженіи расходовъ“. Позднѣе, въ другомъ приказѣ говорится: „Зиновею, буде онъ пойдетъ въ ратники, выдать отъ меня при сдачѣ три рубля серебромъ, да кромѣ того предложить дворовымъ и самому тебѣ (приказчику) дать ему сколько нибудь, ибо здѣшніе дворовые всѣ даютъ по пятидесяти коп. серебромъ съ семейства здѣшнимъ ратникамъ“.

Въ случаѣ нужды кн. В. оказывалъ крестьянамъ помощь, но эта помощь не была даровая, въ предупрежденіе лѣни, безпечности и желанія жить на чужой счетъ, не отправляя никакой работы. При недостаткѣ у крестьянъ собственныхъ продовольственныхъ средствъ, имъ выдавался помѣщичій хлѣбъ, но раздача дѣлалась съ крайнею осмотрительностію, и понемногу, въ долгъ, или на

деньги, по той цѣнѣ, какая существуетъ въ базарѣ. Равнымъ образомъ, выдавалось господское зерно при недостаткѣ собственныхъ средствъ крестьянъ на обсѣменеціе полей, но также съ осмотрительностію. „Я вполнѣ увѣренъ, готорится въ одномъ изъ приказовъ старостѣ, что ты въ этомъ случаѣ поступишь по христіански, и вмѣстѣ сь тѣмъ не забудешь, что у насъ господскаго хлѣба мало". Считая необходимымъ помогать въ случаяхъ дѣйствительной нужды, кн. В. очень опасался перейти за предѣлы этой нужды, а потому требовалъ отъ служащихъ строгаго выбора. „Прошлые два года, пишетъ онъ въ одномъ изъ приказовъ 1848 г., неурожаевъ не было, а между тѣмъ, лѣнивые и тогда приходили за хлѣбомъ, и, лежа на печи, ѣли чужой хлѣбъ. Начальники и тогда смотрѣли на это какъ не на свое дѣло, и нисколько не понуждали ихъ къ работѣ, ибо я и при тебѣ находилъ земли, отданныя въ наймы. Никто даромъ отъ меня зерна не получитъ, каждому говорить, сколько онъ долженъ на деньги, и каждому говорить, что я все взыщу до копѣйки". Позднѣе, въ 1855 году, въ подтвержденіе этихъ словъ, дѣйствительно находимъ слѣдующее распоряженіе: „Долговую рожь съ крестьянъ всю собрать непремѣнно изъ нынѣшняго урожая, да всю до зерна, хотя бы то была послѣдняя, и чтобы ржи мнѣ никто не состоялъ болѣе должнымъ за прежніе года".

Въ 1848 году, по случаю неурожая въ корму скоту, кн. В. сдѣлалъ распоряженіе отпустить крестьянамъ изъ старой овсянной соломы по 4 копны на тягло, цѣною по 40 коп. за копну; и изъ старой ржаной по 4 копны на тягло по 25 к. за копну. Вырученныя деньги помѣщикъ предлагалъ внести въ уплату долга крестьянскому продовольственному капиталу; но крестьяне платить отказались, говоря, что и безъ того кормить скотину нужно. Этотъ отказъ вызвалъ гнѣвъ помѣщика и очень крутыя распоряженія. „Терпѣніе мое, наконецъ, лопнуло, пишетъ онъ, я 5 лѣтъ сряду дожидаюсь уплаты продовольственнаго капитала и до сихъ поръ не получилъ отъ крестьянъ почти ни копѣйки. Я давалъ всевозможныя льготы. Шестой годъ не собираю, по прежде заведенному порядку, куръ, яицъ, свѣжины, баранины и проч., а если когда и собиралъ, обращалъ оный сборъ въ деньги, употребляя на уплату продовольственнаго капитала".—Посему, помѣщикъ распорядился такъ. Запрещено всѣмъ безъ исключенія крестьянамъ обращаться къ помѣщику лично съ просьбами, подъ страхомъ наказанія. Соломы не велѣно выдавать ни былинки. Кому нечѣмъ кормить свою ско-

тину, у того лошадей и овецъ кормить на господскомъ варкѣ, на домъ не давать ни былинки. Варокъ, то есть скотный дворъ, очистить совершенно отъ господской скотины, которую помѣстить въ хлѣва. Если на господскомъ варкѣ всѣмъ будетъ тѣсно, то очистить еще у кого нибудь дворъ. Крестьянскимъ коровамъ господскаго корма отнюдь не давать, если же кто вздумаетъ свою корову или телка продать, тому не дозволять этого дѣлать, а, отобравъ, оцѣнить при постороннихъ людяхъ и кормить на господскомъ дворѣ впредь до особаго распоряженія. Для уплаты въ казначейство продовольственнаго капитала разложить оный по тягламъ (придется по 2 руб. съ тягла) и собрать къ Николину дню (6 Дек.) непремѣнно. Для сбора этой повинности велѣно старостѣ съ выборнымъ и съ земскимъ всѣмъ вмѣстѣ обойти всѣхъ по дворамъ и записать по именно, кто что отвѣтитъ, слово въ слово. Всѣхъ тѣхъ, у кого будетъ скотина на господскомъ дворѣ и кто не заплатитъ слѣдующихъ по раскладкѣ денегъ, въ уплату продовольственнаго капитала, въ извозъ отнюдь не отпускать, какъ людей не имѣющихъ никакой возможности при дороговизнѣ корма заработать извозомъ, не имѣя своихъ денегъ.—Точное исполненіе всего этого кн. В. считалъ на столько важнымъ, что въ концѣ приказа старостѣ включилъ такой пунктъ: „За малѣйшее отступленіе отъ всего здѣсь прописаннаго я *забрѣю тебѣ лобъ*",

Семейные распорядки крестьянъ слагались подъ строгимъ надзоромъ кн. В. Имъ разрѣшались браки. „Дозволить вступить въ законный бракъ д. Огреневой Матвѣю Петрову съ дочерью Ивана Андреева Лазова, Натальей; Михаилу Степанову Оболову съ дочерью Андрея Иванова Матреною; Сергѣю Круглову жениться не дозволять еще, но по уборкѣ хлѣба снова просить моего разрѣшенія". Въ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе испрашивалось въ Іюлѣ, и дача его могла быть сопряжена съ хозяйственными неудобствами. Въ случаѣ, когда невѣста бралась со стороны, изъ имѣнія другого помѣщика, требовалось его разрѣшеніе *на выводъ невѣсты,* и за это обыкновенно платились *выводныя деньги;* уплата этихъ денегъ падала на крестьянскую семью, *покупающую* невѣсту, но не на помѣщика, который однако оставался собственникомъ купленной.—Семейные раздѣлы и переходъ изъ одной семьи въ другую совершались не иначе, какъ съ согласія помѣщика. „Вслѣдствіе просьбы крестьянина Петра Иванова, дозволить ему перейти изъ дома Степана Лаврентьева въ домъ Александра Савельева, но съ тѣмъ однако-жъ, чтобы впредь никогда между ними раздѣла

не было. Въ случаѣ раздора между ними виновный будетъ наказанъ, но никогда отдѣленъ не будетъ“. Но такъ какъ, прежде чѣмъ дано было это разрѣшеніе, Петръ Ивановъ самовольно переселился уже въ домъ Александра Савельева,—то оба были наказаны, первый—за самовольное выселеніе—20 ударами розогъ при сходкѣ; а второй—за самовольное принятіе въ домъ перваго—штрафомъ въ рубль мѣди, въ пользу мірскихъ повинностей, „такъ какъ по старости лѣтъ его наказывать розгами и совѣстно, и не приходится“.

При исполненіи рекрутской повинности дозволялось крестьянамъ покупать за себя рекрутъ; но во избѣжаніе разныхъ надувательствъ попечительная роль помѣщика требовала предварительно свѣдѣнія о томъ, у кого покупается рекрутъ, за какую сумму и на какихъ условіяхъ; это давало помѣщику возможность, справившись съ законами, рѣшить, можно ли совершить покупку, и если можно, то выдать довѣренность. Все это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы деньги не пропали даромъ.

Нерѣдко происходившіе въ имѣніи неурожаи воочію доказывали, что въ такіе годы большая часть крестьянъ не только не въ силахъ уплатить повинностей, но даже не можетъ продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ. Такимъ неурожайнымъ годомъ былъ и 1854. и вотъ кн. В., въ устраненіе послѣдствій этихъ неурожаевъ, рѣшается расширить область своего попечительства надъ крестьянами, и вводитъ въ имѣніи общественную запашку на слѣдующихъ основаніяхъ. Подъ общественную запашку отдѣляется отъ каждаго тягла по 1/8 дес. въ каждомъ полѣ, т. е. отъ каждаго тягла по 7½ саженъ поперечнику на 60 саженъ длиннику. Земля эта отводится въ одномъ мѣстѣ, должна быть хорошаго качества и непремѣнно изъ полей, близкихъ къ поселку. Земля обработывается міромъ, изъ крестьянскихъ дней и засѣвается крестьянскими сѣменами. Для надзора за работами избирается особый староста, человѣкъ надежный и добросовѣстный, изъ стариковъ; въ вознагражденіе за трудъ онъ избавляется отъ всѣхъ карауловъ и отъ всѣхъ другихъ стариковскихъ обязанностей; высшій же надзоръ какъ за обработкой земли, такъ и за уборкой хлѣба возложенъ на прикащика. Въ конторѣ помѣщика заводится особая приходо-расходная книга для счета хлѣба по общественной запашкѣ. По уборкѣ общественнаго хлѣба онъ складывается въ скирдѣ на господскомъ гумнѣ въ особомъ мѣстѣ. Хлѣбъ молотится въ господской ригѣ, въ свободное отъ господскихъ работъ

время; сушится на господскомъ овинѣ; для топлива идетъ общественная солома; обмолоченный хлѣбъ хранится въ мірскомъ запасномъ магазинѣ и расходуется не иначе, какъ съ разрѣшенія владѣльца. Порядокъ работъ установленъ слѣдующій. На общественной землѣ всякій хлѣбъ сѣется всегда въ одно время съ первымъ посѣвомъ господскаго хлѣба, или на другой день, такъ, напримѣръ: если первый посѣвъ господскаго овса былъ сдѣланъ 14, 15 и 16 Апрѣля, то общественный овесъ непремѣнно долженъ быть уже посѣянъ 17 Апрѣля; также сѣется рожь и гречиха. На работу для общественной запашки дѣлается нарядъ съ вечера, изъ собственныхъ крестьянскихъ дней, и по порядку, такъ, напримѣръ, взметать—однихъ, двоить—другихъ, сѣять третьихъ и т. д.

Конечно, чтобы получить какія либо благопріятные результаты отъ установленной мѣры, помѣщикъ самъ долженъ былъ слѣдить за исключеніемъ и дѣлать непосредственно отъ себя всѣ распоряженія.—То и другое находимъ въ позднѣйшихъ приказахъ, такъ, велѣно крестьянскій мірской овесъ промѣнять на свѣжій для засѣва мірской запашки, а землю подъ овесъ приготовить съ осени, и притомъ лучшія десятины; для остальной же мірской земли купить на мірскіе же деньги проса, сколько нужно. Другой разъ, за неоказавшіеся на лицо въ мірскомъ запасномъ магазинѣ рожь и овесъ велѣно взыскать съ мірского старосты деньгами по существующимъ цѣнамъ: но предварительно велѣно произвести изслѣдованіе причины недостачи при мірскомъ сходѣ. Еслибы обнаружилось, что староста не виноватъ, то велѣно взыскать недостающій хлѣбъ со всего міра натурою.

Судить о томъ, какія послѣдствія были отъ установленной мѣры, мы не можемъ, по отсутствію какихъ либо данныхъ въ имѣющихся у насъ документахъ. Но можно предположить, что при существованіи постояннаго неослабнаго надзора мѣра эта должна была достигать лучшихъ результатовъ, въ смыслѣ обезпеченія крестьянскаго продовольствія, чѣмъ существующая доселѣ система натуральной засыпки хлѣба въ запасные магазины. Преимущества этой мѣры состояли въ лучшей обработкѣ земли, въ лучшемъ качествѣ хлѣба, *и въ обезличеніи его;* этимъ послѣднимъ достигалась прямая цѣль—доставленія помощи нуждающимся въ хлѣбѣ и по мѣрѣ этой нужды, а не цѣль прямо сему противоположная (какъ теперь), т. е. раздѣлъ хлѣба между лицами участвовавшими въ засыпкѣ его и въ мѣрѣ этой засыпки, при

каковомъ условіи наибольшее количество хлѣба получаютъ тѣ, которые наименѣе въ семъ нуждаются.

Разбирательство разныхъ споровъ и жалобъ кн. В. иногда принималъ на себя, а иногда передавалъ самимъ крестьянамъ, міру. При возбужденіи подобныхъ дѣлъ интересно общее распоряженіе помѣщика, объявленное имъ міру, состоящее въ томъ, что *безъименныхъ доносовъ онъ ни отъ кого не принимаетъ*, а потому и отвѣта на нихъ не даетъ.—Принявъ къ своему разбирательству споръ о коровѣ, возникшій между крестьяниномъ Петромъ Ивановымъ и его тестемъ Степаномъ Лаврентьевымъ, въ домѣ котораго Петръ Ивановъ жилъ, но затѣмъ изъ него выбылъ,—помѣщикъ предварительно затребовалъ слѣдующія свѣдѣнія: сколько Петръ Ивановъ принесъ Степану денегъ во все время своего у него проживанія; имѣлъ ли Петръ Ивановъ въ теченіи этого времени на своей тягловой землѣ хлѣбъ, или отдавалъ землю въ наймы; сколько приходится за Петра Иванова въ теченіи этаго времени заплатить и сколько заплачено оброка и другихъ повинностей деньгами; имѣлъ ли Петръ Ивановъ до вступленія въ домъ Степана Лаврентьева свою корову, и ту ли самую, о которой проситъ, или другую; наконецъ, по какимъ причинамъ Степанъ Лаврентьевъ думаетъ, что коровы этой ему не слѣдуетъ отдавать, а Петръ Ивановъ полагаетъ, что должна ему принадлежать? По просьбѣ крестьянина Евстигнѣя Еремѣева объ освобожденіи сына его отъ рекрутства помѣщикъ приказалъ разсмотрѣть добросовѣстно,—можно ли надѣяться на исправленіе сына просителя, Пимена, или уже онъ ничего не обѣщаетъ въ будущемъ хорошаго, и поступить по-христіански, такъ какъ, объясняетъ помѣщикъ, „живя далеко отъ васъ (онъ жилъ въ другомъ имѣніи) я не могу такъ основательно знать всѣхъ людей“. Если Пименъ достоинъ быть удаленъ изъ имѣнія, то отдать его въ рекруты въ предстоящій наборъ, не смотря на то, что онъ одинъ сынъ у отца; въ противномъ же случаѣ, бросить жребій сперва изъ тройниковъ, потомъ изъ двойниковъ, а, наконецъ, и между одиночками.—Другой разъ, крестьянинъ Кононъ Максимовъ просилъ помѣщика также объ освобожденіи сына отъ рекрутства. Помѣщикъ признавалъ просьбу его весьма уважительною, такъ какъ проситель, будучи 57 лѣтъ, имѣетъ двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ совершенно слѣпъ; братъ же просителя хотя также имѣетъ двухъ сыновей, но оба они малолѣтни. Во всякомъ случаѣ, семейство ихъ еще могло бы справить рекрутскую повинность впослѣдствіи, а потому прежде Афонасія Кононова,

въ предстоящемъ наборѣ можно бы поставить изъ семействъ другихъ тройниковъ и двойниковъ, и въ крайнемъ случаѣ только его, Афанасія. Не смотря однако на такое мнѣніе, помѣщикъ не рѣшился взять на себя окончательнаго рѣшенія заявленной просьбы, написавъ въ концѣ приказа старостѣ: „во всякомъ случаѣ, поступить въ этомъ дѣлѣ по чистой совѣсти, какъ самъ Богъ велитъ".

Заботы о благоустройствѣ въ селеніяхъ также лежали на обязанности помѣщика. На случай пожаровъ кн. В. приказано у каждаго двора, у дверки, поставить кадку съ водой. Для выноса назолу приказано у каждыхъ двухъ дворовъ вырыть яму въ 2 аршина ширины, 2 аршина длины, и 2 аршина глубины, а затѣмъ наблюдать, чтобы ежедневно, по очереди, каждый дворъ вливалъ въ эту яму по ушату воды.

При тогдашнемъ внутреннемъ неустройствѣ и при отсутствіи всякой медицинской помощи, при появленіи разныхъ эпидемическихъ болѣзней,—попечительная роль помѣщика вынуждала его принимать на себя исполненіе врачебныхъ обязанностей и давать наставленія крестьянамъ, какъ справляться съ эпидеміею. Въ 1848 году была холера; по полученіи объ этомъ первыхъ свѣдѣній, въ Іюнѣ кн. В. пишетъ бурмистру, чтобы употреблялъ ранѣе указанныя средства, „буде Господь посѣтитъ этимъ несчастіемъ, а въ случаѣ большой смертности (чего Боже избави) дать знать въ городъ", Но, вотъ, въ началѣ Іюля помѣщику доносятъ, что холера въ имѣніи уже появилась, и онъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе. Объявить всѣмъ крестьянамъ, чтобы первѣе всего не робѣли и надѣялись на Бога. Если кто мало-мальски почувствуетъ себя нездоровымъ, въ особенности поносомъ, тошнотой или рвотой, болью живота, болью сердца, однимъ словомъ—всякаго рода болью, то немедленно лечь въ сухую постель навзничь, а отнюдь не перемогаться ни одного часа. Огурцовъ, яицъ и молока не ѣсть отнюдь; можно ѣсть и досыта овсяную и гречневую кашу, не крутую, съ масломъ; кисель овсяный, картофельную похлебку, мясо всякое, щей немного, и все солить хорошенько. На голой землѣ, въ особенности послѣ дождя, отнюдь не спать. Кто почувствуетъ тошноту, поносъ или слабость, тому давать капель (которыя помѣщикъ и посылаетъ съ этимъ наставленіемъ), на полрюмки свѣжей холодной воды 10 капель для взрослыхъ, и отъ 3—7 капель для дѣтей. Если съ одного пріема поносъ и рвота не уймутся, то дать столько же капель во второй и третій разъ, и больше. На животъ класть разогрѣтую

въ печи мякину, отруби и проч., до тѣхъ поръ, пока вспотѣетъ больной.—Въ заключеніе, помѣщикъ приказываетъ бурмистру непремѣнно прислать къ нему кого нибудь порасторопнѣе, которому онъ объяснитъ, что нужно дѣлать, и, при помощи Бога, помѣщикъ надѣется многимъ подать помощь.

Установивъ нормальное положеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, остается сказать о положеніи крестьянъ дворовыхъ.

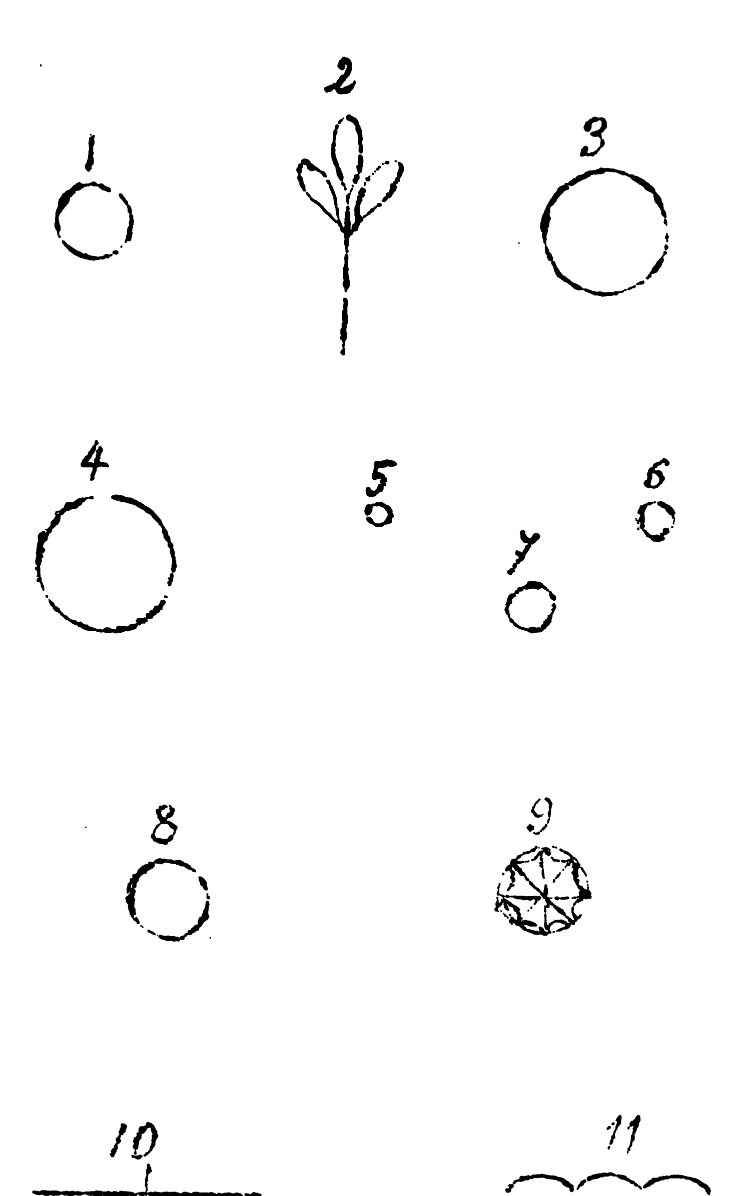
Назначеніе дворовыхъ состояло въ переработкѣ сырья для помѣщичьяго обихода; а потому дворовые были предназначены какъ для разныхъ работъ около помѣщичьяго двора, такъ и для личныхъ услугъ обитателей этого двора.

Содержаніе они получали изъ личныхъ средствъ помѣщика, они были обезпечены помѣщеніемъ, одеждою и пищею. Пропитаніе они имѣли или за общимъ столомъ, приготовляемымъ за счетъ помѣщика (застольные), или за отдѣльнымъ, для каждой семьи, въ тѣхъ случаяхъ, когда жили отдѣльными семьями и получали ежемѣсячно отъ помѣщика опредѣленное количество хлѣба (мѣсячники).

Въ имѣніи Семенова дворовые кромѣ содержанія получали жалованіе, по усмотрѣнію помѣщика. Прослужившіе у него 25 лѣтъ, считая отъ 18-ти лѣтняго возраста, отпускались на волю. Не прослужившіе этого срока, будучи удалены помѣщикомъ, обязаны были платить оброкъ 18 рублей ежегодно, въ теченіи 36 лѣтъ, послѣ чего получали вольную. По усмотрѣнію помѣщика дворовые могли быть отданы въ рекруты; за проступки они наказывались въ мѣстной земской полиціи (§§ 52, 55, руков.).

Для того, чтобы судить о размѣрѣ получаемаго дворовыми содержанія, въ нижеслѣдующей таблицѣ приведено росписаніе разныхъ должностей, при занятіи коихъ дворовые получали это содержаніе натурой и деньгами. Таблица эта составлена на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ *„положеніи дворовыхъ людей“* на 1849 годъ, по имѣніямъ крупнаго въ Рязанской губерніи помѣщика А. И. Кошелева.

Должность.	Муки ржаной.	Крупъ гречневыхъ.	Харчевыхъ въ м.	Жалов. въ г.	На рубахи: Деньгами.	На рубахи: Холсть.	Барды ведеръ.	На кафтанъ въ 2 года.	На тулупы въ 3 года.	При посылк.: Въ Ряз.	При посылк.: Въ степь и по сосѣдству.
	пуд. фун.	чет. гар.	руб. коп.	руб. коп.	руб коп.	арш.		руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.
Кассиръ въ конторѣ	9	1 2	1	60	—	—	8	—	—	0 25	0 20
Писарь	въ толь	зас-ной	—	10	3	—	—	натурой	—	0 20	0 15
Ключникъ	3 30	0 3½	0 25	10	—	—	8	6	6	—	—
Сборщикъ	3	3	0 25	8	—	—	—	6	4	—	—
Фельдшеръ	въ толь	зас-ной	—	15	2 50	—	—	8	6	—	—
Столяръ	5 25	0 5½	0 50	12	—	—	8	6	5	—	—
Кузнецъ	5 20	0 5	0 25	6	—	—	4	3	3 50	—	—
Слесарь	2	0 2	0 30	8	—	30	—	6	4	—	—
Портной	3 30	0 3½	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прачка	6 25	0 6	0 15	—	—	—	—	—	3 50	—	—
Швея	1 30	0 1½	0 20	—	—	—	—	—	—	—	—
Садовникъ	3 30	0 3½	0 50	24	—	—	6	8	5	—	—
Огородникъ	3	0 2	0 20	8	—	30	—	натурой	3 50	—	—
Конюшій	2	0 2	0 25	8	2 50	—	—	натурой	—	0 20	0 15
Кучеръ	8	0 7½	0 20	6	—	—	4	натурой	4	—	—

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

За это содержаніе дворовые отдавали помѣщику весь свой трудъ, работа была на точномъ учетѣ и и производилась почти безпрерывно.

Для точнаго учета въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ велись записи и памятныя записки. Намъ сообщено нѣсколько такихъ документовъ, которыми мы могли воспользоваться, между прочимъ, для учета женскихъ работъ. Нѣсколько выдержекъ изъ этихъ документовъ могутъ довольно ярко освѣтить эту сторону нормальнаго помѣщичьяго хозяйства. „Тальки вѣсомъ въ 9 золотниковъ идутъ на основу, въ 90 пасмъ на 50 аршинъ, на утокъ надо въ 8 золотниковъ; талька длиною въ 8 аршинъ, на утокъ надо въ 8 золотниковъ; талька длиною въ одинъ аршинъ съ вершкомъ, а талекъ на основу 55, и на утокъ 55 талекъ".

„Тальки вѣсомъ въ 10 золотниковъ идутъ на основу въ 85 пасомъ, на 50 аршинъ надо 50 талекъ; на утокъ надо 50 талекъ, вѣсомъ талька въ 9 золотниковъ" и т. д.

„Узоръ юбки декосовой. Такихъ (см. фиг. 1) въ часъ по 16, бумаги на 10 одну нитку; такихъ (фиг. 2) въ часъ по 12, на 10 одну нитку; такихъ (фиг. 3) въ часъ по 12, на восемь одну нитку. Астру въ часъ на двѣ нитки, пальму въ серединѣ 2 часа на 3 нитки; на фигуры, на каждыя двѣ фигуры мелкія по 2 съ половиной нитки, въ полчаса двѣ фигурки, выметка по 8 нитокъ"...

„Узоръ для М. П. по шертингу. Верхнія большія колечки по три нитки, въ часъ 6; во второмъ ряду колечки, на два колечка полторы нитки, въ часъ 6; въ послѣднихъ двухъ рядахъ колечки, по полунитки на колечко, въ часъ по 12, фигурокъ въ 10 минутъ каждая, и петля, и гладь на всѣхъ фигуркахъ нитка, на выметку 5 нитокъ на узоръ"...

„Узоръ для юбки С. П. На узоръ весь на одинъ надо бумаги 20; на выметку 3 нитки ровныхъ; шить въ 8 дней полосу одной, а всю юбку десять недѣль и четыре дня, по 3 полосы въ двѣ недѣли двумъ дѣвочкамъ".

„Послано дѣвушкамъ работы, кисейныхъ оборокъ 8, Евгеніи, Раидѣ, Еленѣ; въ каждой полосѣ 12 узоровъ, шить каждой по 3 узора въ недѣлю, а въ 4 недѣли тремъ 3 полосы. Катѣ послано двѣ юбки, въ обѣихъ 10 полосъ, каждую полосу въ 10 дней, и какъ дни будутъ покороче въ сентябрѣ, то въ 12 дней.

„Сдѣлана сія записка на память. Большихъ дыръ, величиною (фиг. 4) можно вышивать въ часъ по пяти, а въ урокъ ихъ всегда полагается въ часъ четыре. Маленькихъ, величены такой (фиг. 5)

въ часъ 25. Дырочекъ такой величены (фиг. 6) въ часъ 20. Дырычекъ такой величены (фиг. 7) въ часъ 15. Дырочекъ такой величены (фиг. 8) въ часъ 10. Паутинныхъ фигурныхъ (фиг. 9) въ часъ 9. Проводка такой величины (фиг. 10) въ часъ можно вышить столько, сколько здѣсь проведено ($6^5/_{16}$ вершка). Фестоновъ выметать такой величены (фиг. 11) можно въ часъ 30 фигурокъ, и это все здѣсь записано съ прометкой. Разсчитывая такимъ манеромъ работу, можно работать 9 часовъ... Узоръ капота, который посланъ Ганькѣ шить, считая, что она сядетъ въ половинѣ Ноября и, кладя работы по пяти часовъ въ день, полу съ углами ей надо бы кончить было въ два съ половиною мѣсяца и три дня... Къ 1 Марту 4 узора, а ихъ, считая отъ угла до половины капота, кругомъ подола уставится 9 узоровъ. Съ 1 Марта по 1 Апрѣля ей работать по 8 часовъ въ день, значитъ въ 5 дней узоръ, итого въ Мартѣ ей надо вышить 5 узоровъ; полагая на праздники и говѣнье двѣ недѣли, а третья Святая, итого три недѣли, значитъ къ 22...

„16 Декабря Елена на томъ же лоскутѣ сядетъ другимъ узорчикомъ оборки шить, по 14 фигурокъ въ день; тутъ ей работы на одну недѣлю и два дня, кончитъ къ Рождеству. Послѣ Святокъ, на томъ же лоскутѣ чепчикъ, на недѣлю работы, кончитъ 15 Января. Раидѣ съ 2 Декабря сѣсть за воротнички, отдѣлать одинъ воротничекъ съ узелками узоръ, съ нарукавниками, въ три недѣли; другой воротничекъ, узоръ листочки и мелкія дырочки, тоже воротникъ съ нарукавниками, въ три недѣли, кончить 28 Января; сѣсть за широкія аборки, которыя начали дѣвочки, въ недѣлю по 4 фигурки, въ этомъ лоскутѣ ей работы на двѣ недѣли— 15 Февраля. Катѣ съ 1 Декабря сѣсть дома въ Алексѣевкѣ за оборки, шить по 4 фигурки въ недѣлю, тутъ ей работы въ трехъ полосахъ на 18 недѣль, кончить къ 8 Мая, за исключеніемъ Святой и говѣнья. Прошивочки Раидѣ на двѣ недѣли по 4 узорчика въ день, по 16 Марта, еще двѣ оборочки по 12 узорчиковъ въ день, съ 15 Января на три недѣли и два дня, до 1 Марта. Еленѣ оборочки по 4 фигуры въ день, на недѣлю работы одна оборочка; прошивочки по 4 узорчика въ день, на недѣлю и 2 дня.

„Ѳедоръ еще поставитъ двѣ дюжины гирныхъ полотенецъ, на поставъ надо 90 талекъ на 60 аршинъ, на двѣ дюжины; на сборъ гирнаго постава ему полагается и лѣтомъ и зимой двѣ съ половиной недѣли: ткать съ 1 Октября до 1 Марта по полуаршину въ день, съ 1 Марта до 1 Октября по одному аршину; значитъ эти двѣ дюжины онъ начнетъ ткать уже совсѣмъ поставя

23 Сентября, доткать ему 24 Февраля, а 16 Марта, за исключеніемъ масляницы, основавши уже поставы, садиться ткать, что напишу изъ дому, 17 Марта, и ткать по аршину въ день, значитъ, къ бѣленью у него поспѣетъ снять поставъ, равно и у Дмитрія долженъ быть одинъ поставъ къ 24 Февраля вытканъ, а 1 Марта садиться уже опять за готовый и къ бѣленью другой поставъ долженъ быть конченъ.

„Ткачихамъ тоже поставить по 50 аршинъ, на сборъ полагая двѣ недѣли, и съ того числа, какъ слѣдуетъ, съ 1 Октября до 1 Марта ткать по полуаршину въ день, съ 1 Марта до 1 Октября по одному аршину.

„Прясть нынѣшняго года всѣмъ дѣвкамъ въ недѣлю по двѣ съ половиной тальки, выключая Агафью, по три съ половиной, Анютки по три въ недѣлю.

„Сѣли прясть 20 Октября, во вторникъ: Анна Степанова Аксютка Ольга; третьяго Октября, въ среду: Катя; Аришка сѣла прясть 24 Октября, въ понедѣльникъ, а Полагея, Наташка, Акулька Семенова, Василиса, Агафья еще не садились...

Но всѣ эти распорядки въ крестьянскомъ общежитіи, вся эта опека—служили лишь средствомъ для благосостоянія самого помѣщика: все въ сущности клонилось къ тому, чтобы дать возможность помѣщику устроить свое собственное хозяйство и дать ему средства для жизни, приличной благородному дворянину. Для того же, чтобы добыть эти средства, требовался не только постоянный, неустанный надзоръ за крестьянами, но не меньшій надзоръ за веденіемъ собственнаго хозяйства. И дѣйствительно, въ нашихъ документахъ мы встрѣчаемъ такую же заботу и вмѣшательство помѣщика во всѣ мелочи собственнаго хозяйства какъ и вмѣшательство въ хозяйство крестьянъ въ документахъ кн. В.

На все имущество велись подробныя описи. „Салфетокъ у нея бѣлыхъ 16 дюжинъ, изъ этого счету одна салфетка розанами и одна салфетка мелкаго убора“... Далѣе идетъ столь же подробная опись полотенецъ, полотенъ, чулокъ, сорочекъ, панталонъ, носковъ, простынь, одѣялъ платковъ и т. д. „Старыхъ платковъ батистовыхъ шитыхъ одинъ съ уголкомъ; худенькихъ нешитыхъ 4; полубатистовый шитый, новый, одинъ, батистъ-декосовый шитый одинъ, не въ расходѣ: платковъ шитыхъ ткацкихъ 7, нешитыхъ 11, старенькихъ 10“.

Вотъ еще опись: „сколько здѣсь какой скотины и птицы. Лошадей заводскихъ двѣ, изъ нихъ слѣпой Тихій, другой Исправникъ. Матокъ 13, изъ нихъ случено 12 матокъ; изъ этихъ 13 взято въ ѣзду 2 матки; въ ѣзду взятъ меринъ одинъ; трехлѣтокъ на конюшнѣ три жеребчика; двухлѣтокъ жеребчиковъ два; двухъ лѣтъ матка одна; одного года матокъ 4. Нонѣшнихъ будутъ отнимать отъ матокъ нонѣшней осенью, два жеребчика, одна кобылка" и т. д. идетъ опись дойныхъ коровъ, телокъ, куръ, индѣекъ, утокъ, гусей, овецъ. „Вся птица на мельницѣ у Алены, ей на помощь старуха съ дочерью, ей дать шубу, а дѣвкѣ сукна на кафтанъ, если у нихъ нѣтъ овецъ"...

Или опись лѣсовъ и лѣсного матеріала: „Первый, изъ Семеновки, пчельникъ, тутъ суши почти нѣтъ, толстаго лѣса нѣсколько деревъ, остальной молодой дубовый лѣсъ, довольно высокъ, не заповѣданъ, рубить тутъ не надо" и т. д. „Лѣсу сосноваго, купленнаго, на гумнѣ, очень толстаго 87 длинныхъ деревъ; лѣсу сосноваго 9 арш., толщиной 5 вершк., 520 бревенъ, изъ нихъ 30 бревенъ взято; осталось 490; толстыхъ слегъ, во всю длину дерева 52, годятся на амбаръ; изъ нихъ тоже управляющимъ взято 3 слеги, осталось 149, весь свѣжъ долженъ быть. Лѣсу очень толстаго 8 аршиннаго 7 бревенъ на гумнѣ".

Такія же подробныя записи велись о посѣвахъ хлѣбовъ и урожаяхъ. Вотъ счетъ Свербеевской гречи: въ посѣвѣ 49 десятинъ сороковыхъ, и на каждой десятинѣ отдѣльно показано, сколько навязано копенъ и крестцовъ. А вотъ запись объ общемъ урожаѣ хлѣбовъ: „въ Семеновкѣ ржи по 11 копенъ за рѣкой 430 копенъ; выходъ по 8 мѣръ, вѣсъ 1 пудъ семь съ половиной фунтовъ; изъ нихъ должно выдти 388 четвертей въ 9 мѣръ. За деревней въ Семеновкѣ 297, изъ нихъ 77 копенъ обило вѣтромъ, обмолотили, вышло 43 четверти, вѣсъ 1 пудъ семь съ четвертью фунта въ мѣрѣ, изъ остальныхъ 220 по 6 мѣръ должно выйти 140 четвертей въ 9 мѣръ; а всего въ Семеновкѣ должно выйти 571 четверть въ 9 мѣръ; изъ нихъ на сѣмена употреблено 107 четвертей, кладей осталось 8, должно остаться 464 девятки" и т. д., идетъ опись овса, гречихи, сѣна, сурѣпицы.

Нѣтъ такой мелочи, для которой не велся бы счетъ, безъ коего она потерялась бы въ хозяйствѣ. „Октября 18 дня. Убитъ быкъ, вѣсу 9 пудъ 26 фунтовъ, сала 20 фунтовъ, въ головѣ 30 фунтовъ съ губами; легкое, ноги не вѣшаны. Октября 20. Убили другого быка, вѣсу 7 пудъ 37 фунтовъ, сала 17 фунтовъ, въ голо-

вѣ съ губами 17 фунтовъ, ноги и легкое не вѣшаны. Отъ обоихъ быковъ кишки и требуха".

Или еще: „Велѣно увѣдомить, куда дѣваются перья, ихъ велѣно всякій годъ рубить и дѣлать перины; то велѣно увѣдомить, дѣлали-ль ихъ, сколько сдѣлано, если не дѣлали, то велѣно сдѣлать все вдругъ и увѣдомить, сколько сдѣлано вновь, и прислать прежнюю опись изъ конторы, что осталось тамъ постелей".

Забота о мелочахъ собственнаго хозяйства проникала всюду, начиная съ обсѣва полей и заканчивая продажею хлѣбовъ и выручкою за нихъ денегъ.

„Начинать сѣять, говорится въ одномъ изъ приказовъ бурмистру, сколько можно ранѣе, если можно будетъ даже до Святой недѣли. Прошлаго года я вообще замѣчалъ, что овсы были очень рѣдки, въ сравненіи съ овсами у другихъ. Полагая, что это происходитъ отъ твоего недосмотра, ибо сѣмянъ отпускается довольно,—предписываю тебѣ въ нынѣшнемъ году непремѣнно посѣять весь овесъ при себѣ: чтобы лошадей сѣмяннымъ овсомъ не кормили и чтобы все отпущенное количество было посѣяно. Посланныя къ тебѣ сѣмена мадіи двѣ мѣры посѣять по окончаніи овсяннаго посѣва, т. е. въ половинѣ Мая, на полудесятинѣ хорошей земли, подъ борону. Прежде я предписывалъ тебѣ посѣять маку 8 десятинъ, посѣй больше; если во время успѣешь, то 10 десятинъ, только какъ можно раньше, только—что снѣгъ сбѣжитъ, и подъ борону". Въ другомъ приказѣ: „яровое поле засѣять все, не оставляя ни десятины и не отдавать въ наймы. Для сего, гречиху начинай сѣять пораньше, чтобы успѣть во время отсѣяться, именно, начинай сѣять чрезъ недѣлю послѣ Николина дня (9 Мая), т. е. около половины Мая, если морозы перестанутъ. Мѣру сѣмянъ мадіи посѣять гдѣ нибудь на огородѣ на пространствѣ четвертой части десятины, и посѣять немедленно по полученіи сего приказа".

Еще: „Посѣвъ озимого сдѣлать во время, и не смотря ни на какую погоду, начинать посѣвъ 1 Августа, и въ Августѣ же постараться весь посѣвъ окончить. Сѣмена для посѣва готовить скорѣе, для чего брать четвертый день у крестьянъ". На землѣ, передвоенной съ осени, посѣй маку бѣлаго и сѣраго поровну; на лучшей затѣмъ землѣ посѣй проса десятокъ десятинъ; гороху посѣй столько, сколько сѣмянъ есть и поближе къ маку, для общаго караула; картофеля десятину также близь мака, для караула; пшеницей засѣй всю ту землю, которая была приготовлена подъ пшеницу Иваномъ Дроновымъ въ озимомъ полѣ; да кромѣ того, въ саду,

гдѣ былъ картофель. Овса посѣй столько, сколько останется земли, за исключеніемъ нужной подъ гречиху. Къ посѣву мака и овса приступить тотчасъ послѣ полой воды, какъ только соха пойдетъ въ землю. Овесъ непремѣнно на четвертый, или на пятый день послѣ посѣва перепахивать. При посѣвѣ овса тебѣ отъ крестьянъ отнюдь не отлучаться до тѣхъ поръ, пока всѣ сѣмена разсѣютъ. Я буду судить о твоемъ надзорѣ черезъ сравненіе нашихъ хлѣбовъ съ сосѣдними хлѣбами, и вообще буду благодарить тебя, или наказывать, соображаясь съ доходами сосѣдей, не принимая въ оправданіе ни качества земли, ни качество хлѣба. Еще разъ повторяю: держи ухо остро, потому что я начинаю уже сомнѣваться въ твоемъ усердіи, и если ты не постараешься оправдать себя дѣлами, я отдамъ тебя въ солдаты".

Всѣ хозяйственные разсчеты помѣщикъ держалъ въ своей головѣ, и соображалъ, какъ выгоднѣе сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ. „Увѣдомить меня, пишетъ онъ прикащику, для чего ты покупаешь овесъ, когда я тебѣ предписывалъ покупать одну гречиху для сѣмянъ. Овса для засѣва одной десятины нужно три четверти, т. е. на 8 р. 70 к. сер., а гречихи только одну четверть, т. е. на 1 р. 76 к. с. Овса, если родится 20 четвертей, то всетаки не продать его и на 15 р. съ десятины, а гречихи, если и 10 четвертей родится, такъ выручишь тѣ-же деньги".

Входя во всѣ мелочи хозяйства, помѣщикъ былъ постоянно дѣятеленъ, а потому на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ приказахъ распоряженія, въ родѣ слѣдующихъ: увѣдомить немедленно о всходахъ озимей; увѣдомить подробно: котораго числа сколько какого хлѣба засѣяно; увѣдомить, сколько десятинъ будетъ засѣяно гречихой; о всходахъ всѣхъ хлѣбовъ увѣдомить аккуратно, хороши ли, дурны ли; увѣдомить самымъ подробнымъ образомъ о состояніи хлѣбовъ; увѣдомить еще подробнѣе о хлѣбахъ; подробно донести о ходѣ уборки, о всходахъ озимей, о числѣ копенъ всѣхъ хлѣбовъ, объ умолотѣ и о сборѣ съ крестьянъ долговаго хлѣба, и т. п.

Не было такого мелочнаго дѣла, въ разсмотрѣніе котораго онъ не входилъ бы съ одинаковымъ вниманіемъ. Онъ заботится и о хлѣбѣ, желая знать, сколько на лицо немолоченаго, и какихъ лѣтъ; и о птицѣ, на которую много выходитъ корма, за птичницей же надо строго смотрѣть; и пчелѣ, которой много пало, за что пчелинца, если онъ будетъ продолжать вести себя также, предположено въ наказаніе перевести на житье въ другое имѣніе, навсегда; и объ овцахъ; и о шерсти, которую приказываетъ продать,

если покупщики будутъ давать порядочную цѣну, причемъ въ случаѣ надобности не велитъ испрашивать особаго приказанія, добавляя; „я и послѣ разберу, хорошо ли ты дѣлалъ, или дурно“; и о маслѣ, которое оказалось прогорклымъ, почему приказано принимать его осмотрительно; о яйцахъ, чтобы были свѣжи; о медѣ; о черной смородинѣ, изъ которой велѣно сварить 1 пудъ сахарнаго варенья, а остальную въ меду; о выдѣлкѣ кирпича, желая знать, сколько его сдѣлано; о салфеткахъ, которыя долженъ ткать ткачъ по извѣстному узору, и т. п.—Онъ указываетъ, какъ откармливать гусей и птицу вообще, именно, рожью и просомъ, а когда это надоѣстъ и птица перестанетъ ихъ клевать въ сыромъ видѣ, то давать вареными; начать выкармливаніе просяной лузгой съ ржаной мукой и вообще заботиться, чтобы птица не пришлась въ слишкомъ дорогую куплю. Разрѣшаетъ покупку соли для овецъ и употребленія для ихъ корма прошлогодняго сѣна. Приказываетъ сдѣлать пробный замолотъ новой ржи какъ можно раньше и увѣдомить, сколько мѣръ зерна изъ копны, и сколько всѣхъ копенъ стоитъ въ полѣ,—чтобы заранѣе сообразить количество ржи для продажи и не упустить цѣнъ на ближайшихъ заводахъ. Запрещаетъ рубку въ рощѣ *деревъ*, ибо если дозволить срубить одно, то срубятъ десятки и сотни. Дѣлаетъ провѣрку всѣмъ принятымъ припасамъ, указываетъ приняты-ли исправно, и въ чемъ состоитъ неисправность, какъ, напримѣръ, издохло 9 куръ, а остальныя такъ худы, что ни на что не похоже; салфетки суровы, 2 ткацкихъ холста прорваны, холста не достаетъ 9 арш., яицъ по счету не хватаетъ 502 штукъ, хотя были сочтены и разбитыя, а потому, слѣдуетъ разобрать, кто виноватъ, и т. п.

Всѣ усилія и хлопоты по хозяйству вѣнчались продажею помѣщикомъ хозяйственныхъ продуктовъ и полученіемъ денегъ. И за этимъ надо было строго наблюдать, продать во время, по сходной цѣнѣ, деньги не оставлять въ долгу. „Еще я тѣмъ недоволенъ, говорится въ одномъ изъ приказовъ, что ты овса не продалъ. Это очень гадко. Продать если успѣешь, и сколько успѣешь“. Продавалось только то количество припасовъ, какое было въ остаткѣ за удовлетвореніемъ собственной потребности. „Ржи продать можно, судя по вѣдомостямъ, до 200 четв.; овса продать при посѣвѣ, сколько можно будетъ, отсчитавъ, сколько нужно для посѣва“. При продажѣ продуктовъ помѣщикъ выжидалъ подходящей цѣны. „Шерсти шпанской цѣна здѣсь 6 р. с., а потому за 4 р. 50 к. отдавать нельзя. По 6 р. с. здѣсь продаютъ ту шерсть, ка-

кая въ прошломъ году стоила 4 р., значитъ хуже нашей". Зная хорошо всѣ цѣны, помѣщикъ легко судилъ о томъ, выгодна ли была продажа въ данномъ случаѣ. „Овцы вообще проданы дешево. „Люди за одних валуховъ взяли бы почти тоже, что ты за всѣхъ". Деньги, вырученныя продажею продуктовъ, помѣщикъ требовалъ немедленно къ себѣ. Если деньги случайно оказывались за кѣмъ либо въ долгу, помѣщикъ неустанно подтверждалъ объ уплатѣ ихъ. Такъ, въ одномъ изъ приказовъ читаемъ: „Съ Ивинскаго завода деньги непремѣнно получить всѣ сполна, если не получилъ еще. Отправиться на этотъ заводъ или тебѣ самому (бурмистру), или отправить кого нибудь и приказать жить наономъ до тѣхъ поръ, пока всѣ деньги получены будутъ до копѣйки. Я не разъ тебѣ предписывалъ не отдавать хлѣба въ долгъ, а ты въ нынѣшнемъ году вторично осмѣлился ослушаться моего приказа". Наконецъ, наличныя деньги, пока они не были сданы по назначенію, какъ мірскія, такъ и господскія, подлежали провѣркѣ, по указаніямъ, даннымъ помѣщикомъ, за неисполненіе этого помѣщикъ грозилъ наказаніемъ въ полиціи (розги).

Сдѣланное изложеніе позволяетъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ о *нормальномъ* строѣ крѣпостнаго хозяйства. Пріобрѣтаемыя крестьянами отъ ихъ помѣщиковъ выгоды обезпечивали имъ лишь *минимумъ* существованія, и не давали возможности даже въ отдаленномъ будущемъ думать объ улучшеніи этого положенія, путемъ пріобрѣтенія какихъ либо средствъ для болѣе или менѣе сноснаго человѣческаго существованія. Наоборотъ, весь ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства давалъ основаніе заключить о переходѣ крестьянъ въ совершенное рабство, т. е. объ ухудшеніи даже этого худого положенія. Такова была норма; уклоненія же отъ нея (мѣсячники, фабричные, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами и т. п.) были такъ часты, что въ состояніи поколебать самую норму, и обратить ее въ рѣдкое исключеніе.

Для поддержанія этой нормы, со стороны помѣщиковъ требовались знанія, трудолюбіе и неустанная энергія въ веденіи хозяйства; требовалась жизнь, полная труда, заботъ и безконечныхъ волненій; при отсутствіи этихъ условій, средствъ добываемыхъ изъ крѣпостного труда было недостаточно, и помѣщики вынуждены были проводить свою жизнь въ бѣдности.

Выше мною уже указано, что большинство Рязанскаго дворянства было бѣдно. Приведемъ еще нѣкоторыя данныя по сему предмету. „Нужды наши увеличиваются, соразмѣрно нашему увеличивающемуся просвѣщенію,—говоритъ А. И. Кошелевъ,— а земли и крестьяне истощаются въ обратномъ дѣйствіи. Вотъ отъ чего, дворянство все болѣе и болѣе разоряется; число имѣній, отдаваемыхъ въ опеку, постоянно умножается, а газеты наполнены объявленіями объ имѣніяхъ, назначенныхъ въ продажу" [1]). „Большинство дворянъ стоитъ за нынѣшій порядокъ вещей, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ,—и противно измѣненію отношеній ихъ къ крестьянамъ; иначе и быть не можетъ. Наше дворянство столь же многочислено, сколько оно и бѣдно; просвѣщеніе охватило только верхній слой этого званія, остальныя же его подраздѣленія болѣе или менѣе остаются въ прежнемъ неподвижномъ положеніи. Измѣненіе крѣпостного права въ отношеніи людей сопряжено съ пожертвованіями. Богатому жертвовать несравненно легче, чѣмъ бѣдному; бѣдность же есть нынѣшній удѣлъ нашего дворянства" [2]). Положеніе дворянскихъ помѣстій вообще бѣдственно,— говоритъ тотъ же Кошелевъ,—никогда небыло столько имѣній описанныхъ и назначенныхъ въ продажу, какъ нынѣ; никогда кредитъ между дворянствомъ не былъ безсильнѣе настоящаго времени; никогда дворянство не было болѣе чѣмъ нынѣ обременено долгами частными и казенными. Причины сего бѣдственнаго положенія нашего дворянства, конечно, многоразличны, но главнѣйшая заключается въ неопредѣленности и нетвердости нашихъ отношеній къ крестьянамъ" [3]).

Конечно, причины бѣдности были многоразличны, но едва ли не самыми главными были двѣ: жизнь выше средствъ и лѣность. Помѣщики стремились развивать свои потребности, соотвѣтственно требованіямъ постоянно мѣняющихся условій жизни; но по лѣности своей, они ничего не дѣлали для того, чтобы расширять свои средства для удовлетворенія этихъ вновь назрѣвавшихъ потребностей, ограничиваясь средствами, извлекаемыми только изъ крѣпостного труда крестьянъ.

По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, вообще у насъ даже

---

[1]) Колюпановъ, біографія А. И. Кошелева, т. 2, первоначальный проектъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ.

[2]) Тамъ же, пр. 5-е. Письмо Кошелева Мин. Вн. Дѣлъ, 1847 г.

[3]) Тамъ же, прил. 5-е, проектъ рѣчи дворянству.

и у образованныхъ людей понятіе о какой то роскоши, выражающееся въ огромности прислуги (роскоши, сопряженной нерѣдко съ лохмотьями), соединяется съ понятіемъ о достоинствѣ русскаго дворянства. По его словамъ, напр., Зарайскій предводитель дворянства увѣрялъ, что у него во дворѣ считается 160 ртовъ. Правда, большею частью эти рты у него занимаются земледѣльческими работами, смотрятъ за скотомъ и проч. Но всетаки, число это огромно, говоритъ онъ, если принять въ соображеніе, что у помѣщика нѣтъ и 500 душъ [1]).

Въ книгѣ неизвѣстнаго автора, изданной въ Петербургѣ въ 1837 году [2]). О жизни помѣщиковъ сверхъ своихъ средствъ, высказано, между прочимъ, „Чтобы показать, какъ многіе живутъ не по деньгамъ, мы приведемъ сперва краткій распорядокъ состояніямъ, а потомъ разсмотримъ приблизительно надобности и состояніе бѣднѣйшихъ владѣльцевъ, по коимъ можно будетъ судить и о прочихъ.

„Помѣщикъ, имѣющій отъ 200 до 1000 душъ, желаетъ жить никакъ не хуже того, который имѣетъ 10000; тотъ, кто имѣетъ за 100, старается подражать ему; имѣющіе же отъ 20—100 не хотятъ отстать въ образѣ жизни отъ имѣющаго болѣе 100 душъ. „Владѣлецъ съ хорошимъ вкусомъ и тономъ послѣдней моды, коего все достояніе состоитъ положимъ изъ 50 душъ, стоющія по средней цѣнѣ 30000 руб., приносящія высокій доходъ 4500 руб. въ годъ [3]), не можетъ выѣзжать уже иначе, какъ въ каретѣ или въ коляскѣ; если у него есть жена и двѣ дочери, то на гардеробъ имъ выходитъ бѣдно 900 руб.; ему собственно 400; на сахаръ, чай, кофе и пряности по крайней мѣрѣ 1000 руб., на вино 400, на разныя украшенія дома 200 р., на разъѣзды по дѣлу и безъ дѣла и непредвидѣнные расходы 1000, на ремонтъ экипажей, сбруи и ливрей 400, на наемъ учителя француза и какого нибудь піаниста по крайней мѣрѣ 1200, всего 5500, слѣдовательно, цѣлой 1000 болѣе доходовъ. Если онъ заложилъ свое имѣніе, получа изъ Опекунскаго Совѣта по 200 р. на душу, то проѣздъ за этими деньгами стоитъ по крайней мѣрѣ 500 р.; при семъ удобномъ случаѣ куплено имъ въ столицѣ экипажъ за 1500; фортепьяно за

---

[1]) Гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 291.

[2]) Мысли объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства и улучшеніи быта поселянъ-хлѣбопашцевъ.

[3]) Счетъ идетъ на ассигнаціи.

600 р., женѣ и дочерямъ шали, матеріи, холстъ голланскій, серьги, кольца и проч., всего на 1500; себѣ енотовую шубу; шитую шелкомъ съ кистями венгерку, шинель съ бобромъ, дворянскій мундиръ, охотничьи снаряды и проч., всего на 1125 р.; бронзы, хрусталя, мебели, лампъ, сервизы для стола и чаю, шампанскихъ рюмокъ и иныхъ разностей, всего на 1000 р.; заплачено долгу въ лавки по старому счету и заимодавцамъ 2000, податей и недоимокъ 500 р.; такимъ образомъ, изъ полученныхъ 10000 остается 1275 р., которые употреблены на разныя домашнія надобности, покупку двухъ камней на мельницу, 10 пуд. желѣза и выписку чрезъ Предводителя молотило-вѣялки Вишнякова. Послѣ этого займа прибавилось сверхъ недостававшей 1000 на ежегодные расходы еще уплата казеннаго долга; почему владѣлецъ принужденъ, или стѣснивъ свои и крестьянъ своихъ обстоятельства, извлекать насильственный съ имѣнія доходъ, или задолжавъ въ частныя руки, лишиться своего достоянія“ [1]).

А вотъ, въ другомъ родѣ характеристика помѣщика, сдѣланная В. Селивановымъ. „Лѣтъ 15 прослужилъ онъ въ военной службѣ, а теперь, какъ слѣдуетъ гражданину, занимается хозяйствомъ. Онъ не чуждъ высокихъ стремленій; міровыя событія волнуютъ его душу, онъ сочувствуетъ успѣхамъ наукъ и художествъ, онъ горячо любитъ свое отечество. Въ обязанности помѣщика онъ сознаетъ великое призваніе, заботы и попеченія о ввѣренныхъ ему Богомъ и общественными законами ближнихъ. Онъ смотритъ на хозяйство какъ на основу государственнаго богатства, какъ на залогъ благоденствія народнаго, и *при всемъ томъ онъ чрезвычайно лѣнивъ. Ему бы лежать подъ деревомъ на травѣ, да читать, или смотрѣть въ синеватую даль и прогонять черезъ память все свое прошедшее, или бродить одному, а порой и съ женой по лѣсамъ и полямъ и пріискивать всѣ возможные случаи, чтобы ничего не дѣлать*“ [2]).

Въ концѣ концевъ, крѣпостное право было одинаково тягостно и для крестьянъ, и для помѣщиковъ. Первыхъ оно лишало всякихъ средствъ для болѣе или менѣе человѣческаго существованія; вторымъ—оно не давало тѣхъ средствъ, которыя были необходимы для существованія безбѣднаго, и болѣе или менѣе обезпеченнаго. Болѣе развитые изъ нихъ и образованные хорошо понимали какъ

---

[1]) Названное выше сочиненіе, стр. 21—23.

[2]) Годъ русскаго земледѣльца, изд. 1887 г. стр. 45—46.

это тягостное положеніе, такъ и причину его. А. И. Колеминъ говорилъ [1]): „Не станемъ жалѣть объ утратѣ права, которое день ото дня становится намъ все болѣе и болѣе тягостнымъ. Много ли межъ нами такихъ, которые еще въ силахъ пользоваться имъ съ дѣйствительною для себя выгодою? Не отъ этой ли привычки къ полновластію всѣ печали и всѣ заботы нашего времени. Взглянемъ пристальнѣе на настоящія отношенія наши къ крестьянамъ. Прежняя патріархальная простота замѣняется нынѣ меркантильными соображеніями о томъ, какъ бы болѣе получить съ имѣнія доходовъ. Между тѣмъ, увлекаемые привычкою къ стариннымъ распорядкамъ, мы не замѣчаемъ ошибочнаго направленія въ хозяйствѣ. Вмѣсто того, чтобы искать источниковъ дохода въ живыхъ силахъ земли, въ улучшеніи почвы и хозяйственныхъ пріемовъ, мы думаемъ найти ихъ въ расширеніи нашихъ полей, въ безотчетномъ отягощеніи налогами крестьянъ. Столь ошибочное направленіе нашего хозяйства можетъ ли сохранять и поддерживать въ крестьянахъ прежнюю свѣжесть патріархальнаго ихъ чувства“.

И такъ, нормальный порядокъ вещей при крѣпостномъ правѣ состоялъ въ томъ, что огромная часть населенія государства находилась въ положеніи близкомъ къ рабству, служа исключительнымъ интересамъ другой, небольшой части населенія, бѣднаго, мало образованнаго, лѣниваго и безпечнаго.—Для правильнаго роста государства, такое положеніе не могло продолжаться, оно требовало измѣненія, тѣмъ болѣе, что всѣ поводы къ измѣненію были выработаны уже самою жизнію, и состояли на лицо. Для осуществленія коренной реформы въ этомъ дѣлѣ нуженъ былъ человѣкъ, хорошо освѣдомленный объ истинномъ положеніи дѣла; искренно убѣжденный въ неизбѣжной необходимости реформы, имѣвшій власть, сильную и неограниченную, чтобы осуществить ее, и помощниковъ, убѣжденныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ, чтобы привести задуманное имъ въ исполненіе. Какъ только явился такой человѣкъ, въ образѣ Царя Освободителя,—крѣпостное право рушилось само собою, силою вещей, безъ какихъ либо потрясеній государственнаго организма.

---

[1]) Предположенія объ устройствѣ крестьянскаго быта и помѣщичьихъ имѣній, по Рязанской губерніи, соч. А. К—ина, 1858 г. стр. 30—31.

III. Судебная и административная власть помѣщика.

Въ лицѣ помѣщика сосредоточивалась судебная власть надъ его крестьянами. По дѣламъ гражданскимъ—помѣщикъ разбиралъ взаимные споры и иски своихъ крѣпостныхъ [1]. По дѣламъ уголовнымъ помѣщикъ вѣдалъ преступленія и проступки своихъ крестьянъ противъ него самого, противъ его крестьянъ, и даже противъ стороннихъ лицъ, въ случаѣ согласія послѣднихъ разобраться судомъ помѣщика. Помѣщикъ могъ не пользоваться своимъ правомъ расправы и тогда послѣдняя переходила къ полиціи и общему суду. Какія преступленія и проступки вѣдаетъ помѣщикъ, въ законѣ съ точностью не означено, опредѣленіе сдѣлано въ самой общей формѣ: помѣщикъ вѣдаетъ, всѣ тѣ преступленія и проступки, которые не подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Слѣдовательно, установленіе состава преступленія, оцѣнка важности его вполнѣ зависило отъ усмотрѣнія помѣщика.—Наказанія, которымъ помѣщикъ могъ подвергать виновныхъ, опредѣлены въ законѣ болѣе точно. Они состоятъ въ сѣченіи розгами до 40 ударовъ, палками до 15 ударовъ, въ арестѣ до 2-хъ мѣсяцевъ, въ заключеніи въ Смирительный и Рабочій дома до 3-хъ мѣсяцевъ, и въ заключеніи въ Исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства до 6-ти мѣсяцевъ [2]. Такимъ образомъ, въ примѣненіи наказанія самъ законъ давалъ помѣщикамъ довольно широкое право, которымъ они пользовались еще шире, такъ: при наказаніи розгами и палками число ударовъ, конечно, никто не провѣрялъ и они разсыпались не десятками, а сотнями. Смирительный домъ въ Рязани, бывшій въ завѣдываніи Приказа Общественнаго Призрѣнія, вмѣщалъ въ себѣ преимущественно крѣпостныхъ людей, присланныхъ ихъ помѣщиками. О размѣрѣ этого рода наказанія можно судить изъ того, что въ періодъ времени съ **1850—1856 гг.**, въ немъ содержалось изъ общаго числа заключенныхъ—505 человѣкъ,—440 человѣкъ, присланныхъ помѣщиками (87%) [3].

---

[1]) Св. Зак. изд. 1857 г. т. 9, ст. 1050.

[2]) Св. Зак. изд. 1857 г. т. 9, ст. 1052.

[3]) Жур. Прик. Общ. Приз. 1860.

По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, при защитѣ и разборѣ помѣщикомъ поступковъ крестьянъ необходимымъ слѣдствіемъ является самоуправство; этому подаетъ поводъ самъ законъ, по которому помѣщику предоставлена судебная и полицейская власть въ его имѣніи съ полномочіемъ слишкомъ общимъ. Причины же находятся въ состояніи нашей полицейской и судебной администраціи. Крестьянинъ сдѣлалъ проступокъ, судить его по законамъ положительнымъ, дѣлать слѣдствіе, посылать въ уѣздный городъ,— все это сопряжено съ проволочками, кляузами, издержками. Между тѣмъ, помѣщикъ самъ розыщетъ, побьетъ или посѣчетъ, и все пошло прежнимъ чередомъ. Да и самъ крестьянинъ этому радъ: въ судѣ его затаскали бы въ рабочее время года, заморили бы въ тюрьмѣ, прежде нежели разобрали бы дѣло, не говоря уже про взятки [1]). Законъ, предоставивъ помѣщику обширное право опредѣлять составъ преступленія, допустилъ совершенный произволъ въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, поэтому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что уже сами помѣщики, считая недостаточными тѣ роды наказанія, которыя точно опредѣлены въ законѣ, изобрѣли свои особыя наказанія, которыя по ихъ мнѣнію болѣе соотвѣтствовали своему назначенію, каковы—употребленіе желѣзныхъ цѣпей, рогатки, цѣпного стула. Рогатка изобрѣтена съ цѣлію не давать возможности прилечь, поэтому она употреблялась не только какъ наказаніе, но и какъ средство контролирующее исправную работу... При земляныхъ работахъ, говоритъ Кошелевъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Чулковъ надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали [2]). **Цѣпной стулъ**— не давалъ возможности ходить, ибо виновный приковывался цѣпями къ деревянному чурбану, на которомъ могъ только сидѣть, а вслучаѣ желанія ходить, долженъ былъ всю тяжесть чурбана нести на себѣ.—Помѣщики Польскіе дворовую дѣвку Михѣеву посадили на цѣпь, къ коей прикрѣпленъ былъ обрубокъ дерева, вѣсомъ фунтовъ въ 30, а дѣвку Ефремову—въ желѣзную рогатку, вѣсомъ въ 8 фунтовъ, и держали такъ, первую—четыре, а послѣднюю двѣ недѣли, и въ продолженіи этого времени онѣ выпрядывали въ недѣлю каждая по три тальки нитокъ, получая въ содержаніе хлѣбъ и воду [3]). Управляющій Григорова,

---

[1]) Графъ Киселевъ, и его время, т. II, стр. 315.
[2]) Записки Кошелева, стр. 60.
[3]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 196.

вольноотпущенный Лѣтонищевъ, жестоко наказывалъ крестьянъ: двухъ изъ нихъ побилъ палками, они бѣжали въ Рязань съ жалобой къ губернатору, а когда возвратились домой, то за самовольную отлучку на одного изъ нихъ былъ надѣтъ **цѣпной стулъ**, а другой закованъ въ ножныя желѣзы. Управляющій выдержанъ въ тюрьмѣ и устраненъ отъ управленія имѣніемъ [1]).

Вотъ отдѣльные виды преступленій и проступковъ крестьянъ помѣщика Терскаго и наложенныя послѣднимъ наказанія за нихъ. За непріобрѣтеніе лошадиной скребницы—розги; за чистку лошади въ конюшнѣ, тогда какъ было приказано чистить на дворѣ—розги; за взятіе безъ позволенія для топки печей крупныхъ дровъ—палки; не вычищена лошадь—розги; въ саду была накошена для лошадей трава, изъ коей было приказано отобрать вредный, дурной цвѣтокъ, приказаніе не исполнено—палки; за подозрѣніе въ кражѣ муки—подозрѣваемый побитъ скалкою; было приказано сказать кучеру принести попоны, вышло замедленіе, исполнитель приказанія и кучеръ—оба побиты серебрянною табакеркою; за самовольную отлучку ночью на свадьбу—розги; за недонесеніе о томъ, что охромѣлъ жеребенокъ,—побитъ деревяшкою отъ грабель; за оказавшуюся въ парникахъ нечистоту,—наложена въ рубашку и портки крапива, съ которою виновный ходилъ цѣлый день. Нужно замѣтить, что Терскій совсѣмъ не былъ жестокій помѣщикъ; крестьяне его содержаніемъ были довольны, помѣщикъ помогалъ имъ, выдавалъ и лошадей, и зерно, и деньги: помѣщикъ былъ только строгъ и требователенъ [2]). Помѣщикъ Чулковъ за неисправности сажалъ людей въ башню и кормилъ ихъ селедками, не давая имъ при томъ пить. Если кто изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывали цѣпью къ столбу [3]).

Вотъ наказаніе, примѣняемое прикащикомъ въ имѣніи Тарасенко-Отрѣшкова, Потапомъ Матвѣевымъ, для виновныхъ бабъ. Провинившіяся бабы устанавливались въ рядъ, прямо противъ вѣтра, и должны были взбрасывать кверху лопатами груды мелкаго, сыпучаго снѣгу. Взвѣваемый на вѣтеръ мелкій снѣгъ такъ мучительно набивался вѣяльницамъ въ уши, въ глаза, въ ноздри, въ ротъ, что онѣ скорехонько безъ чувствъ падали на землю [4]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Уг. Пал. 1841 № 585.
[2]) Дѣло Ряз. Уг. Пал. 1829 г. № 451.
[3]) Записки Кошелева стр. 60.
[4]) Славутинскій, въ Древней и Новой Россіи 1879 г. № 9.

А вотъ наказанія, установленныя самимъ Кошелевымъ (авторомъ приводимыхъ записокъ) въ его обширныхъ имѣніяхъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ (с. Песочня, Михѣи, Дегтяные Борки и др.), за лѣсныя порубки. Пойманный въ лѣсу въ первый разъ платитъ штрафъ втрое противъ оцѣнки срубленнаго лѣса, а самый лѣсъ отбирается. Пойманный во 2-й разъ, кромѣ штрафа съ отобраніемъ лѣса, употребляется въ господскую работу, по усмотрѣнію бурмистра, судя по значительности порубки, отъ 3-хъ дней до двухъ недѣль. За третью порубку—отправляется для господскихъ работъ на срокъ отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль, въ другое имѣніе помѣщика (такъ, напримѣръ, изъ Песочни въ Михѣи разстояніе до 12-ти верстъ). Третья часть штрафа поступаетъ въ пользу лѣсника, поймавшаго вора; за малолѣтнихъ штрафъ платятъ домохозяева. Кто же и послѣ трехъ разъ не уймется въ воровствѣ, тотъ по усмотрѣнію помѣщика отдается въ рекруты или переселяется въ одно изъ Саратовскихъ безлѣсныхъ имѣній.

Едва ли не самое важное преимущество помѣщичьей власти состояло въ правѣ отдавать крѣпостныхъ людей въ рекруты и высылать по своему усмотрѣнію въ Сибирь на поселеніе. Помѣщику предоставляется за продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе крѣпостнаго своего человѣка удалить навсегда отъ себя и изъ своего имѣнія, предоставивъ его на сей конецъ въ распоряженіе Губернскаго Правленія, которое, **не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика**, свидѣтельствуетъ предоставленныхъ имъ людей въ рекрутскомъ присутствіи, и если найдетъ ихъ, по установленнымъ для сего правиламъ, годными къ какому либо роду военной службы, обращаетъ въ оную, неспособныхъ же отправляетъ на переселеніе въ Сибирь [1]). Право ссылки было безъапелляціонно, рѣшеніе помѣщика приводилось въ исполненіе безъ всякой провѣрки основательности его, **не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика**. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда высылка крѣпостнаго представлялась совершенно неосновательною, правительственная власть не могла, или не желала вмѣшиваться въ дѣло, допуская, такимъ образомъ, явную несправедливость, которая косвеннымъ образомъ не могла не колебать правительственную власть, ибо въ ней одной крестьяне разсчитывали найдти себѣ защиту и

---

[1]) Св. зак. из. 1857 г. Т. 9, ст. 1055, 1056. Т. 14. Уст. о Пред. и Прес. Прест. ст. 397.

покровительство. Крѣпостной кн. Оболенской, крестьянинъ Ананьинъ, по навѣту управляющаго предназначенъ былъ помѣщицею къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Когда всѣ противузаконныя дѣянія управляющаго и невиновность Ананьина были вполнѣ обнаружены,—ссылка тѣмъ не менѣе не могла быть отмѣнена, безъ согласія помѣщицы, передъ которою и было заявлено ходатайство губернатора. „Не будете ли Вы столь милостивы, писалъ онъ, чтобы возвратить крестьянина Ананьина въ семью, это зависитъ совершенно отъ Васъ, ходатайство мое останется для всѣхъ тайною и крестьянинъ Ананьинъ, въ возвращеніи своемъ будетъ видѣть только милость своей помѣщицы“ [1]). По сему предмету у Заблоцкаго-Десятовскаго высказано, что право лишать человѣка гражданской жизни, безъ всякаго суда, безъ всякаго изслѣдованія, безъ указанія даже хотя съ нѣкоторою опредѣлительностью причинъ, по одному произволу владѣльца,—не могло не казаться страннымъ анахронизмомъ для правительства. Поэтому то въ 1810 и 1811 гг. было уничтожено это право. Но сила вещей требовала и требуетъ постоянной мѣры страха. Филантропическіе виды правительства смягчить отношенія господина къ рабамъ, безъ измѣненія основныхъ началъ крѣпостнаго права, не могли имѣть успѣха; и потому въ 1822 г. вновь разрѣшено отсылать по волѣ помѣщиковъ крестьянъ за дурное поведеніе въ Сибирь [2]).

По мнѣнію Заблоцкаго-Десятовскаго, ссылка для крѣпостныхъ представлялась тяжелою только въ первыя минуты при разставаніи съ родными, доказательствомъ чего служитъ то, что они ищутъ иногда случая быть сосланными [3]).

Несмотря на такое широкое право помѣщиковъ, практика старалась расширить примѣненіе его далѣе необходимыхъ предѣловъ. Владѣльцы суконной фабрики въ Егорьевскомъ уѣздѣ, братья Тулиновы, просили о высылкѣ въ Сибирь на поселеніе нѣкоторыхъ крестьянъ за лѣность, пьянство и другіе пороки. Губернское Правленіе возбудило вопросъ о правѣ владѣльцевъ, ибо Тулиновы несутъ владѣльцы крѣпостнаго помѣщичьяго права и владѣютъ фабрикою, купленною въ 1769 году по привилегіи мануфактуръ-колегіи отцемъ ихъ, фабрикантомъ Василіемъ Тулиновымъ отъ купца Иконникова; права же владѣльцевъ фабрикъ

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1858 г. № 601.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій Гр. Киселевъ и его время, т. 2, стр. 317.

[3]) Тамъ же стр. 318.

надъ людьми къ нимъ принадлежащими закономъ ограничены и въ существѣ своемъ эти права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми различествуютъ. Посему, не находя закона, по которому Тулиновы могли бы сослать въ Сибирь своихъ людей, Губернское Правленіе дѣло это представило въ Правительствующій Сенатъ, который по соглашенію съ министромъ финансовъ призналъ это право за фабрикантами [1]).

Впрочемъ, ко времени реформы, въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ видѣлъ явно неблагонамѣренныя дѣйствія помѣщика, онъ вмѣшивался въ дѣло, принималъ сторону крястьянъ и оказывалъ имъ содѣйствіе въ защитѣ ихъ личности.—Во время лѣтнихъ работъ, староста помѣщика Казначеева, неизвѣстно за что, побилъ весьма жестоко 60-лѣтнюю старуху Яковлеву; побои были такъ сильны, что она находилась нѣсколько времени безъ чувствъ, а, придя въ себя, пріобщилась Св. Таинъ. Сынъ ея, Ивановъ, заступился за мать, принесъ жалобу помѣщику, но, не получивъ удовлетворенія, подалъ жалобу въ Земскій Судъ. За принесеніе этой послѣдней жалобы Казначеевъ отдалъ его въ рекруты, а когда, по освидѣтельствованію Рекрутскаго Присутствія, онъ призянанъ негоднымъ, представилъ Правительству для ссылки въ Сибирь на поселеніе. Ивановъ былъ женатъ и имѣлъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Тогда мать вступилась за своего сына и подала жалобу губернатору, по распоряженію котораго произведено изслѣдованіе. По поводу послѣдняго губернскій предводитель дворянства писалъ губернатору, что по его мнѣнію производство слѣдствія было сдѣлано преждевременно и не согласно съ установленными на этотъ предметъ правилами: не видно ничего, чтобы могло обвинить Казначеева въ злоупотребленіи помѣщичьею властью. Съ другой стороны, сослать крестьянина въ распоряженіе правительства помѣщикъ имѣетъ законное право, и при семъ правительство не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ, заставившихъ помѣщика сослать своего крестьянина... Тогда губернаторъ представилъ это дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, который предписалъ ему внушить помѣщику Казначееву всю неблаговидность и неосновательность дѣйствій его въ семъ случаѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить его принять крестьянина Иванова съ семействомъ обратно въ имѣніе, оградивъ крестьянъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій... Однако поддержка, которую Казначеевъ нашелъ у гу-

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 220.

бернскаго предводителя, принесла свои плоды: выслушавъ распоряженіе министра, Казначеевъ далъ отвѣтъ, что онъ крестьянина Иванова съ семействомъ принять въ имѣніе не желаетъ, какъ грубаго, дерзкаго, своевольнаго бѣглеца подававшаго поводъ другимъ крестьянамъ къ неповиновенію... Насколько это было вѣрно, насколько причины высылки были основательны, насколько необходимо было вмѣшательство въ это дѣло правительства,— видно изъ того, что за личность былъ этотъ Ивановъ... Онъ былъ, первымъ крестьяниномъ въ имѣніи Казначеева, отличался умомъ, смѣтливостью и примѣрнымъ трудолюбіемъ, обладалъ способностью легко и скоро усвоивать разнаго рода мастерство, онъ особенно былъ искусенъ въ дѣлѣ столярномъ и плотничномъ, выстроилъ Казначееву безъ всякой сторонней помощи мельницу и сдѣлалъ для имѣнія молотилку... Самъ Казначеевъ до настоящаго случая съ матерью Иванова относился къ послѣднему благосклонно, а съ удаленіемъ Иванова не постыдился съ половины тягла перевести къ себѣ хлѣбъ и взять лошадь съ жеребенкомъ. Домъ Иванова со времени вышеизложеннаго происшествія обнищалъ, тогда какъ до того былъ лучшимъ и богатымъ домомъ въ имѣніи, дѣти его въ настоящее время снискиваютъ пропитаніе милостынею [1]).

Кн. Волконскій представилъ крестьянина Кирилова къ ссылкѣ въ Сибирь, губернаторъ, находя это распоряженіе неправильнымъ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, который увѣдомилъ, что Кириловъ представленъ владѣльцемъ для ссылки въ Сибирь безъ уважительныхъ причинъ и потому предложилъ губернатору вновь войдти въ личное сношеніе съ кн. Волконскимъ и разъяснить отъ имени его, министра, неблаговидность его распоряженія, склонивъ его къ отмѣнѣ онаго, въ случаѣ же несогласія кн. Волконскаго немедленно донести ему, министру, для представленія на Высочайшее усмотрѣніе [2]).

Помѣщикъ Таптыковъ представилъ къ ссылкѣ двухъ крестьянъ съ семействами ихъ. Губернаторъ, узнавъ, что крестьяне этого не заслуживаютъ, предложилъ Таптыкову возвратить ихъ въ имѣніе его подъ видомъ дарованнаго имъ прощенія, однако это предложеніе не имѣло успѣха. Тогда губернаторъ поручилъ чиновнику своему произвести секретное дознаніе объ образѣ жизни и обращеніи Таптыкова съ своими крестьянами. По обслѣдованіи ока-

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 31.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 667.

залось, что крестьяне доведены до совершеннаго разоренія и большая часть ихъ нищенствуетъ, помѣщикъ не даетъ времени крестьянамъ убираться съ ихъ работою, нѣкоторыхъ крестьянъ взялъ къ себѣ во дворъ и отобралъ въ свою пользу все ихъ имущество. Предположенные къ ссылкѣ люди поведенія хорошаго, помѣщикъ высылаетъ ихъ потому, что они жаловались на ихъ обремененіе. Послѣ сего губернаторъ, предположивъ произвести по этому дѣлу формальное слѣдствіе, спросилъ мнѣніе губернскаго предводителя дворянства. Послѣдній сообщилъ объ этомъ Таптыкову; дѣло, такимъ образомъ, принимало весьма дурной оборотъ, и тогда уже Таптыковъ не только отмѣнилъ свое распоряженіе относительно ссылки крестьянъ, но даже предложилъ выдать имъ вольную, если они того пожелаютъ. На этомъ дѣло и было окончено [1]).

Но, государство, отмежевавъ довольно обширную область въ пользу помѣщичьяго права, не поступилось своими правами вполнѣ, оставивъ и себѣ кое-что. Иначе и быть не могло, такъ какъ крѣпостныя отношенія были присущи не только средѣ помѣщиковъ и крестьянъ, но и всему государственному строю. Весь строй жизни былъ проникнутъ крѣпостными отношеніями: крѣпостными были чиновники въ отношеніи своего начальства, само начальство—въ отношеніяхъ низшаго къ высшему, крѣпостное было духовенство, крѣпостное было купечество, былъ взятъ въ крѣпость судъ, царила она въ арміи и въ школѣ. Вся жизнь, всѣ человѣческія отношенія были проникнуты крѣпостью, все было чему нибудь крѣпко, надъ всѣмъ царилъ полный произволъ и беззаконіе. Поэтому естественно, что крестьяне на столько же были крѣпостными своихъ помѣщиковъ, на сколько послѣдніе были крѣпостными всего государства.

Государственная власть въ отношеніи крестьянъ распространялась на всю ту область, которая не входила въ сферу дѣйствій помѣщика. Крестьяне, по распоряженію правительства, несли государственную службу, платили государственные подати, отбывали повинности, подлежали общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ [2]). Въ отношеніи помѣщиковъ—государственная

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 661.

[2]) Св. Зак. изд. 1857 г. т. 9, ст, 1030.

власть имѣла контролирующее значенiе, слѣдящее за правильными отношенiями между помѣщиками и крестьянами и принимающая мѣры къ устраненiю безпорядковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Поэтому она помогала помѣщику, возстановляя его власть и значенiе, когда крестьяне выходили изъ предѣловъ послушанiя, помогала и крестьянамъ, когда помѣщики переступали предѣлы своихъ правъ и допускали злоупотребленiе помѣщичьею властью.

Какъ ни широка была помѣщичья власть, но, въ соприкосновенiи съ властью государственною она не имѣла безусловнаго значенiя. Крѣпостные обязаны владѣльцу своему безпрекословнымъ повиновенiемъ **во всемъ томъ, что непротивно общимъ государственнымъ узаконенiямъ;** если бы владѣлецъ сталъ понуждать крѣпостныхъ своихъ людей къ дѣйствiямъ противузаконнымъ и они бы таковое приказанiе исполнили, то за сiе они подлежатъ наказанiю, какъ соучастники въ преступленiи [1]).

Хотя помѣщичья власть была сильна по закону, а еще болѣе въ дѣйствительности, ибо находила себѣ поддержку въ средѣ правящихъ лицъ, но и стоящую съ ней рядомъ власть государственную грѣшно было упрекнуть въ слабости. Послѣдняя не только не могла, но и не должна была поступаться своими правами въ пользу первой; требованiя ея были обязательны для всѣхъ безъ исключенiя, между тѣмъ какъ требованiя власти помѣщичьей должны были имѣть мѣсто по стольку, по скольку они не были въ противорѣчiи съ требованiями власти государственной. Судить объ этихъ противорѣчiяхъ крестьяне очевидно не могли, для нихъ болѣе важною представлялась помѣщичья власть, какъ ближе къ нимъ стоящая, а потому естественно, что, при столкновенiяхъ обѣихъ властей, ближайшая отвѣтственность должна была падать на крестьянъ.

Помѣщикъ Петръ и мать его Марья Голицыны перекосили у сосѣда своего Безумова сѣно. По распоряженiю Земскаго Суда засѣдатель Климовъ отправился въ имѣнiе Голицыныхъ, объявилъ имъ распоряженiе Суда объ отобранiи отъ нихъ сѣна, и велѣлъ накладывать послѣднее на телѣги, но Голицынъ начально въ азартномъ положенiи ругалъ его всякими непристойными словами и кричалъ, что будто онъ не засѣдатель, а разбойникъ и грабитель, собираетъ разбойническую партiю для грабежа, и сверхъ

---

[1]) Св. Зак. изд. 1857 г. т. 9, ст. 1029.

того оный Голицынъ азартнымъ образомъ ухватилъ его за грудь, трясъ и тащилъ, и потомъ, схватя лежащее отесанное весло, взмахнувшись, хотѣлъ имъ ударить, но бывшій здѣсь солдатъ Дроновъ ухватилъ Голицына за весло и ударить имъ не допустилъ, и то весло у него изъ рукъ выхватилъ, но Голицынъ приказалъ людямъ своимъ взять колья и бить его, Климова, до смерти, кои всѣ были на то готовы, почему онъ, видя ихъ азартные поступки, и предписанія даннаго выполнить не могъ... Въ виду такого казуса, былъ командированъ на мѣсто другой засѣдатель, Мисюревъ, пріѣхавшій въ то время, когда помѣщиковъ не было дома, а по отъѣздѣ ихъ изъ усадьбы ими было сдѣлано общее распоряженіе запереть ворота и никого на дворъ не впускать. Приказаніе это было въ точности исполнено, и Мисюрева крестьяне во дворъ не впустили. Тогда уже на мѣсто явился въ полномъ составѣ Земскій Судъ, съ исправникомъ во главѣ, а когда и ихъ крестьяне, согласно даннаго приказанія, въ усадьбу не впустили, исправникъ приказалъ собраннымъ понятымъ крестьянамъ выломать ворота, и когда это приказаніе было исполнено, взошелъ въ усадьбу, захватилъ караульныхъ людей, коихъ и началъ бить кулаками, таскать за волосы, а затѣмъ заковалъ въ желѣза, а на одного надѣлъ **цѣпной стулъ**; всѣ были взяты подъ караулъ, гдѣ и выдержаны полтора мѣсяца; на остальныхъ же людей напалъ такой страхъ, что всѣ **они** разбѣжались въ лѣсъ.—Возникло дѣло объ оскорбленіи чиновъ полиціи и Уголовная Палата постановила слѣдующій приговоръ:... Голицына выдержать въ г. Скопинѣ подъ карауломъ одну недѣлю—а Марьи Голициной, учиня въ присутствіи Уѣзднаго Суда строгій выговоръ, велѣть ей въ ономъ же присутствіи у обиженнаго засѣдателя Климова испросить христіанское прощеніе, а потомъ ей дѣлать подтвержденіе, чтобы она впредь подобныхъ невѣжествъ противъ членовъ Земскаго Суда чинить не отваживалась... Касательно же дворовыхъ ихъ, Голицыныхъ, людей, которые оказываются виновными въ неоткрытіи запертыхъ ими, въ небытность господъ ихъ, у дома господскаго воротъ и въ непусканіи на дворъ членовъ Земскаго Суда и понятыхъ, почему оныхъ людей слѣдовало бы наказать по законамъ, но какъ они при взятіи ихъ со двора были биты, и сверхъ сего имъ тогда же связаны были назадъ руки, кованы въ желѣзо, а на одного изъ нихъ надѣтъ былъ цѣпной стулъ, и содержимы полтора мѣсяца въ тюремномъ заключеніи,—то сіе вмѣнить имъ въ наказаніе и сдѣлать имъ строжайшее подтвержденіе, чтобы они впредь

исправника и прочихъ Земскаго Суда членовъ во всякое время на дворъ господскій впускали безпрепятственно, соблюдая при томъ къ нимъ должное уваженіе.—И такъ, виновными оказались крестьяне оттого, что вполнѣ точно и аккуратно выполнили приказаніе господъ своихъ. Правда, наказанію за это они подвергнуты небыли, но только потому, что такое наказаніе понесли еще до суда, а быть выпоронным по суду, или безъ суда,—результаты все тѣже [1]).

При столкновеніяхъ власти помѣщичьей съ государственною слѣдуетъ строго выдѣлять два понятія: защиту и охраненіе правъ помѣщика, въ силу личной помѣщичьей власти и приказанія послѣдняго, и—охраненіе правъ помѣщика, въ силу полнаго сліянія интересовъ помѣщичьихъ съ крестьянскими. Какъ это ни покажется страннымъ, но въ крѣпостныхъ отношеніяхъ была одна сторона, которою интересы помѣщика и крестьянъ его совершенно совпадали, это—земля. То или другое количество земли, то или другое состояніе угодій—обусловливали извѣстное благосостояніе помѣщика и неразрывно связанныхъ съ нимъ въ земельномъ отношеніи крестьянъ. Вотъ почему: защита и охраненіе земельной собственности помѣщика, въ существѣ своемъ, сводились на охраненіе собственности самихъ крестьянъ; вотъ почему при защитѣ мнимыхъ земельныхъ правъ столкновеніе съ государственною властью были серьезнѣе, дѣла принимали самый рѣзкій характеръ, отвѣтственность крестьянъ была болѣе строга, а подъчасъ и безпощадна.

Во владѣніи кн. Долгоруковыхъ находилась лѣсная дача, половина которой была признана рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, вступившими въ законную силу, собственностью кн. Несвицкихъ. Крестьяне кн. Долгоруковыхъ, и во главѣ ихъ начальство—управляющій, старосты—рѣшили не уступать собственность своего помѣщика новымъ владѣльцамъ, и на представляемые доводы о томъ, что рѣшенію суда слѣдуетъ подчиниться, управляющій отвѣчалъ: „а дубинки—то на что“. Спорная лѣсная дача формально отведена новымъ владѣльцамъ, проложены межи и кн. Несвицкіе распорядились рубкою лѣса. Выѣхали на мѣсто крестьяне подъ предводительствомъ одного изъ кн. Несвицкихъ; ихъ встрѣтили противники. Дѣло, по обычаю родной старины, началось взаимною перебранкою, посыпались съ обѣихъ сторонъ отборныя русскія вы-

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1818 г. № 189.

раженія. Затѣмъ началась стычка, обратившаяся въ настоящее сраженіе. Борьба была русская, упорная, и окончилась полнымъ пораженіемъ кн. Несвицкихъ; предводитель ихъ былъ унесенъ съ поля сраженія весь израненный: голова пробита въ пяти мѣстахъ, глазъ вышибленъ, все тѣло избито, платье и бѣлье изорвано и окровавлено. Участь его арміи была такая же; оставшіеся здоровыми и вообще способные сопротивляться, взяты въ плѣнъ, обезоружены и привязаны къ деревьямъ. Трофеи одержанной побѣды—срубленный лѣсъ, лошади и упряжь—увезены въ имѣніе князей Долгоруковыхъ. Душою и героемъ побѣды былъ староста, воодушевлявшій крестьянъ возгласами: „стойте дружно“. Бей всѣхъ до смерти! Бей князя до смерти, въ мою голову!“—Черезъ три дня послѣ битвы въ имѣніе кн. Долгоруковыхъ пріѣхалъ наличный составъ Земскаго Суда для взятія виновныхъ и отобранія захваченныхъ ими вещей. Изступленіе крестьянъ дошло до высшей степени; одна изъ женщинъ ударила въ набатъ, собрались со всего села крестьяне, вооружились дрекольемъ и представили изъ себя такую грозную силу, что пріѣхавшіе начальники „жизнь свою едва могли спасти бѣгствомъ“.

Результаты этого дѣла обычны: судъ, батожье, плети и т. д. [1])

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Палаты 1824 г. № 210.

IV. Злоупотребленія помѣщичьей властью.

Не смотря на крайне ограниченныя требованія нормы помѣщичьяго хозяйства, дѣйствительность далеко уклонялась отъ этой нормы; мѣстные архивы переполнены данными, указывающими на то, что норма, вмѣсто того, чтобы быть общимъ правиломъ, составляла весьма рѣдкое исключеніе. Нѣкоторыя уклоненія отъ этой нормы указаны уже выше, какъ, напр., положеніе **мѣсячниковъ**, т. е. тѣхъ крестьянъ, которые, не имѣя собственной запашки, отправляли на помѣщика всѣ сельскохозяйственныя работы. Здѣсь крестьяне уже были обращены въ совершенныхъ рабовъ. Но и такое положеніе все-таки еще не считалось незаконнымъ, такъ какъ помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянъ своихъ во дворъ, или дворовыхъ людей на пашню. Право это было упразднено лишь наканунѣ реформы, Выс. пов. 2 Марта 1858 года, хотя нѣкоторыми оно оспаривалось и ранѣе. Такъ Ю. Ф. Самаринъ говоритъ, что „состояніе мѣсячниковъ представляетъ крайній предѣлъ развитія крѣпостного права, сливающійся съ рабствомъ. Обращеніе крестьянъ въ это состояніе есть прямое нарушеніе закона о трехдневной барщинѣ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, такое положеніе существовало и, по словамъ Кошелева, „къ сожалѣнію, лишеніе крестьянъ земли и переводъ ихъ на мѣсячину не есть явленіе рѣдкое; въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ число такихъ несчастныхъ по уѣздамъ доходитъ до тысячи, а въ нѣкоторыхъ и превышаетъ эту цыфру, слѣдовательно, это не есть рѣдкое исключеніе“ [2]). Но какъ назвать, какъ не злоупотребленіемъ помѣщичьею властью, тѣ случаи, въ коихъ и такое рабское положеніе представлялось недостижимымъ идеаломъ? Вотъ, напр., Спасскій предводитель дворянства сообщилъ губернатору, что крестьяне Шешуковой, въ с. Успенскомъ, жаловались на то, что собственной запашки они не имѣютъ, а помѣщица не даетъ имъ про-

---

[1]) Соч. т. 2, стр. 406.

[2]) Прил. къ Труд. Ред. Ком., т. 2, отзывы Членовъ Губ. Ком., Кошелевъ, стр. 241.

довольствія. Въ устраненіе этого злоупотребленія, по надлежащему сношенію, крестьяне были обезпечены продовольствіемъ [1]).

Но и помимо мѣсячниковъ, у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ вообще мало соблюдалось порядка въ распредѣленіи земли и въ отправленіи работъ; тутъ крѣпостной, находясь въ ближайшихъ сношеніяхъ съ господиномъ, вполнѣ и всегда зависѣлъ отъ его произвола и способовъ [2]). А число такихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (имѣвшихъ не болѣе 20 душъ) составляло ровно половину всѣхъ владѣльцевъ Рязанской губерніи.

Но и въ другой половинѣ владѣльцевъ встрѣчаемъ постоянныя уклоненія отъ нормы; встрѣчаются безпрерывныя жалобы на недостатокъ собственной земли крестьянъ и излишекъ помѣщичьей, на обремененіе работами и оброками, на худое содержаніе и продовольствіе дворовыхъ людей, на побои и истязанія.—Такъ, напр., по порядкамъ, заведеннымъ въ имѣніи Лунина, каждая дворовая дѣвка должна была напрясть въ недѣлю льняной пряжи по 4 тальки [3]). Эти работы, даже уѣздный предводитель дворянства считалъ обременительными [4]). Тотъ же помѣщикъ, вмѣшиваясь во всѣ распорядки крестьянской жизни, принималъ на себя заботу и по охраненію нравственности крестьянъ. Въ его имѣніи дворовые холостые люди, вечеромъ, послѣ ужина, въ 10 часовъ запирались въ особую комнату до 5 часовъ утра на замокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы ночью изъ дому не отлучались и не дѣлали въ домѣ безпорядковъ. „Хотя сей резонъ Лунина, говоритъ уѣздный предводитель дворянства въ бумагѣ губернатору, нѣкоторымъ образомъ и извинителенъ, но какъ таковыхъ заведеній въ дворянскихъ имѣніяхъ не существуетъ, то я нахожу порядокъ сей неприличнымъ и для людей обременительнымъ [5]). Вотъ еще жалоба крестьянъ на помѣщика Нелюбова въ томъ, что отягощаетъ ихъ чрезмѣрными денежными сборами, и кромѣ того, дѣлаетъ поѣздки на крестьянскихъ лошадяхъ, лишая чрезъ то занятій для пропитанія себя и добыванія на уплату оброка.

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1848 г. № 458.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, Гр. Киселевъ и его время, т. 4, стр. 279.

[3]) Въ Рязанскомъ Историческомъ Музеѣ находятся образцы работъ крѣпостныхъ крестьянъ, между прочимъ и тальки. Въ талькѣ 40 пасомъ (пучковъ), въ пасмѣ 40 нитокъ. каждая нитка длиною въ 1 арш., слѣд. въ талькѣ 1600 аршинъ, въ четырехъ—6400 арш., или иначе, нитку дневной работы можно протянуть на разстояніи 355 сажень (1066 арш.).

[4]) Дѣло Канц. Губ. 1828 г. № 56.

[5]) Тоже дѣло.

Но стоило подать крестьянамъ жалобу, какъ помѣщикъ съ своей стороны сталъ жаловаться на неповиновеніе крестьянъ; однако, по изслѣдованіи предводителя дворянства оказалось, что жалоба помѣщика несправедлива и ему внушено обращаться съ крестьянами снисходительнѣе и отягощеній не дѣлать [1]).

Всѣ эти уклоненія отъ нормы въ концѣ концевъ влекли за собою и бѣдность крестьянъ. Такъ, напр., крестьяне Лаптева были такъ бѣдны, вслѣдствіе обремененія барщинной работой, что вынуждены были нищенствовать и изобрѣли особый промыселъ. Близъ ихъ села на Астраханскомъ трактѣ была непроѣздная гать, въ которой завязли экипажи; за освобожденіе ихъ крестьяне брали съ проѣзжающихъ деньги [2]). Вотъ какимъ образомъ, по разсказу Заблоцкаго-Десятовскаго, взимался оброкъ въ одномъ изъ имѣній Рязанской губерніи. „Помѣщикъ Л. (кажется промотавшійся офицеръ) на 50 тяголъ наложилъ 3000 руб. оброку. Оброкъ, конечно, еще не великъ, но мужики бѣдны и безземельны. До сихъ поръ они жили и платили оброкъ тѣмъ, что воровали (по собственному ихъ сознанію) и продавали сосѣдній лѣсъ. Нынѣ, послѣ размежеванія, источникъ этотъ изсякъ. „Что будешь дѣлать, разсказывали сами крестьяне, барину надо платить, а платить нечѣмъ. Недавно онъ былъ здѣсь самъ и собиралъ оброкъ. Сѣкъ, сѣкъ тѣхъ, которые не платятъ, да что дѣлать, нѣтъ,—такъ нѣтъ, хоть кожу сними. Вы мои мужики, говорилъ онъ намъ, должны выручать меня; у меня, кромѣ этой шенели, нѣтъ ничего. Оно конечно бы такъ, на то мы и крестьяне, но что же дѣлать, когда нѣтъ ничего. Одинъ было сказалъ, что негдѣ взять, онъ его сѣкъ,— сѣкъ какъ собаку; велѣлъ продавать скотъ, да никто не купилъ. Кто же купитъ голодную скотину—кости да кожа? Сорвалъ съ тѣхъ, которые побагаче 1000 руб. да и уѣхалъ. Остальные велѣлъ прислать къ нему. Кто побогаче, тотъ и виноватъ, никакой разравнительности нѣтъ“ [3]).

Что касается личныхъ отношеній, то объ нихъ едва-ли нужно говорить: люди не имѣли другого названія, какъ **хамы**. Одна учительница школы Рязанскаго уѣзда, А. В., получила драгоцѣнное наслѣдство послѣ смерти своихъ родныхъ, достойное занять самое видное мѣсто въ Историческомъ Музеѣ, среди разныхъ орудій

---

[1]) Дѣло Дв. Деп. Собр. 1853 г. № 86.

[2]) Дѣло Дв. Деп. Собр. 1858 г. № 20.

[3]) Гр. Киселевъ и его время, т. 2, стр. 304.

истязанія крѣпостныхъ. Это **щекобитка,** т. е. деревянное орудіе для битья дѣвокъ и бабъ по щекамъ. Прогрессъ коснулся даже этой области: стоило ли **о хамскія рожи** марать дворянскія руки!

Сила помѣщичьей власти носила въ себѣ всѣ задатки произвола, произволъ повлекъ за собой безконечныя злоупотребленія, а результатомъ послѣднихъ было—жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами.

При разсмотрѣніи вопроса о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ своими крестьянами слѣдуетъ выходить изъ тѣхъ понятій, которыя господствовали въ данное время въ обществѣ, и изъ тѣхъ законныхъ опредѣленій, которыми карались тѣ или другія дѣянія. Отношенія между людьми, болѣе или менѣе справедливыя, слагаются не вдругъ, понятія о нравственности крайне подвижны, требованія гуманности возрастаютъ постепенно. То, что въ настоящее время считается жестокимъ, въ описываемое время было, для многихъ—не гуманно, для большинства—безразлично, и для всѣхъ—не было преступно, не заключало въ себѣ понятія о такихъ дѣяніяхъ, совершеніе которыхъ должно влечь безусловную кару закона. Помѣщица Скобелкина, обнаруживъ незаконную связь своего двороваго человѣка съ дворовою дѣвкою, призвала послѣднюю и мать ея къ себѣ, била ихъ по щекамъ, дѣвку же велѣла обстричь и не давать ей ѣсть десять дней [1]).

Теперь это будетъ не только негуманно, но и жестоко, теперь будутъ выходить не только изъ требованій гуманности, но и прочтутъ цѣлую теорію о непреложномъ законѣ половыхъ отношеній, о свободѣ любви, которая не знаетъ дѣленія на любовь законную и незаконную, ибо она знаетъ только одинъ основной законъ,—это вѣчный, непреложный, общій законъ природы, и т. д. Но тогда никому изъ помѣщиковъ и въ голову не приходили подобныя мысли, и они съ такою же покойною совѣстью наказывали своихъ крѣпостныхъ за неосвященную связь, съ какою сами предавались этой связи. И никто изъ нихъ не могъ считать карательныя мѣры Скобелкиной подходящими подъ понятіе жестокаго обращенія.—Дворовая дѣвка Авдулиной, Анна Стрекалова, завѣдывала провизіей, которая частію отъ небрежности портилась, а частію пропадала, за что помѣщица грозила наказать ее розгами. Наконецъ, „провизія, находящаяся на рукахъ Стрекаловой, стала исчезать замѣтно". Авдулина требовала сознанія, куда Стрекалова

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1821 г. № 621.

отдаетъ провизію, но, получивъ грубые отвѣты, наказала ее розгами. Это было ея законное право и очевидно, что вслѣдствіе поданной Стрекаловой жалобы, не могло быть и рѣчи о жестокомъ съ нею обращеніи [1].—Дворовый Фроловъ жаловался на помѣщика Бырдина за то, что послѣдній, уѣзжая, велѣлъ ему стеречь комнатную собачку; онъ заперъ ее въ комнату, но вошелъ камердинеръ за калошами и собачка выбѣжала; помѣщикъ возвратился и побилъ Фролова палкою [2].—Помѣщица Лизогубова поручила своей горничной смотрѣть за ребенкомъ; горничная отошла отъ него, ребенокъ упалъ и расшибся; помѣщица за это ударила ее; подана жалоба [3].—Помѣщикъ Байковъ велѣлъ мальчишкѣ стеречь лошадей; мальчикъ часто отлучался по садамъ за воровствомъ; лошади дѣлали потраву; его высѣкли; отецъ подалъ жалобу [4].

„Правда, говоритъ В. В. Селивановъ, при тогдашнихъ понятіяхъ о хозяйствѣ и крѣпостномъ правѣ въ полнѣйшемъ его развитіи, не обходилось безъ строгости, т. е. безъ побоевъ и бабушка нерѣдко желѣзнымъ аршиномъ или безмѣномъ тузила нерадивыхъ, но это нисколько не возбуждало противъ нея ожесточенія, а напротивъ, ее любили, и даже въ позднѣйшія времена говорили объ ней, какъ о доброй барынѣ. И она дѣйствительно была добра, а въ недобрѣ было виною недоброе крѣпостное право. Несмотря на ея постоянную дѣятельность и взысканія, пѣсни въ дѣвичьей не умолкали и вся дворня была весела, а въ свободные часы лѣтнихъ вечеровъ и праздниковъ гуляла и веселилась [5]). Право тѣлеснаго наказанія не только по закону составляло существенную принадлежность крѣпостного права,—но и вслѣдствіе существовавшихъ понятій того времени считалось безусловно необходимымъ, для поддержанія помѣщичьей власти и крѣпостныхъ отношеній. „Сосѣдомъ нашимъ былъ Любавскій, говоритъ тотъ же В. Селивановъ, очень добрый человѣкъ, но страшно слабый въ отношеніи своей буйной дворни. Наказывать тѣлесно онъ боялся, а современное той жизни понятіе дворовыхъ людей иначе не признавало власти [6]“. Нерѣдко обвиненіе помѣщика въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами могло быть сведено къ обвиненію лишь

---

[1]) Дѣло Канцеляріи Губернатора 1859 г. № 307.
[2]) Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 24.
[3]) Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 10.
[4]) Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 662.
[5]) В. В. Селивановъ, Преданія, стр. 81,
[6]) Тамъ же, стр. 117.

въ шутовствѣ и чудачествѣ. Такъ, обвинявшійся въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами помѣщикъ Никитинъ собиралъ крестьянъ по праздникамъ на господскій дворъ, училъ съ палками какъ солдатъ, заставляя бѣгать, а кто изъ стариковъ отставалъ отъ молодыхъ, приказывалъ мальчикамъ подгонять палкою, другихъ же наказаній отъ него не было [1]).

Отсюда вытекало то, что нѣкоторыя жалобы крестьянъ на своихъ помѣщиковъ были явно преувеличены и несправедливы. Крестьяне жаловались на помѣщика своего Лизогуба, что онъ „наказываетъ подданныхъ своихъ крестьянъ изъ своихъ рукъ, чѣмъ только ему случится: колъ—такъ коломъ, дубина—такъ дубиной, кнутъ—такъ кнутомъ, и самою плетью, или стуломъ на которомъ сидитъ, бьетъ, до полусмерти, или съ ногъ своихъ сниметъ сапогъ, которымъ и наказываетъ“. По изслѣдованіи оказалось, что дѣйствительно Лизогубъ ударилъ старосту имѣвшеюся у него въ рукахъ тросточкой не болѣе 5—6 разъ за неисполненіе порученія, а служившаго при немъ человѣка сапогомъ за то, что, снимая сапогъ, неосторожно ухватилъ его за больную ногу; затѣмъ наказывалъ нѣкоторыхъ крестьянъ за пьянство и за самовольный раздѣлъ имѣнія. Вообще же управленіе Лизагуба оказалось очень кротко [2]). Нерѣдко подобныя жалобы не имѣли ничего общаго съ жестокимъ обращеніемъ помѣщика съ крестьянами, а объяснялось иными, сторонними причинами.—Крестьянинъ Ефимовъ пойманъ въ рощѣ помѣщика Кандаурова со срубленымъ годнымъ къ постройкѣ деревомъ и представленъ съ бывшею при немъ лошадью и санями къ помѣщику, который приказалъ отправить его въ Земскій Судъ, заковавъ предварительно въ цѣпи. Но Ефимовъ вечеромъ укралъ въ домѣ помѣщика бѣлье и съ бывшею на немъ цѣпью бѣжалъ, а затѣмъ подалъ на помѣщика жалобу, обвиняя его въ жестокомъ съ нимъ обращеніи [3]). Крестьяне, отецъ и сынъ Федотовы, убѣжавъ отъ помѣщика своего, Лыкова, проживали въ разныхъ губерніяхъ, кормились поденною работою и никакихъ законамъ противныхъ проступковъ не дѣлали. Когда сына болѣе никто безъ паспорта держать не хотѣлъ, онъ отправился къ помѣщику просить прощенія, но по дорогѣ встрѣтился съ отцемъ своимъ, который, изъ боязни наказанія, уговорилъ его

---

1) Ряз. Угол. Пал. 1828 г. № 416.

2) Дѣло Канц. Губ. 1859 г. № 237.

3) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 654.

идти въ Рязань и подать на помѣщика жалобу, обвиняя его въ жестокомъ обращеніи, вынудившимъ къ побѣгу. Таковая жалоба и была подана [1]).

Но, вмѣстѣ съ этимъ, нельзя не отмѣтить другой фактъ, именно, что возбуждаемыя дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ своими крестьянами не даютъ вполнѣ точнаго представленія о дѣйствительности: много совершалось такого, что навсегда останется для насъ подъ покровомъ вѣчной, непроницаемой тайны.

Прежде всего, по закону возбужденіе жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ не допускалось, самая процедура написанія жалобы стоила не малыхъ усилій и хлопотъ, за подачу и написаніе жалобъ несправедливыхъ подвергались суду и наказанію какъ жалобщикъ, такъ и составители жалобы, поэтому послѣдніе скрывали свое имя, „изъ страха, дабы не подпасть за сіе подъ какую отвѣтственность“ [2]). Крестьяне помѣщика Климова, за подачу на Высочайшее имя жалобы въ притѣсненіи ихъ владѣльцемъ, признанной несправедливою,—по рѣшенію Уголовной Палаты наказаны плетьми [3]). Крестьяне генералъ-маіора Гурко жаловались на управляющаго имѣніемъ, на обремененіе работами ихъ самихъ, женъ и дѣтей, при чемъ въ жалобѣ своей писали, что управляющій дошелъ до того, что „сталъ запрягать крестьянъ вмѣсто лошадей въ сохи и пашетъ ими, какъ скотиной“. Жалоба была подана на Высочайшее имя, но, по изслѣдованіи во всѣхъ частяхъ своихъ, признана несправедливою, а потому предоставлено г-ну Гурко, „если онъ желаетъ, за несправедливый доносъ крестьянъ своихъ, подвергнуть ихъ законному взысканію, то просилъ бы о семъ, гдѣ слѣдуетъ, особо“. Кстати замѣтить, что изложеніе жалобы даетъ основаніе заключить, что просители болѣе расчитывали на форму своей жалобы, чѣмъ на ея содержаніе. Жалоба начинается такъ: „О, Всещедрый, Земной Господи, Великій Государь Императоръ и защита своей Монархіи, защити и помилуй подданныхъ своихъ десной своей Царской рукою, аки Высшій Создатель надъ бѣдными и разоренными отъ ненавидящихся, старшинствующихъ разно помѣщиковъ надъ подданными Вашего Императорскаго Величества“ [4]).

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1822 г. № 861.

[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 828.

[3]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1826 г. № 918.

[4]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 13.

Здѣсь у мѣста будетъ замѣтить, что жалобы, признаваемыя по суду несправедливыми, не всегда были таковыми въ дѣйствительности.—Управляющій имѣніемъ жены своей, лекарь Мессершмидтъ, имѣлъ у себя старосту Кузьмина, жена котораго находилась въ любовной связи съ крестьяниномъ Дмитріевымъ, на котораго вслѣдствіе этаго и посыпались разнаго рода преслѣдованія. Разъ Дмитріева отпороли до крови розгами, спустя нѣсколько дней побили палкою и, вѣроятно въ видѣ лекарства, посадили въ рѣчку. Когда онъ оправился отъ побоевъ и всталъ съ постели, заставили стеречь стадо, но такъ какъ отъ слабости онъ выполнить этого не могъ, то, подъ предлогомъ притворства, еще разъ побили палкою, послѣ чего Дмитріевъ вскорѣ умеръ, говоря на исповѣди священнику, что умираетъ отъ побоевъ. Тѣло похоронили и много времени спустя крестьянинъ Горбуновъ, будучи наказанъ Мессершмидтомъ, отправился къ предводителю дворянства, коего просилъ освидѣтельствовать побои, но, не получивъ удовлетворенія, бѣжалъ и, пользуясь проѣздомъ Государя изъ Рязани въ Ряжскъ, подалъ на Высочайшее имя жалобу. По обслѣдованіи дѣла, жалоба признана судомъ несправедливою, при чемъ смерть Дмитріева, за давностью времени, не могла быть выяснена. Но что самъ судъ считалъ доносъ не далекимъ отъ истины, видно изъ рѣшенія его, освободившаго Мессершмидта отъ отвѣтственности—„съ обязаніемъ его подпискою, чтобы онъ людей и крестьянъ жены своей, коими управляетъ, за вины ихъ безъ вѣдома земской полиціи отнюдь не наказывалъ, а представлялъ бы для сего въ ту полицію, подъ опасеніемъ за противное тому сужденія по всей строгости законовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и доноситель, въ противность строгости наказанія, былъ присужденъ къ самому легкому взысканію,—полицейскому аресту, да и это взысканіе отмѣнено Сенатомъ, за силою Всемилостивѣйшаго манифеста [1]).

Еще случай. Помѣщиковъ Кармалиныхъ малолѣтняя дѣвочка Улита найдена утонувшею въ прудѣ. Возникло дѣло объ утопленіи ея помѣщиками, со словъ дьякона и одной крестьянки, передававшихъ слухъ о томъ, что Кармалины предлагали кому то рубль денегъ за то, чтобы не говорили объ этомъ событіи. Очевидно, дѣло, по недостатку доказательствъ, было окончено оправданіемъ. Но вотъ положеніе, въ которомъ найденъ трупъ. Врачъ, по обыкновенію, прибылъ къ освидѣтельствованію тогда, когда тѣло предалось

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1825 г. № 227.

тлѣнію и вскрытіе сдѣлать было нельзя, наружнымъ же осмотромъ установлено: „ротъ раскрытъ съ высунувшимся языкомъ, глаза раздутые и выпуклые, заднепроходная кишка вышедшая и раздувшаяся въ видѣ пузыря, на лбу малая, длиною линіи въ три, въ покровахъ до кости проникающая, раночка, но безъ пролома черепа, вѣроятно отъ островатаго какого-либо орудія происшедшая“ [1]).

Крестьяне жаловались на жестокое обращеніе помѣщика Шиловскаго. Высоч. утверж. пол. Ком. Мин. жалоба признана неосновательною, за что жалобщики отданы подъ судъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указано: „хотя во всѣхъ поступкахъ Шиловскаго не видно ни тиранства, ни жестокости къ собственнымъ своимъ людямъ, но за всѣмъ тѣмъ внушить ему, чтобы онъ въ разсужденіи людей и крестьянъ своихъ употреблялъ болѣе снисхожденія, нежели строгости, за чѣмъ и предоставить предводителю дворянства имѣть наблюденіе“ [2]). По жалобѣ на полковника Кавелина:—хотя дознаніемъ предводителя жалоба и не подтвердилась, но губернаторъ просилъ предводителя внушить Кавелину, чтобы онъ отнюдь не дозволялъ себѣ жестоко обращаться съ его крестьянами, что неминуемо подвергнетъ его законной отвѣтственности [3]).

Дальнѣйшее препятствіе къ обнаруженію истины состояло въ трудности изслѣдованія дѣла. По поступленіи жалобы обыкновенно дѣло направлялось къ уѣздному предводителю дворянства.

Предводители дворянства, по обязанности своей выборныхъ отъ сословія, поддерживали помѣщичью власть, и притомъ на столько, что, руководствуясь взглядомъ обѣлять всякаго, кто носилъ званіе дворянина,—взглядомъ чисто дворянскимъ,—очень часто грѣшили противъ истины въ разслѣдованіи дѣла, придавая ему односторонній характеръ.—Помѣщики Польскіе имѣли съ крестьянами обхожденіе самое строгое, наказывали ихъ палками, розгами, плетью, кулаками, драли за волосы, женщинамъ стригли волосы на головѣ. При наказаніи крестьянина Федорова розгами, больное мѣсто взбрызгивали виномъ. Дворовыя дѣвки, Михѣева и Ефремова, претерпѣвали разные побои и, наконецъ, за потерю при мытьѣ бѣлья на рѣкѣ чулокъ, получивъ наказаніе первая 30, а послѣдняя 20 палочныхъ ударовъ, ходили жаловаться уѣздному предводителю,

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1827 г. № 330.
[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1821 г. № 391.
[3]) Двор. Деп. Собр. 1853 г. № 87.

но этотъ послѣдній препроводилъ ихъ обратно къ помѣщикамъ. Тогда Польскіе Михѣеву посадили на цѣпь, къ ней прикрѣпленъ былъ отрубокъ дерева вѣсомъ фунтовъ въ 30 (цѣпной стулъ)— Ефремову—въ желѣзную рогатку вѣсомъ въ 8 фунтовъ, и держали такъ, первую четыре, а послѣднюю двѣ недѣли, и въ продолженіи этого времени они выпрядывали въ недѣлю каждая по три тальки нитокъ, получая хлѣбъ и воду съ содержаніе. Дворовый мальчикъ 11 лѣтъ, за отлучку изъ господскихъ покоевъ, безъ позволенія, въ избу ужинать, былъ связанъ и наказанъ на праздникъ Святой Пасхи свернутою въ четверо веревкою. Дворовыя дѣвки во всю недѣлю Святой Пасхи пряли тальки и имѣли содержаніе воду и хлѣбъ. При изслѣдованіи этого дѣла: Данковскій уѣздный предводитель дворянства Бибиковъ, признавъ жалобу несправедливою, удостовѣрилъ, что со стороны Польскихъ особыхъ жестокостей имъ не обнаружено, поступки же съ Польскими исправника, первоначально обслѣдовавшаго это дѣло, и удостовѣрившаго справедливость жалобы крестьянъ, по мнѣнію предводителя „могутъ подать поводъ крестьянамъ къ явному неповиновенію". Однако, не смотря на все это, имѣніе Польскихъ, за обнаруженное жестокое обращеніе ихъ съ людьми своими подвергнуто опекунскому управленію, а Данковскому предводителю дворянства „за послабленіе Польскихъ и неосновательное о ихъ поведеніи мнѣніе, а также и за навлеченіе подозрѣнія на дѣйствія исправника" сдѣлано замѣчаніе [1]).

Такое направленіе и характеръ дѣятельности оставались у предводителей до послѣднихъ дней крѣпостного права. Тѣ изъ нихъ, которые старались поддерживать крѣпостное право въ законныхъ предѣлахъ и возставали противъ злоупотребленія помѣщичьею властью,—подвергались осужденію и забаллотированію, что и было съ Сапожковскимъ предводителемъ дворянства А. Кошелевымъ. Общая же точка зрѣнія высказана губернскимъ предводителемъ дворянства, Н. И. Реткинымъ, такъ: „Не такимъ долженъ быть предводитель дворянства; если я увижу, что мой братъ дворянинъ зарѣзалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего о томъ не знаю" [2]). Предводители поддерживали не только самихъ дворянъ, но и управляющихъ ихъ имѣніями, даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе были крѣпостными людьми. По обнаруженіи зло-

---

[1]) Дѣло Кан. Ген. Губ. 1824 г. № 196.

[2]) Записки Кошелева, стр. 56—62.

употребленій управляющаго кн. Оболенскій, губернаторъ, возбудивъ вопросъ о производствѣ формальнаго изслѣдованія, спросилъ объ этомъ мнѣніе губернскаго предводителя дворянства, и получилъ отрицательный отвѣтъ [1]). Въ подобномъ образѣ дѣйствій поддержаніе помѣщичьей власти вытекало изъ убѣжденія о томъ, что власть эта существуетъ дотолѣ, пока принимаются строгія мѣры для поддержанія ея, что кромѣ этихъ строгостей нѣтъ никакихъ другихъ связей между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Опасеніе ослабить власть доходило иногда до совершеннаго страха за свое существованіе; этотъ страхъ въ особенности усилился при возникновеніи слуховъ о реформѣ. Такъ, въ 1858 г. губернскій предводитель дворянства писалъ губернатору: „Скопинскій предводитель дворянства сообщилъ мнѣ, что въ Скопинскомъ уѣздѣ неизвѣстно отъ кого происходящіе пожары вотъ уже во многихъ имѣніяхъ истребили озимый и яровой хлѣба во многомъ количествѣ. Не признаете ли вы полезнымъ при повтореніи таковыхъ случаевъ испросить Высочайшее повелѣніе судить поджигателей военнымъ судомъ, съ предоставленіемъ права начальнику губерніи конфирмовать дѣла эти и немедленно приводить конфирмацію въ исполненіе, дабы этимъ уменьшить зло, на сколько это возможно“? [2]).

При спросѣ уѣзднымъ предводителемъ самихъ помѣщиковъ, они, конечно, отрицали жестокость обращенія ихъ съ крестьянами, сосѣдніе помѣщики отзывались незнаніемъ; крестьяне самаго помѣщика если и подтверждали жалобу, то безусловной вѣры ихъ показаніямъ не давалось, ибо весьма нерѣдко жалобы ихъ были и несправедливы, и вымышлены, и преувеличены; стороннія крестьяне часто отзывались также незнаніемъ, или ссылались на одни только слухи. Въ такихъ случаяхъ дѣло оканчивалось ничѣмъ, иногда же при наличности нѣкоторыхъ основаній къ тому, что жалоба справедлива, „помѣщики обязывались подпискою о нечиненіи наказанія людямъ своимъ безъ вѣдома мѣстнаго правительства“ [3]).—Крестьяне жаловались на жестокое обращеніе помѣщика Захаревскаго. По этой жалобѣ поручено было произвести изслѣдованіе мѣстному уѣздному предводителю дворянства, который обнаружилъ, что когда крестьяне отправляются на работу, въ поле или въ ригу, помѣщикъ отправляется за ними и всегда

[1]) Дѣло Кан. Губ. 1858 г. № 601.
[2]) Дѣло Кан. Губ. 1858 г. № 48.
[3]) Дѣло Кан. Ген. Губ. 1824 г. № 277.

возитъ съ собою розги; если замѣчалъ въ работѣ какую либо ошибку, то виновнаго тутъ же, на мѣстѣ, приказывалъ разложить и „дѣлалъ жестокое наказаніе розгами и до крови, такъ что и переносить невозможно“. Разъ, за проступокъ старосты, наказалъ его розгами, причемъ операцію эту заставилъ произвести сына старосты. Не смотря на то, что жалоба крестьянъ была подтверждена сторонними крестьянами,—уѣздный предводитель дворянства находилъ, что такъ какъ никто изъ крестьянъ наказаній этихъ не видѣлъ, то онъ и не признаетъ возможнымъ вѣрить имъ. Такое заявленіе тѣмъ болѣе странно, что самъ уѣздный предводитель дворянства отзывался о Захаревскомъ такъ: „не одобряя впрочемъ образа жизни и поведенія Захаревскаго, который говоритъ очень много, но разговоры его неосновательны и очень надмѣнны, да и ведетъ себя не сообразно благомыслящему человѣку, имѣя при томъ большую склонность къ чрезмѣрному стяжанію имѣнія“. Въ результатѣ было сдѣлано распоряженіе обязать Захаревскаго строгою подпискою, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ людей и крестьянъ своихъ безъ вѣдома земской полиціи не наказывалъ [1]).

Нарушеніе этой подписки влекло за собою болѣе серьезное ограниченіе помѣщичьяго права.—По жалобѣ крестьянъ на помѣщика Мельгунова въ жестокомъ съ ними обращеніи оказалось, что Мельгуновъ въ нетрезвомъ видѣ часто наказываетъ своихъ крестьянъ и людей, и тѣмъ далъ имъ поводъ къ ослушанію противъ него. Было предписано взять отъ Мельгунова подписку въ томъ, чтобы не наказывалъ крестьянъ безъ вѣдома земской полиціи, внушивъ и крестьянамъ о повиновеніи ихъ помѣщику. Давши подписку, Мельгуновъ нарушилъ ее, начально избивъ крестьянскую свою женку, Колинину, а потомъ, бывши въ г. Зарайскѣ, въ нетрезвомъ видѣ, при многихъ свидѣтеляхъ, жестоко избилъ палкою своего дворовaго человѣка, Данилу Васильева. Генералъ-губернаторомъ сдѣлано распоряженіе объ учрежденіи надъ имѣніемъ Мельгунова опеки [2]).

Положеніе еще болѣе ухудшалось, когда изслѣдованія производились односторонне, небрежно, или пристрастно. По жалобѣ крестьянъ на помѣщика своего Логвенова засѣдатель земскаго суда спросилъ только самого помѣщика, при чемъ, конечно, ока-

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1825 г. № 703.
[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 208.

залось, что крестьяне никакихъ притѣсненій не испытываютъ. Между тѣмъ, при вторичномъ дослѣдованіи особаго чиновника было выяснено, что крестьяне съ давняго времени терпятъ большія притѣсненія, за самые маловажные даже поступки помѣщикъ наказываетъ жестоко; одного изъ крестьянъ били палками, кулаками и розгами до того, что у него пошла изо рта и носа кровь, и оставленъ даже замертво; дворовымъ провизіи не выдаетъ, а за господскою работою не успѣваютъ обрабатывать свою землю вовремя, и всегда почти отдаютъ въ наймы стороннимъ. Было рѣшено: „обязать какъ помѣщика Логвенова, такъ и дворовыхъ его людей подпискою, въ неотягощеніи своихъ крестьянъ, а сихъ послѣднихъ—въ соблюденіи должнаго къ нему повиновенія, поручивъ за симъ имѣть наблюденіе уѣздному предводителю дворянства“ [1]).—Крестьянинъ помѣщика Плужникова, прибѣжавъ къ священнику, просилъ его исповѣдывать крестьянина Николаева, избитаго помѣщикомъ. При исповѣди Николаевъ заявилъ, что умираетъ отъ побоевъ помѣщика, при чемъ просилъ никому объ этомъ не говорить, если онъ останется живъ. На другой день Николаевъ умеръ. По возбужденному обслѣдованію, штабъ-лѣкарь не нашелъ никакихъ видимыхъ признаковъ побоевъ, а потому, не сдѣлавши вскрытія, тѣло было предано землѣ, при чемъ лекарь удостовѣрилъ, что Николаевъ умеръ горячкою. При вторичномъ разслѣдованіи, слѣдователь при поверхностномъ обзорѣ нашелъ около груди, глазъ, ушей и на лѣвомъ боку боевые знаки и пятна, но вскрытія сдѣлать было нельзя, за отсутствіемъ врачей, а когда они прибыли, то „тѣло паки открыто“ и на поверхности его во многихъ мѣстахъ кожа облѣзла, имѣются черви и вообще по чрезвычайной гнилости отъ малѣйшаго чѣмъ либо прикосновенія къ тѣлу, ползетъ кожа, отчего къ анатомическимъ разсмотрѣніямъ не приступлено и настоящей причины смерти узнать не могли [2]).—Управляющій имѣніемъ Загряжской, Вобзеръ, такъ выпоролъ крестьянина Семенова, что онъ черезъ 12 дней умеръ. Прикащикъ Амбаровъ доносилъ, что Семеновъ дня четыре послѣ наказанія работалъ на фабрикѣ, что было поводомъ того, что прибытіе на мѣсто лекаря для вскрытія трупа замедлилось, а когда онъ прибылъ, то вскрытіе тѣла сдѣлать было нельзя „за происходившимъ отъ тѣла Семенова отъ гнилости смрадомъ“, вслѣдствіе чего и

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 828.

[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1822 г. № 766.

настоящей причины смерти не было опредѣлено, и Вобзеръ уголовнымъ судомъ оправданъ [1]).

Помѣщикъ Климовъ своего двороваго человѣка Антона Алексѣева, за вырѣзаніе у лошади хвоста, сѣкъ изъ своихъ рукъ розгами и билъ палками, вслѣдствіе чего черезъ день онъ умеръ. По свидѣтельству врачей оказалось, что смерть послѣдовала отъ удара пинками, или другимъ какимъ либо твердымъ тѣломъ **подъ вздохъ**. По жалобѣ крестьянъ, было произведено изслѣдованіе о притѣсненіи ихъ, но жалоба эта не подтвердилась, хотя вышеприведенный фактъ остался въ силѣ. Характерно въ этомъ дѣлѣ мнѣніе уѣзднаго предводителя дворянства: „на тѣлѣ Алексѣева найдено только 13 рубцовъ сѣченія розгами, слѣдовательно немилосерднаго сѣченія не было" [2]).—Помѣщикъ Горяиновъ, возвратившись вечеромъ домой, приказалъ старостѣ собрать крестьянскихъ бабъ и заставилъ ихъ играть пѣсни; вмѣстѣ съ нимъ былъ двоюродный братъ его, Гвоздевъ. Оба пили вино и напились совершенно пьяны. Горяиновъ сталъ бранить крестьянку Матрену Васильеву, зачѣмъ она бѣгала, и сначала самъ началъ сѣчь ее арапникомъ, а затѣмъ заставилъ старосту. Во время этой экзекуціи Гвоздевъ просилъ Горяинова воздержаться, вслѣдствіе чего послѣдній, выведя его въ другую комнату, приказалъ снять съ него панталоны и велѣлъ старостѣ высѣчь. Когда староста, ударивъ Гвоздева арапникомъ одинъ разъ, пересталъ наказывать, Горяиновъ ухватилъ старосту за волосы и билъ по щекамъ, а затѣмъ вновь приказалъ сѣчь Гвоздева тѣмъ же арапникомъ, вдвое сложеннымъ, по голому тѣлу. Началось по жалобѣ Гвоздева дѣло, на мѣсто выѣхалъ земскій судъ, при чемъ все изложенное вполнѣ подтвердилось, и въ тоже время оказалось, что Васильева отправлена Горяиновымъ въ другую вотчину, внѣ предѣловъ Рязанской губерніи. Кромѣ того выяснилось, что Гвоздевъ содержитъ маленькій гаремъ, въ его комнатахъ постоянно ночуютъ женки—Катерина Нестерова, Пелагея Семенова и Фіона Сампсонова; онъ „по часту занимается хмѣльными напитками, въ каковомъ видѣ производитъ наказаніе людямъ своимъ". Дѣло передано въ уѣздный судъ и затребованы отъ Михайловскаго уѣзднаго предводителя дворянства свѣдѣнія о поведеніи Горяинова. По изслѣдованію предводителя оказалось, что крестьяне господиномъ

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1818 г. № 113.
[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1823 г. № 638.

своимъ довольны, были наказываемы только за вину, а самъ Горяиновъ заявилъ, что земскій судъ чинилъ крестьянамъ пристрастный допросъ. При распросѣ же у сосѣднихъ дворянъ, „благородные уѣзда сего дворяне 14 человѣкъ, знавшіе Горяинова, единогласно отозвались, что онъ, Горяиновъ, ведетъ себя прилично благородному дворянину, съ людьми своими обращается весьма милостиво и изнуренія и жестокихъ наказаній имъ не дѣлаетъ". Затѣмъ начинается уклоненіе Горяинова отъ суда: давши подписку о не выѣздѣ изъ города, онъ не даетъ суду отвѣтовъ; отослалъ въ Епифанскую вотчину нѣкоторыхъ людей, коихъ слѣдовало допросить и коихъ онъ самъ обязанъ былъ представить суду, но того не выполнилъ, и, наконецъ, вошелъ въ судъ съ прошеніемъ о переносѣ дѣла и объ отказѣ представить людей своихъ въ судъ. При спросѣ въ уѣздномъ судѣ всѣ крестьяне отреклись отъ своихъ первыхъ показаній, при чемъ къ передопросамъ они были представлены отъ самого Горяинова и старосты его. Уѣздный судъ опредѣлилъ Гвоздеву просить объ обидѣ своей особо, оставя безъ вниманія первое земскаго суда слѣдствіе. Когда дѣло поступило на ревизію уголовной палаты, послѣдняя нашла въ томъ и другомъ слѣдствіи неразрѣшимое противорѣчіе, почему было постановлено переслѣдовать дѣло черезъ особаго слѣдователя, что и поручено было засѣдателю Колемину. Узнавъ объ этомъ, послѣдній заболѣлъ и выздоровѣлъ только тогда, когда губернское правленіе постановило освидѣтельствовать его. Колеминъ тоже повелъ дѣло пристрастно, вслѣдствіе чего въ защиту Гвоздева выступилъ помѣщикъ, гвардіи подпоручикъ Волынскій, къ которому Гвоздевъ прежде всего отъявился, по наказаніи его Горяиновымъ. По просьбѣ Волынскаго былъ назначенъ новый слѣдователь Нероновъ, которымъ, согласно указанія Волынскаго, добыты слѣдующіе факты. По начатіи дѣла Горяиновъ болѣе 20 человѣкъ своихъ крестьянъ, изъ тѣхъ, которые показывали противъ него земскому суду, продалъ, между прочимъ, тѣмъ лицамъ, которые имѣли вліяніе на постановленіе приговора, или родственникамъ ихъ; выдалъ имъ также закладные на 50 т. руб.; нѣкоторыхъ людей вывезъ въ другія деревни, нѣкоторыхъ засадилъ въ тюрьму, а предводитель дворянства спрашивалъ и тѣхъ благородныхъ дворянъ, которые находились подъ судомъ. О Волынскомъ же генералъ-губернаторъ отзывался такъ: „Таковое изъясненіе отъ помѣщиковъ, извѣстныхъ чистотою намѣреній своихъ и благородствомъ поступковъ, пріемлю я всегда съ особен-

нымъ уваженіемъ, что онѣ послужатъ вящимъ поводомъ къ обнаруженію истины“ [1]).

Управляющій кн. Оболенской, ея же крестьянинъ, притѣснялъ крестьянъ, обременялъ оброками, жестоко наказывалъ. Жалобы ихъ вели къ тому, что власти находили неповиновеніе крестьянъ, за что и пороли ихъ въ полиціи. По обслѣдованіи предводителя дворянства никакого притѣсненія не обнаружилось, управляющій же имѣлъ поддержку у брата своего, бывшаго домашнимъ управителемъ кн. Оболенской въ Москвѣ. Одинъ изъ крестьянъ, Ананьевъ, болѣе другихъ честный и правдивый, высказалъ управляющему—„побоялся бы ты Бога, далъ бы намъ хоть немного вздохнуть“; за эти слова онъ былъ выставленъ зачинщикомъ и по распоряженію кн. Оболенской представленъ для ссылки въ Сибирь на поселеніе, вмѣстѣ съ женою. Наконецъ, по жалобѣ крестьянъ, министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ произвести строгое изслѣдованіе и добиться истины. Губернаторъ поручилъ произвести секретное изслѣдованіе своему чиновнику особыхъ порученій, при чемъ предупредилъ его, „что всякая невѣрность въ изложеніи собранныхъ свѣдѣній останется на личной его отвѣтственности“. Благодаря, вѣроятно, этому предупрепрежденію, а можетъ быть благодаря вѣяніямъ того времени, дѣло выяснилось въ смыслѣ справедливости жалобы крестьянъ. Тогда только губернаторъ распорядился немедленно удалить управляющаго изъ имѣнія и отстранить отъ завѣдыванія имъ. Интересенъ въ этомъ дѣлѣ взглядъ предводителя дворянства на управляющихъ изъ крестьянъ. „Онъ обращается съ крестьянами грубовато, но это общее качество всѣхъ управляющихъ изъ простого званія, которые любятъ поважничать“ [2]).

Если самое изслѣдованіе дѣла представляло большіе трудности, то дальнѣйшее движеніе его и обсужденіе судомъ—не было лишено ихъ. Судьи и засѣдатели выбирались дворянами и были покорными слугами послѣднихъ, находясь отъ нихъ и въ денежной зависимости.—Скопинскій предводитель дворянства Лихаревъ сдѣлалъ въ пользу судьи Бѣгичева подписку отъ дворянъ на его содержаніе, которую обратилъ въ обязательство подписавшихся уплачивать подписанные деньги ежегодно на все время службы; подписанныя суммы были отъ 3—до 50 руб., общее же количество—523 руб.—Дворянинъ Леоновъ хитростію добылъ эту

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1821 г. № 392.

[2]) Дѣло Канц. Губ. 1858 г. № 601.

подписку отъ предводителя и сдѣлалъ на него доносъ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ это добровольное приношеніе было признано незаконнымъ и уничтожено [1]).

Съ такими судьями, нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя дѣла получали удовлетворительное разрѣшеніе, благодаря только тому, что они обратили на себя вниманіе Верховной власти. Умерла скоропостижно 10-ти лѣтняя дворовая дѣвочка помѣщицы Обезьяниновой, Трофимова. Незадолго до смерти она была наказана помѣщицею розгами, вслѣдствіе чего возникло предположеніе о томъ, что наказаніе было причиною ея смерти. Однако, по заключенію врача, смерть послѣдовала отъ апоплексическаго удара, почему уѣздный судъ и палата помѣщицу оправдали. Между тѣмъ, ранѣе этого оправданія, при докладѣ Государю о происшествіяхъ по Рязанской губерніи, противъ статьи о смерти Трофимовой Государь Императоръ изволилъ написать: „имѣніе взять въ опеку". Это по всей вѣроятности было причиною того, что дѣло перенесено губернаторомъ въ Сенатъ, который постановилъ слѣдующій приговоръ: „нельзя отвергать подозрѣнія, что дѣвица Обезьянинова малолѣтнюю Трофимову наказала несоразмѣрно ея возрасту, и хотя предполагать невозможно, чтобы она наказывала ее съ намѣреніемъ засѣчь, но по ходу дѣла и по обнаруженнымъ на тѣлѣ знакамъ весьма вѣроятно, что сіе наказаніе могло быть поводомъ къ преждевременной чрезъ апоплексическій ударъ кончины 10-ти лѣтней дѣвочки, бывшей до наказанія въ здоровомъ состояніи". Посему Сенатъ положилъ предать Обезьянинову церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства [2]).

Если личный составъ судовъ служилъ препятствіемъ къ обнаруживанію истины, то не меньшимъ препятствіемъ къ тому служилъ и самъ законъ, обставлявшій доказательную сторону дѣла строгими, формальными доказательствами.—По обвиненію Тверитинова Сенатъ призналъ, что его обвиняютъ пять крестьянскихъ дѣвокъ въ изнасилованіи ихъ, „показанія ихъ единогласны и по свидѣтельству Рязанской врачебной управы онѣ оказались лишенными дѣвства; сверхъ сего, обвиненіе этихъ дѣвокъ подтвердила и крестьянка Дарья Поликарпова, но какъ все это, по силѣ 1029 ст. 15 т. Зак. Угол., не можетъ составить полнаго доказательства для признанія Тверитинова прямымъ виновникомъ въ изнасилованіи...

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1858 г. № 498.

[2]) Ряз. Угол. Пал. 1837 г. № 964.

Сенатъ оставилъ его въ подозрѣніи". По другому обвиненію Тверитинова, въ отягощеніи крестьянъ своихъ работами, Сенатъ установилъ, что „уже по словамъ самой матери его, что даже самые безтяголные крестьяне и мальчики употреблялись въ работу по 3 дня въ недѣлю".... и оставилъ его также въ подозрѣніи. Въ конечномъ же результатѣ, оставивъ Тверитинова въ подозрѣніи, Сенатъ вмѣнилъ въ обязанность начальнику губерніи принять зависящія отъ него законныя мѣры къ предохраненію крестьянъ отъ всякихъ противузаконныхъ требованій и изнуренія со стороны ихъ помѣщика [1]).

И вотъ, при такой то обстановкѣ все таки было обнаружено столько случаевъ нечеловѣческаго, звѣрскаго обращенія помѣщиковъ съ своими крѣпостными, что трудно вѣрится, какъ все это выносилось и какъ велико было терпѣніе русскаго человѣка!— Дворовый человѣкъ Татаринова жаловался на помѣщика своего, что дѣлаетъ ему изнурительные побои и не даетъ пищи и одѣянія [2]).— „Оный помѣщикъ нашъ, Горяиновъ, по власти своей отбираетъ какъ у насъ, равно и у прочихъ крестьянъ, законныхъ нашихъ женъ для себя и для прелюбодѣйствія" [3]). Впрочемъ, надо замѣтить, что занятіе блудными дѣлами само по себѣ не ставилось въ вину. По жалобѣ крестьянъ помѣщицы Кошелевой, на прикащика ея, Кирьякова, въ томъ, что онъ разлучаетъ крестьянъ съ женами, имѣя съ ними блудное соитіе, и отягощаетъ работами, за что, потерявъ терпѣніе, крестьяне этаго прикащика прибили,— выяснилось, что первое обвиненіе вполнѣ подтвердилось, а второе опровергнуто и дѣло было окончено полицейскимъ порядкомъ, т. е. крестьяне, побившіе прикащика, были заключены въ смирительный домъ, прикащикъ же не подвергнутъ никакому взысканію [4]).—По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, у помѣщичьихъ крестьянъ понятіе о личности не существуетъ. Часто помѣщикъ нарушаетъ права супружескія, не щадитъ цѣломудрія и это нерѣдко сносится крестьянами терпѣливо. Поводомъ къ производству дѣлъ за безнравственные поступки помѣщиковъ съ крестьянами большею частью бываютъ другія жестокости. Тогда, выведенные изъ терпѣнія физическими страданіями, они обнаруживаютъ всѣ

---

[1]) Ряз. Угол. Пал. 1837 г. № 986.

[2]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1821 г. № 625.

[3]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1821 г. № 622.

[4]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1823 г. № 656.

другія неистовства владѣльцевъ. Но связями преступными съ женами и дочерьми они не всегда глубоко оскорбляются, это въ особенности должно сказать о женщинахъ. Въ этомъ отношеніи уже можно замѣтить значительное отличіе между крѣпостными и государственными крестьянами" [1]).

Помѣщикъ Хомуцкій, бывъ часто пьянъ, безъ всякаго основанія билъ крѣпостныхъ людей чѣмъ попало, и подвергалъ незаслуженнымъ наказаніямъ; побилъ дворовую дѣвку Авдотью Игнатову такъ, что она умерла [2]). Это было мрачное время, когда дикій звѣрь, заяцъ, цѣнился дороже жизни человѣческой. Сухановъ отправился на охоту и взялъ съ собою, въ числѣ прочей прислуги, 12-лѣтняго мальчишку. Этотъ ребенокъ не могъ оцѣнить всю важность возложенной на него обязанности—онъ просмотрѣлъ зайца. За эту вину Сухановъ ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ ногу, а когда онъ упалъ на землю, сталъ бить его пинками въ грудь и животъ, приговаривая—„издыхай скорѣе". Мальчикъ остался на землѣ, а по окончаніи охоты Сухановъ сначала посадилъ его съ собою на дрожки, но такъ какъ онъ отъ слабости сидѣть не могъ, то Сухановъ столкнулъ его съ дрожекъ, высказавъ: „ну, издыхай скорѣй"! Съ помощію другихъ лицъ мальчика кое какъ довели домой, гдѣ онъ дня два проболѣлъ и умеръ. До священника дошли слухи о совершенномъ злодѣйствѣ, онъ отказался хоронить умершаго, потребовалось участіе властей. Врачъ и засѣдатель, по обыкновенію, пріѣхали черезъ недѣлю, когда тѣло, будучи въ теплой избѣ, достаточно уже разложилось, признаковъ побоевъ не открыли, хотя бывшіе при осмотрѣ понятые и указывали „на животѣ, ниже пупа, надъ тайнымъ мѣстомъ, синія по обѣ стороны въ ладонь пятна". На это замѣчаніе стряпчій „съ крикомъ и бранью отвѣчалъ имъ: развѣ вы не видите, что болѣзнь его испортила"! А когда крестьянинъ Петровъ тоже указывалъ на это мѣсто, то засѣдатель закричалъ на него:—„ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь"; ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть. Самъ Сухановъ принялъ и другія мѣры, частію устрашающія, частію подкупающія. Всѣмъ крестьянамъ, знавшимъ и видѣвшимъ событіе, строго было приказано молчать, подъ опасаніемъ „содрать шкуру" за обнаруженіе истины. Матери покойнаго было внушено

---

[1]) Графъ Киселевъ и его время, т. 2, стр. 304.

[2]) Дѣло Канц. Губ. 1858 г. № 52.

тоже, частію подъ опасеніемъ угрозы, а частію съ обѣщаніемъ выгодъ, при чемъ въ задатокъ на нее былъ надѣтъ шушунъ, а такъ какъ у барина своего быть не могло, то таковой былъ снятъ съ другой крѣпостной. Дѣло было замято, но вскорѣ возбудилось вновь, вслѣдствіе жалобы, поданной со стороны родственниковъ Суханова. Назначено переслѣдованіе и правосудіе подвергалось большому испытанію до тѣхъ поръ, пока дѣло не поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который полагалъ: лиша Суханова чина коллежскаго регистратора, отдать въ военную, службу, въ какую годнымъ окажется. Это мнѣніе Высочайше утверждено [1]). Въ этомъ отношеніи особый интересъ представлятъ дѣло о кн. Гагаринѣ.

Дѣло о Михайловскомъ помѣщикѣ, кн. Гагаринѣ, представляется интереснымъ во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь мы видимъ жизнь празднаго, дикаго, невѣжественнаго, жестокаго и необузданнаго помѣщика, и раздѣтыхъ, голодныхъ, избитыхъ, и искалѣченныхъ крестьянъ; видимъ помѣщичью власть сильную, всеобъемлющую, не знающую никакихъ преградъ для своего своеволія, способную вести упорную борьбу противъ всякихъ законовъ, божескихъ и человѣческихъ,—и рабство полное, безпомощное, приниженное, не имѣющее возможности и средствъ не только отстоять свои человѣческія права, но даже право на свое крѣпостное состояніе и жизнь; передъ нами мѣстныя власти и судъ, забывшія присягу, долгъ и честь, забывшія свое назначеніе служить оплотомъ истины и справедливости, обузданіемъ произвола сильныхъ, защитою и покровительствомъ слабымъ,—и помнящія только о своихъ личныхъ, корыстныхъ интересахъ, пользующіяся достояніемъ и вліяніемъ всѣхъ деспотовъ и притѣснителей; передъ нами губернскія власти, благонамѣренныя, но нерѣшительныя, слишкомъ осторожныя, старающіяся добиться истины и остающіяся совершенно безпомощными въ непосильной имъ борьбѣ съ мѣстнымъ произволомъ и беззаконіемъ; наконецъ, передъ нами высшая правительственная власть, вооруженная всѣми средствами для поддержанія установленнаго ею порядка,—и въ тоже время становящаяся втупикъ передъ рѣшеніемъ невозможной задачи: охранить помѣщичью власть и защитить законныя права и интересы крестьянъ. Кн. Гагаринъ,—человѣкъ очень богатый и вліятельный, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстій, „нерѣдко упражняется

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1817 г. № 303.

въ нетрезвомъ видѣ“, „людей своихъ содержитъ весьма неприлично, какъ благородному человѣку, люди не имѣютъ пристойной одежды, а особливо крестьяне—изнурены работами; помѣщикъ обходится съ ними весьма жестоко, а потому и управленіе его не есть сообразно съ благороднымъ дворянствомъ“:—такъ „по долгу своего званія“ аттестовалъ кн. Гагарина мѣстный уѣздный предводитель дворянства. Образъ жизни кн. Гагарина единственно въ псовой охотѣ, съ которою онъ, съ своими пріятелями свойственными ему, и день—и ночь, ѣздитъ по полямъ и по лѣсамъ, и полагаетъ все свое счастіе и благополучіе въ ономъ. Крестьяне отличались страшною бѣдностью отъ того, что помѣщикъ не давалъ никакого времени обработывать ихъ поля; находятся всегда на господской работѣ, даже и въ праздники и въ самую св. Пасху; разъ сѣяли свой ржаной хлѣбъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Часто, и иногда безвинно, наказывалъ людей своихъ собственноручно арапникомъ, плетью, кнутомъ, палкою и вообще чѣмъ попало. Жилъ онъ какъ турецкій султанъ; въ его домѣ находилися двѣ цыганки и семь дѣвокъ; послѣднихъ онъ растлилъ, безъ ихъ согласія, и жилъ съ ними; первыя обязаны были учить дѣвокъ пляскѣ и пѣснямъ. При посѣщеніи гостей онѣ составляли хоръ и забавляли присутствующихъ. Обходился кн. Гагаринъ съ дѣвками также жестоко, какъ и съ другими людьми, часто наказывалъ ихъ арапникомъ, иногда совершенно безвинно. Изъ ревности, чтобы онѣ никого не видали, запиралъ ихъ въ особую комнату; разъ отпоролъ одну дѣвку за то, что она смотрѣла въ окно. Подобныя жестокости вынуждали крестьянъ къ побѣгу.—Дворовый Леоновъ бѣжалъ, но такъ какъ и въ бѣгахъ жизнь была не сладка, то и вынужденъ былъ возвратиться. Помѣщикъ жестоко отпоролъ его, посадилъ на цѣпь на гумнѣ въ сараѣ, не только не приказалъ отпускать ему пищи, но велѣлъ морить голодомъ; кормили его изъ милости крестьяне, работавшіе на гумнѣ и караульщики; въ такомъ видѣ Леоновъ содержался четыре недѣли.—Разъ, его крѣпостной человѣкъ, Андрей Федоровъ, найденъ былъ удавленнымъ. Возникло дѣло, но по слѣдствію не открыто настоящей причины смерти, самъ ли онъ удавился и по какому поводу, или кѣмъ другимъ удавленъ; поэтому дѣло предано волѣ Божіей. Впослѣдствіи кн. Гагаринъ говорилъ, что Андрей Федоровъ стоилъ ему 5 т. руб.—Другой разъ, кн. Гагаринъ избилъ поручика Елшина и подпоручика Дуванова, но дѣло это было прекращено за примиреніемъ сторонъ.—Еще разъ онъ

избилъ мѣщанина Протопопова и его жену, но рѣшеніемъ суда было признано, что „какъ та ссора происходила отъ случившихся хмѣльныхъ напитковъ, то и правость свою потеряли". Замѣчательно, что сосѣди кн. Гагарина, благородные дворяне, отозвались, что кн. Гагаринъ „въ поступкахъ его, противныхъ чести, не замѣченъ, а извѣстно, что онъ довольно былъ попечителенъ о состояніи крестьянъ, въ компаніи же находили его всегда вѣжливымъ, всегда жизнь велъ какъ благородный дворянинъ, съ хорошею похвалою, людей въ содержаніи велъ порядочно, обхожденія съ ними тихаго и кроткаго, имѣніемъ управлялъ *сообразно протчимъ благороднымъ дворянамъ*".

При псарнѣ кн. Гагарина находился дворовый человѣкъ Михайла Андреевъ (сынъ найденнаго удавленнымъ Андрея Федорова). На его обязанности лежалъ уходъ за щенятами, кромѣ того, ему было поручено обучить одного мальчишку трубить въ рогъ. При страсти кн. Гагарина къ охотѣ, можно себѣ представить всю важность возложенныхъ на Андреева обязанностей. 30 ноября 1816 года, вечеромъ, у кн. Гагарина былъ обычный кутежъ, и послѣ ужина, когда гости уже разъѣхались, онъ, совершенно пьяный, приказалъ привести къ себѣ Андреева. По входѣ послѣдняго, кн. Гагаринъ спросилъ, отчего зачумѣли щенята, и отчего онъ не выучилъ мальчишку трубить въ рогъ? Не дожидаясь отвѣта, онъ началъ бить Андреева по щекамъ, тогда тотъ бѣжалъ, но по распоряженію кн. Гагарина пойманъ и вновь приведенъ въ комнату. Кн. Гагаринъ приказалъ конюхамъ его раздѣть и надѣть на шею собачью цѣпь; приказаніе было исполнено, Андреева оставили въ одной рубашкѣ, **безъ портовъ**, босикомъ, и въ такомъ видѣ вывели на дворъ, не смотря на то, что въ то время была уже совершенная зима, съ морозомъ и снѣгомъ. По двору прогуливали Андреева два часа, при чемъ конюхи подстегивали его арапникомъ. Послѣ того привели обратно въ домъ, кн. Гагаринъ схватилъ его обѣими руками за волосы, повалилъ на полъ и началъ таскать, бить объ полъ, пинками, давить подъ челюсти, а затѣмъ, когда Андреевъ поднялся, то ударилъ его по щекѣ такъ, что тотъ вновь упалъ на полъ и болѣе уже не вставалъ—онъ былъ мертвъ. Совершивъ это злодѣйство, кн. Гагаринъ велѣлъ давать лошадей, а пока ихъ запрягали, съ презрѣніемъ толкалъ трупъ покойника ногами, и въ это время высказалъ: „твой отецъ мнѣ стоилъ 5 т. руб., а за тебя я не пожалѣю и всего своего имѣнія". Затѣмъ подали лошадей и кн.

Гагаринъ уѣхалъ въ Михайловъ. Послѣ его отъѣзда, по приказанію клюшницы, снята съ покойнаго окровавленная рубашка и порты, и отданы старостѣ для вымытія женѣ его; умершаго одѣли въ другую рубашку, шаровары и сапоги, а затѣмъ трупъ былъ вынесенъ въ псарную избу.

Въ Михайловѣ кн. Гагаринъ видѣлся съ исправникомъ и другими мѣстными властями; о чемъ они говорили—неизвѣстно. На другой день къ обѣду кн. Гагаринъ вернулся въ имѣніе, а черезъ два дня прибылъ сюда исправникъ и началось обслѣдованіе.

Первоначально слѣдствіе было произведено исправникомъ и стряпчимъ. При производствѣ слѣдствія были употреблены слѣдующіе пріемы. Нѣкоторые свидѣтели очевидцы были удалены отъ слѣдствія подъ разными предлогами; однихъ послали въ другую вотчину кн. Гагарина, другихъ—въ Москву; нѣкоторые были застращены кн. Гагаринымъ, угрожавшимъ за показаніе противъ него отпороть плетьми и сгноить въ острогѣ, и исправникомъ, увѣрявшимъ, что показанія крѣпостныхъ людей противъ своего помѣщика не имѣютъ законной силы и не принимаются въ уваженіе; нѣкоторые были убѣждены не давать вовсе показаніе, отговариваясь невѣденіемъ; показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей занесены въ протоколъ въ искаженномъ видѣ, или вовсе опущены, и хотя понятые, бывшіе при осмотрѣ, удостовѣрили наличность очевидныхъ знаковъ насилія, но оныхъ въ протоколѣ осмотра трупа совсѣмъ не упомянуто; наконецъ, нѣсколько человѣкъ явно свидѣтельствовали въ пользу кн. Гагарина. Путемъ такихъ мѣръ дѣло выставлено было въ слѣдующемъ видѣ. Когда Андреевъ бѣжалъ отъ побоевъ кн. Гагарина, то дорогою онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана (а былъ въ одной рубашкѣ) какую то бумажку, изъ коей высыпалъ какой то бѣлый порошекъ въ ротъ, отчего у него тотчасъ же сдѣлалась рвота. Становилось ясно, что Андреевъ умеръ не отъ побоевъ, а отъ отравленія. Такому взгляду на дѣло совершенно соотвѣтствовало заключеніе врача Шрейбера, производившаго вскрытіе тѣла. Описаніе этаго вскрытія сдѣлано повидимому самое тщательное, описано даже пятно на тѣлѣ, происшедшее отъ бывшаго чирья, что очевидно не имѣло никакого отношенія къ дѣлу, „никакихъ знаковъ насилія не оказалось.. въ желудкѣ же найдено малое количество мышьяка“ (хотя никакого изслѣдованія по этому предмету произведено не было), и потому врачъ заключилъ, что смерть не отъ побоевъ, а отъ воспаленія желудка случилась. Дѣло принимало для кн. Гагарина вполнѣ счастливый

оборотъ, но пошли слухи, дошедшіе до губернскихъ властей, и было назначено новое слѣдствіе.

Второе слѣдствіе произведено уѣзднымъ предводителемъ дворянства и уѣзднымъ стряпчимъ. Но и это слѣдствіе не въ состояніи было раскрыть истину, всѣ прежнія показанія были подтверждены и только четверо крѣпостныхъ людей дали показанія, обличавшія кн. Гагарина. Вторичное вскрытіе трупа, произведенное врачемъ Левицкимъ, хотя и пополнило сдѣланные прежде пробѣлы, какъ то—обнаружены боевые знаки на головѣ и другихъ мѣстахъ,—но тѣмъ не менѣе врачъ заключилъ: „хотя и имѣются боевые знаки, смерть послѣдовала отъ даннаго, или принятаго внутрь мышьяка, причинившаго сильное воспаленіе во всемъ пищепріемномъ каналѣ, въ желудкѣ и кишкахъ". Одновременно съ этимъ, кн. Гагаринъ принималъ свои мѣры:—четверо крестьянъ доносителей, по распоряженію Михайловскаго уѣзднаго суда, сидѣли уже въ острогѣ, по обвиненію въ неповиновеніи помѣщичьей власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ кн. Гагаринъ подалъ прошеніе, въ которомъ обвинялъ всѣхъ крестьянъ своихъ „въ неповиновеніи ему, въ неисправленіи господскихъ работъ, въ оказаніи противъ него грубостей, и угроживанья его поджогомъ дома и убивствомъ самого до смерти". Тѣмъ не менѣе, результатомъ второго слѣдствія было то, что даже уѣздный предводитель дворянства высказался очень сомнительно въ отношеніи отравленія Андреева, а о поведеніи кн. Гагарина съ крестьянами,—весьма для него неблагопріятно. Всѣ эти обстоятельства, а также доносъ Леонова великому князю Константину Павловичу относительно истиной причины смерти Андрева, все это вызвало Высочайшее повелѣніе объ изслѣдованіи дѣла черезъ особаго чиновника, для чего и былъ командированъ изъ министерства полиціи чиновникъ особыхъ порученій Федотовъ. Тогда началось третье слѣдствіе, произведенное Федотовымъ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и уже по этому слѣдствію была открыта истина въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена выше, при чемъ обнаружены и всѣ пріемы прежнихъ слѣдователей.

Выяснивъ все это дѣло, Федотовъ предложилъ губернатору, согласно Высочайшаго повелѣнія, въ исполненіе даннаго ему предписанія, о взятіи имѣнія кн. Гагарина въ опеку и о преданіи его суду; чтобы доносители были ограждены отъ всякаго мщенія и притѣсненія, и объ изъятіи дѣла сего изъ вѣдомства Михайловскаго суда и о передачѣ его въ другой судъ.

Произведенное Федотовымъ слѣдствіе вполнѣ доказывало виновность кн. Гагарина, сомнительнымъ оставалось мнѣніе двухъ врачей о причинѣ смерти Андреева. Оба мнѣнія были препровождены на заключеніе врачебной управы. Здѣсь врачъ Тихановичъ оба свидѣтельства не призналъ правильными и находилъ, что причиною смерти Андреева было послѣдовавшее отъ ушиба головы сотрясеніе мозга. Въ виду такого мнѣнія, врачебная управа отказалась дать свое заключеніе, почему все дѣло, а равно и выписка изъ слѣдствія Федотова, были препровождены на разсмотрѣніе генералъ-штабъ-доктора гражданской части. Мнѣніе генерала не было благопріятно истинѣ, онъ не находилъ другой причины смерти, какъ принятіе яда. Что мнѣніе это было пристрастно, видно уже изъ того, что нѣкоторыя положенія Тихановича генералъ опровергалъ тѣмъ, что „они только показываютъ, что онъ съ симъ предметомъ не довольно познакомился“. Въ такомъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе медицинскаго совѣта министерства полиціи. Совѣтъ, указавъ цѣлый рядъ упущеній свидѣтельствовавшихъ врачей, а главное то, что не было произведено химическое изслѣдованіе внутренностей трупа, счелъ „невозможнымъ заключить съ достовѣрностью о родѣ и причинѣ смерти Андреева, ибо если принять, что при свидѣтельствѣ найдены дѣйствительно признаки воспаленія горла, то согласиться должно, что воспаленіе сихъ внутренностей могло Андрееву причинить смерть, но точно ли воспаленіе сіе произошло отъ принятаго или даннаго яда, сіе ни въ слѣдствіи, ни въ свидѣтельствахъ ничѣмъ не доказано. Но дабы сколь возможно болѣе содѣйствовать къ открытію истины въ семъ запутанномъ дѣлѣ, медицинскій совѣтъ приступилъ къ соображенію слѣдующихъ обстоятельствъ. Изо рта и изъ носа умершаго стекала сукровица, лицо было краснобогровое, раздутое, шея была красная, распухшая, на головѣ находилось нѣсколько синихъ пятенъ, происшедшихъ вѣроятно отъ ушиба о твердое тѣло, при чемъ, конечно, могли послѣдовать и во внутренности головы важныя поврежденія. По снятіи кожи на головѣ, на серединѣ темянныхъ костей находилась запекшаяся кровь, а сосуды мозга и мозжечка были напряжены кровію. Андреевъ, раздѣтый до рубашки и безъ обуви, былъ водимъ два часа по двору въ холодное время, имѣя на шеѣ желѣзную цѣпь и сверхъ сего былъ давимъ руками подъ челюсти. Всѣ сіи обстоятельства могли участвовать къ произведенію большого скопленія крови въ головѣ. По сравненіи всѣхъ сихъ обстоятельствъ, медицинскій совѣтъ

долгомъ поставляетъ заключить, что смерть Андрееву при выше упомянутомъ воспаленіи желудка, горла и кишекъ, могла послѣдовать и отъ апоплексическаго удара“.

Роль кн. Гагарина была съиграна, и дѣло было передано въ Рязанскій уѣздный судъ; подсудимому приходилось сдаваться, и дѣйствительно, еще до рѣшенія дѣла судомъ,—онъ умеръ [1]).

Наконецъ, дѣло было рѣшено. Уголовная Палата, разсматривавшая въ ревизіонномъ порядкѣ рѣшеніе Рязанскаго уѣзднаго суда, постановила слѣдующій приговоръ. Относительно кн. Гагарина: „за таковые закону противные и весьма жестокіе противъ человѣчества поступки слѣдовало бы съ нимъ поступить по законамъ, но какъ онъ во время сего производства дѣла умеръ, то за симъ о немъ и дальнѣйшее сужденіе оставить“. Относительно прислуги—Васильева и Сикочева:—„которые, бывъ при всемъ томъ происходившемъ съ Андреевымъ происшествіи очевидцами, не только о томъ сами по себѣ никому не донесли, но даже и при распросахъ ихъ при начальномъ сего слѣдствія производствѣ истины не сказали, отъ дѣлаемыхъ будто имъ угрозъ отъ кн. Гагарина, но поелику они есть люди вольные и навсегда въ подобострастіи у кн. Гагарина находится не долженствующіе, слѣдственно, буде бы они желали обнаружить истину, имѣли время очень много, и по вольности ихъ, и способъ въ другихъ мѣстахъ, но ими не только всего того не учинено, но даже при тѣхъ спросахъ, какъ должно по обстоятельствамъ дѣла полагать, по стачкѣ и убѣжденію отъ князя подѣйствовавшаго, можетъ быть по незнанію ими, по низкости происхожденія ихъ, въ точности закона, а можетъ быть и по другимъ какимъ либо видамъ, вымышляли и дѣлали предъ Правительствомъ видъ, якобы Андреевъ отравилъ себя какимъ то порошкомъ, котораго на послѣдокъ, по собственнымъ же ихъ показаніямъ не было,—за каковое ихъ закрывательство смерти Андреева, лиша добраго имени, наказать публично плетьми и дать по 15 ударовъ, по наказаніи же отослать въ уѣздный городъ для помѣщенія въ рабочіе“. Относительно прислуги Трофимовой: „которая по отъѣздѣ кн.

---

[1]) Къ извѣстіямъ о смерти подобнаго рода подсудимыхъ слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностью. Извѣстно нѣсколько случаевъ, когда оффиціально умершіе, въ дѣйствительности долгое время послѣ того находились въ живыхъ, пользовались всѣми мірскими благами, открыто появлялись въ публичныхъ мѣстахъ, и спокойно оканчивали дни свои.

Гагарина изъ двора въ г. Михайловъ, безъ всякаго отъ него приказанія, велѣла съ того Андреева кровавленное платье перемѣнить и вынесть его изъ горницы въ людскую избу, черезъ что отняла видъ правды, для первоначальнаго изслѣдованія самонужнѣйшей, поставляя сему случаю въ свое оправданіе только жестокость нрава господина своего; но какъ въ домѣ его тогда изъ людей его оставалась не одна она, но и прочіе люди, жестокость нрава его уже испытавшіе, но ими сего однако жъ не учинено, а потому то присутствіе полагаетъ, что къ сему ее не жестокость нрава господина побудила, но единственная передъ прочими людьми выслуга, о которой князь въ отвѣтѣ пишетъ, что онъ ее всегда имѣлъ на особенномъ счету; да и она, буде бъ таковое къ закрытію имѣвшихся на Андреевѣ насильственныхъ признаковъ замѣтила покушеніе отъ кого либо другого, бывъ начальницею надъ прочими, должна была, по неимѣнію отъ господина ея никакого о семъ приказанія сдѣлать всѣмъ запрещеніе; почему, за таковой ею произведенный противузаконный поступокъ наказать плетьми жъ и дать десять ударовъ". Относительно крѣпостныхъ—Макарова, Лазарева, Евтѣева, Тимофеева, Петрова, Федоровой, Даниловой, Ивановой, Фроловой, Крысановой и Ермоловой:—„не сдѣлавшихъ при начальныхъ ихъ спросахъ справедливыхъ показаній, за ту несправедливость слѣдовало бы поступить по законамъ, но такъ какъ они изъясняютъ, что все то они сдѣлали отъ причиненныхъ имъ кн. Гагаринымъ угрозъ, то по симъ причинамъ и неимѣнію въ виду по дѣлу другихъ причинъ, ихъ и учинить отъ сего суда свободными, но однако жъ съ подтвержденіемъ, что бы они впредь при разспросахъ показывали истину, подъ опасеніемъ взысканія по законамъ".

Но этимъ дѣло не кончилось. За преступленіе по должности отданы были подъ судъ должностныя лица, противъ коихъ палата постановила слѣдующій приговоръ: „Михайловскій бывшій земскій исправникъ Масловъ и уѣздный стряпчій Яковлевъ, производя начальное о смерти Андреева на мѣстѣ слѣдствіе, не только не старались достигнуть настоящей причины смерти его, Андреева, но еще и въ сдѣланномъ ими обще съ штабъ-лѣкаремъ Шрейберомъ осмотрѣ нѣкоторыхъ бывшихъ на головѣ и тѣлѣ его, Андреева, боевыхъ знаковъ, равно и ознобленныхъ у него пальцевъ не описали, а сверхъ сего нѣкоторые князя Гагарина бывшіе въ таковое съ Андреевымъ происшествіе во дворѣ, его, князя Гагарина, люди оставлены ими безъ допросовъ, а другіе,

спрашиванные люди, чрезъ внушеніе отъ исправника Маслова, что показаніямѣ крѣпостныхъ людей на помѣщиковъ своихъ не повѣрятъ, отвращены отъ показанія настоящей истины, постороннему жъ, бывшему въ то время у князя Гагарина мѣщанину Сикочеву при допросѣ его чинено отъ него жъ, Маслова, показуемое имъ, Сикочевымъ, устращиваніе, а штабъ-лѣкарь Шрейберъ, свидѣтельствуя тѣло Андреева и описавъ въ свидѣтельствѣ своемъ даже оказавшійся у него, Андреева, близь поясницы синее отъ бывшаго чирья пятно, но вышеозначенныхъ не выведенныхъ въ учиненной исправникомъ и стряпчимъ вообще съ нимъ, Шрейберомъ, осмотрѣ бывшихъ на головѣ и тѣлѣ Андреева знаковъ ни мало въономъ своемъ свидѣтельствѣ подъ присягою учиненномъ, не помѣстилъ, да и о причинѣ смерти Андреева, какъ медицинскій совѣтъ рѣшеніемъ своимъ полагаетъ, сдѣлалъ онъ, Шрейберъ, несправедливое совсѣмъ заключеніе, каковые законопротивные со стороны оныхъ, исправника, стряпчаго и штабъ-лѣкаря, поступки ясно обнаруживаютъ, что чиновники сіи, имѣя каковые либо пристрастные виды, наклонны были содѣйствовать къ закрытію настоящей причины смерти Андреева, и поелику они въ отобранныхъ отъ нихъ палатою отвѣтахъ никихъ достаточныхъ и законныхъ оправданію своему резоновъ не представили,—то въ разсужденіи сего ихъ, Маслова, Яковлева и Шрейбера, за таковые учиненные ими преступленія лишить каждаго изъ нихъ одного чина, и впредь всѣхъ ихъ, яко неблагонамѣренныхъ, ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять.—Касательно жъ до Михайловскаго уѣзднаго суда, который, получа изъ тамошняго земскаго суда о смерти Андреева дѣло, дѣло производилъ оное съ большею медленностію, требуемой же Рязанскою врачебною управою троекратно изъ онаго дѣла къ соображенію и рѣшительному о смерти Андреева положенію, выписки въ ту управу недоставилъ, а доносителей, дворовыхъ людей—Федорова, Ефимова, Абакумова и Лазарева,—дѣлавшихъ доносъ на помѣщика своего въ жестокомъ наказаніи умершаго Андреева, содержали безъ всякихъ законныхъ резоновъ подъ карауломъ, не взирая даже на посланный изъ Рязанскаго губернскаго правленія въ тотъ судъ объ освобожденіи ихъ указъ, а сверхъ того отъ нихъ, доносителей, дѣлаемыхъ ими на помѣщика своего показаніемъ онымъ судомъ принято не было, а затѣмъ они и къ написаннымъ допросамъ руки не прикладывали, въ каковыхъ противныхъ законамъ поступкахъ присутствовали во все оное время въ томъ уѣздномъ

судѣ дворянскіе засѣдатели Полянскій и Шебановъ, отобранными отъ нихъ Палатою отвѣтами достаточныхъ къ своему оправданію резоновъ не представили, а чрезъ сіе и обнаружили они себя въ пристрастномъ по оному, о смерти Андреева, дѣлу дѣйствіи и въ неизвинительной медленности, то ихъ, Полянскаго и Шебанова, за таковыя противузаконныя дѣйствія и медленность впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять".

Представляя это дѣло въ Сенатъ, генералъ губернаторъ Балашовъ высказалъ, что „дѣйствія преданныхъ сужденію чиновниковъ, относя болѣе къ оплошности ихъ, чрезъ каковую подверглись они суду, болѣе трехъ лѣтъ продолжавшемуся, онъ полагаетъ, вмѣня имъ трехлѣтнее бытіе подъ судомъ въ наказаніе, отъ онаго освободить, съ подтвержденіемъ, чтобы впредь вѣрностію службы старались загладить вины свои, пріобрѣсти доброе о себѣ мнѣніе и обратить на себя вниманіе правительства. Это мнѣніе и было утверждено Сенатомъ [1]).

Вотъ еще нѣсколько случаевъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ своими крестьянами. По жалобѣ двороваго человѣка Кирилова на помѣщика Безобразова, жалобщикъ, называя помѣщика „зазорнымъ и малотерпѣливымъ", жалуется на его „совершенно безчеловѣческое обращеніе съ крестьянами.—Въ оправданіе себя Безобразовъ говорилъ: „можетъ ли благородный человѣкъ поступать такъ, какъ изображается его жестокость, но ему совсѣмъ быть такимъ нельзя, ему драться невозможно, по лишеніи правой руки въ французскую компанію". На сколько это объясненіе справедливо, видно изъ того, что по дѣлу совершенно установлены слѣдующіе факты.—Разъ, пріѣхавъ изъ гостей въ пьяномъ видѣ, Безобразовъ неизвѣстно за что сталъ бить крестьянина Анисифорова, разодравъ на немъ рубашку, приказалъ поливать изъ колодезя водой (дѣло было на масляницу). Другой разъ, зря наказалъ 11-лѣтнюю дѣвочку, и когда мать начала за нее просить, то, осердясь, ударилъ ее больною своею рукою **наотмашъ**, повалилъ наземь и билъ палкою.—Одинъ разъ, избилъ беременную женщину за то, что неусмотрѣла, какъ одинъ ягненокъ не ночевалъ дома. Необходимо замѣтить, что подобныя дѣла Безобразовъ продѣлывалъ въ нетрезвомъ видѣ, отъ трезваго же—напрасныхъ истязаній крестьянамъ не было. По изслѣдованіи дѣла, въ немъ жестокаго обращенія не признано, но внушено Безобра-

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Палаты 1817 года № 125.

зову чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства: „чтобы онъ впредь съ людьми своими обращеніе имѣлъ кроткое и при взысканіяхъ поступалъ съ ними человѣколюбиво, также содержаніе имъ доставлялъ по возможности достаточное"—за исполненіемъ чего и поручено предводителю дворянства имѣть наблюденіе [1]).

По праву помѣщичьей власти, Ханыковъ приказалъ наказать за неявку во время на работу крестьянина Ефима Швецова; послѣдній, послѣ наказанія, возвратившись домой, захворалъ, проболѣлъ 5 недѣль и умеръ. По отзыву одного изъ крестьянъ возникло дѣло о томъ, что смерть произошла отъ сѣченія. Тѣло умершаго было въ теплой избѣ, разложилось и анатомированія произвести было невозможно. Судъ помѣщика оправдалъ [2]).

Помѣщикъ Полянскій, по подозрѣнію въ кражѣ, наказалъ розгами дворовую дѣвку Марину Николаеву, которая черезъ 10 дней умерла. Распространилась молва, что смерть послѣдовала отъ наказанія, священникъ отказался хоронить тѣло умершей, и возникло дѣло [3]).

Семилѣтняя дѣвочка Марфа Иванова присматривала за господскими цыплятами и 20 іюня 1844 г. потеряла одного изъ нихъ. Помѣщикъ Одинцовъ, взявъ съ дрожекъ моченцовую веревку, толщиною въ діаметрѣ ½ вершка, началъ концомъ ея бить дѣвочку, послѣдняя выбѣжала изъ сарая къ избѣ матери. Вечеромъ того же дня, мать ея, Федосья Гаврилова, носила дѣвочку къ костоправкѣ править у нея ногу, такъ какъ думала, что нога сломана, а на другой день приводила еще старуху въ избу, тоже править ногу. По 24-е число дѣвочка болѣла, а этого числа мать понесла ее въ церковь для причастія, но предварительно заѣзжала въ домъ священника, которому показывала боевые знаки, а отъ него уже къ обѣднѣ, гдѣ дѣвочка, въ половину обѣдни, не дождавшись причастія, умерла. По освидѣтельствованіи трупа оказалось, что умершая была тѣлосложенія слабаго и тѣло имѣло видъ болѣзненный. Врачъ заключилъ, что во время формированія у больной нарывовъ на лѣвой рукѣ и правой ногѣ существовала сильная воспалительная горячка, которая и причинила ей смерть, но формировались ли оные нарывы въ послѣдствіе боя или ударовъ, или отъ внутреннихъ причинъ,—не утверждаетъ. Уѣздный судъ Один-

---

[1]) Ряз. Угол. Пал. 1832 г. № 684.
[2]) Ряз. Угол. Пал. 1835 г. № 849.
[3]) Ряз. Угол. Пал. 1836 г. № 915.

цова отъ суда и слѣдстія освободилъ, а уголовная палата оставила въ подозрѣніи: но Сенатъ не согласился съ этимъ рѣшеніемъ, признавъ, что обстоятельства дѣла служатъ доказательствомъ къ обвиненію Одинцева въ наказаніи дѣвочки Ивановой, бывшей въ то время больною, и за таковое неосторожное больной дѣвочки наказаніе, которое могло смерть ея ускорить, для очищенія совѣсти его въ этомъ поступкѣ, предать церковному покаянію по усмотрѣнію и назначенію времени онаго, духовнаго начальства, и при томъ, подтвердить ему, Одинцеву, чтобы впредь обращался осторожно, особенно съ больными. Двороваго же человѣка, Ивана Кузьмина, (вотчима умершей) показавшаго противъ помѣщика своего, для огражденія его отъ преслѣдованія [1]) поручить особенному покровительству мѣстнаго начальства [2]).

По произведенному, вслѣдствіе распоряженія губернскаго правленія, слѣдствію о жестокомъ обращеніи Веселкина съ своими крестьянами, открылось, что Веселкинъ непомѣрными поборами разоряетъ своихъ крестьянъ, обращается съ ними жестоко, ведетъ нетрезвую и развратную жизнь. Имѣніе было взято въ опеку, а Веселкинъ вызванъ изъ имѣнія въ Рязань. Государь Императоръ Высочайше певелѣть соизволилъ предать Веселкина уголовному суду. Предварительно же было сдѣлано распоряженіе о взятіи его подъ стражу, но не приведено въ исполненіе, за его смертію [3]).

Помѣщикъ Сафоновъ, найдя, что крестьянка Тихонова исполняла неудовлетворительно порученную ей въ саду работу, высѣкъ ее розгами и ударилъ кулакомъ по спинѣ, она была беременна, черезъ два дня родила ребенка, который черезъ два часа умеръ [4]).

Нерѣдко стѣсненія крестьянъ происходили не отъ помѣщика, а отъ назначеннаго имъ управляющаго, въ особенности если такіе управляющіе были изъ дворовыхъ людей. По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, „нечего говорить объ имѣніяхъ, управляемыхъ дворовыми, здѣсь власть произвольная передается человѣку грубому, необразованному и весьма часто потому только, что онъ извѣстенъ жестокостью своего характера, **умѣетъ держать мужиковъ въ рукахъ** [5]).

---

[1]) Ст. 1088 Св. Угол. Зак.

[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 1491.

[3]) Ряз. Угол. Пал. 1859 г. № 2600.

[4]) Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 636.

[5]) Гр. Киселевъ и его время, т. 2, стр. 316.

Еще хуже было, когда эти управляющіе были у женщинъ. Какой нибудь пройдоха приспособлялся у дѣвицы изъ дворянъ и чинилъ всякія безобразія съ ея крестьянами. При помѣщицѣ Иващенко находился нѣкто Воронцовъ, человѣкъ пьяный, буйный и исключенный изъ службы за разныя противузаконныя дѣянія. Онъ пользовался расположеніемъ становаго пристава, съ которымъ и проводилъ часто время. У Иващенко было 57 душъ, составлявшихъ 24 тягла. Имѣніе было оброчное, надѣлены по 1 дес. въ полѣ, земля плохая, а болѣе обработать не могли, по недостатку удобренія. Кромѣ пашни имѣли луга и лѣсной покосъ. Платили оброкъ по 60 руб. асс. съ тягла. Воронцовъ отобралъ часть покосовъ, возовъ на 100, а повинности увеличилъ, назначивъ 65 руб. оброку, 1 барана, 1 курицу и 3 тальки, кромѣ того, возить помѣщицѣ дрова, давать подводы для поѣздокъ изъ имѣнія въ Касимовъ и Рязань и обработать 4 дес. въ полѣ. Затѣмъ, повинности вновь увеличены, приказано поставить въ 1857 г., съ тягла, съ крестьянскихъ и съ господскихъ луговъ, по 25 копенъ сѣна, а въ этомъ году былъ неурожай травы. Крестьяне отказались, а одинъ изъ нихъ сдѣлалъ Воронцову грубость, пожаловались на управляющаго помѣщицѣ, на что она разсердилась, одного изъ крестьянъ представила къ ссылкѣ въ Сибирь, а троихъ въ арестантскія роты. Въ 1858 г. повинности вновь увеличены: вмѣсто 3 талекъ приказано доставить по 1 фунту льна и по 3 арш. холста. Дворовыхъ было только двое, кучеръ и старуха нянька, вслѣдствіе чего всякая послуга исправлялась крестьянами. Сами крестьяне считали помѣщицу свою, Иващенко, за добрую для нихъ помѣщицу, жаловались только на управляющаго Воронцова, который дозволялъ себѣ въ пьяномъ видѣ безчинство и взыскивалъ съ крестьянъ за неисполненіе сумазбродныхъ его распоряженій, что побудило ихъ жаловаться самой помѣщицѣ; но она, потворствуя Воронцову, увлеклась до несправедливаго требованія подвергнуть крестьянъ тяжкому взысканію.—Воронцовъ помѣщицею былъ удаленъ, а судомъ признанъ виновнымъ въ жестокомъ наказаніи крестьянъ и приговоренъ къ заключенію въ смирительный домъ на одинъ годъ [1]).

Едва ли не самый отвратительный и жестокій видъ помѣщиковъ составляли фабриканты-купцы. Если дворяне имѣли могущественное орудіе для защиты въ своемъ происхожденіи и по-

---

[1]) Двор. Деп. Собр. 1857 г. № 13.

ложенiи въ обществѣ, то купцы имѣли еще болѣе могущественное орудiе въ деньгахъ.

Въ сельцѣ Красномъ, Егорьевскаго уѣзда, была суконная фабрика съ приписанными къ ней 500 душъ крестьянъ; принадлежала она г. Колтавской, но, вслѣдствiе злоупотребленiя довѣрiемъ мужа ея, продана купцу Кознову. Возникло объ этомъ дѣло, рѣшенное Сенатомъ не въ пользу Колтовской, но по Высочайшему повелѣнiю подлежавшее пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ. Когда Сенатъ затребовалъ подлинное производство, то оказалось, что оно въ Зарайскомъ уѣздномъ судѣ пропало. Управляющiй Кознова, Яковъ Кулеминъ, явился къ дворянскому засѣдателю, скованный въ желѣзахъ, съ порѣзомъ на шеѣ, а на тѣлѣ съ видимыми знаками отъ сѣченiя розгами. Онъ объяснилъ, что Козновъ изнуряетъ его разными жестокими побоями, отчего онъ намѣревался лишить себя жизни и ножемъ повредилъ себѣ шею; просилъ представить его въ земскiй судъ, въ противномъ случаѣ, онъ непремѣнно лишитъ себя жизни. По произведенному обслѣдованiю засѣдателемъ и исправникомъ оказалось, что Кулеминъ задержалъ бѣглаго рекрута и представилъ его исправнику, что вызвало неудовольствiе Кознова; затѣмъ, онъ задалъ рабочимъ непосильный урокъ и когда они объявили, что не могутъ его исполнить, то наказалъ всѣхъ розгами, равно какъ и самаго Кулемина. Вообще, Козновъ жестоко наказывалъ своихъ рабочихъ, что и подтвердилось осмотромъ многихъ изъ нихъ, при чемъ найдены рубцы и синяки. Помимо того, рабочiе имъ совсѣмъ не продовольствуются, ходятъ за подаянiемъ по мiру и этимъ подаянiемъ питаются. Сынъ Кознова былъ настоящiй звѣрь—пьяный, дикiй и жестокiй развратникъ. Неоднократно призывалъ съ себѣ въ контору дѣвокъ и насиловалъ ихъ „усильствомъ своимъ, а не по согласiю, требовалъ къ себѣ дѣвокъ, которыхъ блудодѣянiемъ растлилъ ихъ дѣвство“. Такихъ указывалось 8 человѣкъ. Вслѣдствiе пьянства онъ дошелъ до того, что ходилъ по конторѣ и по полямъ голый, а въ декабрѣ хотѣлъ броситься въ прудъ купаться. Когда дѣло уже выяснилось въ описанномъ видѣ, отъ Кознова поступило прошенiе, въ коемъ, заподозривши правильность дѣйствiй исправника и засѣдателя, объяснилъ, что крестьяне по возмущенiю неблагонамѣренныхъ людей, вышли изъ его повиновенiя и дѣлаютъ, по развратности ихъ жизни, разныя буйства. Онъ просилъ привести крестьянъ въ повиновенiе, выставляя главнаго зачинщика Кулемина. Для переслѣдованiя дѣла командированъ начальникъ

губернской полиціи, который описалъ дѣло такъ, что никакихъ жестокостей нѣтъ, что всѣ крестьяне довольны фабрикантомъ и живутъ хорошо. Въ виду такого противорѣчія, генералъ-губернаторъ приказалъ разъяснить дѣло лично губернатору, который, въ существѣ подтвердивъ обслѣдованіе начальника полиціи, донесъ, что крестьяне въ повиновеніе приведены, продовольствіемъ обезпечены и Козновъ подпискою обязался продовольствовать ихъ сообразно надобности. Возмутителемъ же крестьянъ губернаторъ назвалъ Кулемина, который и былъ взятъ подъ стражу. Получивъ такое обѣленіе отъ губернскаго начальства, Козновъ возвелъ прямое обвиненіе на исправника и засѣдателя въ поощреніи крестьянъ къ неповиновенію и требовалъ взысканія съ нихъ убытковъ 18 т. руб., по случаю пріостановленія фабричныхъ работъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ссылки въ Сибирь на поселеніе четырехъ человѣкъ крестьянъ своихъ. По произведеніи же изслѣдованія объ этихъ крестьянахъ оказалось, что они Кознову никакихъ грубостей, кромѣ требованія хлѣба, не дѣлали, въ поведеніи одобрены, ни въ пьянствѣ, ни въ воровствѣ, ни въ самовольствѣ не замѣчены, а потому это домогательство Кознова было отклонено. Но тотчасъ же послѣ обслѣдованія губернатора вновь начали поступать жалобы крестьянъ на непродовольствіе ихъ, и тогда генералъ-губернаторъ распорядился провѣрить это уже черезъ особаго чиновника вмѣстѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. По провѣркѣ оказались „главнѣйшія причины жалостнаго состоянія фабричныхъ крестьянъ, изнуряемыхъ голодомъ и подъ тяжкимъ, смѣю донести, нечеловѣколюбивымъ правленіемъ купца Кознова и раздѣленіемъ людей между своей работой и работами ихъ собственнаго быта, для прокормленія своихъ семействъ. Работа фабричныхъ производится по ревизіи братъ на брата, но всѣ лучшіе выбраны, какъ мущины и женщины, на фабрику, а старые и малолѣтніе оставлены кормить себя и ту половину, которая состоитъ въ работѣ на фабрикѣ; бываютъ случаи, что одинокій, отправляя недѣлю свою на фабрикѣ, смѣняется на другую недѣлю своею женою, и такъ кромѣ св. Пасхи и двухъ лѣтнихъ недѣль сѣнокоса не бываютъ вмѣстѣ; бываетъ и такъ, что оставались престарѣлый одинъ съ малолѣтнимъ семействомъ, за отсутствіемъ сына съ женою на фабрикѣ, исправляетъ всѣ женскія работы, самъ не имѣя силъ ни по времени, ни по лѣтамъ своимъ исправлять работъ своихъ, необходимыхъ къ продовольствію. При томъ, изъ оставшейся половины, которые ни чѣмъ по

закону не должны быть занимаемы, кромѣ работъ собственно своихъ, употребляются Козновымъ на возку дровъ какъ на фабрику, такъ и на конторскій дворъ, жгутъ уголь, возятъ бревна, чинятъ плотины и др.“ Въ заключеніе уѣздный предводитель пишетъ:—„донося о семъ нашемъ дознаніи, я осмѣливаюсь ходатайствовать за сихъ несчастныхъ, повергая ихъ человѣколюбію Вашего Высокопревосходительства“. Вслѣдствіе этого губернское правленіе распорядилось о взятіи имѣнія въ опеку, о чемъ и было сообщено министру финансовъ. Но распоряженіе это не осуществилось и Козновъ одержалъ побѣду, вслѣдствіе слѣдующаго мнѣнія министра финансовъ. Такъ какъ формальнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ на фабрикѣ начальникомъ губернской полиціи, жалобы фабричныхъ людей на Кознова оказались большею частью несправедливыми и открыто, что сами фабричные вышли изъ повиновенія къ своему владѣльцу, бывъ побуждаемы къ сему однимъ изъ сотоварищей своихъ, Яковомъ Кулеминымъ, что все это подтвердилось и личными допросами учиненными на фабрикѣ гражданскимъ губернаторомъ, то я полагаю, что для прекращенія нынѣшнихъ безпорядковъ, произшедшихъ безъ сомнѣнія отъ слабаго за фабричными надзора и отъ ложныхъ мнѣній ихъ о свободѣ, необходимо нужно будетъ строжайше объявить имъ чрезъ земскій судъ, или чрезъ начальника губернской полиціи, что они никакихъ правъ на свободу не имѣютъ, ибо, бывъ куплены къ фабрикѣ, на основаніи законовъ образуютъ при ней вѣчную и неотъемлемую поссесію, что комерціи совѣтникъ Козновъ есть законный владѣлецъ сей фабрики, а потому должны они состоять у него въ совершенномъ послушаніи и исполнять съ раченіемъ и усердіемъ свои обязанности по части суконодѣльныхъ работъ, что въ противномъ случаѣ они подвергнутся строжайшему, по закону, наказанію, въ чемъ и обязать старѣйшія семейства подписками. Кулемину же, виновному въ возмущеніи прочихъ крестьянъ противъ владѣльца фабрики и слѣдовательно въ нарушеніи внутренняго на фабрикѣ порядка и благоустройства, объявить особо съ подпискою же, что если онъ впредь дерзнетъ на подобныя противузаконныя дѣйствія, то какъ онъ, такъ и сообщники его будутъ немедленно удалены съ фабрики и отправлены на поселеніе... Съ симъ вмѣстѣ объявить и комерціи совѣтнику Кознову, чтобы онъ управлялъ симъ посессіоннымъ имѣніемъ какъ добрый и попечительный хозяинъ, соблюдая въ точности правила, въ мануфактурныхъ узаконеніяхъ изображенныя, чтобы имѣлъ стараніе какъ

о благоустройствѣ своего заведенія, такъ и благосостояніи принадлежащихъ къ оному крестьянъ, доставляя имъ срества къ необходимому содержанію и, въ случаѣ нужды, способствовать имъ въ продовольствіи, особливо же въ неурожайные годы. Находя сіи мѣры вполнѣ достаточными для возстановленія должнаго на фабрикѣ спокойствія и порядка, я не могу согласиться съ предложеніемъ Рязанскаго губернскаго правленія о взятіи фабрики и крестьянъ въ опеку [1]).

Вышеизложеннымъ общій строй крѣпостныхъ отношеній выясняется довольно опредѣленно; патріархальныя, отеческія отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ, существовали только въ добрыхъ намѣреніяхъ законодателей; дѣйствительность же была самая неприглядная, она выражалась въ полномъ беззаконіи и произволѣ, въ безконечныхъ злоупотребленіяхъ, являвшихся не случайно, а систематически, въ силу самаго существа крѣпостнаго права. Тѣмъ не менѣе, когда оцѣнку крѣпостныхъ отношеній дѣлаютъ именно въ этомъ смыслѣ, приходится встрѣчать возраженія, что эта оцѣнка одностороння; что при ней не принято во вниманіе именно попечительное отношеніе помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ, то отношеніе, которое даже у самихъ крестьянъ выражалось формулой: „вы наши отцы, мы ваши дѣти". Отсюда понятно, почему изслѣдованіе этихъ отношеній должно представлять особый интересъ для всякаго, кто желаетъ смотрѣть на дѣло непредубѣжденно, а вполнѣ безпристрастно; потому понятно и то, что при моемъ изслѣдованіи я не могъ обойти этотъ вопросъ, и съ особымъ вниманіемъ старался отмѣтить всѣ факты, какіе могли быть добыты въ архивахъ. Но фактовъ этихъ оказалось слишкомъ мало и на основаніи ихъ нельзя вывести заключенія, которое хотя бы въ малой степени поколебало выставленное выше общее положеніе.

Конечно, нельзя отрицать, что были отдѣльные случаи, указывавшіе не только на добрыя отношенія помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ, но и вообще на такія же отношенія сильныхъ и богатыхъ людей къ слабымъ и бѣднымъ. Вотъ, напр., какъ описана добродѣтельная старушка Мосолова у г. Селиванова [2]). „Разъ случилось пріѣхать мнѣ къ ней часу въ первомъ дня; меня встрѣтилъ на крыльцѣ человѣкъ и на вопросъ мой,—дома ли барыня,

---

[1]) Дѣло Канц. Ген. Губ. 1824 г. № 223.

[2]) Преданія и воспоминанія, стр. 58.

отвѣчалъ—дома-съ, и ни кого не принимаютъ, но васъ приказано просить". Вхожу въ залъ, и что же вижу?—За покрытыми, уставленными серебряной посудой и дорогимъ хрусталемъ, столами сидѣло множество нищихъ, калѣкъ, убогихъ, а сама хозяйка, одѣтая въ богатое шелковое платье, и засучивъ рукава, прислуживала имъ. Кушанья были роскошныя. „Вотъ, другъ мой, сказала она мнѣ, когда я съ ней поздоровался, „и учись, какъ угощать меньшую братію. Когда дѣлаешь пиръ, не зови ни родныхъ, ни богатыхъ, а зови убогихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, чтобы они не могли воздать тебѣ тѣмъ же"... Ко дню такихъ угощеній она, разумѣется, не принимала гостей, сказывалась больною, или выѣхавшей въ подмосковную".—Но такія отдѣльныя явленія стоятъ совершенно въ сторонѣ и выдаются своею исключительностію.

На столько же единичными слѣдуетъ считать и другія подобныя явленія, каковы: устройство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ школъ, больницъ, богадѣленъ. Такъ, въ с. Стенькинѣ, Рязанскаго уѣзда, съ 1853 г. существовала больница, устроенная мѣстнымъ помѣщикомъ г. Дубовицкимъ (Президентъ Медико-Хирургической Академіи), на 24 кровати; такая же больница была въ с. Малинкахъ, устроенная въ сороковыхъ годахъ помѣщикомъ кн. Волконскимъ для дворовыхъ людей. Тѣмъ же Дубовицкимъ въ с. Стенькинѣ устроена богадѣльня на 28 человѣкъ (3 мущ. и 25 жен.). Демидовымъ въ с. Ерахтурѣ, Касимовскаго уѣзда, учреждена богадѣльня для бѣдныхъ престарѣлыхъ крестьянъ, не имѣющихъ семействъ и домовъ, въ коей призрѣвалось 1 мущ. и 4 жен. (въ 1861 году). Въ Раненбургскомъ уѣздѣ, въ с. Просѣчьѣ по завѣщанію Аничкова устроена богадѣльня на 8 мущ. и 6 женщ. Въ Михайловскомъ уѣздѣ въ с. Мошковѣ устроена богадѣльня, въ концѣ сороковыхъ годовъ, помѣщицею Шиловскою на 12 человѣкъ; въ 1861 году въ ней призрѣвалось 1 мущ. и 3 жен. на средства наслѣдниковъ Шиловской гг. Коробьиныхъ.—Въ Сапожковскомъ уѣздѣ въ с. Песочнѣ на средства помѣщика А. И. Кошелева содержалась начальная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, и т. п. Но все это, повторяю, были единичные случаи, учрежденія эти были до крайности рѣдки, и притомъ въ имѣніяхъ исключительно богатыхъ помѣщиковъ [1]).

Такими же рѣдкими слѣдуетъ считать тѣ здравыя и справедливыя отношенія, которыя существовали, по описанію Ю. Ѳ.

---

[1]) Всепод. отч. Ряз. Губерн. за 1861 г.

Самарина, у помѣщика А. С. Хомякова (славянофилъ) къ его крѣпостнымъ. По словамъ Ю. Ѳ. Самарина [1]) Хомяковъ началъ управлять крестьянами самъ въ ранней молодости, и съ перваго шага поставилъ себя въ прямыя, непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ. Онъ часто созывалъ мірскіе сходы, выслушивалъ всѣ требованія и жалобы, дѣлалъ всѣ свои распоряженія гласно и открыто и никогда не прятался за личности своихъ повѣренныхъ, какъ дѣлали это многіе помѣщики, сознававшіе всю тягость крѣпостныхъ отношеній и не рѣшавшіеся принять на себя отвѣтственность за порядокъ вещей, которымъ сами же пользовались.—За нѣсколько лѣтъ до выхода Высоч. рескр. Хомяковъ приступилъ къ исполненію давнишней своей мысли отмѣнить въ своихъ имѣніяхъ барщину и перевести крестьянъ на оброкъ. Онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не сгоряча, не подъ вліяніемъ досады на хлопоты и непріятности, сопряженныя съ отбываніемъ барщины, но обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія и не скрывая отъ себя трудностей, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить. Ему хотѣлось, во-первыхъ, чтобы новый, задуманный имъ порядокъ осуществился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами; и, во-вторыхъ, чтобы этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный расчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ когораго онъ началъ, продолжались довольно долго; каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ и нѣкоторыя изъ нихъ были измѣнены по требованію крестьянъ; по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третейскому разбирательству и черезъ два года крестьяне другой деревни, принадлежавшей Хомякову, приходили просить его, чтобы онъ и ихъ перевелъ на тоже положеніе.

Чаще помѣщики дѣлали добро своимъ крѣпостнымъ въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ таковыхъ.—Въ завѣщаніи Мерчанской изложено: „Афимью Денисову особенно поручаю дѣтямъ моимъ, за коими она такъ усердно ходила, и прошу тебя, другъ мой, любить всѣхъ нашихъ добрыхъ домашнихъ, которые мнѣ такъ усердно служили, и покоить старость кормилицы моей, Феклы Тимофѣевой, не разлучая ее никогда

---

[1]) Соч. т. 1, стр. 249.

съ дочерью и зятемъ, и содержа всѣхъ такъ, какъ онѣ при мнѣ были содержимы“ [1]).—Въ духовномъ завѣщаніи Иванова изложено: „людямъ моимъ за вѣрную ихъ службу мнѣ, по приложенному особому реэстру, писанному по именамъ кому сколько, всего всѣмъ 1300 руб. [2]).—Марья Федоровна Попова завѣщала отпущеннымъ на волю мужемъ ея дворовымъ: Ивану Осипову и Агафьѣ Анисимовой, принадлежащій ей домъ, со всею движимостью въ немъ и всѣ денежные капиталы [3]). Въ духовномъ завѣщаніи дѣвицы Авдотьи Прокофьевны Таптыковой сказано: „скотъ въ Нагинѣ и Кутуковѣ раздѣлить по коровѣ на семью.... съ кутуковскихъ крестьянъ.... прошу васъ у кого будутъ въ управленіи, не накладывать на нихъ болѣе того оброку, который они мнѣ платили; кто прибавитъ—дадите отвѣтъ“. Какъ бы предвидя недовольство наслѣдниковъ сдѣланнымъ завѣщаніемъ, и даже опасаясь, что оно можетъ быть не исполнено,—завѣщательница продолжаетъ: „не сердитесь, мои друзья, а распорядитесь по духовной, я все отдаю по собственному моему распоряженію, и я же распоряжаюсь собственностью по своей волѣ, и также будете безмолвны въ гробѣ, какъ и я грѣшная. Прошу Васъ самимъ Богомъ, все выполните, не свяжите Вашихъ душъ и не достигнете гнѣва Божія, и не станьте ко мнѣ къ сужденію. Я не сама собою сіе распоряжаю, а по произволу Всевышняго Праведнаго Судіи, онъ мною управлялъ и распоряжалъ“ [4]). Духовнымъ завѣщаніемъ штабсъ-капитана Петра Николаевича Колычева велѣно дворовымъ людямъ единовременно выдать награжденіе: 14-лѣтнимъ и болѣе—по 50 руб., ниже 14-ти лѣтъ до 10-ти лѣтъ—по 20 руб. какъ мужскому, такъ и женскому полу, изъ числа коихъ нужное количество оставить для услуги при дочери его и ея надзирательницы, остальныхъ распустить по паспортамъ на оброкъ. Управляющему, дворовому человѣку Федору Алексѣеву Лаптеву, остаться управляющимъ и за вѣрную и старательную службу и притомъ отлично хорошемъ поведеніи выдать единовременно 1000 руб. награжденія [5]).—Въ завѣщаніи Одинцова дѣлается распоряженіе о выдачѣ денегъ крѣпостнымъ и, между прочимъ, Савину

---

[1]) Ряз. Гр. Пал. 1836 г. кн. 5, ст. 45.
[2]) Ряз. Гр. Пал. 1835 г. Кн. 5, ст. 59.
[3]) Ряз. Гр. Пал. 1831 г. Кн. 5, ст. 68.
[4]) Ряз. Гр. Пал. 1830 г. Кн. 5, ст. 49.
[5]) Ряз. Гр. Пал. 1837 года, Кн. 2, ст. 159.

Семенову 50 р., но выдавать не вдругъ, а по мѣрѣ дѣйствительной надобности, дабы, по случаю пристрастія его къ пьянству, награда сія не сдѣлалась для него безполезною [1]). Порутчица Анна Андреевна Кошелева завѣщала своимъ отпущеннымъ на волю 4 семействамъ, въ числѣ 13 наличныхъ душъ, за усердную и вѣрную ихъ услугу, въ награду пахотную землю, луга, лѣсъ, и пр. угодья, усадьбу, постройку, скотъ, орудія и даже капиталы долговые [2]).—Довольно оригинально духовное завѣщаніе полковника Николая Александровича Чихачевскаго. Предоставивъ свое недвижимое имѣніе въ Михайловскомъ уѣздѣ въ пожизненное владѣніе женѣ своей, завѣщатель говоритъ: „ежели, чего Боже сохрани, ей послѣдуетъ насильственная смерть отъ крестьянъ, или дворовыхъ людей, или ихъ женъ, или ихъ дѣтей, то крестьянъ и дворовыхъ людей съ аукціоннаго торга продать и съ землею, а деньги употребить на богоудобныя дѣла. Послѣ же ея смерти, какъ крестьяне, такъ и дворовые люди должны воспользоваться свободою и записаться въ вольные хлѣбопашцы“ [3]).

Итакъ, и при существованіи крѣпостнаго права **можно** было дѣлать добро, и оно **дѣйствительно дѣлалось.** Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ Заблоцкомъ-Десятовскомъ, что „добро это случайное, какъ бы оно часто ни повторялось, ибо крѣпостное право даетъ всю возможность дѣлать зло. Лишь то учрежденіе государственное можетъ быть признаваемо въ началахъ своихъ справедливымъ, въ дѣйствіяхъ благимъ, которое, предоставляя широкое поле дѣлать добро, въ тоже время уничтожаетъ всякій произволъ, отнимаетъ возможность дѣлать зло. Отсутствіе этого условія въ крѣпостномъ правѣ дѣлаетъ самое доброе непрочнымъ“ [4]).

---

[1]) Ряз. Гр. Пал. 1850 г. Кн. 4, ст. 130.
[2]) Ряз. Гр. Пал. 1840 г. Кн. 5, ст. 52.
[3]) Ряз. Гр. Пал. 1858 г. № 55.
[4]) Графъ Киселевъ и его время, т. 2, стр. 320.

V. Законные способы для устраненія злоупотребленій помѣщичьею властью.

Правительство, предоставивъ помѣщикамъ самую обширную власть надъ ихъ крѣпостными, не могло однако не указать, хотя бы въ общихъ чертахъ, предѣлы этой власти. Эти предѣлы выражались формулой—*непомѣрное обремѣненіе въ работахъ и повинностяхъ, непомѣрныя наказанія за проступки.* То и другое само въ себѣ не имѣетъ никакого содержанія, указывая лишь на такое положеніе, которое переходитъ извѣстную норму; закономъ же этой нормы выработано не было, она создалась обычаемъ. О существованіи обычая и о примѣненіи его лучше всего должны были знать сами помѣщики, потому совершенно естественно, что законъ возложилъ надзоръ надъ помѣщиками на представителей дворянства, съ тѣмъ, чтобы помѣщики въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ не переходили самою жизнію выработанныхъ правилъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ 6-го Сентября 1826 года указано, что на уѣздныхъ предводителей дворянства возлагается обязанность навѣдываться, безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства, объ обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, а земскіе исправники обязаны уѣздымъ предводителямъ сообщать для свѣдѣнія всѣ случаи, въ коихъ предѣлы власти помѣщичьей нарушаются и о коихъ они доносятъ по порядку губернскому ихъ начальству. Такимъ образомъ, починъ въ возбужденіи дѣлъ о превышеніи помѣщиками ихъ власти надъ крестьянами принадлежалъ представителямъ дворянства, и это свое право почина дворянство охраняло зорко. Не говоря о томъ, что оно не допускало жалобъ со стороны крестьянъ (что было воспрещено и закономъ), оно не допускало даже возбужденія дѣлъ со стороны другихъ органовъ правительственной власти. Такъ, въ 1828 г. Раненбургскій уѣздный стряпчій отправилъ къ исправнику явившихся къ нему 20 человѣкѣ крестьянъ села Гловинщины, Раненбургскаго уѣзда, помѣщика Недоброва, съ жалобою на послѣдняго; по поводу сего губернскій предводитель дворянства писалъ губернатору, что дѣло о неустройствѣ въ имѣ-

ніи помѣщика Недоброва началось по почину стряпчаго, въ каковыя дѣла онъ входитъ уже въ другой разъ, между тѣмъ, рескриптомъ эта обязанность не возложена на стряпчихъ, почему онъ и просилъ внушить ему, чтобы отъ подобныхъ дѣйствій, какъ до него не принадлежавшихъ, воздерживался, въ необходимыхъ же случаяхъ таковыя обстоятельства доводилъ до свѣдѣнія уѣзднаго предводителя лично. Результатомъ сего было надлежащее внушеніе стряпчему отъ губернскаго прокурора [1]).

Сейчасъ указано, что подача крестьянами жалобъ на помѣщиковъ была воспрещена, но, не смотря на это, жалобы крестьянъ не только письменныя, но словесныя всетаки принимались и губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, коими поручалось уѣзднымъ предводителямъ обслѣдовать дѣло **секретно, подъ рукой, безъ огласки.** Особенно много жалобъ отъ крестьянъ было въ концѣ 50-хъ годовъ: въ виду слуховъ о реформѣ крестьяне стали требовательнѣе. Хотя жалобщиковъ арестовывали при полиціи, подвергали полицейскому наказанію, отправляли обратно въ имѣніе помѣщика по этапу, но, тѣмъ не менѣе, жалобы подавались, принимались и производилось изслѣдованіе. Въ одномъ письмѣ губернатора къ губернскому предводителю дворянства, при которомъ препровождалось двое крестьянъ жалобщиковъ кн. Оболенской, между прочимъ говорилось:—„мужики совершенно спокойны и готовы повиноваться, а если управляющій или староста дѣйствительно ихъ притѣсняютъ, то надо было бы что нибудь для нихъ сдѣлать, жестокости и несправедливости и самыхъ терпѣливыхъ выведутъ изъ терпѣнія [2]).

Далѣе, въ рескриптѣ сказано, что если уѣздные предводители, по дошедшимъ къ нимъ свѣдѣніямъ, замѣтятъ дѣйствительное чье либо изъ владѣльцевъ злоупотребленіе властью надъ своими крестьянами, въ непомѣрномъ ли распорядкѣ работъ и повинностей, или въ непомѣрныхъ наказаніяхъ, тогда они, во-первыхъ, стараются удостовѣриться въ истинѣ сихъ замѣчаній всякими способами, какіе только безъ огласки и безъ переписки могутъ быть употреблены; во-вторыхъ, когда свѣдѣнія окажутся достовѣрными, или покрайней мѣрѣ вѣроятными, тогда приглашаютъ къ себѣ, или сами посѣщаютъ помѣщика подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ и дѣлаютъ ему внушенія о перемѣнѣ его обра-

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1823 г. № 17.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 19.

щенія. Если это внушеніе будетъ имѣть свое дѣйствіе, если помѣщикъ согласится измѣнить свои отношенія къ крестьянамъ, сообразно сдѣланнымъ уѣзднымъ предводителемъ указаніямъ, то дѣло тѣмъ и оканчивалось. Въ 1855 г. Скопинскій предводитель дворянства сообщилъ губернскому предводителю, что вдова Климова имѣетъ съ крѣпостными людьми своими и особенно съ дворовыми обращеніе противузаконное, а сынъ ея, будучи испорченной нравственности, ведетъ образъ жизни, неприличный званію дворянина, что онъ, предводитель, дѣлалъ Климовымъ надлежащее по сему предмету внушеніе, но оно не имѣло желаемаго успѣха. Губернскій предводитель просилъ уѣзднаго доставить болѣе подробныя по сему предмету свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ для дальнѣйшаго направленія дѣла. Уѣздный предводитель увѣдомилъ, что Климовы, убѣдясь его внушеніями, въ настоящее время перемѣнили обращеніе съ своими людьми. Этимъ дѣло и окончилось [1]).

Наконецъ, въ рескриптѣ сказано, что если внушенія уѣзднаго предводителя остаются безъ дѣйствія и помѣщикъ не перемѣнитъ своего обращенія, или не согласится, или, согласясь, впослѣдствіи того не исполнитъ, тогда уѣздный предводитель обязанъ, описавъ всѣ обстоятельства дѣла, представить оное на дальнѣйшее расмотрѣніе губернскаго предводителя, который, увѣдомивъ о томъ губернатора, совмѣстно съ нимъ приступаетъ къ мѣрамъ пресѣченія. Мѣры же эти состоятъ въ томъ, что первоначально производится формальное изслѣдованіе, которое передается на обсужденіе собранія предводителей дворянства совокупно съ депутатами, по вопросу о взятіи имѣнія помѣщика въ опеку. Постановленіе дворянства по сему предмету подлежитъ утвержденію Сената [2]).—Пронскій предводитель дворянства извѣщалъ губернскаго, что дворовый человѣкъ Власовъ приносилъ ему словесную жалобу на жестокое обращеніе помѣщика. По собраннымъ предводителемъ свѣдѣніямъ оказалось, что о поведеніи и образѣ жизни Движикова ничего сказать хорошаго нельзя и что онъ съ крѣпостными обращается иногда дерзко, губернскій предводитель предложилъ сдѣлать Движикову внушеніе, но—на неоднократный вызовъ онъ къ уѣздному предводителю не явился. Вслѣдствіе сего губернскій предводитель обратился къ губерна-

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1855 г. № 192.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1817 г. № 26766, 1822 г. № 29193, 1829 г. № 2650,

тору для распоряженій о производствѣ формальнаго слѣдствія [1]).

Учрежденіе опеки было едва ли не единственнымъ и самымъ сильнымъ средствомъ въ рукахъ правительства для обузданія своеволія помѣщиковъ. Такъ какъ помѣщичья власть была безусловно сильна, находила себѣ поддержку среди выборныхъ дворянскихъ властей и даже властей правительственныхъ,—то понятно, что случаи, въ коихъ имѣнія были подвергнуты опекунскому завѣдыванію, должны были выдаваться своею исключительностью, должны были представлять нѣчто особенное даже въ той сферѣ беззаконія и произвола, которыя составляли отличительную черту крѣпостнаго права, это были такого рода случаи, допущеніе которыхъ грозило самому существованію крѣпостнаго права, они могли опрокинуть его, а потому даже въ интересѣ тѣхъ лицъ, которые считали крѣпостныя отношенія необходимыми для даннаго времени, было недопускать крайностей, могущихъ уничтожить самое крѣпостное право.

Какъ велики должны быть беззаконія, при которыхъ предполагалось возможнымъ подвергнуть имѣніе опекунскому завѣдыванію, доказываетъ слѣдующій случай. Помѣщикъ Кормалинъ призвалъ къ себѣ въ домъ крестьянку Дарью Семенову и заставилъ пѣть пѣсни, по окончаніи коихъ велѣлъ остаться ночевать, но она этого приказанія не исполнила. Тогда Кормалинъ приказалъ призвать ея свекра, Михаила Кузьмина, котораго заставилъ наказывать розгами разложенную у его постели Семенову. По нанесеніи трехъ ударовъ Кормалину показалось, что Кузьминъ наказываетъ легко, вслѣдствіе чего онъ бросился на него и нанесъ ему нѣсколько ударовъ по головѣ и лицу настолько сильно, что Кузьминъ, бывши совершенно здоровымъ, могъ возвратиться домой только при посторонней помощи, а затѣмъ слегъ въ постель и черезъ 7 часовъ умеръ. Врачебная экспертиза установила, что смерть произошла отъ кровоизліянія въ мозгъ, послѣдовавшее вслѣдствіе нанесенныхъ побоевъ. Уѣздный судъ и Палата признали, что Кормалинъ виновенъ въ этой смерти, хотя не имѣлъ умысла на убійство и не могъ предвидѣть послѣдствій наносимыхъ побоевъ, а потому и приговорили его къ тюремному заключенію, а имѣніе подлежащимъ взятію въ опекунское управленіе. Но Сенатъ посмотрѣлъ на дѣло иначе.

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1855 г. № 184.

Установивъ тѣже факты, которые послужили двумъ инстанціямъ къ обвиненію, онъ призналъ, что „все это влечетъ къ сильному подозрѣнію на него, Кормалина, въ причиненіи побоевъ крестьянину Кузьмину“, а потому и опредѣлилъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи.—Объ учрежденіи опеки здѣсь нѣтъ и рѣчи, а сдѣлано лишь распоряженіе о томъ, чтобы крѣпостныхъ людей, которые, бывъ спрошены по дѣлу, показали противъ помѣщика своего, поручить особенному покровительству мѣстнаго начальства для огражденія ихъ отъ преслѣдованія [1]).

Вотъ нѣсколько случаевъ учрежденія надъ имѣніями опекунскаго управленія.

Крестьяне помѣщика Кайсарова постоянно уходили въ праздники, въ свободное отъ работъ время, въ окрестныя деревни для испрошенія себѣ и малолѣтнимъ дѣтямъ хлѣба. Изъ повиновенія помѣщика они не выходили и крайность положенія въ отношеніи недостатка хлѣба нисколько не останавливала отъ господскихъ работъ. Хотя помѣщикъ въ этихъ дѣйствіяхъ крестьянъ находилъ неповиновеніе его власти, но даже, по его собственному объясненію, это неповиновеніе выразилось въ томъ, что одинъ крестьянинъ занимался одинъ только день своею собственною работою, когда по распоряженію помѣщика онъ долженъ былъ отправлять работу господскую. Не смотря на запрещеніе полиціи, крестьяне не переставали являться въ городъ (Касимовъ) и входить съ жалобами о томъ, что, будучи изнурены помѣщикомъ, они пришли въ такое состояніе, что лишились всѣхъ способовъ къ пропитанію, такъ что всѣ почти яровыя поля остались безъ посѣва, а въ слѣдующую осень не надѣятся имѣть средствъ къ посѣву озимаго хлѣба, если помѣщикъ не дастъ хотя малѣйшей имъ льготы. Эти неоднократныя жалобы крестьянъ вынудили генералъ-губернатора командировать на мѣсто чиновника Позднякова для производства изслѣдованія объ образѣ управленія Кайсарова своими крестьянами. И результаты этого изслѣдованія были таковы. Помѣщикъ нещадно наказывалъ крестьянъ палками, розгами, кулаками и отъ отягощенія работами они пришли въ бѣдственное положеніе. Помѣщикъ заставлялъ ихъ вывозить покупной лѣсъ, въ рабочую пору вычищать совсѣмъ безполезное болото, состоящее въ большихъ кочкарникахъ, подъ пашню и сѣнокосъ, рубить еловыя сучья для удобренія земли, каждую зиму посылаетъ въ степь, въ Пензу, за

[1]) Ряз. Угол. Пал. 1847 г. № 1597.

хлѣбомъ, въ Козловскій уѣздъ съ продажнымъ тесомъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, черезъ что послѣдніе доведены до изнуренія, у многихъ въ дорогѣ, по тягости и по неимѣнію корма, лошади пали; на продовольствіе семействъ вынуждены были продавать скотъ, потомъ питались мірскимъ подаяніемъ. Помѣщикъ нещадно избилъ трехъ дворовыхъ дѣвокъ, у крестьянина Григорьева взялъ корову, у Никитина—избу на господскую ригу, дворовымъ людямъ не даетъ ни обуви, ни одежды, ни хлѣба, посылалъ крестьянъ своихъ и самъ при нихъ находился въ постороннюю Шульгинскую дачу „для украдки лѣсу", гдѣ они и были пойманы. По распоряженію генералъ-губернатора имѣніе Кайсарова было взято подъ опеку [1]).

Причины взятія въ опеку имѣнія Есаковой были: по характеру злому и строптивому, Есакова наносила людямъ своимъ побои, чѣмъ попало, ставила на цѣлую ночь къ стѣнѣ, обременяла работами, чѣмъ довела до бѣдственнаго положенія; одну дѣвку, по наказаніи палками, привязала веревками за руку и припечатала къ комоду [2]).

Помѣщикъ Веселкинъ, дурно обращаясь съ крестьянами, навелъ на нихъ такой страхъ, что они всѣ разбѣжались по окольнымъ деревнямъ. Уѣздный предводитель дворянства, узнавъ объ этомъ, дѣлалъ ему внушеніе и предлагалъ перемѣнить образъ своего управленія, но это внушеніе оказалось безполезнымъ, вслѣдствіе чего назначено было формальное изслѣдованіе, которое обнаружило дѣло въ такомъ видѣ. До управленія Веселкина въ имѣніи было 60 душъ съ 250 десятинъ земли. Крестьяне были оброчные, пользовались всею землею и платили оброкъ по 160 руб. асс. съ тягла. Вступивъ въ управленіе, Веселкинъ половину земли у крестьянъ отобралъ, такъ что стало приходиться на тягло 5 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, за что положенъ оброкъ 15 р. с. съ тягла, и кромѣ того столовый припасъ: 1 баранъ, 1 курица, 1 фунтъ коровьяго масла, 10 яицъ. Отобранная земля отдавалась въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ. Помѣщикъ не имѣлъ ни своихъ лошадей, ни экипажей, пользовался крестьянскими, у нѣкоторыхъ отбиралъ лошадей въ собственность и продавалъ ихъ стороннимъ людямъ; бралъ у крестьянъ муку; у одного крестьянина, перечисливъ въ дворовые, разобралъ избу, которая пошла подъ вы-

---

[1]) Дѣло Канц. Губер. 1821 г. № 385.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1852 г. № 351.

стройку господскаго дома. За жалобу на это распоряженіе крестьянина жестоко наказалъ розгами. Жизнь помѣщикъ велъ нетрезвую, въ пьяномъ видѣ билъ крестьянъ, собиралъ къ себѣ въ домъ бабъ и дѣвокъ, поилъ ихъ водкою до опьяненія, прелюбодѣйствовалъ съ ними, приказывалъ приводить къ себѣ несовершеннолѣтнихъ дѣвокъ, билъ за неисполненіе этого приказанія жестоко, и кулаками, и арапникомъ. Двороваго человѣка, Петрова, заставилъ купаться въ колодезѣ, а за неисполненіе этого жестоко наказалъ, взялъ у него избу и дворъ и продалъ одну десятину ржи. Несмотря на все это, крестьяне были смирны, поведенія хорошаго, неповиновенія помѣщику не оказывали. Въ этомъ дѣлѣ было обнаружено полное согласіе властей при взятіи имѣнія въ опеку [1]).

Въ томъ же 1859 г. отдано въ опеку имѣніе Ерина. Крестьяне его деревни Земской, Касимовскаго уѣзда, имѣли земли по 2 дес. въ полѣ на тягло, самаго дурнаго качества, и сверхъ того накашивали въ свою пользу сѣна по одному возу на тягло, за что платили оброкъ 15 руб. съ тягла, или 7 руб. 50 к. съ души, и, кромѣ того, отправляли барщину неопредѣленно и произвольно, обременительную подводную повинность, и съ каждой бабы по 4 арш. холста. Это довело крестьянъ до совершеннаго обнищанія, особенно по неимѣнію никакихъ угодій и неумѣренными поборами. Осмотръ крестьянскихъ построекъ и хозяйства показалъ, что только 4—5 семействъ живутъ въ нѣкоторомъ довольствѣ, прочіе же крестьяне помѣщаются въ избахъ совершенно ветхихъ и значительно нуждаются въ рабочемъ скотѣ, а нѣкоторые вынуждены даже побираться. Крестьянинъ Дмитріевъ, 55 лѣтъ, имѣвшій 5 человѣкъ дѣтей, изнуренъ произвольною барщиною до того, что не имѣлъ времени работать на себя, а потому сенью и зимой принужденъ былъ для пропитанія своего просить съ дѣтьми милостыню. Онъ одѣвался въ ветхую и изорваную свиту, которая составляла его единственную одежду зимою и лѣтомъ.—Положеніе крестьянъ другихъ деревень.—Былиной, Чашиной, Голышевой и Ильиной также стѣснительно. Земли около 1 дес. въ полѣ и кромѣ того накашиваютъ сѣна отъ 5 до 12 возовъ на тягло, пользуются топливомъ изъ барскаго лѣса, за что платятъ оброку 18 руб. сер. съ тягла и отправляютъ натуральныя повинности—работы на барщинѣ въ теченіи всего лѣта по два дня въ недѣлю, рубка и возка

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 4.

4 куб. саж. дровъ, столовый припасъ съ тягла $1/2$ барана, 2 фун. масла, 10 яицъ, 2 цыпленка, 10 арш. холста, 4 тальки и 75 коп. за свинину; нѣкоторые крестьяне, имѣвшіе 60 и болѣе лѣтъ, продолжають нести на себѣ $1/2$ тягла, а иногда и цѣлое тягло. Многихъ крестьянъ Еринъ изнуряетъ работою на барщинѣ сверхъ положеннаго числа дней, а также заставляетъ работать на кирпичномъ заводѣ, или вовсе не зачитая этихъ работъ въ счетъ платимаго ими оброка, или зачитая самую ничтожную; затрудняетъ промыслы крестьянъ невыдачею имъ паспортовъ, такъ что крестьяне лишены средствъ добывать деньги на уплату оброка. Дѣлаетъ и другіе сборы—гречихой и сѣномъ. Обращеніе съ крестьянами жестокое, нѣтъ почти ни одного крестьянина, который не былъ бы битъ или сѣченъ. Сѣкли крапивою, розгами, кнутомъ и палками, иногда вслѣдствіе самыхъ ничтожныхъ причинъ. Крестьянинъ Климовъ наказанъ за то, что не въ тотъ лѣсъ ѣздилъ за лучиной; крестьянка Лукьянова жестоко наказана кнутомъ за то, что не умѣла справиться съ лошадью; крестьянинъ Платоновъ приведенъ бурмистромъ къ Ерину съ жалобою, что не уплатилъ оброкъ. Еринъ, предварительно избивъ Платонова кулаками, приказалъ сѣчь его ременнымъ кнутомъ. Сѣкъ кучеръ Ерина, который отъ испуга даже не помнитъ, сколько дано ударовъ, не менѣе 150. Платоновъ при началѣ сѣченія кричалъ и просилъ помилованія, потомъ уже замолчалъ и „лежалъ какъ колода". Во время сѣченія Еринъ повторялъ—„рѣже" и выкурилъ три трубки, по окончаніи же бурмистръ велѣлъ Платонову поклониться барину въ ноги и поцѣловать у него сапогъ, что и было исполнено. Послѣ того Платонова привязали къ колесу корьевой толчеи на кожевенномъ заводѣ и отвязали нѣсколько дней спустя, лишь вслѣдствіе настояній хозяина завода. Крестьяне Макаровъ и Ивановъ тоже были наказаны. Надо замѣтить, что имѣніе Ерина ранѣе было въ опекѣ, по снятіи ея Еринъ вызвалъ до 30 крестьянъ и спросилъ Макарова: „кто его назначилъ старостой? „Міръ, батюшка", отвѣчалъ тотъ. За это Еринъ началъ его бить и таскать за бороду, вырвавъ полбороды. Макаровъ въ безпамятствѣ упалъ, а Еринъ продолжалъ рвать у него бороду. Отъ этого наказанія Макаровъ не могъ 4 недѣли глотать слюну; Иванова же неизвѣстно за что билъ по лицу и когда онъ упалъ на колѣни, то началъ таскать за волосы и рвать бороду, такъ что Ивановъ былъ весь въ крови и въ синякахъ. Крестьяне Александровъ, Евсѣевъ и Корнѣевъ ходили жаловаться на Ерина уѣздному предводителю на притѣсненіе ихъ, вслѣдствіе требова-

нія излишне по 50 пуд. сѣна съ тягла, сверхъ обычныхъ натуральныхъ повинностей; за это они были наказаны розгами и палками такъ жестоко, что „нечаяли быть живы". По словамъ присутствовавшихъ при этомъ, они подобнаго наказанія никогда не видывали, оно происходило въ обѣденную пору: „шли мы обѣдать—ихъ наказывали, и пообѣдали мы—а ихъ все били; крикъ былъ страшный". При этомъ наказаніи присутствовалъ самъ помѣщикъ.—Дѣло началось вслѣдствіе отношенія Касимовскаго уѣзднаго предводителя къ губернатору о жестокомъ обращеніи Ерина съ своими крестьянами. Губернаторъ поручилъ произвести слѣдствіе совѣтнику губернскаго правленія совмѣстно съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ; результаты этого слѣдствія обсуждены губернскимъ правленіемъ, которое заключило, что „обнаруженные слѣдствіемъ поступки Ерина принадлежатъ къ тому разряду явленій необузданной жестокости и безпримѣрнаго неистовства, которые въ благоустроенномъ обществѣ терпимы быть не могутъ". Посему слѣдственное дѣло было препровождено въ Депутатское Собраніе, которое и постановило подвергнуть имѣніе опекунскому завѣдыванію [1]).

У помѣщиковъ Серебряковыхъ было 30 душъ крестьянъ, изъ которыхъ 15 человѣкъ дворовыхъ, а остальные составляли 8 тяглъ, земли у крестьянъ было по 1 дес. въ полѣ, всего 3 дес. на тягло, господской земли было 2 десятины въ полѣ, итого 6 дес. Кромѣ полевой земли крестьяне имѣли небольшіе огороды при дворахъ и покосы на болотѣ. Оброкъ полагался 20 рублей съ тягла, но увеличивался самовольно до 100 руб. Сверхъ оброка крестьяне обрабатывали 6 дес. господской земли и небольшой господскій огородъ безплатно, платили подушные и повинности какъ какъ за себя, такъ и за 15 человѣкъ дворовыхъ. Столовый припасъ полагался съ тягла 1/2 барана, 2 курицы, 10 яицъ и 20 аршинъ холста, не считая овощей. Сверхъ всего положеннаго, по власти помѣщика, Серебряковы брали у крестьянъ все, что вздумается, отбирали у крестьянъ хлѣбъ, картофель и пр. съѣстные припасы, помѣщикъ ходилъ по огородамъ крестьянъ, копалъ картофель, крупный отбиралъ себѣ, а мелкій бросалъ; также рѣзалъ капусту и выбиралъ себѣ большіе и твердые качаны, а прочіе отбрасывалъ, въ случаѣ же недачи крестьянами—билъ ихъ. Продавалъ скотину, „и сколько ему не давай, все мало", такъ что

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 15.

неизвѣстно, какъ крестьяне достаютъ ему оброкъ. У одного отобралъ двухъ лошадей, держитъ у себя и ѣздитъ на нихъ; у другаго 4 коровы. Хотя оброкъ полагается не слишкомъ отяготительный, но помѣщикъ сверхъ положеннаго беретъ съ крестьянъ и деньгами, и продуктами. Крестьянъ отдаетъ въ заработки, за кои деньги получаетъ самъ въ свою пользу. Закончилось такое управленіе убійствомъ крестьянина Григорьева. Хотя послѣдній уплатилъ оброкъ сполна, помѣщикъ требовалъ уплаты будущаго оброка, а до уплаты не велѣлъ ему съ своего поля возить овесъ. Когда Григорьевъ овесъ вывезъ, Серебряковъ позвалъ старосту и отправился на гумно Григорьева, гдѣ отсчитавъ его сначала арапникомъ, велѣлъ старостѣ бить, а когда Григорьевъ началъ защищаться, то произошла драка; Серебряковъ созвалъ народъ, велѣлъ билъ Григорьева до смерти, говоря, что онъ будетъ въ отвѣтѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Григорьева убили. Серебряковъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, а имѣніе его взято въ опеку [1]).

Помѣщикъ Давыдовъ имѣлъ у себя 5 дворовыхъ дѣвокъ, которыхъ каждую ночь бралъ поочереди для прелюбодѣянія, а такъ какъ онъ былъ уже старъ, то прибѣгалъ къ такимъ формамъ разврата, описывать кои просто—омерзительно. Онъ постоянно находился въ нетрезвомъ видѣ, съ крестьянами своими обращался очень дурно, изнурялъ ихъ работами, такъ что всѣ они, ежедневно бывали на господской работѣ, неисключая даже воскресныхъ и прадничныхъ дней и не имѣя для себя нисколько земли для посѣва хлѣба, но даже конопли для нижняго платья, и получая отъ владѣльца на 5 душъ 5 мѣръ ржи, и болѣе ничего. Имѣніе взято въ опеку [2]).

Въ началѣ послѣдствія опекунскаго управленія парализировались тѣмъ, что помѣщики, проживая въ своихъ деревняхъ, не были лишены возможности фактически угнетать крестьянъ своихъ.—Имѣніе помѣщиковъ Польскихъ за жестокое обращеніе съ крестьянами было взято въ опеку. Польскіе оставались жить въ своей усадьбѣ, служили имъ дворовые люди, которыхъ они и наказывали. Опекунъ Готовицкій предлагалъ Польскимъ удерживаться отъ сего, присылать крестьянъ для наказанія къ нему; но когда это распоряженіе не подѣйствовало, донесъ опекѣ и губерн-

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 15.

[2]) Дѣло Клнц. Губерн. 1857 г. № 4.

скому правленію, которое и предписало сдѣлать распоряженіе къ отнятію всѣхъ способовъ у Польскихъ дѣлать наказаніе людямъ своимъ [1]).

Въ 1829 году вышелъ законъ, коимъ воспрещалось личное пребываніе въ имѣніи такихъ помѣщиковъ, имѣнія коихъ взяты въ опеку за злоупотребленіе помѣщичьею властью [2]). Въ 1842 состоялось распоряженіе, по коему владѣльцамъ, имѣнія коихъ отданы въ опеку за жестокость, не дозволено имѣть у себя въ услуженіи крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей, [3]) а по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1853 г., вмѣнено въ обязанность начальникамъ губерніи, по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства, помѣщиковъ, обвиняемыхъ въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостными людьми, вызывать въ губернскій городъ на жительство, впредь до окончанія объ нихъ дѣлъ [4]).

Но если учрежденіемъ опеки власть помѣшика дѣйствительно ограничивалась и его беззаконнымъ дѣйствіямъ полагался предѣлъ, то едвали можно сказать, чтобы крестьяне настолько же выигрывали, чтобы настолько же облегчалась ихъ судьба. Въ конечномъ результатѣ взятіе имѣнія помѣщика въ опекунское завѣдываніе было только невыгодно для обѣихъ сторонъ,—и для помѣщика, и для его крестьянъ. Для помѣщика это было невыгодно тѣмъ, что лишало его почти всѣхъ средствъ къ существованію, для крестьянъ—тѣмъ, что ихъ матеріальное положеніе не облегчалось, они выигрывали развѣ только въ отношеніяхъ личныхъ. Конечно, здѣсь виноватъ не законъ, а исполнители его, опекуны, тѣмъ не менѣе, крестьяне, кормившіе прежде одного помѣщика, съ назначеніемъ опеки, должны были кормить покрайней мѣрѣ двухъ. Было взято въ опеку имѣніе Поздняковой, обвиненной—1) въ жестокихъ наказаніяхъ людей; 2) во взятіи съ крестьянъ денегъ за выдаваемые паспорты и за освобожденіе ихъ отъ рекрутской повинности; 3) за принужденіе крестьянскихъ женокъ имѣть блудъ съ ея мужемъ; 4) въ дозволеніи распоряжаться въ имѣніи своемъ безъ законной довѣренности одному канцеляристу, употребившему довѣріе это во зло; 5) за разграбленіе имущества одного крестьянина [5]). Со взятіемъ имѣнія въ опеку,

---

[1]) Дѣло Канц. Генер.-Губерн. 1824 г. № 619.
[2]) Полн. Собр. Зак. 1829 г. № 27233.
[3]) Полн. Собр. Зак. 1842 г. № 16388.
[4]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 14.
[5]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 5.

крестьяне, бывшіе на оброкѣ, перестали его платить, такъ что имѣніе за неплатежъ долга было подвергнуто описи [1]).—Вслѣдствіе донесенія Касимовскаго уѣзднаго предводителя дворянства о томъ, что кн. Максутова обременяетъ крестьянъ своихъ излишними оброками, генералъ-губернаторъ предписалъ ему сдѣлать помѣщицѣ внушеніе; когда же это внушеиіе не подѣйствовало и крестьяне не были облегчены въ оброкахъ, генералъ-губернаторъ распорядился взятіемъ имѣнія въ опеку, и съ этихъ поръ кн. Мансутова, получавшая доселѣ нѣсколько тысячъ рублей годоваго дохода,—перестала получать что либо и, несмотря на безконечную переписку, такое положеніе прадолжалось три года, до тѣхъ поръ, пока помѣщица умерла, имѣніе поступило къ ея наслѣдникамъ и опека была снята [2]).—Имѣніе Логинова за казенное взысканіе, было временно взято въ казенное вѣдомство. Опекунами назначеныСеменовъ, Венюковъ и Трубниковъ, изъ коихъ первый дѣлалъ разные поборы, собиралъ деньги и не вносилъ ихъ въ казну, а когда по жалобѣ крестьянъ Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло, то была обнаружена растрата. Дѣло однако тянулось такъ долго, что злоупотребленія Семенова по должности опекуна покрывались манифестомъ, а имѣніе было вновь возвращено владѣльцу. Тогда Палата заключила: деньги съ Семенова не взыскивать, предоставивъ это самому Логинову. Такое рѣшеніе вызвало „голосъ“ предсѣдателя Палаты Кошелева, который полагалъ деньги взыскать и отослать на покрытіе казеннаго долга. По этому „голосу“ присутствующіе имѣли диспутъ, послѣ котораго предсѣдатель остался при своемъ голосѣ, а совѣтникъ (Коноплинъ) и засѣдатели (дворянскіе—Вердеревскій и Ржевскій, купеческіе—Меркуловъ и Живаго) при подписанномъ ими потому дѣлу опредѣленіи. Губернаторъ присоединился къ мнѣнію предсѣдателя и представилъ все дѣло въ Сенатъ, который рѣшилъ согласно мнѣнію губернатора [3]).

Рядомъ съ описаннымъ нелишне будетъ указать еще на одно дѣло о возбужденіи вопроса о взятіи имѣнія въ опеку, дѣла выдающагося по своей исключительности [4]). Событіе, послужившее поводомъ къ возбужденію дѣла въ обычномъ порядкѣ, не пред-

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1859 г. № 283.
[2]) Дѣло Канц. Генер.-Губ. 1821 г. № 389.
[3]) Дѣло Ряз. Уголов. Палаты 1802 г. № 14.
[4]) Дѣло описано въ Труд. Ряз. арх. ком. 1888 г. вып. 7, стр. 135—137.

ставляло ничего особеннаго, даже не представляло никакого дѣла, а между тѣмъ при крѣпостныхъ отношеніяхъ оно породило два производства, одно—о неповиновеніи крестьянъ своему помѣщику и объ оскорбленіи послѣдняго, другое—обвиненіе помѣщика въ жестокомъ обращеніи съ своими крестьянами и о взятіи имѣнія въ опеку.

Въ 1857 году, въ имѣніи помѣщика Жилинскаго случилось событіе, которое поставило всѣхъ въ большое недоумѣніе, крестьяне, на обращенный къ нимъ вопросъ: что такое у васъ случилось? отвѣчали—не знаемъ, посмотрите сами. Канцеляристы были крайне озабочены тѣмъ, какъ озаглавить возникшее канцелярское дѣло и, вѣроятно, послѣ долгихъ размышленій порѣшили дать ему названіе:—„Дѣло о произшествіи въ дер. Островкахъ между помѣщикомъ Жилинскимъ и его крестьянами". Дѣло это надѣлало много безпокойствъ не только уѣздной администраціи, но и губернской, такъ какъ губернаторъ возбудилъ о дѣйствіяхъ помѣщика слѣдствіе, которое изъ губернскаго правленія было передано въ дворянское депутатское собраніе для рѣшенія вопроса о взятіи имѣнія въ опеку, сдѣлавъ распоряженіе о высылкѣ помѣщика на время производства слѣдствія изъ имѣнія въ Рязань, и сообщилъ объ этомъ дѣлѣ министру внутреннихъ дѣлъ. Крестьяне были люди тихіе, покорные, исполнительные, они не сдѣлали помѣщику никакого насилія, не оказали никакого ослушанія, ничѣмъ невыразили неповиновенія его помѣщичьей власти. Помѣщикъ съ своей стороны былъ человѣкъ добрый, обходительный, не притязательный, даже слабый; онъ ничѣмъ не обнаружилъ стѣсненія крестьянъ въ работахъ, оброкахъ и повинностяхъ, не высказалъ жестокаго обращенія съ ними. Повидимому, все благопріятствовало тому, чтобы въ имѣніи царило невозмутимое спокойствіе, тишина и порядокъ, и тѣмъ не менѣе случилось надѣлавшее всѣмъ столько хлопотъ и безпокойствъ—*произшествіе*.

Въ деревнѣ Островкахъ у Жилинскаго было 335 ревизскихъ муж. пола душъ, составлявшихъ 150 тяглъ; въ пользованіи крестьянъ находилась вся господская земля, количествомъ 3485 дес. Крестьяне были оброчные, уплачивая въ годъ съ тягла по 75 руб. ассигнац. Господской запашки не было; вообще, крестьяне были хорошо устроены, занимались отхожими промыслами на Дону, но нѣкоторые изъ нихъ, при всѣхъ льготахъ, перестали платить оброкъ. Помѣщикъ хотѣлъ пріискать имъ какія нибудь работы на мѣстѣ, на ихъ же собственной землѣ, для заработка недоимокъ въ оброкъ;

онъ предлагалъ завести посѣвъ тимофѣевки, прорытіе канавъ, давалъ на это собственныя деньги,—но крестьяне не соглашались, опасаясь, чтобы это непослужило началомъ къ заведенію барской запашки, въ устраненіе чего, они добровольно согласились увеличить свои повинности, въ видѣ столоваго запаса на время пребыванія помѣщика въ имѣніи, именно: съ тягла возъ сѣна, полчетверти овса, двѣ мѣры ржи, мѣру гречи, одну курицу и десять яицъ. Но запасъ этотъ доставлялся неаккуратно, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ постоянно въ имѣніи не жилъ, а пріѣзжалъ туда не на долго, раза два въ годъ. Помѣщикъ впослѣдствіи уже самъ опредѣлилъ столовый запасъ—съ пяти тяглъ одного барана и по двѣ курицы. Такимъ образомъ, съ имущественной стороны не только небыло никакого стѣсненія крестьянъ помѣщикомъ, но они пользовались даже достаточною обезпеченностью. Со стороны личной, при мягкости помѣщика, при постоянномъ почти отсутствіи его изъ имѣнія, при мірскомъ управленіи,—крестьяне также не могли терпѣть какихъ либо неудобствъ, или несправедливости. Отлучка по паспортамъ была совершенно свободная, такъ что крестьяне, жившіе на сторонѣ, въ сущности и не могли испытывать надъ собой тяготы помѣщичьей власти. Слабость ея видна, напримѣръ, изъ того, что разъ, прогнѣвавшись на одного крестьянина за какое-то ослушаніе, помѣщикъ ограничилъ наказаніе тѣмъ, что на веревочкѣ привелъ виновнаго на дворъ и привязалъ къ воротамъ. Другой разъ, въ день описываемаго событія, вздумалъ наказать одного крестьянина розгами, приказалъ принести ихъ старостѣ; но послѣдній отвѣтилъ барину: „я немогу принести розогъ“. Въ это время міръ зашумѣлъ и закричалъ: „не за что, не нужно, Павелъ Кондратьевичъ“! И баринъ не настаивалъ, какъ будто это такъ и быть должно.

Былъ однако у барина одинъ грѣшокъ—это слабость къ женскому полу, и хотя по возникновеніи дѣла онъ отрицалъ свою вину, ссылаясь на лѣта (ему было тогда 63 года) и изъявлялъ даже желаніе подвергнуть себя медицинскому освидѣтельствованію,—но увѣреніе его было далеко отъ истины, такъ какъ по слѣдствію масса женщинъ настойчиво уличила его въ самыхъ близкихъ къ нимъ отношеніяхъ, съ указаніемъ при томъ всѣхъ подробностей дѣла, т. е. гдѣ, когда и при какой обстановкѣ совершилось любовное свиданіе, при томъ, нѣкоторыя изъ нихъ представили и вещественное доказательство—прижитыхъ отъ бывшей связи дѣтей. Въ тоже время, едвали согласно съ истиной увѣреніе обли-

чительницъ въ томъ, что онѣ вовлечены были въ грѣхъ насильственно, помимо согласія ихъ, „варварскою силою помѣщика", такъ какъ здѣсь ссылка Жилинскаго на свои года дѣйствительно могла имѣть мѣсто, да кромѣ того, связи его съ женщинами не были мимолетны, а продолжались болѣе или менѣе продолжительное время, возобновлялись послѣ нѣкотораго перерыва. Наконецъ, едва ли вѣрно данное ранѣе Жилинскимъ объясненіе о томъ, что связи происходили добровольно, такъ какъ это мало сообразовалось со всѣми обстоятельствами дѣла. Болѣе правдоподобнымъ слѣдуетъ признать существованіе этихъ связей при внутреннемъ нравственномъ насиліи, въ которомъ первенствующее значеніе имѣла помѣщичья власть, а побочное—обѣщаніе какихъ либо имущественныхъ выгодъ.

Ко времени описываемаго происшествія положеніе вещей представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Крестьяне постарше, имѣвшіе главнымъ образомъ въ виду матеріальные расчеты, и въ тоже время не претерпѣвавшіе отъ любовныхъ похожденій помѣщика, видя, что предположеніе ихъ о переходѣ на барщину не оправдалось, рѣшили, что, увеличивъ добровольно свои повинности помѣщику, они сдѣлали крупную ошибку. Крестьяне помоложе, бывши часто въ отлучкахъ, возвращаясь изъ нихъ, вѣроятно, имѣли возможность убѣдиться въ невѣрности своихъ женъ; а послѣднимъ ничего болѣе не оставалось, какъ въ оправданіе себя свалить всю вину на помѣщика, какъ ту вину, которая дѣйствительно была его, такъ быть можетъ и ту, которой онъ былъ непричастенъ. Такимъ образомъ, среди всего общества были стремленія двоякаго рода: добиться уменьшенія повинностей и прекращенія любовныхъ похожденій барина.

Въ такомъ настроеніи, крестьяне пришли къ барину платить оброкъ. Сначала выступили впередъ старики съ просьбою о сбавкѣ повинностей; помѣщикъ немедленно на это согласился, высказавъ между прочимъ: „Я столбовой дворянинъ, вашъ отецъ, могу награждать и наказывать".

На эти слова выступили молодые крестьяне и заявили помѣщику: „если ты нашъ отецъ, любишь насъ какъ дѣтей, то зачѣмъ разлучаешь нашъ законъ? Ты воленъ надъ нами въ податяхъ и во всякихъ повинностяхъ, но не воленъ брать женъ нашихъ насильно, чтобы разлучать законъ нашъ".

„Кто это вамъ сказалъ?—спросилъ баринъ; это неправда призовите вашихъ женъ и спросите ихъ".

Послали за женщинами; тѣ явились и на вопросъ барина: „грѣшилъ ли я съ вами?“ начали уличать его, указывая подробно, гдѣ и какъ все происходило. Въ заключеніе нѣкоторыя женщины поднесли къ нему дѣтей, говоря, что это его дѣти.

„Когда мои, такъ дайте ихъ мнѣ“, сказалъ помѣщикъ.

Но на этотъ вызовъ охотницъ не нашлось.

„Ну, что ужъ, если былъ грѣхъ, то по волѣ“, продолжалъ онъ.

Раздались съ разныхъ сторонъ опроверженія:

— Неправда, ты насъ тиранилъ и заставлялъ къ этому насильно!.

„Молчите, бабочки, прервалъ ихъ Жилинскій, и вы, мужики, молчите, я вамъ дамъ вольную“.

— Ненадо намъ твоей вольной, закричали они, не жалуй насъ въ генералы, а только не разлучай нашъ законъ.

Объясненія принимали все болѣе и болѣе острый характеръ; помѣщикъ проявлялъ несомнѣнные признаки слабости, у крестьянъ вслѣдствіе этого разгоралось чувство недовольства. Наконецъ, крестьяне „начали слишкомъ выражаться вольно и подходить къ помѣщику“: послѣдній же, отъ напора толпы, сталъ отступать во внутренніе покои и очутился въ комнатѣ, гдѣ было ружье. При видѣ его, очевидно, у Жилинскаго возникла мысль какъ о томъ, что крестьяне могутъ его обидѣть, такъ и о томъ, что, взявши ружье въ руки, онъ можетъ произвести на нихъ нѣкоторое нравственное воздѣйствіе, стрѣлять же въ крестьянъ ему и не приходило въ голову, ибо это не вызывалось никакою необходимостью. Крестьяне же, увидя барина вооруженнымъ, вначалѣ оробѣли, а затѣмъ, съ цѣлію охраненія своей жизни, бросились къ помѣщику и схватились за стволъ ружья, въ расчетѣ помѣшать выстрѣлу. Затѣмъ, очнувшись, крестьяне увидѣли, что они въ своемъ преслѣдованіи слишкомъ далеко зашли, стали пятиться назадъ и повлекли съ собою державшагося за ружье барина до тѣхъ поръ, пока выбрались наконецъ на дворъ. Здѣсь міромъ начали разсуждать о томъ, что такое произошло, и что слѣдуетъ предпринять дальше? Дѣло было въ декабрѣ, въ морозъ; баринъ озябъ, ибо былъ выведенъ безъ шапки, безъ калошъ, безъ верхняго платья, въ томъ видѣ, въ какомъ сидѣлъ дома. Помѣщикъ сталъ просить, чтобы отпустили его въ комнаты, ибо на дворѣ онъ простудится. „Здоровъ, небось не простудишься“!—былъ отвѣтъ. Продержавъ его такимъ образомъ на дворѣ довольно долгое время, міръ рѣшилъ, что лучше запереть барскіе покои, ибо, если барина пустить въ нихъ,

то онъ, пожалуй, что нибудь надъ собою сдѣлаетъ. Рѣшеніе міра немедленно было приведено въ исполненіе: комнаты заперли. Тогда баринъ сталъ просить отправить его въ людскую избу, поставить къ ней караулъ; эта просьба была немедленно исполнена и столбовой дворянинъ оказался добровольно заарестованнымъ своими крестьянами.

Первое время никто не могъ сообразить,—что такое случилось? Помѣщикъ думалъ, что крестьяне предъявляютъ къ нему какія нибудь невысказанныя требованія, а потому онъ сказалъ пришедшему навѣстить его крестьянину:

„Я теперь немогу писать; ты напиши имъ, что будетъ нужно, а я все подпишу“.

Вообще, подъ арестомъ Жилинскій былъ въ благодушномъ настроеніи. Пришелъ навѣстить его крестьянинъ Никита Егоровъ и, когда увидѣлъ, что баринъ живъ и здоровъ, онъ ему поклонился „и вздохнулъ“. Услышавъ вздохъ, баринъ спросилъ Егорова:

„Что ты, Никита, вздыхаешь“?

— Какъ же, баринъ, не вздыхать, отвѣчалъ тотъ, случилась такая аказія.

„Да, Никита, напрасно я сажалъ тебя подъ арестъ, а теперь вотъ самъ сижу“.

Немного погодя, онъ прибавилъ:

„Но я всетаки сижу не такъ, какъ ты, а я трубочку курю“.

Навѣстилъ его другой крестьянинъ Евдокимовъ. Когда онъ вошелъ и поздоровался, баринъ сказалъ:

„Что, братъ, вотъ я подъ карауломъ“.

„Какъ это такъ, баринъ, случилось“? спросилъ Евдокимовъ.

„Что дѣлать, глупъ я“!—отвѣчалъ Жилинскій.

—„Счастливо оставаться, ваше благородіе!“ промолвилъ Евдокимовъ и удалился.

Не менѣе помѣщика растерялись и крестьяне; для разрѣшенія своихъ недоумѣній они обратились къ священникамъ окольныхъ селъ, но здѣсь не нашли помощи. Дали знать становому, который немедленно прибылъ на мѣсто и прежде всего освободилъ изъ подъ ареста помѣщика. Этотъ послѣдній сначала отправился въ становую квартиру, а вскорѣ потомъ счелъ за лучшее совсѣмъ выѣхать изъ имѣнія. Тогда уже крестьяне, очевидно, по внушенію кого либо, подали на помѣщика жалобы уѣздному предводителю дворянства, губернатору и даже архіерею.— Въ жалобѣ послѣднему они указывали множество случаевъ пре-

любодѣйства помѣщика съ ихъ женами, жаловались на то, что онъ „требуетъ женъ и разрушаетъ супружескій законъ", и просили его заступничества. Всѣ эти жалобы повели къ назначенію слѣдствія, результаты котораго разсмотрѣны дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ. Послѣднее нашло, что обремененія крестьянъ работами и повинностями, а равно жестокаго обращенія съ крестьянами нѣтъ; любовная же связь Жилинскаго съ женами крестьянъ недоказана,—а потому и заключило: за отсутствіемъ признаковъ злоупотребленія помѣщичьею властью имѣніе Жилинскаго опекѣ не подвергать [1]).

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1857 г. № 12.

VI. Вольноотпущенные *).

Однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ прекращенія крѣпостнаго состоянія былъ отпускъ крестьянъ на волю. Право помѣщиковъ отпускать крѣпостныхъ на волю было установлено закономъ издавна [1]), а право всѣхъ отпущенныхъ отъ помѣщиковъ съ отпускными на волю „ни за кого незаписываться, а при ревизіи должны они объявить въ какой родъ службы, или въ мѣщанское, или въ купеческое состояніе войтить желаютъ по городамъ"..., обосновано на законѣ 1775 г. [2]). Эти законы опредѣляли право помѣщика отпускать на волю отдѣльныхъ лицъ; право же предоставлять свободу цѣлымъ обществамъ крестьянъ, и при томъ съ надѣленіемъ ихъ землею, впервые установлено закономъ, изданнымъ въ началѣ XIX столѣтія.

Изъ отдѣльныхъ крестьянъ получали отпускныя преимущественно дворовые; такъ какъ они часто, несоставляя для помѣщиковъ какой либо цѣнной рабочей силы, служили довольно тяжелою обузою, въ особенности старики и малолѣтніе, коихъ не только нужно было прокармливать, но и платить за нихъ государственныя повинности. Такое положеніе вызывало въ помѣщикахъ естественное желаніе освободиться отъ излишней тяготы и выдавать отпускныя.

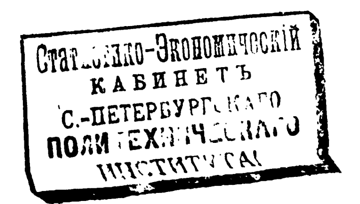
У помѣщика Спекторскаго былъ дворовый человѣкъ Степанъ, 70 лѣтъ, приносившій на господина своего жалобу въ томъ, что тотъ его не кормитъ и не одѣваетъ, а когда онъ, Степанъ, попросился на богомолье, то баринъ предложилъ ему вольную. Степанъ вольную не принялъ, а помѣщикъ его прогналъ. Вслѣдствіе сдѣланнаго предводителемъ дворянства Спекторскому внушенія, послѣдній опять принялъ Степана къ себѣ, съ обязательствомъ давать ему содержаніе.—Въ отпускной, выданной помѣщицею Агаповою въ 1843 г., читаемъ:... какъ я уже прихожу въ слабость здоровьемъ, дворовыхъ людей болѣе при себѣ имѣть не желаю, вознамѣрилась собственную свою дѣвку Марфу Иванову отпустить вѣчно на волю, съ тѣмъ, чтобы отъ меня на

---

*) Напечатано отдѣльною статьей въ Тр. Ряз. арх. Ком. за 1890 г. стр. 130—137.

[1]) Полн. собр. зак. улож. гл. 15, ст. 3, гл. 20, ст. 11, 14, 53; 1704 г. № 1997.

[2]) Тамъ же, 1775 г. № 14275, ст. 46.

пропитаніе и одежду не требовать, а по волѣ ея выдти можетъ въ замужство“ [1]). Въ 1800 году помѣщикъ Гиринъ отпустилъ крѣпостныхъ своихъ, малолѣтнихъ двороваго человѣка Ивана Фомина, да сестру его родную, дѣвку Прасковью, Фомину дочь, вѣчно на волю, съ тѣмъ, гдѣ они жить, или какого рода въ службу вступить, или въ купеческое или мѣщанское состояніе записаться пожелаютъ, въ томъ они вольны; подушныя жъ онъ, Фоминъ, за себя деньги и прочіе государственные поборы долженъ платить до будущей ревизіи самъ, а мнѣ до того платежа дѣла нѣтъ, и впредь мнѣ и наслѣдникамъ моимъ до нихъ, Фоминыхъ, дѣла нѣтъ“ [2]). Въ 1844 г. помѣщица Ключникова отпустила на волю двороваго Герасима Павлова Росликова съ тѣмъ, что обязанъ онъ вносить за себя помѣщицѣ, до новой переписи, для платежа подушныхъ, рекрутскихъ и земскихъ повинностей, ежегодно по 3 руб. сер. [3]). Въ 1834 году ротмистръ Чириковъ отпустилъ на волю крѣпостную дѣвку, сироту Наталію Родіонову, которой было въ то время лишь 12 лѣтъ [4]).

Такимъ образомъ, крѣпостные не всегда находились въ такомъ положеніи, которое во что бы то ни стало требовало измѣненія; нерѣдко, положеніе свободныхъ людей имъ представлялось худшимъ, чѣмъ крѣпостныхъ, а потому они добровольно отказывались выходить изъ крѣпостнаго состоянія. Этотъ народъ (дворовые), говоритъ Заблоцкій-Десятовскій, такъ привыкъ къ беззаботности, что весьма многіе изъ молодыхъ помѣщиковъ, которымъ отцы оставили воспоминаніе о прежней дворянской роскоши, да запутанныя долгами имѣнія, желаютъ освободиться отъ многочисленной дворни и даютъ ей отпускныя, но дворовые не соглашаются идти на волю“ [5]). Вотъ почему, отпуская крестьянъ на волю, помѣщики не всегда могли быть увѣрены въ томъ, что ихъ крѣпостные пожелаютъ воспользоваться предоставляемою имъ свободою. Въ духовномъ завѣщаніи надв. совѣт. Анны Никифоровны Дашковой значится: „завѣщаю, что сынъ мой, послѣ смерти моей при жизни своей, долженъ за меня дать отпускныя вѣчно на волю верховымъ дѣвкамъ моимъ, Авдотьѣ Семеновой и Елизаветѣ Савельевой, ежели пожелаютъ получить оныя; ежели же не пожелаютъ, то оставить

---

[1]) Крѣпостныя книги Ряз. Гражд. Палаты, 1843 г. кн. 5, ст. 180.

[2]) Тамъ же, 1807 г. кн. 5, ст. 7.

[3]) Тамъ же, 1844 г. кн. 4, ст. 61.

[4]) Тамъ же, 1834 г. кн. 5, ст. 29.

[5]) Заблоцкій-Десятовскій: „Графъ Киселевъ и его время“, т. 4, стр. 321.

ихъ жить въ семъ моемъ имѣніи и давать имъ все должное содержаніе [1]).

Другая причина преимущественнаго отпуска на волю дворовыхъ состояла въ томъ, что послѣдніе ближе стояли къ помѣщику и его семьѣ, а потому, хотя съ одной стороны на нихъ рѣже отражались всѣ невзгоды крѣпостнаго состоянія, но за то съ другой—они болѣе имѣли возможности услужить господину своему, войдти къ нему въ довѣріе и получить награду за свою вѣрную службу. Выдача отпускныхъ въ видѣ награды за услуги, оказанныя крѣпостными людьми своимъ помѣщикамъ, встрѣчается довольно часто. Въ 1834 г. помѣщица Виноградова отпустила на волю двороваго человѣка Архипа Михайлова съ женою и дѣтьми, „за особенную ихъ услугу и привязанность" [2]). Подпоручикъ Кобяковъ отпустилъ на волю крѣпостнаго двороваго человѣка Фому Григорьева съ женою его „за тридцатилѣтнюю службу покойнымъ родителямъ его" [3]). 5-го Декабря 1813 г. помѣщикъ Карѣевъ далъ отпускную крѣпостному человѣку Степану Гаврилову съ женою въ томъ, что какъ онъ, Карѣевъ, обремененъ тяжкою болѣзнію, не надѣясь отъ оной воспользоваться, помянутаго человѣка своего съ женою, за ихъ къ нему учиненныя благодѣянія и услуги, отпускаетъ вѣчно, безъ всякаго возврата, на волю, съ тѣмъ, чтобы никто изъ родственниковъ его, какъ въ него, Гаврилова, такъ и жену его, объ крѣпленіи себѣ отнюдь не вступался, но до смерти его быть ему, Гаврилову, въ полномъ повиновеніи, присматривая сколько возможно, а по смерти сію отпускную запись воленъ онъ, Гавриловъ, явить въ гражданскую Палату. Карѣевъ прожилъ недолго, такъ какъ 28 января 1814 г. отпускная была уже явлена [4]). Иногда, услуги крѣпостныхъ были такъ значительны, что помимо отпускной они получали еще особыя награжденія отъ помѣщика. Въ духовномъ завѣщаніи дѣвицы Таптыковой сказано: „домъ отдать моимъ людямъ, которые отпущены на волю, и что въ немъ останется послѣ моей жизни, какъ то: посуду, мебель и все, что только въ домѣ найдется, все имъ предоставляю, даже и платье... Хлѣбъ, какъ въ гумнѣ въ с. Нагинѣ, такъ въ посѣвѣ снять, и въ закромахъ

---

[1]) Крѣп. кн. Ряз. Гражд. Пал. 1831 г., кн. 5, ст. 63.
[2]) Тамъ же, 1834 г. кн. 5, ст. 50.
[3]) Тамъ же, 1835 г. кн. 5, ст. 66.
[4]) Тамъ же, 1814 г. кн. 5, ст. 45.

все отдать людямъ отпущеннымъ мною на волю“ [1]). Въ духовномъ завѣщаніи помѣщицы Терновской значится, что недвижимое имѣніе ея, Рязанскаго уѣзда въ сельцѣ Мордасовѣ, состоящее изъ пахатной земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, съ имѣющимся въ томъ сельцѣ господскимъ, дворовымъ и хоромнымъ надворнымъ строеніемъ, скотомъ, лошадьми и птицею,— предоставляется за вѣрную службу и хорошее поведеніе отпущенному отъ нея вѣчно на волю Лаврентію Васильеву, въ вѣчное и потомственное владѣніе, до котораго имѣнія наслѣдникамъ ея дѣла нѣтъ и нипочему не вступаться; но если кто, сверхъ чаянія ея, станетъ домогаться того и тѣмъ безпокоить прахъ ея, то дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовѣ“ [2]).—Въ 1819 году маіоръ Ладыженскій отпустилъ дворовую дѣвку Анну Осипову „вѣчно на волю съ тѣмъ, чтобъ она при жизни моей находилась при мнѣ, послѣ жъ смерти моей, гдѣ она жить пожелаетъ, наслѣдникамъ моимъ до того дѣла нѣтъ; въ награжденіе жъ ея повелѣваю сыну моему, Ивану Васильевичу Ладыженскому, дать ей денегъ 250 руб...“ [3]).—Въ 1814 г. помѣщикъ Савиновъ отпустилъ дворовую дѣвку Устинью Сергѣеву вѣчно на волю „съ тѣмъ, чтобы до смерти моей ей быть при мнѣ въ моемъ повиновеніи и послушаніи, а по смерти моей ей быть свободною, и тогда уже наслѣдникамъ моимъ до нея дѣла нѣтъ и нипочему не вступаться, а буде же она во время житія своего при мнѣ будетъ оказывать какія либо продерзости, грубости и неповиновеніе, тогда воленъ я сію отпускную, не выдавая ей, уничтожить; если-жъ жизнь свою будетъ (вести) до смерти моей безпорочно, во всемъ ко мнѣ повиновеніи, и сія отпускная не будетъ уничтожена, то по смерти моей получить ей отъ наслѣдниковъ, по мнѣ оставшихся, въ награжденіе изъ доходовъ, съ имѣнія моего собираемыхъ, государственными ассигнаціями 2 тыс. руб.; въ случаѣ жъ невыдачи оныхъ денегъ наслѣдниками, то предоставляется ей, Устиньѣ, таковую сумму взыскать съ имѣнія моего послѣ меня оставшаго“ [4]).

Встрѣчаются награжденія еще болѣе щедрыя, но они едва ли могутъ быть объяснены одними только услугами крестьянъ: здѣсь, по всей вѣроятности, играютъ роль какія либо

---

[1]) Тамъ же, 1830 г. кн. 5, ст. 49.
[2]) Тамъ же, 1831 г. кн. 5, ст. 46.
[3]) Тамъ же, 1819 г. кн. 5 ст. 52.
[4]) Тамъ же, 1814 г. кн. 5, ст. 18.

особыя, тѣсныя отношенія между помѣщикомъ и отпущеннымъ на волю. Въ 1808 г. помѣщикъ Масловъ отпустилъ дворовую дѣвку Авдотью Федорову съ незаконнорожденною дочерью ея, Татьяною, вѣчно на волю, съ награжденіемъ на услугу ея денегъ государственными ассигнаціями 500 руб., да дочери ея въ награжденіе 3 тыс. руб. съ тѣмъ, чтобы до смерти его быть имъ при немъ и въ его совершенномъ повиновеніи, какъ и нынѣ есть, а послѣ смерти, получа тѣ деньги отъ наслѣдниковъ его, быть имъ свободными, и тогда уже наслѣдникамъ его до нихъ дѣла нѣтъ, нипочему не вступаться и отчетовъ никакихъ, ни въ чемъ отъ нея не требовать" [1]).—Духовнымъ завѣщаніемъ помѣщикъ Ивановъ оставилъ „на содержаніе бѣдной, отпущенной имъ на волю женщинѣ, Марьѣ Мартыновой, по смерть ея 6 тыс. руб.". Въ данномъ случаѣ, Мартынова пользовалась особымъ довѣріемъ завѣщателя, что и подтверждается послѣдующимъ изложеніемъ духовнаго завѣщанія. „Женщинѣ, довѣрительницѣ моей, Марьѣ Мартыновой", говорится въ немъ, „и вдовѣ, отпущенной мною на свободу, которую просилъ я, чтобы по смерти моей, въ жизни ея дѣлала она по грѣшной моей душѣ поминовеніе каждую субботу, а въ дни ангела моего, 1 числа ноября, нанимать по мнѣ служить литургію, въ праздничные дни подавать записочки на проскомидіи и также въ каждомъ мѣсяцѣ нанимать служить по субботамъ панихиды, и въ жизни ея каждый день подавать нищей братіи денежную милостыну, гдѣ бы она не увидѣла, или бы кто подошелъ изъ бѣдныхъ къ окну, въ чемъ она охотно согласилась, за сдѣланную ей мною милость, отдавая себя за неисполненіе суду Божію, почему я ей и довѣрилъ, а потому и прошу исполнителя сего завѣщанія дать ей, для полезнаго души моей блага, изъ первыхъ, полученныхъ изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія 16 тысячъ рублей, 3 тыс. руб., ибо мнѣ, по одиночеству моему, кромѣ ея, положиться не на кого" [2]).—Вѣроятно, такими же особыми отношеніями объясняется отпускъ на волю прапорщикомъ Константиномъ Сергѣевымъ Огаревымъ крѣпостнаго его двороваго сироту, 11 л. Иринарха Константинова Горева. Отпускная выдана въ томъ, что Гореву предоставлена отъ крѣпостнаго права вѣчная свобода и сверхъ того до совершеннаго возраста желаніе со стороны Огарева „воспитывать его

---

[1]) **Тамъ же, 1808 г. кн. 5, ст. 63.**

[2]) **Тамъ же, 1835 г. кн. 5, ст. 59.**

и даже образовывать въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ на свой счетъ, когда же достигнетъ онъ совершеннаго возраста, въ который долженъ избрать родъ жизни или службу, то сіе останется уже на его волю", ему же, Огареву, и наслѣдникамъ его до него, Горева, дѣла нѣтъ и нипочему не вступаться" [1]).

Наконецъ, была и еще причина преимущественнаго отпуска на волю дворовыхъ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ мотивовъ отпуска на волю крѣпостныхъ, какъ сейчасъ будетъ указано, служилъ выкупъ. Но крестьяне, сидящіе на землѣ, въ массѣ были очень бѣдны; дворовые же, какъ стоящіе близко къ помѣщику, имѣли болѣе возможности пріобрѣсти около него необходимыя для выкупа средства, и чѣмъ богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ эти средства пріобрѣтались легче, и, конечно, были значительнѣе.

Какъ сейчасъ указано, и для дворовыхъ и, главнымъ образомъ, для крестьянъ, сидящихъ на землѣ, однимъ изъ главныхъ поводовъ отпуска ихъ на волю служилъ выкупъ. Однако, въ отпускныхъ актахъ, писанныхъ до 1840 г., совсѣмъ не встрѣчается указаній на то, чтобы отпускаемые на волю уплачивали помѣщику какія либо выкупныя деньги. Но изъ этого обстоятельства едва ли правильно будетъ заключить, что отпускъ на волю во всѣхъ случаяхъ былъ безмездный. Крестьянинъ, пока онъ несъ тягло, представлялъ для помѣщика весьма цѣнную рабочую силу; равнымъ образомъ и дворовый часто, а когда онъ былъ обученъ какому либо мастерству почти всегда, представлялъ для помѣщика извѣстную цѣнность, лишиться которой добровольно, безъ замѣны ея другою цѣнностью, могъ не всякій: безмездный отпускъ причинялъ бы помѣщику явный матеріальный ущербъ, который былъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ средства его были ограниченнѣе. Этотъ ущербъ былъ еще болѣе чувствителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ долженъ былъ платить за отпускаемыхъ на волю деньги, вслѣдствіе залога ихъ въ кредитныхъ установленіяхъ, безъ чего и самый отпускъ на волю былъ невозможенъ [2]). Въ 1831 году подпоручица Трубникова выдала двѣ отпускныя на крестьянъ своихъ, Феоктиста и Федора Кузьминыхъ и Козьму Афанасьева съ женою и дѣтьми, при чемъ въ отпускныхъ актахъ

---

[1]) Тамъ-же, 1851 г. кн. 4, ст. 117.

[2]) По закону, въ заложенныхъ имѣніяхъ дозволялось помѣщикамъ отпускать на волю, безъ взноса выкупныхъ денегъ и безъ испрошенія предварительнаго согласія кредитнаго учрежденія, не свыше 10% общаго числа душъ, состоявшихъ въ залогѣ (Полн. Собр. Зак. 1844 г. № 17985; 1847 г. № 21081).

сказано: „хотя оные мои крестьяне и заложены въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, но причитающіяся деньги для выкупа ихъ отъ меня, съ согласія онаго Совѣта на выкупъ ихъ, уже отправлены" [1]). Трудно допустить, конечно, кромѣ особыхъ, исключительныхъ случаевъ, чтобы подобныя деньги уплачивались помѣщиками, а не крестьянами.—Въ 1833 г. подполковница Алабина отпустила вѣчно на волю крестьянъ своихъ, всего 6 ревизскихъ душъ, съ женами и дѣтьми ихъ, составившихъ 19 наличныхъ обоего пола душъ съ тѣмъ, что „вольны они посемейно или порознь записаться въ такой родъ жизни, въ какой пожелаютъ" [2]). Такой крупный отпускъ сразу шести семействъ едва ли могъ быть безмезднымъ; болѣе вѣроятія предположить, что крестьяне выкупились у помѣщицы и вышли на волю безъ земли. Еще болѣе значительнымъ представляется отпускъ на волю совершенный въ 1840 г. помѣщикомъ Иваномъ Ивановичемъ Барыковымъ, семейства крестьянина его Кирила Григорьева Можарова, состоявшаго изъ тридцати наличныхъ обоего пола душъ [3]). Правда, Барыковъ былъ на столько богатъ, что безмездный отпускъ въ данномъ случаѣ не представлялъ ничего невозможнаго; но и Можаровъ не былъ такъ бѣденъ, чтобы не въ состояніи заплатить помѣщику приличное вознагражденіе за добытую свободу: получивъ 13 октября 1840 г. отпускную, въ слѣдующемъ 1841 г. онъ былъ уже первой гильдіи купцомъ, и 6 октября того же года купилъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ землю, заплативъ за нее 14285 р. сереб. [4]). Поэтому болѣе вѣроятнымъ будетъ предположеніе, что о выкупныхъ деньгахъ не упоминалось въ отпускныхъ актахъ вслѣдствіе обычая; быть можетъ это считалось не совсѣмъ приличнымъ, не по дворянски. Предположеніе, что помѣщики при отпускѣ на волю въ описываемое время брали иногда выкупныя деньги, находитъ себѣ подтвержденіе въ духовномъ завѣщаніи Мерчанской, въ коемъ, между прочимъ, выражено: „дѣвушекъ моихъ горничныхъ, Пелагею Артамонову и Александру Тихонову, отдаю дочери моей, Анастасіи, только съ тѣмъ, что ежели до совершеннолѣтія ея представится имъ случай выдти замужъ, или родные пожелаютъ ихъ выкупить на волю, то тебѣ, другъ мой Василій Федоровичъ, предоставляю полное право выдать на сей

---

[1]) Крѣп. кн. Ряз. гражд. пал. 1832 г. кн. 5, ст. 7, 8.
[2]) Тамъ же 1833 г. кн. 5, ст. 1.
[3]) Тамъ же 1840 г. кн. 5, ст. 92.
[4]) Тамъ же 1841 г., кн. 2, ст. 170.

предметъ нужныя бумаги, т. е. крѣпость или отпускную“ [1]). Какъ бы то ни было, но съ 1841 г. встрѣчаются уже положительныя указанія на то, что отпускаемые на волю уплачивали помѣщикамъ своимъ выкупныя деньги. Такъ, 17 сентября этого года поручица Мясоѣдова отпустила на волю крестьянина своего Лаврентія Архипова Голованова и жену его Авдотью, „съ полученіемъ съ онаго Архипова денегъ серебромъ 57 руб. $14^2/_7$ коп. (200 руб. ассиг.) [2]).—20 декабря того же года дѣвица Венюкова отпустила на волю крестьянина Ивана Ефимова „за условленную сумму серебромъ 250 руб.“ [3]).—Въ духовномъ завѣщаніи Одинцова встрѣчаемъ распоряженіе, по коему оставляется имъ 150 руб. сер. съ тѣмъ, что ежели возможно будетъ, то на эти деньги, и даже съ прибавленіемъ нужнаго количества, выкупить семейство крестьянина Антонова изъ крѣпостнаго состоянія помѣщика Ивинскаго и устроить будущность дѣтей, какъ круглыхъ сиротъ [4]).

Въ 1844 г. вышелъ законъ, коимъ предоставлялось помѣщикамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли, по обоюднымъ договорамъ въ платежѣ послѣдними за себя условленныхъ суммъ. По этому закону владѣльцамъ, желающимъ отпустить дворовыхъ своихъ людей на волю безъ земли, дозволялось заключать съ ними по обоюдному согласію договоры о платежѣ сими послѣдними особыхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка по смерть владѣльца, или на опредѣленное число лѣтъ. Отпущенные такимъ образомъ на волю считались навсегда свободными отъ крѣпостнаго состоянія со времени заключенія договора и выдачи отпускной, наравнѣ съ другими вольноотпущенными, отъ коихъ они ни въ чемъ не должны были отличаться. Въ случаѣ неисправности въ платежѣ такимъ вольноотпущеннымъ слѣдующихъ по договору суммъ, помѣщику пре-

---

[1]) Тамъ же 1836 г. кн. 5, ст. 45.

[2]) Тамъ же 1841 г. кн. 5, ст. 85.

[3]) Тамъ же 1841 г. кн. 5, ст. 175.

[4]) Тамъ же 1850 г. кн. 5, ст. 130.

Законъ, руководствуясь бывшей практикой, устанавливалъ какъ фактъ и допускалъ увольненіе на выкупъ. „Изъ опыта же извѣстно, говоритъ онъ, что могутъ быть три рода отпускныхъ актовъ. Изъ сихъ трехъ родовъ одни люди отпускаются вѣчно на волю и безусловно; другіе—съ условіемъ, какъ, напр., пользоваться свободою по смерть того, кто даетъ отпускную, или черезъ нѣсколько лѣтъ, или по исполненіи увольняемымъ какого порученія, или по заплатѣ тѣхъ денегъ, кои условлено получить съ увольняемаго“ (Полн. Собр. Зак. 1813 г. № 25409).

доставлялось взыскивать ихъ при посредствѣ мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно предъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями, при несостоятельности же къ немедленному платежу брать его въ рекруты съ выдачею за него прежнему владѣльцу квитанцію [1]). Итакъ, въ силу этого закона, крѣпостной дѣлался свободнымъ не со времени выполненія условія относительно отпуска его на волю, а со времени заключенія договора и выдачи одновременно съ нимъ отпускной. Гарантій относительно исполненія условія не было, а послѣдствія нарушенія его создали помѣщику излишнія и довольно затруднительныя хлопоты. Въ этомъ и состоитъ, вѣроятно, причина того, что данный законъ примѣнялся въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Такъ:—въ 1845 году, по условію Елагина съ дворовымъ Григоріемъ Афонасьевымъ, послѣдній обязался уплачивать за отпускъ его на волю въ теченіи 10 лѣтъ по 30 руб. сер. [2]). По условію сенатской курьерши Чаплыгиной съ дворовымъ Семеномъ Прохоровымъ, послѣдній выкупился за 400 руб. сер. съ уплатою ихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со времени полученія отпускной [3]). Дворовый Андрей Агафоновъ выкупился, по условію съ подпоручикомъ Костылевымъ, за 600 руб. сер. съ уплатою ихъ въ теченіи мѣсячнаго срока [4]). Дворовый Егоръ Алексѣевъ съ женою выкупился, по условію съ Бурминой, за 600 руб. сер. съ уплатою ихъ въ теченіи недѣли [5]). Этими и еще очень немногими случаями и исчерпывается все практическое примѣненіе закона 1844 года.

Въ большей части случаевъ отпускныя давались условно, вслѣдствіе чего они должны были получить свою силу при исполненіи условія, при истеченіи назначенныхъ сроковъ, или при наступленіи извѣстнаго событія. Такія условныя отпускныя почти исключительно встрѣчаются во всѣхъ актахъ до 1828 г., съ этого же времени наоборотъ, встрѣчаются отпускныя безъ всякихъ условій, съ тѣмъ, что увольняемый немедленно получаетъ свободу. Изъ этого можно предположить, что въ первомъ случаѣ большинство отпускныхъ дѣлалось за услуги, а во второмъ—за выкупъ.—Въ 1808 году помѣщикъ Ханыковъ отпустилъ дѣвку

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1844 г. № 17977.

[2]) Кр. кн. Ряз. гражд. пал. 1845 г. кн. 4, ст. 11, 12.

[3]) Тамъ же 1845 г. кн. 4, ст. 51. 52.

[4]) Тамъ же 1845 г. кн. 4, ст. 72, 73.

[5]) Тамъ же 1845 г. кн. 4, ст. 75, 76.

Агафью Никифорову „съ тѣмъ, что за полученіемъ ею сей отпускной можетъ жить, гдѣ пожелаетъ, и мнѣ впредь до нея дѣла нѣтъ; однако, сія отпускная въ то время имѣетъ дѣйствіе, когда при отдачѣ ей, Агафьѣ, въ руки, на оной отпускной подпишу своеручно выдачу, а безъ таковой подписки дѣйствія имѣть не можетъ; при томъ же, буде оная дѣвка, Агафья, до отдачи ей сей отпускной сдѣлаетъ мнѣ какія ни на есть грубости, что нерѣдко отъ нея и прежде происходило, то предоставляю себѣ по прежнему надъ нею крѣпостное право и сію отпускную уничтожить [1]).—Помѣщикъ Ивановъ, выдавая отпускную дворовому Григорію Иванову съ женою его Федосьею Яковлевою, обусловилъ отпускъ на волю тѣмъ, чтобъ по смерти его „быть вѣчно свободнымъ и избрать родъ жизни, какой заблагоразсудитъ, а буде въ жизни моей будутъ у него дѣти, то и съ ними, а до смерти моей быть ему въ моемъ владѣніи и повиновеніи; а буде будетъ въ жизни моей пьянствовать, или грубости дѣлать, то воленъ я оную изодрать“ [2]).—Въ 1821 г., помѣщикъ Вельяминовъ-Зерновъ отпустилъ двороваго человѣка Федора съ сыномъ Петромъ вѣчно на волю съ тѣмъ, чтобы первому, съ написанія отпускной, находиться при немъ два года, а послѣднему по смерть; послѣ жъ этихъ сроковъ избрать имъ родъ жизни, гдѣ пожелаютъ [3]).—Въ 1807 г. помѣщица Казначеева отпустила дворовую Ирину Авдѣеву вѣчно на волю съ тѣмъ, что „до смерти моей быть ей при мнѣ и въ моемъ повиновеніи и послушаніи, а послѣ смерти моей быть ей свободною, и гдѣ она жить, или за кого въ замужество выдти пожелаетъ и впредь мнѣ и наслѣдникамъ моимъ до нея дѣла нѣтъ“ [4]).—Такого рода отпускныя, гдѣ вольноотпущенные дѣлались свободными послѣ смерти помѣщика, въ сущности содержали въ себѣ завѣщательное распоряженіе и чрезъ это пріобрѣтали характеръ духовнаго завѣщанія. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ такого рода распоряженія допускались какъ въ отпускныхъ, такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Если въ духовномъ завѣщаніи выражалась опредѣленно воля завѣщателя относительно того, что извѣстный крѣпостной получаетъ свободу,— то послѣдняя пріобрѣталась съ момента смерти завѣщателя, по

---

[1]) Тамъ же 1808 г. кн. 5, ст. 62.
[2]) Тамъ же 1835 г. кн. 5, ст. 50.
[3]) Тамъ же 1821 г. кн. 5, ст. 25.
[4]) Тамъ же 1821 г. кн. 5, ст. 25.

утвержденіи къ исполненію духовнаго завѣщанія, которое въ данномъ случаѣ и служило увольнительнымъ актомъ, замѣняя собою отпускную. Подпоручикъ Барышниковъ духовнымъ завѣщаніемъ, за учиненныя ему добрыя услуги дворовыми людьми его, „даровалъ имъ свободу отъ крѣпостнаго владѣнія на волю навсегда, предоставляя, на основаніи законовъ, избрать родъ жизни...“ Всего отпускалось 10 человѣкъ, съ тѣмъ, что они должны служить завѣщателю по смерть его, а какъ онъ умретъ, то „сіе духовное завѣщаніе въ надлежащемъ мѣстѣ... предъявится и отдано будетъ означеннымъ людямъ для избранія рода жизни“ [1]). Если же въ духовномъ завѣщаніи обязанность отпустить на волю возлагалась на наслѣдниковъ, то свобода пріобрѣталась не съ момента выдачи отъ наслѣдника отпускной. Въ духовномъ завѣщаніи поручицы Соловкиной читаемъ: „Аксинья Денисьева должна по смерти моей непремѣнно воспользоваться свободою, которой мужъ мой и долженъ дать законную отпускную“ [2]). Въ духовномъ завѣщаніи прапорщика Савелова сказано: „всегдашняя и непремѣнная моя была воля въ томъ, чтобъ крѣпостные мои дворовые люди, за вѣрность ихъ ко мнѣ услугъ, неиначе какъ по смерти моей и жены моей, Екатерины Петровны, воспользовались свободою, но такъ какъ оные дворовые мои люди съ прочимъ недвижимымъ моимъ имѣніемъ состоятъ въ залогѣ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, то нынѣ и отпускныхъ имъ совершить не могу, почему оную жену мою, Екатерину Петровну, какъ друга моего и душеприкащицу, покорно прощу по смерти моей передать сію мою волю къ непремѣнному исполненію, по уплатѣ Опекунскаго Совѣта долга означенному наслѣднику моему Алексѣю Ивановичу Савелову, отъ котораго и должны они, дворовые мои люди, со всѣми ихъ семействами получить отпускныя“ [3]). Помѣщица Карѣева въ духовномъ завѣщаніи высказала, чтобы дворовыхъ людей ея „Петра Иванова съ женою его, Любовью Егоровою и съ дочерью Варварою и впредь могущими быть отъ него дѣтьми, а также крѣпостную дворовую женку, вдову Екатерину Григорьеву, по смерти ея, Карѣевой, отпустить вѣчно на волю; таковымъ отпущеннымъ мною на волю лицамъ тотчасъ и выдать отъ лица того изъ наслѣдниковъ, кому оное имѣніе по

---

[1]) Тамъ же 1843 г. кн. 5, ст. 27.
[2]) Тамъ же 1834 г. кн. 5, ст. 41.
[3]) Тамъ же 1830 г. кн. 5, ст. 53.

сему завѣщанію достанется, отпускныя, или отъ правительства увольнительныя объ отпускѣ ихъ свидѣтельства" [1]). Въ 1819 году помѣщикъ Каменскій, вслѣдствіе духовнаго завѣщанія покойной жены своей, отпустилъ вѣчно на волю крѣпостную ея дворовую дѣвку Ульяну Савельеву; „примѣтами она: росту средняго, лицемъ бѣла, круглолика, съ примѣтными веснушками, глаза свѣтлосѣрые, носъ прямъ, волоса на головѣ и бровяхъ свѣтлорусые отъ роду 40 лѣтъ" [2]). Отпускные акты, которые должны были получить силу съ смертію помѣщика, обыкновенно хранились у послѣдняго и выдавались на руки вольноотпущенному съ момента смерти отпускающаго. Иногда объ этихъ актахъ, остающихся послѣ помѣщика, упоминалось въ оставляемомъ имъ духовномъ завѣщаніи. Такъ, въ завѣщаніи Колычева говорится: „найденныя послѣ меня въ шкатулкѣ моей отпускныя людямъ выдать съ должною наградою за ихъ добрую и вѣрную службу" [3]). Въ 1831 году, помѣщицы Тимоховичева и Мертенсъ, согласно духовнаго завѣщанія тетки ихъ, Васильевой, выдали три отпускные бывшимъ дворовымъ людямъ послѣдней: Александру Михайлову, Николаю Яковлеву съ женою и дѣтьми, и Анисиму Федорову [4]). Въ духовномъ завѣщаніи дѣвицы Авдотьи Прокофьевой Таптыковой значится: „прошу людей моихъ, которыхъ я истинно любила, помнить меня не какъ помѣщицу, но какъ мать, и въ вознагражденіе имъ по смерти моей даю вѣчныя отпускныя, уже подписанныя мною [5]). Въ подобныхъ случаяхъ отпускной актъ получалъ силу съ момента смерти помѣщика, внѣ всякой зависимости отъ утвержденія его духовнаго завѣщанія; наслѣдникамъ оставалось только выдать

---

[1]) Тамъ же, 1835 г. кн. 5, ст. 10.

[2]) Тамъ же, 1819 г. кн. 5, ст. 74.

Означеніе примѣтъ отпускаемаго на волю въ домашней отпускной установлено закономъ 1813 года (Полн. Собр. Зак. 1813 г. № 25409), но въ первый разъ встрѣчается въ настоящей отпускной 1819 года; впослѣдствіи требованіе закона также не исполнялось, встрѣчаются лишь двѣ отпускныя, явленныя въ 1836 г. (кн. 5 ст. 6768), гдѣ описаны примѣты. Но съ 1839 г. описаніе примѣтъ вводится какъ общее правило (кн. 5 ст. 1, 4, 5, 6 и др.); хотя и послѣ сего весьма нерѣдко представлялись въ явку отпускныя безъ описанія примѣтъ, но Палата въ такихъ случаяхъ требовала означенія ихъ въ прошеніи, при которомъ представлялась отпускная, а съ этого прошенія описаніе примѣтъ вносилось и въ самую явку отпускной.

[3]) Тамъ же, 1838 г. кн. 5, ст. 30.

[4]) Тамъ же, 1831 г. кн. 5, ст. 41, 42 и 43.

[5]) Тамъ же, 1830 г. кн. 5, ст. 49.

ранѣе затотовленныя отпускныя. Но, вѣроятно, бывали случаи задержанія такого рода отпускныхъ. Такъ, въ завѣщаніи дѣвицы Таптыковой изображено: „изъ числа оставшихся у меня отъ продажи людей имѣются приготовленныя отпускныя, то таковыя, не задерживая нимало, равно и награды нѣкоторымъ, также выдать" [1]). Иногда распоряженіе объ отпускѣ на волю выражалось въ формѣ желанія, обращеннаго къ наслѣднику, исполненіе котораго зависѣло уже отъ его воли.—Въ духовномъ завѣщаніи штабсъ-капитаньши Колычевой сказано: „дворовому человѣку Фокѣ Иванову съ женою его и дѣтьми желаю дать отпускную и сдѣлать вольносвободнымъ; впрочемъ, предоставляю оное на волю мужа моего" [2]).

Совершая условныя отпускныя, помѣщики расчитывали имѣть хорошихъ слугъ, что особенно было важно подъ старость лѣтъ, а потому и устанавливали гарантіи на случай, если бы ожиданія ихъ не оправдались. Въ 1804 году помѣщица Трескина отпустила двороваго человѣка Петра Александрова съ тѣмъ, чтобы служилъ ей по смерть... „паче жъ чаянія, онъ Александровъ, окажетъ какія мнѣ грубости, то могу сію отпускную уничтожить" [3]). Условныя отпускныя встрѣчаются и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такъ, помѣщица Дашкова распорядилась: „ежели сынъ мой будетъ имѣть дѣтей, тогда Архипа Иванова съ женою его, Маврою Антоновою, и съ сыномъ ихъ, Михаиломъ Архиповымъ, оставить ему у себя въ потомственное владѣніе; ежели жъ не будетъ имѣть дѣтей, то по сему завѣщаю дать имъ отпускныя при жизни своей вѣчно на волю и, по кончинѣ сына моего, вышеозначенный Архипъ Ивановъ съ женою и сыномъ остаются вольными навсегда" [4]). Въ духовномъ завѣщаніи помѣщика Елчанинова сказано: „Вячеславу Лаврентьеву послѣ смерти моей служить наслѣднику моему 5 годовъ, а по прошествіи пяти годовъ дать ему, Вячеславу, отпускную, для избранія рода жизни" [5]). Въ духовномъ завѣщаніи помѣщика Сазонова говорится: „ежели Яковъ Ивановъ прослужитъ еще безпорочно и усердно 20 лѣтъ, то, не измѣняя даннаго ему отъ меня содержанія, отпустить его со всѣмъ семействомъ и съ родившимися впредь дѣтьми вѣчно на волю, при томъ и выдать ему въ вознагражденіе 200 рублей" [6]).

---

[1]) Тамъ же, 1834 г. кн. 5, ст. 44.
[2]) Тамъ же, 1832 г. кн. 5, ст. 11.
[3]) Тамъ же, 1804 г. кн. 5, ст. 47.
[4]) Тамъ же, 1831 г. кн. 5, ст. 63.
[5]) Тамъ же, 1834 г. кн. 5, ст. 47.
[6]) Тамъ же, 1834 г. кн. 5, ст. 16.

При такомъ условномъ отпускѣ, когда пріобрѣтеніе свободы ставилось въ зависимость отъ смерти помѣщика,—возникалъ вопросъ о положеніи въ этотъ переходный періодъ времени прижитыхъ дѣтей. Во избѣжаніе могущихъ быть споровъ иногда помѣщики разрѣшали этотъ вопросъ сами—27 ноября 1820 г. въ Рязанскую гражданскую палату поступило прошеніе помѣщицы Вердеревской, въ коемъ изложено, что отпустила она четырехъ человѣкъ крѣпостныхъ съ женами ихъ на волю и совершила отпускныя, но съ тѣмъ, чтобъ они по смерть ея были при ней. Послѣ того:—„родились у нихъ дѣти, мужска и женска пола и, можетъ быть, впродолженіе жизни моей у нихъ еще родятся оныя, а дабы послѣ смерти моей не могло произойти отъ наслѣдниковъ моихъ на свободу какъ тѣхъ, такъ и другихъ какого либо притязанія",—она просила Палату, „родившихся и имѣющихся родиться при моей жизни у помянутыхъ людей дѣтей, со времени дачи родителямъ ихъ отпускныхъ, считать вольными, а по кончинѣ моей всѣмъ имъ доставить свободу". Согласно этой просьбѣ Палата сдѣлала на отпускныхъ соотвѣтствующія надписи [1]).

Иногда, хотя и рѣдко, обязательство жить до смерти помѣщика не было безусловно, а ставилось въ зависимость отъ воли отпускаемаго. Въ 1816 году помѣщикъ Денисьевъ отпустилъ двороваго человѣка Петра Сергѣева на волю „съ тѣмъ, чтобъ въ жизнь мою быть ему при мнѣ въ полномъ повиновеніи и послушаніи, по смерти жъ моей быть свободнымъ, и наслѣдникамъ моимъ до него дѣла нѣтъ и ни почему не вступаться; буде жъ оный прежде смерти моей пожелаетъ отъ меня отойтить и записаться въ какой родъ жизни, то предоставляется на волю его" [2])...

Еще рѣже встрѣчаются ограниченія права помѣщика уничтожить отпускную, ограниченія, допущенныя имъ добровольно. Помѣщикъ Кублицкій отпустилъ на волю своего двороваго человѣка Максима Иванова съ тѣмъ, чтобы онъ воспользовался свободою по смерти его, а до смерти долженъ быть въ полномъ повиновеніи и послушаніи, при чемъ ограничилъ себя тѣмъ, что „не долженъ сію отпускную уничтожать, наслѣдникамъ же моимъ до сего дѣла нѣтъ" [3]).

Наконецъ, встрѣчаются отпускныя, вызванныя, повидимому, чувствомъ человѣколюбія. Коллежскій совѣтникъ Протопоповъ,

[1]) Тамъ же, 1820 г. кн. 5, ст. 45.
[2]) Тамъ же, 1816 г. кн. 5, ст. 12.
[3]) Тамъ же, 1850 г. кн. 4, ст. 2.

еще въ 1814 году отпустившій на волю двороваго человѣка Степана Ильина съ женою и дѣтьми, съ тѣмъ, чтобъ жить имъ у него до смерти,—выдаетъ 4 октября 1823 ггода вновь отпускную, въ которой пишетъ: „но какъ дочери его, Степана, Анна и Фекла, по волѣ моей и прежде назначеннаго въ той отпускной срока отпущены уже на волю и находятся въ замужествѣ, то и сына его Іосифа, обученнаго россійской грамотѣ и писать, дабы не заграждать въ пріисканіи жизни ему пути, нынѣ жъ отпускаю вѣчно на волю“ [1]). Въ 1823 году титулярная совѣтница Екатерина Ивановна Худобина отпустила вѣчно на волю двороваго мальчика Дмитрія Семенова Исаева, 12 лѣтъ, „по открывшейся въ немъ способности къ словеснымъ наукамъ, желая, чтобы продолженіемъ и усовершенствованіемъ въ оныхъ, содѣлался онъ достойнымъ для службы отечеству, или могъ избрать себѣ родъ жизни, оставаясь неприкосновеннымъ навсегда какъ отъ меня, такъ и отъ моихъ наслѣдниковъ [2]).

Въ отпускныхъ съ 1804—1826 г. встрѣчаются отпущенными на волю почти исключительно женщины и ихъ малолѣтніе дѣти; женщина съ дѣтьми представляла цѣнность только тогда, когда при ней состоялъ мужъ, работникъ; въ противномъ случаѣ она являлась лишь излишнею обузою. Въ 1812 г. помѣщица Бахтіарова отпустила на волю жену и дѣтей двороваго человѣка Захара Егорова, находившагося съ 1810 года въ бѣгахъ“ [3]).

Незадолго до отмѣны крѣпостнаго права отпускъ на волю послужилъ нѣкоторымъ помѣщикамъ средствомъ для покрытія предвидимыхъ ими уже тогда отъ реформы потерь. Въ концѣ 1857 года помѣщики Егорьевскаго и Зарайскаго уѣзда: Афонасьевъ, Буковскій, Злобинъ, Улитинъ, Гаферландъ, Алабинъ, Мельгуновы, Тимофѣевъ, Веселкинъ и Брандъ, продали своихъ крестьянъ на фабрику братьевъ Хлудовыхъ въ Егорьевскѣ. Но такъ какъ по закону такая продажа не имѣла мѣста, ибо купцы не могли пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, то была изобрѣтена слѣдующая форма. Между управленіемъ фабрики и крестьянами заключены контракты по работѣ на фабрикѣ, съ выдачею помѣщикамъ впередъ всѣхъ выкупныхъ денегъ, въ видѣ аванса по заработной платѣ, за что крестьяне и должны были отработать фабрикѣ въ

---

[1]) Тамъ же, 1823 г. кн. 5, ст. 46.
[2]) Тамъ же, 1823 г. кн. 5. ст. 13.
[3]) Тамъ же, 1812 г. кн. 5, 6 февраля.

теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, затѣмъ совершены были отпускныя, переданныя въ управленіе фабрики. Такимъ образомъ формально свободные люди вновь очутились въ крѣпостной зависимости у братьевъ Хлудовыхъ [1]).

19 февраля 1861 года крѣпостное право отмѣнено навсегда. Тѣмъ не менѣе, въ теченіи всего 1861 г. встрѣчается довольно много отпускныхъ актовъ; изъ нихъ нѣкоторые выданы послѣ 19 февраля, такъ какъ по полож. о крест. дворовые люди пріобрѣтали полную свободу по истеченіи двухлѣтняго срока; а большинство актовъ было выдано еще до 19 февраля. Представленные въ явку въ Палату, они залежались въ ней до того времени, когда по необходимости приходилось очищать бумагу. Подобная очистка происходила и въ 1862 г. (явлено 2 акта); послѣдній актъ явленъ въ сентябрѣ [2]).

---

[1]) Едва ли не объ этомъ самомъ случаѣ упоминается у М. Е. Салтыкова. См. полн. собр. соч. т. 8, стр. 328.

Дѣло канц. Ряз. Губерн. 1858 г. № 45.

[2]) Крѣп. кн. Ряз. Граж. Пал. 1863 г. кн. 3, ст. 46 и 59.

VII. Свободные хлѣбопашцы *).

Послѣ изданія закона 1775 года, по силѣ коего всѣмъ *отпущеннымъ отъ помѣщиковъ съ отпускными на волю* дозволялось „ни за кого не записываться, а при ревизіи должны они объяснить, въ какой родъ службы, или въ мѣщанское, или въ купеческое состояніе войтить желаютъ по городамъ“... [1]); послѣ закона 1801 г., коимъ право пріобрѣтенія всякаго рода земель распространено на всѣхъ лицъ, не исключая отпущенныхъ на волю отъ помѣщиковъ [2]), —появленіе закона, дозволяющаго отпускать на волю крестьянъ съ землею, было совершенно естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ. Такъ смотрѣлъ на это графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, коему принадлежитъ починъ въ изданіи закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; такъ посмотрѣлъ на это и Государственный Совѣтъ, находившій проектъ новаго закона совершенно согласнымъ съ законами въ то время существовавшими и въ тоже время могущимъ предоставить помѣщикамъ во многихъ случаяхъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на *ободреніе* земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства.

По закону 20 февраля 1803 года [3]) дозволялось помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ своихъ какъ по одному, такъ и цѣлыми селеніями, на условіяхъ, заключаемыхъ по обоюдному между ними соглашенію, при чемъ въ договорахъ должны быть означены и послѣдствія неисполненія ихъ. Отпущенные на волю должны были составлять особенное состояніе *свободныхъ хлѣбопашцевъ;* они обязаны платить государственные подати, нести рекрутскую повинность, вѣдаться судомъ и расправою какъ и казенные крестьяне; исполненіемъ условія они пріобрѣтаютъ землю въ собственность, распоряжаются ею, но не должны раздроблять уча-

---

*) Напечатано въ Трудахъ Комиссіи особою статьею подъ названіемъ: „Свободные хлѣбопашцы въ Рязанской губерніи“. Тр. Ряз. арх. Ком. 1892 г. № 1 и 2.

1) Полн. собр. зак, 1775 г. № 14275.

2) Тамъ же, 1801 г. № 20075.

3) Тамъ же, 1803 г. № 20620.

стковъ менѣе 8 десятинъ. Въ случаѣ залога имѣнія, отпускаемые крестьяне могутъ, съ дозволенія кредиторовъ, принимать на себя уплату долговъ, на имѣніи лежащихъ, о чемъ и оговаривается въ заключаемомъ условіи.

Условія между помѣщиками и крестьянами чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ вносились на утвержденіе Государя, при чемъ, при разсмотрѣніи этихъ условій, въ руководство г. министру, изданы особыя правила [1]). Въ силу этихъ правилъ наблюдалось, между прочимъ, затѣмъ, какія предназначались крестьянамъ угодья, какая цѣна выкупа и сроки уплаты выкупной суммы. Условія увольненія допускались трехъ родовъ. Первое—когда выкупныя деньги вносились крестьянами всѣ сполна при совершеніи условія; второе—когда уплата выкупныхъ денегъ разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ продолженіи коихъ крестьяне оставались въ нѣкоторыхъ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику; третье—когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, по жизнь владѣльца или навсегда исправлять извѣстныя повинности. Наконецъ, правилами устанавливалось, что помѣщики, при заключеніи условій, должны раздѣлить всю землю на участки, при чемъ каждый изъ крестьянъ долженъ получить свой опредѣленный участокъ, на который и выдается ему планъ.

Нельзя не замѣтить, что послѣднее условіе предрѣшало форму крестьянскаго землевладѣнія, отдавая предпочтеніе *личному* владѣнію передъ *общиннымъ*. Поэтому поводу, В. Вешняковъ говоритъ: „это условіе увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы весьма замѣчательно, ибо свидѣтельствуетъ, какъ глубоко проникнуты были законодатели превосходствомъ личнаго способа владѣнія землею надъ общиннымъ. Замѣчательна логическая послѣдовательность ихъ началъ. На правѣ крестьянъ покупать землю въ собственность основали они учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, т. е. крестьянъ собственниковъ; принявъ же въ основу учрежденія начало собственности, они не сдѣлали ея мірскою, сознавая, что безъ личной собственности никто въ отдѣльности не можетъ считать себя собственникомъ. Для каждаго изъ членовъ міра порознь право это фиктивно“ [2]). Подобная оцѣнка объясняется личнымъ воззрѣніемъ автора относительно предпочте-

---

[1]) Полн. собр. зак. 1803 г. № 20625.

[2]) Крестьяне собственники въ Россіи, стр. 24.

нія отдаваемаго имъ одной формѣ землевладѣнія передъ другою, а потому съ небольшимъ основаніемъ можетъ быть сдѣлана оцѣнка совершенно противоположная. Такъ, В. И. Семевскій потому же вопросу высказалъ: „это требованіе могло очень вредно отразиться на крестьянскихъ интересахъ: оно, во 1-хъ, разрушало обширное землевладѣніе, а, во вторыхъ, вносило довольно трудно исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ новое положеніе— размежеваніе участковъ... Къ счастію, это условіе не соблюдалось буквально, т. е. крестьянамъ обыкновенно предоставлялось произвести раздѣлъ, какъ имъ угодно [1]). Насколько трудно было исполнить предписаніе закона о размежеваніи участковъ, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что въ докладѣ г. мин. внутр. дѣлъ Государю объ утвержденіи договора по имѣнію Ракитиной (см. ниже) изложено: „помѣщица уступаетъ крестьянамъ земли, раздѣляемыя на участки, формальное же раздѣленіе оныхъ въ натурѣ можно предоставить *по прежнимъ примѣрамъ* собственному распоряженію крестьянъ, согласно условія“... Не входя въ отвлеченныя соображенія о значеніи вышеприведеннаго условія, такъ какъ достоинство его лучше всего можетъ быть выведено изъ практическаго примѣненія въ дѣйствительной жизни, слѣдуетъ замѣтить, что по обзору, произведенному въ 1847 году и 1848 г.г. чиновниками министерства государственныхъ имуществъ, между прочимъ, Рязанской губерніи, оказалось, что въ большей части имѣній свободныхъ хлѣбопашцевъ земля не раздѣлена между крестьянами [2]).

Требованіе закона о нераздробленіи участковъ мѣрою менѣе 8 десятинъ едвали можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, чтобы помѣщики при надѣленіи крестьянъ землею, въ случаѣ отпуска ихъ на волю, отводили каждому участокъ такой именно мѣры. Это толкованіе до крайности стѣснило бы примѣненіе закона 1803 года, такъ какъ далеко не во всѣхъ имѣніяхъ было достаточное для сего количество земли, тѣмъ болѣе въ Рязанской губерніи, гдѣ это количество встрѣчалось очень рѣдко. Въ тоже время такое толкованіе противорѣчило бы дѣйствительному практическому примѣненію закона 1803 г. такъ какъ утверждались сдѣлки и при отсутствіи условія о 8-ми-десятинномъ участкѣ. Надо думать, что законъ имѣлъ въ виду цѣль не допускать обез-

---

[1]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. 1 стр. 256,273.

[2]) Вешняковъ, тамъ же, стр. 74.

земеленія и обѣдненія отдѣльныхъ крестьянскихъ семей, а потому вопрещалъ дробленіе участковъ, меньшихъ 8-ми десятиннаго состава, въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе участки были образованы. Такъ, по имѣнію г. Измайлова въ с. Любичахъ Зарайскаго уѣзда участки были образованы въ 5½ дес. При распоряженіяхъ крестьянъ этими участками, дѣйствительно, не встрѣчается случаевъ дробленія ихъ; они завѣщались, закладывались, продавались въ полномъ составѣ. Но въ тоже время встрѣчаются случаи, когда въ одномъ лицѣ сосредоточивалось два и болѣе участковъ, т. е. когда одно семейство обладало земельною собственностью большею, чѣмъ 8 десятинъ. Казалось бы, здѣсь возможно удержать въ семьѣ законный участокъ, но при наличности, напр., двухъ участковъ, одинъ изъ нихъ продавался безъ всякихъ ограниченій, такъ что въ семьѣ оставалось не 8, а только 5½ десятинъ. Думается, что законъ этотъ слѣдовало толковать не въ томъ смыслѣ, что участки *не могли быть менње* 8 десятинъ, а въ томъ, что участки *не могли быть дробимы,* если они менѣе 8 десятинъ. При такомъ толкованіи требованіе закона о нераздробленіи участковъ не могло стѣснять практическаго примѣненія дѣйствія его.

Вскорѣ послѣ изданія закона 1803 года послѣдовало ограниченіе дѣйствія его: въ 1804 году состоялся законъ о неувольненіи родовыхъ крестьянъ, по завѣщанію, въ свободные хлѣбопашцы [1]). Законъ этомъ имѣлъ чисто формальное основаніе—родовымъ имѣніемъ въ завѣщаніяхъ никто располагать не можетъ. Появленіе этого закона, очевидно, должно было стѣснить примѣненіе дѣйствія закона 1803 года, несмотря на то, что въ мотивахъ закона законодатель старался разсѣять подобное сомнѣніе. „Помѣщики, говоритъ онъ, могутъ достигнуть намѣренія своего и не отступая отъ общаго закона, поставивъ съ крестьянами ихъ условія, чтобы, вступивъ нынѣ же въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ, по ихъ волѣ отбывали они имъ по жизнь ихъ извѣстныя повинности“. Если же это было такъ, если цѣли своей всетаки можно было достигнуть, то дѣло законодателя было облегчить подобную операцію, разъ онъ считалъ ее въ интересахъ государства. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ не облегченіе, а стѣсненіе. Еще менѣе основательнымъ представляется другой мотивъ новаго закона:

[1]) Полн. собр. зак. 1804 г. № 21562.

„во всѣхъ другихъ сдѣлкахъ, говорится въ немъ, съ перемѣною состоянія крестьянъ перемѣняется и положеніе помѣщика въ отношеніи къ нимъ, въ настоящемъ же случаѣ, когда крестьяне предполагаются крѣпкими помѣщику по жизнь его, состояніе его ни въ чемъ не перемѣняется и, слѣдовательно, всѣ обязанности сдѣлки не на него, но на наслѣдниковъ его упадаютъ, и потому не отъ себя, а отъ наслѣдниковъ своихъ крестьянъ онъ увольняетъ, на что по общему о родовыхъ имѣніяхъ закону конечно права онъ имѣть не можетъ".—Но вѣдь на основаніи закона 1803 года помѣщикъ имѣлъ право заключать условія съ крестьнами по своему усмотрѣнію; онъ могъ, слѣдовательно, постановить и такія условія, которыя при жизни его ни въ чемъ не измѣняли бы положенія его въ отношеніи крестьянъ; крестьяне могли оставаться крѣпкими землѣ, съ уплатою прежнихъ повинностей, получая свободу по смерти владѣльца. Такимъ образомъ, дѣло не въ томъ, что измѣняется положеніе помѣщика, или нѣтъ, а въ томъ, какого рода актъ онъ долженъ совершить. Очевидно, допущеніе увольненія въ свободные хлѣбопашцы въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ было значительно легче, чѣмъ процедура, установленная закономъ 1803 г. Посему, недопущеніе завѣщательныхъ распоряженій должно быть расматриваемо неиначе, какъ желаніемъ стѣснить примѣненіе дѣйствія закона 1803 г. въ дѣйствительной жизни. Насколько допущеніе завѣщательныхъ распоряженій по сему предмету имѣло жизненное основаніе, видно изъ того, что, не смотря на запрещающій законъ, такія распоряженія всетаки дѣлались.—Въ 1816 году въ Рязанскую Гражданскую Палату представлена къ явкѣ отпускная, по коей прапорщикъ Лихаревъ отпустилъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ Василія Иванова съ женою его Дарьею Романовою и съ сыновьями его, Степаномъ и Василіемъ... вѣчно на волю, но съ тѣмъ, чтобъ онымъ крестьянамъ по смерть его жить при немъ и быть во всякомъ повиновеніи и послушаніи, по смерти же его быть имъ вольными и за хорошее ихъ къ нему услуженіе онъ отдаетъ имъ въ награду изъ имѣнія своего, состоящаго въ Ряжской округѣ въ сельцѣ Шуровѣ, земли 20 четвертей съ усадьбой, огороды, огуменники и коноплянники съ слѣдующими на число оныхъ четвертей лѣсы, съ сѣнными покосы, съ рыбными ловлями, съ примѣрною и ростчистною землею и со всѣми принадлежащими къ ней угодьи и записаться имъ въ свободные хлѣбопашцы... и быть оной землѣ у вышеписанныхъ крестьянъ въ вѣчномъ и потомственномъ ихъ владѣ-

ніи [1])... Гражданскія палаты не стѣснялись утверждать такого рода завѣщательныя распоряженія и приводить ихъ въ дѣйствіе; вслѣдствіе сего изданы новые законы, подтверждавшіе ранѣе сдѣланное ограниченіе. Но и за всѣмъ тѣмъ, нужда въ такого рода распоряженіяхъ иногда представлялась не отложною и при строгомъ соблюденіи закона оставалась слѣдовательно неудовлетворенною.

Съ этой стороны особенно интересно духовное завѣщаніе Зарайскаго дворянина Александра Федулова Карандѣева. „За доброе расположеніе ко мнѣ, говорится въ немъ, крестьянъ и дворовыхъ людей моихъ, состоящихъ Рязанскаго уѣзда въ с. Лѣтовѣ и въ Скопинскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Казначеевѣ, я отнынѣ навсегда желаю, чтобы всѣ они, сколько ихъ за мною числится по послѣдней ревизіи, по смерти моей поступили въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ, при принадлежащей означеннымъ селеніямъ землѣ, установленнымъ порядкомъ по закону о состояніяхъ, съ тѣмъ, чтобы они, крестьяне мои, въ продолженіи 5 лѣтъ послѣ моей смерти, внесли въ храмъ Подлѣсной слободы Зарайскаго уѣзда на возобновленіе 1000 руб. сер. Какъ въ настоящее время, по болѣзни моей, я чувствую, что совершить съ крестьянами условіе объ увольненіи ихъ въ свободные земледѣльцы мнѣ затруднительно, а можетъ быть и не позволитъ время, ибо для сего нужно собрать положительныя объ имѣніяхъ свѣдѣнія, имѣть дѣло съ повѣреннымъ отъ крестьянъ, но по болѣзни моей ждать этого времени довольно продолжительнаго, не могу. Посему, чтобы не упустить время дать людямъ моимъ свободу, я въ завѣщаніи семъ изъявляю мою рѣшительную волю, что означенные крестьяне мои послѣ смерти моей должны поступить въ свободные земледѣльцы съ принадлежащею имъ землею, и исполнителями этого завѣщанія я назначаю родителя моего, коллежскаго регистратора Федула Васильевича Карандѣева и Зарайскаго помѣщика, коллежскаго секретаря Ивана Львовича Злобина, которыхъ прошу послѣ моей смерти приступить къ заключенію съ означенными моими крестьянами условія объ увольненіи ихъ въ свободные земледѣльцы со взносомъ въ помянутый храмъ 1000 руб. сер.“ [2]). Завѣщаніе это писано въ іюлѣ 1849 г., а 11 августа того же года представлено въ палату, которая, не входя въ существо завѣщательныхъ распоряженій, 14 февраля 1850 года утвердила его

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1816 г. кн. 5, ст. 64.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1850 г. кн. 5 ст. 12.

къ исполненію.—Завѣщаніе это не осуществилось, такъ какъ въ спискѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ г. Карандѣева не значится.—Такимъ образомъ, нельзя не признать, что данный законъ весьма тормозилъ дѣло освобожденія крестьянъ. Между тѣмъ, форма духовныхъ завѣщаній, чуждая формальностей, много способствовала бы этому, тѣмъ болѣе, что при сведеніи конечныхъ счетовъ съ жизнію представлялся бы удобный случай для многихъ сдѣлать доброе дѣло.

Не смотря на неудобства закона 1803 г., неудобства, препятствовашія значительному примѣненію его, вновь учрежденное сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ увеличивалось и помимо этого закона, такъ какъ никто не мѣшалъ помѣщикамъ сначала отпустить крестьянъ на волю по отпускной, а затѣмъ совершить на нмя уже свободныхъ людей, отпущенныхъ на волю, купчую крѣпость на проданную имъ землю. По желанію такіе отпущенные на волю могли приписаться въ свободные хлѣбопашцы, какъ согласно смысла закона 1803 г., такъ и разъяснительныхъ къ нему законовъ [1]). Это давало возможность, при желаніи отпустить крестьянина на волю съ землею, избѣжать примѣненія стѣснительнаго закона 1803 г. отпустивъ сначала на волю, а затѣмъ выдавъ купчую крѣпость. Такіе акты были весьма не рѣдки.—Въ 1811 г. совершена купчая крѣпость отъ помѣщика Житова о продажѣ отпущенному отъ него вѣчно на волю дворовому его человѣку Александру Егорову Колесникову изъ недвижимаго имѣнія его, состоящаго въ Зарайскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Чуприковѣ и у принадлежащихъ къ оной пустошей Ивановской, Страховой и Богдановой пахотной земли по 5 десятинъ въ каждомъ полѣ, а во всѣхъ поляхъ 15 десятинъ, въ сельцѣ Чуприковѣ усадебное мѣсто, бывшее крестьянина его Родіона Дмитріева съ огороды и съ гуменною землею и изъ сѣнныхъ покосовъ осьмую часть, а выгонную землю съ лѣсными угодьи пользоваться ему во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ продавцу принадлежитъ, наравнѣ съ его крестьяны и воленъ онъ, Колесниковъ, въ томъ сельцѣ Чуприновѣ на сей землѣ записаться въ свободные хлѣбопашцы, а за оное свое недвижимое имѣніе взялъ продавецъ съ покупщика денегъ государственными ассигнаціями 300 руб. [2]).—Въ 1834 г. княгиня Крапоткина продала вольноотпущеннымъ отъ нея крестья-

---

[1]) Полн. собр. зак. 1809 г. № 23964, 1815 г. № 25893.

[2]) Ряз. гр. Пал. 1811 г. кн. 2, 25 авг.

намъ Григорію и Ивану Андреевымъ Зарайскаго уѣзда при сельцѣ Климентьевѣ земли 6 дес. съ лѣсы, сѣнными покосы, съ усадьбою и со всѣми угодьями, цѣною за 500 руб. [1]). Подъ такою формою совершались передачи крѣпостнымъ цѣлыхъ селеній.— Въ 1822 году маіоръ Ляпуновъ продалъ уволеннымъ вѣчно отъ него на волю крестьянамъ Зарайскаго уѣзда села Гавриловскаго— Ефиму, Федору и Семену Васильевымъ и невѣсткѣ ихъ, вдовѣ Софьѣ Трофимовой, крѣпостную свою землю Зарайскаго уѣзда въ сельцѣ Кошелевѣ 41 десятину и съ посѣяннымъ на оной хлѣбомъ, съ лѣсы, сѣнными покосы, съ усадьбою, прудами, огородами, подгуменниками, рыбными ловлями за 1230 р. ассигн. [2]).— Въ 1833 г. подполковница Алабина продала отпущеннымъ отъ нея вѣчно на волю крестьянамъ Ермолаю Терентьву, Ивану Егорову, Василію Михайлову и Никитѣ Михайлову недвижимое имѣніе свое Пронскаго уѣзда въ деревнѣ Епинской пашенной земли 30 десятинъ, съ усадьбами,—какъ господскою, такъ и крестьянскими, не оставляя за собою изъ земли ни единаго четверика, а все безъ остатка, за 3000 руб. [3]).—Въ 1819 г. маіорша Вердеревская продала отпущеннымъ отъ нея вѣчно на волю крестьянамъ, въ числѣ 8 человѣкъ, недвижимое свое имѣніе Пронской округи, въ селѣ Дятловѣ и въ деревнѣ Мокрой слободѣ, пашенной и непашенной земли,—въ Дятловѣ 50 десятинъ, а въ Мокрой слободѣ 15 десятинъ, въ томъ числѣ усадебной, огородной, лѣсной и сѣнокосной и со всѣми принадлежащими къ тому имѣнію угодьи, цѣною за 3000 руб. ассигн. [4]).—Но самая значительная въ этомъ родѣ сдѣлка была совершена въ 1833 году между отставнымъ штабсъ-капитаномъ Тепловымъ и отпущенными отъ него на волю крестьянами въ числѣ 36 человѣкъ, по каковой сдѣлкѣ Тепловъ продалъ крестьянамъ Зарайскаго уѣзда при селѣ Ловцахъ землю, состоящую изъ лѣсныхъ и луговыхъ дачъ, въ восьми разныхъ мѣстахъ, въ количествѣ 354 десятинъ, при чемъ на каждаго покупщика пришлось отъ 6 до 24 десятинъ, въ зависимости отъ того, сколько было взято имъ участковъ (всѣхъ участковъ образовано 59, мѣрою каждый 6 десятинъ). Продажа совершена въ вѣчное и потомствен-

---

1) Ряз. Гражд. Пал. 1834 г. кн. 2, ст. 10.
2) Ряз. Гражд. Пал. 1822 г. кн. 2, ст. 78.
3) Ряз. Гражд. Пал. 1833 г. кн. 2, ст. 7.
4) Ряз. Гражд. Пал. 1819 г. км. 2, ст. 44.

ное владѣніе каждаго, съ тѣмъ, чтобы землею во всѣхъ мѣстахъ владѣть всѣмъ крестьянамъ чрезполосно, безъ всякаго отдѣла. Цѣна продажи была 10620 р. [1]).—Конечно, такія сдѣлки требовали иногда довольно значительныхъ суммъ у крестьянъ, которыя не всегда были на лицо; недостатокъ ихъ, требовавшій отсрочки платежа, устранялся тѣмъ, что крестьяне дѣлали заемъ подъ залогъ той же покупаемой земли. 18 іюня 1841 года совершены отъ помѣщика Гвоздева на землю его Зарайскаго уѣзда въ селѣ Нижнемъ Масловѣ и Пустошахъ, луговую, лѣсную, рыбныя ловли, съ домами въ томъ же селѣ Масловѣ, гдѣ они жительство имѣютъ и съ усадьбою,—купчія крѣпости на имя отпущенныхъ отъ него 6 іюня вѣчно на волю крестьянъ—Прокофія Маркова, $20^3/_4$ десятины за 1200 р. сер. [2]); Семену Ефтееву—16 десятинъ за 900 р. сер. [3]); Антипу Иванову—14 десятинъ, за 900 р. сер. [4]); Константину Петрову $7^3/_4$ десятины за 800 руб. [5]). Того же числа совершены закладныя въ займѣ у вдовы Худяковой подъ залогъ купленной земли крестьяниномъ Антипомъ Ивановымъ 700 руб. сер. [6]) и Прокофіемъ Марковымъ тоже 700 руб. сер. [7]).

Первая по времени сдѣлка между помѣщиками и крестьянами относительно увольненія послѣднихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ для Рязанской губерніи утверждена 11 ноября 1804 года, по имѣнію графа Сергѣя Петровича *Румянцева*. Имъ было отпущено на волю 34 души крестьянъ, со всею владѣемою ими землею, безъ всякой платы въ пользу помѣщика и лишь съ обязанностью не продавать земли въ теченіи 5 лѣтъ. Кромѣ того, вслѣдствіе просьбы, заявленной Государю, за графомъ Румянцевымъ оставлено право быть ходатаемъ за крестьянъ своихъ [8]).

Крѣпостнаго акта на это имѣніе мною не найдено. Изъ документовъ же Рязанской казенной Палаты видно, что имѣніе г. Румянцева по Рязанской губерніи находилось въ Зарайскомъ уѣздѣ, при селѣ Пирочахъ. Имѣніе это досталось г. Румянцеву послѣ смерти отца его графа, Петра Александровича Румянцева-

---

[1]) Ряз. Гр. Пал. 1833 г. кн. 2, ст. 5.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1841 г. кн. 2, ст. 104.

[3]) Тамъ же ст. 105.

[4]) Тамъ же ст. 106.

[5]) Тамъ же ст. 109.

[6]) Тамъ же ст. 107.

[7]) Тамъ же ст. 108.

[8]) Вешняковъ, крестьяне собственники въ Россіи, стр. 81. Семевскій, крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. 1, стр. 261.

Задунайскаго и по раздѣлу съ наслѣдниками отказано за нимъ въ 1800 году. Въ этомъ имѣніи было 7 дворовъ, а въ нихъ крестьянъ мужскаго пола 34 души и женскаго пола 43 души. Въ селѣ Пирочахъ четвертной пашни въ разныхъ пустошахъ 54 четверти, да въ пустоши Бабонегахъ 8 четвертей, итого 62 четверти. „Да по планамъ отмежевано отъ всѣхъ владѣльцевъ окружною межею въ ономъ же селѣ Пирочахъ, по первому—въ части сельца Негоможъ и Дороховой слободы съ принадлежащими къ ней всѣми землями, всего во всей окружной межѣ 33 десятины 759 кв. саж., по второму—въ пустошѣ Алешиной, Дуденовка тожъ, съ принадлежащими къ ней всѣми землямп во всей окружной межѣ 73 дес. 207 квадр. саж., итого 106 десят. 267 квадр. саж.“. 10 августа 1807 года утверждена сдѣлка, заключенная 19 августа 1806 года между дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Ивановичемъ *Измайловымъ* и крестьянами его, Зарайскаго уѣзда села Любичъ, *) въ числѣ 698 душъ. Указавъ на то, что крестьянамъ была выдана изъ государственнаго казначейства ссуда въ 40000 руб., В. И. Семевскій продолжаетъ:—„это безъ сомнѣнія тотъ самый Измайловъ, который прославился своимъ звѣрскимъ обращеніемъ съ крѣпостными и чудовищнымъ развратомъ; такъ какъ его вопіющія злоупотребленія своею властію обратили на него вниманіе правительства еще въ самомъ началѣ царствованія *Императора Александра I*, то ссуда со стороны правительства вѣроятно и была сдѣлана съ цѣлію избавить крестьянъ отъ ихъ тяжелаго положенія“ [1]). Предположеніе это ошибочно. Настоящій Измайловъ совсѣмъ не то лицо, которое стало извѣстно своими злоупотребленіями помѣщичьею властью: послѣдній былъ генералъ-лейтенантъ Левъ Дмитріевичъ: онъ умеръ въ 1836 году [2]); между тѣмъ какъ Измайловъ, участвовавшій въ сдѣлкѣ 19 августа 1806 г., умеръ ранѣе, чѣмъ сдѣлка, по утвержденіи ея, была совершена крѣпостнымъ порядкомъ, такъ какъ въ выдачѣ крестьянамъ записи 7 февраля 1808 г. участвовали уже наслѣдницы Измайлова,—княгиня Мареа Петровна Мещерская и графиня Наталья Петровна Головкина.

---

[1]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. 1. стр. 271.

[2]) Славутинскій, генералъ Измайловъ и его дворня; Древняя и Новая Россія 1876 г. №№ 9, 10, 11. Крѣп. акты Рязан. Гражд. Пал. 1836 г. кн. 5, ст. 44. Духовное завѣщаніе Л. Д. Измайлова.

*) Въ трудахъ Ряз. арх. ком. 1894 г.—помѣщены матеріалы для исторіи Любичъ и другихъ „дворцовыхъ“ селъ Зар. у., о которыхъ будетъ рѣчь далѣе. *Ред.*

Условія увольненія крестьянъ, какъ они изложены въ записи, совершенной въ Рязанской гражданской Палатѣ, состоятъ въ слѣдующемъ: Измайловъ отпустилъ крестьянъ своихъ вѣчно на волю, предоставивъ въ вѣчное ихъ и потомственное владѣніе отмежеванную и отказную, принадлежащую къ селу Любичъ; землю, всю безъ остатка, а именно: сѣннаго покоса чистаго и по кустамъ, между кустовъ, 453 дес. 1087 с., выгонной земли 139 дес. 2254 саж., подъ селеніемъ 48 дес. 2023 саж., лѣсу строеваго и дровянаго 2756 дес. 1974 саж., итого удобной 3399 дес., 138 саж.; неудобной, подъ половиною рѣки *Цны* 24 дес. 571 саж., подъ истокомъ 780 саж., подъ озерами и заливами 30 дес. 1126 саж., подъ болотами 18 дес. 2333 саж., итого 74 дес. 10 саж., а всего вообще по генеральному межеванію 3473 дес. 148 саж. Да въ отхожихъ лугахъ за Окою рѣкою по мировомъ прошеніи съ генераломъ Львомъ Дмитріевичемъ Измайловымъ сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій изъ числа 520 дес. 471 саж., пятую часть—104 дес. 94 саж., въ 1801 г. Зарайскимъ земскимъ судомъ за онымъ Петромъ Измайловымъ отказанную; да въ отказъ не поступившей а принадлежащей къ селу Любичъ, спорной земли 357 дес. 973 саж.; въ числѣ изъ вышеписанной земли состоитъ отданной по оному селу по указу дворцовой конторы въ вѣчное владѣніе 35 дес. изъ оброку въ годъ по 15 руб.; да въ спорѣ села Ловецъ съ гг. Рославлевыми, которыя земли изстари и до нынѣ состоятъ во владѣніи села Любичъ у крестьянъ; да рыбныя ловли по писцовой грамотѣ, о которой споръ крестьяне пріемлютъ на себя. „Вышеписанною землею со всѣми угодьями владѣть имъ крестьянамъ, какъ они и прежде сего владѣли чрезполосно, по душамъ, кто сколько внесъ нынѣ за себя на откупъ денегъ, на что имѣется особенный реестръ, по которому и утверждаемъ вѣчно владѣніе. За все оное вышеописанное, какъ за землю, угодья, такъ и за увольненіе свое отъ всякихъ повинностей“,—Измайловъ долженъ былъ получить 140,000 р., въ число коихъ при написаніи условія было выдано крестьянами 10000 руб., а остальныя 130000 руб. получили наслѣдницы [1]).

Оцѣнивая обоюдную для сторонъ выгодность этой сдѣлки, находимъ, что крестьяне уплатили за каждую душу немного болѣе 200 руб.—Но дѣлать такой разсчетъ было бы правильно въ томъ случаѣ, если бы выкупался одинъ *личный трудъ;* въ данномъ же

---

[1]) Ряз. Гр. Пал. 1808 г. кн. 2, ст. 49.

случаѣ крестьяне уносили съ собою имущество, цѣнность котораго и должна быть принята въ соображеніе при опредѣленіи выгодности увольненія ихъ. Разсматривая сдѣлку съ этой стороны и принимая въ расчетъ землю только *удобную и безспорную*, т. е. немного болѣе 3500 дес.,—получимъ стоимость выкупа десятины 40 р. Для разрѣшенія вопроса о томъ, что могла стоить въ дѣйствительности въ то время выкупаемая земля,—существуютъ слѣдующія данныя.

11 Февраля 1816 г., т. е. 8 лѣтъ спустя, при совершеніи записи въ Рязанской гражданской Палатѣ совершена купчая крѣпость, по которой свободный земледѣлецъ села Любичъ Вуколъ Петровъ Деминъ продалъ свободному земледѣльцу того же села Ивану Иванову Сушилину свой участокъ земли, доставшійся на его часть по отпускной г. Измайлова, въ количествѣ 5 дес. 1430 с. или что на часть продавца слѣдуетъ, все безъ остатка, за каковой участокъ земли и взялъ государственными ассигнаціями 100 руб. Того же числа на тѣхъ же условіяхъ совершена купчая отъ Ефима Шолохова Матренѣ Ерохиной [1]). Изъ этихъ купчихъ видно, что каждый участокъ мѣрою болѣе $5^1/_2$ дес. цѣнился во 100 руб., т. е. 1 дес. около 20 руб., слѣдовательно остальные 20 р. на десятину или 100 руб. на душу, составляли плату за выкупъ личности. Но цѣна земли въ Любичахъ росла очень быстро; такъ—черезъ 20 лѣтъ, именно 18 іюня 1828 г. въ Рязанской гражданской Палатѣ совершена „данная" на имя вдовы земледѣльца Авдотьи Лариной, которою куплено съ публичнаго торга имѣніе, состоящее изъ участка земли въ 5 дес. съ саженями въ селѣ Любичахъ, принадлежавшаго свободному земледѣльцу Ильѣ Ларину и продовавшееся за неплатежъ имъ долга по закладной подъ эту землю въ 700 руб., свободному земледѣльцу Лизутину. Высшая покупная цѣна была 450 руб. [2]). Полгода спустя, именно 22 января 1829 г., совершена купчая крѣпость, по которой свободный земледѣлецъ села Любичъ Иванъ Іевлевъ Большой продалъ свободному земледѣльцу того же села Ивану Ефимову Шолохову два участка земли, въ 5 дес. 1430 саж. каждый, цѣною за оба 1200 руб. [3]). А 30 лѣтъ спустя, въ 1836 году, въ гражданской Палатѣ совершена купчая, по которой крестьянка Анна Ѳеоктистова продала земледѣльцу Шолохову одинъ участокъ

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1816 г. кн. 2, ст. 58, 60.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1828 г. кн. 2. ст. 89.

[3]) Ряз. Гражд. Пал. 1829 г. кн. 2, ст. 8

земли за 1000 руб. [1]). При такихъ данныхъ, нельзя не признать условія отпускной крестьянъ Измайлова далеко необременительными и обоюдно выгодными для сторонъ.

Современное состояніе общества крестьянъ села Любичъ, бывшихъ г. Измайлова, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Село Любичи расположено на весьма низкомъ мѣстѣ, затопляемомъ весеннею водою, почему нѣкоторые дома выстроены на сваяхъ. Постройки всѣ скучены до крайности, такъ что одинъ домъ сидитъ на другомъ; причина состоитъ въ томъ, что мѣсто, незатопляемое водою, ограничено. Пожаръ здѣсь можетъ быть крайне опустошителенъ и опасенъ [2]).

По переписи 1858 г. число жителей было: мужского пола 971, женскаго 1023, итого 1994. По земской переписи 1884 г. мущинъ 660, женщимъ 762. итого 1422. Такимъ образомъ, въ теченіи 25 лѣтъ народоселеніе уменьшилось на 572 челов. (28,67%).

Все населеніе сгрупировано въ 381 семью и располагаетъ слѣдующими рабочими силами. Изъ мужскаго населенія самостоятельныхъ работниковъ (въ возрастѣ отъ 18—60 лѣтъ) 323 и полуработниковъ—59, итого 382; изъ женскаго населенія самостоятельныхъ работницъ въ возрастѣ отъ 16 до 55 л. 342, а всей рабочей силы 724 человѣка, на счетъ которой должны прокормиться 1422 рта и должны быть уплачены всѣ сборы и повинности.

Главною статьею для такого прокормленія служитъ земля. Выше указано, что отпускалось на волю 698 ревизскихъ душъ мужескаго пола; хотя всѣхъ душъ было 700, но двѣ изъ нихъ ранѣе того были отпущены на волю безъ земли. Но изъ того обстоятельства, что и до настоящаго времени сохранилось въ обществѣ число раскладочныхъ (мірскихъ) единицъ 700, слѣдуетъ предположить, что и ранѣе отпущенныя двѣ души получили по соглашенію съ міромъ надѣлъ наравнѣ съ прочими. При выкупѣ вся земля была раздѣлена (не въ смыслѣ межевомъ) на равныя части по числу выкупавшихся душъ и каждый участокъ составилъ 5 десятинъ съ саженями. Такой участокъ и есть раскладочная мірская единица. По этой единицѣ дѣлалось, между прочимъ, распредѣленіе подлежащей уплатѣ выкупной суммы; каждый домохозяинъ имѣлъ право взять на свой дворъ число этихъ единицъ, сообразно числу душъ и, конечно, той или другой

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1836 г. кн. 2, ст. 119.

[2]) Доклады членовъ Ряз. губ. Управы о ревизіи волостей, т. 1, стр. 76.

способности къ денежной уплатѣ выкупной суммы. Такъ какъ самостоятельность отдѣльныхъ членовъ общества была неодинакова, то по всей вѣроятности болѣе состоятельные брали большее число участковъ и вслѣдствіе этого соразмѣрности между потребностью въ землѣ при извѣстной рабочей силѣ и дѣйствительнымъ надѣломъ этою землею — не существовало уже при самомъ первомъ раздѣлѣ ея. Затѣмъ, такъ какъ крестьяне большую часть выкупной суммы, именно 100000 руб., выплатили изъ своихъ личныхъ средствъ, то, очевидно, земля должна была поступить въ подворное владѣніе на полномъ правѣ *личной* собственности, которое нисколько не уничтожалось правомъ *общаго* владѣнія землею.—Что земля была въ общемъ владѣніи, это видно, между прочимъ, изъ купчей 6 марта 1831 г., по которой свободный земледѣлецъ Василій Ивановъ Поповъ продалъ такому же землевладѣльцу Ивану Яковлеву Титову участокъ земли въ 5 дес., состоящую „въ общемъ владѣніи съ прочими землевладѣльцами“ [1]). Дѣйствительно, мы видѣли, что отдѣльные крестьяне распоряжались пріобрѣтенными ими участками на правѣ личной собственности, они закладывали ихъ, продавали, передавали по наслѣдству. Вслѣдствіе такого распоряженія, совершенно естественнымъ явленіемъ была потеря земельной собственности у однихъ, и скопленіе ея у другихъ. Въ 1849 г. представлено къ утвержденію въ гражданскую палату духовное завѣщаніе свободнаго земледѣльца села Любичъ Данилы Дмитріева Котова, въ которомъ онъ распорядился пятью участками земли, дошедшей къ нему по разнымъ переходамъ отъ помѣщика Измайлова, по отпускной [2]).

Нынѣ домохозяйствъ, владѣющихъ надѣльною землею, 316, слѣдовательно, 65 семей, составляющихъ 295 ртовъ, въ числѣ коихъ 75 работниковъ, остаются безземельными. На каждаго изъ работниковъ, семья коихъ имѣетъ землю, приходится послѣдней немного менѣе 15 десят. (14,8); обработать личнымъ трудомъ такое количество земли очевидно невозможно, поэтому часть земли сдается въ аренду, или обработывается сторонними средствами. Весь надѣлъ сдаютъ 47 лицъ, чужимъ инвентаремъ обработываютъ 163, и только 106 отдаютъ землѣ свой личный трудъ.

Необходимое подспорье въ хозяйствѣ составляетъ крупный

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1831 г. кн. 2, ст. 25.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1849 г. кн. 4, ст. 86.

рогатый скотъ, лошади и коровы. Изъ общаго числа 381 домохозяйствъ 304 (или 79,79%) совсѣмъ не имѣютъ лошадей: домохозяйствъ, не имѣющихъ ни лошадей, ни коровы, 207 (или 54,33%); изъ числа 316 надѣльныхъ домохозяевъ 134 (или 42,4%) совсѣмъ не имѣютъ домовъ, а 16 семей не имѣютъ ни земли, ни домовъ.

Живетъ все это населеніе въ 236 избахъ, изъ коихъ 20 (или 8,47%) размѣромъ въ 6 арш. и менѣе, а 118 (или 50%) отъ 7—8 аршинъ. При такой обстановкѣ, всѣхъ платежей и сборовъ въ 1884 г. падало на одного работника около 24 руб. [1]).

Слѣдующая по времени сдѣлка утверждена 20 декабря 1809 г. между дѣйствительнымъ камергеромъ Толстымъ и крестьянами его Данковскаго уѣзда села Никольскаго. Всего отпущено 35 душъ, коимъ предоставлена въ вѣчное и потомственное владѣніе земля при томъ же селѣ, въ количествѣ 179 десятинъ, находившаяся въ черезполосномъ владѣніи съ другими владѣльцами, объ отдѣленіи коей производилось дѣло. Цѣна выкупа 11690 рублей, при чемъ крестьяне принимали на себя долгъ Государственному вспомогательному Банку въ полномъ количествѣ (сколько—неизвѣстно) съ процентами, сколько будетъ причитаться съ 1823 г. Къ 1826 году крестьянъ было уже 65 душъ, земли стало мало, а потому 25 душъ выселились въ Оренбургскую губернію, въ деревню Мустафину, съ надѣленіемъ ихъ казенной землей. Оставшіеся крестьяне уплатили переселенцамъ за землю по 50 руб. за десятину [2]).

2 Марта 1812 года утверждено условіе, а 10 марта 1813 года совершена запись отъ дѣйствительной статской совѣтницы Анны Федоровны Тютчевой объ увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ ея села Носилова. Всего уволено 106 душъ, коимъ предоставлена въ вѣчное потомственное владѣніе земля въ количествѣ 100 четвертей, безъ всякаго за то съ нихъ платежа. Въ господскомъ дворѣ хоромное и дворовое строеніе, усадебное мѣсто, садъ, два пруда были предоставлены однимъ дворовымъ людямъ ея того же села, причемъ остальные крестьяне обязаны были дворовыхъ людей обстроить и снабдить всѣмъ необходимымъ къ землевладѣнію и скотоводству. Выдѣлять землю

---

[1]) Сборн. стат. свѣдѣній по Ряз. губ. т. 3, вып. I, стр. 82—89.

[2]) Опредѣлен. Ряз. Каз. Пал. 10 окт. 1810 г.; дѣло канц. Ряз. губ. 1826 г. № 97 и Вешняковъ—крестьяне собственники.

предоставлено по числу мужскаго пола душъ равными участками, которые въ натурѣ однако не были выдѣлены по чрезполосности владѣній съ другими владѣніями. Со времени отпуска на волю крестьяне обязаны были уплачивать владѣлицѣ по ея смерть по 200 руб. въ два срока, въ январѣ и сентябрѣ [1]). Тютчева умерла въ апрѣлѣ 1814 года, слѣдовательно—съ этого времени крестьяне были свободны отъ всякихъ повинностей въ пользу бывшей ихъ помѣщицы, которой они при жизни ея не уплатили 450 рублей.

Настоящее положеніе этихъ крестьянъ по земской переписи и сообо собраннымъ мною въ 1895 г. свѣдѣніямъ представляется въ такомъ видѣ. По переписи 1884 года всѣхъ домохозяевъ было 73, у нихъ наличныхъ мужскаго пола душъ 242, всей земли 661 дес.; безземельныхъ 2 семьи съ 6 душами обоего пола, при двухъ работникахъ. Годовой платежъ на одну десятину 1 р. 30 к., на одного работника 6 руб. 10 к. [2]). Со дня отпуска на волю всей земли подѣлено между отдѣльными домохозяевами по числу душъ и такой раздѣлъ установленъ въ подворномъ владѣніи,—и въ тоже время въ чрезполосномъ. Каждый домохозяинъ распоряжается своими участками на правахъ собственности, что и подтверждается переходами этой земли. Такъ, по духовному завѣщанію свободный хлѣбопашецъ Иванъ Калининъ распорядился участкомъ земли на одну душу предоставленнымъ въ его собственность г. Тютчевымъ и состоящимъ въ его владѣніи [3]).

Дворовые крестьяне, какъ и слѣдовало предположить, не были устроены и приспособлены къ земледѣлію; они всѣ разбрелись, продавъ предоставленныя имъ части земель. Продажа эта была совершенно естественна, такъ какъ господская усадьба представляла довольно болшую цѣнность при условіи сохранить ее въ первоначальномъ видѣ, то-есть въ такомъ, въ какомъ для самихъ крестьянъ, лично, она была совершенно непригодна. Для человѣка зажиточнаго она довольно была удобною для житья, для человѣка бѣднаго—она составитъ лишь обузу. Дворовые Тютчевой продали усадьбу свободному земледѣльцу с. Любичъ Никифору Васильеву Ларину, а этотъ послѣдній въ 1826 году перепродалъ ее отставному ратмистру кн. Ивану Алексѣеву Крапот-

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. кн. 6, ст. 1.
[2]) Сборн. ст. свѣд. т. 6, вып. I, стр. 154—160.
[3]) Ряз. Гражд. Пал. 1846 г. кн. 4, ст. 17.

кину. Всей проданной земли усадебной, пахотной, луговой, лѣсной было около 28 десятинъ; продажная цѣна 2400 руб. [1]).

10 Марта 1810 года заключено условіе между помѣщикомъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ Петромъ Александровичемъ Рославлевымъ и крестьянами его Зарайскаго уѣзда, села Ловецъ и Бѣлоомута, объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Заключивъ условіе, помѣщикъ не представлялъ его на утвержденіе, вслѣдствіе чего крестьяне въ Октябрѣ 1811 года жаловались на такое со стороны его затрудненіе къ окончанію дѣла, указывая, что деньги въ положенные условіемъ сроки они выплатили; одновременно съ симъ и помѣщикъ, обвиняя крестьянъ въ неуплатѣ денегъ Опекунскому Совѣту и въ неправильномъ распредѣленіи между собою земли, изъявилъ намѣреніе оставить ихъ за собою. Губернаторъ и губернскій предводитель дворянства признавали, что со стороны крестьянъ не подано никакихъ причинъ къ остановкѣ дѣла; а потому и послѣдовало распоряженіе о передачѣ дѣла въ Сенатъ на его разсмотрѣніе; на губернское же начальство возложено, дабы оно предохранило имѣніе отъ распоряженій помѣщика, несогласныхъ съ условіемъ, обращая поступающія отъ крестьянъ деньги для очистки слѣдующей ему съ нихъ суммы въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, пока послѣдуетъ по сему дѣлу разрѣшеніе, или Рославлевъ самъ согласится оное окончить. Докладъ Сената поступилъ въ Государственный Совѣтъ, куда и помѣщикъ обратился съ просьбою, объяснивъ, что онъ останавливался окончаніемъ дѣла за нераспредѣленіемъ крестьянами земли, но нынѣ прекращаетъ дальнѣйшее производство и проситъ, чтобы условіе было утверждено: сего же домогались и крестьяне, объяснивъ, что всю слѣдующую по условію сумму они внесли въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Государственный Совѣтъ, за миролюбивымъ окончаніемъ спора, опредѣлилъ направить дѣло на основаніи правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Представленный мин. вн. дѣлъ докладъ по сему дѣлу былъ утвержденъ Государемъ, вслѣдствіе чего 28 мая 1814 года въ Рязанской гражданской Палатѣ совершена запись [2]). Условія увольненія состояли въ слѣдующемъ. Отпускалось на волю всего 1014 душъ, изъ коихъ въ Ловцахъ 952 души и въ Бѣлоомутѣ 62. Всей земли было предоставлено въ Ловцахъ 8949 дес. 1826 кв.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1826 г. кн. 2, ст. 97.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1814 г. кн. 6, ст. 1.

саж. и въ Бѣлоомутѣ 472 дес. 1302 саж., итого 9422 дес. 728 саж. Требованіе закона о распредѣленіи земли на участки въ данномъ дѣлѣ, какъ и въ большей части другихъ дѣлъ, выполнено не было, а посему помѣщикъ предоставилъ крестьянамъ владѣть землею поровну, по числу душъ, и относительно сего предмета въ записи изложено буквально тоже, что и въ дѣлѣ Ракитиной (см. ниже). Однако несоблюденіе этого условія не помѣшало утвержденію сдѣлки, на основаніи соображеній, высказанныхъ въ докладѣ мин. вн. дѣлъ.—„Помѣщикъ увольняетъ крестьянъ своихъ и уступаетъ имъ всю безъ остатка землю, къ помянутымъ селеніямъ принадлежащую, не раздѣливъ однакоже оную на участки, но, какъ сего во многихъ подобныхъ случаяхъ нельзя было исполнить, то и можно представить владѣніе землями по прежнимъ примѣрамъ собственному крестьянъ соглашенію на томъ основаніи, какъ въ условіи опредѣлено, не находя въ семъ никакихъ препятствій къ утвержденію сего условія".—Цѣна выкупа опредѣлена въ 275 т. р. асс., изъ коихъ уплачено при заключеніи условія 85000 р. и слѣдовало къ уплатѣ 1-го мая 1810 г. 15000 р., а 100000 р. съ процентами въ 1813 году 1-го февраля, остальные 75000 руб. должны были идти на погашеніе долга Московскому Опекунскому Совѣту, каковой переведенъ былъ на крестьянъ. Кромѣ изложенныхъ условій увольненія въ запись внесено, согласно требованія самихъ крестьянъ, ограниченіе ихъ права на отчужденіе земли въ стороннія руки, въ слѣдующей формѣ: „для избѣжанія будущихъ споровъ они съ общаго согласія и добровольнаго положили, чтобы земли и всѣ угодья, принадлежащія къ означеннымъ селамъ, никѣмъ изъ насъ продаваемы не были въ постороннее владѣніе, просили въ силу указа Правительствующаго Сената объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы совершить запись съ помѣщеніемъ въ ней вышеозначеннаго добровольнаго и полезнаго положенія ихъ".

Въ этой сдѣлкѣ цѣна выкупа на душу будетъ 272 руб., причемъ каждая душа получила участокъ въ 9 дес. 700 саж. Такимъ образомъ, на десятину цѣна выкупа будетъ 29 руб. 18 коп.

Изъ купчей крѣпости, совершенной 27 ноября 1819 г. между свободными земледѣльцами Андреемъ Ивановымъ Бабинымъ и Андреяномъ Дмитріевымъ Власовымъ, видно, что первый продалъ послѣднему свой участокъ земли на одну душу за 100 р. асс. [1]).

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. кн. 2, ст. 334.

Отсюда можно заключить, что крестьяне Рославлева выкупали не только землю, но и крѣпостной трудъ.

Такъ какъ большая часть выкупной суммы крестьянами была уплачена Рославлеву при самомъ увольненіи и лишь сравнительно небольшая часть ея переведена, то въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ с. Любичахъ, слѣдовало ожидать установленія отдѣльнаго, участковаго владѣнія землею. Такъ это и было. Вся земля распредѣлена была на равные участки, но безъ отвода ихъ въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чрезполосности и разнокачественности земли, и раздѣлена отдѣльными домохозяевами сообразно затраченныхъ ими на выкупъ денегъ. Каждый изъ домохозяевъ распоряжается своимъ участкомъ на правахъ собственности, т. е. имѣетъ право завѣщать его, дарить и продавать. Такихъ сдѣлокъ о переходѣ участковъ встрѣчаемъ множество.— Въ 1828 году крестьянинъ Иванъ Семеновъ Хомякинъ завѣщалъ родной своей внукѣ, дѣвицѣ Ираидѣ Ивановой Хомякиной, дворовое мѣсто въ с. Ловцахъ, съ строеніемъ, разнымъ имуществомъ, скотомъ, а равно принадлежащіе ему участки земли [1].—Въ 1831 г. Иванъ Лазаревъ Спышковъ подарилъ внуку своему Петру Матвѣеву Винокурову 8 дес. земли изъ числа доставшихся ему отъ помѣщика 40 десят. [2].—Въ 1833 году Захаръ Ермиловъ Несторовъ завѣщалъ тремъ своимъ сыновьямъ по два участка земли [3].—Въ слѣдующемъ году Николай Трифоновъ Пановъ въ духовномъ завѣщаніи сдѣлалъ распоряженіе относительно 4-хъ участковъ земли [4].—Въ 1835 году Филиппъ Ивановъ распорядился въ духовномъ завѣщаніи 8-ю участками [5].—Въ 1837 году Иванъ Павловъ Лѣсинъ продалъ Анисію Михайлову Калинину съ дозволенія Рязанскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія съ переводомъ долга послѣднему по займу, учиненному свободными земледѣльцами с. Ловецъ, участокъ земли, примѣрно 8 дес., цѣною за 200 р.—Лаврентій Трофимовъ Серегинъ продалъ Кузьмѣ Трофимову Ананьеву участокъ за 280 руб.—Захаръ Трофимовъ Стерлюгинъ продалъ Кузьмѣ Трофимову Ананьеву участокъ за 320 р. [6].— Въ 1840 году Прошинъ распорядился въ завѣщаніи участкомъ

[1] Ряз. Гражд. Пал. 1828 г. кн. 5, ст. 43.
[2] Ряз. Гражд. Пал. 1831 г. кн. 5, ст. 75.
[3] Ряз. Гражд. Пал. 1833 г. кн. 5, ст. 62.
[4] Ряз. Гражд. Пал. 1834 г. кн. 5, ст. 83.
[5] Ряз. Гражд. Пал. 1835 г. кн. 5, ст. 55.
[6] Ряз. Гражд. Пал. 1837 г. кн. 2, ст. 77. 104, 105.

земли, мѣрою 8 дес. [1]).—Въ 1843 году Прошинъ продалъ участокъ земли за 171 р. 43 к. сер. (600 р. асс.) Левонтьеву [2]).—Въ 1844 году Сусоколова распорядилась въ завѣщаніи 4 участками земли, доставшимися ей отъ мужа [3]).—Въ 1849 году Никифоръ Ивановъ Мелешкинъ распорядился 4 участками земли [4]).—Въ 1851 году Герасимъ Егоровъ Лѣсинъ распорядился въ завѣщаніи 9 участками земли, изъ коихъ 4 были родовые, а 5 пріобрѣтенные [5]). Такія же сдѣлки совершались и отпущенными Рославлевымъ крестьянами въ с. Бѣлоомутѣ. Въ 1838 году Дмитрій Агафоновъ Воронковъ продалъ Павлу Павлову Волкову участокъ мѣрою около 8 десят. за 1000 руб. асс. [6]).

Слѣдствіемъ этого пріобрѣтенія земли вышло то, что въ селѣ Ловцы въ качествѣ собственниковъ вошли разночинцы, мѣщане и купцы, и стали скупать землю у крестьянъ, такъ что все село представляетъ странный характеръ, нѣчно среднее между селомъ и городомъ, какъ по нравамъ, такъ по образцу жизни и одеждѣ жителей. Всякій собственникъ владѣетъ усадьбою отдѣльно, а луговою землею сообща, т. е. каждый годъ бываетъ передѣлъ луговъ на участки и каждый хозяинъ беретъ по жребію столько участковъ, сколько ему слѣдуетъ. Точно также покосъ травъ въ лѣсу производится сообща, а потомъ стали дѣлить на участки. По снятіи травы и луговъ отаву сдаютъ сообща и вырученные за нее деньги идутъ на уплату тѣхъ повинностей, сборъ по удовлетворенію коихъ производится съ души, каковы: волостной и сельскій сборы.

По земской переписи 1884 года, въ селѣ Ловцахъ съ деревнями Ловецкіе Борки и Нудовша состояло 512 домохозяевъ съ 1242 м. п. души, изъ нихъ 642 работника. Всей земли 8950 дес., безземельныхъ семей 197, съ 1101 обоего пола душъ, изъ числа коихъ 271 работниковъ. Всѣхъ участковъ было 973, изъ коихъ 134 (13,7%) принадлежали разночинцамъ. Сборовъ производится отъ 1 руб. до 1 р. 20 коп. на работника 16 руб. 90 коп. [7]).

10 Февраля 1817 года совершена запись отъ маіорши графини Софьи Девіеръ, объ увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбо-

---

1) Ряз. Гражд. Пал. 1840 г. кн. 5, ст. 25.
2) Ряз. Гражд. Пал. 1843 г. кн. 2, ст. 187.
3) Ряз. Гражд. Пал. 1844 г. кн. 4, ст. 84.
4) Ряз. Гражд. Пал. 1849 г. кн. 4, ст. 26.
5) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 4, ст. 79.
6) Ряз. Гражд. Пал. 1838 г. кн. 2, ст. 107.
7) См. ревиз. влад. т. 1, стр. 57; Сборн. стат. свѣд. т. 3, в. 1, стр. 74—81.

пашцевъ крестьянъ ея Зарайскаго уѣзда дер. Двуглинокъ, въ числѣ 19 душъ, съ представленіемъ имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе 47 десятинъ земли въ той же деревнѣ. Цѣна выкупа 6000 рублей [1]).

24 Іюня 1820 г. совершена запись отъ статскаго совѣтника и кавалера Герасима Григорьевича Каменева, объ увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ его Зарайскаго уѣзда въ сельцѣ Хабаровкѣ въ числѣ 5 душъ, съ предоставленіемъ имъ земли усадебной $1^1/_2$ десятины, пашни 6 четвертей, сѣнныхъ покосовъ и мелкаго лѣса 2 десятины. Отпускъ совершенъ безъ всякой денежной платы владѣльцу [2]). Въ настоящее время общественной земли не существуетъ и всѣ души по книгамъ казенной палаты исключены.

18 Іюня 1820 г. совершена запись отъ штабсъ-капитана Григорія Александровича Гаринскаго, объ увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ его Зарайскаго уѣзда дер. Замятиной, въ числѣ 11 душъ, съ предоставленіемъ имъ 66 десятинъ земли. Цѣна выкупа 1000 рублей [3]).

За симъ слѣдуетъ сдѣлка по имѣнію Ракитиной. По записи, совершенной въ Рязанской гражданской палатѣ 26 января 1822 г. [4]),—дочь статскаго совѣтника дѣвица Дарья Ивановна Ракитина отпустила на волю крестьянъ своихъ Зарайскаго уѣзда села Нижняго Маслова и деревни Бражкиной, всего 121 душу и съ землею 317 дес. Далѣе въ записи изложено: „хотя бы и слѣдовало мнѣ имъ крестьянамъ впредь для спокойнаго ихъ между собою владѣнія раздѣлить всѣ дачи на участки каждому изъ нихъ въ вѣчное владѣніе, но какъ оныя предоставляемыя мною имъ крестьянамъ во владѣніе земли состоятъ не равной доброты, на исполненіе чего потребно не малое время, почему я впредь для спокойнаго ихъ крестьянъ моихъ владѣнія полагаю на каждую ревизкую душу по равному числу десятинъ, какъ они Масловскіе и Бражкинскіе крестьяне до сего владѣли чрезполосно по душамъ съ разными мѣщанами, а сколько на каждую душу слѣдуетъ во владѣніе изъ означенныхъ обмежеванныхъ въ оныхъ селеніяхъ дачъ на участки земли Масловскимъ и Бражкинскимъ,

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1817 г. кн. 6, ст. 1.
[2]) Опред. Ряз. Каз. Пал. 1 сент. 1820 г.
[3]) Опред. Каз. Пал. 24 іюля 1820 г.
[4]) Кн. 6, ст. 1, 1822 г.

приложенъ будетъ за подписаніемъ моимъ и повѣреннаго отъ крестьянъ особый реэстръ, по которому крестьяне, признавая уравнительнымъ, подтверждаемъ, что мы и наслѣдники наши впредь на будущее время, если только для насъ необходимо будетъ нужно, постановить просить при удобномъ времени о размежеваніи на участки чрезъ начальство землемѣра"... За это увольненіе крестьяне должны были уплатить помѣщицѣ *ходячею* монетою 36000 руб., изъ коихъ 5040 руб. долгъ Московскому Опекунскому Совѣту, а остальныя уплачены помѣщицѣ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ.

9 Января 1822 г. утверждено условіе, заключенное женою полковника Анною Дмитріевою Поповою (урожденною княгинею Гагариною) съ крестьянами ея, Егорьевскаго уѣзда, деревни Харламовой, а 2 августа 1824 г., въ силу этого условія, совершена въ Рязанской гражданской палатѣ запись [1]). Въ записи значится, что Попова отпустила 13 душъ крестьянъ своихъ вѣчно на волю въ состояніе свободныхъ земледѣльцевъ, предоставивъ имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ 59 дес. земли... „съ сѣнными покосы, рыбными ловли и со всѣми угодьи, включая имъ въ то число усадебную ихъ землю съ строеніемъ, скотомъ и птицею и съ посѣяннымъ хлѣбомъ,—которую для спокойнаго ихъ впредь владѣнія, по согласію съ ними, крестьянами, раздѣлила я имъ, крестьянамъ, на участки по семействамъ ихъ... Иного же способа къ раздѣленію тѣхъ земель между ними крестьянами не нахожу, потому что иныя земли состоятъ въ чрезполосномъ владѣніи съ другими владѣльцами"... За это увольненіе и землю крестьяне заплатили г. Поповой 13800 р., при чемъ: „всѣ споры, какіе о насъ или о земляхъ, намъ предоставленыхъ, произойдутъ, оные мы крестьяне пріемлемъ на себя, равно государственныя повинности всякія съ нашихъ отпущенныхъ душъ пріемлемъ на себя жъ".. Въ этой сдѣлкѣ по расчету цѣна выкупа на каждую душу будетъ нѣсколько болѣе тысячи рублей, а на каждую десятину земли упадаетъ до 234 руб.

16 Іюня 1822 г. утверждено условіе, заключенное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Степаномъ Григорьевичемъ *Мельгуновымъ* съ крестьянами его, Зарайскаго уѣзда сельца Третьякова; въ силу этого условія, 12 апрѣля 1823 г. совершена въ Рязанской гражданской палатѣ запись на имя крестьянъ отъ лица

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1824 г. кн. 2, ст. 148.

наслѣдниковъ умершаго Мельгунова,—дѣтей его Николая, Степана, Алексѣя, Михаила и Сергѣя Степановыхъ Мельгуновыхъ [1]). Въ записи изложено, что отецъ Мельгуновыхъ отпустилъ вѣчно на волю въ свободные земледѣльцы изъ числа крѣпостныхъ его крестьянъ одно семейство Тихона и Василія Купріяновыхъ, съ матерью ихъ, женами и дѣтьми, всего мужскаго пола 7 душъ. Земли означеннымъ крестьянамъ отдается въ собственность удобной пашенной по 5 десят. въ полѣ, а въ трехъ поляхъ 15 дес., сѣнныхъ покосовъ въ пустошахъ съ мелкимъ лѣсомъ тоже во всѣхъ трехъ поляхъ—2 дес., подъ усадьбу и подъ всякое строеніе и огородъ, гдѣ они нынѣ имѣютъ жительство, 800 кв. саж. Выгонъ для ихъ скота и водопой имѣть общій того сельца съ крестьянами его, которые остаются за нимъ такъ, какъ и прежде, и въ томъ препятствія имъ никакого не доставлять; а такъ какъ въ дачахъ села Третьякова находится другихъ помѣщиковъ чрезполосная земля, то и нельзя ему имъ, отпускаемымъ въ вольные земледѣльцы крестьянамъ, къ одному мѣсту въ каждомъ полѣ намѣрить по 5 дес., но чтобы также съ другой стороны не раздробительными лоскутами ихъ надѣлить, то по возможности оные 5 дес. въ каждомъ полѣ изъ лоскутовъ сформировать въ настоящія десятины или полудесятины, гдѣ какъ удобнѣе придется... Если домъ ихъ со строеніемъ придетъ въ ветхость и они пожелаютъ въ томъ же сельцѣ Третьяковѣ построить оный на другомъ мѣстѣ, а прежній уселокъ отдать во владѣніе его крестьянамъ, тогда Мельгуновъ обязанъ имъ отвести другое приличное мѣсто тутъ же въ сельцѣ Третьяковѣ, одинаковой мѣры, такъ, какъ и прежде, т. е. 800 кв. саж. Равнымъ образомъ, если крестьянамъ Мельгунова уселокъ отпускаемыхъ понадобится, то и тогда отвести послѣднимъ другое мѣсто, но только съ тѣмъ, чтобы дать свободное время обстроиться... „А мы крестьяне по добровольному нашему согласію, въ знакъ благодарности нашей за оказанную намъ его превосходительствомъ г. Степаномъ Григорьевичемъ Мельгуновымъ милость, предоставили ему денегъ 3000 р., которые онъ принялъ отъ насъ всѣ сполна; но сверхъ того мы принимаемъ на себя на совершеніе сего акта, какъ то—на бумагу и на всѣ казенные расходы, всю издержку“... Въ настоящей сдѣлкѣ сумма выкупа составитъ на душу 428 руб., а на десятину земли 176 руб.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1823 г. кн. 5, ст. 24.

приложенъ будетъ за подписаніемъ моимъ и повѣреннаго отъ крестьянъ особый реэстръ, по которому крестьяне, признавая уравнительнымъ, подтверждаемъ, что мы и наслѣдники наши впредь на будущее время, если только для насъ необходимо будетъ нужно, постановить просить при удобномъ времени о размежеваніи на участки чрезъ начальство землемѣра"... За это увольненіе крестьяне должны были уплатить помѣщицѣ *ходячею* монетою 36000 руб., изъ коихъ 5040 руб. долгъ Московскому Опекунскому Совѣту, а остальныя уплачены помѣщицѣ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ.

9 Января 1822 г. утверждено условіе, заключенное женою полковника Анною Дмитріевою Поповою (урожденною княгиней Гагариною) съ крестьянами ея, Егорьевскаго уѣзда, деревни Харламовой, а 2 августа 1824 г., въ силу этого условія, совершена въ Рязанской гражданской палатѣ запись [1]). Въ записи значится, что Попова отпустила 13 душъ крестьянъ своихъ вѣчно на волю въ состояніе свободныхъ земледѣльцевъ, предоставивъ имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ 59 дес. земли... „съ сѣнными покосы, рыбными ловли и со всѣми угодьи, включая и въ то число усадебную ихъ землю съ строеніемъ, скотомъ, птицею и съ посѣяннымъ хлѣбомъ,—которую для спокойнаго впредь владѣнія, по согласію съ ними, крестьянами, раздѣлила имъ, крестьянамъ, на участки по семействамъ ихъ... Иного способа къ раздѣленію тѣхъ земель между ними крестьянами не нахожу, потому что иныя земли состоятъ въ чрезполосномъ владѣніи съ другими владѣльцами"... За это увольненіе и землю крестьяне заплатили г. Поповой 13800 р., при чемъ: „всѣ споры, какіе о насъ или о земляхъ, намъ предоставленыхъ, произойдутъ, оные мы крестьяне пріемлемъ на себя, равно государственныя повинности всякія съ нашихъ отпущенныхъ душъ пріемлемъ на себя жъ".. Въ этой сдѣлкѣ по расчету цѣна выкупа на каждую душу будетъ нѣсколько болѣе тысячи рублей, а на каждую десятину земли упадаетъ до 234 руб.

16 Іюня 1822 г. утверждено условіе, заключенное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Степаномъ Григорьевичемъ *Мельгуновымъ* съ крестьянами его, Зарайскаго уѣзда сельца Трекова; въ силу этого условія, 12 апрѣля 1823 г. совершена въ Рязанской гражданской палатѣ запись на имя крестьянъ отъ

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1824 г. кн. 2, ст. 148.

нимой и составляютъ 5204 души мужскаго пола, изъ числа коихъ въ разное время отпущено на волю 12 человѣкъ, взято во дворъ 39 челов., остальные 5153 души выходятъ на волю. Вмѣстѣ съ личною свободою утверждается крестьянамъ въ вѣчную и потомственную ихъ собственность все безъ исключенія владѣемое ими количество земли пахатной, луга, сѣнные покосы, лѣса и проч. со всѣми находящимися на сихъ земляхъ господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ и всѣми вообще хозяйственными заведеніями,— каковыхъ земель въ общемъ съ другими смежными помѣщиками владѣній значится 34805 десятинъ 1758 саж. По состоянію въ общемъ владѣніи уступаемыхъ земель предоставляется самимъ крестьянамъ размежеваться въ оныхъ съ смежными владѣльцами и раздѣлить ихъ между собою на участки по семействамъ, съ общаго согласія, уравнительно и безобидно, безъ всякаго участія со стороны помѣщика. Крестьяне обязаны заплатить за помѣщика долгъ Московскому Опекунскому Совѣту 1287500 руб., а за сдѣланными уже Демидовымъ уплатами, платить въ теченіи 35 лѣтъ по 77250 руб., а въ 36 годъ 15450 руб. Сверхъ того, крестьяне обязаны уплатить помѣщику 650000 руб. къ 25 декабря 1833 года. До внесенія этой суммы, крестьяне обязаны въ теченіи 1832 и 1833 гг. уплатить помѣщику ежегодно къ 25 декабря по 40000 руб., а послѣ уплаты капитала 650000 руб. крестьяне должны платить оброку въ теченіи 15 лѣтъ по 22000 р. Если же помѣщикъ умретъ прежде истеченія 15 лѣтъ, считая со дня окончательной уплаты 650000 рублей, то платежъ 22000 рублей прекращается [1]).

При опредѣленіи размѣра суммы выкупа, подлежащей уплатѣ крестьянами помѣщику Демидову, слѣдуетъ дѣлать двоякій расчетъ—на случай единовременнаго выкупа и при разсрочкѣ его платежа въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Крестьяне обязаны были уплатить за помѣщика долгъ Опекунскому Совѣту 1287500 руб., каковая сумма при разсрочкѣ ея на 36 лѣтъ обращалась въ 2719200 р., и погашалась уплатою въ теченіи первыхъ 35 лѣтъ по 77250 руб., а въ послѣдній, 36-й годъ—15450 руб. Прибавляя къ этой суммѣ платежи, слѣдовавшіе непосредственно Демидову— единовременно 650000 р., въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ 80000 р. и въ теченіи остальныхъ 15 лѣтъ 330000 руб., а всего 1000000 р., получимъ общую сумму уплаты, разсроченной на 36 лѣтъ, 3779200 р.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1832 г. кн. 2, ст. 42.

4 іюня 1825 г. утверждено условіе, заключенное между вдовою штабсъ-капитана Прасковьею Федоровою Голофѣевою и крестьянами ея, Егорьевскаго уѣзда, деревни Харламовой, а 16 марта 1827 г. по этому условію совершена запись [1]). Изъ записи видно, что Голофѣева отпустила вѣчно на волю въ состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ своихъ—Семена Харламова съ женою его Аксиньею Федоровою, съ сыномъ ихъ Саввою, и Федула Яковлева съ женою его Степанидою Михѣевою съ дѣтьми—Трофимомъ, Федотомъ и Аксиньею, при чемъ предоставила имъ въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе землю въ дер. Харламовой усадебную съ хмѣльниками и пашенную съ сѣнными покосами, всего 11½ дес., да въ деревнѣ Никитинской, сколько у нихъ, уволенныхъ крестьянъ, во владѣніи состоитъ земли съ сѣнными покосами и всякими угодьями, которою землею, равно и дворовыми мѣстами съ хмѣльниками владѣть имъ крестьянамъ, Харламову и Яковлеву, во всѣхъ мѣстахъ пополамъ, такъ, какъ они нынѣ владѣютъ. За это увольненіе и землю отпускаемые на волю заплатили помѣщикѣ 3728 р. „И съ сего времени, говорится въ записи, оныхъ уволенныхъ въ земледѣльцы крестьянъ ни въ какія работы мнѣ не употреблять, оброка съ нихъ не требовать и ни подъ какимъ видомъ мнѣ и наслѣдникамъ моимъ къ себѣ не присвоивать". Такъ какъ изъ числа уволенныхъ крестьянъ по ревизіи значилось двѣ души, то на одну душу падаетъ выкупной суммы 1864 руб., а на десятину земли,—болѣе 300 руб., если не брать въ расчетъ неизвѣстное количество ея при деревнѣ Никитинской, и до 160 р.,—если предположить при этой послѣдней деревнѣ столько же, какъ и при деревнѣ Харламовой.

9 мая 1832 года заключено условіе между генералъ-адъютантомъ Николаемъ Ивановичемъ Демидовымъ и крестьянами его, Высочайше утвержденное 10 іюня того же года. Согласно сему, въ Рязанской гражданской палатѣ 29 сентября 1832 г. совершена запись, въ коей изложено, что Демидовъ, желая устроить судьбу своихъ крестьянъ на будущее время вознамѣрилъ даровать имъ вѣчную свободу съ уступкою имъ земель въ собственность для поступленія въ классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Отпускаемые на волю крестьяне состоятъ въ Спасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ижевскомъ, Малышевѣ, Никольское тожъ, Стариковѣ, въ деревняхъ—Воскресенской, Дмитріевской, Малевой, Зыкѣевой и Аграфе-

---

[1]) Ряз. Гр. Пал. кн. 2, ст. 53.

нимой и составляютъ 5204 души мужскаго пола, изъ числа коихъ въ разное время отпущено на волю 12 человѣкъ, взято во дворъ 39 челов., остальные 5153 души выходятъ на волю. Вмѣстѣ съ личною свободою утверждается крестьянамъ въ вѣчную и потомственную ихъ собственность все безъ исключенія владѣемое ими количество земли пахатной, луга, сѣнные покосы, лѣса и проч. со всѣми находящимися на сихъ земляхъ господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ и всѣми вообще хозяйственными заведеніями,— каковыхъ земель въ общемъ съ другими смежными помѣщиками владѣній значится 34805 десятинъ 1758 саж. По состоянію въ общемъ владѣніи уступаемыхъ земель предоставляется самимъ крестьянамъ размежеваться въ оныхъ съ смежными владѣльцами и раздѣлить ихъ между собою на участки по семействамъ, съ общаго согласія, уравнительно и безобидно, безъ всякаго участія со стороны помѣщика. Крестьяне обязаны заплатить за помѣщика долгъ Московскому Опекунскому Совѣту 1287500 руб., а за сдѣланными уже Демидовымъ уплатами, платить въ теченіи 35 лѣтъ по 77250 руб., а въ 36 годъ 15450 руб. Сверхъ того, крестьяне обязаны уплатить помѣщику 650000 руб. къ 25 декабря 1833 года. До внесенія этой суммы, крестьяне обязаны въ теченіи 1832 и 1833 гг. уплатить помѣщику ежегодно къ 25 декабря по 40000 руб., а послѣ уплаты капитала 650000 руб. крестьяне должны платить оброку въ теченіи 15 лѣтъ по 22000 р. Если же помѣщикъ умретъ прежде истеченія 15 лѣтъ, считая со дня окончательной уплаты 650000 рублей, то платежъ 22000 рублей прекращается [1]).

При опредѣленіи размѣра суммы выкупа, подлежащей уплатѣ крестьянами помѣщику Демидову, слѣдуетъ дѣлать двоякій расчетъ—на случай единовременнаго выкупа и при разсрочкѣ его платежа въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Крестьяне обязаны были уплатить за помѣщика долгъ Опекунскому Совѣту 1287500 руб., каковая сумма при разсрочкѣ ея на 36 лѣтъ обращалась въ 2719200 р., и погашалась уплатою въ теченіи первыхъ 35 лѣтъ по 77250 руб., а въ послѣдній, 36-й годъ—15450 руб. Прибавляя къ этой суммѣ платежи, слѣдовавшіе непосредственно Демидову— единовременно 650000 р., въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ 80000 р. и въ теченіи остальныхъ 15 лѣтъ 330000 руб., а всего 1000000 р., получимъ общую сумму уплаты, разсроченной на 36 лѣтъ, 3779200 р.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1832 г. кн. 2, ст. 42.

ленныхъ за Демидовымъ дворовыхъ, которые могли войдти въ составъ обществъ послѣ закона 19 февраля 1861 года. На 60 участковъ пахатной, луговой земли и лѣсу—отведено въ отдѣльныхъ мѣстахъ въ одной межѣ крестьянамъ деревень Красной и Сабиной, которые и владѣютъ своею землею самостоятельно. Остальная земля на 5147 участковъ распредѣляется между крестьянами села Ижевскаго съ селами и деревнями. Пахатная земля распредѣляется по жребію черезъ опредѣленные сроки; послѣднее распредѣленіе было въ 1880 году срокомъ на 15 лѣтъ; 5100 луговыхъ участковъ распредѣляются черезъ каждые 6 лѣтъ крупными единицами въ тысячу участковъ каждая, а въ составѣ каждой единицы отдѣльные участки распредѣляются ежегодно; 47 участковъ распредѣляются черезъ 6 лѣтъ, но ежегодному передѣлу не подлежатъ. Лѣсами крестьяне пользуются различно: одна часть лѣса распредѣляется на 5 единицъ, въ коихъ четыре имѣютъ по тысячѣ участковъ, а пятая 1147, при чемъ, каждому владѣльцу участка принадлежитъ право пользоваться лѣсомъ только въ извѣстной единицѣ.

Затѣмъ есть общественный лѣсъ, которымъ пользуются всѣ владѣльцы 5147 участковъ. Дровяной лѣсъ дѣлится ежегодно, а строевой бережется для выдачи погорѣльцамъ.

Такимъ образомъ, настоящее владѣніе крестьянъ есть общее, но на правахъ частной собственности, при чемъ доля владѣнія каждаго собственника, или право его, опредѣляется извѣстнымъ количествомъ единицъ, или земельныхъ участковъ. Слѣдовательно, отдѣльные участки не могутъ быть отобраны міромъ, ибо они составляютъ отдѣльную собственность. И дѣйствительно, если за домохозяиномъ накопилась недоимка въ размѣрѣ 20 рублей, то хотя принадлежащій ему участокъ отбирается и сдается въ аренду съ торговъ желающимъ,—но дѣлается это невсегда, а временно; по уплатѣ недоимки, участокъ возвращается снова владѣльцу. Въ 1886 году такихъ участковъ было сдано 370, при чемъ, въ среднемъ арендная плата составляла 6 руб. 30 коп.

Нынѣ всѣхъ домохозяйствъ, владѣющихъ землею, 1513, слѣдовательно 270 семей, составляющихъ 966 наличныхъ обоего пола душъ, въ числѣ коихъ 287 работниковъ, остаются безземельными.

На каждаго изъ работниковъ, семья коихъ имѣетъ землю, приходится послѣдней 11,3 десятины.

Весь надѣлъ сдаютъ 510, обработываютъ землю чужимъ инвентаремъ—3, частію сдаютъ надѣлъ, а частію обработываютъ

его чужимъ инвентаремъ 385, и лишь 347 отдаютъ землѣ своей личный трудъ.

Изъ общаго числа домох.—1783 совсѣмъ не имѣютъ лош. 1138 (63,82%), коровъ—731 (40,99%), а лош. и коровъ—716 (40,15%). Изъ числа надѣльныхъ домохозяйствъ—1513—совсѣмъ не имѣютъ домовъ 445 (29,41), а неимѣющихъ ни земли, ни домовъ—83.

Число избъ 1418, изъ нихъ размѣромъ до 6 и менѣе арш.—939 (66,22%).

Платежей и сборовъ въ 1886 году падало на одного работника болѣе 11 р. (11,08) [1]).

20 Октября 1834 г. заключено условіе, утвержденное 1 сентября 1835 г., между гвардіи прапорщикомъ Василіемъ Яковлевичемъ Засѣцкимъ и его крестьянами. Согласно этого условія въ Рязанской гражданской палатѣ 2 декабря 1835 года совершена запись, въ коей изложено что г. Засѣцкій желая устроить судьбу крестьянъ своихъ Рязанской губерніи и уѣзда въ деревнѣ Калдѣвой, Чилковой, Аксенцево тожъ, отпустилъ ихъ въ свободные земледѣльцы. Всего значилось по ревизіи 138 душъ, изъ нихъ трое оставались въ качествѣ дворовыхъ людей, а 23 души были ранѣе того отпущены на волю, безъ земли слѣдовательно, всего выходило на волю 112 душъ. Вмѣстѣ съ свободою крестьянамъ предоставлялись въ вѣчное ихъ и потомственное владѣніе „земли издавна ими крестьянами владѣемыя, усадебныя, пашенныя, сѣнокосныя, съ лѣсами, рыбными ловлями и со всѣми угодьями, а именно—Рязанскаго уѣзда, деревни Калдѣвой, Челково, Аксенцево тожъ, съ пустошами Унковою, Маковицы, Багриновскою, Креково, Волково тожъ, Островцы и въ Сорокомъ бору... все безъ остатка... а какъ оныя земли, кромѣ пустоши Унковой, особо омежеванной, состоятъ въ общемъ съ разными помѣщиками владѣніи, почему и имѣютъ они крестьяне всѣми тѣми землями и угодьями во всѣхъ оныхъ дачахъ до отмежеванія ихъ и прочихъ помѣщиковъ, вообще съ ними владѣющихъ, къ однимъ мѣстамъ владѣть уравнительно между собою по душамъ, такъ какъ и до сего владѣли, и располагать имъ на правѣ собственности, не доводя его ни до какихъ въ семъ случаѣ убытковъ и участія... Крестьяне за такое благотвореніе, не принужденно, а по доброй

---

[1]) Доклады член. губ. зем. упр. о ревизіи волостей, т. 2, стр. 88, 91, 94. Сборн. ст. свѣд. по Ряз. губ. т. 8. вып. 1, стр. 210—217, вып. 2, стр. 370, 373.

волѣ своей означенному помѣщику ихъ г. Засѣцкому заплатили при написаніи условія государственными ассигнаціями 15000 руб. сверхъ сего обязывались платить ему г. Засѣцкому по смерть его каждогодно по 1300 руб. монетою по курсу въ Московскій опекунскій совѣтъ капиталъ съ процентами причитающійся ежегодно въ число займа, учиненнаго имъ, г. Засѣцкимъ, въ 1833 г. на 37 лѣтній срокъ“ [1]).

По обслѣдованію положенія крестьянъ г. Вьюговымъ (производителемъ оцѣночныхъ работъ въ Ряз. губ.), произведенному въ 1896 году выяснилось. У г. Засѣцкаго отъ двухъ крестьянокъ было 9 незаконныхъ дѣтей, всѣмъ имъ онъ далъ образованіе и впослѣдствіи они вышли въ люди. Дѣти оказывали на Засѣцкаго сильное вліяніе, особенно старшій сынъ, любимецъ отца. Когда Засѣцкій сталъ старъ и слабъ, дѣти уговорили его заложить крестьянъ и землю, а деньги передать имъ. Затѣмъ, по просьбѣ старшаго сына, Засѣцкій рѣшилъ отпустить крестьянъ на свободу съ землею, которой они пользовались, при условіи погашенія долга и при доплатѣ сверхъ того 15000 р. ассигнаціями. Доплата пошла въ распоряженіе дѣтей Засѣцкаго. Большая часть земли была подъ крупнымъ лѣсомъ. Для уплаты долга крестьяне продавали лѣсъ на срубъ, но лѣсъ въ то время былъ дешевъ, поэтому значительную часть платежей приходилось разверстывать по душамъ и покрывать изъ личныхъ заработковъ. Нынѣ крестьяне живутъ бѣднѣе сосѣднихъ крестьянъ той же деревни, бывшихъ Истоминой, получившихъ отъ помѣщицы сверхъ надѣла, по дешевой цѣнѣ, всю сверхъ надѣльную землю. Не смотря на ничтожные платежи, крестьяне не всегда уплачивали ихъ во время, и нерѣдко за ними стояли недоимки. Бѣдность свою они объясняютъ тѣмъ, что пашни у нихъ очень мало, почему все взрослое населеніе мужскаго пола уходитъ для заработковъ на сторону, а живя на сторонѣ, крестьяне привыкаютъ къ пьянству и разгульной жизни, а домой почти ничего не приносятъ. Земля у крестьянъ раздѣлена по душамъ, пашня на 131 душу, покосъ на 135 изъ числа послѣднихъ, 4 душевыхъ надѣла находятся въ распоряженіи общества и сдаются имъ въ аренду. Передѣлъ пашни былъ только одинъ разъ послѣ выхода крестьянъ на свободу, лѣтъ 18 назадъ (около 1881 года). Передѣлить землю рѣшили потому, что земля у отдѣльныхъ домохозяевъ не была одинакова по качеству. При раздѣлѣ каждый

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1835 г. кн. 5, ст. 96.

домохозяинъ получилъ тоже количество душевныхъ надѣловъ, какое было за нимъ и прежде. Усадебная земля подѣлена по дворамъ, на каждый дворъ отрѣзано 10×12 кв. саж. Коноплянники подѣлены по $^1/_4$ дес. на душу. Отхожіе сѣнокосы „на бору" подѣлены полянами, въ однѣхъ мѣстахъ на 5 лѣтъ, въ другихъ на 7 годовъ. Остальные сѣнокосы дѣлятся ежегодно передъ скосомъ сѣна. Лѣсъ и выгонъ находятся въ общемъ владѣніи. Обработка пашни, какъ и вообще на сѣверѣ Рязанскаго уѣзда, производится женщинами. Удобряется ежегодно все паровое поле по расчету 130 пуд. навоза на десятину. Несмотря на то, что пашня слишкомъ песчаниста (почва — *легкая* супесь), урожаи при постоянномъ удобреніи получаются хорошіе. Рожь даетъ 68 мѣръ съ десятины, греча—60 м., просо 36 м., картофель 320. Всей земли у крестьянъ удобной и неудобной 1496$^1/_2$ дес., въ томъ числѣ: пашни 114, сѣнокосовъ 148, лѣсу 1166.

5 мая 1839 г. утверждено условіе, заключенное вдовою коллежскаго ассесора Анною Семеновною Филитовою *) съ крестьянами ея Спасскаго уѣзда села Тимошкина, согласно чего 29 января 1840 года выдана крестьянамъ изъ Рязанской гражданской палаты крѣпостная запись. По этой записи Филитова отпустила на волю въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ дворовыхъ людей своихъ и крестьянъ, всего 363 ревизскихъ души, и предоставила въ ихъ собственность находившіяся въ безспорномъ ея владѣніи всѣ безъ исключенія земли, лѣса, луга и другія угодья, состоящіе въ чрезполосномъ съ прочими помѣщиками владѣніи, а именно: въ селѣ Тимошкинѣ—пашенной 456 дес., луговой 448 дес., лѣсу дровянаго 446 дес., въ с. Шиловѣ—пашенной 6 дес., луговой 34$^1/_2$ дес., въ пустоши Дорофѣевой—пашенной 414 дес., лѣсу дровянаго 24 дес., въ Хариной — пашенной 110 дес., луговой 110 дес., лѣсу строеваго и дровянаго 690 дес., а всей вообще 2728$^1/_2$ дес. Сверхъ сего, предоставлено въ собственность крестьянамъ все господское и крестьянское всякаго рода строеніе, хлѣбъ въ гумнахъ стоящій, молоченный и въ землѣ посѣянный, лошадей, скотъ рогатый и мелкій, птицу и всякое ихъ имущество; дворовымъ же людямъ, 23 ревизскимъ душамъ, въ сравненіе съ усадьбами у крестьянъ находящихся и у нихъ оставляемыхъ,—назначается господская усадьба въ раздѣлъ по количеству душъ. А какъ

---

*) Въ Труд. Арх. Ком. 1892 г. стр. 21—напечатано—Филиповно,—то невѣрно. *Ред.*

отдаваемыя крестьянамъ земли состоятъ въ разныхъ мѣстахъ и въ чрезполосномъ съ прочими помѣщиками владѣніи, то посему, не имѣя возможности раздѣлить землю на участки между увольняемыми, какъ то требуется правилами о свободныхъ хлѣбопашцахъ для спокойнаго впредь ихъ владѣнія, Филитова расписала землю между крестьянами *посемейно*, съ указаніемъ, на какое семейство сколько причитается земли, причемъ въ основаніе опредѣленія количества послѣдней ею принято число душъ въ каждомъ семействѣ. По такому расчету вся земля расписана на 77 семействъ, при чемъ минимально на одно семейство пришлось — 9 десят. 1235 саж. (изъ нихъ пашни 2 дес. 1719 саж., лугу 1 дес. 1447 саж. и лѣсу 5 дес. 469 саж.), а максимально—97 дес. 1651 саж. (изъ нихъ пашни 35 дес. 747 саж., лугу 20 дес. 2011 саж. и лѣсу 41 дес. 1293 саж.). Господская же усадьба, заключающаяся въ 15 дес., предоставлена 23 душамъ дворовыхъ людей, на каждую душу по 1695 саж. Дворовые люди и крестьяне, „за сію, благотворительницы ихъ, г-жи Филитовой, оказанную имъ милость" обязались по смерть помѣщицы для содержанія ея изъ предоставляемой имъ земли, во всѣхъ трехъ поляхъ, пашенной 260 дес., луговой 230 дес., ежегодно обработывать (кромѣ платежа оброка) собственными орудіями и лошадьми, пахать и засѣвать озимыми и яровыми сѣменами помѣщицы, убирать хлѣбъ т. е. жать оный и косить траву, возить въ гумно, ставить хлѣбъ въ скирды, а сѣно въ стога, хлѣбъ молотить и возить по ея распоряженію, словомъ, не доводя ея въ той работѣ и въ уборкѣ хлѣба и луговъ ни до какихъ хлопотъ и попеченія, и при томъ доставлять для господскаго ея въ с. Тимошкинѣ дома изъ лѣсовъ ежегодно дровъ 200 саженъ. Независимо сего, крестьяне подробно поименованные въ записи, въ числѣ 49 тяголъ, въ совокупности, до самой кончины г. Филитовой должны платить ей оброку ежегодно по 1600 руб., но такъ какъ помѣщица состоитъ должною Московскому Опекунскому Совѣту по займу 1825 г., срокомъ на 24 года, 17000 руб. съ залогомъ изъ нихъ 85 душъ, то уплату долга, со времени утвержденія условія, крестьяне обязавшіеся платить оброкъ (въ семействѣ коихъ состоитъ 122 ревизскихъ души), принимаютъ на себя, обязуясь при жизни ея доставлять изъ числа оброчной суммы — 1600 руб. — въ Московскій Опекунскій Совѣтъ во всей исправности, каждогодно, капиталъ и проценты, сколько по означенному займу причитаться будетъ, а затѣмъ остальные деньги выдавать помѣщицѣ; это должно выполняться до того времени,

пока по тому займу вся сумма будетъ Опекунскому Совѣту выплочена; да и послѣ уплаты долга Совѣту, если не прекратятся дни жизни Филитовой, также обязуются платить ей до самой смерти 1600 руб. въ каждый годъ, но въ случаѣ кончины ея прежде уплаты долга Совѣту, весь долгъ, сколько по смерти ея останется, должны платить не одни обязавшіеся платежомъ оброка 49 тяголъ, а всѣ увольняемые 363 души въ совокупности [1]).

Г. Филитова умерла раньше, чѣмъ было утверждено заключенное ею съ крестьянами условіе, такъ какъ 20 января 1838 года записано въ крѣпостную книгу Рязанской гражданской палаты явленное послѣ ея смерти духовное завѣщаніе. Въ силу послѣдняго, на крестьянъ ея въ с. Тимошкинѣ возложена обязанность до окончанія строенія церкви, нужные при оной работѣ и доставку матеріаловъ производить безденежно и безпрекословно, по приказанію того, подъ чьимъ распоряженіемъ будетъ происходить постройка церкви; для чего до законнаго полученія крестьянами свободы они должны находиться въ полномъ его распоряженіи [2]). Если считать, что крестьяне села Тимошкина, со времени заключенія условія, съ 1838 года и до 1840 г., когда они получили запись, исполняли все то, что отъ нихъ требовала помѣщица, т. е. отправляли барскія работы (не въ силу условія, которое еще не было утверждено, а въ силу существовавшихъ до того крѣпостныхъ отношеній, ибо по условію работы оставались вѣроятно тѣже, какіе крестьяне отправляли уже въ то время), равно работы по постройкѣ церкви (въ силу требованія распорядители постройкою и духовнаго завѣщанія Филитовой, имѣвшаго силу впредь до прекращенія крѣпостныхъ отношеній),—то со времени полученія записи, съ 1840 года, всѣ эти повинности съ нихъ снимались и оставалась лишь одна — уплата долга Опекунскому Совѣту. По условіямъ займа на крестьянъ падало—на ревизскую душу по 4 руб. 40 коп. ежегодно, а на десятину земли—по 58 коп. Этотъ платежъ имѣлъ мѣсто въ теченіи 10 лѣтъ, послѣ которыхъ крестьяне были свободны отъ какихъ бы то ни было повинностей въ пользу своей бывшей помѣщицы. При такихъ условіяхъ, нельзя не признать, что отпускъ крестьянъ на волю въ данномъ случаѣ былъ крайне льготный, а потому, не будучи поставленъ въ зависимость отъ тяжелыхъ платежей, онъ давалъ возможность

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1840 г. кн. 5, ст. 8.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1838 г. кн. 5, ст. 17.

не только цѣлому крестьянскому обществу, но и каждой отдѣльной его единицѣ воспользоваться съ выгодою для себя предоставленною льготою. Крестьяне не только получили даромъ свободу, но вмѣстѣ съ нею за безцѣнокъ довольно значительное имущество, такъ какъ, полагая, что ежегодный платежъ Опекунскому Совѣту составлялъ сполна сумму 1600 руб., то на одну десятину, при разсрочкѣ на 10 лѣтъ, падало только 5 руб. 86 коп.

Въ настоящее время, по послѣднимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, экономическое благосостояніе общества крестьянъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

По переписи 1858 г. число жителей было — мужчинъ 694, женщинъ 762, итого 1456. По земской переписи 1886 г. мужщинъ 988, женщинъ 1049, итого 2037, такимъ образомъ, въ теченіи 28 лѣтъ прибыло 581 человѣкъ (39,9%).

Всѣхъ семей въ обществѣ—287, располагающихъ рабочими силами—изъ мужскаго населенія, работниковъ (въ возрастѣ отъ 18—60 лѣтъ) 499, полуработниковъ 193, итого 642, изъ женскаго населенія—работницъ (въ возрастѣ отъ 10—55 лѣтъ) 522, всего 1164.

Выше указано, что Филитова распредѣлила владѣніе землею по семействамъ; но такое дѣленіе было болѣе въ представленіи, чѣмъ въ дѣйствительности: вслѣдствіе чрезполосицы земля ен могла быть отведена въ натурѣ на каждое семейство отдѣльно. Съ другой стороны, условія выкупа оказались такъ легки, что каждый крестьянинъ въ состояніи былъ пріобрѣсти извѣстное количество земли. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ и богатые и бѣдные крестьяне должны были находиться въ одинаковомъ положеніи; здѣсь не могло быть такихъ лицъ, которые были бы вынуждены затрачивать свои деньги только потому' что другія лица не въ состояніи оплатить падающую на ихъ часть выкупа; однимъ словомъ, здѣсь не былъ затраченъ капиталъ, въ жертву котораго нужно бы было приносить равномѣрное, дѣйствительною потребностью вызванное, владѣніе землею. Въ этомъ, по всей вѣроятности, и надо искать причину того, что по прошествіи болѣе чѣмъ сорока лѣтъ здѣсь сохранилось общинное пользованіе землею, съ раздѣломъ послѣдней по наличнымъ душамъ, безъ различія возраста: земля Божія, а кормиться всякій хочетъ. Послѣдній общій передѣлъ пашни былъ въ 1882—1883 годахъ, срокомъ на 10 лѣтъ. Луга дѣлятся ежегодно. Лѣсъ, отводами десятинъ въ 40, рубятъ на дрова каждый годъ; строевымъ лѣсомъ и кустарникомъ пользуются по мѣрѣ

надобности. Всѣхъ домохозяйствъ, имѣющихъ земельный надѣлъ, 284, такъ что безземельныхъ семей лишь 3 (1,05%), содержащихъ въ себѣ 4 обоего пола души, въ числѣ коихъ нѣтъ ни одного работника. На каждаго работника приходится земли 5,3 дес. Весь надѣлъ обработываютъ своимъ инвентаремъ 218 (76,76%) и чужимъ 56, а сдаютъ надѣлъ только 2.

Изъ 287 домохозяйствъ не имѣютъ лошадей 70 (24,39%), а неимѣющихъ ни лошади, ни коровы 41 (14,28%), изъ числа 284 надѣльныхъ домохозяйствъ не имѣютъ домовъ 6 (2,11%), а число семей, неимѣющихъ ни земли, ни домовъ—2 (0,69%).

Все общество расположено въ 294 избахъ; изъ нихъ 173 (58,84%) размѣромъ въ 6 аршинъ и менѣе, а 116 (39,45%), отъ 7—8 аршинъ.

Всѣхъ платежей и сборовъ въ 1886 году падало на одного работника 5 руб. 35 коп. [1]).

30 Апрѣля 1839 г. заключено условіе между княжною Елизаветою Николаевною *Гагариною* и крестьянами ея Зарайскаго уѣзда сельца Зименокъ, сельца Стараго, сельца Спиридонова и деревни Ламтевой, утвержденное 10 сентября того же года. Согласно этого условія, 31 января 1840 года въ Рязанской гражданской палатѣ совершена крѣпостная запись нижеслѣдующаго содержанія. Кн. Гагарина, за оказанную ей услугу, уволила въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ крѣпостныхъ своихъ людей, числившихся по ревизіи—въ Зименкахъ 209 душъ, въ Старомъ 41, въ Спиридоновѣ 40 и въ Ламтевой 36, а всего 326 душъ, а за исключеніемъ прежде отпущенныхъ на волю—изъ Зименокъ 32 души и изъ Спиридонова 6 душъ,—нынѣ отпускается 298 душъ. Крестьянамъ предоставляется въ полное ихъ владѣніе вся земля, луга и лѣса со всѣми угодьи, какія только находятся въ крестьянскомъ и помѣщичьемъ владѣніи, а именно—въ Зименкахъ 872 десятины, въ Старомъ до 365, въ Спиридоновѣ до 270, въ Ламтевой до 80,—„каковую отдаваемую землю всѣмъ крестьянамъ раздѣлить послѣ смерти кн. Гагариной по ровной части на число ревизскихъ мужскаго пола душъ той ревизіи, при которой послѣдуетъ смерть ея, въ каковомъ раздѣленіи неудобствъ предстоять не будетъ, ибо всѣ деревни между собою состоятъ въ смежности, почему и придется на каждую душу нынѣшней ревизіи всей вообще земли болѣе $6^1/_2$ дес., а по расчисленію оной каждой

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Ряз. губ. т. 8, вып. 1, стр. 26—33, вып. 2, стр. 51—52.

деревнѣ принадлежащей, приходитъ таковой на каждую ревизскую душу—въ Зименкахъ до 5 десят.; въ Старомъ до 9 десят., въ Спиридоновѣ по 7½ дес., въ Ламтевѣ по 2 дес.". Все оставшееся послѣ смерти кн. Гагариной господское строеніе въ Зименкахъ, большой каменный домъ со всѣми заведеніями и два деревянные въ Старомъ и Спиридоновѣ, отдаются во владѣніе крестьянъ всѣхъ деревень, съ предоставленіемъ имъ пользоваться въ тѣхъ имуществахъ добросовѣстно". За этотъ отпускъ и награду землями крестьяне обязались доставлять помѣщицѣ своей ежегодно по смерть ея тотъ самый доходъ, который она всегда собирала, именно: Зименки, Старое и Спиридоново должны находиться, какъ и прежде, на пашнѣ и обработывать землю своими лошадьми и орудіями, и засѣвать господскими сѣменами, Зименки 80 дес. въ каждомъ полѣ, Старое 54½ и Спиридоново 45, а по созрѣніи хлѣба сжать и убрать въ господское гумно, озимаго и яроваго хлѣба въ натурѣ, по мѣрѣ урожая среднихъ лѣтъ, Зименки съ 160 дес. на двухъ поляхъ до 800 копенъ, Старое съ 109 дес. до 480 копенъ и Спиридоново съ 90 дес. обѣихъ полей озимаго и яроваго хлѣба до 450 копенъ; когда же потребуется помѣщицею хлѣба, во всякое время обмолачивать и доставлять для продажи на своихъ лошадяхъ въ Москву. Сверхъ того, крестьяне должны доставлять помѣщицѣ разное „положеніе", какъ то: съ двухъ тяголъ барана, два десятка яицъ, мяса свинаго 20 ф., а съ крестьянской тягловой женщины по 10 арш. посконной холстины, а всего съ каждой деревни таковаго положенія придется—съ Зименокъ съ 57 тяголъ барановъ 28½, яицъ 570, мяса свинаго 14 пудъ 10 ф., посконной холстины 570 арш., съ Спиридоновки—12 тяглъ барановъ 6, яицъ 120, мяса свинаго 4 пуда, посконной холстины 160 арш.,—каковое „положеніе" доставлять туда, гдѣ будетъ проживать помѣщица, т. е. въ с. Зименки или въ Москву. Сверхъ сего, крестьяне не должны отказываться и отъ другихъ мелочныхъ для помѣщицы услугъ, какъ то: отъ разныхъ посылокъ, возки дровъ для отопленія господскихъ домовъ и людскихъ избъ. Деревня Ламтево должна быть на оброкѣ и платить всегда доставляемый оброкъ по 50 руб. съ тягла, а всего съ 8 тяглъ 400 руб. Однимъ словомъ, крестьяне должны исполнять всѣ господскія работы и уплачивать оброкъ на прежнемъ основаніи, не прибавляя ничего. Но такъ какъ имѣніе заложено въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ съ 1836 г. въ суммѣ 53400 руб., то платежъ ежегодно остальнаго долга, за уплатою помѣщицею 51704 руб. 39 коп. крестьяне принимаютъ

на себя, обязываясь платить долгъ исправно, каждая деревня особо, или вообще все имѣніе, какъ дозволено будетъ Опекунскимъ Совѣтомъ; также крестьяне принимаютъ на себя обязанность по смерть госпожи своей платить за прежде отпущенныхъ на волю 38 душъ, ибо они отпущены съ правомъ пользоваться свободою послѣ смерти кн. Гагариной и потому платежъ податей по 8 ревизіи положенъ за помѣщицею. „На всемъ означенномъ предположеніи, говорится въ заключеніи акта, мы, крестьяне, совершенно согласны и обязуемся исполнять оное условіе неукоснительно, потому болѣе, что и прежде заведеннымъ по имѣнію господскимъ порядкомъ, который остается теперь въ таковомъ же видѣ, всегда мы оставались во всемъ довольны, спокойны, не терпѣли недостатковъ“... [1]).

Одновременно съ предъидущимъ, тою же кн. *Гагариною* заключено условіе съ крестьянами ея Михайловскаго уѣзда сельца Перекаль и дер. Сѣрковой. Въ крѣпостной записи значится, что кн. Гагарина уволила въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ крестьянъ своихъ с. Перекаль 86 душъ, и въ дер. Сѣрковой 21, итого 107 душъ, а за исключеніемъ прежде отпущеннаго изъ дер. Сѣрковой двороваго человѣка Павла Ильина—106 душъ. Крестьянамъ отданы въ полное ихъ владѣніе всѣ земли, луга и лѣса со всѣми угодьи, какія находятся въ крестьянскомъ владѣніи, именно: въ Перекаляхъ 258 д., въ Сѣрковѣ 60 д., каковую отдаваемую землю раздѣлить крестьянамъ послѣ смерти помѣщицы по ровной части на число ревизскихъ душъ той ревизіи, при которой послѣдуетъ смерть ея, почему и придется на каждую душу нынѣшней ревизіи всей вообще земли по 3 дес. За отпускъ и награду землями крестьяне обязаны доставлять кн. Гагариной неупустительно по смерть ея ежегодно тотъ самый доходъ, который она всегда получала, именно по 40 руб. съ тягла, а всего съ 28 тяголъ обѣихъ деревень ходячею монетою 1120 руб... „къ какому доходу ничего не прибавлять, ни убавлять. Но какъ имѣніе состоитъ въ залогѣ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 21000 руб., то платежъ ежегодно остальнаго долга, за уплатою помѣщицею 20332 руб. 68 коп., крестьяне принимаютъ на себя, обязываясь платить таковой долгъ исправно, каждая деревня особо, или все вообще имѣніе.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1840 г. кн. 2, ст. 10.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1840 г. кн. 5, ст. 11.

18 Октября 1840 г. состоялось условіе, утвержденное 26 іюня 1842 г. между коллежскимъ регистраторомъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ и крестьянами его Зарайскаго уѣзда, села Верхняго-Бѣлоомута. Запись совершена въ Рязанской гражданской палатѣ 30 января 1846 г. Условія увольненія были таковы. По 8 ревизіи значилось 1870 душъ; за исключеніемъ ранѣе сего отпущенныхъ на волю, нынѣ увольнялось 120 душъ. Пашенной земли не было, а состояли луга, лѣса, выгонъ и усадьба, всего 8127 десят. изъ общаго числа чрезполоснаго владѣнія съ другими владѣльцами 20196 дес. Въ уступаемыхъ крестьянамъ земляхъ размежеваться съ смежными владѣльцами самимъ крестьянамъ при посредствѣ мѣстнаго начальства, какъ слѣдуетъ. За таковое увольненіе и уступку имъ въ собственность всѣхъ земель крестьяне обязаны—1) заплатить выкупной суммы 142857 р. 14³/₄ коп. сер. (500000 р. ассигн.), въ число коей уплочено при написаніи условія 57142 р. 85³/₄ к. остальныя 85714 р. 28³/₄ коп. уплатить въ продолженіи 10 лѣтъ изъ 4% съ неуплоченной суммы; 2) уплата долга сохранной казнѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта по займу 18 марта 1837 г. на 26-лѣтній срокъ 310000 р. ассигн. 3) По уплатѣ въ 10-лѣтній срокъ разсроченной суммы выплатить въ продолженіи 3 лѣтъ, безъ процентовъ, оброчную недоимку 11428 руб. 57 коп. сер... „Когда на это условіе воспослѣдуетъ Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, тогда имъ крестьянамъ дозволяется располагать всѣми вышеписанными землями и угодьями на правѣ полной собственности, съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали по взаимному ихъ согласію раздѣлъ уступаемой имъ въ собственность луговой земли на участки, уравнявъ оные по числу нынѣ увольняемыхъ ревизскихъ душъ, т. е. на 1820, въ теченіи трехгодичнаго срока, считая оный со дня Высочайшаго утвержденія сего договора, т. е. въ положенный этотъ срокъ, составленное ими (?) между собою, луговые участки, остаются въ семействахъ ихъ собственными и наслѣдственными, лѣсныя жъ дачи, дабы сохранить ихъ отъ произвольнаго безнужнаго истребленія, на участки не дѣлятся, а должны быть они въ общемъ увольняемыхъ крестьянъ владѣніи, съ правомъ пользоваться изъ оныхъ, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы для встрѣтившихся необходимыхъ потребностей, какъ то—на случай непредвидѣнной къ постройкѣ вновь или поправкѣ чьего либо дома или другаго къ нему принадлежащаго строенія, тогда количество нужнаго на срубъ лѣса для каждаго изъ нуждающихся въ томъ

крестьянъ опредѣляется на мірской сходкѣ и назначается отпускъ лѣса по приговорамъ, вслѣдствіе коего сельское правленіе и даетъ уже крестьянину позволеніе съ указаніемъ мѣста самой рубки. Земля выгонная, рыбныя ловли и пр. угодья съ удобными и неудобными мѣстами остаются у крестьянъ также въ нераздѣльномъ владѣніи; здѣсь обыкновенно и мѣра участія каждаго изъ крестьянъ опредѣляется домашними ихъ потребностями, но въ случаѣ встрѣтившейся чьей либо нужды, выходящей изъ круга обыкновенности, какъ то—въ пользованіи изъ тѣхъ угодій болѣе значительныхъ нежели какъ обыкновенный бытъ допускаетъ, тогда мѣра участія и условности съ нимъ соединенныя, должны назначаться общимъ соглашеніемъ крестьянъ на ихъ сходѣ, утвердя оный своимъ приговоромъ. Дворовыя усадебныя мѣста с. Бѣломута, въ настоящемъ ихъ размѣрѣ существующія, навсегда должны быть наслѣдственною собственностью тѣхъ, которые на тѣхъ мѣстахъ теперь уже дѣйствительно поселены и имѣютъ тамъ постоянную осѣдлость, отводъ же вновь мѣстъ подъ поселеніе неиначе долженъ быть произведенъ какъ съ мірскаго приговора, смотря по возможности и удобству"... [1]).

Сдѣлка Огарева съ крестьянами была не разъ обсуждаема въ печати, главнымъ образомъ благодаря личности Огарева, друга А. Герцена, *идеалиста 30-хъ годовъ*. Г. Анненковъ, разсказавъ обстоятельства, при которыхъ совершилась сдѣлка, высказалъ: „состоялась сдѣлка, принесшая Огареву сравнительно ничтожную сумму, если принять въ соображеніе цѣнность уступаемыхъ имъ угодій, да и то невполнѣ выплаченную" [2]). Семевскій, подробно разобравъ договоръ и сдѣлавъ выводъ, что цѣна выкупа крестьянъ составляла 130 р. съ души, заключаетъ, что „даже для Рязанской губерніи выкупъ этотъ былъ не изъ самыхъ низкихъ" и что „такъ какъ Огаревъ былъ незауряднымъ помѣщикомъ, имѣвшимъ ввиду только свои интересы, а очень много мечталъ въ это время съ пріятелями относительно уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи, то отъ этого *идеалиста 30-хъ годовъ* можно было бы ожидать большей уступчивости крестьянамъ" [3]). Авторъ статьи—„изъ переписки недавнихъ дѣятелей", приведя оба вышеизложенныя мнѣнія, говоритъ. „Вопросъ объ относительной дорого-

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1846 г. кн. 4, ст. 22.
[2]) Вѣстникъ Европы, 1883 г. № 4, стр. 511.
[3]) Крестьянскій вопросъ, т. 2, стр. 227—231.

визнѣ выкупной платы крестьянъ Огарѣва требуетъ еще пересмотра по мѣстнымъ подробностямъ. Но, конечно, безъ относительную высоту ея слѣдуетъ приписать скорѣе денежнымъ потребностямъ Marie, чѣмъ идеалиста Nicolas. Покрайней мѣрѣ, въ одномъ письмѣ Огарева къ женѣ отъ 15 апрѣля (1840 г., вѣроятно изъ Бѣлоомута, откуда послано передъ тѣмъ другое, 21 марта), читаемъ: сегодня Алеша (?) долженъ выѣхать изъ М. (Москвы?); съ какимъ нетерпѣніемъ я жду. Неужели же ты мнѣ напишешь— нѣтъ. Этого быть не можетъ! Надо, надо кончить это дѣло, я чувствую, что это будетъ одинъ изъ хорошихъ поступковъ. Разумѣется, не что нибудь отличное, потому что я право ничего не теряю" [1]).

Пересматривая этотъ вопросъ по мѣстнымъ подробностямъ, находимъ, что г. Анненковъ былъ совершенно правъ, высказавъ, что за отпускъ крестьянъ Огаревъ получилъ *ничтожную* сумму. Ошибка г. Семевскаго, оцѣнивающаго сдѣлку иначе, состоитъ въ томъ, что имъ употребленъ невѣрный пріемъ для опредѣленія цѣны выкупа. Я упоминалъ уже выше, что дѣлать механическій расчетъ, путемъ дѣленія общей суммы выкупа на число выкупающихся душъ,—будетъ правильно лишь въ томъ случаѣ, если крестьяне выкупаютъ свою личность и не уносятъ съ собою никакого имущества. Въ послѣднемъ же случаѣ, стоимость его непремѣнно должна быть принята въ расчетъ для правильной оцѣнки условій выкупа. Г. Анненковъ такъ и сдѣлалъ, принявъ въ расчетъ *цѣнность уступаемыхъ угодій*; между тѣмъ какъ г. Семевскій, раздѣливъ сумму выкупа 236796 р. на число выкупавшихся душъ—1820, установилъ лишь стоимость выкупа одной души, т. е. личности, въ 130 руб. Принимая же въ расчетъ количество земли, предоставленное крестьянамъ, именно 8124 д., получимъ стоимость одной десятины 29 р. 13 к. Затѣмъ, опредѣливъ, что могла стоить земля въ то время, можно съ точностію сказать, получилъ ли что нибудь Огаревъ за выкупъ личности крестьянъ, и если получилъ, то сколько? Всякій кому близко извѣстно, какого рода земля была предоставлена крестьянамъ, скажетъ, что дѣйствительно, цѣна выкупа была ничтожна. Уступаемую землю составляли луга и лѣсъ. Если неизвѣстно, въ какомъ видѣ былъ послѣдній 50 лѣтъ тому назадъ, (нынѣ это прекрасный строевой сосновый и еловый лѣсъ), то луга, конечно, не измѣнились. Луга же эти расположены по

[1]) Русская Мысль 1889 г. Октябрь, стр. 15.

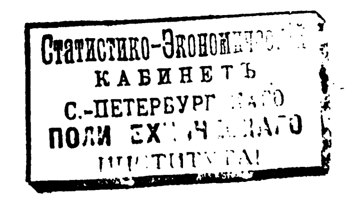
р. Окѣ и едвали не лучшіе, послѣ Дѣдновскихъ луговъ, во всей губерніи.

25 января 1841 г. заключенъ договоръ княжною Елизаветою Николаевною *Гагариною* и крестьянами ея Егорьевскаго уѣзда деревни Денисовской, утвержденный 18 января 1841 г. въ силу чего совершена крѣпостная запись въ Рязанской гражданской палатѣ, 27 ноября 1847 г. Крестьянамъ предоставлены всѣ земли, бывшія въ ихъ владѣніи, съ тѣмъ, чтобы они раздѣлили ихъ послѣ смерти кн. Гагариной по ровной части, на число ревизскихъ душъ т. е. сколько причтется на каждую, для приведенія же въ извѣстность земель и отдѣленія ихъ въ натурѣ обязаны крестьяне въ свое время испросить отъ начальства землемѣра. „За таковой безденежный отпускъ крестьянъ, говорится далѣе въ записи, и награду ихъ землями, обязаны они доставлять мнѣ неупустительно по смерть мою ежегодно тотъ самый доходъ, который я всегда получала, именно; съ каждой ревизской души по 4 р. 28⁴/₇ к. с., а всего съ 29 душъ, исключая двухъ уволенныхъ мною отъ платежа серебр. 115 руб. 71³/₇ к., къ каковому моему господскому доходу ничего не прибавлять, и не убавлять“. Такъ какъ имѣніе состояло въ залогѣ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, то уплату процентовъ кн. Гагарина приняла на себя, а послѣ ея смерти должны были платить крестьяне. Ко времени смерти кн. Гагариной, долгу на имѣніи лежало 1515 р. 34 к. да на приведеніе займа въ порядокъ слѣдовало уплатить за 1844 и 1845 гг. 205 р. 10 к. На всѣ условія крестьяне изъявили согласіе, потому болѣе, говорится въ записи, что и прежде господскимъ оброкомъ, который и теперь остается въ томъ же видѣ, мы отягощены не были и во всемъ оставались довольны, не терпя ни въ чемъ недостатковъ [1]).

Изъ всѣхъ трехъ сдѣлокъ кн. Гагариной настоящая была самою выгодною для крестьянъ, такъ какъ она, ничего не прибавляя къ текущимъ повинностямъ, предоставляла имъ свободу послѣ смерти помѣщицы, за уплату по лежащему на имѣніи долгу, процентовъ и погашенія, сумма коихъ едва ли была выше суммъ оброка. Но предъидущія двѣ сдѣлки, съ крестьянами Зарайскаго и Михайловскаго уѣздовъ, были довольно тяжелы, такъ какъ погашеніе долга со времени совершенія договора лежало на обязанности крестьянъ, чѣмъ косвенно значительно увеличивались ихъ повинности. По счастливой для крестьянъ случайности, они

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1847 г. кн. 4, ст. 211.

скоро освободились отъ господскихъ повинностей, такъ какъ въ 1843 г. кн. Гагарина умерла, а, слѣдовательно, съ этого времени крестьяне обязаны были оплачивать только долгъ по займу.

6 сентября 1846 г. утвержденъ договоръ между надворнымъ совѣтникомъ Василіемъ Гавриловичемъ *Рюминымъ* и крестьянами его Зарайскаго уѣзда деревни Клинской объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы. Запись совершена въ Рязанской Гражданской Палатѣ 1 декабря 1847 г. Было уволено 123 души, а за исключеніемъ одного проданнаго, 122 души. Крестьянамъ предоставлялось въ собственность все вообще ихъ крестьянское движимое и недвижимое имущество и вся земля $773^1/_2$ дес., въ томъ числѣ въ спорѣ съ казенными крестьянами $262^1/_2$ дес. За уступаемыя земли крестьяне обязались внести Рюмину сер. 5142 руб. $85^5/_7$ к., въ число коихъ внесено ранѣе совершенія записи 1714 р. $28^4/_7$ к., а остальныя 3428 р. $57^1/_7$ к. надлежало выплатить въ 1846, 1847 и 1848 гг. поровну, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, съ законными процентами на оставшуюся сумму. Затѣмъ, на крестьянъ возложена уплата долга Московскому Опекунскому Совѣту по займу Рюмина 17 мая 1845 г. на 37 лѣтъ сер. 8540 р. Далѣе въ записи изложено: „Не требуя за доставленіе полной свободы съ крестьянъ никакого вознагражденія и освобождая отъ платежа ихъ оброчныхъ денегъ за весь 1845 г., Рюминъ желаетъ, чтобы неуплаченные ему по случаю неурожайныхъ годовъ деньги въ количествѣ сер. 1953 р. оставались съ разсрочкою въ разные годы и съ облегченными процентами въ собственности всего общества увольняемыхъ крестьянъ. Деньги эти находятся между крестьянами въ долгу подъ названіемъ мірского капитала, предназначеннаго на предметъ вспомоществованія въ случаѣ ихъ нуждъ... а также предоставляетъ онъ имъ въ общественную собственность всю законную пропорцію хлѣба, находящагося нынѣ въ сельскомъ запасномъ магазинѣ и такимъ образомъ, предоставляя всѣ способы къ благосостоянію крестьянъ и лишая себя дохода, нынѣ получавшагося съ нихъ 1000 р. с. онъ будетъ удовольствоваться процентами съ капитала, около 550 р. Они же крестьяне, признавая изъявляемую имъ Рюминымъ волю и пожертвованіе не только для нихъ, но и для потомства ихъ благодѣтельными и содержа въ памяти счастливое нахожденіе подъ управленіемъ и покровительствомъ его высокоблагородія, пріемлютъ столь человѣколюбивое объ нихъ попеченіе за истинное благодѣяніе и оставаясь за таковыя его милости вѣчно къ нему благодарными, почтутъ себѣ священнымъ долгомъ эти

сердечныя чувства признательности передать потомкамъ ихъ... вся земля... должна быть раздѣлена по ровну, по числу наличныхъ душъ, какое состояло при заключеніи условія; но такъ какъ по неодинаковому состоянію крестьянъ нѣкоторые изъ нихъ не могутъ заплатить выкупной суммы сполна, то на этотъ предметъ предоставляется самимъ крестьянамъ раздѣлить всю землю по количеству внесеннаго за себя каждымъ выкупа безъ обиды другъ друга [1]), и этотъ окончательный расчетъ учинить имъ въ 1850 г. съ тѣмъ, чтобы въ продолженіи этого времени каждый внесъ слѣдующую съ него выкупную сумму, кто же изъ нихъ этимъ правомъ къ вышеизложенному сроку не воспользуется, тотъ остается при томъ участкѣ земли, какимъ нынѣ владѣетъ; для пресѣченія же на будущее время между крестьянами споровъ и всякихъ неудовольствій сдѣлать при селеніи общій выгонъ скота. Вѣчный денежный сборъ Высочайше утвержденный изъ доходовъ помѣщичьихъ на содержаніе Александровскаго воспитательнаго заведенія асс. по 8 коп. съ ревизской души, или единожды по 2 р., и на пансіонъ, содержимый дворянствомъ при Рязанской губернской гимназіи по 1848 г. по 4 к. съ души, оный крестьяне платежъ принимаютъ на себя" [2]).

28 Августа 1848 г. утвержденъ договоръ штабсъ-капитанши Прасковьи Николаевны *Никитиной* съ крестьянами ея Егорьевскаго уѣзда деревни Поповки; запись выдана 24 мая 1851 г.; уволено 129 душъ, земли дано 476 дес. Землю эту, говорится въ актѣ, хотя и слѣдовало бы ей, Никитиной, раздѣлить крестьянамъ на участки по душамъ, однакожъ по случаю состоянія нѣкоторыхъ частей сихъ земель въ чрезполосномъ владѣніи, исполнить сего въ настоящее время нельзя, а потому предоставляется самимъ крестьянамъ, когда они найдутъ то удобнымъ, испросить себѣ землемѣра и раздѣлить между собою землю полюбовно въ теченіи годичнаго срока, со времени Высочайшаго утвержденія сего договора, на равные участки по числу душъ, которое будетъ состоять при наступленіи помянутаго срока. За увольненіе крестьяне обязались уплатить Никитиной 10200 р. с., въ число коихъ получено уже 377 р. 77 к., да уплачено крестьянами за помѣщицу въ Московскій Опекунскій Совѣтъ 3022 р. 22 к., въ дополненіе же остальной суммы крестьяне приняли на себя платежъ долга

---

[1]) Ст. 763, т. 9, Св. Зак. изд. 1842 г. п. 3, лит. а).

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1847 г., кн. 4, ст. 215.

Московскому Опекунскому Совѣту 6800 р., по займу въ 1832 г. января 23 дня. Независимо сего, обязались вѣчнымъ платежемъ на Александровское заведеніе по 8 коп. ассигн. съ души, да на благородный пансіонъ при Рязанской гимназіи [1]).

17 Сентября 1848 г. утвержденъ договоръ надворнаго совѣтника Василія Гавриловича Рюмина съ крестьянами его Егорьевскаго уѣзда, селеній—Угорной слободы, Березниковъ, Васильковой, Шараповой и Погостищъ, согласно чего выдана запись 24 февраля 1849 г. Всего уволено 460 душъ, коимъ предоставлена въ собственность вся земля 2895 дес. Крестьяне заплатили выкупной суммы 8740 рублей и приняли на себя уплату долга Московскому Опекунскому Совѣту по займу Рюмина 20 іюля 1844 г. 32200 р. Далѣе, какъ и въ предыдущемъ договорѣ Рюмина съ крестьянами Зарайскаго уѣзда, содержатся условія объ образованіи изъ оброчной недоимки 1792 р. 57¼ к. мірскаго капитала; заявленіе Рюмина о томъ, что отпускомъ на волю крестьянъ онъ лишается дохода 3000 руб., ограничиваясь процентами съ капитала въ 1600 р.; указанія о раздѣлѣ земли по суммѣ внесенныхъ каждымъ крестьяниномъ денегъ и уплата сборовъ на Александровское училище и благородный пансіонъ [2]).

1 Октября 1848 г. утвержденъ договоръ между статскимъ совѣтникомъ Платономъ Алексѣевичемъ и гвардіи полковникомъ Александромъ Алексѣевичемъ кн. *Мещерскими* съ крестьянами Зарайскаго уѣзда сельца Игнатовки, вслѣдствіе чего выдана запись 23 іюня 1849 г. Отпущено на волю 49 душъ со всею землею въ 307 дес. Далѣе, въ записи изложено: „раздѣлить увольняемымъ крестьянамъ между собою по числу внесеннаго капитала и соразмѣрно съ онымъ получить въ пользованіе земли, къ каковому раздѣлу земель имѣется между крестьянами списокъ, утвержденный общею ихъ подписью". Уполномоченный же отъ всѣхъ крестьянъ сельца Игнатовки, съ чувствомъ живѣйшей признательности къ таковому благодѣянію господъ своихъ за освобожденіе ихъ съ принадлежащими къ селенію землями въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, обязался отъ всего общества крестьянъ заплатить 15000 руб. сер., въ счетъ каковой суммы вошелъ долгъ Московскому Опекунскому Совѣту, по займу 1844 г. 17 января въ 3540 руб. сер., на 37 лѣтъ, да долгъ Рязанскому Приказу

---

²) Ряз. Гражд. Пал. 1849 г. кн. 4, стр. 29.

¹) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 4, ст. 82.

Общественнаго Призрѣнія, по займу 20-го октября 1844 года въ 1060 р.; сверхъ сего, зачтено за проданный по желанію самихъ крестьянъ въ 1843 г. Мельгуновой въ Озерицкой дачѣ 48 дес. лугу,— 4600 руб., остальные же 5600 р. были внесены ранѣе совершенія записи [1]).

19 Ноября 1848 г. утвержденъ договоръ между надворнымъ совѣтникомъ Василіемъ Гавриловичемъ Рюминымъ и крестьянами его Касимовскаго уѣзда 14 селеній—Карневой, Бѣлой, Ступиной, Сосниной, Ляпиной (Уткино тожъ), Гурѣевой, Макаровой, Иванисовой (Барсуки тожъ), Вытреевны, Букрѣевой (Васино тожъ), Давыдовой, Деминой, Тимохиной (Желудково тожъ), Захаровой (Извѣково тожъ). Запись выдана 24 февраля 1849 г. Всего отпущено 1769 душъ (да кромѣ того одна спорная), со всею ихъ землею, 8881 дес. Крестьяне уплачивали сер. 33611 р. въ число коихъ 30442 р. были уже внесены до совершенія записи, а остальные 3169 р. обязаны были уплатить въ декабрѣ 1847 г.; сверхъ сего, крестьяне принимали на себя уплату долга Московскому Опекунскому Совѣту по займу 20 іюля 1844 г. на 37 лѣтъ сер. 123830 рублей. Относительно обращенія крестьянской недоимки въ оброчныхъ деньгахъ, 8658 руб. 57½ к. въ мірской капиталъ, потери Рюминымъ дохода болѣе 11000 р., взамѣнъ чего онъ будетъ довольствоваться процентами съ капитала въ 6000 р.; о раздѣлѣ земли сообразно денегъ, уплаченныхъ каждымъ на выкупъ, и о платежахъ на Александровское заведеніе и на благородный пансіонъ,—въ записи изложено такъ же, какъ и въ двухъ предыдущихъ, по Зарайскому и Егорьевскому уѣздамъ [2]).

Въ запискахъ Д. И. Ростиславлева о продавцѣ Рюминѣ сказано: „Василію достались деревни Тумскаго прихода и окрестностей этого села. Это былъ едва ли не самый лучшій по отношенію къ крестьянамъ изъ сыновей Рюмина. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца своего онъ рѣшился на рѣдкій во время крѣпостничества поступокъ, какъ увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Поступокъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что старшій братъ Николай давалъ ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этой человѣкъ недолго пожилъ“ [3]).

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1849 г. кн. 4, ст. 88.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1849 г. кн. 4, ст. 28.

[3]) Русская Старина 1894 г. № 12.

Если принять въ соображеніе, что съ предоставленіемъ крестьянамъ земли 8881 д. за сумму 157441 р., цѣна одной десятины будетъ около 17 руб.--нельзя не признать отзыва о Рюминѣ согласнымъ съ истиной.

13 Января 1850 г. утвержденъ договоръ кн. Михаила Андреевича Барятинскаго съ крестьянами его Зарайскаго уѣзда дер. Астаповой; запись выдана 7 августа 1857 г. уже послѣ смерти князя. Уволено 55 душъ, коимъ предоставлено въ вѣчное и потомственное владѣніе все ихъ имущество, скотъ, строеніе, земля, 118 дес. со всѣми угодьями, огородами, гуменниками, съ тѣмъ, чтобы крестьяне раздѣлили ее между собою, по утвержденіи сдѣлки, по числу душъ. Имѣніе было заложено въ 1845 г. 27-го сентября въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, въ суммѣ 70 р. на душу. уплата каковаго долга возложена на крестьянъ, и кромѣ того, вѣчный взносъ по 8 коп. съ души на Александровское заведеніе и по 4 к. на благородный пансіонъ. Болѣе на крестьянъ не возложено никакихъ обязанностей [1]).

31 Марта 1850 г. утвержденъ договоръ между женою гвардіи поручика Елизаветою Николаевною Кротковою и крестьянами ея Егорьевскаго уѣзда деревень—Фильчаковой, Кочмы, Чигаровой и Деревнищи; запись совершена 23 января 1851 г. Уволено крестьянъ—въ Фильчаковой—158 душъ, въ Кочмѣ—90, въ Чигаровой—14, и въ Деревнищахъ—24, а всего 286 душъ. Земли за крестьянами состояло—при дер. Фильчаковой 277 дес., къ дер. Кочмѣ 600 дес., къ дер. Чигаровой 15 дес. 1200 с., и къ дер. Деревнищамъ 570 д., итого 1462 дес. 1200 саж.; да въ разныхъ отхожихъ пустошахъ 608 дес. 2093 саж., а всего 2071 дес. 993 с. Въ числѣ этихъ земель были части пріобрѣтенныя къ имѣнію при денежномъ пособіи нѣкоторыхъ семействъ изъ крестьянъ, которые оными землями имѣли особое отъ прочихъ владѣніе, почему эти части выдѣлены семействамъ тѣмъ особо, а именно: 21 семейству всего особыхъ владѣній 242 дес. 448 саж., прочая жь земля 1829 дес. 445 саж. подлежала разверсткѣ между крестьянами такъ. Изъ числящейся при деревнѣ Фильчаковой и Кочмѣ земли съ пустошами 1278 дес. 2093 саж., за выдѣломъ крестьянамъ дер. Фильчаковой и Кочмы въ особое владѣніе, 21 дес. 448 саж., остальные 1257 дес. 1645 саж. раздѣлить крестьянамъ обѣихъ

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 1. ст. 103.

селеній по ровному количеству на наличное число домохозяевъ и состоящихъ въ семействахъ ихъ въ то время тягловыхъ мужескаго пола 248 душъ, по 5 д. 17 п. с. на каждую душу. По такому распредѣленію приходилось на каждаго домохозяина минимально 5 дес. 171 саж. и максимально 40 дес. 1369 саж. при 28 домохозяйствахъ, и 155 тягловыхъ душахъ. а на нихъ всей земли 786 дес. 125 саж. по дер. Фильчаковой, а по дер. Кочмѣ на каждаго домохозяина минимально 5 дес. 171 саж. и максимально 30 дес., 1027 саж. при 25 домохозяйствахъ и 93 тягловыхъ д., на нихъ всей земли 471 д. 1520 саж. При деревнѣ Деревнищахъ съ пустошами всей земли 769 дес., выдѣлялось особо крестьянамъ 221 дес., остальные 548 д. дѣлились по ровному количеству на всѣ тягловыя души, въ оной деревнѣ состоящія, т. е. по 22 д. 2000 саж. При такомъ распредѣленіи пришлось на каждаго домохозяина минимально 22 дес. 2000 с. и максимально 114 дес. 400 саж. при 8 домохозяйствахъ и 24 тягловыхъ душахъ, а на нихъ всей земли 548 дес. Деревня Чигарева на состоящія въ ней тягловыя души должна была раздѣлить одну свою землю, не требуя никакого награжденія изъ земель, принадлежавшихъ другимъ деревнямъ. При такомъ раздѣлѣ пришлось на душу по 1 дес. 1628 саж. на домохозяйство же минимально 3 дес. 857 саж., а максимально 8 дес. 944 саж., всего 4 домохозяйства, 14 душъ, всей земли 23 дес. 1200 саж. А какъ въ дер. Деревнищахъ противъ прочихъ деревень было значительное превосходство по числу душъ въ землѣ и лѣсныхъ угодьяхъ, то крестьяне этой деревни обязались въ пособіе крестьянамъ деревень Фильчаковой и Кочмы внести откупную сумму за 8 тягловыхъ душъ означенныхъ деревень и за оныя же 8 душъ приняли на себя платежъ въ Опекунскій Совѣтъ какъ капитала, такъ и процентовъ. По размежеваніи земель, раздѣлъ ихъ на тягловыя души крестьяне обязались привести въ исполненіе въ теченіи 2-хъ лѣтъ, считая со дня подписанія договора. За увольненіе крестьяне обязались уплатить Кротковой 32800 р. с., въ счетъ приняли на себя долгъ Московскому Опекунскому Совѣту отъ 20 января 1844 г. подъ залогъ сего имѣнія въ 20090 р. с. на 37 лѣтъ; остальные 12790 р. с. были уплачены ранѣе. Въ заключеніе въ записи сказано; если же случиться можетъ, что по раздѣленіи земли и платежей на каждато домохозяина нѣкоторые изъ нихъ будутъ неисправные къ сроку плательщики, то за таковыхъ отвѣтствовать всѣмъ обществомъ, внося своевременно платежи по раскладкѣ; внутреннее съ неисправныхъ взысканіе производить по

приговору мірскаго общества и отдачею нерадивыхъ въ заработки и т. п. средствами [1]).

13 Января 1851 г. утвержденъ договоръ между дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анною Ивановною *Кошелевою* и крестьянами ея Скопинскаго уѣзда деревни Горюшкиной. Запись совершена 16 августа 1851 г. Уволено 40 душъ, съ землею 170 десятинъ. Крестьяне обязались платить помѣщицѣ ежегодно по смерть ея 200 р. сер. въ три срока: январь, май и сентябрь, оплачивать долгъ по залогу имѣнія въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ 26 мая 1849 г. на 37 лѣтъ, въ 3200 руб. сер.; доставлять помѣщицѣ пожизненно, ежегодно, изъ крестьянской экономіи, 8 четвертей гречневыхъ крупъ. Земля находилась въ чрезполосномъ владѣніи; крестьяне обязывались сами размежеваться полюбовно землями къ однимъ мѣстамъ и раздѣлить между собою всю землю и угодья въ теченіи 4 лѣтъ со дня утвержденія договора, на разные участки по тому числу душъ, какое будетъ состоять на лицо при наступленіи срока для таковаго раздѣла. Помимо сего, на крестьянъ возложены платежи по постановленіямъ дворянства. Въ заключеніи акта изображено, что въ знакъ благодарности за представляемую свободу „я увѣрена, они будутъ по смерть мою отпускать ко мнѣ для услугъ, въ случаѣ необходимости, вдовъ и дѣвокъ, срокомъ на годъ и болѣе, если сами того пожелаютъ, а равно по смерти моей не откажутся перевезти тѣло мое въ село Ролиново и похоронить при церкви онаго во имя Успенія Пресвятыя Богородицы“. Наконецъ, крестьяне обязались уплатить, совмѣстно съ крестьянами Зарайскаго уѣзда (см. ниже), казенную недоимку 372 руб. сер. [2]).

13 Января 1851 г. утвержденъ договоръ между тою же *Кошелевою* и крестьянами Зарайскаго уѣзда села Ролинова, деревни Лариной, Зименокъ и Требовой; запись совершена 16 августа 1851 г. Было уволено 337 душъ. Земли состояло при селѣ Ролиновѣ 988 дес. 1243 саж., при дер. Лариной 349 с., при дер. Зименкахъ 218 дес. и при дер. Требовой 207 дес. 2040 саж., а всего 1759 дес. 1532 саж. Крестьяне обязывались платить ежегодно по день смерти помѣщицы 1400 р. въ три срока; выплатить взятые изъ Зарайскаго комитета для обсѣмененія озимыхъ полей сер. 1784 р., вычтенные у нея при залогѣ имѣнія, кои должны быть

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 4, ст. 13.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 1, ст. 107.

возвращены въ теченіе двухъ лѣтъ со дня утвержденія договора. Имѣніе было заложено въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ 26 мая 1849 г. на 37 лѣтъ и уплату долга 27600 руб. крестьяне принимали на себя. Кромѣ того, они обязывались доставлять помѣщицѣ ежегодно, по день ея смерти, изъ крестьянской экономіи 450 пудъ ржаной муки, 5 четв. ситной, 1½ поклеванной, 10 п. свинаго мяса, 5 пуд. коровьяго масла, 100 яицъ, 100 четв. овса, 800 арш. холстины, 10 талекъ нитокъ, ½ п. пряденой шерсти. Всю землю и угодья крестьяне должны были раздѣлить между собою въ теченіе 4 лѣтъ со дня утвержденія договора, на равные участки по тому числу душъ, какое будетъ состоять на лицо при наступленіи срока. Затѣмъ, на крестьянъ падалъ сборъ на общеполезные предметы по постановленіямъ дворянства. Объ отпускѣ для услугъ вдовъ и сиротъ постановлено тоже, что и въ предъидущемъ договорѣ. Наконецъ, крестьяне обязались уплатить за помѣщицу казенную недоимку 372 р., совмѣстно съ крестьянами Скопинскаго уѣзда (см. выше). Условія договора, говорится въ заключеніи записи, крестьяне находятъ не только къ исполненію возможными, но и благодѣтельными [1]).

Однако, крестьяне скоро стали неисправными плательщиками; не смотря на льготный отпускъ на волю, они перестали платить условленныя повинности, ссылаясь на градобитья и пожары. Помѣщица пришла въ совершенную крайность, стала жить почти Христа ради, не имѣя никакихъ средствъ. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ возникло объ этомъ дѣло, стали обслѣдовать, точно ли были градобитья и пожары, и это обслѣдованіе затянулось на цѣлые четыре года и по истеченіи оныхъ дѣло не было рѣшено, крестьяне денегъ неплатили, а помѣщица оставалась безъ средствъ [2]).

20 іюля 1852 г. утвержденъ договоръ между штабсъ-ротмистромъ Никаноромъ Сергѣевичемъ Сухановымъ и крестьянами его Михайловскаго уѣзда, дер. Новаго Пояркова: запись совершена 30 октября 1852 г. Мотивомъ увольненія выставлено то обстоятельство, что крестьяне, за оказанные ими помѣщику услуги, пользовались его милостями. Увольнялось 78 ревизскихъ душъ. На крестьянъ переводился долгъ Московскому Опекунскому Со-

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1851 г. кн. 1, ст. 110.

[2]) Семеновъ, освобожденіе крестьянъ, т. 2. Засѣданіе общ. присут. Редакц. Ком. 13 янв. 1860 г.

вѣту 4774 р. 17 к., да процентовъ 119 р. 38 к., итого 4893 руб. 55 коп. Земли дано 228 д. Кромѣ того, на крестьянъ возложенъ сборъ на Александровское заведеніе и благородный пансіонъ. Землю положено раздѣлить по ровнымъ частямъ на каждую ревизскую мужскаго пола душу, въ теченіи двухъ лѣтъ со дня совершенія надлежащей у крѣпостныхъ дѣлъ записи объ увольніи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ [1]).

Современное состояніе крестьянъ таково. По земской переписи 1885 года всѣхъ домохозяйствъ 43, въ нихъ наличныхъ мужескаго пола душъ 152, земли 220 десятинъ. Работниковъ 75, на каждаго приходится земли 2,9 десятины, безземельныхъ нѣтъ. Платежей сходитъ: съ 1 десятины 3 р. 10 к., съ работника 9 р. 10 к. Почва черноземная, луга большею частію заливные, всего 39 дес. Долгъ уплоченъ въ 1873 году. Первоначальный раздѣлъ земли по ревизскимъ душамъ былъ при выкупѣ; но подворное владѣніе здѣсь не установилось, такъ какъ точно участки не были отведены въ натурѣ, а въ 1878 и 1880 гг. крестьяне вновь подѣлили всю землю по наличнымъ душамъ, срокомъ на 12 лѣтъ [2]).

23 Сентября 1852 года утвержденъ договоръ между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Гавриловичемъ Рюминымъ и крестьинами его Спасскаго уѣзда села Старой Рязани и деревни Шатрищъ: запись совершена 19 декабря того же года. Было уволено въ Старой Рязани 136 душъ, и въ Шатрищахъ 4, итого 140; при нихъ земли пахатной 26½ д., луговой 50 д., усадебной и подъ огородомъ 12 д., подъ выгономъ 3 д., неудобной 5 дес., въ Шатрищахъ, усадебной 1½ дес. Земля должна быть разверстана на участки, согласно ст. 763 т. 9 св. зак., по ровной части на каждую ревизскую душу, независимо отъ помѣщика. Крестьяне принимали это увольненіе за особенную отъ господина своего милость и вмѣняли себѣ въ священную обязанность выполнить условія отпускной. Они должны были заплатить въ теченіе 14 лѣтъ 14000 т. р. сер. по 1000 руб. ежегодно, и по уплатѣ всей обязанной суммы имѣли право поступить въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, (такъ были переименованы въ царствованіе Императора Николая Павловича свободные хлѣбопашцы), а при не уплатѣ возвращаются въ крѣпостное состояніе. При чемъ, самый раздѣлъ земли могъ

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1852 г. кн. 1, ст. 170.

[2]) Сборн. Стат. Свѣдѣн. т. 4, стр. 114, 231, 240.

быть произведенъ по совершенной уплатѣ денегъ, по числу душъ, которое тогда будетъ въ ревизіи. На крестьянъ же возложена уплата сборовъ по постановленію дворянства [1]).

5 Февраля 1854 г. утвержденъ договоръ между статскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Ивановичемъ *Ильинымъ* и крестьянами его Егорьевскаго уѣзда сельца Лѣскова; запись совершена 28 января 1855 г. Уволено 88 душъ, при нихъ земли 695 дес. Земля подлежала раздѣлу между крестьянами по числу денегъ, внесенныхъ каждымъ для общаго ихъ выкупа, при условіи надѣленія землею вдовъ и сиротъ для безбѣднаго ихъ продовольствія; при чемъ раздѣлъ долженъ быть совершенъ не далѣе 2 лѣтъ по утвержденіи сдѣлки. Крестьяне должны были уплатить помѣщику 4000 р. сер. и кромѣ того долгъ Петербургскому Опекунскому Совѣту 6160 руб. сер., а равно уплачивать всѣ установленные и впредь могущіе быть установленными сборы по постановленію дворянства". А въ заключеніе сего, говоритъ запись, въ ознаменованіе ихъ благодарности, за милостивое попеченіе о нихъ помѣщика ихъ, въ продолженіе болѣе 50-лѣтняго владѣнія, имъ поддерживать отъ разрушенія памятникъ и могилу покойной его родительницы, Маріи Владиміровой, лежащей при церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы"... Они принимаютъ на себя и будутъ передавать потомству ихъ сохраненіе сего памятника и могилы бывшей ихъ помѣщицы доброй [2]).

При обслѣдованіи въ 1895 г. выяснилось, что выкупъ помѣщику уплаченъ въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ; деньги добывались отъ заработковъ (выработка пеньки, плотничество). Долгъ Опекунскому Совѣту уплаченъ въ 1883 г.; большая часть денегъ добыта отъ заработковъ, частью же отъ продажи земли и лѣса. Изъ земскаго обслѣдованія 1885 г. видно, что всѣхъ домохозяйствъ 55, въ нихъ наличныхъ мужскаго пола душъ 161, земли 543 дес., безземельныхъ семей 3; на 1 дес. падаетъ сборовъ 1 руб. 30 к., на работника 8 руб. Землевладѣніе общинное, земля подѣлена по ревизскимъ душамъ при выходѣ на волю въ 1855 году; послѣ передѣла не было. Одновременно подѣлена и большая часть луговъ, поросшихъ кустарникомъ, а луга чистые передѣляютъ ежегодно. Земля черезполосна съ другими владѣльцами. По свѣдѣніямъ земской управы къ 1894 году за обществомъ значилось

---

1) Ряз. Гражд. Пал. 1852 г. кн. 4, ст. 212.

2) Ряз. Гражд. Пал. 1855 г. кн. 1, ст. 25.

земли лишь 387 десятинъ, а остальная перешла къ купцамъ и мѣщанамъ. Памятникъ на могилѣ Ильиной крестьяне поддерживаютъ и въ 1895 г. составили приговоръ о капитальномъ ремонтѣ [1]).

12 Ноября 1854 г. утвержденъ договоръ между дочерью статскаго совѣтника дѣвицею Софьею Михайловною *Даниловою* и крестьянами ея Зарайскаго уѣзда сельца Борисовой Околицы; запись совершена 30 мая 1855 года. Отпущено на волю 151 душа, съ землею—531 дес. Землю предоставлялось крестьянамъ раздѣлить самимъ въ двухлѣтній срокъ, по ровну, по числу наличныхъ душъ. На крестьянъ возлагалась обязанность уплатить долгъ Московскому Опекунскому Совѣту 9060 р. и, кромѣ того, крестьяне приняли на свои хлопоты и издержки процессъ Даниловой съ Дмитріевымъ о взысканіи послѣднимъ съ первой 3000 руб. убытковъ, за владѣніе 18 дес. земли. Наконецъ, на крестьянъ возложены сборы съ помѣщичьихъ имѣній на Александровское заведеніе по 5 коп. съ души и всѣ сборы, какіе дворянствомъ положены и правительствомъ одобрены [2]).

22 Мая 1856 г. утвержденъ договоръ между маіромъ Дмитріемъ Григорьевичемъ *Федцовымъ* и крестьянами его Раненбургскаго уѣзда дер. Кордюковъ; запись совершена 4 марта 1857 г. Уволено 14 душъ и при нихъ земли 82 дес. Крестьяне обязались платить ежегодно, по конецъ жизни помѣщика, по 90 руб. сер. въ три срока, и уплачивать долгъ Московскому Опекунскому Совѣту 1001 р. Затѣмъ, доставлять помѣщику изъ крестьянской экономіи ежегодно, по смерть, 12 четв. ржаной муки, 10 четвертей овса и 8 четв. гречневыхъ крупъ. Земля должна быть раздѣлена между крестьянами въ теченіе 2 лѣтъ со дня утвержденія договора, на равные участки, потому числу душъ, какое будетъ состоять на лицо при наступленіи срока для раздѣла земли. Кромѣ сего, крестьяне принимали на себя уплату сборовъ съ помѣщичьихъ имѣній по постановленіямъ дворянства. „Въ знакъ благодарности, говоритъ запись, за предоставляемую мною крестьянамъ и дворовымъ людямъ свободу, я увѣренъ, что они будутъ по смерть мою отпускать ко мнѣ для услугъ людей мужскаго и женскаго пола, если они того пожелаютъ". Крестьяне находили

---

[1]) Сборн. Ст. Свѣд. т. 5, вып. 1, стр. 50—57; вып. 2, стр. 105—106.

[2]) Ряз. Гражд. Пал. 1853 г. кн. 4, ст. 101.

условія договора „нетолько къ исполненію возможными, но даже чрезвычайно благодѣтельными“ [1]).

Современное положеніе крестьянъ по земскимъ статистическимъ свѣдѣніямъ 1882 года, а равно и по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ 1895 году, таково. Повинности помѣщику крестьяне платили недолго, ибо, года два спустя, около отпуска крестьянъ на волю онъ умеръ. Денежную повинность крестьяне заплатили всего одинъ разъ, а равно и хлѣбную, отвезя припасы въ Рязань. Долгъ по займу сохранной казны уплаченъ въ 1881 году. Платежи, какъ помѣщику, такъ и въ сохранную казну установили по разверсткѣ съ ревизской души, до 10 ревизіи—съ 14 душъ, а послѣ—съ 18 душъ. Землевладѣніе установилось общинное, съ раздѣломъ земли по душамъ. За смертію двухъ дворовыхъ принадлежащая имъ земля перешла въ общество, и съ этого времени земля распредѣлена на 16 душъ. Крестьяне очень зажиточны, живутъ съ большимъ достаткомъ, въ каждомъ дворѣ въ среднемъ 4 лошади и 2 коровы; запасы хлѣба; арендуютъ много земли у сосѣднихъ владѣльцевъ; работами на помѣщиковъ почти не занимаются [2]).

28 Декабря 1856 года утвержденъ договоръ между маіоршею Екатериною Александровною *Романовою* и крестьянами ея Егорьевскаго уѣзда дер. Бормусовой; запись совершена 4 марта 1857 г. Уволено 119 душъ съ землею въ 718 дес. Земля подлежала раздѣлу между крестьянами по числу ревискихъ душъ мужскаго пола, уравнительно, а самый раздѣлъ слѣдовало произвести не далѣе какъ въ теченіи 2 лѣтъ „и тогда каждый отдѣльный участокъ останется въ собственномъ владѣніи того, за кѣмъ оный отмежеванъ будетъ, а для пресѣченія на будущее время споровъ и ссоръ, сдѣлать имъ, крестьянамъ, при дер. Бормусовой общій выгонъ для скота“. За увольненіе крестьянами уплачено помѣщицѣ единовременно 3570 руб. сер., принятъ долгъ Московскому Опекунскому Совѣту по займу 1852 г. на 37 лѣтъ 8330 р. и вѣчный сборъ на Александровское заведеніе по 2¹/₄ коп. сер. съ души ежегодно [3]).

Изъ обслѣдованія, произведеннаго мною въ 1895 году, видно, что земля подѣлена между крестьянами на 120 частей (одинъ крестьянинъ по малолѣтству семьи былъ надѣленъ двумя долями). Долгъ уплачивался каждымъ дворомъ соразмѣрно долѣ участія его въ пользованіи землею. Выкупная сумма помѣщицѣ уплачена

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1857 г. кн. 4, ст. 46.

[2]) Сборн. Стат. Свѣд. т. 2, вып. 1, стр. 146—150, 313, 314.

[3]) Ряз. Гражд. Пал. 1857 г. кн. 4, ст. 52.

въ первые два года. Средства къ уплатѣ были: единовременные 3570 руб. отъ заработковъ (плотничество). Земля по качеству грунта не могла оправдать долга. Долгъ Опекунскому Совѣту уплаченъ въ 1888 году; каждый домохозяинъ платилъ сообразно своей долѣ (1/20). Средства къ уплатѣ—заработки. По ревизскимъ душамъ земля не передѣлялась; дѣленіе на 120 частей сохранилось и доселѣ. При дробленіи семействъ дробится и основной участокъ. Безземельныхъ въ обществѣ нѣтъ. Случаевъ продажи участковъ было только два, по причинѣ переселенія въ другое общество.

2 Марта 1857 г. утвержденъ договоръ между надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ *Барыковымъ* и крестьянами его Егорьевскаго уѣзда деревень—Большой Гридиной, Собакиной и Малой Гридиной; запись совершена 31 мая 1857 года. Уволено 407 душъ, съ землею 2844 дес. Землю предоставлено крестьянамъ раздѣлить „по числу денегъ, внесенныхъ каждымъ изъ нихъ на наличное количество по 9 ревизіи мужеска пола душъ, для общаго ихъ выкупа и тогда каждый отдѣльный участокъ останется въ собственности того, за кѣмъ оный отмежеванъ будетъ; для пресѣченія на будущее время споровъ и ссоръ сдѣлать имъ, крестьянамъ, при деревняхъ общіе выгоны для скота“. Раздѣлъ произвести не далѣе 15 іюля 1858 г. За увольненіе крестьяне должны были уплатить въ теченіе 2 лѣтъ со дня совершенія записи 3500 р. с. долгъ Московскому Опекунскому Совѣту, по займу 1855 г. на 37 лѣтъ, 32800 р. На крестьянъ же отнесены и сборы по постановленіямъ дворянства. Затѣмъ первоначальный договоръ измѣненъ добавочнымъ, въ томъ смыслѣ, что земля, по утвержденіи правительствомъ увольняемыхъ крестьянъ въ новомъ званіи, должна быть въ тоже время, и не далѣе двухъ лѣтъ, ими раздѣлена не по числу денегъ, внесенныхъ каждымъ изъ крестьянъ, а въ ровномъ количествѣ—по числу душъ каждаго семейства [1]).

По договору, заключенному 2 ноября 1858 г. между коллежскимъ секретаремъ Александромъ Леонтьевичемъ *Гурко* съ крестьянами Касимовскаго уѣзда дер. Поповской дворовыхъ 9 душъ, и крестьянъ 221, и въ дер. Тимгеневой 52 души, всего 282 души, заложенныя въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 19740 р. сер. Освобождено имъ отъ залога въ дер. Поповской 9 дворовыхъ и 78 крестьянъ безъ земли, и въ дер. Тимгеневой всѣ 52 души съ землею. Изъ числа выкупленныхъ такимъ образомъ 139 душъ были переселены

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал 1857 г. кн. 4, ст. 131.

въ Могилевскую губернію—изъ дер. Поповской 9 дворовыхъ и 54 крестьянина, а изъ дер. Тимгеневой 36, итого 99 душъ; было ранѣе отпущено на волю безъ земли 24 души, коимъ продано 2 дес. общаго выгона, застроеннаго ихъ постоялыми дворами. Остальные крестьяне, въ дер. Тимгеневой 16 душъ, свободные отъ залога, переселены по ихъ желанію въ дер. Поповскую, въ которой оставалось 143 души, заложенныя. Такимъ образомъ въ дер. Поповской образовалось всѣхъ 159 душъ, кои и отпускались на волю съ землею въ 601 дес. Долгъ Московскому Опекунскому Совѣту переводился на 143 души крестьянъ дер. Поповской, а вновь переселенныя 16 душъ крестьянъ дер. Тимгеневой были отъ него свободны. Всего долгу оставалось 10000 руб. с., но уплата долга падала на всѣ 159 душъ, по 600 р. ежегодно, въ теченіи 28 лѣтъ. Независимо сего, слѣдовало уплатить помѣщику 8400 р. сер., изъ коихъ 4200 р. уплочены при написаніи условія, а остальные подлежали уплатѣ къ 18 октября 1860 г. безъ процентовъ, или къ 18 октября 1861 г. изъ 6% годовыхъ. Далѣе, въ записи сказано: „первую половину выкупной суммы внесли мнѣ они, крестьяне, по количеству наличныхъ нынѣ въ каждомъ семействѣ тяголъ, полагая по общему ихъ между собою согласію каждаго способнаго работника отъ 16 до 60 лѣтъ, а нерабочихъ наличныхъ мужескаго пола двѣ души за одно тягло; таковыхъ тяголъ оказалось въ настоящее время 117; также и вторую половину выкупной суммы они, крестьяне, положили внести въ опредѣленный договоромъ срокъ по числу имѣющихъ быть въ то время тяголъ наличныхъ, по вышеопредѣленному съ общаго согласія значенію, равномѣрно, и ежегодные срочные платежи въ Опекунскій Совѣтъ и уплату всякихъ сборовъ распредѣлить между собою по числу таковыхъ же тяголъ, вслѣдствіе чего, на основаніи 3 п. 763 ст. 9 т.. я, Гурко, предоставляю самимъ крестьянамъ произвести въ теченіи 5 лѣтъ отъ настоящаго числа раздѣлъ уступленной имъ мною въ собственность ихъ земли на участки, по количеству внесенной за себя каждымъ семействомъ въ опредѣленныхъ настоящимъ договоромъ обоихъ срокахъ, по числу наличныхъ тяголъ выкупной суммы, дабы помянутое распредѣленіе между крестьянами взноса всякихъ платежей по тягламъ было обезпечено дѣйствительно владѣемою каждымъ землею, съ круговымъ другъ за друга ручательствомъ“ [1]).

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1859 г. кн. 4, ст. 95.

9 Сентября 1859 г. заключенъ договоръ двоpяниномъ губернскимъ секретаремъ Иваномъ Петровичемъ ***Мухановымъ*** съ крестьянами его Пронскаго уѣзда села Музалева, по коему совершена запись 9 марта 1861 г.. Увольнялось 19 ревизскихъ душъ (наличныхъ было 17), съ землею въ 68 дес. Крестьянамъ предоставлялось самимъ раздѣлить землю по душамъ, посколько достанется каждому семейству, особыми участками къ однимъ мѣстамъ, а въ случаѣ неудобства, по разному качеству земли, то могутъ оставить и въ чрезполосномъ ихъ владѣніи, что предоставлялось на ихъ волю, но во всякомъ случаѣ раздѣлъ земли они должны сдѣлать по утвержденіи правительствомъ договора въ теченіи одного мѣсяца, съ тѣмъ, что каждый изъ крестьянъ съ своимъ участкомъ можетъ поступить, какъ закономъ положено. На крестьянъ переводился долгъ Приказу Общественнаго Призрѣнія и уплата сборовъ по постановленіямъ дворянства. Ко времени совершенія зяписи, долга Приказу числилось на имѣніи 340 р. 46 к. „Болѣе же сего, говоритъ запись, я, Мухановъ, съ нихъ, крестьянъ, никакой платы, даже и работы въ пользу мою не полагаю“ [1]).

Изъ обслѣдованія, произведеннаго мною въ 1895 г., видно, что долгъ Приказу былъ уплаченъ крестьянами въ 1868 году; раскладка его дѣлалась по ревизскимъ душамъ на 19 душъ. Земля подѣлена также по ревизскимъ душамъ и до настоящаго времени (1895 г.) состоитъ въ общинномъ пользованіи; на отдѣльные же участки не подѣлена потому, что почти не было семейныхъ раздѣловъ. Сравнительно съ крестьянами другихъ обществъ,— крестьяне, бывшіе Муханова, находятся несравненно въ лучшихъ условіяхъ.

Сдѣлка Муханова съ крестьянами въ отпускѣ ихъ въ свободные хлѣбопашцы въ предѣлахъ Рязанской губерніи была послѣднею.

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1861 г. кн. 4, ст. 32.

VIII. Неповиновеніе крестьянъ помѣщичьей власти и крестьянскіе бунты *).

Наши законы особенно настойчиво начали напоминать крестьянамъ объ обязанности ихъ повиноваться помѣщикамъ съ того времени, когда среди крестьянъ распространялись уже слухи объ измѣненіи ихъ положенія и когда они съ перемѣною каждаго царствованія ожидали перемѣны въ своей судьбѣ. Но ожиданія эти были напрасны, вмѣсто указа о свободѣ крестьяне выслушивали указъ о повиновеніи помѣщичьей власти. Въ манифестѣ Петра III, 19 іюня 1762 г. читаемъ: „Понеже благосостояніе государства согласно Божескимъ всенароднымъ узаконеніямъ требуетъ, чтобы всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротиву того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“... [1]). Въ такихъ же точно выраженіяхъ приглашала крестьянъ къ повиновенію Императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ [2]). Въ манифестѣ Павла 29 января 1797 г. изображено: „Повелѣваемъ, чтобы всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне спокойно пребывали въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ—всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за непослушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законовъ наказанія“... [3]). Наконецъ, въ манифестѣ Николая I-го 12 мая 1826 г. значится:—„всѣ состоянія въ государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, во всей точности должны исполнять всѣ обязанности, закономъ предписанныя, и без-

---

*) Особой статьей напечатано подъ такимъ же заглавіемъ въ Труд. Арх. Ком. за 1892 г., № 7—9, а часть въ Труд. Ком. за 1888 г.—т. III; какъ отдѣльный эпизодъ, подъ заглавіемъ: „Неповиновеніе крестьянъ помѣщику своему Демидову“. Въ настоящей редакціи есть значительныя дополненія въ фактическомъ матеріалѣ. Статья незакончена: авторъ обѣщалъ „продолженіе“. Въ черновыхъ бумагахъ его—матеріала для того не найдено.

1) Полн. Собр. Зак. 1762 г. № 11577.

2) Тамъ же, 1762 г. № 11693.

3) Тамъ же, 1797 г. № 17769.

прекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ"... [1]).

Случаи отдѣльнаго неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ своимъ легко устранялись послѣдними силою предоставленной имъ закономъ власти, такъ какъ они могли примѣнять самые разнообразные способы взысканія, начиная съ тѣлеснаго наказанія до ссылки въ Сибирь на поселеніе. Неповиновеніе массовое было уже гораздо серьезнѣе, ибо требовало вмѣшательства правительственной власти. При такомъ вмѣшательствѣ законъ различалъ двѣ степени этого неповиновенія: *упорное неповиновеніе, но безъ явнаго возстанія, и—явное неповиновеніе, сопряженное съ сопротивленіемъ противъ присланной для усмиренія воинской команды* [2]). Неповиновеніемъ помѣщичьей власти собственно слѣдуетъ считать первую степень, такъ какъ вторая имѣетъ характеръ *бунта* противъ правительственныхъ властей.

Случаи отдѣльнаго неповиновенія представляютъ мало интереснаго, такъ какъ они находились въ зависимости отъ причинъ личнаго свойства, а потому не имѣютъ общаго значенія. Причины эти въ большинствѣ сводились къ недовольству помѣщиковъ со стороны того или другаго крѣпостнаго, вслѣдствіе нарушенія дѣйствительнаго или мнимаго права послѣдняго.

Дворовый человѣкъ Матвѣевъ былъ незаконнорожденнымъ, а потому, считая себя свободнымъ, помѣщику своему Михайлову повиноваться отказался. За это онъ былъ отданъ подъ судъ и по приговору уголовной палаты наказанъ при земской полиціи 20 ударами плетей. По исполненіи надъ нимъ приговора, Матвѣевъ заявилъ, что помѣщику своему „повиноваться не хочетъ, а чтобы дозволено ему было жить на своей волѣ, гдѣ хочетъ, безъ малѣйшей отъ владѣльца зависимости"... Вслѣдствіе такого заявленія онъ вновь взятъ подъ стражу, съ цѣлію „не восчувствуется ль онъ къ повиновенію помѣщику; истребуя онаго по истеченіи семи дней изъ подъ стражи, учинить ему вторично допросъ"... По истеченіи срока Матвѣевъ снова вытребованъ къ допросу, на которомъ объяснилъ, что „повиноваться Михайлову, какъ и прежде, такъ и нынѣ, готовымъ себя безъ воли матери его не находитъ, а полагаетъ, что онъ долженъ жить безъ всякой зависимости отъ владѣльца"... Тогда уже, Матвѣева, какъ „невосчувствовавшаго

---

[1]) Тамъ же, 1826 г. № 330.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1845 г. № 19283, ст. 1907, 1908.

къ повиновенію, отослали обратно подъ стражу, отдали суду, который и приговорилъ: „наказать въ страхъ другимъ через палача на мѣстѣ жительства плетьми“... Однако Матвѣевъ не понесъ этого наказанія и получилъ свободу отъ помѣщика, такъ какъ согласно Высочайшаго повелѣнія онъ отданъ былъ въ солдаты [1]).

Иныя послѣдствія имѣло неповиновеніе двороваго человѣка Юрасовой, Ильи Романова, заявившаго земскому суду, что ушелъ онъ вслѣдствіе причиняемыхъ ему помѣщицей побоевъ и повиноваться ей не станетъ. Хотя, будучи водворенъ въ имѣніе, на увѣщаніе становаго пристава Романовъ и объявилъ ему, что лучше идти въ Сибирь, чѣмъ повиноваться помѣщицѣ, но по рѣшенію суда наказанъ 15 ударами плетей и водворенъ въ вотчину помѣщицы своей [2]).

Массовое неповиновеніе помѣщичьей власти, или неповиновеніе всѣмъ міромъ, по большей части проявлялось въ томъ, что крестьяне не исполняли распоряженій помѣщика своего, не слушали его приказаній; нерѣдко такое ослушаніе сопровождалось грубостями, дерзостями, бранью. Для того, чтобы заставить крестьянъ исполнять данныя имъ приказанія, преимущественно относительно производства работъ и отправленія повинностей,—требовалось вмѣшательство правительственныхъ властей. Крестьяне Коробьина перестали слушаться приказаній помѣщика своего; прибылъ, на мѣсто для водворенія порядка исправникъ, который и началъ имъ говорить, съ какого они повода осмѣлились дѣлать ослушаніе и грубости господину своему на что они въ азартномъ видѣ отвѣчали:—„въ чемъ намъ его слушать“? Видя такой несообразный противъ вопроса отвѣтъ, исправникъ старался ихъ вразумить, въ чемъ должно быть крѣпостнымъ людямъ у своего господина въ послушаніи, но они, ни мало не принявъ сего увѣщанія въ резонъ, съ большимъ крикомъ, произнося грубости, пошли со двора... Дѣло кончилось тѣмъ, что нѣкоторые крестьяне по волѣ помѣщика, на мѣстѣ слѣдствія, исправникомъ наказаны, а главные зачинщики таковаго непослушанія, три человѣка, по худому ихъ поведенію, отосланы къ суду [3]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Палаты, 1827 г. № 356.
[2]) Дѣло Ряз. Гражд. Пал. 1844 г. № 1366.
[3]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1824 г. № 830.

По жалобѣ крестьянъ на помѣщика Свиридова первоначальнымъ изслѣдованіемъ уѣзднаго предводителя дворянства дознано, что Свиридовъ употребляетъ крестьянъ на работы безпорядочно, иногда находятся на работѣ по недѣлѣ и болѣе, а иногда совсѣмъ въ нихъ нѣтъ надобности и остаются свободны, нѣкоторые изъ крестьянъ, вслѣдствіе такого безпорядка, не обсѣменили озимыхъ полей. Помѣщикъ наказывалъ нѣкоторыхъ крестьянъ совершенно безвинно, но другихъ за проступки. Сверхъ того, удостовѣряютъ подъ присягою его женщины и дѣвки въ дѣланіи самимъ имъ, Спиридовымъ, насильственно прелюбодѣянія... Работою крестьяне не отягощены и находятся не въ разстроенномъ положеніи. При дальнѣйшемъ же изслѣдованіи выяснилось, что Свиридовъ съ крестьянами своими обходится весьма человѣколюбиво, иногда даже больше, чѣмъ должно, снисходитъ къ слабостямъ и невоздержанности, наказанія имъ сверхъ мѣры никогда не дѣлалъ, работа у него на запашкѣ очень малая, въ состояніи имущества крестьяне не только не изнурены, но очень хорошо изобилуютъ лошадьми, скотомъ, всякою крестьянскою потребностью и хлѣбомъ. Помѣщикъ на мѣстѣ не живетъ и когда прибылъ въ деревню, то увидѣлъ, что хлѣбъ не убранъ, поля не обсѣменены, такъ что долженъ былъ нанимать вольныхъ рабочихъ, ибо крестьяне отказались работать и выразили открытое неповиновеніе. Подстрекнулъ ихъ на все это дѣло мѣстный священникъ и, несмотря на всѣ принимаемыя властями мѣры увѣщанія, неповиновеніе не прекращалось и пришлось прибѣгнуть къ приведенію ихъ въ должное послушаніе: при собраніи всѣхъ крестьянъ, главнѣйшихъ изъ нихъ неповинующихся наказать при лицѣ помѣщика ихъ пристойнымъ полицейскимъ управленіемъ на основаніи законовъ [1]).

Причины массоваго неповиновенія сводились къ недовольству крестьянъ хозяйственными распорядками, стѣснявшими ихъ дѣятельность и ограничивавшими ихъ скромныя матеріальныя средства.

У помѣщика Колемина неповиновеніе было вызвано тѣмъ, что его бурмистръ допустилъ несправедливое распредѣленіе работъ, освободивъ нѣсколько лицъ отъ барщины, остальные, на которыхъ упала излишняя работа, отказались отъ исполненія ея [2]).

Мастеровые Кирицкаго завода и зеркальной фабрики Генике оказали фабриканту грубости и непослушаніе въ производствѣ ра-

---

[1]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1821 г. г. № 393.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 13.

ботъ, а равно въ „похвальныхъ“ вредныхъ словахъ. Причина состояла въ томъ, что Генике убавилъ имъ изъ производимаго жалованья по 20 к. съ рубля, прибавленныхъ нѣсколько лѣтъ предъ симъ бывшимъ содержателемъ Боленсомъ „по случаю неурожая въ 1818 г. хлѣба впредь до униженія“ на хлѣбъ цѣнъ; кромѣ того, они изъ своего же жалованья уплачивали подушные, рекрутскіе и др. казенные платежи. Прекративъ работы, они цѣлою гурьбою отправились съ жалобами въ г. Спасскъ, высказывая, что совершенно пришли въ изнуреніе и лишились денной пищи. Генике счелъ нужнымъ имѣть на заводѣ своемъ, по силѣ Горнаго Положенія, заводскаго исправника, а пока сіе устроится, просилъ отправить на заводъ его военную команду до 30 человѣкъ, съ однимъ оберъ-офицеромъ, чтобы она могла тамъ пробыть, пока учредится заводскій исправникъ, или пока возстановится тишина, спокойствіе и безопасность. Такъ какъ временно спокойствіе на фабрикѣ было возстановлено, то въ присылкѣ команды губернскій совѣтъ отказалъ, но когда вновь безпорядки возобновились, то команда вступила въ село и началось усмиреніе, состоявшее въ томъ, что нѣсколько человѣкъ въ качествѣ зачинщиковъ, были арестованы и отданы подъ судъ, а другіе были наказаны розгами. Въ послѣдствіи, при жалобѣ на жестокое наказаніе ихъ, Уголовная Палата заключила, что такое наказаніе слѣдствіемъ не доказано, легкій же способъ наказанія начальникъ губернской полиціи употребить былъ въ правѣ, зачинщиковъ же Палата приговорила:—8 человѣкъ, обличавшихся въ лѣности и неповиновеніи, а также за отлучку безъ позволенія отъ работъ и хожденія цѣлыми толпами въ Спасскъ,—къ наказанію батожьемъ, 7 человѣкъ, обвиняемыхъ въ ослушаніи и дерзости, за учиненіемъ уже имъ отъ земскаго исправника и начальника губернской полиціи наказанія въ *вящее возчувствованіе* вмѣнить еще въ наказаніе девятимѣсячное содержаніе ихъ подъ стражею [1]).

Еропкинъ отпустилъ на волю нѣкоторыхъ крестьянъ своихъ и выдалъ имъ отпускныя, хотя имѣніе его было подъ запрещеніемъ. При переходѣ имѣнія къ Беклемишеву, отъ послѣдняго возникъ споръ и искъ объ отысканіи отпущенныхъ людей, что и вызвало неповиновеніе крестьянъ. Получивъ отпускныя, живши, до водворенія ихъ вновь въ имѣніе, по собственному усмотрѣнію, привыкши считать себя свободными и продолжая считать себя тако-

---

[1]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1824 г. № 224.

выми, крестьяне всякое распоряженіе помѣщика признавали отяготительнымъ, въ особенности же уплату оброка [1]).

Желаніе быть свободными, надежда на то, что это желаніе рано или поздно должно осуществиться, постоянные, никогда несмолкавшіе слухи о томъ, что свобода будетъ дана крестьянамъ, что этого хочетъ царь, да мѣшаютъ помѣщики,—настраивало крестьянъ вѣрить многимъ небылицамъ, считать себя свободными людьми, и отрицать право помѣщиковъ тамъ, гдѣ это право вполнѣ законно.—Среди крестьянъ Наумовой распространились слухи о томъ, будто они „помѣщицѣ не крѣпки" по неимѣнію ею никакихъ крѣпостей. Въ этомъ дѣлѣ помогали крестьянамъ разнаго рода ходатаи. Крестьяне обратились къ одному изъ нихъ, Ципленкову, собрали и передали ему до 300 р. денегъ, а изъ дѣла, конечно, ничего невышло, кромѣ строгой отвѣтственности [2]).

Княгиня Несвицкая умерла; нѣкоторые возвратившіеся изъ Москвы крѣпостные объявили въ деревняхъ, что при нихъ читано было духовное завѣщаніе покойной, „чтобъ быть крестьянамъ въ казенномъ вѣдомствѣ, а наслѣдниковъ удовлетворить всѣхъ деньгами". Крестьяне собрались на мірской сходъ и съ общаго совѣта положили избрать повѣренныхъ для хожденія по этому дѣлу. Нашли титулярнаго совѣтника Ропшинскаго, который и составилъ имъ на имя Государя просьбу. Это ходатайство сочтено за неповиновеніе помѣщицѣ, а за подстрекательство крестьянъ къ возмущенію Ропшинъ преданъ суду [3]).

Причиною неповиновенія были иски о свободѣ, основанные частію на дѣйствительныхъ, а болѣе на мнимыхъ правахъ. Неимѣя терпѣнія выждать рѣшенія суда, крестьяне становились въ положеніе свободныхъ людей, послѣдствіемъ чего было неповиновеніе ихъ помѣщичьей власти.—Крестьяне Афанасьева отыскивали свободу отъ господина своего, и прежде, чѣмъ рѣшено было дѣло, вышли изъ повиновенія помѣщику, каковое неповиновеніе выразилось въ слѣдующихъ, напр., фактахъ. Помѣщикъ пріѣхалъ въ имѣніе а крестьяне отъ него разбѣжались, одинъ „хранился въ своемъ домѣ въ катухахъ отъ называющаго себя будто бы помѣщикомъ ихъ... изъ дому никуда не отлучался, но не хотѣлъ только ему показываться... „потому что онъ ему не принадлежитъ,

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. 1855 г. № 180.
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1834 г. № 811.
[3]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1826 г. № 914.

за помѣщика не почитаетъ и повиноваться ему не будетъ" [1]).— Крестьяне Загоскина отыскивали свободу на томъ основаніи, что они происходили отъ *церковниковъ*. Уѣздный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ, признавъ ихъ свободными. Рѣшеніе вошло въ законную силу, но Загоскинъ началъ дѣло вновь на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ возможности представить документы въ судъ. Между тѣмъ, крестьяне, считая себя свободными, перестали платить помѣщику оброкъ. Помѣщикъ же требовалъ уплаты, ссылаясь на законъ, по которому крестьяне должны исполнять всѣ повинности до по полнаго окончанія дѣла. Крестьяне отказывались, вышло неповиновеніе и ко взысканію оброка приступлено экзекуціоннымъ порядкомъ. На мѣсто, въ деревню, отправленъ офицеръ и 30 человѣкъ рядовыхъ. Офицеръ, не объяснивъ имъ никакого о томъ приказа, требуетъ въ непритѣснительномъ постоѣ отъ нихъ квитанцію, между тѣмъ вынуждаетъ ихъ означенную команду довольствовать пищею и двойною порціею въ день вина и давать денегъ унтеръ-офицерамъ по 1 руб., ефрейтору по 50 к. и рядовымъ по 25 коп., отчего они крайне стѣснены, и что ни одного крестьянина не выпускаютъ изъ селенія. А впослѣдствіи, команда, произведя въ вотчинѣ разныя буйства, требовала въ удовлетвореніе себя каждый день по 12 р., каковыхъ денегъ и вынуждены они были заплатить тѣмъ солдатамъ 150 руб., а послѣ того, когда крестьяне не въ состояніи были уже платить денегъ, то они забрали у нихъ имущество и сняли съ нѣкоторыхъ даже носимое ими платье. Не смотря на это, крестьяне всетаки упорствовали, тогда староста Осиповъ былъ забранъ, какъ подстрекатель, и отданъ подъ судъ, а этимъ временемъ вышло рѣшеніе Палаты не въ пользу крестьянъ. Хотя это рѣшеніе и было обжаловано, крестьяне сдались, тѣмъ болѣе, что староста былъ приговоренъ къ наказанію плетьми [2]).

Княгиня Гагарина, по старостн лѣтъ, выжила изъ ума. Воспользовавшись этимъ, староста, бывшій дворовый человѣкъ Медвѣдевъ, составилъ при участіи разныхъ лицъ, въ томъ числѣ засѣдателя суда, фальшивыя отпускныя и духовное завѣщаніе о предоставленіи земли крестьянамъ. Послѣ смерти помѣщицы наслѣдница ея открыла споръ, а крестьяне, бывшіе на оброкѣ, перестали платить послѣдній и отказались быть у наслѣдницы въ повиновеніи [3]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1837 года № 988.

[2]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1828 г. № 827.

[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1830 г. № 549, 563.

Еще одною изъ причинъ неповиновенія крестьянъ—было недовольство ихъ своимъ начальствомъ. Всегдашнее стремленіе крестьянъ управляться міромъ вызывало невольное недовольство противъ поставленныхъ отъ помѣщика начальниковъ, особенно если послѣдніе по личнымъ свойствамъ своимъ не внушали къ себѣ довѣрія. Послѣдствіемъ сего нерѣдко бывала смѣна начальниковъ, самовольное назначеніе вмѣсто нихъ своихъ избранныхъ и дальнѣйшіе безпорядки и ослушаніе противъ помѣщичьей власти.— Крестьяне помѣщицы Морозъ смѣстили бурмистра Терехова и посадили на его мѣсто другаго. По пріѣздѣ на мѣсто становаго пристава Тереховъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ [1]).— Крестьяне Барыкова взбунтовались противъ вотчиннаго начальства, избили двухъ старостъ, изъ коихъ одинъ былъ очень блуденъ съ крестьянскими женами, любодѣйствовалъ съ пятью. Пріѣхалъ на мѣсто становой приставъ, но крестьяне его не послушались, тогда уже было наряжено временное отдѣленіе и командирована на мѣсто рота солдатъ. Однако дѣло обошлось и безъ нихъ, крестьяне смирились, нѣкоторые были подвергнуты легкому полицейскому наказанію, а главные зачинщики отданы подъ судъ. Староста же былъ устраненъ [2]). Крестьянинъ помѣщика Шиловскаго Павловъ, находясь на работѣ, сдѣлалъ какую-то провинность, за которую бурмистръ хотѣлъ отправить его въ контору для расправы, но такъ какъ Павловъ не пошелъ, то бурмистръ приказалъ отвести его другимъ крестьянамъ, послѣдніе же Павлова не выдали ни бурмистру, ни сотскому, который долженъ былъ отправить его къ становому приставу. Бурмистръ далъ знать объ этомъ приставу, который прибылъ на мѣсто и послалъ разсыльнаго взять Павлова; послѣдній въ это время былъ въ полѣ, разсыльный взялъ его и повелъ въ село, но у околицы крестьяне Шиловскаго, ѣхавшіе съ дровами, загородили разсыльному дорогу телѣгами, а бывшій съ крестьянами безсрочно-отпускной Максимовъ закричалъ Павло-

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 № 1325.

[2]) Дѣло Канц. Ряз. Губ. 1858 г. № 554. Что значило „легкое полицейское наказаніе",—видно изъ слѣдующаго: Касимовскій Уѣздный Предводитель Дворянства сообщаетъ причину невысылки крестьянъ помѣщицы Оболенской въ Губернское Правленіе для ссылки ихъ въ Сибирь:—„а главное, что у тѣхъ, которыхъ бы слѣдовало удалить, остались слѣды наказанія и вѣроятно въ настоящее время могутъ быть видимы, то Губернское Правленіе возвратило бы ихъ въ имѣніе. (Дѣло Канц. Ряз. Губ. 1858 г. № 601).

ву: „слѣзай, не ѣзди“! за нимъ тоже закричали и другіе крестьяне, и, обступивъ разсыльнаго, заставили Павлова слѣзть съ телѣги, объявивъ, что его не дадутъ. Послѣ этого вся толпа отправилась на господскій дворъ и, несмотря на приказаніе пристава, Павлова не выдали, а стали требовать перемѣны бурмистра и другихъ сельскихъ начальниковъ, не слушали никакихъ убѣжденій говорили съ азартомъ, что если не исполнятъ ихъ требованія, то они не пойдутъ на господскую работу. Когда же приставъ одного изъ главныхъ крикуновъ, Осипова, взялъ заворотъ зипуна и потащилъ къ конторѣ, то многіе крестьяне ухватились за него и, окруживъ пристава, съ азартомъ закричали, что Осипова не дадутъ. Другой крикунъ, Фунтиковъ, закричалъ, обращаясь къ приставу: „зачѣмъ тебя принесло“! Приставъ долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Послѣ сего прибылъ на мѣсто исправникъ; крестьяне уже два дня не ходили на господскую работу. Исправникъ потребовалъ къ себѣ черезъ сотскаго виновныхъ для наказанія, но къ нему явилась толпа человѣкъ во 100 и, на его требованіе, виновныхъ не выдала. Убѣжденія исправника не дѣйствовали, крестьяне съ страшнымъ крикомъ и азартомъ высказывали, что никогда никакому начальству никого не выдадутъ и что наказывать ихъ можетъ только *міръ* по своему разбирательству; вмѣстѣ съ симъ, они требовали немедленной смѣны всѣхъ вотчинныхъ начальниковъ. На слова исправника, что этого сдѣлать нельзя, крестьяне отвѣчали, что безъ того не будутъ ходить на господскую работу. Исправникъ также долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Нѣсколько дней спустя становому какъ то удалось арестовать рядоваго Максимова, но братъ послѣдняго явился съ крестьянами на господскій дворъ и освободилъ заарестованнаго, а уходя со двора, крестьяне на гумнѣ избили бурмистра. Тогда пріѣхалъ на мѣсто уѣздный предводитель дворянства; собравъ сходъ, онъ опросилъ крестьянъ о претензіи. Крестьяне единодушно требовали смѣны всѣхъ вотчинныхъ начальниковъ, объявивъ, что если ихъ просьба не будетъ исполнена, то они исправлять господскихъ работъ не станутъ и всѣхъ начальниковъ убьютъ. Предводитель уѣхалъ въ сосѣднее село, откуда потребовалъ привода четырехъ болѣе виновныхъ крестьянъ: на это требованіе крестьяне объявили сотскому, что не только предводителю, но никому на свѣтѣ никого не дадутъ, и что надъ ними властенъ только одинъ міръ. Послѣ сего предводитель потребовалъ у губернатора присылки воинской команды, говоря, что безъ нея нельзя водворить въ имѣ-

ніи порядокъ. Но губернаторъ предварительно послалъ въ имѣніе совѣтника губернскаго правленія, съ которымъ отправились губернскій предводитель дворянства и жандармскій штабъ-офицеръ. По прибытіи ихъ, крестьяне изъявили покорность и выдали виновныхъ, изъ коихъ часть была посажена въ острогъ, остальные же арестованы при полиціи [1]).

Не мало безпорядковъ было предъ крестьянскою реформою; основаніе недовольства крестьянъ состояло въ какихъ нибудь матеріальныхъ лишеніяхъ, дальнѣйшее же развитіе—находилось въ зависимости отъ ожиданій свободы.—Въ 1859 г. Сапожковскій уѣздный предводитель дворянства доносилъ губернатору, что крестьяне Мосолова вышли окончательно изъ повиновенія владѣльца, и „что въ другихъ многихъ владѣльческихъ имѣніяхъ начинаются безпорядки, и болѣе вслѣдствіе недостатка у крестьянъ хлѣба, коимъ хотя таковой и выдается, но очень медленно, по установленному порядку". По требаванію исправника выдать виновныхъ для наказанія, крестьяне явились къ нему въ числѣ 58 человѣкъ, и на вопросъ, зачѣмъ они собрались всѣ, тогда какъ онъ требовалъ только виновныхъ 8 человѣкъ, отвѣчали, что они всѣ одинаково виновны, и потому требуемыхъ людей къ наказанію не выдадутъ. Тогда въ деревню прибыло временное отдѣленіе съ понятыми крестьянами сосѣднихъ деревень и приступило къ наказанію крестьянъ. Одинъ изъ понятыхъ сказалъ: „за что хотятъ наказывать мосоловскихъ?" Это произвело ропотъ и волненіе въ средѣ понятыхъ, чѣмъ виновные воспользовались и разбѣжались, примѣру ихъ послѣдовало само временное отдѣленіе. Черезъ нѣсколько дней оно явилось вновь, съ предводителемъ дворянства во главѣ, но крестьяне уже покорились, явились къ помѣщику съ повинною и выдали виновныхъ, изъ коихъ четверо наказаны розгами, одинъ сосланъ въ Сибирь, а трое отданы въ солдаты. Причина волненія, по мнѣнію предводителя, была та, что крестьяне имѣли желаніе управляться міромъ, но не вотчинными начальниками и были убѣждены, что наказаніе кому либо изъ нихъ можетъ быть опредѣлено неиначе, какъ по мірскому приговору. Этотъ случай навелъ большой страхъ на мѣстнаго стряпчаго, который доносилъ прокурору, между прочимъ, такъ: „по личному моему убѣжденію необходимымъ считаю покорнѣйше просить о принятіи мѣръ для снабженія Сапожковскій

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 666.

уѣздъ военною командою, какъ единственною обороною отъ могущихъ воспослѣдовать подобныхъ прежнимъ и даже большихъ несчастій“. Самое же неповиновеніе, по его объясненію, заключалось въ томъ, что крестьяне были дерзки и не слушались приказаній помѣщика, не ходили на господскую работу, а одинъ изъ нихъ выражался передъ крестьянами, что они скоро будутъ вольные, потому и не надо работать на барщинѣ [1]).

Ко времени реформы крестьяне стали требовательнѣе къ помѣщикамъ, самые незначительные случаи давали поводъ къ жалобамъ на жестокое обращеніе. Съ другой стороны, въ ожиданіи перемѣны своего положенія, и, конечно, въ смыслѣ обезпеченія его владѣніемъ землею, крестьяне оказывали неповиновеніе такимъ распоряженіямъ помѣщиковъ, которыя послѣдніе несомнѣнно вправѣ были дѣлать, но тѣмъ неменѣе считались несправедливыми въ виду ожиданія реформы, долженствующей упразднить это право. Здѣсь самое серьезное неповиновеніе было оказываемо въ случаяхъ переселенія. На сколько случаи переселенія были нерѣдки, доказываетъ циркулярное письмо губернскаго предводителя дворянства къ уѣзднымъ, посланное въ половинѣ 1858 г. „Крестьяне нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣній въ послѣднее время очень часто приносятъ личныя и письменныя жалобы какъ начальнику губерніи, такъ и мнѣ на принужденіе ихъ помѣщиками переселяться съ однихъ усадебныхъ мѣстъ на другія... Покорнѣйше прошу обратить на это дѣло особенное вниманіе, стараясь убѣдить помѣщиковъ, въ видахъ общественнаго спокойствія, пріостановить предполагаемыя ими переселенія до составленія проэкта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и до приведенія онаго въ дѣйствіе“.—Нарольская продала крестьянъ своихъ Танинову, который долженъ былъ переселить ихъ изъ Зарайскаго уѣзда въ Пронскій, и крестьяне оказали неповиновеніе [2]).

Съ другой стороны, и помѣщики подъ вліяніемъ напраснаго страха преувеличивали положеніе вещей и находили неповиновеніе тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было. Такъ, по жалобѣ Слесаревой оказалось, что въ имѣніи безпорядка нѣтъ, кромѣ неуплаты крестьянами оброка. Изъ письма же ея къ губернскому предводителю дворянства видно, что, по ея мнѣнію, со времени

---

[1]) Дѣло Канц. Ряз. Губ. 1859 г. № 203.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 27.

обнародованія рескриптовъ, правленіе *сдѣлалось совершенною республикою*, что она получила деньги отъ крестьянъ съ письмами отъ старосты съ такими выраженіями и ругательствами, которыхъ не только передать, но и сама стыдилась читать. „Не стану утруждать Васъ описаніемъ всѣхъ подлостей, дерзостей и явнаго неповиновенія крестьянъ моихъ... слухъ о вольности возмутилъ духъ грубыхъ, омраченныхъ невѣжествомъ существъ, моихъ крестьянъ“. Въ дѣйствительности же староста писалъ помѣщицѣ самое почтительное письмо, въ которомъ между прочимъ значится: „землю господскую я хотѣлъ сѣять въ пользу Вашу, мужики сѣять не стали и говорили, что они работать на Васъ не мальчики и раздѣлили по себѣ и посѣяли просомъ и гречихой“ [1]).

Помѣщикъ Сѣровъ получилъ отъ губернскаго предводителя дворянства пакетъ съ бумагами по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, и вообразилъ, что объ этомъ знаютъ его крестьяне, что они видятъ въ этомъ пакетѣ вольную, что они думаютъ, будто эту вольную помѣщикъ отъ нихъ скрываетъ, и что, наконецъ, вслѣдствіе сего они не будутъ ему повиноваться. Вскорѣ послѣ сего крестьяне пришли просить у помѣщика хлѣба, но онъ имъ своего не далъ; тогда они заявили, что имѣютъ собственный хлѣбъ въ запасномъ магазинѣ, изъ котораго и просили сдѣлать имъ отпускъ. На эту просьбу помѣщикъ отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ безъ разрѣшенія смотрителя магазина отпускъ сдѣлать нельзя; крестьяне же высказали, что въ такомъ случаѣ они пойдутъ въ городъ и будутъ просить объ отпускѣ хлѣба смотрителя. Такой отвѣтъ показался Сѣрову дерзскимъ и онъ приказалъ принести розогъ для наказанія крестьянъ. Первому изъ нихъ, Павлову, было приказано раздѣться и лечь. Раздѣвшись, Павловъ сталъ на колѣни и началъ просить у помѣщика прощенія. Въ это время и другіе крестьяне стали говорить, что онъ ни въ чемъ невиновенъ и наказывать его не за что; тогда Павловъ тоже, заявивъ, что онъ невиновенъ, всталъ съ колѣней, взялъ свой кафтанъ и вмѣстѣ съ другими крестьянами ушелъ съ господскаго двора. Такой проступокъ Сѣровъ счелъ за ослушаніе и неповиновеніе помѣщичьей власти, а потому написалъ исправнику письмо, съ просьбою прислать полицейскаго чиновника привести крестьянъ и, выйдя на крыльцо, сталъ увѣщевать ихъ быть въ повиновеніи помѣщику своему, и спросилъ, почему

---

[1]) Дѣло Канц. Ряз. Губ. 1858 г. № 512.

они дѣлаютъ ему ослушаніе? Крестьяне отвѣчали, что они правы, ослушаній никакихъ помѣщику не дѣлали и не дѣлаютъ и наказывать ихъ не за что. Становой приставъ на другой день пригласилъ понятыхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень и отпускныхъ солдатъ и сталъ вызывать по списку крестьянъ для наказанія розгами. Но крестьяне къ нему не пошли, заявивъ, что они невиновны, ослушаній помѣщику не дѣлали и наказывать ихъ никто безъ суда не можетъ. Приставъ приказалъ понятымъ взять виновныхъ для наказанія, но понятые его не послушались, говоря, что они никого взять не могутъ, что у нихъ есть свой баринъ, то, какъ знаетъ, такъ съ ними и расправляется, а они судить ихъ не могутъ. На вопросъ же пристава, для чего они собраны, когда не хотятъ ему содѣйствовать,—понятые отвѣчали, что если будутъ бить его, пристава, тогда они за него заступятся.—Вслѣдствіе донесенія пристава земскій судъ нарядилъ временное отдѣленіе для производства слѣдствія, которое и было представлено въ уѣздный судъ. Судъ нашелъ, что крестьяне сдѣлали ослушаніе помѣщику своему „тѣмъ, что они говорили ему, когда онъ приказывалъ имъ раздѣваться для сѣченія, что они невиноваты, и сѣчь ихъ не за что“, а равно сдѣлали ослушаніе противъ пристава „тѣмъ, что говорили приставу, что они правы, что ослушаній противъ помѣщика никакихъ не дѣлали и не дѣлаютъ и наказывать себя не дадутъ“. Вмѣстѣ съ симъ и понятые признаны виновными въ томъ, что они заявили, что брать ослушниковъ не ихъ дѣло, что взять ихъ они не могутъ, что они люди барскіе и у нихъ есть помѣмѣщикъ. Виновные приговорены къ наказанію розгами отъ 40—80 ударовъ. Уголовная Палата не признала крестьянъ виновными въ ослушаніи какъ противъ помѣщика, такъ и противъ пристава, а посему отъ суда и слѣдствія ихъ освободила; относительно же понятыхъ Палата признала ихъ виновными въ томъ, что когда становой приставъ приказывалъ имъ взять крестьянъ, то они ихъ не взяли, чѣмъ самымъ они сдѣлали ослушаніе, а посему и приговорила къ наказанію розгами по 40 ударовъ. Но Сенатъ приговоръ этотъ отмѣнилъ, признавъ, что „самыя дѣйствія крестьянъ не заключаютъ въ себѣ ничего законопротивнаго, такъ какъ по существущимъ законамъ понятые при слѣдствіи необязаны содѣйствовать полиціи при административныхъ взысканіяхъ съ виновныхъ [1]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1858 г. № 2500.

Возмущенія крестьянъ противъ правительственныхъ властей встрѣчались не часто. Народъ всегда зналъ, что его интересы также дороги государю, какъ и интересы другихъ сословій, а потому въ немъ онъ всегда найдетъ себѣ должную защиту и покровительство. Правительственныя власти поставлены тѣмъ же государемъ, а посему неповиновеніе имъ проявлялось лишь тогда, когда крестьяне считали себя настолько правыми, что имъ невѣрилось, будто дѣйствія правительственныхъ властей согласны съ волею государя. По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго „сила понятія о правительствѣ также весьма замѣчательна какъ въ помѣщичьихъ крестьянахъ, такъ и государственныхъ; если случаются неповиновенія, или даже оскорбленія правительственныхъ властей, то это всегда относится собственно къ лицамъ; все казенное почитается ими неприкосновеннымъ [1]). Возмущеніе противъ властей являлось только тогда, когда послѣднія или не умѣли, или нехотѣли внушить повиновеніе закону, а это послѣднее достигалось не однимъ убѣжденіемъ крестьянъ въ помѣщичьей власти, но и убѣжденіемъ самихъ помѣщиковъ въ справедливомъ и не притязательномъ отношеніи ихъ къ своимъ крѣпостнымъ. Если крестьяне видѣли, что справедливыя жалобы не удовлетворяются, что отношенія къ нимъ со стороны помѣщика остаются тѣ же, они могли думать, что дѣйствія властей по сему предмету являются не согласными съ закономъ, а потому такимъ дѣйствіямъ они могутъ и не подчиняться.

Положеніе самихъ правительственныхъ властей въ данномъ случаѣ было довольно затруднительно, такъ какъ въ средѣ помѣщиковъ господствовало убѣжденіе, что удовлетвореніе жалобъ крестьянъ можетъ привести къ дурнымъ послѣдствіямъ и сопряжено съ колебаніемъ помѣщичьей власти. Съ этой точки зрѣнія помѣщикъ всегда долженъ былъ оставаться правымъ и обузданіе его своеволія имѣло мѣсто лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, „въ крестьянахъ уже есть чувство присутствія, хотя еще весьма отдаленнаго, власти, готовой имъ покровительствовать противъ утѣсненій. Большею частію они приносятъ мѣстнымъ властямъ на помѣщиковъ жалобы. Но достаточно одной жалобы, въ какихъ бы она формахъ ни была принесена, чтобы въ крестьянахъ видѣть бунтовщиковъ. Такъ

---

[1]) Гр. Киселевъ и его время, т. 2, стр. 312.

заставляютъ смотрѣть на дѣло личные интересы властей и въ нѣкоторомъ отношеніи самъ законъ“ [1]).

Такой взглядъ съ особою силою выступилъ въ то время, когда слухи объ упраздненіи крѣпостнаго права имѣли уже вполнѣ реальное основаніе, такъ какъ въ это время со стороны помѣщиковъ было особенно сильное опасеніе за сохраненіе своего спокойствія.—По жалобѣ крестьянина Гаврилова на обиду, нанесенную ему вотчиннымъ начальникомъ, вслѣдствіе распоряженія губернатора, Пронскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства было произведено обслѣдованіе, по окончаніи котораго предводитель писалъ, что жалоба подана „собственно по существующему вообще въ настоящее время (1860 г.) раздражительному состоянію духа крѣпостныхъ людей, и по грубости своей. Полагаю, что для пресѣченія подобныхъ несправедливыхъ и незначущихъ жалобъ, въ примѣръ другимъ, я нахожу необходимымъ Гаврилова наказать черезъ земскую полицію, сдѣлавъ оное гласнымъ, иначе невзысканіе за подобныя жалобы увеличитъ число обращающихся и вмѣстѣ породитъ неуваженіе и безбоязненность къ помѣщикамъ и вотчинному начальству, и тогда трудно будетъ ввести порядокъ и спокойствіе“. На это губернаторъ отвѣтилъ, что по старости Гаврилова наказать его розгами было бы слишкомъ жестоко, тѣмъ болѣе, что побои ему были нанесены, принести же жалобу на это онъ не могъ иначе сдѣлать, какъ отлучиться изъ мѣста жительства“. Посему губернаторъ полагалъ ограничиться взысканіемъ въ видѣ содержанія подъ арестомъ [2]).

Съ этой стороны представляется крайне характерною переписка между губернскимъ и пронскимъ уѣзднымъ предводителями дворянства объ отношеніи къ жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ. Губернскій предводитель, препровождая уѣздному жалобу крестьянъ, просилъ его „секретно, безъ малѣйшей огласки“, дознать подъ рукою справедливость жалобы и, если дѣйствительно крестьянамъ не дается ни одного дня для работы на себя, то обязать владѣльца подпискою не нарушать закона о трехдневной барщинѣ. На это уѣздный предводитель отвѣтилъ, что жалоба крестьянъ несправедлива: „если же въ рабочую пору и берутся лишніе дни, то они опять вознаграждаются. Что же касается до обязанія подпискою владѣлицу, то я дозволить себѣ этого не могу,

---

[1]) Гр. Киселевъ и его время, т. 2, стр. 325.

[2]) Дѣло Дворян. Депут. Собр. 1860 г. № 635.

ибо считаю униженіемъ достоинства дворянина отбирать подобныя подписки, а при томъ опредѣленіе трехъ дней въ недѣлю въ рабочую пору явно повлечетъ къ разстройству хозяйства владѣльцевъ"... Далѣе уѣздный предводитель просилъ „приходящихъ людей въ Рязань задерживать ихъ тамъ до произведенія на мѣстѣ дознанія и, въ случаѣ виновности, строго наказать". На это губернскій предводитель дворянства отвѣчалъ: „Изъ отзывовъ вашихъ ко мнѣ... я долженъ былъ убѣдиться, что вы желаете признавать меня за человѣка не только не пекущагося сохранить права и выгоды дворянъ, но даже указываете на меня, какъ на притѣснителя этихъ правъ и ставите меня въ необходимость выслушать вашъ укоръ за дѣйствія мои, направленныя противъ дворянскихъ выгодъ, которыя вы желаете защитить. Это обстоятельство заставляетъ меня увѣрить васъ, что я не менѣе другихъ забочусь глубоко и свято исполнять обязанности, возложенныя на меня моимъ званіемъ и сохранять и оберегать права дворянскаго сословія. Я не прибѣгаю ни къ какимъ наружнымъ эфектнымъ средствамъ, чтобы выказать себя передъ дворянствомъ человѣкомъ популярнымъ въ отношеніи защиты правъ помѣщиковъ, но будьте увѣрены, что это не мѣшаетъ мнѣ глубоко чувствовать мои обязанности и свято заботиться о выгодахъ каждаго дворянина въ особенности и всего нашего сословія вмѣстѣ. Мы живемъ въ такой вѣкъ, который заставитъ насъ дать отчетъ потомству за наши служебныя дѣйствія, слѣдственно, мы должны строго и глубоко обдумывать то, что дѣлаемъ... Вы отъ меня требуете задерживать всѣхъ приходящихъ въ Рязань съ жалобами изъ уѣздовъ крестьянъ и дворовыхъ людей, до окончанія дознанія о справедливости ихъ жалобы, и тогда ихъ здѣсь наказывать. Если бы задерживать подъ арестомъ всѣхъ таковыхъ людей, то въ Рязани недостало бы мѣста ихъ содержать, и благоразумно ли было бы сосредоточивать въ губернскомъ городѣ такое количество недовольныхъ которые могутъ сговориться и во всѣхъ уѣздахъ разомъ сдѣлать то, что наша обязанность предупредить. Это обстоятельство въ настоящее время такъ важно, что о немъ надо часто думать и сосредоточить эту мысль на всѣхъ распоряженіяхъ, ибо одними только наказаніями нельзя предупредить событій. Вы говорите, что обязывать помѣщика не отступать отъ закона въ отношеніи работъ и взысканій съ его крѣпостныхъ людей обидно для помѣщика. Я вполнѣ согласился бы съ вами, если бы это распоряженіе вытекало отъ правительства, но какъ это дѣлается

между четырехъ глазъ предводителя и помѣщика съ строгою тайною для крѣпостныхъ людей, въ видахъ отстранить вмѣшательство правительства и отнятія поводовъ къ формальнымъ слѣдствіямъ, которыхъ я избѣгаю вполнѣ чрезъ распоряженія, охуждаемыя вами, тѣмъ болѣе, что во всякой подобной бумагѣ говорится—*если жалоба окажется справедливою, въ такомъ только случаѣ обязывать помѣщика непревышать своихъ правъ*,—я тутъ невижу ничего обиднаго. Слѣдствіе всегда будетъ непріятнѣе помѣщику, если окажется жалоба даже и несправедливою; простое же обязательство, данное своему предводителю секретно, между двухъ лицъ, не можетъ быть нисколько вреднымъ, но оно даетъ мнѣ право отвѣчать правительству, что все кончено и улажено, а между тѣмъ, этимъ простымъ дѣйствіемъ выполняется двоякая цѣль:—удерживается владѣлецъ отъ превышенія своей власти и крестьяне, пришедшіе жаловаться, наказываются тѣмъ, что отправляются, какъ арестанты, посредствомъ внутренней стражи для водворенія въ имѣніе, и другіе, видя ихъ такое непочетное возвращеніе, будутъ останавливаться отъ жалобъ, и будетъ уменьшаться число недовольныхъ. Если же люди будутъ замѣчены приходящими съ жалобами два раза, то они здѣсь наказываются въ полиціи и опять черезъ внутренюю стражу отправляются въ мѣста жительства. Все это съ другой стороны нисколько не уменьшаетъ законныхъ правъ помѣщика. Если крестьяне будутъ ослушны и небудутъ исполнять своихъ обязанностей, то первыя мѣры въ рукахъ вашихъ и земской полиціи:—людей должно привести въ повиновеніе, и въ случаѣ надобности подвергнуть наказанію. Если же ваши средства будутъ недостаточны, вы извѣстите меня и я буду просить начальника губерніи взять болѣе строгія мѣры и даже употребить военную экзекуцію, въ крайнемъ случаѣ“ [1]).

Нельзя не признать, что высказанная губернскимъ предводителемъ дворянства точка зрѣнія была вполнѣ правильна. Дѣйствительно, если, по государственнымъ соображеніямъ, признавалось въ свое время *необходимымъ* поддерживать крѣпостное право, то его *можно* было поддерживать, безъ нарушенія порядка, лишь при условіи удовлетворенія вполнѣ справедливыхъ жалобъ крестьянъ на злоупотребленіе помѣщичьею властію. Однако, это послѣднее дѣлалось лишь въ самыхъ крайнихъ, въ глаза бросающихся, случаяхъ, а посему весьма нерѣдко то, что на оффиціаль-

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 16.

номъ языкѣ называлось возмущеніемъ крестьянъ, — было слѣдствіемъ самаго грустнаго недоразумѣнія. Не удовлетворялись самыя насущныя жизненныя потребности крестьянъ,—и послѣдніе нигдѣ не могли найти себѣ защиты и покровительства. Управляющій ссылался на помѣщика, помѣщикъ не хотѣлъ знать, что дѣлаетъ управляющій, мѣстныя власти держались правила—„моя хата съ краю“.... Установленныя жизненныя отношенія прерывались совершенно естественнымъ путемъ: крестьяне переставали платить оброкъ, и не потому, чтобы *не хотѣли*, а потому, что *не могли*. Принимались понудительныя мѣры взысканія, пускались въ ходъ домашнія исправительныя средства; раздраженіе между обѣими сторонами росло: одна была увѣрена, что крестьяне избаловались, проникнулись духомъ вольности, другая—что помѣщикъ раззоряетъ ихъ, доводитъ до нищеты. Слѣдствіе раздраженія—прекращеніе исполненія всякихъ повинностей, пріостановленіе отправленія барщинныхъ работъ, *неповиновеніе* помѣщичьей власти, являлись на мѣсто начальники приводить крестьянъ въ повиновеніе помѣщику гордые, надменные, привыкшіе къ властолюбію, и въ тоже время робкіе при мало-мальски непривычной обстановкѣ, трусливые, мнительные, не только не умѣющіе въ затруднительныхъ случаяхъ поддержать достоинство ввѣренной имъ власти, но и ставящіе себя всенародно въ самое смѣшное положеніе. И такое отношеніе властей проявлялось при обстоятельствахъ, когда, по словамъ Ю. Ф. Самарина, „одно слишкомъ громко произнесенное слово можетъ ихъ (крестьянъ) запутать точно такъ, какъ одинъ признакъ колебанія и нерѣшительности можетъ вдругъ возбудить въ нихъ мысль, что теперь то можно требовать всего, о чемъ за часъ передъ тѣмъ они не думали“ [1]). Увѣщанія крестьянъ сопровождаются грубою, отборною бранью, вмѣсто дѣйствій прямыхъ и открытыхъ, употребляется лукавство, а когда крестьяне, полные недоумѣнія о томъ, чего отъ нихъ хотятъ, очевидно, не понимая, всей серьезности положенія, крѣпко *міромъ* стоятъ на своемъ,— мѣстныя власти теряются, создаютъ въ своемъ воображеніи мнимыя злодѣйства со стороны крестьянъ, и обращаются вь позорное бѣгство. И все это отъ того, что, говоря словами того же Ю. Ф. Самарина, „къ несчастью, власть у насъ никогда *не говоритъ* съ народомъ, она только кричитъ на него и отъ того такое простое дѣло, какъ опросъ, представляетъ большія затрудненія“ [2]).

---

[1]) Соч. т. 2, стр. 189.

[2]) Тамъ же.

Тогда уже готово *возмущеніе* противъ властей, усмиряемое военною командою. Разъ послѣдняя прибыла на мѣсто,—экзекуція *должна* совершиться, хотя бы крестьяне изъявили покорность, ибо въ то время безнаказанно нельзя было тревожить губернское начальство; если требовалась команда, она должна сдѣлать свое дѣло, иначе обаяніе власти было бы поколеблено. Вотъ что говорилъ Рязанскій губернаторъ Кожинъ крестьянамъ д. Колодезя, Данковскаго уѣзда, передъ экзекуціею: „вы всѣ, голицынскіе крестьяне, хотѣли видѣть губернатора, но это не обходится даромъ. За то, что меня потревожили, оторвали отъ дѣла вашимъ непослушаніемъ, вы будете наказаны, какъ уже наказаны за это и прочіе“ [1])...

Крестьяне помѣщика Нарышкина, при селѣ Вышгородѣ, Рязанскаго уѣзда, имѣли земли въ каждомъ полѣ по $^1/_4$ десятины (высѣвали подъ рожь по 2 четверика, а подъ овесъ 4 четверика), да накашивали сѣна въ средній урожай 50—60 копенъ. За это платили оброкъ съ тягла по 90 руб., исполняли господскія работы по наряду вотчинныхъ начальниковъ для уборки посѣяннаго хлѣба, для господскаго луга, отправляли въ Москву подводы съ сѣномъ и другими припасами, по одной подводѣ съ тягла. Малое количество земли, значительные оброки и исправленіе господскихъ работъ—по справедливости считались крестьянами весьма отяготительными. На тягость своего положенія крестьяне жаловались управляющему, мѣстному начальству, но нигдѣ не получили удовлетворенія; управляющій ссылался на помѣщика, а когда крестьяне, желая отправиться съ просьбою къ самому помѣщику, просили выдать имъ паспорты, управляющій отказалъ въ этомъ. Тогда уже крестьяне, по ихъ выраженію, „по глупости своей и невѣжеству, желали властью правительства поборы, сходящіе съ нихъ для помѣщика, уменьшить“.

Собрался мірской сходъ, на которомъ рѣшено было выбрать уполномоченныхъ для отправленія въ Петербургъ, съ цѣлію лично подать Государю Императору жалобу на тяжкое положеніе крестьянъ. Выборы пали на крестьянъ Егора Захарова, Сергѣя Петрова и Емельяна Степанова, а когда послѣдній отказывался, ссылаясь на семью, то это препятствіе было устранено обязательствомъ на все время отлучки кормить семьи уполномоченныхъ на средства общества.

---

[1]) Славутинскій,—въ Древней и Новой Россіи. № 10.

Затрудненіе съ паспортами крестьяне обошли тѣмъ, что выдали своимъ уполномоченнымъ одобрительные приговоры. Болѣе серьезнымъ представлялся вопросъ финансовый, такъ какъ денегъ у крестьянъ не было, а ихъ требовалось не мало на расходы по поѣздкѣ уполномоченныхъ, на содержаніе ихъ семействъ, да въ помощь четыремъ односельчанамъ, содержавшимся уже по дѣламъ міра въ Московскомъ тюремномъ замкѣ. Обдумывая разные способы, вспомнили, что крестьянинъ Чистяковъ былъ долженъ господской конторѣ 200 руб., что у него въ настоящее время есть деньги, которые могли бы пойти на уплату долга, что и общество въ случаѣ надобности могло бы кредитоваться въ господской конторѣ тѣми деньгами, которыя поступятъ въ нее отъ Чистякова и что, слѣдовательно, долгъ Чистякова могъ бы быть уплаченъ вмѣсто конторы всему міру"... Придя къ такому заключенію, командировали посланнаго за Чистяковымъ, съ требованіемъ явиться на сходъ. Когда Чистяковъ прибылъ, крестьяне предложили ему внести деньги міру. Руководилъ всѣмъ дѣломъ Евстратъ Панферовъ, обратившійся къ Чистякову съ словами—„дай деньги"! На вопросъ—„какія?" послѣдовалъ отвѣтъ — „тѣ самые, которые бралъ въ господской конторѣ, 200 руб.". На слова Чистякова: „деньги тѣ неотдамъ, потому что они господскіе",—одинъ—крестьянинъ ударилъ его по уху, другой—взялъ за бороду. Эти доводы показались настолько убѣдительными, что Чистяковъ вынулъ бывшіе у него 120 руб. и передалъ ихъ крестьянамъ. Совершивъ эту гражданскую сдѣлку, міръ выдалъ Чистякову росписку. „Мы ниже подписавшіеся, *весь міръ*, въ томъ, что, получивъ *міромъ* съ крестьянина Чистякова взятые имъ въ конторѣ господскіе деньги 200 руб., въ чемъ и подписуемся села Вышгорода весь міръ, что дѣйствительно отъ него Чистякова 120 руб. получилъ".—Однако, занятыхъ денегъ оказалось недостаточно, такъ что впослѣдствіи крестьяне вынуждены были дѣлать раскладки, всего такимъ образомъ было передано уполномоченнымъ до 350 руб.

Двое уполномоченныхъ—Захаровъ и Петровъ—отправились въ Петербургъ, Степановъ же заболѣлъ и остался дома. Уполномоченные прибыли въ столицу въ началѣ декабря 1841 года и по неимѣнію паспортовъ, постоянной квартиры найдти немогли, а проводили гдѣ день, гдѣ ночь. Прошеніе на имя Государя написалъ имъ какой-то канцеляристъ въ харчевнѣ, это прошеніе они подали государю, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по безписьменности, были задержаны и высланы этапнымъ порядкомъ на родину.

Между тѣмъ крестьяне, отправивъ уполномоченныхъ съ жалобою, считали себя свободными отъ всякихъ обязанностей къ помѣщику, перестали платить оброкъ и повинности, и оставили землю незасѣянною. Этими дѣйствіями выражалось уже неповиновеніе помѣщичьей власти, о чемъ управляющій Нарышкина, Звѣревъ, и сообщилъ полиціи. На мѣсто, для водворенія порядка, прибылъ становой приставъ и остановился въ господской конторѣ, куда пришли крестьяне, „довольно азартно на него шумѣли и говорили дерзко, что они людей къ допросамъ не дадутъ“. На объясненіе пристава о томъ, что они должны повиноваться повѣренному помѣщика Звѣреву, „всѣ единогласно закричали: нехотимъ его имѣть и ему не будемъ повиноваться, равно не хотимъ имѣть бурмистра съ конторщикомъ, ибо у насъ есть свой избранный изъ среды себя“.

Такъ какъ поѣздка становаго пристава не имѣла благопріятныхъ результатовъ,—на мѣсто прибыло временное отдѣленіе изъ исправника, стряпчаго и становаго пристава. Пригласивъ изъ сосѣднихъ деревень стороннихъ крестьянъ до 700 человѣкъ и собравъ неповинующихся крестьянъ, временное отдѣленіе объявило послѣднимъ о повиновеніи помѣщичьей власти, „но крестьяне единогласно, въ числѣ 300 человѣкъ, объяснили, что они не повинуются помѣщику потому, что оный стѣснилъ ихъ полученіемъ тяжелаго оброка и разными поборами, о чемъ они подали чрезъ своихъ просьбу на помѣщика Государю и ожидаютъ рѣшенія Его Величества, почему и просили отсрочки на два дня, до прибытія заарестованныхъ ихъ повѣренныхъ“. Отдѣленіе уважило эту просьбу, отсрочка была дана, сторонніе люди распущены, крестьяне успокоились, думая что эти два дня ихъ тревожить не будутъ, но всетаки изъ осторожности приняли свои мѣры, назначивъ посему караулы.

Между тѣмъ, за ночь случилось слѣдующее обстоятельство. У Нарышкина былъ дворовый человѣкъ Дмитрій Заборовъ, служившій у помѣщика въ домѣ въ Москвѣ и бѣжавшій отъ побоевъ. Въ описываемое время онъ проживалъ въ с. Вышгородѣ съ своимъ отцомъ и сестрой, солдаткой Натальей Даниловой. Заборовъ состоялъ у неповинующихся крестьянъ конторщикомъ, былъ, по всей вѣроятности, человѣкъ вліятельный въ обществѣ, почему у временнаго отдѣленія возникла мысль заарестовать его. Опасаясь сопротивленія общества, оно рѣшило исполнить свое намѣреніе ночью, и вотъ, когда все село

успокоилось, часовъ въ 11 ночи, становой приставъ со стражею прибылъ къ дому старика Заборова. Сына его дома не было, а дочь Данилова спала на передней лавкѣ, у краснаго окна. Придя къ дому, приставъ открылъ совѣщаніе со стражею о томъ, какимъ образомъ произвести арестъ безъ шума и тревоги. Совѣщаніе рѣшило влѣзть въ окно. Окно было открыто; Данилова, услышавъ шорохъ и желая узнать, что происходитъ, высунула въ открытое окно голову. Стоявшій у окна приставъ ударилъ ее по переносицѣ, а затѣмъ съ помощію сторожа схватилъ за голову и вытащилъ изъ избы, въ полной увѣренности благополучно оконченнаго заарестованія возмутителя Заборова. Сначала Данилова отъ страху не могла сообразить, что такое происходитъ, а затѣмъ, очнувшись, закричала—„караулъ!“ Приставъ, увидѣвъ свою ошибку, началъ успокоивать Данилову, говоря—„что кричишь?“ Подбѣжали караульные и, увидя становаго пристава, спросили:—„зачѣмъ чиновники ходятъ по ночамъ? На крикъ послѣдовалъ набатный колоколъ, народъ проснулся и гурьбою повалилъ къ господской конторѣ. Произошла страшная суматоха, въ которой никто не могъ дать отчетъ о томъ, что случилось? Крестьяне думали, что противъ нихъ затѣваетъ что либо временное отдѣленіе, а потому и окружили помѣщеніе чиновниковъ, началася галда, посыпались вопросы, гадательные отвѣты и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ временное отдѣленіе полагало, что крестьяне задумали совершить надъ нимъ какое либо злодѣйство, а потому члены его заперлись въ величайшемъ страхѣ отъ грозившей мнимой опасности и прибѣгли къ обычному способу устрашенія крестьянъ наказаніемъ за ихъ буйство. Кончилось все это тѣмъ, что крестьяне разошлись по домамъ, а начальники, какъ только разсвѣло, отъ страха уѣхали въ сосѣднюю деревню Болошнево, откуда и послали губернатору донесеніе о покушеніи на ихъ жизнь и просили присылки войска.—Въ донесеніи изложено, что Наталья Данилова по наущенію бунтующихъ крестьянъ сдѣлала умышленную тревогу; вслѣдъ за крикомъ послѣдовалъ набатъ, и „въ ту же минуту собравшійся народъ съ женщинами и малолѣтними въ большомъ количествѣ приступили къ квартирѣ чиновниковъ, находившихся въ той квартирѣ окружающихъ ихъ постороннихъ людей, окруживъ весь домъ карауломъ; *порывъ безумія крестьянъ въ столь смутномъ состояніи былъ остановленъ благоразуміемъ чиновниковъ даже съ опасностію жизни ихъ*, когда же было все успокоено, то на свѣтѣ дня временное отдѣленіе вынуждено было безъ дальнѣй-

шаго замѣчанія со стороны бунтующихъ выѣхать въ деревню Болошневую, „откуда и доноситъ губернатору“ съ испрошеніемъ военной команды неменѣе трехъ ротъ, для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, о чемъ и ожидаетъ разрѣшенія въ означенномъ селеніи, обезпечивая жизнь свою сторонними людьми“.

Вслѣдствіе этого донесенія губернаторъ, съ цѣлію выяснить степень не повиновенія крестьянъ и необходимость присылки войска, командировалъ на мѣсто совѣтника губернскаго правленія вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ, къ коимъ присоединился и уѣздный предводитель дворянства; въ помощь имъ отряжено шесть жандармовъ.

Прибывъ въ деревню Болошнево, совѣтникъ предписалъ исправнику выслать къ нему довѣренныхъ людей, невозбраняя явиться и всѣмъ вообще. На это крестьяне „торжественно объявили исправнику, что не пойдутъ къ совѣтнику“. Тогда всѣ чиновники отправились въ Вышгородъ, собрали у волостной конторы сходку и по увѣщаніи совѣтника „о повиновеніи ихъ Государю и его закону, означенные крестьяне, хотя и стали передъ нимъ на колѣнки и удостовѣрили, что всему повинуются, кромѣ своего помѣщика“, но „затѣмъ всѣ единогласно объявили, что они помѣщику своему повиноваться никогда не будутъ“,—вслѣдствіе чего чиновники рѣшили возвратиться въ Рязань.

По отъѣздѣ чиновниковъ крестьяне послали къ губернатору одного изъ уполномоченныхъ ходатаевъ съ просьбою, которую губернаторъ не принялъ, предложивъ прибыть старѣйшимъ крестьянамъ, съ покорностью и раскаяніемъ въ сдѣланныхъ поступкахъ. Вслѣдствіе этого вызова явилось 17 стариковъ. Губернаторъ сдѣлалъ имъ надлежащее внушеніе, приказалъ придти всѣмъ крестьянамъ, кои и явились въ Рязань въ числѣ 170 человѣкъ. Губернаторъ началъ дѣлать имъ увѣщаніе, но всѣ „единогласно отозвались, что правительству всегда были послушны и нынѣ съ покорностью повинуются, помѣщику же своему, Нарышкину, повиноваться не хотятъ“ и присланнаго управляющаго боятся принять въ селеніе, ибо прежніе управляющіе дѣлали имъ разныя притѣсненія, отъ чего пришли въ бѣдность, на что Нарышкинъ не обратилъ никакого вниманія.

Послѣ всего этого губернаторъ призналъ необходимымъ отрядить на мѣсто военную команду, ибо крестьяне, „не смотря на мѣры кроткаго вразумленія, упорствуютъ въ повиновеніи своему помѣщику, а потому и слѣдуетъ положить конецъ таковому неустройству“. По прибытіи команды порядокъ въ имѣніи былъ возстановленъ.

За симъ послѣдовало судебное разбирательство. Уѣздный судъ, разсматривая дѣло, никакъ не могъ выяснить себѣ, въ чемъ состояло покушеніе на жизнь чиновниковъ, а равно, какого рода были приняты ими мѣры „къ остановленію перваго порыва безумія крестьянъ", почему и обратилъ все дѣло къ дослѣдованію. При этомъ дослѣдованіи уѣздный стряпчій Велигоновъ объяснилъ, что хотя и трудно припомнить всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по давности времени (прошло годъ и три мѣсяца) но, „*повинуясь волѣ начальства*", онъ представляетъ описанное выше событіе въ слѣдующемъ видѣ. Человѣкъ 300 крестьянъ, окруживъ контору, ворвались въ нее, отыскивая чиновниковъ Временнаго Отдѣленія, но передъ симъ ихъ дѣйствіемъ, становой приставъ, знавшій всѣ ходы и выходы той конторы, предложилъ чиновникамъ выдти тайными переходами изъ конторы и скрыться на дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ довольно высокими сараями и имѣвшемъ снаружи одинъ только входъ въ ворота, и эта мѣра, коею они воспользовались, остановила крестьянъ сдѣлать какое либо насиліе съ ними.— Въ этомъ, по мнѣнію стряпчаго, состояла первая мѣра „къ остановленію перваго порыва безумія крестьянъ". На дворѣ чиновники разсудили укрѣпить ворота подставками и запорами, чтобы взойдти въ нихъ неиначе можно было, какъ совершенно раздробивъ оные, а когда бунтовщики приступили къ воротамъ и начали ихъ бревнами выламывать, то было имъ отъ нихъ, чиновниковъ, довольно громогласно и внятно объявлено, что въ первыхъ, кто вломится въ тѣ ворота на дворъ, чиновники будутъ стрѣлять. „Это второй способъ, говоритъ стряпчій, придуманный ими остановить бунтующихъ отъ разламыванія воротъ, ибо крестьяне, по невѣжеству своему, повѣрили словамъ ихъ и прекратили удары въ ворота"... Засимъ, внезапно, отъ невѣдомой причины прекратился набатный колокольный звонъ и крестьяне, не бывъ побуждаемы набатомъ, постепенно уменьшили крики и вскорѣ потомъ взломъ воротъ вовсе оставили и вышли изъ конторы. Осажденные чиновники вошли въ нее и, узнавъ, что у крестьянъ нѣтъ въ рукахъ никакого орудія, просили священника, отца Іоанна, выдти на крыльцо и внушить бунтовщикамъ повиновеніе власти земской полиціи. При видѣ священника бунтовщики обратились къ нему и стали „съ азартностью" упрекать его, зачѣмъ остался ночевать въ конторѣ. Тогда священникъ „безбоязненно упредилъ" ихъ словами, что онъ, призванный судомъ, и что если они осмѣлятся сдѣлать ему какое либо насиліе, будутъ жестоко

наказаны. Тогда и стряпчій, „не смотря, что могъ подвергнуть себя ярости бунтующихъ, вышелъ на крыльцо и по возможности, съ помощію того священника, старался внушить имъ то жестокое наказаніе, которое ихъ ожидаетъ за продолженіе бунта противъ власти земской полиціи". Симъ способомъ мало по малу удержали духъ буйства крестьянъ, а съ разсвѣтомъ дня, когда можно было различить въ лицо каждаго крестьянина, толпа разошлась, а нѣсколько спустя крестьяне вновь собрались въ концѣ села для какого то совѣщанія. Въ это время стряпчій убѣдилъ исправника идти къ толпѣ и когда исправникъ пошелъ на сходку, стряпчій велѣлъ запречь тройку исправничьихъ лошадей, въ предположеніи, по возвращеніи исправника, *внезапно уѣхать изъ селенія и тѣмъ спасти себя*. Когда исправникъ возвратился, они уѣхали, сверхъ всякаго ожиданія бунтущихъ крестьянъ, которые за побѣгомъ ихъ удерживать уже не осмѣливались.—Въ этомъ описаніи нѣтъ вѣрнаго ни одного слова въ отношеніи крестьянъ, и на слѣдствіи рѣшительно никѣмъ удостовѣрено не было.

Палата освободила всѣхъ крестьянъ отъ наказанія, за силою манифеста 16 апрѣля 1841 года [1]). Обвиненіе же въ покушеніи на жизнь чиновниковъ признала недоказаннымъ [2]).

До открытаго неповиновенія помѣщичьей власти,—при сопротивленіи, съ употребленіемъ оскорбленія и насилій,—должны были доводить очень важныя причины. Если къ открытому неповиновенію не вели иногда даже уголовныя преступленія, состоявшія, напримѣръ, въ жестокомъ наказаніи, съ причиненіемъ смерти,—то это потому, что крестьяне расчитывали на заступничество правительства, которое должно было обуздать власть помѣщика. Но что можно было сдѣлать при постоянномъ, систематическомъ угнетеніи и разореніи крестьянъ, не доходящими однако до такихъ предѣловъ, за которыми крупные факты бьютъ въ глаза, но состоящими въ постоянныхъ, мелочныхъ житейскихъ дѣлахъ, изъ коихъ каждое само по себѣ незначительно, но совокупность коихъ производитъ подавляющее впечатлѣніе? Что можно было сдѣлать тамъ, гдѣ не производилось ничего особеннаго, выдающагося, но гдѣ каждое лицо могло указать на какое либо отдѣльное притѣсненіе и совершонную надъ нимъ

---

[1]) По случаю бракосочетанія наслѣдника престола, Александра Николаевича *Ред.*
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 г. № 1299.

несправедливость? Въ такихъ случаяхъ общество объединялъ одинъ, всѣмъ одинако близкій, интересъ—облегченіе своей участи; и разъ являлось лицо, болѣе другихъ обиженное, болѣе другихъ энергичное,—соглашеніе міра на бунтъ, открытое неповиновеніе властямъ было готово.

Умалишенному помѣщику Гурьеву принадлежало имѣніе въ Сапожковскомъ у., въ селѣ Большихъ Можарахъ. Имѣніе это было въ опекѣ и опекунами состояли родственники Гурьева—Ханыковы, сдѣлавшіеся послѣ смерти владѣльца наслѣдниками. Противъ ихъ наслѣдственныхъ правъ былъ заявленъ другими родственниками, Гурьевыми, споръ, и дѣло не было еще окончательно рѣшено въ то время, когда въ имѣніи Ханыковыхъ произошелъ бунтъ.

Прежнимъ положеніемъ своимъ, до управленія Ханыковыхъ, крестьяне, повидимому, были довольны, такъ какъ они не добивались свободы отъ помѣщичьей власти, а только жаловались на управленіе новыхъ помѣщиковъ, и желали быть крѣпостными другаго наслѣдника Гурьева. Неудовольствія же на управленіе Ханыковыхъ не вытекали изъ какихъ либо крупныхъ, выдающихся злоупотребленій, а состояли изъ цѣлаго ряда мелочей.

Такъ, крестьяне жаловались прежде всего на излишніе поборы столоваго запаса: при прежнихъ порядкахъ они платили съ тягла—16 фун. свинины, 1 курицу, $^1/_2$ гуся и утки, 1 фунтъ коровьяго масла, $^1/_2$ барана и поросенка; при новыхъ же порядкахъ стали платить—20 фун. свинины, 3 курицы, 1 гуся, 1 утку, 2 фун. масла, 1 барана, 1 поросенка; кромѣ того, производился сборъ, какъ и прежде, 20 куриныхъ яицъ, $^1/_2$ арш. сукна и 10 арш. холста. Жаловались крестьяне на обремененіе подводами, на то, что подводы берутся не въ очередь, отсылаются далеко, въ рабочую пору, часто портятъ лошадей, указывали нѣсколько случаевъ этой порчи, и случаевъ, гдѣ лошади пали. Кузнецъ жаловался на то, что помѣщики не платятъ за его работу, не дѣлая сбавки въ другихъ повинностяхъ; плотникъ и бондарь—что пользуются ихъ трудами и издѣліями безъ вознагражденія. Одинъ считалъ себя обиженнымъ за то, что, будучи приставленъ къ господской рыбной ловлѣ, и всегда находясь при ней, скоро изнашиваетъ, отъ мокроты, платье, не получая взамѣнъ новаго; другой,—что за разрѣшеніе обвѣнчаться помѣщикъ спрашивалъ денегъ 10 рублей; третій—что самовольно продалъ принадлежащую ему избу; четвертый,—что отдалъ сына безъ очереди въ рекруты. Караульщика, за плохой караулъ рощи,—собственноручно отхлесталъ кнутомъ; еще неизвѣстно за что велѣлъ остричь

бороду; женщинъ склонялъ къ прелюбодѣянію, а за отказъ билъ по щекамъ. И цѣлый рядъ притѣсненій все въ томъ же родѣ.

Ханыковымъ не могло не быть извѣстно, что крестьяне недовольны ихъ управленіемъ; ибо въ этомъ они имѣли не одинъ случай убѣдиться, но едва ли обращали на то вниманіе. Болѣе другихъ былъ недоволенъ крестьянинъ Иванъ Бабаевъ, который и велъ по этому предмету переговоры съ обществомъ, указывая на то, что не худо бы было заискать у другаго наслѣдника Гурьева,—можетъ быть, станетъ жить полегче... И объ этихъ переговорахъ Ханыковы несомнѣнно знали, а потому первое неудовольствіе ихъ было обращено на И. Бабаева... Разъ, при предъявленіи какого то требованія, Ханыковъ пригрозилъ Бабаеву побоями, на что послѣдній отвѣчалъ, что еще неизвѣстно, принадлежитъ ли онъ ему, вѣдь идетъ спорное дѣло, до сихъ поръ не рѣшенное, а потому въ настоящее время онъ, Бабаевъ, не принадлежитъ ни тому, ни другому наслѣднику. Это была очевидная грубость и Ханыковъ ударилъ Бабаева по лицу, разбилъ обѣ челюсти, и затѣмъ приказалъ высѣчь его батожьемъ. Отъ такого наказанія Бабаевъ долго болѣлъ, а по выздоровленіи узналъ, что Ханыковы за это время наказывали и другихъ крестьянъ, отчего крестьяне пришли въ робость, и стали просить его сходить въ Петербургъ къ наслѣднику Гурьеву, у котораго и просить защиты отъ испытываемыхъ ими притѣсненій. Бабаевъ отправился къ Гурьеву, но послѣдній не могъ ничего сдѣлать, объяснивъ, что дѣло о наслѣдствѣ еще не рѣшено, а потому онъ не въ состояніи оказать крестьянамъ какой либо защиты. Тогда Бабаевъ возвратился домой, но уже *тайно*, ибо, отлучившись безъ позволенія, онъ считался *въ бѣгахъ*.

За время отсутствія Бабаева произошли слѣдующія событія. Когда Бабаевъ отправлялся въ Петербургъ, его провожалъ лѣсомъ одинъ изъ близкихъ ему людей, крестьянинъ Сушилинъ. По обнаруженіи бѣгства Бабаева, на Сушилина пало подозрѣніе въ содѣйствіи къ побѣгу, вслѣдствіе чего онъ самъ вынужденъ былъ бѣжать и скрывался цѣлое лѣто въ лѣсу; за это Ханыковы приказали домъ Сушилина разломать, такъ что жена съ малолѣтними дѣтьми все лѣто должна была жить подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ, бѣгство Бабаева должно было весьма озабочивать Ханыковыхъ, они обратились къ содѣйствію земскаго суда; пріѣхалъ засѣдатель и началось изслѣдованіе. Допросили жену Бабаева,—гдѣ ея мужъ? А такъ какъ она не могла дать по

этому предмету никакого опредѣленнаго отвѣта, то, поставя ей въ виду укрывательство бѣглаго, ее вывели на дворъ, раздѣли, оставивъ въ одной рубашкѣ, положили на снѣгъ и наказали розгами по *сѣдалищу*. Затѣмъ приступили къ допросу брата Бабаева Василія. Тотъ отвѣчалъ, что Иванъ пошелъ ходокомъ отъ міра къ Гурьеву, за каковой отвѣтъ на него надѣли конскіе ножные желѣзы, въ которыхъ и продержали четверо сутокъ.

Узнавъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, Иванъ Бабаевъ, по уговору крестьянъ, вновь отправился въ Петербургъ, но по дорогѣ, услыхавъ, что тамъ холера, остановился въ Москвѣ, дождался тамъ Гурьева, видѣлся съ нимъ, сообщилъ ему о притѣсненіяхъ крестьянъ, но защиты у него опять не нашелъ. Тогда онъ отправился въ Рязань, подалъ губернатору жалобу на жестокое обращеніе Ханыковыхъ съ своими крестьянами, просилъ произвести по этому предмету изслѣдованіе,—и затѣмъ уже возвратился въ деревню.

Безпокойство Ханыковыхъ все болѣе усиливалось: чтобы изловить Бабаева, они распорядились опечатать его хлѣбъ, а къ избѣ поставили караулъ. И вотъ, когда И. Бабаевъ явился въ деревню, Ханыковы рѣшили его заарестовать. Родственникъ ихъ, Мясоѣдовъ, вооружившись ружьемъ, съ борзыми собаками, въ сопровожденіи дворовыхъ людей, явился къ дому Бабаева, который, встрѣтивъ Мясоѣдова въ сѣняхъ и узнавъ о цѣли его прихода, просилъ обождать арестомъ до прибытія изъ Рязани чиновника для производства изслѣдованія, ибо ранѣе этого идти на господскій дворъ онъ опасается. Мясоѣдовъ, очевидно, не могъ принять въ резонъ этихъ объясненій, а такъ какъ онъ съ людьми своими находился въ нетрезвомъ видѣ, то требованія его приняли буйный характеръ, вслѣдствіе чего Бабаевъ заперъ дверь, выскочилъ въ окно на дворъ и закричалъ: караулъ! Видя это, Мясоѣдовъ, чтобы не упустить Бабаева, покушался прибѣгнуть къ помощи ружья, но собравшійся на крикъ народъ, дабы не вышло уголовья, недопустилъ до этого и выпроводилъ нападавшихъ со двора, помявъ имъ порядкомъ бока, потому что Бабаевъ отъ всего міра былъ ходокомъ въ Петербургѣ.

Дѣло принимало серьезный оборотъ, крестьяне стали оказывать уже явное неповиновеніе помѣщику. Ханыковы прибѣгли къ помощи полиціи и на другой день явился самъ исправникъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ для заарестованія виновныхъ и для водворенія въ имѣніи порядка. Исправникъ прямо отпра-

вился ко двору Бабаева и поставилъ вокругъ дома караулъ; на дворѣ Бабаева найдены орудія обороны—дубина и пика съ желѣзнымъ наконечникомъ,—которыя и были отобраны, какъ вещественное доказательство. Войдя въ избу, они Бабаева не нашли, но, увидя на столѣ недопитое въ штофѣ вино, заключили, что здѣсь недавно была компанія, почему и было приступлено къ обыску. Въ подполѣ нашли крестьянина Сушилина; при выходѣ его изъ подпола исправникъ вышелъ изъ дома, около котораго уже началъ собираться народъ „въ защиту Бабаева, чтобы его не избили, ибо онъ ходилъ отъ міра въ Петербургъ къ генералу Гурьеву, который ихъ отыскиваетъ во владѣніе". Исправникъ началъ говорить собравшимся рѣчь на тему о подчиненіи крестьянъ своимъ господамъ. Въ это время крестьянинъ Пахомовъ, будучи немного подъ хмѣлькомъ, прервалъ его словами:—„для чего здѣсь ставить караулъ, Бабаевъ не разбойникъ". Услыхавъ эти слова, исправникъ спросилъ:—„кто это?" и велѣлъ арестовать Пахомова и направился далѣе для розыска зачинщиковъ. Въ это время народъ кричалъ: „куда онъ идетъ"? Поднялся шумъ, исправникъ приказалъ разогнать народъ, толпа загалдѣла, бросилась бѣжать, въ суматохѣ сломила женщину Абрамову, упавшую наземь. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался арестованный Пахомовъ, закричалъ, что исправникъ убилъ женщину, „держите его, бей въ набатъ"! Толпа остановилась, ударили въ набатный колоколъ и на мѣсто происшествія со всего села повалилъ народъ, вооруженный пиками, дубинами и топорами; всего собралось человѣкъ до 300. Въ толпѣ съ азартомъ раздавались слова—„евто разбойникъ, держите ихъ, бейте до смерти"! Первый бросился на исправника Пахомовъ, крича: „ловите его разбойника"; за нимъ повалили другіе крестьяне. Положеніе становилось серьезнымъ. Исправникъ, „принимая мѣры къ спасенію жизни, будучи внѣ себя, бросившись въ свой экипажъ, приказалъ кучеру своему ѣхать на бунтующихъ". Но этотъ натискъ оказался безполезнымъ, толпа выдержала его, лошадей остановили, и вновь раздались крики: „бейте ихъ, они разбойники"! Народъ бросился на сидѣвшихъ въ экипажѣ,—исправника и Мясоѣдова, коимъ было нанесено нѣсколько ударовъ; тогда уже, видя, что со всѣмъ приходится плохо, начальство обратилось въ бѣгство, поворотили лошадей, крестьяне начали ихъ останавливать, вновь раздавались крики: „скачите, не выпускайте ихъ живыхъ, не уйдете теперь, бейте ихъ до смерти"! за уѣзжающими погнались на лошадяхъ

верхомъ крестьяне, съ крикомъ, бросая въ нихъ тѣмъ, что было подъ рукою; въ экипажъ попала соскочившая съ древка пика. Въ концѣ концовъ, бѣжавшимъ удалось спастись отъ дальнѣйшихъ непріятностей, благодаря лишь рѣзвости ихъ лошадей.

Вслѣдствіе происшедшаго безпорядка арестованные Сушилинъ и Пахомовъ бѣжали, равно какъ скрылись изъ деревни и другіе, болѣе дѣятельные лица, а И. Бабаевъ въ туже ночь отправился въ Рязань съ жалобою и, узнавъ, что командированъ для производства изслѣдованія чиновникъ Галаховъ, возвратился въ деревню для допроса.

Съ прибытіемъ Галахова безпорядки прекратились, крестьяне дали ему подписку быть у помѣщика въ повиновеніи. Такъ какъ изслѣдованіе о бунтѣ было произведено земскимъ судомъ еще до прибытія Галахова, то послѣдній приступилъ къ изслѣдованію отношеній между помѣщиками Ханыковыми и ихъ крестьянами.

Это изслѣдованіе, и съ полнымъ основаніемъ, было заподозрѣно въ пристрастіи. Не говоря уже о томъ, что Галаховъ остановился въ домѣ помѣщиковъ,—личныя отношенія его къ нимъ были слишкомъ близки. Онъ вступилъ съ ними въ какую то коммерческую сдѣлку относительно лѣса, сообщалъ свѣдѣнія о ходѣ слѣдствія и о показаніи крѣпостныхъ людей, давалъ совѣты. Вслѣдствіе этого Ханыковы имѣли возможность принимать свои мѣры карательныя. Нѣсколько крестьянъ за показаніе противъ помѣщиковъ, на виду у Галахова, были кованы въ желѣзы, нѣкоторые были наказаны розгами, такъ что возвратившіеся къ слѣдствію бѣглецы, видя такой оборотъ дѣла, вынуждены были снова бѣжать, а Бабаевъ отправился въ Рязань и подалъ на дѣйствія Галахова жалобу, вслѣдствіе чего послѣдній былъ отозванъ и дѣло передано новому слѣдователю Иванову.

Ивановъ производилъ слѣдствіе уже о дѣйствіяхъ Галахова, и не смотря на то, что неправильность ихъ была вполнѣ установлена, результаты слѣдствія Галахова послужили основаніемъ для сужденія о поведеніи Ханыковыхъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, начальство и помѣщики своего достигли, оказались виновными и понесли наказаніе только одни крестьяне.

Разсмотрѣвъ дѣло, губернское правленіе признало, что Галаховъ „поступалъ неосмотрительно, невыполнилъ въ точности возложеннаго на него начальствомъ порученія; поставя ему на видъ всѣ упущенія, подтвердить впредь быть осторожнѣе и осмо-

трительнѣе". Въ отношеніи Ханыковыхъ губернаторъ распорядился отнестись къ губернскому предводителю дворянства и просить объ учиненіи зависящихъ распоряженій къ прекращенію дальнѣйшихъ злоупотребленій помѣщиковъ Ханыковыхъ. Въ отношеніи взбунтовавшихся крестьянъ судъ опредѣлилъ главныхъ виновныхъ наказать, чрезъ *ката* плетьми 20 ударовъ, другіе были подвергнуты болѣе легкому полицейскому взысканію, нѣкоторымъ же вмѣнено въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. Всѣ эти наказанія были сравнительно легки, вѣроятно, въ соотвѣтствіе съ рѣшеніемъ по дѣлу лицъ, вызвавшихъ безпорядки, т. е. самихъ Ханыковыхъ [1]).

Крѣпостное право, обусловливаясь государственными потребностями даннаго времени, само въ себѣ заключало такія начала, которыя не могли быть долговѣчными и должны были рано или поздно рухнуть. Крѣпостные порядки были непрочны сами по себѣ, по существу вытекающихъ изъ нихъ правъ и обязанностей—они были расчитаны только на данный моментъ государственнаго строя. При стремленіи къ лучшимъ началамъ государственности, съ выясненіемъ болѣе гуманныхъ воззрѣній, должно было пасть все то, что задерживало развитіе человѣческой личности, что стѣсняло ея свободу. Такимъ образомъ, протесты противъ крѣпостныхъ отношеній вызывались не только тѣмъ, что необходимымъ послѣдствіемъ этихъ отношеній былъ произволъ и злоупотребленіе властью,—но и тѣмъ, что въ сознаніи народномъ все болѣе и болѣе пробуждался духъ свободы, нестѣсняемый никакою иною волею, кромѣ государевой. Неповиновеніе помѣщичьей власти не обусловливалось исключительно притѣсненіями, жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ съ своими крестьянами; въ исторіи крѣпостнаго права можно встрѣтить отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, построенныя на патріархальныхъ началахъ. Отеческое попеченіе помѣщика о крестьянахъ, забота о ихъ нуждахъ, помощь при разныхъ невзгодахъ, если и составляютъ исключеніе, то не совсѣмъ рѣдкое въ исторіи крѣпостнаго права. Много лѣтъ прошло со времени крестьянской реформы, а и сейчасъ можно встрѣтить не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя общества, гдѣ имя помѣщика вспоминается съ величайшею благодарностію за все сдѣланное имъ для крестьянъ своихъ. Тѣмъ не менѣе, неповиновеніе крестьянъ своимъ помѣщикамъ

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1832 г. № 620.

имѣло мѣсто и при такихъ отеческихъ отношеніяхъ, ибо корень вопроса былъ не въ послѣдствіяхъ крѣпостнаго права, а въ самомъ существѣ его. Хорошею иллюстраціею высказанной мысли служитъ дѣло о неповиновеніи крестьянъ помѣщику своему Демидову.

Въ 1826 году Николаю Никитичу Демидову принадлежали обширныя помѣстья съ крестьянами въ Касимовскомъ уѣздѣ въ селѣ Ерахтурѣ съ сосѣдними деревнями. Самъ помѣщикъ въ имѣніи не жилъ, управленіе производилось чрезъ центральную—московскую его контору, сосредоточиваясь на мѣстѣ въ лицѣ управляющаго Обѣдова. Управленіе это было гуманно, крестьяне не терпѣли нужды, не обремѣнялись повинностями и лишними поборами. При требованіи должнаго имѣлись въ виду выгоды какъ помѣщика, такъ и самихъ крестьянъ; управленію было чуждо непосильнаго обремененія крестьянъ работами, въ ущербъ ихъ благосостоянію. Явленіе потому времени довольно рѣдкое: въ с. Ерахтурѣ на господскій счетъ содержалась школа для крестьянскихъ мальчиковъ.—При возникновеніи дѣла о неповиновеніи слѣдователи совершенно естественно возбудили вопросъ о томъ, не испытываютъ ли крестьяне со стороны управляющаго какихъ либо притѣсненій; но рѣшительно никто не показалъ объ этомъ, никто не указалъ фактовъ, говорившихъ въ пользу подобнаго предположенія. Правда, нѣкоторые крестьяне указывали на отдѣльные факты, но по обслѣдованіи, эти факты представляются совершенно въ иномъ видѣ. Такъ: указывалось на неправильное отправленіе рекрутской повинности; однако выяснилось, что дѣло это устроено вполнѣ цѣлесообразно и льготно для крестьянъ. Вообще, рекрутской повинности не отправлялось совсѣмъ, вмѣсто ея собирался съ крестьянъ денежный сборъ. При объявленіи набора рекрута не выставлялись; взамѣнъ ихъ представлялись зачетныя рекрутскія квитанціи по другимъ имѣніямъ г. Демидова, и уже когда недоставало до полнаго числа рекрутъ,—управляющій ставилъ изъ своего селенія тѣхъ людей, „кои приняли худую жизнь и поведеніе“. Жаловались на то, что управляющій за недоимку отбираетъ скотъ; оказалось, что дѣйствительно у нѣкоторыхъ недоимщиковъ были взяты въ уплату недоимокъ коровы, кои употреблены на пищу крестьянскихъ учениковъ въ заведенной въ селѣ господской школѣ. Жаловались на отправленіе крестьянъ на заработки: но и это дѣлалось во избѣжаніе праздности, для добывки денегъ, при чемъ, крестьяне добровольно составляли

артели, выбирали своего старосту, добровольно рядились на работу, отдавая полученные задатки въ уплату недоимокъ. Наконецъ, повидимому, большое неудовольствіе составляла отправка крестьянъ на заводскія работы, что дѣлалось по распоряженію Московской и Нижне-Тагильской конторъ г. Демидова. Ежегодно извѣстное число крестьянъ было отправляемо на Пермскіе заводы; срокъ работъ былъ годовой; по истеченіи срока крестьяне были возвращаемы обратно. За работу полагалась плата по 270 руб. на человѣка въ годъ, при томъ часть денегъ шла въ уплату оброка. Доставка на мѣсто и обратно, содержаніе въ пути, т. е. одежда, харчи, производились на средства помѣщика; отъ него же выдавалось на мѣстѣ въ содержаніе, кромѣ жалованья, по два пуда муки на человѣка въ мѣсяцъ. Конечно, это путешествіе могло составлять большую непріятность для крестьянъ; но въ способахъ работы и содержаніи было сдѣлано все, что можно для облегченія ихъ. Работы эти, при другихъ условіяхъ льготной жизни крестьянъ, были, повидимому, главною причиною жалобы нѣкоторыхъ изъ нихъ на тяготу господской власти.—Наконецъ, всѣ крестьяне утверждали, что при начавшихся безпорядкахъ управляющій внушалъ крестьянамъ не дѣлать ему ослушанія, исполнять должное, при чемъ, если они имѣютъ какія либо претензіи, то могутъ высказать ихъ совершенно свободно. Управляющій говорилъ: „если думаете жаловаться на меня въ чемъ либо, или просить барина, чтобы отмѣнилъ посылку людей въ заводскую работу, то я васъ не держу; а слушаться должно господина и меня, но не бушевать“. Когда крестьяне не одумались и рѣшили подать жалобу, они командировали уполномоченнаго къ управляющему взять у него для написанія жалобы бумаги, получили надлежащее количество ея, какъ простой, такъ и гербовой.

Въ началѣ текущаго столѣтія слухъ о томъ, что крестьяне будутъ свободными, были особенно упорны и вообще распространены; въ описываемое время такіе упорные слухи ходили и въ средѣ крестьянъ г. Демидова. Всѣ были увѣрены, что время свободы отъ господской работы недалеко; всѣ желали этой свободы, желали быть не господскими, а вольными, *„государевыми“*, всѣ ждали по этому предмету государева указа.

Весною 1826 года пріѣхалъ въ с. Ерахтуръ для межевыхъ работъ землемѣръ; управляющій приказалъ собрать народъ и показать ему межи. Народъ собрался, порѣшивъ заранѣе отказать управляющему въ повиновеніи. Постояли, погалдѣли, и наконецъ

вышелъ впередъ крестьянинъ Никонъ Ефимовъ и сталъ держать міру рѣчь. Онъ говорилъ о томъ, что теперь не о межеваніи надо судить, а должно употребить всѣ свои силы къ тому, дабы господинъ ихъ не отправлялъ на годъ на заводскую работу на золотые промыслы въ Сибирь. Говорилъ онъ бойко, увлекательно до того, что самъ пришелъ въ возбужденное состояніе и, бросивъ свою шапку о землю, заключилъ, обращаясь къ управляющему, такъ: „не станемъ слушать ни тебя, ни господина; пойдемъ къ государю, а на заводы не пойдемъ, ни другое что либо работать не будемъ". Эта рѣчь произвела въ средѣ крестьянъ чрезвычайно сильное волненіе, всѣ единогласно отказались отъ повиновенія господину и рѣшительно положили избрать повѣреннаго, который долженъ идти къ государю съ просьбою на господина. Рѣшеніе было единодушно; крестьяне кричали: „мы на заводы на работу не пойдемъ, да и никого не послушаемъ въ томъ, а пойдемъ просить государя, чтобы взялъ насъ за себя". Болѣе другихъ на сходкѣ отличались крестьяне Никонъ Ефимовъ и Григорій Кумовитовъ; они болѣе всѣхъ „*храпѣли*" (смущали народъ).

Извѣстіе о событіи въ с. Ерахтурѣ быстро распространилось по другимъ деревнямъ г. Демидова; пошли сходки, совѣщанія о томъ, какимъ образомъ составить прошеніе государю, гдѣ пріискать для сего людей. Все дѣлалось согласно, міромъ; возраженій и протестовъ не было; противъ міра нельзя идти.

Наконецъ, давно ожидаемый государевъ указъ явился: то былъ манифестъ 12 мая 1826 года [1]). Но ранѣе, чѣмъ выслушать его, крестьяне уже знали, о чемъ идетъ рѣчь. А рѣчь шла не о свободѣ крестьянъ, а о томъ, что они должны оставаться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ своимъ. И вотъ, когда въ с. Ерахтуръ пріѣхалъ исправникъ для объявленія этого манифеста и пригласилъ священника въ церковь, крестьяне туда не пошли и выслушать манифестъ отказались. Исправникъ думалъ объявить его на площади передъ церковью, но и здѣсь народъ не сталъ слушать и всѣ отошли прочь. Не отставало отъ міра и начальство—старшины, старосты, бурмистры,—„потому что міръ того не хотѣлъ, а отъ міра отбиваться одному нельзя". Міръ же не хотѣлъ выслушать манифестъ, „боясь, что въ церкви при Евангеліи и крестѣ заставятъ подписаться быть вѣчно господ-

[1]) Полн. Собр. Закон. 1826 г. № 330.

скими; а при томъ и то, что можетъ другой былъ не чистъ и не въ обрядномъ платьѣ". Впрочемъ, на начальство скоро повліяли: на другой же день его заставили выслушать манифестъ въ церкви, въ чемъ они дали исправнику подписку, хотя и не хотѣли безъ согласія міра давать руки, „чтобы не остаться вѣчно за господиномъ". Между тѣмъ, совѣщанія крестьянъ относительно подачи просьбы государю продолжались; прежде всего рѣшено было, въ знакъ согласія всѣхъ крестьянъ на подачу просьбы, составить именную заручную запись, „именникъ". Для составленія этого именника по селу Ерахтуру крестьяне отправились къ станціонному смотрителю, который изъявилъ согласіе написать требуемое. Составляя именникъ, во главѣ списка помѣстили бурмистра, хотя послѣдній говорилъ, чтобы его не писали, потомъ старосту, хотя его на лицо и не было, такъ какъ „міромъ захотѣли поставить начальниковъ впереди", а также потому, что „они выбраны отъ міра въ начальники, а не отъ господина"; потомъ уже помѣстили всѣхъ прочихъ крестьянъ. По составленіи именника крестьянинъ Никитинъ положилъ на столъ смотрителю полтину серебромъ, и затѣмъ всѣ удалились.—Составивъ такой именникъ по всѣмъ обществамъ, собрались на сходъ со всѣхъ селеній, выбрали 8 ходоковъ, коихъ и отправили въ Касимовъ розыскивать человѣка, который бы согласился написать имъ просьбу, для чего и выдали уполномоченнымъ 170 рублей.—Посланныхъ въ Касимовѣ постигло разочарованіе: человѣкъ, на котораго они расчитывали, отказался написать просьбу; а затѣмъ, когда пребываніе ихъ стало извѣстно начальству,—они были арестованы полиціею и посажены въ тюрьму.

Однако, эта неудача не охладила энергіи крестьянъ; они стали искать другаго подходящаго человѣка для написанія просьбы, выбрали развѣдчиковъ, которые, „помолясь напередъ на небо Богу о согласіи стоять за одно всѣмъ міромъ",—отправились въ путь. Былъ розысканъ мѣщанинъ Яковъ Петровъ, который согласился устроить имъ это дѣло, увѣривъ, что сдѣлаетъ ихъ вольными отъ господина и что онъ уже другимъ людямъ дѣлывалъ такія дѣла. Слова эти очень обнадежили крестьянъ, „а то бы можетъ не было такой имъ суеты и горя". Петровъ составилъ именникъ, послѣ сего выпили винца и разошлись, давъ Петрову 25 рублей бумажками, при чемъ онъ говорилъ, что много денегъ теперь не надобно, а чтобы крестьяне его не забыли, когда станетъ хлопотать и пуститъ дѣло за нихъ на ходъ".

Но и Петрову не удалось составить просьбу. Крестьяне слишкомъ долго бурлили, начальство обезпокоилось и рѣшилось принять энергическія мѣры для прекращенія своевольства. Употребленъ былъ обычный способъ экзекуціоннаго постоя; прибыли на мѣсто войска, нѣсколько человѣкъ на выдержку было перепорано, собрали народъ въ церковь, заставили выслушать манифестъ, отобрали подписки о бытіи у помѣщика въ повиновеніи и такимъ образомъ видимое спокойствіе было водворено.

За симъ послѣдовало сдѣдствіе надъ виновными въ безпорядкахъ. Слѣдователямъ пришлось много потрудиться, крестьяне стояли одинъ за другаго дружно, по завѣту міра. Крестьянинъ Панкратовъ утверждалъ, что „отъ мірскаго согласія ни въ какомъ случаѣ отозваться нельзя, даже и тогда, когда бы міромъ приказано было убить человѣка". Эти слова слѣдственная комиссія занесла въ журналъ, „дабы поставить на видъ вышнему правительству закоснѣлость и упорность крестьянина Панкратова, которыя явно показываютъ неблагонадежность онаго въ благоустроенномъ обществѣ людей". Крестьянинъ Григорій Кумовитовъ при допросѣ въ слѣдственной комиссіи отказался подписать показаніе и съ азартомъ говорилъ, что ни онъ, ни міръ никогда не согласятся на всегда принадлежать помѣщику, и ни къ чему руку не приложатъ". Осипъ Кумовитовъ при допросѣ высказалъ, что руки для рукоприкладства къ допросу не дастъ, „хотя бы его сѣкли, или бы отрубили голову, даже не послушаетъ отца роднаго, порѣшивъ съ видимою злобою (даже постыднымъ выраженіемъ) словами: что болѣе міра никто не будетъ".

Съ окончаніемъ слѣдствія дѣло передано на рѣшеніе Касимовскаго уѣзднаго суда. Всѣхъ подсудимыхъ привлечено 41 человѣкъ. Судъ поставилъ имъ въ вину всевозможныя обстоятельства: упрашиваніе станціоннаго смотрителя написать именную заручную запись, хожденіе въ Касимовъ для отысканія писца и сочиненія просьбы, требованіе отъ управляющаго бумаги для написанія государю просьбы, недача исправнику подписки и невыслушаніе манифеста, провозъ глухими дорогами мѣщанина Есаева для написанія просьбы и т. д. Всѣ подсудимые судомъ признаны виновными и приговорены къ наказанію по мѣрѣ вины, начиная отъ тюремнаго заключенія, батожья, до наказанія кнутомъ, постановки штемпельныхъ знаковъ и ссылки въ безсрочную каторжную работу.

После сего дѣло поступило на ревизію въ Рязанскую уголовную палату, которая благодаря вышедшему 22 августа манифесту, смягчила наказаніе для 18 подсудимыхъ, постановивъ: „подтвердить крестьянамъ, чтобы они впредь отъ таковыхъ противныхъ законамъ поступковъ всемѣрно удалялися и спокойно пребывали въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщику своему или опредѣленному отъ него управляющему, въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за ослушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законовъ наказанія“. Въ отношеніи остальныхъ подсудимыхъ приговоръ уѣзднаго суда былъ утвержденъ въ исполненіе.

Такими мѣрами жажда крестьянъ стать *„государевыми“* временно была утолена.

Вотъ отдѣльные случаи возмущеній крестьянъ за послѣдніе 15 лѣтъ предъ упраздненіемъ крѣпостнаго права.

Въ 1847 году было возмущеніе крестьянъ въ имѣніи князя Голицына. Имѣніе это въ Данковскомъ уѣздѣ въ с. Стрѣшневѣ съ деревнями—Колодези, Павловка, Александровское и др.—принадлежавшее графу Остерманъ-Толстому, отъ котораго перешло къ кн. Голицыну. Имѣніе было оброчное, а при новомъ владѣльцѣ переведено на барщину. Вотчинная контора была снабжена инструкціею объ отправленіи барщинныхъ работъ. По этой инструкціи крестьяне должны были производить работы братъ на брата, или три дня въ недѣлю, праздники и воскресные дни— назначаются въ пользу крестьянъ; за проступки крестьянъ производить наказаніе въ вотчинной конторѣ, по присужденію старшинъ, выгоны и кладбища предписано окопать валами.—Управляющій, давая урокъ, распредѣлилъ барщинныя работы такъ, что крестьяне не успѣвали оканчивать господскую работу въ назначенный день, а потому они должны были работать въ праздники, или въ тѣ дни, которые предназначались для собственной работы. Помимо тягости барщинныхъ работъ, сельскіе начальники дозволяли себѣ суровое обращеніе съ крестьянами; такъ, были случаи наказанія женщинъ въ состояніи беременности. Все это вызвало неповиновеніе крестьянъ вотчиннымъ начальникамъ, окончившееся прекращеніемъ барщинныхъ работъ и самовольною смѣною начальства. По прибытіи въ имѣніе кн. Голицына крестьяне просили его смѣнить управляющаго; но, когда князь объяснилъ, что сначала разслѣдуетъ дѣло, а предварительно приказалъ выдать ему главныхъ виновниковъ неповиновенія,—крестьяне отъ

этого отказались, виновныхъ не выдали ни ему, ни прибывшему въ имѣніе исправнику, говоря—„бери всѣхъ", а затѣмъ отправили ходоковъ въ Рязань, съ жалобою на помѣщика, и продолжали ослушаніе даже передъ прибывшими въ имѣніе губернскими властями. Несмотря на то, что прежній управляющій былъ смѣненъ, а вмѣсто него поставленъ другой,—крестьяне отказались повиноваться, говоря—„много у насъ собакъ такихъ было". Послѣ сего для водворенія порядка на мѣсто прибылъ губернаторъ съ воинскою командою и была произведена надлежащая расправа.

Въ слѣдующемъ 1848 году безпорядки въ имѣніи кн. Голицына возобновились. Новый управляющій имѣнія послѣ усмиренія бунта счелъ необходимымъ удалить изъ имѣнія нѣсколькихъ крестьянъ, по его мнѣнію, болѣе безпокойныхъ, для чего и сдѣлалъ распоряженіе о сдачѣ ихъ въ рекруты, что и было приведено въ исполненіе; а на святой недѣлѣ мѣстный священникъ, Іоаннъ Рудневскій, въ церковной проповѣди имѣлъ неосторожность, намекая на содержащихся въ тюремномъ замкѣ, говорить о вѣнцахъ мученичества и страданія. Эти обстоятельства, въ связи съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ главныхъ зачинщиковъ неповиновенія не были еще арестованы, находясь въ бѣгахъ, а посему поддерживали возбужденіе въ крестьянахъ и надежду на успѣхъ ихъ дѣла,—послужили поводомъ возобновленія безпорядковъ. Крестьяне прекратили барщинныя работы, смѣнили начальниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ побили; все это окончилось тѣмъ же, чѣмъ и первые безпорядки, т. е. пріѣздомъ губернатора съ воинскою командою. Но на этотъ разъ крестьяне, предвидя повтореніе расправы, разбѣжались, оставивъ въ домахъ своихъ женщинъ и дѣтей, и предварительно вывезя свое имущество, а часть его передавъ на храненіе священнику, такъ что для наказанія пришлось розыскивать крестьянъ въ поляхъ и лѣсахъ, что было не особенно легко. Засѣдатель Яковлевъ доносилъ слѣдователю, что отправлялся онъ съ военною командою въ окрестности села Спѣшнева для поимки бѣжавшихъ изъ вотчины кн. Голицына крестьянъ, но за всѣми тщательными розысками никого изъ нихъ не найдено, кромѣ что взято имъ въ деревнѣ Пироговкѣ въ имѣніи помѣщика сенатора Нечаева на улицѣ 39 овецъ, по отзыву жителей, имъ принадлежащихъ, но которыя оказались принадлежащими крестьянамъ кн. Голицына, бѣжавшимъ изъ имѣнія [1]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1850 г, № 1967 г. Объ этомъ бунтѣ разсказано у Славутинскаго въ древней и новой Россіи 1878 г. № 9 и 10.

Въ 1848 году происходили безпорядки въ имѣніи гр. Паленъ, Ряжскаго уѣзда селѣ Пустотинѣ, окончившіеся полицейскимъ наказаніемъ зачинщиковъ и сдачею въ рекруты. Причиною неповиновенія было желаніе крестьянъ откупиться на волю [1]).

Въ 1849 г. было возмущеніе крестьянъ помѣщика Иванова въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Снохиной. Причина состояла въ томъ, что крестьяне терпѣли крайнее разореніе отъ тяготы оброка: они уплачивали, съ подушными, 82 р. ассиг. Такъ какъ крестьяне находились безпрестанно въ отлучкахъ, для своихъ промысловъ (плотники), то всѣ домашнія и полевыя работы отправлялись ихъ женами, которыя высылались ежедневно и на барскія работы. Независимо сего, помѣщикъ побуждалъ женщинъ къ беззаконію; часто находясь въ нетрезвомъ видѣ, производилъ безъ вины наказанія.—Находясь на плотничныхъ работахъ въ Москвѣ, крестьяне при проѣздѣ Государя подали жалобу на помѣщика и, независимо сего, троихъ ходоковъ отправили въ Петербургъ, а сами, возвратившись въ деревню, смѣнили помѣщичьяго старосту и учредили собственное управленіе. На вызовъ помѣщика крестьяне къ нему не пошли, заявивъ, что знать его не хотятъ. Прикащика прогнали прочь, говоря: убирайся отсюда пока цѣлъ, а то мы тебѣ бока отобьемъ. Для возстановленія порядка прибыли на мѣсто уѣздный предводитель, исправникъ, становой, кои встрѣчены на улицѣ толпою мужиковъ и бабъ. Когда было приступлено къ изслѣдованію, крестьяне обвиняли помѣщика и отказывались ему повиноваться, говоря, что ждутъ рѣшенія изъ Петербурга. Когда внушенія не подѣйствовали, было забрано 6 человѣкъ болѣе грубыхъ, кои отправлены въ г. Касимовъ, на распоряженіе земскаго суда, послѣ чего всѣ закричали: сажай насъ всѣхъ. Съ отправленіемъ арестованныхъ въ городъ, всѣ крестьяне ушли въ Касимовъ, 5 человѣкъ въ Касимовѣ наказаны розгами, о остальные отправлены въ вотчину. Здѣсь опять началось увѣщаніе со стороны пристава и засѣдателя; нѣкоторые изъ крестьянъ, порознь, говорили, что помѣщикомъ довольны и покоряются ему, но отъ общества не отстанутъ, и оброка и подушныхъ платить не будутъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ извѣстія отъ ходоковъ; посланныхъ въ Петербургъ. На дальнѣйшія увѣщанія нѣкоторые оказали много грубостей, за что становой приказалъ сотскому отвести ихъ въ становую квартиру, но

---

[1]) Дѣло Канц. Губерн. 1848 г. № 448.

когда сотскій довелъ ихъ до деревни, то собравшаяся толпа бабъ арестованныхъ у сотскаго отбила, а всѣ остальные крестьяне пошли въ село Туму, гдѣ объявили священнику, что они въ судѣ, наказаны и затѣмъ отправились по дорогѣ въ Рязань, а когда приставъ и засѣдатель послали вернуть ихъ,—крестьяне не послушались. По случаю безпорядковъ, все хозяйство разстроилось,—въ имѣніи поля и луга не оберегались и травились, лѣсъ расхищался неизвѣстными людьми, мельникъ отгонялъ помольщиковъ отъ мельницы, приносившей значительный доходъ, навозъ въ поле не возился, крестьяне развозили свое имущество по чужимъ деревнямъ, чтобы представить себя въ раззоренномъ видѣ, словомъ, прекратился всякій надзоръ, всякая подчиненность, всякій порядокъ и существовало полное безначаліе. Чрезъ нѣсколько дней крестьяне возвратились въ деревню, куда вновь прибылъ уѣздный предводитель, началось снова увѣщаніе; но все было тщетно. Тогда уже прибылъ губернскій предводитель дворянства, жандармскій полковникъ, ассесоръ губернскаго правленія и временное отдѣленіе Касимовскаго земскаго суда. И этимъ лицамъ, на всѣ увѣщанія, разъясненія, указанія законовъ объ отвѣтственности,—крестьяне единогласно отвѣчали, что ждутъ рѣшенія своего дѣла изъ Петербурга, а повиноваться готовы; но, когда заставили ихъ идти убирать луга,—всѣ съ упорствомъ и шумомъ отказались исполнить это. Затѣмъ, когда приказано было разойтись, крестьяне съ большимъ азартомъ объявили, что слѣдствіе неправильно и что всѣ пойдутъ къ царю, чтобы былъ имъ одинъ конецъ. По поводу сего составленъ актъ и сообщено губернатору, который и прибылъ на мѣсто съ военною командою. Въ дальнѣйшемъ дѣло имѣло обычное теченіе, кромѣ того, что крестьяне всетаки не давали подписокъ о бытіи у помѣщика въ повиновеніи, и въ теченіи послѣдующихъ лѣтъ почти всѣ разбѣжались изъ деревни, такъ что, напримѣръ, въ 1851 году на лицо изъ 189 душъ было только 20 душъ взрослыхъ и совершеннолѣтнихъ, а прочіе состояли въ бѣгахъ со дня возмущенія въ имѣніи [1]).

Дворовая дѣвка помѣщицы Климовой Устинья Иванова была судима два раза за побѣги и будучи водворена въ имѣніе помѣщицы сдѣлала становому приставу ослушаніе, объявивъ, что для

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1849 г. № 368. Объ этихъ бунтахъ сообщали— Славутинскій въ Древней и Новой Россіи, 1879 г. № 9 и о. Стефанъ Остроумовъ въ Русской Старинѣ, 1888 г. № 6.

нея лучше идти въ Сибирь, нежели быть постоянно въ имѣніи госпожи своей. За это она вновь судима и приговорена къ наказанію розгами 50 ударовъ. По приведеніи приговора въ исполненіе, она вновь водворена въ имѣніе помѣщицы и опять заявила становому приставу, что вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею Климовой въ имѣніе, ея ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ, а лучше согласится идти въ Сибирь на поселеніе и рѣшится на всякое преступленіе. Сенатъ нашелъ, что Иванова оказала въ третій разъ одно лишь упорное неповиновеніе, за что и приговорилъ ее къ наказанію розгами 50 ударовъ, съ водвореніемъ въ имѣніе помѣщицы [1]).

Въ 1856 году было возмущеніе крестьянъ въ имѣніи Заварицкаго, Ряжскаго уѣзда въ с. Чуриловкѣ. Причинами возмущенія служили—дурное земельное устройство крестьянъ, строгое взысканіе оброковъ, тяжелая барщина, частыя и жестокія наказанія. Оффиціально причиною бунта считалось подстрекательство злыхъ людей, состоящее въ томъ, что имѣніе Заварицкаго, какъ малоземельное, должно поступить въ казну. Если это послѣднее мнѣнія существовало, то оно могло быть основано на ложно—понятомъ законѣ (ст. 1107, т. 9).

Дѣло началось съ того, что, по словамъ Заварицкаго, крестьяне перестали платить оброкъ и выразили явное и дерзкое неповиновеніе къ помѣщику и неисполненіе его приказаній, передаваемыхъ черезъ управляющаго купца Башкирцева.—Пріѣхавъ на мѣсто, исправникъ засталъ уже тамъ становаго, который сообщилъ ему, что крестьяне находятся въ совершенномъ неповиновеніи, смѣнили назначеннаго помѣщикомъ вотчиннаго старосту Василія Афанасьева, и *назначили своего*, *Миная Иванова*, и устранили отъ вскаго распоряженія управляющаго. Убѣжденія исправника не подѣйствовали, крестьяне объявили, что они управляющему повиноваться не будутъ. Тогда было составлено временное отдѣленіе земскаго суда, которое, прибывъ на мѣсто, вновь увѣщало крестьянъ обратиться къ повиновенію, но крестьяне единогласно и съ азартомъ закричали, что ихъ обремѣняютъ повинностями, а земли даютъ мало, что они не знаютъ своего помѣщика и не признаютъ его законнымъ владѣльцемъ. Когда же исправникъ хотѣлъ отдѣлить зачинщиковъ, 10 человѣкъ, то всѣ крестьяне тотчасъ ушли съ господскаго двора и кричали понятымъ: „понятые, идите и вы за нами, вамъ тутъ дѣлать нечего".—

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1857 г. № 2087.

По прибытіи на мѣсто уѣзднаго предводителя дворянства, послѣднему удалось склонить крестьянъ къ повиновенію и отобрать подписку въ томъ, что они обязуются впредь до рѣшенія дѣла по поданному ими прошенію объ отысканіи вольности изъ господскаго владѣнія находиться въ повиновеніи помѣщику. Послѣ сего члены временнаго отдѣленія уѣхали, оставивъ для надзора становаго, а для сбереженія господскаго имущества, вмѣсто заболѣвшаго управляющаго Башкирцева, былъ поставленъ крестьянинъ Михаилъ Федотовъ, а для успокоенія крестьянъ, въ помощь ему, староста Минай Ивановъ. Но вскорѣ Заварицкій заявилъ уѣздному предводителю, что нѣкоторые крестьяне не исполняютъ его приказаній и хозяйственныхъ работъ и возмущаютъ другихъ. По требованію предводителя, на мѣсто опять прибылъ исправникъ и дѣлалъ вновь увѣщаніе крестьянамъ, но всѣ они съ азартомъ кричали, что они не признаютъ Заварицкаго за законнаго владѣльца и не будутъ ему повиноваться впредь до окончанія дѣла объ отыскиваемой ими изъ рабства свободы, въ особенности староста Минай Ивановъ, который съ дерзостью кричалъ, что онъ приказовъ Заварицкаго безъ согласія міра исполнять не будетъ, при чемъ высказалъ, что ихъ никто наказывать не можетъ и что они знать ничего не хотятъ. На приказаніе исправника арестовать старосту Миная Иванова, крестьяне его не выдали, и всѣ въ азартномъ положеніи ушли со двора, при чемъ староста говорилъ, что тѣ крестьяне, которые изъявили покорность помѣщичьей власти, имъ не нужны и что они вышлютъ ихъ изъ имѣнія. Вновь пріѣхали члены временнаго отдѣленія, убѣждали крестьянъ, но безполезно. Временное отдѣленіе для удаленія старосты Миная Иванова изъ имѣнія и сложенія съ него должности встрѣтило сопротивленіе и опасаясь употребить силу, дабы не довести до драки и уголовнаго происшествія, постановило, согласно личнаго предложенія предводителя не прекращать своего присутствія въ с. Чуриловкѣ... и просить начальника губерніи о присылкѣ военной команды. Вслѣдствіе сего, въ имѣніе прибылъ губернаторъ, губернскій предводитель дворянства и жандармскій штабъ-офицеръ для введенія военной экзекуціи, но крестьяне, по прибытіи команды, разбѣжались и начальникъ губерніи по сему случаю, не имѣя возможности водворить въ имѣніи должнаго порядка, оставилъ военную команду въ имѣніи впредь до окончанія слѣдствія и приказалъ исправнику отыскать бѣглыхъ. Впослѣдствіи поймано и водворено въ имѣніе 46 человѣкъ.

Изслѣдованіемъ выяснено, что вслѣдствіе притѣсненій крестьяне начали отыскивать свободу на томъ основаніи, что при имѣніи нѣтъ законной пропорціи земли; прошеніе имъ писалъ приказный Вологодскій. При пріѣздѣ губернатора они разбѣжались изъ имѣнія потому, что испугались отъ прибытія воинской команды, и отъ того, что приготовлены были розги.—Уѣздный предводитель находилъ, что причина, побудившая крестьянъ отыскивать свободу, есть доведеніе ихъ до крайняго разоренія, что также побудило ихъ къ неповиновенію... требованія Заварицкаго превосходятъ *всякое вѣроятіе* и *довели ихъ* до *окончательнаго разоренія.* Барщинной земли было вдвое болѣе, чѣмъ крестьянской, обработывалось по 67 десятинъ въ полѣ на 34 тягла. Губернаторъ же просилъ уѣзднаго предводителя предложить отъ его имени Заварицкому, *чтобы онъ поспѣшилъ отмѣнить неслыханно-стѣснительныя мѣры для крестьянъ.*

Наконецъ, нѣкоторые крестьяне начали являться въ имѣніе сами, другіе же были переловлены; Минай Ивановъ въ сопровожденіи 17 человѣкъ явился въ сборную избу солдатъ и дерзко требовалъ, чтобы они немедленно удалились изъ имѣнія, потому что онъ единственный начальникъ, имѣющій право распоряжаться въ имѣніи; когда же солдаты, по приказанію фельдфебеля, стали его вязать, то онъ кричалъ, что арестовать его никто не смѣетъ. Съ появленія Миная Иванова въ имѣніи многіе, прежде покорившіеся, крестьяне снова изъявили непокорность; тогда еще разъ прибылъ въ имѣніе уѣздный предводитель дворянства для наказанія розгами неповинующихся. Поводомъ къ новому изъявленію непокорности было полученіе крестьянами свѣдѣній о томъ, что прокуроромъ изъявлено неудовольствіе на рѣшеніе ряжскаго уѣзднаго суда по дѣлу объ отысканіи крестьянами свободы и фальшивая увѣренность, что наказывать ихъ никто не можетъ, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла въ высшихъ инстанціяхъ. Это послѣднее убѣжденіе крестьянъ опять таки основано на ложно понятомъ законѣ (ст. 1130, т. 9), по которому помѣщикъ обязывался подпискою не чинить своимъ крестьянамъ, отыскивающимъ свободу отъ него, никакого наказанія безъ вѣдома полицейскаго начальства, но въ тоже время крестьяне, отыскивающіе свободу изъ помѣщичьяго владѣнія, до окончательнаго рѣшенія о томъ дѣла оставляются въ полномъ повиновеніи помѣщику [1]).

---

[1]) Дѣло Ряз. Дв. Деп. Собр. 1856 г. № 270.—Объ этомъ бунтѣ разсказано у Славутинскаго, въ Древней и Новой Россіи, 1879 г. № 9

Въ 1856 г. было возмущеніе крестьянъ въ имѣніи Тарасенко-Отрѣшковой, Скопинскаго уѣзда въ селѣ Арцибашевѣ. Имѣніе это принадлежало Смирновымъ и со смертію ихъ крестьяне надѣялись получить свободу, такъ какъ владѣльцы не имѣли наслѣдниковъ. По смерти Смирновыхъ имѣніе поступило въ опекунское завѣдываніе и, какъ можно предположить вслѣдствіе умысла опекуновъ, за недоимки было назначено въ продажу опекунскимъ совѣтомъ, въ коемъ оно было заложено. На бывшихъ торгахъ оно осталось за Тарасенко-Отрѣшковою. Такимъ образомъ надежды крестьянъ не осуществились, а въ тоже время положеніе ихъ весьма ухудшилось благодаря жестокости управляющаго имѣніемъ. Все это должно было давать крестьянамъ поводъ добиваться улучшенія своей участи, а предлогъ къ тому нашолся со стороны бывшаго, но уже въ то время отмѣненнаго, закона.

Дѣло въ томъ, что по закону 1847 года, когда имѣніе за долгъ назначено будетъ въ продажу, крестьянамъ къ тому имѣнію принадлежащимъ, предоставлялось выкупать себя вмѣстѣ съ землею, черезъ взносъ послѣдней состоявшейся на торгахъ цѣны; для совершенія выкупа то мѣсто, въ коемъ производится продажа, по окончаніи торга и переторжки обязывалось извѣстить мѣстное губернское правленіе о выкупной цѣнѣ, а губернское правленіе должно дать знать крестьянамъ черезъ земскую полицію: крестьяне же обязывались внести выкупную сумму въ теченіи 30 дней со времени объявленія [1]). Законъ этотъ существовалъ не долго и въ 1849 г. былъ отмѣненъ. Отмѣна эта была совершена косвенно, путемъ изданія положенія о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ, въ коемъ содержалось 500 статей, и одна изъ нихъ, именно 186, даетъ право владѣльцу заключать договоръ съ крестьянами объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы, съ переводомъ долга, но съ согласія кредиторовъ [2]).

По поводу отмѣны этого закона Ю. Ф. Самаринъ, между прочимъ, говоритъ. „Законъ 8 ноября не былъ отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, а втихомолку исключенъ при изданіи новыхъ правилъ объ оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ. Этою канцелярскою продѣлкою были устранены канцелярскія затрудненія:

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1847 г. № 21689.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1849 г. № 23405.

но что же подумалъ народъ? Чтобы понять, какое дѣйствіе должно было произвести на него это безпримѣрное распоряженіе, достаточно вспомнить, что изъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ правительства, въ послѣднее время обнародованныхъ, указъ о выкупѣ быстрѣе другихъ распространился въ крѣпостномъ сословіи и много пробудилъ неосуществившихся надеждъ. Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровавъ имъ заманчивое право, конечно облегчитъ и способы къ выкупу, потомъ, они долго не хотѣли вѣрить, чтобы самый вызовъ къ выкупу былъ отмѣненъ; во многихъ мѣстахъ для убѣжденія ихъ въ непослѣдовательности правительства вынуждены были прибѣгать къ мѣрамъ крайней строгости [1]).

Когда имѣніе, бывшее Смирновыхъ, было продано съ аукціоннаго торга, крестьяне подали въ опекунскій совѣтъ просьбу, въ которой принимали на себя обязательство въ уплатѣ лежащаго на имѣніи долга, съ тѣмъ, чтобы быть свободными; но просьба эта не была уважена, вслѣдствіе чего они пріостановили барщинныя работы. Прибылъ на мѣсто уѣздный предводитель дворянства, съ увѣщаніемъ, собралъ народъ, спросилъ ихъ о причинѣ неповиновенія, на что крестьяне отвѣчали—не хотимъ повиноваться. По объявленіи имъ отказа опекунскаго совѣта крестьяне закричали—не слушаемся, и не хотимъ повиноваться, у насъ пошли повѣренные хлопотать. Послѣ сего крестьяне разошлись, не желая даже слушать предводителя. Тогда исправникъ и становой, остановивъ ихъ, стали внушать, что, не выслушавъ предводителя, они его обидѣли. Крестьяне воротились, стали передъ предводителемъ на колѣни, но на всѣ его убѣжденія былъ одинъ отвѣтъ— не желаемъ повиноваться, то просимъ, чтобы дозволить намъ платить самимъ опекунскому совѣту по 3500 руб. сер. въ годъ и быть вольными. Предводитель долженъ былъ удалиться; послѣ сего прибылъ на мѣсто губернаторъ съ военной командой и была произведена надлежащая расправа [2]).

Однимъ изъ поводовъ къ возмущенію крестьянъ служило переселеніе ихъ на новыя мѣста, совершаемое незадолго до крестьянской реформы. Такое распоряженіе о переселеніи было между прочимъ сдѣлано кн. Крапоткиною, въ имѣніи ея Ряжскаго

[1]) Сочин. т. 2, стр. 74—75.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1856 г. № 346. Дѣло это описано у Славутинскаго, въ Древней и Новой Россіи, 1879 г. № 9.

уѣзда: въ близкомъ ожиданіи свободы крестьяне на это не согласились и отправились съ жалобою къ становому приставу; помѣщица же съ своей стороны заявила жалобу предводителю дворянства, который отправился на мѣсто и успѣлъ уговорить кревтьянъ. Однако, тотчасъ же послѣ его отъѣзда, крестьяне надѣлали грубостей помѣщицѣ своей, вновь отказались исполнять ея распоряженія и отправили ходоковъ въ Рязань. Выслушавъ жалобу, губернаторъ внушилъ крестьянамъ о повиновеніи помѣщицѣ и командировалъ на мѣсто чиновника. Для водворенія въ имѣніи порядка и для наказанія виновныхъ прибыли на мѣсто члены временнаго присутствія, и по объявленіи крестьянамъ, что жалоба ихъ оставлена безъ послѣдствій, послѣдніе заявили, что они не только этого предписанія, но и ни кого не послушаютъ, переселяться не станутъ и вообще будутъ дѣйствовать, какъ рѣшено міромъ.

Когда же члены присутствія хотѣли взять нѣсколько крестьянъ для наказанія, мгновенно вся толпа крестьянъ, ухватясь за нихъ, предалась бѣгству и многихъ изъ понятыхъ потолкали и кричали, чтобъ они были за нихъ; къ нимъ на крикъ присоединились ихъ жены, дочери, и взрослые и малолѣтніе, снова произвели крикъ—никого, никогда не послушаемся. Сколько ни было убѣжденій, вообще съ приходскимъ священникомъ, крестьяне остались непреклонными къ послушанію, и, наконецъ, вошли въ такую азартность, что съ дерзостью и насмѣшками кричали,—ничего не сдѣлаете, ничего не боимся, наша возьметъ. Когда же крестьяне разбѣжались по улицѣ, то явилась солдатка Авдотья Федотова, остановясь передъ понятыми, кричала—зачѣмъ пришли; ругала ихъ и произносила, что, какъ захочетъ князь, того не будетъ и ничего имъ никто не сдѣлаетъ и чтобы понятые не слушали никого. Послѣ сего для водворенія въ имѣніи порядка была вызвана на мѣсто военная команда [1]).

Въ 1857 году, т. е. за четыре года до упраздненія крѣпостнаго права, было возмущеніе крестьянъ гр. Толстыхъ въ с. Дѣдиновѣ Зарайскаго уѣзда. Причиною этого бунта, какъ и многихъ другихъ, было, съ одной стороны—заблужденіе крестьянъ, а съ другой стороны—преувеличенное значеніе событія со стороны губерскихъ властей, весьма опасавшихся наканунѣ реформы за общее спокойствіе населенія въ губерніи.

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1858 г. № 6.

Село Дѣдиново принадлежало генералъ-лейтенанту Льву Дмитріевичу Измайлову, умершему въ 1836 году. Въ составленномъ имъ 6 іюня 1836 года и утвержденномъ къ исполненію 17 іюня того-же года Рязанскою гражданскою палатою духовномъ завѣщаніи, между прочимъ, значится:—„здравый умъ и совершенняя память могутъ только сообразоваться съ сердцемъ и изъяснить точное желаніе; будучи въ семъ состояніи, заблаговременно желаю распорядиться въ имѣніи моемъ, какъ въ недвижимомъ, такъ и въ движимости, мнѣ принадлежащемъ, и сообщить волю мою... Имѣнія родовыя, Рязанской губерніи Зарайской округи въ селѣ Дѣдиновѣ... завѣщаю моему двоюродному племяннику, полковнику графу Александру Дмитріевичу Толстому... воспрещается ему отъ продажи и всякаго залога, а по смерти племянника моего имѣніе слѣдуетъ поступить дѣтямъ его, *если онъ таковыхъ по бракѣ имѣть будетъ, если же онъ умретъ бездѣтнымъ, въ такомъ случаѣ вѣ вообще души имѣнія моего со всѣмъ имъ принадлежащимъ имуществомъ и землями должны быть отпущены на законномъ основаніи въ свободные хлѣбопашцы*... Изъяснивъ такимъ образомъ послѣднюю мою волю выполнить по смерти моей племяннику моему полковнику графу Александру Дмитріевичу Толстому, по извѣстной мнѣ его честности и прямодушію, твердо надѣюсь, что оная имъ за все мое къ нему благорасположеніе будетъ выполнена въ самой точности, безъ малѣйшаго отъ оной отступленія, съ каковой увѣренностью я оставляю все существующее въ мірѣ семъ [1]).

По поводу этого завѣщанія, между наслѣдниками Измайлова былъ судебный споръ, доходившій до разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта. Въ крѣпостной книгѣ Рязанской гражданской палаты, гдѣ занесено завѣщаніе Измайлова, находится слѣдующая надпись—„мнѣніемъ государственнаго совѣта, изъясненнымъ въ указѣ правительствующаго сената общаго собранія Московскихъ департаментовъ отъ 9 февраля 1843 года № 165 нѣкоторые пункты въ духовномъ завѣщаніи и Измайлова уничтожены, о чемъ по резолюціи палаты въ запискѣ подъ статьею въ книгѣ духовныхъ замѣщаній отмѣтка и учинена“.

Изъ содержанія духовнаго завѣщанія слѣдуетъ заключить, что изложенныя въ немъ ограниченія въ продажѣ и залогѣ родовыхъ имѣній, а равно условное указаніе перехода ихъ послѣ

---

[1]) Ряз. Гражд. Пал. 1836 г. кн. 5, стр. 44.

смерти наслѣдника гр. Толстаго, признаны незаконными и уничтожены, вслѣдствіе сего, и надежда крестьянъ получить свободу находилась въ зависимости отъ личной воли гр. Толстаго, а не отъ воли покойнаго Измайлова. Незнаніе этого обстоятельства крестьянами, отсутствіе участія ихъ въ спорѣ по завѣщанію Измайлова между наслѣдниками, рѣшительное заявленіе Измайлова объ исполненіи его воли въ связи съ указаніемъ на честность и прямодушіе гр. Толстаго, не оставившаго послѣ своей смерти прямыхъ наслѣдниковъ,—все это вмѣстѣ взятое могло давать основаніе возбудить дѣло объ отысканіи крестьянами свободы и, если бы мѣстныя власти были болѣе мужественны и терпѣливы, если бы они не мѣшали крестьянамъ отыскивать въ надлежащихъ мѣстахъ свои мнимыя права,—дѣло бы вѣроятно окончились ничѣмъ и крестьяне, получивъ вездѣ отказъ, успокоились бы, какъ выражался одинъ изъ рязанскихъ губернаторовъ... Но этого сдѣлано не было. Въ началѣ, несмотря на ходившіе слухи о томъ, что между крестьянами распространилась мысль объ освобожденіи изъ помѣщичьяго владѣнія, слухи дошедшія даже до мин. вн. дѣлъ,—не было принято никакихъ серьезныхъ мѣръ къ удержанію въ имѣніяхъ порядка. Исправникъ, бывшій въ с. Дѣдиновѣ, удостовѣрилъ губернатора, что онъ нашелъ въ крестьянахъ *одно только уныніе и скорбь* о кончинѣ своего помѣщика и никакой тѣни увлеченія къ освобожденію изъ помѣщичьяго владѣнія [1]). А потомъ, когда крестьяне стали добиваться ирзнанія своихъ правъ на свободу,—дѣло этому не было дано законнаго направленія. Для отысканія своихъ правъ крестьяне дали довѣренность односельцамъ своимъ Юсову и Копылову. Управляющій имѣніемъ, чтобы помѣшать этому, вздумалъ отправить Юсова, какъ болѣе энергичнаго ходока, въ другую вотчину, но крестьяне этого не допустили, увидя желаніе лишить ихъ возможности отстаивать свои права и Юсова не выдала. Впослѣдствіи Копыловъ уклонился отъ веденія дѣла, а Юсовъ былъ арестованъ и посаженъ въ острогъ. Крестьяне выбрали новаго повѣреннаго, Бронина, болѣе энергичнаго, чѣмъ прежніе повѣренные. Бронинъ собралъ сходъ и убѣжденіемъ крестьянъ вызвалъ большое смущеніе. Когда становому приставу арестовать Бронина не удалось, таже неудача постигла и членовъ временнаго отдѣленія, послѣ чего потребо-

---

[1]) Дѣло Канц. Губ. № 34.

вался призывъ воинской команды и усмиреніе крестьянъ, которое было совершено довольно жестоко [1]).

Эта статья авторомъ не была закончена. Для продолженія ея матеріала не найдено въ бумагахъ покойнаго. Есть только слѣдующая небольшая выписка изъ одного дѣла.

Дополн. Ржевская жаловалась на неповиновеніе крестьянъ въ имѣніи Скопинскаго уѣзда въ с. Дубровкѣ, указывая, что подстрекаетъ къ этому. Тимофѣевъ, писавшій отъ крестьянъ письмо къ брату бывшей помѣщицы крестьянъ, Коробьину, у котораго куплено имѣніе. Оказалось, что крестьяне дѣйствительно просили написать письмо и оно было написано, но лишь относительно предоставленія имъ свободы со взысканіемъ въ казну должной г. Коробьинымъ суммы. А управляющій имѣніемъ Ржевской подтвердилъ, что со времени пріобрѣтенія имѣнія сего во владѣніе крестьяне находились въ надлежащемъ повиновеніи и послушаніи и никакихъ подстрекательствъ къ неповиновенію не происходило. Судъ, освободивши обвиняемыхъ, постановилъ: „Ржевской строго подтвердить, чтобы она на будуще время жалобы свои основывала на точныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ, не вовлекала присутственныя мѣста и лица неосновательными жалобами, наполняющими только безплодную переписку, не приносящую никакой существенной пользы [2]).

---

[1]) Объ этомъ бунтѣ разсказано у Славутинскаго, въ Древней и Новой Россіи, 1876 г. № 10, въ статьѣ генералъ Измайловъ и его дворня.

[2]) Ряз. Угол. Пал. 1849 г. № 1896.

Личная расправа крестьянъ съ помѣщиками.

Личная расправа крестьянъ съ помѣщиками проявлялась въ причиненіи послѣднимъ личныхъ оскорбленій, въ нанесеніи побоевъ, въ покушеніи на убійство, въ убійствахъ, а равно въ причиненіи вреда имущественнаго поджогами.

Грубое обращеніе крестьянъ съ помѣщиками, оскорбленіе ихъ словами, учиненіе буйства,—все это было дѣломъ обычнымъ и разсматривалось какъ обыкновенный проступокъ противъ помѣщичьей власти. Подобныя оскорбленія вызывались самыми разнообразными, мелочными случаями.—Крестьянинъ Тимофѣевъ жилъ въ незаконной связи съ дворовою дѣвкою помѣщика своего Голощапова. Придя разъ домой сильно пьянымъ, онъ побранился съ своею возлюбленною, которая вслѣдствіе этого и ушла отъ него въ домъ господина. Тимофѣевъ заподозрилъ здѣсь любовную связь съ помѣщикомъ, отправился въ барскій домъ, кричалъ, бранилъ помѣщика, перебилъ стекла, ломился въ двери, но былъ задержанъ и отправленъ въ полицію. За эти проступки онъ приговоренъ судомъ къ наказанію плетьми 25 ударовъ и, по нежеланію помѣщика оставить его у себя, высланъ въ Сибирь [1]).

Оскорбленіе помѣщика дѣйствіемъ состовляло уже крупное преступленіе, какъ оскорбленіе власти. Подобнаго рода дѣла встрѣчались тѣмъ не менѣе не рѣдко.—Крестьяне побили помѣщика своего Шинковскаго. При прежнемъ помѣщикѣ они пользовались достаточною свободою, что на тогдашномъ языкѣ называлось: „были въ слабомъ присмотрѣ, избалованы, отвыкли отъ труда“. Шинковскій же старался пріучить и заставить крестьянъ заняться хозяйствомъ и исполнять его законныя требованія,—что въ сущности значило стѣснилъ ихъ, ухудшилъ положеніе. Понятно, что крестьяне отвѣчали на это грубостями и ослушаніемъ, за что слѣдовало наказаніе со стороны помѣщика. Въ результатѣ, все это повело къ тому, что крестьяне побили помѣщика [2]). Та-

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Палаты 1831 г. № 596.
[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1853 г. № 45.

кимъ же образомъ, были избиты своими крестьянами помѣщики—Стахановъ [1]) и Беттихеръ [2]).

Дворовый человѣкъ Василій Андреевъ бросился на помѣщика своего Лихарева, нанесъ ему ударъ и схватилъ за галстукъ. Возникло дѣло по обвиненію въ покушеніи на убійство. Уголовная палата признала его виновнымъ въ нанесеніи побоевъ. Губернаторъ опротестовалъ и дѣло доходило до разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ коего также признаны побои, а по обвиненію въ покушеніи на убійство Андреевъ оставленъ въ подозрѣніи [3]).

Въ 1856 году помѣщикъ Нас.... побилъ своего повара, который отвѣтилъ ему тѣмъ же; дѣло не было возбуждено, но такъ какъ Нас.... часто наказывалъ своихъ крестьянъ, то послѣдніе покушались убить его, но кончили тѣмъ, что нѣсколько дворовыхъ остановили его въ полѣ и высѣкли кнутомъ [4]). По словамъ Ю. Ф. Самарина, основаннымъ на частыхъ, но достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, въ послѣдніе годы крѣпостнаго права, между прочимъ, въ Рязанской губерніи, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ, чего прежде не бывало. Въ этомъ онъ усматривалъ едва ли не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти [5]).

Убійства помѣщиковъ также встрѣчались нерѣдко, хотя эта мѣра протеста крестьянъ противъ крѣпостныхъ отношеній примѣнялась въ случаяхъ особаго ожесточенія крестьянъ, когда положеніе дѣлалось просто невыносимымъ и когда хотя замѣна одного помѣщика другимъ могла нѣсколько улучшить положеніе дѣлъ. Поэтому въ дѣлахъ подобнаго рода слѣдуетъ выдѣлять тѣ случаи, которые объяснялись чисто личными отношеніями того или другого крестьянина къ помѣщику, вытекали изъ личной непріязни, представляли случайности, ибо подобныя отношенія возможны не только при крѣпостныхъ, но при всѣхъ иныхъ положеніяхъ и здѣсь крѣпостныя отношенія играютъ роль по стольку, по скольку они увеличивали вѣроятность этихъ случайностей. По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, насилія со стороны крестьянъ, посяга-

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1853 г. № 31.
[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 12.
[3]) Ряз. Угол. Пал. 1855 г. № 2257.
[4]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1856 г. № 299.
[5]) Соч. т. 2, стр. 60.

тельство на жизнь помѣщиковъ большею частью бываютъ дѣломъ случая, слѣдствіемъ внезапно пробудившейся мести. Чаще всего крестьяне побуждаются къ этому отчаяніемъ, не видя уже ни въ комъ себѣ защиты [1]).

Помѣщица Писарева была убита выстрѣломъ изъ ружья въ окно дома ея крестьянами Егоровымъ и Степановымъ, за то, что наказала послѣднихъ за дурное поведеніе и пригрозила, въ случаѣ, если не исправятся, отдать ихъ въ рекруты [2]). Помѣщикъ Григорьевъ хотѣлъ наказать розгами за лѣность крестьянина своего Василія Фомина; послѣдній бросился на помѣщика съ топоромъ, въ намѣреніи убить его, но не успѣлъ, такъ какъ помѣщикъ убѣжалъ [3]). Крестьянинъ Андрей Васильевъ убилъ помѣщицу свою Вечеслову. Былъ онъ человѣкъ старый, 69 лѣтъ, почтенный, служилъ въ должности пчелинца. Помѣщица его, лѣтъ 40, пришла на пчельникъ и, найдя нечистоту, взяла Васильева за бороду и раза два ударила по щекѣ. Не стерпѣлъ старикъ обиду, ударилъ барыню бывшимъ въ рукахъ его топоромъ и убилъ до смерти. А и барыня была добрая, съ крестьянами обращалась хорошо.

Въ 1845 году былъ убитъ поручикъ Терскій. Онъ имѣлъ буйный нравъ, особенно въ пьяномъ видѣ, имѣлъ любовную связь съ дворовою Натальею Минаевою, мужъ которой зналъ объ этомъ. Однажды Терскій пріѣхалъ изъ гостей въ пьяномъ видѣ, пригласилъ Минаеву на гумно, въ ригу; мужъ ея Антиповъ пошелъ слѣдомъ за ними и, пришедъ туда, началъ Терскаго бить палкою, а жена—кулаками. Избивши его до смерти, отвезли подъ мостъ, гдѣ и привязали веревкою.—Сенатъ приговорилъ Антипова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ наказанію плетьми черезъ палача 100 ударами, и, по наложеніи клеймъ, къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Минаевой же назначилъ тоже наказаніе, но безъ наложенія клеймъ, и съ производствомъ работъ на заводахъ [4]).

Въ 1850 году былъ удушенъ помѣщикъ Хлуденевъ своими дворовыми Мартыномъ Васильевымъ и Иваномъ Прокофьевымъ. Они вошли въ комнату, гдѣ онъ лежалъ на постели, схватили его за горло и зажали ротъ платкомъ. Со стороны Васильева причина

[1]) Графъ Киселевъ и его время т. 2, стр. 326.
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1826 г. № 163.
[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1840 г. № 1108.
[4]) Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 1497.

состояла въ неудовольствіи на помѣщика за то, что двухъ малолѣтнихъ дѣтей его помѣщикъ отправилъ на жительство въ степную деревню, а его съ женою выслалъ изъ дома на собственное прожитіе; со стороны же Прокофьева—за то, что часто отлучался отъ барина, который по слѣпотѣ не могъ одинъ ходить, безъ проводника, за что баринъ его бранилъ, иногда дралъ за волосы, а дня за четыре до смерти выгналъ вонъ, съ тѣмъ, чтобы больше къ нему не являлся [1]).

Сошлись потолковать о житьѣ у господъ крестьянская женка Настасья Михайлова, помѣщика Володимірова, и дѣвка Акулина Матвѣева, помѣщицы Чанышевой. Михайлова жаловалась на господина своего за то, что взыскиваетъ строго за проступки, и Матвѣева указала средство какъ избавиться отъ этого: „что вы, дураки, не окормите своего барина, я уже дала своей барынѣ мышьяку въ моченой брусникѣ, когда родила, у нея зажгло сердце, и умерла"... Совѣтъ этотъ показался простымъ и дѣльнымъ. Михайлова подговорила крестьянина Трифона Васильева, который и всыпалъ въ супъ мышьяку [2]).

Дворовый Акиндинъ Васильевъ Строкинъ признанъ виновнымъ въ намѣреніи застрѣлить помѣщика своего Шиловскаго [3]). Дворовая дѣвка Каменевъ-Любавскаго, за дурное обращеніе съ нею, сдѣлала у помѣщика поджогъ, отъ чего сгорѣла кладовая и погребица съ разнымъ имуществомъ [4]). Дворовые Мосолова Прокофій Ефимовъ и Дарья Меркулова подожгли домъ помѣщика своего. Дарья украла холстину и хотѣла бѣжать съ любовникомъ своимъ Прокофьевымъ, но предварительно сдѣлала поджогъ [5]).

Нерѣдко месть крестьянъ обращалась не на самаго помѣщика, а на его управляющаго.—Крестьяне помѣщицы Титовой—Алексѣй Ларіоновъ, Григорій Пантелѣевъ, Абрамъ Максимовъ и др. убили выстрѣломъ изъ ружья управляющаго двороваго человѣка, Андрея Иванова, за то, что наказалъ ихъ за неявку на работу [6]).

Другіе случаи объяснялись исключительно жестокимъ обращеніемъ. Помѣщикъ Кучинъ „лихъ былъ и часто бивалъ". Все

---

1) Ряз. Угол. Пал. 1850 г. № 1974.
2) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1842 г. № 1187.
3) Ряз. Угол. Пал. 1850 г. № 1931.
4) Двор. Деп. 1857 г. № 3.
5) Ряз. Угол. Пал. 1835 г. № 850.
6) Ряз. Угол. Пал. 1836 г. № 913.

общество крестьянъ знало о готовящемся преступленіи и молчаливо принимало въ немъ участіе, хотя фактически виновные были нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Они собрались въ домъ Кучина ночью, когда онъ спалъ и стали душить его, набросивъ подушку. На крикъ проснувшагося—„или я вамъ не кормилецъ"— не было обращено вниманія и преступники, окончивъ свое дѣло, бросили трупъ въ рѣку. Начавшее изслѣдованіе скоро обнаружило виновныхъ, мужики сознались, а женщины отзывались невиновностью, но судъ нашолъ, что нѣкоторыя обстоятельства ихъ **ополичиваютъ**, „а потому призналъ всѣхъ виновными, приговорилъ ихъ къ наказанію кнутомъ, съ вырываніемъ ноздрей и постановкою штемпельныхъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы [1]).

Также жестоко обращался съ своими крестьянами помѣщикъ Львовъ. Крестьяне составили заговоръ, въ которомъ принялъ участіе и мѣстный священникъ Семеновъ, обѣщавшій крестьянамъ удостовѣрить, что помѣщикъ внезапно заболѣлъ, присылалъ за нимъ, священникомъ, и онъ пріобщилъ его св. таинъ. Убійство было совершено такимъ же образомъ: крестьяне, ночью, когда помѣщикъ спалъ, гурьбою ворвались въ спальную и удушили его. По совершеніи убійства священникъ даже воспользовался нѣкоторыми вещами помѣщика. Обнаруженные виновные были приговорены къ наказанію отъ 30—40 ударовъ крутомъ, съ постановкою штемпельныхъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы вѣчно [2]).

Совершались убійства и отдѣльными крестьянами, помимо соглашенія общества. Помѣщикъ Татариновъ не только жестоко обращался съ крестьянами, но и дурно содержалъ ихъ. Одного крестьянина тяжкимъ наказаніемъ довелъ до того, что тотъ зарѣзался. Убійство замыслили четверо крестьянъ, которые подъ руководствомъ одного изъ нихъ, служившаго при баринѣ, ночью забрались въ его спальную. Помѣщикъ спалъ на софѣ, крестьяне бросились на него, свалили на полъ и задушили. Въ сосѣдней комнатѣ спалъ камердинеръ, который, услыша шумъ, выбѣжавъ на дворъ, закричалъ: „караулъ, разбой"! На крикъ сбѣжался народъ, одного изъ преступниковъ задержали на мѣстѣ, остальные разбѣжались, но вскорѣ были розысканы, судимы и осуждены къ наказанію на мѣстѣ кнутомъ 40 ударовъ; по нака-

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. 1801 г. № 12.

[2]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1821 г. № 187.

заніи же, вырвавъ ноздри, поставить на лицѣ штемпельные знаки и, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу. Одного оговореннаго Палата не признала возможнымъ осудить кахъ виновнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашла, что „онъ наводитъ большое на себя сомнѣніе", но „по неимѣнію по дѣлу къ изобличенію его достаточныхъ доказательствъ къ обвиненію, оставить въ сильномъ подозрѣніи, и какъ человѣка подозрительнаго и опаснаго въ обществѣ въ предупрежденіе могущаго происходить отъ него на будущее время какого зла, сослать въ Сибирь на поселеніе" [1]).

Въ 1845 году, крестьяне Иванъ Федоровъ, Алимпій Никифоровъ и Климентъ Ивановъ убили помѣщика своего Яценко [2]). Въ 1854 году былъ убитъ помѣщикъ Климовъ выстрѣломъ изъ ружья въ окно „заподозрѣнные виновные не изобличены и частію оставлены въ подозрѣніи, частію оправданы [3]).

Дворовый человѣкъ Иванъ Александровъ съ дѣвкою Афонасьевою задушили помѣщицу свою Шевцову, ссылаясь на жестокое обращеніе съ ними ихъ помѣщицы [4]). Въ 1855 году въ Скопинскомъ уѣздѣ было покушеніе на убійство помѣщицы Есаковой [5]). Въ 1859 году крестьяне убили помѣщика своего Терскаго [6]). Въ 1860 году крестьянинъ Ларіонъ Борисовъ покушался на жизнь помѣщика Тараковскаго. Увидя, что на дворѣ поваръ снимаетъ съ убитаго теленка кожу, Борисовъ, въ присутствіи барина, высказалъ: „не теленка нужно свѣжевать, а вотъ онъ стоитъ, ему распороть пузо". Борисовъ съ этими словами бросился на барина, говоря, что зарѣжетъ его, но былъ удержанъ людьми [7]).

Особенно часто встрѣчается покушеніе на отравленіе. Крестьянинъ Семенъ Федоровъ покусился отравить ядомъ помѣщика своего Чулкова, во избѣжаніе наказанія за воровство [8]). Крестьяне Родіонъ Семеновъ, Григорій Климовъ и Николай Максимовъ покушались отравить помѣщика Захаревскаго [9]). Дворовая

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1827 г. № 340.
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 1414.
[3]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1854 г. № 133. Ряз. Угол. Пал. 1855 г. № 2265.
[4]) Ряз. Угол. Пал. 1855 г. № 2248.
[5]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1855 г. № 231.
[6]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1859 г. № 8.
[7]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 673.
[8]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1833 г. № 728.
[9]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1834 г. № 797.

женка Елизавета Ефимова покушалась на отравленіе помѣщицы Чаплыгиной [1]). Крестьяне Григорій Кузьминъ и Никифоръ Ефремовъ осуждены за покушеніе отравить помѣщика своего Можарова [2]). Крестьяне Иванъ Федоровъ, Кузьма Константиновъ, Гаврилъ Прокофьевъ и Павелъ Матвѣевъ покушались задушить помѣщицу Безобразову за жестокое обращеніе съ крестьянами и наказаніе ихъ безвинно [3]). Дворовые Петръ Павловъ и Дорофей Дмитріевъ покушались отравить помѣщика Соловьева и его семейство [4]). Крестьяне Анисимъ Федоровъ, Никифоръ Дементьевъ и др. покушались на отравленіе сына помѣщицы Белелюбской [5]).

Крестьяне Михаилъ Игнатовъ и Матвѣй Варфоломѣевъ, боясь наказанія за дурной караулъ скота, рѣшились убить помѣщицу Вечеслову. Они уговорили двороваго мальчика Вечесловой отпереть имъ дверь, на что тотъ и согласился. Одинъ накинулъ барынѣ на голову подушку, а другой держалъ за ноги. Такъ какъ подушка не пришлась плотно, то Вечеслова успѣла закричать и крестьяне разбѣжались, а мальчикъ, во избѣжаніе подозрѣнія на него, тоже началъ звать караульныхъ, вмѣстѣ съ проснувшейся прислугой [6]).

Въ дѣлѣ покушенія на убійство помѣщика Вульфъ выяснилось, что причина ожесточенія крестьянъ состояла въ томъ, что они нѣсколько лѣтъ прежде сего были на оброкѣ, но Вульфъ установилъ барщину, всѣ вообще крестьяне привыкли къ свободному дѣйствію въ своемъ быту, а потому не терпѣли непосредственнаго надзора своего помѣщика. За порядкомъ ихъ работъ и даже при малѣйшей перемѣнѣ ихъ состоянія, по грубому и необразованному своему характеру, всегда бывали склонны и готовы къ ослушанію, неповиновенію и наконецъ къ ожесточенію противъ своего помѣщика. Къ дѣлу привлечено 13 человѣкъ крестьянъ въ покушеніи на жизнь помѣщика. Дворовые собирались отравить его, но это не удалось, прочіе были на работѣ, и одинъ изъ нихъ, когда баринъ его ударилъ, схватилъ его за шею и ударилъ такъ, что онъ едва удержался на ногахъ, а затѣмъ,

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1836 г. № 887.
[2]) Ряз. Угол. Пал. 1854 г. № 2185.
[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1836 г. № 888.
[4]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1839 г. № 1079.
[5]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1838 г. № 1019.
[6]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1840 г. № 1130.

когда баринъ уѣхалъ,—то догналъ его на дорогѣ и отстегалъ кнутомъ. Прочіе же крестьяне не только не оказали помощи, но даже сговаривались всѣ вмѣстѣ не даваться барину, когда онъ ихъ будетъ наказывать. Сенатъ приговорилъ подсудимыхъ къ наказанію розгами 50—80 ударовъ и къ заключенію въ арестантскихъ ротахъ 1—6 лѣтъ [1]).

У помѣщика Краковецкаго былъ сынъ, который желалъ какъ можно скорѣе сдѣлаться самостоятельнымъ владѣльцемъ, вслѣдствіе чего и рѣшился на убійство своего отца. Для участія въ этомъ дѣлѣ онъ уговорилъ кучера и садовника. Когда баринъ пришелъ въ конюшню, кучеръ ударилъ его по головѣ молоткомъ, а садовникъ добилъ совсѣмъ. Трупъ бросили въ стойло лошади, которая отъ испуга еще болѣе его изувѣчила. Молодой Краковецкій подѣйствовалъ на служащихъ обѣщаніемъ свободы, чего однако не исполнилъ. Прошло 8 лѣтъ. Новый помѣщикъ оказался хуже стараго; особенно тяжело приходилось женскому полу; одной изъ дѣвокъ онъ пригрозилъ наказаніемъ за неисполненіе его желаній. Та согласилась и назначила свиданіе на гумнѣ. Извѣстивъ объ этомъ своихъ подругъ и кучера, они рѣшили поучить барина и устроили ему засаду. Когда баринъ пришолъ, расположился съ дѣвкой на землѣ, вся компанія бросилась на него, кучеръ ударилъ по головѣ, одна изъ дѣвокъ набросила на шею веревку, и, немного спустя, охолодѣвшій трупъ бросили въ канаву, разбивъ уже мертвецу голову [2]).

Въ 1856 году случилось убійство помѣщика Балкъ; послѣдній шелъ на гумно, его крестьянинъ Ефимовъ сзади набросилъ ему на шею кушакъ и задушилъ. Причиною убійства слѣдствіе установило дурное обращеніе помѣщика съ крестьянами вообще, а съ Ефимовымъ въ особенности. Такъ, Балкъ у многихъ крестьянъ отнялъ землю, обложилъ ихъ значительнымъ, непосильнымъ оброкомъ, и притомъ, во время неурожая; дѣлалъ постоянныя угрозы отдать въ рекруты, или сослать на поселеніе, за неплатежъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ и за всякій проступокъ, что вселило въ крестьянахъ чувство страха, тѣмъ болѣе, что Балкъ не медлилъ приводить угрозы въ исполненіе, и въ короткое время отдалъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ по два родныхъ брата изъ двухъ семействъ и отправилъ на поселеніе два семейства;

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1827 г. № 1495.

[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1855 г. № 219; Ряз. Угол. Пал. 1856 г. № 2370.

намѣревался переселить крестьянъ въ другое имѣніе, что казалось крайне тягостнымъ по привычкѣ къ мѣсту родины, наконецъ, выказывалъ явное неуваженіе къ крестьянской собственности. Ефимовъ былъ всегда однимъ изъ бѣднѣйшихъ мужиковъ въ селѣ, но пришолъ еще въ худшее состояніе чрезъ присвоеніе помѣщикомъ денегъ, вырученныхъ имъ за проданную собственную избу, а также слѣдовавшихъ ему за пастьбу скота. Это послѣднее обстоятельство и было главною причиною, побудившею его на совершеніе давно задуманнаго имъ преступленія. Интересно то, что въ заключеніи по этому дѣлу, данномъ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ штабъ-офицеромъ, производившимъ слѣдствіе о причинахъ убійства, всѣ приведенныя сейчасъ дѣйствія помѣщика не считаются незаконными, а только непрактичными; такъ, въ заключеніи этомъ говорится: „нерасположеніе крестьянъ къ Балкъ и месть Масленникова не были плодомъ какихъ либо законопреступныхъ дѣйствій или жестокаго обращенія съ ними помѣщика, а происходили единственно отъ неблагоразумнаго и вреднаго даже относительно его самаго управленія“ [1]).

Помѣщикъ Полубояриновъ часто билъ крестьянъ, изнурялъ работами, недостаточно продовольствовалъ, такъ что они давно согласились лишить его жизни. Разъ, во время работъ въ ригѣ, баринъ ударилъ одного изъ крестьянъ за упущеніе въ работѣ; другой бросился на барина, а потомъ и прочіе крестьяне набросили ему на шею цѣпъ и удушили. Трупъ повѣсили въ половень, и въ началѣ дѣлу былъ данъ такой видъ, что будто баринъ самъ повѣсился, но слѣдствіе раскрыло дѣло и преступники понесли должное наказаніе [2]).

Крестьяне Филипъ Федоровъ, Агей Журкинъ и Лукьянъ Филимоновъ убили помѣщика своего Новикова. Помѣщикъ пришолъ въ конюшню. Журкинъ ударилъ его желѣзной балдой по виску, Новиковъ упалъ, не произнося ни слова, а Филимоновъ еще ударилъ въ лобъ топоромъ. Затѣмъ, ударивши еще нѣсколько разъ, трупъ отнесли и бросили въ колодезь. Причину убійства объясняли тѣмъ, что Новиковъ обращался съ ними жестоко, часто наказывалъ изъ своихъ рукъ плетью, за самыя маловажныя вины и недосмотръ за находящеюся въ завѣдываніи ихъ господскою лошадью. Въ день

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1856 № 284. Ряз. Угол. Пал. 1856 г. № 2326.

[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1839 г. № 1094.

убійства Филимоновъ былъ наказанъ бариномъ плетью и, будучи ожесточенъ, онъ предложилъ своимъ товарищамъ немедленно привести въ исполненіе свое намѣреніе [1]).

Не смотря на значительное число преступленій, совершаемыхъ крестьянами надъ помѣщиками ихъ, количество этихъ преступленій въ дѣйствительности было еще значительнѣе, если принять въ разсчетъ, что многіе изъ нихъ не обнаружены, за отсутствіемъ доказательствъ. Много преступленій противъ помѣщиковъ осталось невыясненными, заподозрѣнныя были оставлены въ подозрѣніи. Въ удушеніи помѣщицы Тарбѣевой были заподозрѣны дворовыя дѣвки, одна изъ коихъ находилась въ незаконной связи съ мужемъ помѣщицы. Было предположеніе, что убійство совершено не безъ вѣдома мужа, но по отсутствію ясныхъ доказательствъ—всѣ заподозрѣнные оставлены въ подозрѣніи, а имѣніе Тарбѣева взято въ опеку, вслѣдствіе незаконной связи помѣщика съ своею дворовою [2]).

70-ти лѣтняя старушка Асѣева успенскимъ постомъ говѣла и въ день Успенія пріобщилась Св. Таинъ. Возвратившись домой изъ монастыря, попила чайку и покушала молочной каши, остатки которой приказала сохранить до другаго дня. На другой день, придя изъ церкви и напившись чаю, покушала свѣжей рыбки и вчерашней каши, при чемъ послѣдняя показалась ей невкусна и на зубахъ что-то хрустѣло, какъ бы песокъ. Вскорѣ послѣ принятія пищи старушка стала икать и зѣвать и приказала уложить себя въ постель. Въ ночь открылась рвота, а на другой день сильный поносъ. Заподозривъ отравленіе, окружающіе предлагали ей парное молоко, но старушка отказалась, не желая нарушить *обѣтъ свой—по понедѣльникамъ не ѣсть скоромнаго*. Чувствуя жженіе подъ ложечкой, больная отпивалась холодной водой и квасомъ, а къ вечеру умерла. По вскрытіи тѣла, въ желудкѣ найденъ мышьякъ. Подозрѣніе въ отравленіи пало на дворовую дѣвку Марфу Харитонову, но сознанія послѣдней не было, а равно и доказательствъ, и судъ оставилъ ее въ сильномъ подозрѣніи [3]).

Въ Рязанской больницѣ умеръ подпоручикъ Гагинъ. Доказано несомнѣнно отправленіе его мышьякомъ. Навѣщалъ его въ больницѣ дворовый человѣкъ Иванъ Алексѣевъ, который и былъ привлеченъ къ дѣлу, но по суду оставленъ въ подозрѣніи [4]).—Помѣщикъ Конды-

---

[1]) Ряз. Угол. Пал. 1853 г. № 2130. [2]) Ряз. Угол. Пал. 1825 г. № 240.

[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1843 г. № 1260.

[4]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 г. 1326.

ревъ найденъ висящимъ, на тѣлѣ оказались знаки насилія, платье во многихъ мѣстахъ изорвано, а по врачебному заключенію онъ былъ удушенъ не веревкой, а черезъ сжатіе рта и носа. Въ убійствѣ заподозрѣнъ крестьянинъ Прокофьевъ, но уликъ къ обвиненію его не собрано, а пому оставленъ въ подозрѣніи [1]).—Дворовые Антоновъ и Ивановъ оставлены въ сильномъ подозрѣніи по обвиненію въ покушеніи на отравленіе госпожи ихъ Фридрихъ [2]).

При этомъ нельзя не замѣтить, что суды относились очень строго къ подобнаго рода дѣламъ и нерѣдко признавали существованіе преступленія тамъ, гдѣ его можно было допустить лишь съ большою натяжкою. Помѣщикъ Хрущевъ отдалъ въ солдаты крестьянина Григорія Тихонова, который бѣжалъ и прибылъ въ деревню. Подошолъ къ окну дома крестьянина Софрона Никитина, который его не узналъ, такъ какъ со времени сдачи въ солдаты прошло лѣтъ 20,—и попросилъ пить. Напившись, попросилъ понюхать табачку, но такъ какъ табакъ былъ въ ригѣ, то оба отправились туда. Разговорились,—какъ, что, откуда, не наймется ли убирать рожь? Тихоновъ спросилъ:—каково житье? Во время этого разговора они стояли противъ барскаго дома, на балконѣ котораго прогуливался баринъ. Показавъ на барина, Никитинъ отвѣчалъ:—„Сибирь! Вотъ, видишь стоитъ нашъ баринъ, то-то шельма-то, каторжный, хоть бы кто нибудь его убилъ". На это послѣдовалъ отвѣтъ—вотъ идетъ вашъ солдатъ, Григорій Тихоновъ, (въ деревнѣ уже прошолъ слухъ о томъ, что онъ бѣжалъ и скрывается гдѣ-то вблизи), и съ нимъ еще двое солдатъ съ ружьями и добираются до барина, и они его уходятъ. „Эка бы Богъ далъ, они пришли и убили его, то-то бы намъ славно было".—По возникшему дѣлу уѣздный судъ рѣшилъ: „Софронъ, выказывая одно неудовольствіе къ своему помѣщику, и по свойственному крестьянину невѣжеству, выразилъ только слова (хотя бы кто его убилъ), каковые ни сколько не доказываютъ ни умысла, ни намѣренія умертвить Хрущева,—„а потому оставилъ его отъ суда и слѣдствія свободнымъ, отдавъ въ вотчину помѣщика". Но уголовная палата взглянула на дѣло иначе, она признала его виновнымъ „въ сообществѣ съ Тихоновымъ и въ самомъ злоумышленіи посягнуть на жизнь господина своего—„и приговорила, въ страхъ другимъ, наказать плетьми 20 ударами, по наказаніи жъ заключить

---

[1]) Ряз. Угол. Пал. 1849 г. № 1888.
[2]) Ряз. Угол. Пал. 1849 г. № 1893.

въ арестантскія роты, а въ случаѣ неспособности къ нимъ сослать въ Сибирь на поселеніе [1]).

Но и при оправданіи обвиняемыхъ судомъ у помѣщиковъ оставалось еще много собственной власти для возмездія. —Помѣщикъ Коробьинъ обвинялъ дѣвку свою Устинью Андрееву въ покушеніи на отравленіе семьи его ядомъ; хотя по бездоказательности этого обвиненія судъ ее и отправдалъ, но помѣщикъ сослалъ въ Сибирь на поселеніе за дурное поведеніе [2]).

Случаи совершенія крѣпостными покушеній на жизнь помѣщиковъ на столько были нерѣдки, что они должны были поселять въ помѣщикахъ опасеніе за свою жизнь; опасенія, иногда ничѣмъ не оправдываемыя.—Помѣщица Бурцева была очень милостива съ своими крестьянами, но допустила одну несправедливость, которая тяготѣла надъ ея совѣстью. У нея была дворовая дѣвка, которую она выдала замужъ за своего крѣпостнаго Якова Владимірова, и жену оставила при своемъ домѣ для ухода за дѣтьми. Очевидно, это не было пріятно Якову, а госпожа не могла не сознавать своей несправедливости. Разъ улеглись всѣ въ домѣ спать. Бурцева легла въ гостинной, изъ которой шли двѣ двери,— одна въ залу, другая въ спальную,—обѣ были крѣпко затворены. Мужъ ея легъ въ спальной, прислуга въ дѣвичьей, лакей, братъ Владимірова, Лука, въ людской. Ночью проснулась госпожа и увидѣла, что у нея въ ногахъ, на диванѣ, на которомъ она спала, что-то бѣлое. Желая убѣдиться, что это за предметъ, она привстала, дотронулась рукою и быстро выбѣжала изъ комнаты, крича: „батюшки мои, кто-то здѣсь есть! Вбѣжавъ въ спальную, она увидѣла уже вставшаго мужа, которому и объявила, что въ гостинной сидитъ у дивана на корточкахъ какой-то человѣкъ въ бѣлой рубашкѣ. Поднялся весь домъ на ноги, все осмотрѣли: оказалось, что всѣ двери и окна на запорѣ, люди всѣ спали, никто не входилъ. По заявленію помѣщиковъ, началось дѣло о покушеніи на ихъ жизнь Владиміровыми. По слѣдствію никто даже не удостовѣрилъ того факта, чтобы кто либо входилъ въ гостинную. Тогда уже Бурцева заявила слѣдователю убѣжденіе свое, что это „было ничто иное, какъ представленіе, созданное воображеніемъ ея, вслѣдствіе чрезвычайнаго разслабленія здоровья ея отъ беременности“, и просила произведенное слѣдствіе предать вѣчному забвенію [3]).

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 г. № 1375. [2]) Ряз. Угол. Пал. 1849 г. № 1903.
[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 1479.

X. Побѣги крѣпостныхъ.

Однимъ изъ средствъ освободиться отъ помѣщичьей власти служилъ побѣгъ. Средство это было очень опасное, потому что, въ случаѣ поимки бѣглаго, влекло за собою водвореніе въ прежнее мѣсто жительства и наказаніе плетьми по волѣ помѣщика. Бѣглые люди служили подспорьемъ для тѣхъ лицъ, которые рѣшались давать имъ у себя пристанище, держать въ работахъ, хотя это также было крайне опасно, ибо влекло за собою тяжкія послѣдствія. Но охотники для этого находились. Дворянинъ Галаховъ укрывалъ у себя бѣжавшаго отъ помѣщика Нѣмчинова, а затѣмъ снабдилъ его фальшивымъ паспортомъ,—и все это сдѣлано было за 5 руб. По обнаруженіи преступленія судъ опредѣлилъ „лишить его дворянскаго достоинства и какъ привелегія до него уже не касается, то, учиня ему наказаніе плетьми, сослать на поселеніе [1]). Несмотря на тягость наказанія, нѣкоторые занимались этимъ дѣломъ въ видѣ ремесла. Такъ, отставной штабъюнкеръ Ртищевъ „всегда находящійся въ пьянствѣ, буянствѣ, озарничествѣ и въ прочихъ подобныхъ сему поступкахъ и имѣя знакомство съ неизвѣстными людьми, пріѣзжавшими къ нему въ домъ“,—обвиненъ въ держаніи бѣглыхъ людей и въ имѣніи воровскихъ вещей, за что лишенъ дворянства и сосланъ въ Сибирь на поселеніе [2]).

Большой соблазнъ для держанія бѣглыхъ состоялъ въ дешевизнѣ рабочихъ рукъ, а строгость отвѣтственности умалялась нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что доказать завѣдомость держанія бѣглаго было не легко, ибо оно могло быть сведено къ безписьменности. При этомъ условіи только и возможны были побѣги въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.—Отъ помѣщика Ганибалова бѣжалъ крестьянинъ Титъ Тимофѣевъ, находился въ бѣгахъ пять лѣтъ, жилъ у разныкъ лицъ въ работникахъ за за-

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1792 г. № 10.

[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1819 г. № 139.

вѣдомо бѣглаго [1]).—Крестьяне помѣщицы Дреляховской, Иванъ Антоновъ и Матвѣй Никитинъ, бѣжали отъ помѣщицы, укравши у нея предварительно шкатулку съ деньгами, рублей 70. Пропадали они лѣтъ пять, шатаясь по разнымъ городамъ и селамъ, и питаясь поденною работою, „а какъ уже таковое шатаніе наскучило", добровольно явились въ имѣніе помѣщицы [2]).

Ближайшимъ мотивомъ къ пріобрѣтенію свободы, хотя бы и незаконнымъ путемъ, было недовольство помѣщикомъ, дурное обращеніе его съ крестьянами.—Крестьнинъ Лихачева Григорьевъ, будучи пойманъ въ бѣгахъ, предпочиталъ отдачу въ солдаты, или добровольную ссылку въ Сибирь возвращенію въ распоряженіе помѣщика, на что послѣдній и согласился [3]).—Но этотъ мотивъ не былъ единственнымъ, были и другіе, не менѣе сильные.—Двое крестьянъ помѣщицы Звѣревой, бывъ куплены ею у Арсеньевой, бѣжали, и въ началѣ проживали въ имѣніи прежней помѣщицы, потомъ работали на фабрикѣ по фальшивымъ паспортамъ, а года черезъ три пойманы и возвращены помѣщицѣ. Причину побѣга своего они объяснили *глупостью*, между тѣмъ какъ эта причина имѣла болѣе серьезное основаніе, ибо здѣсь были замѣшаны *родственныя* отношенія. Въ имѣніи прежней помѣщицы у одного бѣжавшаго остался отецъ, у другаго мать, семья была искусственно разорвана и разъединенные члены ея имѣли естественно другъ къ другу тяготѣніе [4]). Вотъ почему изданные въ 1833 и 1841 г. законы о запрещеніи при отчужденіяхъ раздроблять семейства крѣпостныхъ имѣли весьма разумное основаніе, и уничтожили одинъ изъ мотивовъ къ побѣгу [5]).

Другимъ не менѣе сильнымъ мотивомъ были дѣла сердечнаго свойства. Крестьянка Максутовой Бадыханъ-Идигерова имѣла склонность къ татарину Муртазинову, за котораго и пожелала выдти замужъ. Помѣщикъ, самъ имѣвшій на нея виды, узнавъ объ этомъ, пригрозилъ влюбленной, въ случаѣ осуществленія ея намѣренія, не оставить ее побоями. Однако эта угроза не подѣйствовала. Идигерова тайно отъ помѣщика бѣжала и обвѣнчалась. Но медовый

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1837 г. № 1003.

[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1834 г. № 783.

[3]) Дѣло Канц. Ряз. Губ. 1859 г. № 278.

[4]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1794 г. № 4.

[5]) Полн. Собр. Законовъ 1833 г. № 6163, 1841 г. № 14152.

мѣсяцъ былъ непродолжителенъ: по рѣшенію палаты она обратно возвращена помѣщику, перенеся на своей спинѣ 10 ударовъ плетей [1]).—Отъ помѣщицы Ардабьевой бѣжала дѣвка Афимья Николаева. Сманилъ ее подпоручикъ Тютчевъ обѣщаніемъ на ней жениться, при чемъ подговорилъ украсть шкатулку, въ которой будто бы хранилась заготовленная для нея барынею отпускная. Въ украденной шкатулкѣ вольной не было, но за то оказалось нѣсколько тысячъ рублей денегъ, коими и воспользовался Тютчевъ для кутежа. Затѣмъ бѣжавшая была брошена, розыскана, отпорона и водворена въ имѣніе [2]).

Жены, бѣгавшія отъ своихъ мужей въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были крѣпостными, вмѣстѣ съ тѣмъ бѣгали и отъ помѣщика.—Авдотья Никитина два раза бѣгала отъ мужа своего, Степана Гаврилова, ссылаясь на жестокое съ нею обращеніе, оба раза была наказана девятью ударами плетей и водворена въ вотчину помѣщика своего, графа Остерманъ-Толстого. Затѣмъ, бѣжавъ въ третій разъ, предварительно подожгла домъ мужа. По поимкѣ, судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: „лиша ея крестьянскаго званія и по допущеніи сообразно 1200 ст. 15 т. къ исповѣди, наказать на мѣстѣ преступленія публично черезъ палача кнутомъ съ дачею пяти ударовъ... сослать въ каторжные работы“. Приговоръ этотъ былъ смягченъ палатою, назначившею 10 ударовъ плетей и ссылку въ Сибирь на поселеніе [3]).

Поводомъ къ побѣгу служило какъ наказаніе, такъ и угроза имъ.—Бѣжала отъ помѣщика Лизунова дворовая дѣвка его, Прасковья Варламова, вслѣдствіе понесеннаго ею наказанія.—Дворовый человѣкъ Долгова Николаевъ бѣжалъ, потому что управляющій послалъ его искать барскую собаку, предупредивъ, чтобъ онъ безъ собаки и не возвращался [4]).

Особенно серьезное наказаніе грозило крестьянамъ въ случаѣ неповиновенія помѣщику, а тѣмъ болѣе въ случаѣ возмущенія противъ властей. Послѣдствіемъ того и другаго очень часто были побѣги.—Послѣ бунта у помѣщиковъ Ханыковыхъ въ 1830 г. разбѣжались всѣ тѣ крестьяне, которые принимали въ бунтѣ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Двое изъ нихъ, Сушилинъ и Степановъ, пойманы

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1823 г. № 188.
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1837 г. № 933.
[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1835 г. № 844.
[4]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1857 г. № 7.

черезъ семь лѣтъ, т. е. въ 1837 году. Они жили близъ имѣнія въ сосѣднемъ лѣсу въ сторожкѣ, занимались выдѣлкою деревянной посуды и плетеніемъ лаптей, что и составляло средство пропитанія ихъ. Прикащикъ Ханыкова, узнавъ о мѣстѣ пребыванія ихъ совершенно случайно, захватилъ съ собой людей, окружилъ ими избу и завалилъ выходную дверь; изнутри раздался голосъ: „не трогай, вырвемся, всѣхъ перерѣжемъ". Голосъ былъ знакомъ, прикащикъ узналъ бѣглеца, а бѣглецы узнали прикащика, а слѣдовательно и цѣль прихода его. Озлобясь, бѣглецы вновь кричали: „вырвемся изъ избы, въ мелкіе части изрѣжемъ, ни одного живаго не пустимъ, и живьемъ въ руки не дадимся! „Такъ какъ бѣглецы добровольно не сдавались, прикащикъ рѣшилъ изрубить дверь. Когда дверь была сломана, Сушилинъ оказался вооруженнымъ топоромъ и ножемъ, и грозилъ всѣхъ изрубить, однако его до этого не допустили, связали и представили по начальству [1]).— Послѣ бунта крестьянъ помѣщика Иванова разбѣжались почти всѣ крестьяне, такъ какъ изъ 189 душъ оставалось на лицо лишь 20 душъ взрослыхъ и совершеннолѣтнихъ, всѣ же остальные были въ бѣгахъ со дня возмущенія имѣнія [2]).

Еще однимъ изъ мотивовъ къ бѣгству было отысканіе свободы вслѣдствіе предположенія о неправильномъ состояніи въ крѣпостной зависимости.—Помѣщицею Гречиховою была куплена крестьянская женка Прасковья Акимова; она отыскивала свободу на томъ основаніи, что была солдаткою, вслѣдствіе чего бѣжала отъ помѣщицы и подожгла избу; за нею бѣжала и дочь ея [3]).

Еще мотивъ къ бѣгству—укрывательство отъ рекрутства. Отъ помѣщика Зміева бѣжалъ крестьянинъ Николай Анистратовъ, убоясь предстоящей отдачи его въ рекруты; въ бѣгахъ запасся фальшивой отпускной на вымышленное лицо, по каковому фальшивому виду и былъ задержанъ [4]).

Наконецъ, были побѣги, расчитанные только на извѣстное время, въ теченіи котораго должны были совершиться извѣстныя событія, могущія повліять на улучшеніе положенія крестьянъ. Таковы всѣ побѣги крестьянъ съ цѣлію подачи на помѣщиковъ жалобъ, продолжавшіеся въ теченіи времени разслѣдованія послѣд-

---

[1]) Дѣло Ряз. Уголов. Пал. 1837 г. № 1049.
[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1849 г. № 368.
[3]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1839 г. № 1011.
[4]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1842 г. № 1195.

нихъ.—Крестьянинъ Ханыкова Мироновъ, отлучившійся изъ имѣнія съ разрѣшенія старосты въ уѣздный городъ, отправился въ Петербургъ и подалъ Государю Императору жалобу на помѣщика. По жалобѣ назначено изслѣдованіе, а Мироновъ отправился въ мѣсто жительство. Явившись къ помѣщику, онъ объявилъ, что служить ему не будетъ, пусть продастъ кому другому, иначе сдѣлаетъ какое либо зло. Будучи призванъ для допроса въ земскій судъ, Мироновъ бѣжалъ, но вскорѣ былъ пойманъ. Бѣгство было произведено въ надеждѣ выиграть время при разслѣдованіи поданной жалобы, которую Мироновъ не могъ считать несправедливою. Пойманъ Мироновъ у сосѣднихъ крестьянъ, къ которымъ пришолъ просить хлѣба, такъ какъ кормиться ему было нечѣмъ [1]).

Но важнѣйшій мотивъ все таки состоялъ въ страстномъ желаніи свободы, въ надеждѣ улучшить свое положеніе.

Крестьяне Федцовой Иванъ и Матвѣй Марковы были отпущены помѣщицею по паспорту; по истеченіи срока, бѣжали за границу, въ Яссы, и возвратившись оттуда, хлопотали о припискѣ ихъ въ Одессѣ въ мѣщане [2]).—Дѣвка Ирина Дмитріева бѣжала отъ помѣщицы своей Ивановой. Палата рѣшила водворить ее въ имѣніе, предоставивъ наказаніе волѣ помѣщицы. При объявленіи Дмитріевой приговора, она въ присутствіи Палаты заявила рѣшительно, что къ помѣщицѣ не пойдетъ. Вслѣдствіе такого ослушанія противъ рѣшенія Палаты, возникло объ ней второе дѣло, при чемъ на допросѣ въ судѣ Дмитріева вновь заявила, что къ помѣщицѣ не пойдетъ и повиноваться ей не станетъ. Помѣщица объявила суду, что „водвореніе къ ней Дмитріевой сверхъ ея желанія она всегда должна находиться въ опасности въ жизни ея“—почему и просила Дмитріеву къ ней не водворять. Тѣмъ не менѣе Палата рѣшила наказать виновную плетьми, 10 ударовъ, и водворить къ помѣщицѣ [3]).—Этимъ страстнымъ желаніемъ свободы только и можно объяснить то обстоятельство, что бѣгали не одни люди здоровые, имѣвшіе для помѣщика цѣну, но и старики, составлявшіе для него обремененіе. Бѣжалъ отъ графа Остерманъ-Толстого крестьянинъ Михей Ларіоновъ, 65 лѣтъ, содержавшійся въ устроенной помѣщикомъ богадѣльнѣ [4]). Этимъ желаніемъ свободы только

---

1) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1840 г. № 1134.
2) Ряз. Угол. Пал. 1842 г. № 1147.
3) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1837 г. № 1007.
4) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1836 г. № 914.

и можно объяснить побѣги крестьянъ массами, со всѣмъ своимъ имуществомъ, при управленіи нетягостномъ. Въ двадцатыхъ годахъ происходили такіе массовые побѣги изъ уѣздовъ Сапожковскаго и Ряжскаго на „выдуманныя новыя мѣста". Бѣжали крестьяне помѣщиковъ Шиловскихъ, гр. Толстаго, гр. Остерманъ—Толстаго, Труниной, Матурскаго, кн. Долгорукихъ, гр. Зубова. Розыски бѣжавшихъ не всегда были удачны, многіе умирали на „новыхъ мѣстахъ", розысканные же возвращались къ помѣщикамъ и наказывались плетьми; возмутителей къ побѣгу, кромѣ этого наказанія, ссылали въ Сибирь на поселеніе. [1]) Крестьяне Юмашевой бѣжали цѣлыми семьями, забирая съ собою лошадей, скотъ и разное имущество. Болѣе всего бѣжало въ Одессу, гдѣ и записывались въ мѣщане. Съ родиной бѣжавшіе связи не прерывали, сносились черезъ посредство старосты, присылали письма и деньги, получали фальшивые паспорты. Вообще крестьяне Юмашевой управленіемъ были довольны, ни притѣсненій, ни изнуреній не испытывали, земли и скота имѣли вполнѣ достаточно [2]). Изъ имѣнія Крюкова бѣжало въ Одессу около 30 человѣкъ. Послѣ сего стали бѣгать крестьяне сосѣдней деревни помѣщицы Нарышкиной; бѣглецы иногда являлись на родину повидаться съ родственниками и знакомыми, разсказывали о своемъ привольномъ, свободномъ житьѣ и тѣмъ увлекали вновь къ побѣгу какъ своихъ крестьянъ, такъ и другихъ сосѣднихъ деревень. Ближайшимъ сосѣдомъ былъ Клечановскій, у котораго бѣжало заразъ 10 человѣкъ; все это были люди изъ богатыхъ семействъ, не только не знавшіе нужды, но жившіе въ изобиліи и, казалось бы, не имѣвшіе повода подвергать себя безпокойству и риску. За розыски этихъ крестьянъ принялись очень усердно, исправникъ истребовалъ четырехъ военнослужащихъ инвалидной команды, коихъ и разослалъ во всѣ стороны, но успѣха не было. Не помогли хлопоты и управляющаго Клечановскаго,—Ивана Ильина. Онъ пригласилъ къ себѣ въ усадьбу случайно проѣзжавшаго крестьянина Сорокина, пользовавшагося въ округѣ особою репутаціею. Говорили, что Сорокинъ „посредствомъ тайно произносимыхъ надъ водою словъ отгадываетъ и излечиваетъ тою водою больныхъ, покликушъ и проч. одержимыхъ разными припадками, въ видѣ поселившихся нечистыхъ духовъ". Ильинъ просилъ Сорокина

---

[1]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1825 г. № 702.

[2]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1822 г. № 751.

„погадать, не узнаетъ ли, гдѣ теперь крестьяне находятся". „По обыкновенію своему, говоритъ Сорокинъ, наливъ въ чашку воды, прошепталъ нѣсколько словъ, не заключавшихъ въ себѣ ничего, посмотрѣлъ въ воду и на удачу сказалъ Ильину, что тѣ крестьяне должны находиться въ ближайшихъ селеніяхъ и указалъ на нѣкоторыя деревни, но дѣйствительно ли они въ тѣхъ деревняхъ, я настояще самъ совсѣмъ не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхалъ [1]).

Такіе же массовые побѣги были въ 1854 году. 3-го Апрѣля распубликованъ Именной указъ Сенату и при немъ положеніе о морскомъ ополченіи. По силѣ этого закона, въ видахъ усиленія мѣръ къ охраненію окрестныхъ береговъ финскаго залива, повелѣно сформировать резервную гребную флотилію. Дружины составляются вызывомъ охотниковъ изъ губерній Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Тверской. Въ составъ ополченія поступаютъ по собственной охотѣ лица всякаго званія, здороваго тѣлосложенія; помѣщичьи крестьяне должны имѣть особыя письменныя разрѣшенія ихъ помѣщиковъ. Охотники получаютъ на службѣ по 8 руб. въ мѣсяцъ жалованья, провіантъ и морскую провизію, а также одежду крестьянскаго покроя [2]). По поводу этого закона быстро распространились въ средѣ крестьянъ слухи о томъ, что владѣльческіе крестьяне безъ воли ихъ помѣщиковъ имѣютъ право поступать въ военную службу, „свободно могутъ идти на кличъ, призывающій ихъ къ морскому ополченію, „гдѣ они будутъ получать значительное жалованье и по окончаніи службы останутся вольными. Съ апрѣля мѣсяца началось движеніе крестьянъ. Въ Рязанскую губернію оно перешло изъ Тамбовской (Елатомскаго уѣзда), откуда проходили крестьяне черезъ Касимовскій уѣздъ, слѣдуя дорогою на Москву и Петербургъ. Проходящія партіи по пути слѣдованія увлекали другихъ крестьянъ. Шли крестьяне цѣлыми толпами и, по выраженію Касимовскаго предводителя дворянства, были „заражены духомъ своеволія и неповиновенія правительству", хотя крестьяне шли служить тому же правительству. Такимъ образомъ движеніе распространилось на Касимовскій и Егорьевскій уѣзды; въ первомъ—изъ одной деревни ушли всѣ отъ 14 до до 40 лѣтняго возраста. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ бѣжало весьма значительное число крѣпостныхъ

[1]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1821 г. № 627.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1854 г. № 28121.

разныхъ помѣщиковъ, близкихъ между собою сосѣдей; здѣсь побѣги продолжались въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ; удалялись крестьяне „большими массами". Въ одномъ имѣніи сразу убѣжало 51 человѣкъ, въ другихъ—по одному, по два, пяти. Уходили также у многихъ помѣщиковъ Спасскаго уѣзда „въ охотники на гребные суда въ Балтійское море". Изъ Рязанскаго уѣзда, у кн. Волконскаго изъ деревни Чичкино бѣжало 30 человѣкъ; нѣсколько бѣжало изъ Коленецъ Пронскаго уѣзда, изъ того же уѣзда, изъ Добраго Сота, у Генике, бѣжало 16 человѣкъ; у него же были побѣги изъ села Кирицъ Спасскаго уѣзда. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, губернскій предводитель дворянства очень встрѣвожился: наступала рабочая пора, поля могли остаться неубранными; онъ просилъ губернатора принять мѣры къ пріостановленію движенія и къ возвращенію бѣжавшихъ. Хотя губернаторъ отвѣчалъ, что имъ сдѣлано по этому предмету распоряженіе,—но побѣги не прекращались и губернскій предводитель счелъ необходимымъ сообщить объ этомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣдній увѣдомилъ, что по Высочайшему повелѣнію командированъ по Рязанскому тракту, черезъ Рязань, Тамбовъ, Елатьму и далѣе, флигель-адъютантъ Альбединскій, для содѣйствія къ остановленію движенія крестяянъ. Самовольно явившіеся въ Москву крестьяне, по распоряженію мѣстнаго начальства, задержаны и отправлены подъ конвоемъ на мѣсто ихъ жительства [1]).

Г. Семеновъ удостовѣряетъ, что въ Данковскомъ уѣздѣ въ имѣніи одного помѣщика, имѣвшаго около 100 душъ, ко времени реформы вся деревня отъ мала до велика находилась въ бѣгахъ. При введеніи въ дѣйствіе положенія 19 февраля мировой посредникъ не зналъ, что дѣлать по тѣмъ имѣніямъ. Однако-же крестьяне въ теченіи полугода послѣ обнародованія положенія мало по малу всѣ вернулись и посредникъ привелъ ихъ къ соглашенію съ помѣщикомъ и принятію ими надѣла [2]).

Состояніе въ бѣгахъ создавало бѣглецу нелегальное положеніе, затрудняло изысканіе способовъ къ прокормленію, а потому вынуждало къ совершенію преступленій, которыя въ данномъ случаѣ служили лишь средствомъ прокормленія. Вслѣдствіе сего, совершеніе кражи наканунѣ побѣга и во время послѣдняго составляло явленіе довольно обыкновенное.—Отъ помѣщика Леонова

---

[1]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1854 г. № 150.

[2]) Освобожденіе крестьянъ т. 3, ч. 2, стр. 393.

бѣжали дворовые люди Илья Васильевъ и Ефимъ Анисимовъ; украли у помѣщика шкатулку, въ которой было разныхъ вещей, денегъ и документовъ на сумму до 25000 руб. [1].—Дворовый Петръ Михайловъ бѣжалъ отъ помѣщика Фролова—Багрѣева, совершилъ двѣ кражи, пойманъ, судимъ и наказанъ плетьми [2]. Совершались и болѣе чѣмъ тяжкія преступленія. Отъ помѣщицы Бѣлелюбской бѣжалъ крестьянинъ ея Трофимъ Ерофѣевъ, „по глупости своей и отъ бѣдности" ходилъ кое-гдѣ по уѣзду, питаясь поденною работою. На такой работѣ въ Рязани сошолся съ крестьяниномъ Григоріемъ Ивановымъ. Послѣ знакомства оба условились идти на работу въ Одессу, куда и отправились, предварительно выпивши винца. Такъ какъ Ивановъ дорогою разболталъ, что съ нимъ есть 100 руб. денегъ, то у Ерофѣева возникла мысль воспользоваться этими деньгами, для сего онъ ударилъ товарища своего по головѣ коломъ, а потомъ, испугавшись, ударилъ его еще нѣсколько разъ, „и когда тотъ упалъ, обобралъ деньги" и пошолъ куда глядятъ, и шатаясь по окольнымъ селеніямъ, отнятые имъ у товарища деньги всѣ пропилъ, и явился къ помѣщицѣ [3].—Наконецъ, совершались и другія преступленія ради того, чтобы не обнаружить свое состояніе въ бѣгахъ. Дворовая дѣвица Ляпуновой Федосья Антонова бѣжала отъ помѣщицы, перемѣнивъ свое имя, но была поймана и не наказана вслѣдствіе молодости; затѣмъ вновь бѣжала отъ притѣсненій бурмистра, дорогой родила и бросила младенца въ рѣку, чтобы не объявить о себѣ, такъ какъ иначе побѣгъ ея былъ бы обнаруженъ [4].

---

[1] Дѣло Ряз. Уголов. Пал. 1843 г. № 1270.
[2] Дѣло Ряз. Уголов. Пал. 1834 г. № 810.
[3] Дѣло Ряз. Уголов. Пал. 1844 г. № 1303.
[4] Дѣлв Гяз. Уголов. Пал. 1845 г. № 1427.

XI. Самоубійства крѣпостныхъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда законные способы получить свободу не имѣли мѣста, а воспользоваться ею путями незаконными крѣпостные не желали, когда въ тоже время положеніе было слишкомъ тяжко, желаніе освободиться отъ него во что бы то ни стало—непреодолимо, когда не было характера и силы воли для активной дѣятельности,—тогда оставалось одно только средство покончить съ крѣпостными отношеніями,—принести въ жертву имъ свою собственную жизнь: крѣпостные прибѣгали къ самоубійствамъ.—Помѣщикъ Татариновъ обращался съ людьми своими жестоко и одного изъ нихъ избилъ до того, что тотъ зарѣзался [1]). Вслѣдствіе дурного обращенія съ своею прислугою помѣщиковъ Щекутьевыхъ восьмилѣтняя дѣвочка покусилась на самоубійство, бросившись въ озеро [2]).

Но и здѣсь дѣло иногда ограничивалось только однимъ покушеніемъ, намѣреніемъ, что имѣло свои неудобства. Не говоря о томъ, что положеніе вещей оставалось все тоже, виновный въ покушеніи считался преступникомъ и подлежалъ наказанію. Вѣдь жизнь крѣпостнаго была такъ нужна помѣщику; со смертію крѣпостнаго онъ лишался даровой рабочей силы!—Крестьянинъ помѣщика Кайсарова Григорій Перфильевъ до того чувствовалъ тяжесть своего положенія, что разъ высказалъ: „ежели не будетъ лучше, то удавлюсь", при чемъ слова свои подтвердилъ клятвою. Хотя имѣніе помѣщика было взято въ опеку, но Палата приговорила Перфильева за намѣреніе удавиться къ наказанію батожьями 15 ударовъ и, по наказаніи, отдать въ вотчину [3])—Помѣщикъ Нѣмчиновъ жестоко обращался съ своими крестьянами; одинъ изъ нихъ, Яковлевъ, былъ за пьянство посаженъ на цѣпь, и на другой день, убоясь отъ господина своеге наказанія, покусился на жизнь, сдѣлавъ на шеѣ ножемъ три раны. Палата приговорила его за это къ наказанію плетьми 25 ударовъ, и по неже-

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1827 г. № 340.
[2]) Дѣло Двор. Деп. Собр. 1860 г. № 637.
[3]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1821 г. № 385.

ланію помѣщика держать его у себя, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. По представленію генералъ-губернатора Балашова Сенатъ имѣніе Нѣмчинова взялъ въ опеку, а въ отношеніи Яковлева—оставилъ только ссылку, безъ плетей, принявъ мотивы представленія—„за предпринятое въ стѣснительномъ его положеніи самоубійство уже не первымъ, ибо прежде за такое жъ дѣйствіе по подобнымъ причинамъ былъ судимъ крестьянинъ Афанасьевъ,— признавая отягощающимъ судьбу его паче мѣры имъ содѣланнаго, вмѣнить въ наказаніе содержаніе при полиціи“ [1]). Дворовая дѣвка Волчанской Анисья Игнатьева, покушаясь на свою жизнь, повѣсилась, но была вынута изъ петли [2]). Дворовая Житовой Марья Глѣбова, покушаясь на свою жизнь, порѣзала себѣ ножницами шею [3]).

Вотъ еще характерный случай самоубійства, разсказанный А. И. Кошелевымъ. „Кучеръ г. Ч. [4]) проѣзжавши разъ съ своимъ бариномъ зимою по лѣсу въ саняхъ, слезъ съ облучка и сказалъ В. И. Ч—ву: нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, жить у Васъ больше мнѣ не въ моготу. Затѣмъ, снялъ возжи, сдѣлалъ петлю и, перекинувши на толстый сукъ дерева, покончилъ свою жизнь. Какъ Ч. въ это время былъ уже разбитъ параличемъ, то ему предстояло замерзнуть въ лѣсу, но лошадь сама привезла его домой. Ч. самъ разсказывалъ это въ доказательство *глупости и грубости простаго народа*“ [5]). Какъ поразительно вѣрно дѣйствительности подобный же случай еще ранѣе разсказанъ у Некрасова въ его стихотвореніи „Кому на Руси жить хорошо“.

Яковъ на сосну высокую прянулъ,
Возжи въ вершинѣ ея укрѣпилъ,
Перекрестился, на солнышко глянулъ,
Голову въ петлю—и ноги спустилъ [6])...

Угроза наказаніемъ служила не рѣдкимъ мотивомъ къ покушенію на самоубійство. Крестьянинъ помѣщицы Кузьминой, Иванъ Асановъ, управлялъ ея имѣніемъ: для провѣрки его былъ посланъ дворовый Сергѣй Федоровъ; по повѣркѣ оказались растраты въ хлѣбѣ и деньгахъ. Федоровъ грозилъ Асанову взыска-

---

[1]) Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1822 г. № 171.
[2]) Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 3185.
[3]) Ряз. Угол. Пал. 1845 г. № 1412.
[4]) Чулкова.
[5]) Записки Кошелева, стр. 61.
[6]) Стихотворенія Некрасова, изд. 1882 г. стр. 320.

ніемъ отъ помѣщицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ наказалъ его, побивъ. Асановъ замыслилъ самоубійство. Пріѣхавъ въ лѣсъ, бросилъ лошадь, снялъ сапогъ и сдѣлалъ надрѣзъ на ногѣ, но крови пошло мало. Тогда онъ надѣлъ сапогъ и разрѣзалъ животъ, но слабо; послѣ сего, пырнулъ ножемъ въ горло, но и здѣсь неудачно; въ заключеніе, началъ вертѣть ножемъ въ горлѣ, тогда полилась кровь. Асановъ потерялъ силу владѣть руками и лишился чувствъ. Въ такомъ видѣ онъ былъ найденъ, выздоровѣлъ, судимъ и строго наказанъ 20 ударами плетей, послѣ чего отданъ въ вотчину помѣщицы [1].—Крестьянская женка помѣщика Кошелева Дарья Васильева украла разнаго хлама на 62 коп. и бѣжала къ своей сестрѣ въ другую деревню, но отсюда родственниками была отправлена домой. Дорогой бросилась въ прорубь, но была вытащена. Приговорена къ наказанію 10 ударами плетей и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе [2].

---

[1]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 г. № 1356.
[2]) Дѣло Ряз. Угол. Пал. 1844 г. № 1359.

XII. Участіе Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ *).

Въ 1857 году слухи о крестьянской реформѣ имѣли уже повсемѣстное распространеніе; всѣ знали, что воля Государя по этому вопросу выражена рѣшительно и безповоротно. Въ средѣ крестьянъ слухи рисовали какую то неопредѣленную, туманную картину давно ожидаемой воли; среди помѣщиковъ господствовало чувство безусловной необходимости исполнить волю Государя, и въ тоже время опасеніе за свое будущее матеріальное благосостояніе. Въ тоже время всѣ чувствовали, что оффиціальное выраженіе—„улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ" есть ничто иное, какъ осторожная замѣна выраженія болѣе точнаго, болѣе опредѣленнаго—„упраздненіе крѣпостнаго права".

При такихъ обстоятельствахъ губернскій предводитель дворянства, Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, получилъ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 24 ноября 1857 года № 38, при коемъ была препровождена копія съ Высочайшаго рескрипта, даннаго Виленскому, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернаторамъ,—„для свѣдѣнія и соображенія, на случай, если бы дворянство Рязанской губерніи изъявило подобное желаніе". Губернскій предводитель тотчасъ же разослалъ всѣмъ уѣзднымъ копіи какъ съ циркуляра, такъ и съ рескрипта при особыхъ отъ себя письмахъ, въ которыхъ, между прочимъ, было

---

*) Этотъ очеркъ напечатанъ былъ въ Труд. Ряз. Арх. Комм. 1887 г. т. II, подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ мѣстное изслѣдованіе по дѣламъ архива Ряз. Депутатскаго Собранія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь очеркъ, повидимому, не законченъ, на что указываетъ поставленное въ концѣ „продолженіе будетъ". Такъ какъ черновой работы въ бумагахъ автора ненайдено, то трудно сказать, чѣмъ бы закончился очеркъ. Полагаемъ, что авторъ продолжилъ бы обзоръ занятій „Редакціонной коммиссіи" въ связи съ пожеланіями губернскихъ комитетовъ. Что это имѣлъ въ виду авторъ, заключаемъ изъ того, что у него пожеланія Рязанскаго дворянства были подъ руками. Въ Труд. Ком. 1894 г., т. IX, № 1—помѣшена была имъ статья: „Пожеланія Пронскаго дворянства въ 1858 году". *Ред.*

высказано: „распространяющіеся искаженные толки объ измѣненіи крѣпостнаго права ставятъ меня въ обязанность, дабы Вы, М. Г., имѣли ясное указаніе о степени ложности ихъ и имѣли бы возможность уяснить дѣло ясностію распоряженій Правительства",— а вскорѣ послѣ сего имъ были разосланы приглашенія уѣзднымъ предводителямъ, депутатамъ, а также нѣкоторымъ *вліятельнымъ* дворянамъ, прибыть въ Рязань на 5 января 1858 года „для совѣщанія, которое имѣетъ быть по дѣлу особенной и большой важности".

Для того, чтобы уяснить нѣсколько положеніе дѣла, губернскій предводитель обратился съ письмами къ нѣкоторымъ предводителямъ сосѣднихъ губерній и просилъ ихъ сообщить свѣдѣнія относительно того же вопроса въ ихъ мѣстности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ раздѣлялъ общее съ другими помѣщиками чувство неопредѣленности, опасенія и страха за будущее. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ доносилъ 22 декабря 1857 года министру внутреннихъ дѣлъ о впечатлѣніи, которое произвелъ присланный имъ циркуляръ: „сколько ни казалось, что дворянство болѣе или менѣе приготовлено къ измѣненію настоящихъ крѣпостныхъ постановленій, но циркуляръ былъ принятъ какъ внезапная новость. Впечатлѣніе, произведенное имъ, есть страхъ за будущность свою въ отношеніи средствъ и привычекъ жизни, долженствующихъ измѣниться съ новымъ порядкомъ вещей, и за безопасность личную при могущихъ быть безпорядкахъ. Этотъ двойной страхъ есть господствующее ощущеніе небогатаго большинства, преобладающаго въ губерніи... Слухи о бумагахъ, полученныхъ отъ В. В—ва, доходятъ до помѣщичьихъ крестьянъ не вездѣ въ настоящемъ ихъ смыслѣ. Вообще, замѣтно въ народѣ напряженное ожиданіе. Неизвѣстно, что ожидаетъ насъ въ будущемъ, но полагаю, что если слово свобода будетъ брошено въ толпу рукою неблагонамѣренною, то не обойдется безъ послѣдствій, и, конечно, найдутся люди, находящіе выгоды въ народныхъ безпорядкахъ, о каковыхъ я уже имѣю честь доносить Вашему В-ву, тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войска, кромѣ двухъ батальоновъ во всей губерніи, нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію разсчитывать невозможно, она существуетъ только нравственно, малѣйшее нарушеніе порядка уничтожитъ ея силу и вліяніе".

На совѣщаніи 5 января было рѣшено предварительно спросить мнѣніе помѣщиковъ по этому вопросу, а затѣмъ собраться 20-го

февраля. Уѣздные предводители разослали ко всѣмъ помѣщикамъ письма, въ которыхъ просили ихъ высказать мнѣніе свое „въ отношеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Такъ какъ къ 20 февраля свѣдѣнія были получены отъ небольшаго сравнительно числа помѣщиковъ, то засѣданіе было отложено до 15 марта.

Всѣхъ заявленій отъ помѣщиковъ поступило свыше 700, что составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_{10}$ общаго числа ихъ. Общій характеръ этихъ заявленій состоитъ въ безпрекословномъ исполненіи воли Государя; „такъ какъ вопросъ объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ есть непремѣнное намѣреніе Государя Императора, то я и удерживаюсь отъ моихъ намѣреній, безусловно принимая Высочайшую Его волю". Почти всѣми выражено сочувствіе къ предложенію объ улучшеніи быта крестьянъ, желаніе учредить на этотъ предметъ Комитетъ, согласіе и готовность подчиниться всему тому, что будетъ выработано Комитетомъ и утверждено правительствомъ: „какія послѣдуютъ повелѣнія къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и всеобщія распоряженія, я во всемъ буду согласенъ"; „буду вполнѣ согласенъ съ общими постановленіями". Многія письма писаны по одной и той же формѣ, одними и тѣми же выраженіями: ...„безпрекословное исполненіе воли правительства". Было много коллективныхъ писемъ, въ особенности отъ дворянъ уѣздовъ: Данковскаго, Спасскаго, Михайловскаго, Зарайскаго и Касимовскаго. Въ числѣ писемъ Касимовскихъ дворянъ встрѣчаются писанныя не только по одной и той же формѣ, но на бумагѣ одного и того же формата, одною и тою же рукою. Съ мыслію о личной свободѣ крестьянъ, казалось, мирились всѣ, какъ съ неизбѣжною необходимостью; вся забота была направлена къ охраненію своихъ средствъ. „Пріемля съ благоговѣніемъ Высочайшую волю къ исполненію, прошу объ исходатайствованіи Монаршей милости объ оставленіи владѣемыхъ много земель, пріобрѣтенныхъ чрезъ многія пожертвованія, лишенія и принятія на себя долговъ въ моей собственности; изъявляю согласіе, ежели сіе не будетъ сопряжено съ лишеніемъ и ущербомъ моей собственности". Письма иного характера, или письма, содержащія въ себѣ отвѣтъ уклончивый,—встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Такъ, по письму одного помѣщика, крестьяне его живутъ въ достаткѣ: „и я даже не знаю способа объ измѣненіи ихъ быта къ лучшему", если же такой способъ будетъ изысканъ, то онъ изъявляетъ на это свое согласіе, но съ тѣмъ, „чтобы не лишиться получаемыхъ мною доходовъ, кото-

рыми я содержу мое семейство, состоящее изъ семи членовъ дѣтей“.—„Я всегда заботился объ улучшенiи быта своихъ крестьянъ, которые въ настоящее время находятся въ хорошемъ состоянiи“.—При весьма ограниченныхъ моихъ средствахъ и при маломъ количествѣ земли, я заботился и забочусь объ улучшенiи быта моихъ крестьянъ. Употребленныя мною средства для улучшенія ихъ быта ясно обнаруживаются въ натурѣ такъ, что нѣкоторые изъ купленныхъ мною первоначально оказались съ неудовлетворительною нравственностiю, но въ настоящее время, при моей отеческой къ нимъ заботливости, приведены въ хорошее состоянiе; объ измѣненiи же быта ихъ я представляю на благоусмотрѣнiе высшаго начальства“.—Бытъ крестьянъ моихъ такъ улучшенъ, что они не знаютъ, чего бы желать, ибо ни мнѣ, ни правительству, ни письменныхъ, ни словесныхъ просьбъ не изъявляли, потому и я не знаю, чтобы придумать къ ихъ улучшенiю“.—„Понимая совершенно благонамѣренные виды правительства, я всегда старалась въ точности исполнять ихъ, слѣдя неусыпно за нравственностью моихъ крестьянъ, внушая имъ страхъ Божiй, убѣждая ежегодно говѣть и прося нашего приходскаго священника объяснять имъ христiанскiя обязанности и любовь къ Царю, стараясь по возможности о распространенiи у нихъ грамотности и обучая полезнымъ ремесламъ, помогая имъ въ физическихъ ихъ нуждахъ... Мнѣ остается только пожелать и просить Бога, чтобы при вновь предпринимаемомъ для нихъ улучшенiи, они остались всѣ какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ быту такими же честными, трезвыми, трудолюбивыми, какъ были въ единственномъ моемъ управленiи... Къ дополненiю благонамѣренной цѣли мнѣ остается только желать удалить изъ имѣнiя человѣкъ трехъ крестьянъ, сохранившихъ отъ прошлаго управленiя духъ своеволiя, могущiй при настоящемъ исполненiи, быть гибельнымъ не только для нихъ, но и увлечь своимъ примѣромъ легковѣрныхъ людей“.—„Постоянное мое вниманiе было обращено на улучшенiе быта крестьянъ, который мною уже доведенъ до желаемой цѣли, но болѣе средствъ къ улучшенiю ихъ быта по моему мнѣнiю изыскивать невозможно, какъ того самаго, въ которомъ находятся въ настоящее время крестьяне“.—„Не считаю нужнымъ просить позволенiя заняться улучшенiемъ быта нашихъ крестьянъ потому, что всякiй изъ насъ постоянно занимался улучшенiемъ своихъ крестьянъ и для этого нѣтъ надобности испрашивать разрѣшенiя правительства. Такое испрашиванiе кажется мнѣ нѣкоторымъ

произвольнымъ обвиненіемъ дворянства, тягостнымъ для чести онаго, и при томъ, теперь рѣчь идетъ не объ улучшеніи быта крестьянъ, а собственно объ уничтоженіи крѣпостнаго права, почему же избѣгать называть вещи своими именами".—„Указъ Государя всякій я исполнить долженъ безпрекословно, но тамъ, гдѣ требуется мое желаніе, оно можетъ быть высказано Государю неиначе, какъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, въ противномъ случаѣ, если я произнесу его притворно, то оно будетъ уже не желаніе, а подлая ложь и преступленіе. Бывъ готовъ отъ всей души исполнять цѣль Государя Императора относительно улучшенія быта моихъ крестьянъ, я не могу изъявить желаніе сдѣлать это на вышеизложенныхъ основаніяхъ, потому что считаю ихъ пагубными для себя и для моихъ людей".—„Наши крестьяне такъ малоразвиты въ моральномъ отношеніи, что для нихъ въ настоящее время наилучшій порядокъ есть нынѣ существующій, потому что они какъ дѣти нуждаются въ опекунѣ, этотъ то опекунъ и есть помѣщикъ, пользы котораго, тѣсно соединенныя съ благосостояніемъ крестьянъ, заставляютъ его если не изъ любви къ ближнему и не изъ патріархальныхъ отношеній, существующихъ изстари, то чисто матеріальныя пользы помѣщика быть отцомъ, а не тираномъ своихъ рабовъ". Во всякомъ случаѣ, руководствуясь исторіей и своею небольшею опытностію, я нахожу, что для блага и благоденствія какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ, или оставить нынѣ существующій законъ, или же освободить крестьянъ совершенно, потому что оставленіе помѣщика, какъ власти полицейской, уже не поддерживаемой моральнымъ вліяніемъ, которое потрясено до самаго основанія слухами о свободѣ, ни къ чему не поведетъ, исключая какъ къ возстаніямъ и убійствамъ помѣщиковъ, что мы видимъ изъ исторіи французской революціи въ 1792 году".—Крайне характерно коллективное заявленіе части дворянъ Зарайскаго уѣзда: „дворянство изъ препровождаемыхъ бумагъ видитъ, что бумаги эти нисколько не обязываютъ и не торопятъ насъ къ изъявленію подобнаго согласія, тѣмъ болѣе, что и само правительство не спрашиваетъ ни объ чемъ ни насъ дворянъ, ни нашего губернскаго предводителя, а потому, сочувствуя вполнѣ высокой и современной цѣли правительства—улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ—дворянство Зарайскаго уѣзда, какъ неготовое еще и не освоившись съ такимъ труднымъ и важнымъ дѣломъ, должно дѣйствовать въ этомъ случаѣ основательно, безъ торопливости, почему и находитъ полезнѣе принять мѣру выжидательную"...

Въ засѣданіи 15 марта, полученныя отъ помѣщиковъ письма привели предводителей и депутатовъ къ заключенію о желаніи Рязанскаго дворянства ходатайствовать объ учрежденіи Комитета, почему ими составленъ, на имя Государя слѣдующій адресъ: „Всемилостивѣйшій Государь, дворянство Рязанской губерніи имѣетъ счастіе всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество дозволить приступить къ составленію проекта Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и объ обезпеченіи благосостоянія самихъ помѣщиковъ на прочномъ основаніи". Адресъ этотъ черезъ губернатора былъ представленъ Государю, и въ отвѣтъ на него послѣдовалъ 1 апрѣля Высочайшій рескриптъ на имя начальника Рязанской губерніи объ учрежденіи Комитета, долженствовавшаго въ работахъ своихъ держаться однихъ и тѣхъ же основаній, какъ и другіе комитеты по крестьянскому дѣлу.

Комитетъ долженъ былъ состоять изъ 24-хъ членовъ, выбранныхъ дворянами по два отъ каждаго уѣзда и двухъ членовъ, назначаемыхъ губернаторомъ изъ мѣстныхъ же дворянъ; предсѣдательство въ немъ принадлежало губернскому предводителю, который носилъ званіе президента.

Выборы членовъ отъ дворянства, по соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ, были назначены въ каждомъ уѣздѣ отдѣльно, „дабы не причинить небогатымъ дворянамъ лишнихъ издержекъ". Выборы были закончены въ теченіи лѣта. Тотчасъ послѣ выборовъ члены комитета занялись собраніемъ каждый по своему уѣзду свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губернаторомъ были разрѣшены предварительные съѣзды дворянъ для обсужденія крестьянскаго вопроса.

По видимому, въ это время положеніе дѣлъ уже нѣсколько уяснилось, помѣщики осмотрѣлись, начали приспособляться къ обстоятельствамъ и принимать нѣкоторыя мѣры къ огражденію своихъ интересовъ. Такое заключеніе слѣдуетъ сдѣлать изъ циркуляра губернскаго предводителя къ уѣзднымъ, разосланнаго въ іюнѣ 1858 года. „Крестьяне нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣній въ послѣднее время очень часто приносятъ личныя и письменныя жалобы какъ начальнику губерніи, такъ и мнѣ на принужденіе ихъ помѣщиками переселяться съ однихъ усадебныхъ мѣстъ на другія... Покорнѣйше прошу обратить на это дѣло особенное вниманіе, стараясь убѣдить помѣщиковъ, въ видахъ общественнаго спокойствія, пріостановить предполагаемыя ими переселенія

до составленія проекта Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и до приведенія онаго въ дѣйствіе“.

26 Августа 1858 года Комитетъ былъ открытъ. При немъ была образована особая канцелярія, довольно многолюдная, при значительныхъ на нее расходахъ (около 700 руб. въ мѣсяцъ). Засѣданія Комитета происходили въ помѣщеніи Дворянскаго Депутатскаго Собранія.

Тотчасъ по открытіи Комитета Губернскій Предводитель доложилъ, что при представленіи его Государю, послѣдній высказалъ: „Дѣлайте въ Комитетѣ такъ, какъ лучше. Я на все согласенъ. Моя непремѣнная воля, чтобы крестьяне не были лишены владѣнія землею и имѣли бы право на выкупъ усадьбъ своихъ“.

Составъ Комитета былъ слѣдующій: Рязанскій уѣздъ—Александръ Николаевичъ *Реткинъ* и Григорій Петровичъ *Приклонскій;* послѣдній за болѣзнію замѣщенъ кандидатомъ Гервасіемъ Андреевичемъ *Звѣревымъ*; Зарайскій—Николай Михайловичъ *Лихаревъ* и Петръ Николаевичъ *Селивановъ*, замѣщенный, за болѣзнію, Иваномъ Львовичемъ *Злобинымъ;* Михайловскій—Петръ Николаевичъ *Сухотинъ* и Сергѣй Платоновичъ *Голубцовъ;* Пронскій—Федоръ Сергѣевичъ *Офросимовъ* и Алексѣй Петровичъ *Муратовъ;* Ряжскій—Василій Ивановичъ *Ключаревъ* и Андреянъ Семеновичъ *Арсеньевъ;* Раненбургскій Василій Михайловичъ *Сафоновъ* и Князь Сергѣй Васильевичъ *Волконскій;* Егорьевскій Андрей Петровичъ *Рикманъ* и Александръ Михайловичъ *Афонасьевъ;* Сапожковскій Евгеній Андреевичъ *Протасьевъ* и Дмитрій Васильевичъ *Протасьевъ;* Скопинскій—Владиміръ Афонасьевичъ *Бѣгичевъ* и Василій Павловичъ *Насакинъ;* Спасскій—Александръ Ивановичъ *Колеминъ,* замѣщенный за болѣзнію кандидатомъ Василіемъ Алексѣевичемъ *Сазоновымъ,* и Петръ Тимофѣевичъ *Плюсковъ;* Касимовскій—Дмитрій Петровичъ *Рыкачевъ* и Александръ Андреевичъ *Павловъ*; Данковскій—Федоръ Дмитріевичъ *Ошанинъ* и Леонидъ Матвѣевичъ *Муромцовъ,* замѣщенный, по болѣзни, кандидатомъ Александромъ Алексѣевичемъ *Ханинымъ.* Членами отъ правительства губернаторомъ назначены: Рязанскій помѣщикъ Михаилъ Дмитріевичъ *Масловъ* и Сапожковскій—Александръ Ивановичъ *Кошелевъ.* Впослѣдствіи, за выходомъ Маслова, мѣсто его заступилъ Дмитрій Федоровичъ *Самаринъ.*

Составъ этотъ А. И. Кошелевъ въ своихъ запискахъ характеризуетъ такъ: „Предсѣдателемъ Комитета былъ губернскій предводитель дворянства А. В. Селивановъ, человѣкъ неглупый,

добрый, но мало развитый и отмѣнно неловкій и особенно вслѣдствіе своего страннаго положенія, недозволявшаго ему быть вполнѣ ни на сторонѣ правительства, желавшаго уничтоженія крѣпостной зависимости, ни на сторонѣ дворянства, надѣявшагося отдѣлаться одними словами и удержать въ сущности свою власть на крестьянъ и дворовыхъ людей. Другимъ членомъ отъ правительства былъ нѣкто М. Д. Масловъ, заклятый крѣпостникъ и человѣкъ, пропитанный всевозможными дворянскими предразсудками и претензіями. Я нашелъ въ немъ не товарища, не единомысленника, а постояннаго противника. Какъ только начались засѣданія и пошла въ ходъ работа, то не замедлили своимъ началомъ и всякаго рода интриги. Большинство членовъ Комитета состояло изъ крѣпостниковъ, а меньшинство—изъ робкихъ либераловъ. Во главѣ перваго стоялъ Ф. С. Офросимовъ, человѣкъ умный, довольно образованный, весьма хитрый и ловкій. Мнѣ приходилось съ нимъ постоянно спорить и перечить большинству; рѣдко, почти никогда, мнѣ не удавалось проводить свои предложенія. Всего болѣе бѣсило большинство то, что я обнаруживалъ его тайные замыслы и заставлялъ противниковъ освобожденія яснѣе излагать свои мнѣнія. Неловкій нашъ предсѣдатель безпрестанно попадался въ просакъ, и своими дѣйствіями то въ ту, то въ другую сторону, страшно вредилъ и себѣ, и самому дѣлу. А вожакъ большинства Офросимовъ ловко пользовался промахами предсѣдателя и сплотнялъ большинство, особенно подъ благовиднымъ предлогомъ удержанія самостоятельности дворянства и защиты его правъ и интересовъ. Главнымъ препятствіемъ къ упроченію и усиленію власти Офросимова въ Комитетѣ былъ я, и потому онъ изыскивалъ всѣ средства къ сокращенію и уничтоженію моего вліянія въ Комитетѣ“.

На первыхъ же порахъ своей дѣятельности Комитетъ выработалъ особыя правила, состоящія изъ 34 статей и довольно подробно опредѣляющія порядокъ засѣданій и веденія дѣлъ; на первыхъ же порахъ начались въ Комитетѣ и разнаго рода пререканія. Началомъ ихъ служило то обстоятельство, что члены, оградивши себя выработаннымъ ими уставомъ, считали себя не только вправѣ, но и обязанными высказывать свои мнѣнія совершенно свободно, не выходя лишь изъ тѣхъ основаній, которыя были даны рескриптомъ; а предсѣдатель собранія весьма нерѣдко не допускалъ до обсужденія то или другое мнѣніе, находя его противорѣчащимъ этимъ основаніямъ. И вотъ почва для пререканія

о томъ, кому принадлежитъ право рѣшить: противорѣчитъ, или нѣтъ, то или другое мнѣніе основаніямъ рескрипта? Съ одной стороны, право предсѣдателя рѣшить этотъ вопросъ представляется повидимому несомнѣннымъ; но съ другой, при извѣстномъ одностороннемъ направленіи, это право могло обратить въ ничто всѣ работы Комитета, а это представлялось тѣмъ болѣе нежелательнымъ, что мнѣніе Комитета не имѣло характеръ рѣшающій, а лишь совѣщательный. Нерѣшительность предсѣдателя и положеніе его въ Комитетѣ только усиливали эти пререканія; а положеніе его было дѣйствительно двусмысленное; въ душѣ онъ раздѣлялъ взгляды дворянъ, нежелавшихъ реформы, боявшихся ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ былъ, слѣдуя указаніямъ правительства, проводить его взгляды, намѣренія и предположенія. Все это повело сначала замедленію работы Комитета, а впослѣдствіи къ тому, что предсѣдатель вынужденъ былъ сложить свои обязанности и оставить званіе предводителя дворянства.

Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ Офросимовомъ. Въ одномъ изъ засѣданій Комитета онъ высказалъ, что для того, чтобы опредѣлить право собственности помѣщиковъ на землю, такъ и вообще отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, нужно начертать вначалѣ общія основанія, которыми слѣдуетъ руководствоваться при составленіи проекта, почему и предложилъ избрать комиссію для начертанія проекта главныхъ основаній положенія; проектъ этотъ долженъ быть внесенъ на обсужденіе Комитета. Мнѣніе это было принято. Предсѣдатель чувствовалъ что-то недоброе, такъ какъ онъ тутъ же заявилъ: „Я совершенно убѣжденъ, что комиссія не будетъ въ своихъ проектахъ выражать ничего несогласнаго съ Высочайшими рескриптами, иначе я не могу взять на себя просить комиссію представить ея работы на обсужденіе Комитета". Комиссія была избрана изъ пяти членовъ и въ работахъ своихъ не пришла къ единогласному рѣшенію, такъ какъ въ ней послѣдовало три мнѣнія: трехъ членовъ комиссіи—Офросимова, Князя Волконскаго и Афонасьева, члена Бѣгичева и члена Голубцова, чтобы не давать перевѣсъ мнѣнію трехъ членовъ, Голубцовъ пригласилъ въ комиссію президента Комитета на правахъ предсѣдателя комиссіи. Тогда большинство трехъ начало оспаривать право предсѣдателя Комитета предсѣдательствовать въ комиссіи съ правомъ рѣшающаго голоса, безъ особаго на то уполномочія Комитета, и когда это право было послѣднимъ признано, то въ комиссіи явилось уже не три, а че-

тыре мнѣнія, при чемъ ни одно изъ нихъ не имѣло большинства, а слѣдовательно всѣ ея работы были безрезультатны. Мнѣніе трехъ предсѣдатель не допустилъ до обсужденія Комитета, находя его противорѣчащимъ основаніямъ рескрипта. Главныя положенія этого мнѣнія состоятъ въ дарованіи крестьянамъ личныхъ и имущественныхъ правъ, предоставленныхъ другимъ свободнымъ сельскимъ обывателямъ въ государствѣ. *Права состоянія крестьянъ подлежатъ выкупу въ той мѣрѣ и степени, въ какой трудъ крестьянина независимо отъ земли приноситъ доходъ помѣщику. Выкупъ правъ состоянія крестьянъ долженъ быть произведенъ не самими крестьянами, а государствомъ, то-есть всѣми сословіями государства или правительствомъ.* Подъ крестьянскою прочною осѣдлостью слѣдуетъ разумѣть нераздѣльно усадебныя и полевыя земли, необходимыя для прокормленія крестьянскаго семейства и его скота. Земли, необходимыя для обезпеченія прочной осѣдлости крестьянъ, должны быть отведены къ одному мѣсту, пріурочены къ усадьбамъ, или усадьбы къ симъ землямъ, и отданы крестьянамъ въ постоянное пользованіе. *Предоставленіе земли въ выкупъ невозможно*, но если онъ неминуемо долженъ послѣдовать вслѣдствіе непремѣнной воли Государя, то его слѣдуетъ допустить *какъ въ отношеніи усадебной, такъ и полевой земли одновременно*, съ пособіемъ отъ правительства.

Вслѣдствіе распоряженія предсѣдателя относительно недопущенія до обсужденія мнѣнія трехъ членовъ Офросимовъ сказалъ рѣчь, въ которой весьма ѣдко отнесся къ личности президента.

„Президентъ, неудостоивъ высказать основаній, по которымъ онъ признаетъ записку заслуживающую порицанія, ограничивается однимъ извѣщеніемъ членовъ въ отступленіи отъ Высочайшаго рескрипта и какъ безъапелляціонный судья произноситъ приговоръ о достоинствахъ записки. Принося достойное уваженіе, какъ личнымъ качествамъ президента, такъ и тому оффиціальному характеру, который онъ придаетъ своему значенію, я не могу однако признать за нимъ права безъапелляціоннаго и бездоказательнаго судьи. Самъ Комитетъ выражаетъ свое мнѣніе на представленіе членовъ послѣ совѣщаній, преній и защиты членами предлагаемыхъ ими положеній, но никогда не налагаетъ клейма на мнѣніе члена безъ обсужденія онаго. Такое новое начало, вводимое г. президентомъ, я не могу не признать посягательствомъ на независимость не только трехъ членовъ, подавшихъ записку, но и на независимость всѣхъ членовъ Комитета. Мнѣ кажется, что чѣмъ блистательнѣе способности

г. президента, тѣмъ болѣе должно удерживать за собою право совѣщательнаго собранія и свободы разсужденій".—

„Г. Офросимовъ, сказалъ предсѣдатель, вы говорили очень тихо, я вслѣдствіе полученной въ сраженіи контузіи потерялъ слухъ и ничего изъ сказаннаго вами не слыхалъ; не можете ли вы повторить?"—

„Мнѣніе свое, закончилъ Офросимовъ, я представлю письменно для внесенія въ журналъ".

По изготовленіи журнала, прочитавъ рѣчь Офросимова, предсѣдатель счелъ себя оскорбленнымъ, о чемъ въ слѣдующее засѣданіе и заявилъ Комитету.

„Въ рѣчи, произнесенной въ прошедшемъ засѣданіи и записанной уже въ журналъ, г. Офросимовъ употребилъ относительно меня выраженія, которыя казалось бы высказывали его высокое обо мнѣ, а слѣдовательно и весьма лестное для меня, мнѣніе; но мы не дѣти, чтобы не понимать настоящаго смысла тѣхъ выраженій и желанія, руководившаго г. Офросимова. Тутъ дѣло ясное, это желаніе оскорбить меня. Г. Офросимовъ вполнѣ достигъ желаемаго".

Президентъ предложилъ Комитету обсудить вопросъ о достоинствахъ этого поступка и о мѣрахъ къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Большинство членовъ высказалось въ томъ смыслѣ, что въ словахъ Офросимова дѣйствительно есть оскорбленіе, меньшинство—что его нѣтъ. Затѣмъ Комитетомъ приняты дополнительныя правила къ уставу о веденіи дѣлъ. Тѣмъ и закончилось первое столкновеніе.

Вторая исторія имѣла болѣе серьезныя послѣдствія. Кошелевъ въ то время издавалъ журналъ „Русская Бесѣда" и при немъ, въ видѣ ежемѣсячняго прибавленія, „Сельское благоустройство". Въ послѣднемъ была помѣщена статья кн. Черкасскаго, въ которой выражено нежеланіе внезапной отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ крестьянскомъ быту, такъ какъ и сами крестьяне считаютъ ихъ еще необходимыми. По поводу этой статьи были сдѣланы на автора ея въ журналистикѣ нападки, а вслѣдствіе этихъ нападокъ появилась въ № 130 „Московскихъ Вѣдомостей" за 1858 годъ замѣтка И. Аксакова слѣдующаго содержанія: „Въ № 128 „Московскихъ Вѣдомостей" и въ № 19 „Русскаго Вѣстника" помѣщены статьи, взводящія на кн. Черкасскаго, сотрудника „Русской Бесѣды" и „Сельскаго благоустройства", обвиненіе тяжелое и совершенно

несправедливое. Ни кн. Черкасскаго, ни издателя „Сельскаго благоустройства“ нѣтъ теперь въ Москвѣ и мы считаемъ обязанностію вступиться за отсутствующихъ. Оба они теперь членами въ крестьянскихъ комитетахъ, оба трудятся добрымъ, честнымъ трудомъ на пользу русскаго крестьянина, оба на дѣлѣ, не на словахъ только, доказываютъ свою преданность великому дѣлу, оба въ постоянной ежедневной борьбѣ. Борьба трудная и томительная: приходится смирять горячія желанія, укорачивать, обрѣзывать благородныя намѣренія, приходится не разъ отказываться отъ надежды видѣть благое предположеніе осуществленнымъ на широкихъ основаніяхъ, выбирать изъ двухъ золъ меньшее, довольствоваться результатомъ далеко неполнымъ, но единственно покуда возможнымъ и хотя отчасти содѣйствующимъ улучшенію крестьянскаго быта. Многое, что кажется уступленнымъ противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти“.

Когда эта статья дошла до членовъ Комитета, они приняли ее на свой счетъ и предложили Кошелеву вопросъ: будетъ ли онъ отвѣчать на эту статью? Кошелевъ высказалъ: „Какъ я буду дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ—еще не знаю; но во всякомъ случаѣ не считаю себя обязаннымъ отдавать въ томъ кому либо отчетъ“.—Послѣ этого члены Комитета рѣшили дѣйствовать оффиціально, убѣдивъ предсѣдателя назначить чрезвычайное засѣданіе Комитета, безъ приглашенія на него Кошелева. Это засѣданіе состоялось 11 ноября. По прочтеніи статьи Аксакова, князь Волконскій объяснилъ, что авторъ упоминаетъ между прочимъ о какой то трудной и томительной борьбѣ и какихъ то кому то уступкахъ издателя „Сельскаго благоустройства“ и побѣдахъ его надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти. А такъ какъ издатель „Сельскаго благоустройства“, г. Кошелевъ, членъ Комитета, то князь Волконскій находилъ, что употребленныя Аксаковымъ неприличныя и дерзкія выраженія прямо относятся между прочимъ и къ членамъ Рязанскаго Комитета. Поэтому князь Волконскій предложилъ, не благоугодно ли будетъ избрать нѣсколько членовъ и просить ихъ отправиться къ г. Кошелеву для объясненія.—Комитетъ выбралъ депутацію изъ 6 членовъ, которая тотчасъ же отправилась исполнять возложенное на нее порученіе. По явкѣ членовъ Комитета къ Кошелеву, между нимъ и однимъ изъ членовъ, княземъ Волконскимъ, послѣдовалъ такой обмѣнъ мыслей.

„Угодно ли, чтобы вамъ прочитана была статья Ивана Аксакова, напечатанная въ № 130 „Московскихъ Вѣдомостей?“

— „Я ее знаю“.

„Въ такомъ случаѣ, оскорблены ли вы сами, какъ членъ Комитета, замѣткою г. Аксакова, помѣщенною въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и оскорбительною для вашихъ товарищей по Комитету?

— Такъ какъ эта статья не безъимянная, а подписана И. Аксаковымъ, то отвѣтчикъ на лицо. Кто подписываетъ, тотъ и отвѣчаетъ.

Не угодно ли вамъ будетъ дать болѣе опредѣленный отвѣтъ на предложенный вамъ вопросъ?

— Для себя лично въ этой замѣткѣ ничего не вижу оскорбительнаго. Нахожу ее неприличною.

Не угодно ли вамъ будетъ предпринять что либо, чтобы смыть непріятное впечатлѣніе, произведенное на Комитетъ замѣткою?

— Пока дѣло шло частнымъ образомъ, я думалъ принять свои мѣры, но такъ какъ теперь избранъ путь оффиціальный, то я предоставляю вести дѣло это оффиціально.

Не угодно ли вамъ будетъ напечатать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ своего имени редакцію отвѣта на замѣтку Аксакова, которую составитъ и предложитъ вамъ Комитетъ?

— Въ литературѣ редакціи принять участіе не могу и такъ какъ дѣло пошло оффиціальнымъ порядкомъ, то ничего дѣлать не стану“.

Послѣ сего депутаты удалились, прервавъ съ Кошелевымъ всякія дипломатическія сношенія.

По докладѣ о всемъ этомъ Комитету, послѣдній постановилъ объявить г. Кошелеву, что члены Комитета не желали бы, чтобы онъ являлся въ присутствіе Комитета; а затѣмъ принято слѣдущее мнѣніе князя Волконскаго: „Признавая, что статья Аксакова можетъ имѣть вредныя послѣдствія тѣмъ, что можетъ внушить крестьянамъ недовѣріе и предубѣжденіе къ трудамъ комитетовъ, которые еще не получили окончанія, и возбудить въ крестьянахъ сомнѣніе въ благонамѣренности дѣйствій дворянства, я полагалъ бы довести до свѣдѣнія Государя Императора оффиціальнымъ путемъ о тѣхъ опасныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ имѣть подобныя голословныя и злонамѣренныя обвиненія комитетовъ“.

Изгнаніе изъ Комитета члена отъ правительства было событіемъ чрезвычайной важности, а потому весьма естественно, что обо всѣмъ происшедшемъ губернаторъ немедленно сообщилъ

Министру Внутреннихъ Дѣлъ; независимо сего, членъ отъ правительства, Масловъ, тотчасъ же подалъ просьбу объ увольненіи его отъ этого званія, каковая просьба и была уважена немедленно губернаторомъ. Кошелевъ же изъ Комитета добровольно удалился, подчинившись выраженному членами онаго желанію.

Въ началѣ декабря получено было предложеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ начальнику губерніи, въ которомъ изложено: „По докладѣ Государю Императору представленія Вашего Превосходительства о неправильныхъ дѣйствіяхъ Рязанскаго Комитета по устройству крестьянскаго быта, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) замѣтить Рязанскому Комитету, что онъ не имѣлъ права заниматься обсужденіемъ предмета, до обязанностей его не относящагося, и тѣмъ менѣе дѣлать постановленіе о желаніи, чтобы не присутствовалъ кто бы то ни было изъ членовъ Комитета, а особенно членъ, непосредственно назначенный начальникомъ губерніи. Затѣмъ, объявить надворному совѣтнику Кошелеву, что Его Императорское Величество изволитъ желать, дабы онъ оставался по прежнему членомъ Рязанскаго Комитета. 2) Какъ по распоряженію Рязанскаго губернатора одинъ изъ назначенныхъ имъ членовъ, Масловъ, удаленіемъ отъ сей обязанности, а другой—Кошелевъ—не былъ въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ Комитета, то за симъ тѣ постановленія Рязанскаго Комитета, кои состоялись безъ участія членовъ отъ правительства, считать недѣйствительными, предоставивъ Комитету войти въ новыя по онымъ сужденія въ присутствіи Кошелева и того члена, который будетъ назначенъ губернаторомъ вмѣсто Маслова. 3) Настоящее Высочайшее повелѣніе предложить губернатору лично объявить Комитету“.

Въ засѣданіи Комитета 5 декабря это Высочайшее повелѣніе было лично объявлено губернаторомъ, въ присутствіи водвореннаго члена Кошелева и вновь назначеннаго члена отъ правительства Д. Ф. Самарина. По выслушаніи Высочайшаго повелѣнія президентъ высказалъ:

„Во всей этой исторіи я считаю лично себя виновнымъ, ибо какъ предсѣдатель я не долженъ былъ дозволять князю Волконскому читать статью Аксакова во время засѣданія, а тѣмъ болѣе разсуждать о ней, а потому и прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы вся отвѣтственность возложена была на меня одного“.

— Донесеніе мое Министру, отвѣчалъ губернаторъ, основано

на журналахъ, подписныхъ всѣми членами, а слѣдовательно вину въ безпорядкѣ я долженъ былъ отнести ко всему Комитету. Но если Вамъ угодно, я могу исполнить Ваше желаніе, донеся объ этомъ Министру“.

Тогда члены Комитета объяснили, что такъ какъ они всѣ принимали одинаковое участіе въ постановленіи Комитета, то и считаютъ, что Высочайшее замѣчаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на одного председателя, а должно относиться ко всему Комитету.—Этимъ закончилось второе недоразумѣніе.

Третій эпизодъ не имѣлъ особенныхъ послѣдствій, кромѣ все болѣе и болѣе усиливавшагося раздраженія членовъ противъ своего предсѣдателя. Въ засѣданіи 17 ноября Афонасьевъ подалъ мнѣніе по вопросу о томъ, какія земли должны быть отнесены къ усадебнымъ. Въ мнѣніи этомъ онъ высказалъ, что подъ усадьбами можно разумѣть, вопервыхъ, земли подъ поселеніями со всѣми постройками, а, вовторыхъ, къ усадьбамъ, подлежащимъ выкупу, полезно отнести всѣ земли, какъ усадебныя въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и полевыя. Предсѣдатель высказалъ, что первый пунктъ этого мнѣнія онъ допускаетъ до обсужденія, а второй—не допускаетъ, потому что онъ находитъ его несогласнымъ съ Высочайшимъ рескриптомъ. Афонасьевъ настаивалъ на баллотировкѣ этого мнѣнія цѣликомъ.

„Я нахожу, что въ мнѣніи этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго рескрипту, высказалъ князь Волконскій; я избранъ отъ Раненбургскаго уѣзда не для исполненія воли г. предсѣдателя и не для одного слѣпаго повиновенія его сужденіямъ, но для независимаго изложенія своихъ собственныхъ мнѣній, клонящихся къ улучшенію быта крестьянъ и къ упроченію благосостоянія помѣщиковъ.

— Вновь повторяю, сказалъ предсѣдатель, что я не предложу на обсужденіе Комитета ни одного мнѣнія, или предложенія, которыя будутъ противорѣчить Высочайшему рескрипту.

„Я никому не уступлю счастія быть покорнымъ волѣ Монарха болѣе, чѣмъ я самъ, а потому полагаю, что г. президентъ не вправѣ присвоивать себѣ одному обсужденіе мнѣній, вносимыхъ членами Комитета“,—заявилъ князь Волконскій взволнованнымъ голосомъ.

— Позвольте замѣтить Вамъ, князь Волконскій, что Вы слишкомъ горячо говорите, а потому я прошу Васъ говорить съ большимъ уваженіемъ къ мѣсту, гдѣ мы находимся.

„Г. президентъ самъ точно также говорилъ при объявленіи, что мнѣніе Афонасьева противорѣчитъ рескрипту“.

— Я еще разъ повторяю, что не могу представить это мнѣніе на обсужденіе Комитета, и эти слова мои неизмѣнны.

„Послѣ присвоеннаго г. президентомъ исключительнаго права рѣшать, какія мнѣнія могутъ, или не могутъ поступать на сужденіе Комитета, я считаю свое присутствіе въ немъ безполезнымъ, а потому оставляю засѣданіе“.

Однако князь Волконскій, по просьбѣ членовъ Комитета остался въ залѣ и занялся составленіемъ обо всемъ происходившемъ проекта журнала.

На смѣну князя Волконскаго явился Офросимовъ съ вопросомъ:

„Слѣдовательно, Ваше Превосходительство, всѣ подаваемыя членами мнѣнія и предложенія могутъ быть обсуждаемы одними Вами“?

Въ тоже время Лихаревъ, подойдя къ предсѣдателю, прочелъ правило о порядкѣ засѣданій, въ которомъ сказано, что президентъ, представляя къ обсужденію чье либо мнѣніе, не имѣетъ права произносить на счетъ онаго какое либо свое сужденіе.

Предсѣдатель отвѣчалъ:

„Я свои права знаю и покуда имѣю честь быть въ Комитетѣ, ничего несогласнаго съ рескриптомъ не допущу; когда же я оставлю Комитетъ...

Въ это время раздались слова Лихарева:

— И гораздо лучше, и дѣло пойдетъ лучше.

„.....И мое мѣсто заступитъ вице-президентъ, тогда онъ будетъ дѣйствовать и распоряжаться, какъ ему угодно. Прочитанное правило къ дѣлу не относится, такъ какъ я своего мнѣнія не высказываю, а отказываю предложить на обсужденіе Комитета мнѣніе, противорѣчащее рескрипту“.

Затѣмъ, приступлено къ очереднымъ занятіямъ. Въ это время князь Волконскій, составивъ проектъ журнала обо всемъ происходившемъ, просилъ у президента разрѣшенія прочесть его. Президентъ не дозволилъ, не желая останавливать хода очередныхъ дѣлъ. Тогда князь Волконскій оставилъ залу засѣданій.

Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ засѣданіи предсѣдатель сознался въ своей ошибкѣ и заявилъ Комитету, что такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ объяснили ему, что по смыслу правилъ онъ не могъ произнести своего сужденія, то, убѣдившись въ справедливости этого возраженія, соглашается нынѣ допустить мнѣніе Афонасьева до баллотированія, если того желаетъ Комитетъ. Такъ

какъ большинство изъявило желаніе, то мнѣніе Афанасьева было прочитано, пробаллотировано и—отклонено.

Наконецъ, послѣднее событіе въ Комитетѣ закончилось самымъ печальнымъ образомъ. На обсужденіе Комитета въ засѣданіи 20 декабря Протасьевымъ было внесено предложеніе, по поводу коего подано три мнѣнія: Голубцова, Афонасьева и Арсеньева. Въ мнѣніи Голубцова было высказано, что такъ какъ предложеніе Протасьева находится въ связи съ другими предложеніями, ранѣе внесенными въ Комитетъ, то оно должно быть обсуждено совмѣстно съ ними. Послѣ сего президентъ мнѣнія Афонасьева и Арсеньева, какъ относящіяся къ тому же вопросу, не допустилъ до баллотировки, а когда Арсеньевъ повторилъ свою просьбу, то президентъ съ горячностью высказалъ:

„Куда мнѣ съ Вашимъ мнѣніемъ дѣваться"!

— Это не мое дѣло, сказалъ Арсеньевъ, но если г. президенту угодно слышать отъ меня, какимъ образомъ онъ долженъ исполнять свою обязанность,—то мнѣніе должно быть баллотировано или приложено къ журналу.

Въ это время къ предсѣдателю подошелъ Протасьевъ и высказалъ:

— По моему мнѣнію нельзя отказать въ баллотированіи мнѣній другихъ членовъ, потому что предложеніе Голубцова принято не единогласно, а отвергнуто двумя голосами, при томъ же мнѣніе Афонасьева противуположно предложенію Голубцова.

— Если члены непремѣнно желаютъ, чтобы ихъ мнѣнія были баллотированы, отвѣчалъ президентъ, то я на это согласенъ.

Послѣ сего началась баллотировка мнѣнія Афонасьева, а по окончаніи ея онъ представилъ Комитету слѣдующую просьбу: „На вопросы, предложенные 20 декабря членомъ отъ Сапожковскаго уѣзда, я вмѣстѣ съ другими членами Комитета подалъ письменное мнѣніе, которое и просилъ, на основаніи уложенія Комитета и всегдашняго порядка, имъ наблюдаемаго, баллотировать. Въ этомъ законномъ желаніи моемъ я получилъ отъ президента Комитета отказъ, на какомъ основаніи, я не знаю. Хотя спустя нѣсколько времени г. предсѣдатель мнѣніе мое и предложилъ къ баллотированію, но только по совѣту самого г. Протасьева, слѣдовательно нанесъ мнѣ прямое оскорбленіе, какъ члену Комитета, имѣющему голосъ, равный съ голосомъ другихъ членовъ. Такъ какъ подобныя оскорбленія отъ

г. предсѣдателя были нанесены мнѣ неоднократно, то поэтому и покорнѣйше прошу Комитетъ сдѣлать постановленіе, могущее въ будущемъ оградить членовъ Комитета отъ подобныхъ оскорбленій и произвола г. предсѣдателя Комитета".

Вслѣдствіе этой просьбы князь Волконскій внесъ предложеніе: передать просьбу Афонасьева въ комиссію для составленія устава и просить оную къ первому засѣданію составить проектъ правилъ, которыя удовлетворяли бы справедливой просьбѣ г. Афонасьева. Когда это предложеніе было принято Комитетомъ, предсѣдатель высказалъ, что онъ не желалъ оскорбить Афонасьева, но себя считаетъ теперь оскорбленнымъ и полагаетъ свое присутствіе здѣсь излишнимъ, а службу свою ненужною; затѣмъ удалился изъ Комитета, передавъ свою обязанность вице-президенту. Впослѣдствіи, въ приложенномъ къ журналу засѣданія мнѣніи, предсѣдатель объяснилъ, что уже нѣсколько разъ большинство членовъ Комитета выражало сильное негодованіе, когда онъ недолжныя мнѣнія и предложенія хотѣлъ остановить и не предлагать ихъ къ обсужденію; большинство не признавало за предсѣдателемъ права не принимать какое бы то ни было предложеніе членовъ, не смотря ни на какія причины ихъ незаконности... Большинство, принявшее мнѣніе князя Волконскаго, признало вмѣстѣ съ симъ и просьбу Афонасьева справедливою за всѣмъ тѣмъ, что просьба эта не имѣетъ справедливыхъ основаній... Если большинство постановило, чтобы по просьбѣ Афонасьева составлены были правила собственно для него, предсѣдателя, то онъ можетъ ожидать, что и правила будутъ составлены въ томъ же направленіи, какъ и самое постановленіе... Все это онъ объясняетъ только для того, чтобы не было повода подумать, что онъ оставляетъ Комитетъ изъ прихоти, а не по убѣжденію, что его служба уже не можетъ приносить пользы.—

Оставивъ Комитетъ, Селивановъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ должности предводителя дворянства. Обязанности его по Комитету отправлялъ вице-президентъ А. Н. Реткинъ, до полнаго окончанія занятій и до закрытія самаго Комитета.

Но исторія эта выходомъ предсѣдателя не окончилась. Высочайше утвержденнымъ 17 января 1859 года журналомъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу опредѣлено: членовъ Рязанскаго дворянскаго Комитета—коллежскаго секретаря Афонасьева и штабсъ-капитана князя Волконскаго, какъ возбудившихъ въ Комитетѣ личности и дозволившихъ себѣ нарушить должное уваженіе къ предсѣдателю, чѣмъ остановили они ходъ занятій Комитета,

удалить немедленно изъ Комитета, замѣстивъ ихъ кандидатами.— Впрочемъ, едва ли причиною удаленія князя Волконскаго послужило только это событіе; по всей вѣроятности здѣсь было принято во вниманіе общее направленіе дѣятельности и характеръ его рѣчей. Въ одной изъ нихъ онъ, напримѣръ, выражался такъ: „... У меня есть мысль, есть цѣль, которая со дня открытія нашего Комитета дѣйствительно всегда во мнѣ присуща. Эту мысль я предъ Вами не скрою, она можетъ быть смѣшна, несовременна, но живуча во мнѣ. Цѣль моя: защищать наши права, защищать наше имущество, а главное, если уже нужно передать, то передать не безъ боя (въ смыслѣ гражданскомъ) наслѣдіе отцовъ въ руки тѣхъ, чьи предки торговали оружіемъ, когда наши были уже имъ славны". Въ подлинномъ журналѣ это мѣсто рѣчи и слова „не безъ боя" подчеркнуты, а на поляхъ написано карандашомъ: „ай!" Мысль же, о которой говоритъ князь Волконскій, состояла въ проектѣ взаимнаго обязательнаго застрахованія помѣщичьихъ населенныхъ имѣній отъ дробимости.

Послѣ удаленія Афонасьева и князя Волконскаго послѣдовало ходатайство какъ отъ Селиванова, такъ и отъ самаго Комитета, о прощеніи провинившихся; каковое ходатайство и было уважено. По журналу главнаго комитета 16 марта Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: коллежскому секретарю Афонасьеву и князю Волконскому дозволить вступить вновь въ Рязанскій Комитетъ единственно во вниманіе къ ходатайству за нихъ предсѣдателя Селиванова и членовъ Комитета. Это водвореніе совершилось 6 апрѣля, за нѣсколько дней до закрытія Комитета.

Всѣ описанныя выше событія отняли у Комитета очень много времени, предоставленнаго въ его распоряженіе для работъ по крестьянскому дѣлу; назначенный на окончаніе работъ 6-ти мѣсячный срокъ истекъ, а работы не были закончены, потребовалась отсрочка, которая и разрѣшена до 10-го апрѣля. Съ окончаніемъ работъ, Комитетъ 9 апрѣля 1859 г. закрытъ.

Работы всѣхъ комитетовъ должны были разсматриваться въ Редакціонной комиссіи, куда приглашались для дачи разъясненій выбранные отъ губернскихъ комитетовъ. Отъ Рязанскаго было выбрано два члена: отъ представителей большинства—Офросимовъ и отъ меньшинства князь Волконскій. Кромѣ того, былъ приглашенъ членъ отъ правительства Кошелевъ, такъ какъ отъ правительственныхъ членовъ представленъ былъ особый проектъ. Чле-

намъ предложено было прибыть въ Петербургъ между 1—15 августа. Къ 10 октября всѣ отвѣты Редакціонной комиссіи были ими даны, и потому занятія ихъ совершенно окончились.—Оба выбранные члены прибыли въ Рязань и разослали черезъ предводителей свои замѣчанія на проектъ Редакціонной комиссіи. Дворянство чествовало ихъ за понесенные труды торжественнымъ обѣдомъ и поднесеніемъ адреса.

Работы по Комитету обошлись дворянству не дешево; на содержаніе канцеляріи и канцелярскія принадлежности израсходовано около 7500 рублей. Кромѣ того, члены Комитета получали пособіе отъ своихъ уѣздовъ въ размѣрѣ отъ 150 рублей въ мѣсяцъ, а депутаты по поѣздкѣ въ Петербургъ—до 300 рублей въ мѣсяцъ. На все это израсходовано болѣе 11000 рублей, такъ что общее количество расходовъ простирается до 18000 рублей.

Изложивъ внѣшнюю сторону этого дѣла разсмотримъ работы дворянства по существу.

2.

Результаты работъ Рязанскаго Комитета сведены въ **„Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Рязанской губерніи“**. Въ Положеніи изложены два цѣльные проекта: большинства Комитета и правительственныхъ членовъ; представителемъ перваго былъ Офросимовъ, втораго—Кошелевъ. Кромѣ того, при проектѣ находятся два особыхъ мнѣнія: отъ членовъ Раненбургскаго уѣзда, князя Волконскаго и Сафонова, и отъ члена Егорьевскаго уѣзда Афонасьева. Эти мнѣнія касаются отдѣльныхъ вопросовъ проекта, во всемъ же остальномъ—члены меньшинства комитета примыкаютъ къ большинству. Наконецъ, замѣчанія на проектъ редакціонной комиссіи сдѣланы Офросимовымъ и княземъ Волконскимъ совмѣстно, такъ что здѣсь уже совершенно сгладилось разномысліе большинства и меньшинства. Поэтому, при изложеніи существа работъ дворянства удобнѣе въ основаніи ихъ положить проектъ большинства и здѣсь же параллельно приводить мнѣніе правительственныхъ членовъ по тѣмъ вопросамъ, гдѣ замѣчено основное разномысліе. Такимъ образомъ наглядно выяснится общій взглядъ на это дѣло составителей проекта и отношеніе ихъ къ предполагаемой реформѣ.

1) **О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанное.** Крѣпостное право прекращается на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ, а крестьяне получаютъ названіе ***срочно-обязанныхъ***. Они

пріобрѣтаютъ права личныя и по имуществу присвоенныя всѣмъ свободнымъ сельскимъ обывателямъ; могутъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика, пріобрѣтать имущество, входить въ договоры и обязательства, пріобрѣтаютъ право торговли; право защиты на судѣ и право общественнаго управленія. *Если крестьянами были въ прежнее время куплены земли на имя помѣщиковъ, то никакіе о томъ иски и споры не допускаются, и никакіе розысканія не дѣлаются.* Послѣднее введено на томъ основаніи, что допущеніе споровъ противъ крѣпостныхъ актовъ можетъ повлечь за собою бездоказательныя тяжбы, послѣдствіемъ чего неминуемо будетъ антогонизмъ двухъ сословій, устранить который и есть цѣль реформы. Проектъ правительственныхъ членовъ устанавливаетъ по этому вопросу право крестьянъ при составленіи Вотчиной Уставной грамоты заявить о землѣ, купленной ими на имя помѣщика, а если послѣдній будетъ оспаривать это право, то производится надлежащее разслѣдованіе и въ случаѣ, если правильность притязаній крестьянъ подтвердится, то земля укрѣпляется за ними.

2) **Сущность срочно - обязаннаго положенія.** Реформа, такъ неожиданно потребованная правительствомъ, застала и помѣщиковъ и крестьянъ вовсе къ ней неприготовленными. Необходимо дать время обоимъ сословіямъ оглядѣться въ ихъ новомъ положеніи: помѣщикамъ мало по малу приготовиться къ постановленію своихъ хозяйствъ на положеніе вольно-наемнаго труда, а крестьянамъ привыкнуть къ свободѣ послѣ двухвѣковой постоянной опеки и крѣпостной зависимости. Кромѣ обоюдныхъ выгодъ, имѣется въ виду и общее государственное спокойствіе. Россія есть государство по преимуществу земледѣльческое, а потому реформа въ земледѣльческомъ классѣ естественно должна имѣть вліяніе на весь государственный организмъ. Чѣмъ постепеннѣе она совершится, тѣмъ менѣе можно ожидать потрясеній въ государственной жизни. Созидаемыя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ такъ новы, что никто не можетъ теперь утвердительно сказать, какъ сложится жизнь обоихъ сословій. Прежде, чѣмъ окончательно ввести народъ въ гражданскую жизнь, необходимо, чтобы объяснился характеръ его. Доселѣ, при всеобщей опекѣ и при всеобщемъ произволѣ, въ народѣ не высказалось ни одной самостоятельной черты, которая указывала бы ясно, гдѣ предѣлъ настоящей реформы. Вдругъ предоставить крестьянамъ свободу трудно; при малопроизводительности земледѣлія и при безпрерывныхъ перемѣнахъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, ко-

торыя тоже не установились, признается опаснымъ. Таковая свобода легко можетъ не только не принести ожидаемой отъ нея выгоды, но, напротивъ, совершенно разоритъ все государство. Для того и реформа начата сверху, а не снизу, чтобы необходимый переходъ отъ всеобщей опеки къ свободѣ могъ совершиться безъ потрясенія и постепенно. Въ виду этого установлено, что *срочно-обязанное состояніе продолжается 12 лѣтъ*, въ теченіи коихъ крестьяне остаются крѣпкими землѣ, отведенной имъ въ пользованіе, за которое отправляютъ помѣщику повинности. Въ теченіи этого срока крестьяне цѣлыми обществами или селеніями не могутъ оставлять земли, на которыхъ они поселены, и переходить въ другія мѣстности; увольненіе же и пріемъ отдѣльныхъ лицъ допускается только съ согласія помѣщика.—Въ проектѣ правительственныхъ членовъ здѣсь встрѣчается существенное разномысліе По этому проекту крестьяне остаются въ срочно-обязанномъ состояніи до выкупа ими у помѣщика своихъ усадьбъ, полевыхъ и прочихъ имъ отведенныхъ угодій. Такимъ образомъ, здѣсь обязанное состояніе въ сущности не *срочное*, ибо оно не обусловлено никакимъ срокомъ, а *безсрочное*. Основанія эти слѣдующія. Въ началѣ правительство имѣло въ виду обязать крестьянъ выкупить ихъ усадьбы въ продолженіи переходнаго періода и затѣмъ въ окончательномъ состояніи даровать крестьянамъ права свободныхъ податныхъ сословій и разрѣшить имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую. При такихъ условіяхъ опредѣленіе срока для переходнаго состоянія было возможно и необходимо; но впослѣдствіи срочно обязанному состоянію было дано другое значеніе. Теперь крестьяне должны получить права свободныхъ податныхъ сословій при самомъ введеніи положенія; этимъ уничтожена самая существенная разница между переходнымъ состояніемъ и тѣмъ, что разумѣлось прежде подъ окончательнымъ состояніемъ; что же касается до права выхода въ другія мѣстности, то правительство поставило его въ зависимость отъ выкупа крестьянами усадебной ихъ осѣдлости, а такъ какъ теперь выкупъ оной крестьянами уже не обязателенъ для нихъ и такъ какъ дозволено срокъ выкупа продолжить и далѣе срока назначеннаго для переходнаго состоянія, то за симъ не представляется уже никакой возможности опредѣлить положительно, когда крестьяне могутъ воспользоваться правомъ выхода въ другія мѣстности. При такихъ условіяхъ назначеніе срока для срочно-обязаннаго положенія могло бы возбуждать въ крестьянахъ только ложныя надежды: они вправѣ были бы подумать, что съ истече-

ніемъ срока прекратятся всѣ повинности ихъ къ помѣщику, чего однако до выкупа ими усадьбъ и полевыхъ угодій быть не можетъ. По этимъ причинамъ не назначено никакого срока для обязаннаго положенія крестьянъ, а сказано только, что оно должно продолжиться до выкупа крестьянами усадебныхъ и полевыхъ земель.

3) **Поземельныя права помѣщиковъ.** Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ свои земли; они обязаны только предоставить крестьянамъ часть земли въ пользованіе за повинности. Право заводить въ имѣніи пристани, плотины, мѣстечки, торги и ярмарки, а равно производить винокуреніе и учреждать заведенія для продажи питій,—исключительно принадлежитъ помѣщику. *Населенныя имѣнія могутъ быть проданы въ полномъ составѣ не иначе, какъ лицамъ принадлежащимъ къ потомственному дворянству.*—По послѣднему пункту правительственные члены не сдѣлали никакихъ ограниченій, полагая, что при новомъ порядкѣ вещей нѣтъ достаточныхъ причинъ къ удержанію за однимъ дворянствомъ права пріобрѣтать населенныя имѣнія. При крѣпостномъ правѣ это ограниченіе имѣло смыслъ, но теперь оно было бы положительно вредно въ государственно-хозяйственномъ отношеніи и безполезно для самаго дворянскаго сословія, которому конечно выгоднѣе имѣть въ рукахъ земли болѣе цѣнныя и пользоваться непустою привилегіею, а дѣйствительно увеличеннымъ достояніемъ. Расширеніе круга покупателей необходимо подниметъ цѣны на населенныя земли, слѣдовательно, изъ того произойдетъ приращеніе, какъ государственнаго, такъ и собственно дворянскаго богатства.

4) **Усадебное устройство крестьянъ.** Подъ усадьбою разумѣются жилыя и хозяйственныя строенія, а также земля подъ ними, подъ гумнами, огородами и садами. Допускается перенесеніе крестьянскихъ дворовъ на новыя мѣста и переселеніе крестьянъ въ другія имѣнія, за извѣстное вознагражденіе ихъ на это переселеніе со стороны помѣщика. То и другое допущено какъ мѣра необходимая для устройства помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ. Доселѣ большая часть помѣщичьихъ имѣній поселены смежно съ господскою усадьбою, а при полноправіи помѣщиковъ таковое сосѣдство не только не было обременительно для нихъ, но даже полезно. Сосѣдство вольныхъ людей и въ особенности собственниковъ усадьбъ произведетъ безпрерывныя столкновенія между помѣщиками и крестьянами, тѣмъ болѣе, что образъ жизни, способы хозяйства и самыя понятія обоихъ классовъ не оди-

наковы. Дозволить перенесеніе усадьбъ только въ случаѣ обоюднаго согласія было бы невозможно, ибо обоюдное согласіе возможно только тогда, когда есть общая польза и выгода. Помѣщичья усадьба не стѣснитъ крестьянъ, привыкшихъ жить въ общинномъ владѣніи, напротивъ же, помѣщикъ не будетъ въ возможности ничего уберечь при всеобщемъ неуваженіи крестьянъ къ праву собственности. Другая причина, дѣлающая перенесеніе усадьбъ необходимою, есть пріуроченіе усадьбъ къ полевой землѣ. Доселѣ поля крестьянъ были смѣшаны съ помѣщичьими и стада помѣщичьи и крестьянскія паслись безъ различія на всѣхъ свободныхъ отъ посѣвовъ земляхъ; при разъединеніи двухъ сословій это дѣлается невозможнымъ, а потому и необходимо, чтобы поля крестьянъ были пріурочены къ усадьбамъ, что не вездѣ будетъ возможно, ибо усадьбы, находясь въ серединѣ помѣщичьей дачи, повлекутъ за собою и всю крестьянскую землю, смежно съ ними лежащую; такимъ образомъ дача помѣщиковъ потеряетъ всякую цѣнность и сдѣлается совершенно неудобною къ обработкѣ. Наконецъ, самая справедливость требуетъ, чтобы, обязывая помѣщиковъ уступить часть земель своихъ крестьянамъ за принудительныя, не на свободномъ договорѣ основанныя, повинности, предоставлено имъ было по крайней мѣрѣ право самимъ назначить ту часть этихъ земель, которая наименѣе ихъ стѣснитъ. *Для выкупа каждая усадьба оцѣнивается въ 70 руб. за каждую ревизскую мужескаго пола душу. Усадьбы особенно цѣнныя или находящіяся въ промышленныхъ мѣстностяхъ подъ общее правило оцѣнки усадьбъ не подходятъ.*—Здѣсь нельзя не замѣтить пріуроченія къ выкупу усадьбъ и выкупа крѣпостнаго труда; но такъ какъ это было воспрещено основаніями рескриптовъ, то это постановленіе мотивируется слѣдующимъ образомъ. Строеніе каждаго крестьянскаго двора оцѣнивается въ 150 руб. не по цѣнности матеріала, которая несравненно выше этой суммы, а *по соображенію тѣхъ убытковъ, которые помѣщики должны будутъ понести отъ устройства строеній и инвентаря для вольнонаемныхъ работниковъ.* Доселѣ имѣнія покупались съ готовымъ помѣщеніемъ рабочихъ и со всѣми земледѣльческими орудіями крестьянъ; эта часть капитала утрачивается для помѣщика, а, напротивъ, ему потребуется по самому умѣренному расчету 150 руб. на обзаведеніе вольнонаемнаго работника, который можетъ замѣнить два тягла, или 5 ревизскихъ душъ, составляющихъ среднимъ числомъ крестьянскій дворъ въ Рязанской губерніи. Земли по принятому расчету приходится на каждый

дворъ 1200 саженъ. Средній доходъ съ огородной усадебной земли 24 рубля за десятину; капитализируя эту цифру изъ 6%, капитальная сумма будетъ 400 руб. за десятину, или за ½ десятины, отводимой подъ дворъ 200 руб. Такимъ образомъ, цѣнность крестьянскаго двора съ землею составитъ 350 руб. или по 70 руб. на каждую изъ 5-ти ревизскихъ душъ, приходящихся на дворъ. Усадьбы могутъ быть выкуплены *въ теченіи 12-ти лѣтняго срока* не иначе какъ въ составѣ цѣлаго селенія единовременно и на наличныя деньги; отдѣльные члены не имѣютъ права пріобрѣтать усадьбъ въ личную собственность безъ согласія помѣщика. *По истеченіи же срочно-обязаннаго періода крестьяне теряютъ право на выкупъ усадьбъ.* Такъ какъ послѣ срочно-обязаннаго періода должны прекратиться всѣ имущественныя отношенія земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ, возможныя лишь какъ временная мѣра, то естественно должна возвратиться къ помѣщикамъ и неотемлемая принадлежность права собственности—свобода располагать своимъ имуществомъ. Всѣ убытки для общественной пользы не могутъ вѣчно тяготѣть на одномъ сословіи; это было бы несправедливо, ибо въ государствѣ всѣ сословія должны пользоваться одинаковымъ покровительствомъ и настоящая реформа начата вслѣдствіе того сознанія, что нельзя, для общей пользы, лишать цѣлое сословіе свободы.—По проекту правительственныхъ членовъ усадьба выкупается посредствомъ взноса капитала, проценты съ котораго (6%) составляютъ ¼ часть всей суммы повинностей, платимыхъ крестьянами помѣщику—для мѣстностей, находящихся по правую сторону Оки, и ½ суммы повинностей для мѣстностей по лѣвую сторону Оки. Въ объясненіяхъ составители проекта говорятъ, что признано почти всѣми, что отдѣльный выкупъ усадьбъ неудобенъ для помѣщиковъ и безполезенъ для крестьянъ, и что выкупъ сей долженъ быть совершенъ единовременно съ выкупомъ полевой земли, или хотя и разновременно, но въ видѣ выкупа по частямъ одного цѣлаго, а потому за симъ не представляется уже надобности къ математической точности при оцѣнкѣ усадьбъ. Къ тому же это и невозможно; усадьбы доселѣ не продавались и не покупались отдѣльно, всякая оцѣнка ихъ по необходимости произвольна. Должно признать, что цѣнность усадьбъ создана правительственными распоряженіями: доселѣ крестьяне пользовались усадьбами не подозрѣвая, что когда нибудь имъ придется за нихъ платить деньги, а помѣщики ихъ не цѣнили ни при покупкѣ имѣній, ни при управленіи оными. Усадьбы въ общемъ пониманіи были нераз-

лучны съ правомъ помѣщика на личность крестьянина, или еще вѣрнѣе—на его повинности. Эти повинности лежали нераздѣльно на усадьбѣ и на полевой землѣ. Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ онѣ взимались болѣе за полевыя угодья, которыми пользовались крестьяне; въ промышленныхъ,—онѣ преимущественно лежали на усадьбѣ, или на личности крестьянъ. По симъ причинамъ предположено въ первыхъ мѣстностяхъ отнести на усадьбы $^1/_4$ часть, а въ послѣднихъ—$^1/_2$ лежащихъ на крестьянахъ повинностей, и опредѣлить стоимость усадьбъ посредствомъ капитализаціи отдѣльныхъ на оныя долей повинностей. Такъ какъ по этому проекту усадьбы представляются въ безсрочное пользованіе крестьянъ, то и право выкупа ихъ не ограничено никакимъ срокомъ.

5) **Надѣлъ, въ пользованіе крестьянъ, землею пахатною и другими угодьями.** Кромѣ усадьбы, крестьяне получаютъ въ надѣлъ пахатную землю и другія угодья, по числу душъ мужескаго пола, состоящихъ въ каждомъ имѣніи по 10 ревизіи. *Размѣръ надѣла опредѣляется сообразно особаго росписанія мѣстностей,* въ количествѣ отъ $^1/_2$—3 десятинъ на душу. Имѣнія, находящіяся въ исключительномъ положеніи, какъ то: лежащія по близости городовъ, торговыхъ селъ, большихъ проѣзжихъ дорогъ, а равно представляющія какія либо особыя выгоды для крестьянъ, подъ общее правило надѣла не подходятъ. Оставленіе настоящаго надѣла признано не только неудобнымъ, но и невозможнымъ. Настоящій надѣлъ не имѣетъ никакихъ основаній, а учрежденъ по произволу помѣщиковъ, смотря по большей или меньшей степени заботливости ихъ о крестьянахъ, смотря по желанію болѣе или менѣе получить съ имѣнія дохода и проч. Въ одной и той же мѣстности есть имѣнія съ огромнымъ поземельнымъ надѣломъ и рядомъ съ надѣломъ значительно уменьшеннымъ; въ одномъ и томъ же имѣніи надѣлъ измѣнялся по усмотрѣнію помѣщиковъ и почти вездѣ онъ значительно превосходитъ то количество земли, которое необходимо для обезпеченія крестьянскихъ нуждъ; кромѣ страшнаго разнообразія и при томъ разнообразія ни на чемъ неоснованнаго, оставленіе настоящаго надѣла повлекло бы за собою и оставленіе настоящихъ повинностей. Но гдѣ же будетъ при семъ свобода крестьянина, если онъ принужденъ будетъ все свое свободное время отдавать помѣщику за насильственно навязанную ему землю? Это будетъ тоже крѣпостное право, только съ особою регламентаціею и съ круговою порукою, то есть самое тяжелое для крестьянъ. При опредѣленіи нормальнаго надѣла главною мыслію

было предоставленіе крестьянамъ въ пользованіе того только количества земли, какое необходимо, чтобы средній годовой урожай обезпечивалъ прокормленіе семейства крестьянина и его рабочаго скота и соразмѣрное съ симъ надѣломъ уменьшеніе повинностей противъ нынѣ существующихъ, дабы предоставить крестьянамъ свободу труда. При таковомъ надѣлѣ крестьяне вполнѣ сохраняютъ свой земледѣльческій характеръ, получаютъ свободу труда и поставлены будутъ въ независимое положеніе отъ стачки землевладѣльцевъ, если бы крестьяне пожелали нанимать ихъ земли. Угодья, отведенныя крестьянамъ въ пользованіе, могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ возвращены помѣщику, безъ согласія общества, съ замѣною другою землею, равнаго по производительности качества. *По истеченіи переходнаго времени, правила о надѣлѣ крестьянъ землею и о порядкѣ пользованія ею прекращаются, а новыя условія могутъ возникнуть лишь изъ свободнаго соглашенія помѣщика съ крестьянами.* Невозможно на неопредѣленное время поставить два сословія въ искусственныя отношенія. Подобныя мѣры могутъ быть только временныя, что сознаетъ и правительство, учреждая періодъ срочно-обязанный. Въ окончательномъ же періодѣ, если правительство не признаетъ нужнымъ и возможнымъ сдѣлать крестьянъ собственниками земель, то необходимо будетъ по крайней мѣрѣ возвратить обоимъ сословіямъ полную свободу приходить къ добровольнымъ соглашеніямъ, безъ вмѣшательства какихъ бы то ни было регламентацій и такимъ образомъ подчинить земледѣліе тѣмъ же правиламъ, на которыхъ существуютъ прочія отрасли промышленности.—По проекту правительственныхъ членовъ крестьянскимъ обществомъ сохраняются нынѣшніе ихъ постоянные надѣлы, но съ ограниченіемъ. Рязанская губернія дѣлится на 5 полосъ, и въ каждой установлены высшіе и низшіе надѣлы; высшій отъ 1—3 десятинъ и низшій надѣлъ отъ 1/2—2 десятинъ. Если у крестьянъ земли болѣе высшаго, то помѣщикъ имѣетъ право излишекъ отрѣзать; если у крестьянъ менѣе низшаго, то они могутъ просить о прирѣзкѣ, если у помѣщика остается болѣе половины его земель. Сохраненіе нынѣшнихъ надѣловъ признано мѣрою необходимою и только при соблюденіи этого условія есть надежда на мирное окончаніе реформы. Крестьяне охотнѣе согласятся нести повинности нелегкія, лишь бы вся или большая часть мірской земли была оставлена за ними, чѣмъ уступить часть этой земли и нести уменьшенныя повинности. Теперь дѣло устраивается навсегда: если крестьянскія общества нынѣ будутъ обдѣлены зем-

лею, то уже впослѣдствіи помочь этой бѣдѣ будетъ невозможно. Нѣкоторыя урѣзки крестьянской земли неизбѣжны, но важно, чтобы большинство крестьянъ не почувстовало этой трудной и крайне для нихъ болѣзненной операціи. Оставленіемъ нынѣшнихъ надѣловъ будетъ достигнуто то, что большинство крестьянъ останется при томъ количествѣ земли, къ которому они привыкли и которое имъ необходимо . нужно, что возвратятся излишнія земли только къ тѣмъ помѣщикамъ, которые щедро надѣляли своихъ крестьянъ землею и что принуждены будутъ отрѣзать отъ своей земли только тѣ владѣльцы, которые держали своихъ крестьянъ на мѣсячинѣ. Такъ какъ по этому проекту пользованіе крестьянами землею безсрочное, то о возвращеніи земли не можетъ быть и рѣчи. Выкупъ же полевыхъ угодій допускается или одновременно съ усадьбами, или послѣ выкупа усадьбъ. Крестьяне. выкупивши земли, освобождаются отъ всѣхъ повинностей къ помѣщику и становятся вольными хлѣбопашцами.

6., **Казенныя повинности.** Повинности казенныя, денежныя: подушная подать, ***земскія повинности государственныя и губернскія***, частныя повинности и рекрутскіе сборы,—отправляются крестьянами. Поземельный сборъ на губернскія повинности разлагается на всѣхъ землевладѣльцевъ по числу принадлежащей имъ земли. Дворянскія повинности падаютъ на помѣщиковъ; онѣ не должны вноситься въ земскія смѣты и расходованіе ихъ предоставляется въ полное распоряженіе дворянства. При новомъ порядкѣ вещей необходимо предоставить болѣе самостоятельности сословіямъ, дабы съ одной стороны возбудить ихъ къ общественной дѣятельности, которой они въ настоящее время лишены, а съ другой—возложить на отвѣтственность самихъ сословій расходованіе опредѣляемыхъ оными на свои нужды суммъ. Чѣмъ болѣе управленіе интересами каждой мѣстности будетъ лежать на отвѣтственности мѣстныхъ жителей, тѣмъ менѣе будетъ злоупотребленій. Очень естественно, что чиновники, не имѣющіе никакихъ общихъ интересовъ съ сословіями, для управленія которыми опредѣляются, отвѣтственные лишь предъ такими же чиновниками, какъ они сами, составляютъ смѣты и расходуютъ назначенныя по онымъ суммы, имѣя въ виду не общую пользу, а свою собственную. Оттого зданія трескаются, шоссе проваливаются, мосты на дорогахъ такъ опасны, что проѣзжающіе предпочитаютъ ѣздить подлѣ нихъ въ самую топь, черезъ которую они проведены,—а земство каждогодно по смѣтамъ отпускаетъ страшныя суммы на губернскія и частныя потреб-

ности. Законы противъ злоупотребленій, какъ бы ни были строги, не прекратятъ ихъ. Мѣстный контроль вѣрнѣе всякаго: при немъ извѣстно будетъ, куда употреблена каждая копѣйка и нарушитель общественнаго довѣрія не укроется подобно тому, какъ нынѣ укрываются отъ всякаго преслѣдованія, за недостаткомъ доказательствъ, извѣстные цѣлой Россіи похитители казенной собственности. Поэтому признано необходимымъ на первое время, хотя, по крайней мѣрѣ, частные сборы съ дворянскихъ имѣній изъять изъ рукъ постороннихъ распорядителей и предоставить распоряженіе оными самому дворянству. Казенныя, натуральныя повинности: рекрутская, *дорожная*, квартирная, подводная, снабженіе проводниками арестантскихъ партій и кавалерійскихъ ремонтовъ, отводъ земли подъ лагерь, для маневровъ, для пастбищъ лошадей, войскамъ принадлежащихъ, и подъ огороды гарнизоннымъ батальонамъ,—лежатъ на крестьянахъ. *Рекрутскія* и *ратническія зачетныя квитанціи, выданныя за крестьянъ, отданныхъ до утвержденія Положенія, остаются у помѣщиковъ. Мосты и проселочныя дороги во всѣхъ имѣніяхъ помѣщичьихъ исправляются крестьянами, помѣщики же выдаютъ матеріалъ.*—По проекту правительственныхъ членовъ, земскія повинности, государственныя и губернскія раскладываются на земли какъ мірскія, такъ и владѣльческія и крестьяне участвуютъ въ этомъ поземельномъ сборѣ только по количеству земли, отведенной имъ въ пользованіе. Мостовая повинность должна быть переложена на деньги и отнесена къ поземельнымъ повинностямъ. Проселочныя дороги и мосты на земляхъ владѣльческихъ содержатся самими помѣщиками, а на земляхъ мірскихъ—крестьянами. Зачетныя квитанціи, выданныя за крестьянъ до Положенія, принадлежатъ тѣмъ участкамъ, изъ которыхъ сданы были крестьяне.

7., **Повинности къ помѣщику**. За пользованіе какъ усадьбами, такъ и полевыми угодьями, повинности крестьянъ могутъ быть или денежныя, или натуральныя, или смѣшанныя. *За пользованіе выгономъ крестьяне принимаютъ на себя обязанность карауловъ при всѣхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ помѣщика подъ круговою отвѣтственностію общества за цѣлость сохраняемаго.* Пока крестьяне не привыкнутъ уважать чужую собственность и въ особенности при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, необходимо оградить помѣщика, какъ самаго ближайшаго ихъ сосѣда, отъ расхищеній въ его хозяйствѣ и потому возложить обязанность карауловъ на общество. Такъ какъ повинность за пользованіе выгономъ, по не-

опредѣлительности размѣровъ онаго не можетъ быть подведена подъ общую цифру, то за пользованіе выгономъ и положена повинность караула, какъ самая легкая въ деревняхъ, если только общество будетъ наблюдать, чтобы въ селеніи не было своихъ домашнихъ воровъ. *Денежная повинность устанавливается одинаково для всей губерніи: за пользованіе усадьбою 1 руб. 40 коп. съ души, а полевыми угодьями—7 р. 50 коп. съ души.* Общее количество денежной повинности опредѣляется по числу душъ и возлагается на все сельское общество. ***Натуральная повинность также одинакова для всей губерніи: за пользованіе усадьбою 5 мужскихъ и 5 женскихъ, и за пользованіе полевыми угодьями—25 мужскихъ и 25 женскихъ рабочихъ дней съ ревизской мужескаго пола души. Размѣръ повинностей долженъ оставаться неизмѣннымъ на все время срочно-обязаннаго положенія, т. е. на 12 лѣтъ.*** Для взысканія недоимокъ установленъ цѣльный рядъ мѣръ и, между прочимъ, сдача въ рекруты, а при негодности—ссылка на поселеніе. Если окажется несостоятельность цѣлаго общества, происходящая отъ нерадѣнія, или злоупотребленія членовъ его, то подобный неплатежъ признается за бунтъ цѣлаго общества, извѣстное число крестьянъ отдается въ рекруты и зачетныя квитанціи поступаютъ въ продажу для возмѣщенія недоимокъ; или же часть общества переселяется на счетъ казны на казенныя земли, а земля возвращается помѣщику, а равно и усадьбы, хотя бы онѣ и были выкуплены. Такія строгія правила постановлены потому, что правительство, потребовавъ, чтобы помѣщики обезпечили бытъ крестьянъ своихъ, давъ имъ впередъ всю плату за трудъ, несомнѣнно приметъ всѣ мѣры къ побужденію крестьянъ къ выполненію опредѣленныхъ за землю повинностей; иначе это было бы обезпеченіемъ одного сословія на счетъ другаго, что невозможно въ государствѣ, гдѣ собственность каждаго должна быть ограждена закономъ и каждому должна быть дана полная возможность пользоваться плодами своего труда и капитала.—По проекту правительственныхъ членовъ—повинности опредѣляются съ высшаго душеваго надѣла, для каждой полосы отдѣльно, въ размѣрѣ отъ 8—10 руб. или отъ 32—40 рабочихъ дней. Караулы при господскихъ заведеніяхъ отмѣняются. Не смотря на то, что пользованіе крестьянъ землею безсрочно, размѣръ повинностей остается неизмѣннымъ на все время срочно-обязаннаго состоянія. Мѣры ко взысканію недоимокъ почти тождественны съ вышеизложенными, причемъ составители проекта объясняютъ, что отдача въ рекруты за недоимки есть конечно способъ

взысканія несправедливый, даже жестокій, но—что же дѣлать, когда человѣкъ отбивается по лѣности, пьянству и проч. отъ уплаты повинностей? Необходимо, при круговомъ ручательствѣ предоставить обществу почти неограниченную власть надъ его членами, ибо иначе это ручательство легко можетъ сдѣлаться для многихъ побужденіемъ къ невзносу слѣдующихъ съ нихъ денегъ и источникомъ крайняго отягощенія для остальныхъ членовъ. Способъ взиманія еще болѣе строгій необходимъ въ случаѣ неуплаты повинностей цѣлымъ обществомъ. Тогда возможны только двѣ мѣры: или переселеніе цѣлаго общества въ отдаленныя губерніи и возвращеніе земли помѣщику, или отдача нѣсколькихъ людей въ рекруты съ представленіемъ квитанцій въ казну. Нельзя оправдать ни той, ни другой мѣры, но необходимость заставляетъ предложить обѣ. Первая крайне затруднительна при исполненіи и сверхъ того можетъ быть поводомъ къ большимъ злоупотребленіямъ, помѣщикъ можетъ допускать накопленіе недоимки, съ цѣлью возвратить землю въ полное свое распоряженіе. Вторая мѣра болѣе жестока, но удобоисполнительнѣе и не представляетъ никому выгодъ къ потворству въ накопленіи недоимокъ.

8) **Устройство дворовыхъ людей**. Дворовыми людьми признаются всѣ зачисленные таковыми въ 10 народную перепись. *Обязательная служба ихъ подлежитъ выкупу со стороны правительства по 100 руб. за каждую ревизскую мужескаго пола душу и по 50 руб. за каждую женскую. До выкупа дворовые состоятъ въ срочно-обязанномъ положеніи.* Доселѣ дворовые люди составляли, болѣе чѣмъ крестьяне, имущество помѣщика. Помѣщики менѣе другихъ сословій виноваты въ томъ, что крѣпостные для общей пользы были лишены свободы, ибо, пользуясь наравнѣ съ другими сословіями выгодами отъ крѣпостнаго права, они одни несли на себѣ обязанность заботиться о благосостояніи крѣпостныхъ. Теперь, когда правительство признало нужнымъ возвратить крѣпостнымъ свободу, оно обязано отъ всего государства дать помѣщикамъ вознагражденіе за отходящее отъ нихъ имущество, иначе это было бы требовать отъ помѣщиковъ пожертвованія; но пожертвованія могутъ быть только добровольныя. Давать слишкомъ широкое толкованіе праву отчуждать часть имущества для общественной пользы, не будетъ ли поводомъ къ безпрестанному посягательству на уничтоженіе частной собственности? Дворовые, въ силу нашихъ законовъ, закладывались помѣщиками въ кредитныя учрежденія; если безвозмездно отнять ихъ у помѣщиковъ, то

кто же будетъ уплачивать долги по залогу дворовыхъ? Оставить эту обязанность на помѣщикахъ будетъ не только несправедливо, но и невозможно, потому что большая часть помѣщиковъ не въ состояніи приносить такія значительныя пожертвованія государству. Поэтому единственно возможнымъ и справедливымъ средствомъ къ освобожденію дворовыхъ признано вознагражденіе за нихъ помѣщиковъ отъ всего государства. Срочно-обязанные дворовые получаютъ всѣ права личныя и по имуществу предоставленныя крестьянамъ. Всѣ казенныя денежныя повинности за дворовыхъ платятся помѣщикомъ. Дворовые до выкупа отправляютъ помѣщику какъ домашнія, такъ и хозяйственныя службы по его назначенію, получая за это отъ него содержаніе. Дворовые могутъ быть увольняемы на оброкъ не свыше 25 руб. для мужчины и 8 р. для женщины—въ годъ. Лица женскаго пола при выходѣ въ замужество безъ согласія помѣщика за лицъ другаго вѣдомства взносятъ не свыше 30 руб.—По проекту правительственныхъ членовъ, со дня приведенія въ дѣйствіе Положенія дворовые освобождаются отъ крѣпостной зависимости, но обязаны еще годъ остаться у прежнихъ своихъ владѣльцевъ, получая тоже содержаніе и жалованье, коими они до сихъ поръ пользовались. Обязанное положеніе крестьянъ не обѣщаетъ помѣщикамъ ни желаемаго спокойствія, ни удовлетворительнаго производства земледѣльческихъ работъ. Но тутъ по крайней мѣрѣ еще возможна до нѣкоторой степени регламентація: для пахоты, жнитвы, косьбы и проч. еще есть средство составить урочное положеніе. Но есть ли какая либо возможность подчинить урочному положенію службы камердинера, кучера, ключника и проч.? Къ тому же, между крестьянами существуетъ обычай круговаго ручательства, чего между дворовыми нѣтъ и быть не можетъ. Слѣдовательно, въ отношеніи къ нимъ непримѣнимы тѣ два главныя средства, которыя хоть сколько нибудь обезпечиваютъ помѣщика противъ лѣни, нерадѣнія и злаго умысла крестьянъ. Служба дворовыхъ въ господскомъ домѣ и при хозяйствѣ такъ неопредѣленна и мелочна, что она можетъ быть основана только на всесильномъ крѣпостномъ правѣ или на добровольномъ соглашеніи; устроить службу дворовыхъ на другомъ основаніи нѣтъ никакой возможности. Поэтому предложено полное освобожденіе дворовыхъ и удержаніе ихъ въ обязанномъ положеніи только на одинъ годъ, дабы дать и помѣщикамъ, и дворовымъ время осмотрѣться, заключить между собою условіе—первымъ пріискать людей, а послѣднимъ приготовить себѣ

мѣста. Помѣщики, лишаясь обязательной службы дворовыхъ, получаютъ отъ правительства пособія въ опредѣленномъ размѣрѣ, находящемся въ зависимости отъ числа душъ въ имѣніи, отъ 30—60 руб. за душу; помѣщики, имѣющіе свыше 300 душъ, не получаютъ никакого пособія. Пособіе за женскія души не платятся. Помѣщики богатые, лишаясь обязательной службы своихъ дворовыхъ, почти не терпятъ убытка, имъ дворовые обходились дорого и услуги ихъ были незначительны. Дѣло совершенно иное для дворянъ бѣдныхъ и малодостаточныхъ: для нихъ дворовые были источникомъ еще большихъ доходовъ, чѣмъ даже крестьяне. У нихъ дворовые справляли службу по дому, по хозяйству и, сверхъ того, во время нужныхъ полевыхъ работъ они на господскихъ лошадяхъ работали за двоихъ, за троихъ крестьянъ. Люди нѣсколько достаточные хотя и не употребляли своихъ дворовыхъ людей на земледѣльческія работы, но всѣ нужныя домашнія подѣлки справлялись ими и замѣна дворовыхъ людей вольнонаемными будетъ для нихъ чувствительнымъ расходомъ. Поэтому и предположено при освобожденіи дворовыхъ оказать пособіе помѣщикамъ, имѣющимъ менѣе 300 душъ, и это пособіе увеличивать по мѣрѣ уменьшенія количества душъ крестьянъ и дворовыхъ, состоящихъ за владѣльцемъ.

9. **Образованіе сельскихъ обществъ.** Произволъ и безотвѣтсвенность власти помѣщика составляютъ темную сторону крѣпостнаго права, въ силу которой оно и уничтожается; слѣдовательно, главною цѣлію реформы должно быть уничтоженіе произвола и учрежденіе отвѣтственныхъ властей. Если ограничиться упраздненіемъ помѣщичьей власти и оставить существующій порядокъ управленія въ рукахъ безотвѣтственныхъ чиновниковъ,—мы не совершимъ освобожденія крестьянъ, а только передадимъ крестьянъ изъ одной крѣпостной зависимости въ другую и, кромѣ того, подвергнемъ самихъ помѣщиковъ игу чиновниковъ. Дѣло не въ уничтоженіи названія, а въ уничтоженіи факта. До сихъ поръ каждый чиновникъ въ отношеніи къ мѣстнымъ жителямъ, къ просителямъ и вообще къ лицамъ, не только непосредственно отъ него зависящимъ, но просто имѣющимъ до него дѣло, есть баринъ—помѣщикъ. Имѣя интересы противоположные съ народомъ, не зная нуждъ мѣстныхъ, которыя до него совершенно чужды, онъ самъ состоитъ въ крѣпостной зависимости у своего начальства, которое безотвѣтственно держитъ надъ его головою постоянно и наказаніе

безъ суда, и награду безъ отчета въ его заслугахъ. За всякую неровность на большой дорогѣ, отъ которой получитъ непріятный толчокъ начальственная особа, исправникъ и становой могутъ потерять право временнаго владѣнія населеннымъ имѣніемъ, называемымъ станъ, или уѣздъ, какъ и за какое нибудь злоупотребленіе въ отношеніи къ управляемымъ. Естественно, что они смотрятъ на службу, какъ на временное владѣніе населеннымъ имѣніемъ и стараются извлечь изъ нея всѣ выгоды, нисколько не стѣсняясь частными интересами управляемыхъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше мѣстное управленіе видно, какъ тяжело ложится власть на все народонаселеніе, и что если признано нужнымъ отнять произволъ у помѣщиковъ, то необходимо отнять его и у чиновниковъ, и при томъ, не послѣ, а сейчасъ, дабы они не успѣли окончательно поработить все населеніе. Главное начало, на которомъ можетъ быть устроено наше управленіе, есть самостоятельность обществъ, выражающаяся въ правѣ выборовъ безъ контроля мѣстныхъ властей, въ назначеніе средствъ на расходы, сообразно мѣстныхъ нуждъ и пользъ и въ контролѣ по употребленію средствъ. Управленіе мѣстными интересами должно быть передано мѣстнымъ жителямъ. Общество извѣстной мѣстности, управляясь само собою, несетъ и отвѣтственность злоупотребленія и недостатки исправляются по мѣрѣ возможности, и нѣтъ повода къ неудовольствіямъ. Народъ, не участвуя въ управленіи, лишенный всякихъ средствъ отвращать зло, которое его окружаетъ, приходитъ къ равнодушію, этой первой ступени общественной деморализаціи. Равнодушіе у насъ достигло теперь уже большихъ размѣровъ, ибо мы даже не пользуемся предоставленными намъ закономъ правами. Чтобы искоренить зло, чтобы всѣхъ и каждаго призвать къ общественной дѣятельности, чтобы всѣхъ сдѣлать причастными общественной жизни и устроить управленіе для блага управляющихъ, а не для выгодъ управляющихъ, необходимо вызвать мѣстныя народныя силы и отдать на ихъ попеченіе всѣ мѣстные интересы. Второе начало, вытекающее изъ перваго, есть установленіе инстанцій мѣстнаго управленія и пріисканія для сего единицъ не вымышленныхъ, а живыхъ, т. е. представляющихъ одинаковые, болѣе или менѣе обширные, мѣстные интересы. Кругъ дѣйствій общей государственной централизаціи долженъ быть ограниченъ только дѣлами общаго государственнаго интереса и пользы; вмѣшательство же центральной власти во внутреннюю жизнь страны не только не

приноситъ пользы, а вредъ, ибо главнымъ ея органамъ недоступны всѣ обыденные интересы каждой мѣстности, неизвѣстны всѣ мѣстныя условія и потому всѣ предписанія объ управленіи этими интересами составляются въ общихъ фразахъ, ничего нерѣшающихъ и предоставляющихъ мѣстнымъ исполнителямъ обширное поле для произвольнаго и безотвѣтственнаго толкованія. Отсюда источникъ всѣхъ злоупотребленій, отсюда всеобщее равнодушіе управляемыхъ, отсюда всеобщій ропотъ неудовольствія. Третье начало есть довѣріе къ административнымъ органамъ, а потому учрежденіе мѣстнаго управленія чрезъ посредство избранныхъ сословіями лицъ и отвѣтственность ихъ передъ избирателями. Четвертое начало есть точное разграниченіе властей административной, полицейской и судебной. Въ настоящее время переворота и при совершенномъ сліяніи всѣхъ властей, отдѣленіе оныхъ не представляется возможнымъ, но нельзя не имѣть этого въ виду при окончательномъ устройствѣ управленія. Реформа, веденная сверху, не требуетъ внезапной перемѣны и потрясенія всего существующаго порядка. Она должна дать просторъ народной жизни и потомъ слѣдить за всѣми проявленіями этой жизни и постоянно удовлетворять высказывающимся потребностямъ. Но судебная власть, какъ главный законный контроль за дѣйствіями всѣхъ и каждаго, должна быть самостоятельна съ самаго начала. Безпристрастіе суда внушаетъ уваженіе къ закону, а законъ есть выраженіе общественной совѣсти, слѣдовательно, вѣрнѣйшее мѣрило общественнаго развитія и общественныхъ потребностей. Законы, вытекающіе изъ обычаевъ страны, порядокъ судопроизводства, которому сочувствуетъ народъ, вѣрнѣе всего могутъ обезпечивать право каждаго члена государства. Наше бумажное многосложное производство далеко не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ и сложившаяся поговорка—не бойся суда, а бойся судьи, показываетъ, до какой степени народъ не вѣритъ въ правосудіе. На этихъ общихъ соображеніяхъ и построено образованіе сельскихъ обществъ. Ячейка мѣстнаго управленія есть *сельское общество*. Оно имѣетъ власть распорядительную—мірской сходъ, власть исполнительную—мірской староста и власть судебную—судъ старшихъ (стариковъ). Мірской сходъ состоитъ изъ всѣхъ домохозяевъ и вѣдаетъ дѣла хозяйственнаго характера: распоряженіе землею, раскладка повинностей, выборъ сельскихъ должностныхъ лицъ и т. п., мірской староста—слѣдитъ за отправленіемъ повинностей, за сборомъ податей, управляетъ общественными за-

веденіями, наблюдаетъ за благочиніемъ, спокойствіемъ, тишиною, чистотою, предосторожностью отъ огня, принимаетъ мѣры къ прекращенію пожаровъ, къ поимкѣ воровъ, бѣглыхъ и т. п., вообще имѣетъ исполнительную власть въ хозяйственномъ и полицейскомъ отношеніи. Судъ старшинъ вѣдаетъ споры, тяжбы и проступки срочно обязанныхъ крестьянъ; онъ имѣетъ право налагать высшее взысканіе, штрафъ отъ 30 коп. до 3 руб., или присужденіе къ работамъ не болѣе 10-ти дней.—Вторая единица управленія есть *Округъ*, состоящій изъ нѣсколькихъ сельскихъ Обществъ, находящихся въ одной мѣстности. Для управленія округомъ существуетъ *Собраніе землевладѣльцевъ* и *Мировой Судья*, который въ извѣстныхъ случаяхъ власть судебную раздѣляетъ съ присяжными. Собраніе землевладѣльцевъ составляется изъ потомственныхъ дворянъ Округа и всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ въ Округѣ землею въ количествѣ не менѣе 200 десятинъ. Оно вѣдаетъ хозяйственную часть Округа, какъ то: порядокъ исполненія окружныхъ повинностей, а также контролируетъ правильность приговоровъ мірскихъ сходовъ, разсматриваетъ жалобы на Мироваго Судью и повѣряетъ его денежную отчетность. Мировой судья выбирается Собраніемъ непремѣнно изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Онъ вѣдаетъ дѣла административныя и судебныя. По административнымъ дѣламъ вѣдѣнію его подлежитъ: надзоръ за поступленіемъ сборовъ, за правильнымъ отправленіемъ повинностей, за содержаніемъ хлѣбныхъ магазиновъ, за охраненіемъ общественнаго спокойствія; взысканіе по безпорнымъ обязательствамъ; надзоръ за дѣйствіями полицейскихъ чиновъ; исполненіе приговоровъ сходовъ; приведеніе въ дѣйствіе постановленія окружнаго Собранія; надзоръ за дѣйствіями сельскихъ должностныхъ лицъ и т. п. По судебной части Мировой Судья дѣйствуетъ самостоятельно по взаимнымъ жалобамъ помѣщиковъ и срочнообязанныхъ крестьянъ и по жалобамъ помѣщиковъ и живущихъ у нихъ вольно-наемныхъ работниковъ. По всѣмъ же прочимъ дѣламъ власть его ограничивается присяжными. Судъ присяжныхъ вѣдаетъ: всѣ тяжбы между срочно-обязанными крестьянами, кромѣ тѣхъ, которыя основаны на крѣпостныхъ актахъ, и всѣ дѣла по учиненнымъ срочно-обязанными крестьянами полицейскимъ проступкамъ, за которые по закону полагается исправительное наказаніе. Предсѣдательствуетъ на этомъ судѣ Мировой Судья, который отнюдь не долженъ имѣть вліянія на приговоръ. Въ качествѣ предсѣдателя онъ опредѣляетъ подсудность, ведетъ допросъ

сторонъ, разъясняетъ дѣло и ставитъ присяжнымъ вопросы, на которые они должны дать отвѣтъ. Обязанность присяжныхъ отправляютъ по очереди сельскіе старшины и старшіе; на Округъ ихъ полагается 96; очередь распредѣляется на четыре періода года по 24 человѣка.—Проектъ правительственныхъ членовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ совершенно сходенъ съ вышеизложеннымъ; разномыслія здѣсь немного; такъ, напр. въ окружное Собраніе допускаются выборные отъ сельскихъ обществъ Округа по одному отъ общества; Мировой Судья можетъ быть не дворянинъ, но тогда онъ долженъ имѣть высшее образованіе и владѣть въ предѣлахъ губерніи не менѣе, какъ 500 десятинъ земли и т. п.

10. **Права и отношенія помѣщиковъ.** Для того, чтобы крѣпостные, привыкшіе къ постоянной опекѣ, могли мало по малу войти въ гражданскую жизнь, необходимо предоставить помѣщику попеченіе о живущемъ на его земляхъ населеніи, а также надзоръ за дѣйствіями сходовъ и начальственныхъ въ обществѣ лицъ. Надзоръ этотъ не будетъ стѣснять самостоятельности обществъ; но помѣщикъ, какъ ближайшій наблюдатель за внутреннею жизнію крестьянъ, на его землѣ поселенныхъ и, наконецъ, какъ лицо, котораго поземельные интересы неразрывно связаны съ интересами общества, принесетъ своимъ попеченіемъ большую пользу для нравственнаго воспитанія крестьянъ, столь необходимаго для гражданской самостоятельности сословія. Потому помѣщикъ есть попечитель общества крестьянъ, поселенныхъ на его земляхъ; сношенія его съ обществомъ производятся черезъ посредство старосты; во время отправленія барщины всѣ работники находятся въ его распоряженіи и должны оказывать ему полное повиновеніе; онъ утверждаетъ общественные приговоры. рекомендуетъ кандидатовъ на должность старосты, можетъ давать старостѣ напоминанія и проч. Помѣщикъ, отдавъ часть своего достоянія для общей пользы крестьянамъ за повинности, существенно ничѣмъ не гарантированныя, вправѣ требовать, чтобы всѣ, возбуждающіе крестьянъ къ неисполненію ими повинностей къ помѣщику, были строго правительствомъ наказываемы; въ этомъ заключается: выгода и самого правительства, ибо примѣръ неисполненія обязанностей можетъ быть гибеленъ и для всего государственнаго устройства. Поэтому *оскорбленіе помѣщика срочно-обязанными людьми его считается за оскорбленіе подчиненными своего начальника, а лица другихъ сословій за возбужденіе крестьянъ къ неисполненію обязанностей подвергаются наказанію какъ за возбужденіе къ явному*

возстанію противъ установленныхъ правительствомъ властей, при чемъ наказаніе усиливается, если въ возбужденіи окажутся виновными священно и церковно-служители того прихода, въ которомъ возстаніе учинено. Послѣднее допущено потому, что по мнѣнію Комитета, духовенство вездѣ стремилось расширить свою свѣтскую власть и свое значеніе. Доселѣ въ Россіи духовенство было подчинено во всемъ свѣтской власти; но въ минуту переворота оно можетъ воспользоваться новымъ положеніемъ крестьянъ и стремиться къ распространенію своей власти на счетъ помѣщиковъ. Это опасеніе тѣмъ болѣе представляется основательнымъ, что опытомъ доказывается, что въ большей части возмущеній крестьянъ противъ помѣщиковъ, самую главную роль разыгрывало всегда мѣстное духовенство.—Въ проектѣ правительственныхъ членовъ, все то, что относится до оскорбленія помѣщиковъ и возстанія противъ ихъ власти,—не имѣетъ мѣста.

11. **Улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ имѣній мелкопомѣстныхъ.** Изученіе быта владѣльцевъ мелкопомѣстныхъ имѣній указываетъ, что главнѣйшій въ таковыхъ имѣніяхъ способъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію—хлѣбопашество. Но помѣщики такихъ имѣній, удерживая за собою родовыя права свои, помѣщики номинальные, на самомъ же дѣлѣ они походятъ на однодворцевъ и исполняютъ всѣ работы наравнѣ съ своими крестьянами. Единственное воспособляющее имъ средство—это безотчетное распоряженіе руками ихъ крестьянъ и лишеніе ихъ этихъ рукъ не только безъ всякаго вознагражденія, но съ обязательствомъ отдѣлить часть земель ихъ въ пользованіе крестьянъ, повергло бы ихъ въ совершенное разстройство и поставило бы въ необходимость правительство прибѣгнуть къ немедленному изысканію способовъ къ устройству быта самихъ таковыхъ владѣльцевъ. Потому для имѣній мелкопомѣстныхъ изъ общихъ правилъ сдѣлано исключеніе. Мелкопомѣстнымъ имѣніемъ считается такое, которое приноситъ менѣе 500 руб. чистаго годоваго дохода собственно отъ земли, въ дѣйствительномъ владѣніи помѣщика состоящей. Крестьяне и дворовые люди мелкопомѣстныхъ имѣній выкупаются правительствомъ съ уплатою за каждую ревизскую мужскаго пола душу по 100 руб.; *выкупъ производится въ продолженіи 12 лѣтъ, т. е. въ теченіи всего срочно-обязаннаго положенія.* Земля при имѣніяхъ, крестьяне коихъ выкуплены правительствомъ, остается въ полной собственности владѣльцевъ.—Правительственными членами по этому вопросу высказано, что они, соглашаясь вполнѣ въ

необходимости оказать пособіе мелкопомѣстнымъ. и въ томъ, что въ отношеніи къ нимъ должны быть сдѣланы исключенія изъ общихъ правилъ, не могутъ согласиться на оставленіе ихъ крестьянъ въ крѣпостной зависимости до полнаго выкупа, который для нѣкоторыхъ долженъ окончиться не прежде 12 лѣтъ.

12. **Въ заключеніе** работъ Комитетъ высказалъ, что окончательная мысль правительства о томъ, что послѣдуетъ за срочно-обязаннымъ періодомъ, осталась для него скрыта. Тѣсная рамка правительственной программы и указанія министра внутреннихъ дѣлъ не могли уяснить Комитету конечныхъ цѣлей и видовъ правительства, при разрѣшеніи данной ему Высочайшимъ рескриптомъ задачи—улучшить бытъ крестьянъ, сохранивъ за помѣщиками права собственности на всю землю. Комитетъ въ своихъ работахъ значительно улучшилъ бытъ крестьянъ, вполнѣ обезпечилъ ихъ матеріальное благосостояніе и предоставилъ имъ гражданскую свободу. Большаго улучшенія при ограниченности дѣйствій своихъ, онъ и сдѣлать не могъ. Но другая сторона предложенной въ Высочайшемъ рескриптѣ задачи далеко не достигаетъ таковыхъ результатовъ. Помѣщикамъ, правда, сохранено номинальное право собственности на всю землю во исполненіе буквы Высочайшаго рескрипта, но въ сущности сословіе это не только лишено почти своей собственности, но даже и почти всѣхъ правъ, кромѣ личныхъ. Комитетъ обращаетъ вниманіе правительства на помѣщиковъ, такъ какъ способы охранять ихъ матеріальные и сословные интересы находятся въ рукахъ одного только правительства. Устраненіе всеобщаго произвола, отвѣтственность мѣстныхъ властей, гласность судопроизводства, самостоятельность земледѣльческихъ обществъ, право участвовать въ дѣлахъ мѣстнаго управленія не въ видѣ чиновниковъ, а представителей сословія, вотъ тѣ вѣрныя гарантіи, которыя однѣ только могутъ обезпечить благосостояніе помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ и принести существенную пользу государству. Благосостояніе государства неразрывно связано съ благосостояніемъ большихъ собственниковъ земли, которые одни только могутъ быть постоянно способны удовлетворять всѣмъ государственнымъ потребностямъ.

13. Для полноты обозрѣнія мнѣ остается привести содержаніе *отдѣльныхъ мнѣній членовъ*. Мнѣніе Афонасьева не представляетъ ничего самостоятельнаго: въ немъ объяснены причины несогласія его ни съ проектомъ большинства Комитета, ни съ про-

ектомъ правительственныхъ членовъ. Въ концѣ же концовъ, онъ присоединяется къ проекту меньшинства, съ нѣкоторыми, впрочемъ оговорками. Члены отъ Раненбургскаго уѣзда—князь Волконскій и Сафоновъ, благоговѣйно сочувствуя волѣ Государя Императора и общему народному благу и не переставая со дня открытія Комитета прилежно вникать въ сущность и цѣль крестьянской реформы, скоро пришли къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: а) что предоставленіе крестьянамъ однихъ усадьбъ въ выкупъ, не представляя существеннаго улучшенія въ ихъ бытѣ, нанесетъ чувствительный вредъ хозяйствамъ помѣщиковъ, ибо крестьянскія усадьбы столько же дороги для помѣщиковъ, составляя сердце ихъ хозяйствъ, сколько малоцѣнны для крестьянъ, неудовлетворяя ихъ нуждамъ, безъ достаточнаго количества смежной полевой земли; б) что срочно-обязанное положеніе, замѣняя крѣпостное право, то есть нынѣшнія неестественныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ между собою,—другими, новыми между ними отношеніями, тоже искуственными, усилитъ только антогонизмъ обоихъ сословій, и безъ того уже достаточно возбужденный, не обѣщая положительнымъ образомъ принести никакой пользы ни помѣщикамъ, ни крестьянамъ. Потому въ основаніи реформы ими установлены слѣдующія общія положенія: 1) предоставленіе крестьянамъ въ собственность отъ 1½—2 десятинъ на каждую ревизскую душу усадебной и полевой земли въ одномъ особо отведенномъ участкѣ, съ тѣмъ, чтобы помѣщики получили за уступаемую ими землю полное добросовѣстное (по 60 руб. за десятину) вознагражденіе; 2) тотчасъ по введеніи новаго порядка, прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеніи между крестьянами и помѣщиками; 3) предоставленіе крестьянамъ строеній и всего ихъ движимаго имущества въ полную собственность безвозмездно. Оцѣнка земли въ 60 руб. за десятину сдѣлана для Раненбургскаго уѣзда по слѣдующимъ даннымъ. Земля оцѣнена капитализаціею (5%) двухъ третей средней наемной платы за десятину. Одна же треть жертвуется помѣщиками въ пользу улучшенія быта ихъ крестьянъ. Наименьшая наемная плата за десятину запольной земли составляетъ 4 руб., наибольшая же 5 руб. средняя—4 р. 50 коп. Отбросивъ (⅓ 1 р. 50 к.) въ пользу крестьянъ и капитализируя остальные ⅔ (изъ 5%), получимъ стоимость десятины земли въ 60 руб.—Выходя изъ общихъ основаній, составители проекта установили слѣдующія положенія: 1) Такъ какъ новое положеніе не можетъ быть введено во всѣхъ имѣніяхъ разомъ,

мѣста. Помѣщики, лишаясь обязательной службы дворовыхъ, получаютъ отъ правительства пособія въ опредѣленномъ размѣрѣ, находящемся въ зависимости отъ числа душъ въ имѣніи, отъ 30—60 руб. за душу; помѣщики, имѣющіе свыше 300 душъ, не получаютъ никакого пособія. Пособіе за женскія души не платятся. Помѣщики богатые, лишаясь обязательной службы своихъ дворовыхъ, почти не терпятъ убытка, имъ дворовые обходились дорого и услуги ихъ были незначительны. Дѣло совершенно иное для дворянъ бѣдныхъ и малодостаточныхъ: для нихъ дворовые были источникомъ еще большихъ доходовъ, чѣмъ даже крестьяне. У нихъ дворовые справляли службу по дому, по хозяйству и, сверхъ того, во время нужныхъ полевыхъ работъ они на господскихъ лошадяхъ работали за двоихъ, за троихъ крестьянъ. Люди нѣсколько достаточные хотя и не употребляли своихъ дворовыхъ людей на земледѣльческія работы, но всѣ нужныя домашнія подѣлки справлялись ими и замѣна дворовыхъ людей вольнонаемными будетъ для нихъ чувствительнымъ расходомъ. Поэтому и предположено при освобожденіи дворовыхъ оказать пособіе помѣщикамъ, имѣющимъ менѣе 300 душъ, и это пособіе увеличивать по мѣрѣ уменьшенія количества душъ крестьянъ и дворовыхъ, состоящихъ за владѣльцемъ.

9. **Образованіе сельскихъ обществъ.** Произволъ и безотвѣтсвенность власти помѣщика составляютъ темную сторону крѣпостнаго права, въ силу которой оно и уничтожается; слѣдовательно, главною цѣлію реформы должно быть уничтоженіе произвола и учрежденіе отвѣтственныхъ властей. Если ограничиться упраздненіемъ помѣщичьей власти и оставить существующій порядокъ управленія въ рукахъ безотвѣтственныхъ чиновниковъ,—мы не совершимъ освобожденія крестьянъ, а только передадимъ крестьянъ изъ одной крѣпостной зависимости въ другую и, кромѣ того, подвергнемъ самихъ помѣщиковъ игу чиновниковъ. Дѣло не въ уничтоженіи названія, а въ уничтоженіи факта. До сихъ поръ каждый чиновникъ въ отношеніи къ мѣстнымъ жителямъ, къ просителямъ и вообще къ лицамъ, не только непосредственно отъ него зависящимъ, но просто имѣющимъ до него дѣло, есть баринъ—помѣщикъ. Имѣя интересы противоположные съ народомъ, не зная нуждъ мѣстныхъ, которыя до него совершенно чужды, онъ самъ состоитъ въ крѣпостной зависимости у своего начальства, которое безотвѣтственно держитъ надъ его головою постоянно и наказаніе

безъ суда, и награду безъ отчета въ его заслугахъ. За всякую неровность на большой дорогѣ, отъ которой получитъ непріятный толчокъ начальственная особа, исправникъ и становой могутъ потерять право временнаго владѣнія населеннымъ имѣніемъ, называемымъ станъ, или уѣздъ, какъ и за какое нибудь злоупотребленіе въ отношеніи къ управляемымъ. Естественно, что они смотрятъ на службу, какъ на временное владѣніе населеннымъ имѣніемъ и стараются извлечь изъ нея всѣ выгоды, нисколько не стѣсняясь частными интересами управляемыхъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше мѣстное управленіе видно, какъ тяжело ложится власть на все народонаселеніе, и что если признано нужнымъ отнять произволъ у помѣщиковъ, то необходимо отнять его и у чиновниковъ, и при томъ, не послѣ, а сейчасъ, дабы они не успѣли окончательно поработить все населеніе. Главное начало, на которомъ можетъ быть устроено наше управленіе, есть самостоятельность обществъ, выражающаяся въ правѣ выборовъ безъ контроля мѣстныхъ властей, въ назначеніе средствъ на расходы, сообразно мѣстныхъ нуждъ и пользъ и въ контролѣ по употребленію средствъ. Управленіе мѣстными интересами должно быть передано мѣстнымъ жителямъ. Общество извѣстной мѣстности, управляясь само собою, несетъ и отвѣтственность злоупотребленія и недостатки исправляются по мѣрѣ возможности, и нѣтъ повода къ неудовольствіямъ. Народъ, не участвуя въ управленіи, лишенный всякихъ средствъ отвращать зло, которое его окружаетъ, приходитъ къ равнодушію, этой первой ступени общественной деморализаціи. Равнодушіе у насъ достигло теперь уже большихъ размѣровъ, ибо мы даже не пользуемся предоставленными намъ закономъ правами. Чтобы искоренить зло, чтобы всѣхъ и каждаго призвать къ общественной дѣятельности, чтобы всѣхъ сдѣлать причастными общественной жизни и устроить управленіе для блага управляющихъ, а не для выгодъ управляющихъ, необходимо вызвать мѣстныя народныя силы и отдать на ихъ попеченіе всѣ мѣстные интересы. Второе начало, вытекающее изъ перваго, есть установленіе инстанцій мѣстнаго управленія и пріисканія для сего единицъ не вымышленныхъ, а живыхъ, т. е. представляющихъ одинаковые, болѣе или менѣе обширные, мѣстные интересы. Кругъ дѣйствій общей государственной централизаціи долженъ быть ограниченъ только дѣлами общаго государственнаго интереса и пользы; вмѣшательство же центральной власти во внутреннюю жизнь страны не только не

приноситъ пользы, а вредъ, ибо главнымъ ея органамъ недоступны всѣ обыденные интересы каждой мѣстности, неизвѣстны всѣ мѣстныя условія и потому всѣ предписанія объ управленіи этими интересами составляются въ общихъ фразахъ, ничего нерѣшающихъ и предоставляющихъ мѣстнымъ исполнителямъ обширное поле для произвольнаго и безотвѣтственнаго толкованія. Отсюда источникъ всѣхъ злоупотребленій, отсюда всеобщее равнодушіе управляемыхъ, отсюда всеобщій ропотъ неудовольствія. Третье начало есть довѣріе къ административнымъ органамъ, а потому учрежденіе мѣстнаго управленія чрезъ посредство избранныхъ сословіями лицъ и отвѣтственность ихъ передъ избирателями. Четвертое начало есть точное разграниченіе властей административной, полицейской и судебной. Въ настоящее время переворота и при совершенномъ сліяніи всѣхъ властей, отдѣленіе оныхъ не представляется возможнымъ, но нельзя не имѣть этого въ виду при окончательномъ устройствѣ управленія. Реформа, веденная сверху, не требуетъ внезапной перемѣны и потрясенія всего существующаго порядка. Она должна дать просторъ народной жизни и потомъ слѣдить за всѣми проявленіями этой жизни и постоянно удовлетворять высказывающимся потребностямъ. Но судебная власть, какъ главный законный контроль за дѣйствіями всѣхъ и каждаго, должна быть самостоятельна съ самаго начала. Безпристрастіе суда внушаетъ уваженіе къ закону, а законъ есть выраженіе общественной совѣсти, слѣдовательно, вѣрнѣйшее мѣрило общественнаго развитія и общественныхъ потребностей. Законы, вытекающіе изъ обычаевъ страны, порядокъ судопроизводства, которому сочувствуетъ народъ, вѣрнѣе всего могутъ обезпечивать право каждаго члена государства. Наше бумажное многосложное производство далеко не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ и сложившаяся поговорка—не бойся суда, а бойся судьи, показываетъ, до какой степени народъ не вѣритъ въ правосудіе. На этихъ общихъ соображеніяхъ и построено образованіе сельскихъ обществъ. Ячейка мѣстнаго управленія есть *сельское общество*. Оно имѣетъ власть распорядительную—мірской сходъ, власть исполнительную—мірской староста и власть судебную—судъ старшихъ (стариковъ). Мірской сходъ состоитъ изъ всѣхъ домохозяевъ и вѣдаетъ дѣла хозяйственнаго характера: распоряженіе землею, раскладка повинностей, выборъ сельскихъ должностныхъ лицъ и т. п., мірской староста—слѣдитъ за отправленіемъ повинностей, за сборомъ податей, управляетъ общественными за-

веденіями, наблюдаетъ за благочиніемъ, спокойствіемъ, тишиною, чистотою, предосторожностью отъ огня, принимаетъ мѣры къ прекращенію пожаровъ, къ поимкѣ воровъ, бѣглыхъ и т. п., вообще имѣетъ исполнительную власть въ хозяйственномъ и полицейскомъ отношеніи. Судъ старшинъ вѣдаетъ споры, тяжбы и проступки срочно обязанныхъ крестьянъ; онъ имѣетъ право налагать высшее взысканіе, штрафъ отъ 30 коп. до 3 руб., или присужденіе къ работамъ не болѣе 10-ти дней.—Вторая единица управленія есть *Округъ*, состоящій изъ нѣсколькихъ сельскихъ Обществъ, находящихся въ одной мѣстности. Для управленія округомъ существуетъ *Собраніе землевладѣльцевъ* и *Мировой Судья*, который въ извѣстныхъ случаяхъ власть судебную раздѣляетъ съ присяжными. Собраніе землевладѣльцевъ составляется изъ потомственныхъ дворянъ Округа и всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ въ Округѣ землею въ количествѣ не менѣе 200 десятинъ. Оно вѣдаетъ хозяйственную часть Округа, какъ то: порядокъ исполненія окружныхъ повинностей, а также контролируетъ правильность приговоровъ мірскихъ сходовъ, разсматриваетъ жалобы на Мироваго Судью и повѣряетъ его денежную отчетность. Мировой судья выбирается Собраніемъ непремѣнно изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Онъ вѣдаетъ дѣла административныя и судебныя. По административнымъ дѣламъ вѣдѣнію его подлежитъ: надзоръ за поступленіемъ сборовъ, за правильнымъ отправленіемъ повинностей, за содержаніемъ хлѣбныхъ магазиновъ, за охраненіемъ общественнаго спокойствія; взысканіе по безпорнымъ обязательствамъ; надзоръ за дѣйствіями полицейскихъ чиновъ; исполненіе приговоровъ сходовъ; приведеніе въ дѣйствіе постановленія окружнаго Собранія; надзоръ за дѣйствіями сельскихъ должностныхъ лицъ и т. п. По судебной части Мировой Судья дѣйствуетъ самостоятельно по взаимнымъ жалобамъ помѣщиковъ и срочнообязанныхъ крестьянъ и по жалобамъ помѣщиковъ и живущихъ у нихъ вольно-наемныхъ работниковъ. По всѣмъ же прочимъ дѣламъ власть его ограничивается присяжными. Судъ присяжныхъ вѣдаетъ: всѣ тяжбы между срочно-обязанными крестьянами, кромѣ тѣхъ, которыя основаны на крѣпостныхъ актахъ, и всѣ дѣла по учиненнымъ срочно-обязанными крестьянами полицейскимъ проступкамъ, за которые по закону полагается исправительное наказаніе. Предсѣдательствуетъ на этомъ судѣ Мировой Судья, который отнюдь не долженъ имѣть вліянія на приговоръ. Въ качествѣ предсѣдателя онъ опредѣляетъ подсудность, ведетъ допросъ

сторонъ, разъясняетъ дѣло и ставитъ присяжнымъ вопросы, на которые они должны дать отвѣтъ. Обязанность присяжныхъ отправляютъ по очереди сельскіе старшины и старшіе; на Округъ ихъ полагается 96; очередь распредѣляется на четыре періода года по 24 человѣка.—Проектъ правительственныхъ членовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ совершенно сходенъ съ вышеизложеннымъ; разномыслія здѣсь немного; такъ, напр. въ окружное Собраніе допускаются выборные отъ сельскихъ обществъ Округа по одному отъ общества; Мировой Судья можетъ быть не дворянинъ, но тогда онъ долженъ имѣть высшее образованіе и владѣть въ предѣлахъ губерніи не менѣе, какъ 500 десятинъ земли и т. п.

10. **Права и отношенія помѣщиковъ.** Для того, чтобы крѣпостные, привыкшіе къ постоянной опекѣ, могли мало по малу войти въ гражданскую жизнь, необходимо предоставить помѣщику попеченіе о живущемъ на его земляхъ населеніи, а также надзоръ за дѣйствіями сходовъ и начальственныхъ въ обществѣ лицъ. Надзоръ этотъ не будетъ стѣснять самостоятельности обществъ; но помѣщикъ, какъ ближайшій наблюдатель за внутреннею жизнію крестьянъ, на его землѣ поселенныхъ и, наконецъ, какъ лицо, котораго поземельные интересы неразрывно связаны съ интересами общества, принесетъ своимъ попеченіемъ большую пользу для нравственнаго воспитанія крестьянъ, столь необходимаго для гражданской самостоятельности сословія. Потому помѣщикъ есть попечитель общества крестьянъ, поселенныхъ на его земляхъ; сношенія его съ обществомъ производятся черезъ посредство старосты; во время отправленія барщины всѣ работники находятся въ его распоряженіи и должны оказывать ему полное повиновеніе; онъ утверждаетъ общественные приговоры. рекомендуетъ кандидатовъ на должность старосты, можетъ давать старостѣ напоминанія и проч. Помѣщикъ, отдавъ часть своего достоянія для общей пользы крестьянамъ за повинности, существенно ничѣмъ не гарантированныя, вправѣ требовать, чтобы всѣ, возбуждающіе крестьянъ къ неисполненію ими повинностей къ помѣщику, были строго правительствомъ наказываемы; въ этомъ заключается: выгода и самого правительства, ибо примѣръ неисполненія обязанностей можетъ быть гибеленъ и для всего государственнаго устройства. Поэтому ***оскорбленіе помѣщика срочно-обязанными людьми его считается за оскорбленіе подчиненными своего начальника, а лица другихъ сословій за возбужденіе крестьянъ къ неисполненію обязанностей подвергаются наказанію какъ за возбужденіе къ явному***

возстанію противъ установленныхъ правительствомъ властей, при чемъ наказаніе усиливается, если въ возбужденіи окажутся виновными священно и церковно-служители того прихода, въ которомъ возстаніе учинено. Послѣднее допущено потому, что по мнѣнію Комитета, духовенство вездѣ стремилось расширить свою свѣтскую власть и свое значеніе. Доселѣ въ Россіи духовенство было подчинено во всемъ свѣтской власти; но въ минуту переворота оно можетъ воспользоваться новымъ положеніемъ крестьянъ и стремиться къ распространенію своей власти на счетъ помѣщиковъ. Это опасеніе тѣмъ болѣе представляется основательнымъ, что опытомъ доказывается, что въ большей части возмущеній крестьянъ противъ помѣщиковъ, самую главную роль разыгрывало всегда мѣстное духовенство.—Въ проектѣ правительственныхъ членовъ, все то, что относится до оскорбленія помѣщиковъ и возстанія противъ ихъ власти,—не имѣетъ мѣста.

11. **Улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ имѣній мелкопомѣстныхъ.** Изученіе быта владѣльцевъ мелкопомѣстныхъ имѣній указываетъ, что главнѣйшій въ таковыхъ имѣніяхъ способъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію—хлѣбопашество. Но помѣщики такихъ имѣній, удерживая за собою родовыя права свои, помѣщики номинальные, на самомъ же дѣлѣ они походятъ на однодворцевъ и исполняютъ всѣ работы наравнѣ съ своими крестьянами. Единственное воспособляющее имъ средство—это безотчетное распоряженіе руками ихъ крестьянъ и лишеніе ихъ этихъ рукъ не только безъ всякаго вознагражденія, но съ обязательствомъ отдѣлить часть земель ихъ въ пользованіе крестьянъ, повергло бы ихъ въ совершенное разстройство и поставило бы въ необходимость правительство прибѣгнуть къ немедленному изысканію способовъ къ устройству быта самихъ таковыхъ владѣльцевъ. Потому для имѣній мелкопомѣстныхъ изъ общихъ правилъ сдѣлано исключеніе. Мелкопомѣстнымъ имѣніемъ считается такое, которое приноситъ менѣе 500 руб. чистаго годоваго дохода собственно отъ земли, въ дѣйствительномъ владѣніи помѣщика состоящей. Крестьяне и дворовые люди мелкопомѣстныхъ имѣній выкупаются правительствомъ съ уплатою за каждую ревизскую мужскаго пола душу по 100 руб.; *выкупъ производится въ продолженіи 12 лѣтъ, т. е. въ теченіи всего срочно-обязаннаго положенія.* Земля при имѣніяхъ, крестьяне коихъ выкуплены правительствомъ, остается въ полной собственности владѣльцевъ.—Правительственными членами по этому вопросу высказано, что они, соглашаясь вполнѣ въ

необходимости оказать пособіе мелкопомѣстнымъ. и въ томъ, что въ отношеніи къ нимъ должны быть сдѣланы исключенія изъ общихъ правилъ, не могутъ согласиться на оставленіе ихъ крестьянъ въ крѣпостной зависимости до полнаго выкупа, который для нѣкоторыхъ долженъ окончиться не прежде 12 лѣтъ.

12. **Въ заключеніе** работъ Комитетъ высказалъ, что окончательная мысль правительства о томъ, что послѣдуетъ за срочнообязаннымъ періодомъ, осталась для него скрыта. Тѣсная рамка правительственной программы и указанія министра внутреннихъ дѣлъ не могли уяснить Комитету конечныхъ цѣлей и видовъ правительства, при разрѣшеніи данной ему Высочайшимъ рескриптомъ задачи—улучшить бытъ крестьянъ, сохранивъ за помѣщиками права собственности на всю землю. Комитетъ въ своихъ работахъ значительно улучшилъ бытъ крестьянъ, вполнѣ обезпечилъ ихъ матеріальное благосостояніе и предоставилъ имъ гражданскую свободу. Большаго улучшенія при ограниченности дѣйствій своихъ, онъ и сдѣлать не могъ. Но другая сторона предложенной въ Высочайшемъ рескриптѣ задачи далеко не достигаетъ таковыхъ результатовъ. Помѣщикамъ, правда, сохранено номинальное право собственности на всю землю во исполненіе буквы Высочайшаго рескрипта, но въ сущности сословіе это не только лишено почти своей собственности, но даже и почти всѣхъ правъ, кромѣ личныхъ. Комитетъ обращаетъ вниманіе правительства на помѣщиковъ, такъ какъ способы охранять ихъ матеріальные и сословные интересы находятся въ рукахъ одного только правительства. Устраненіе всеобщаго произвола, отвѣтственность мѣстныхъ властей, гласность судопроизводства, самостоятельность земледѣльческихъ обществъ, право участвовать въ дѣлахъ мѣстнаго управленія не въ видѣ чиновниковъ, а представителей сословія, вотъ тѣ вѣрныя гарантіи, которыя однѣ только могутъ обезпечить благосостояніе помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ и принести существенную пользу государству. Благосостояніе государства неразрывно связано съ благосостояніемъ большихъ собственниковъ земли, которые одни только могутъ быть постоянно способны удовлетворять всѣмъ государственнымъ потребностямъ.

13. Для полноты обозрѣнія мнѣ остается привести содержаніе *отдѣльныхъ мнѣній членовъ*. Мнѣніе Афонасьева не представляетъ ничего самостоятельнаго: въ немъ объяснены причины не согласія его ни съ проектомъ большинства Комитета, ни съ про-

ектомъ правительственныхъ членовъ. Въ концѣ же концовъ, онъ присоединяется къ проекту меньшинства, съ нѣкоторыми, впрочемъ оговорками. Члены отъ Раненбургскаго уѣзда—князь Волконскій и Сафоновъ, благоговѣйно сочувствуя волѣ Государя Императора и общему народному благу и не переставая со дня открытія Комитета прилежно вникать въ сущность и цѣль крестьянской реформы, скоро пришли къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: а) что предоставленіе крестьянамъ однихъ усадьбъ въ выкупъ, не представляя существеннаго улучшенія въ ихъ бытѣ, нанесетъ чувствительный вредъ хозяйствамъ помѣщиковъ, ибо крестьянскія усадьбы столько же дороги для помѣщиковъ, составляя сердце ихъ хозяйствъ, сколько малоцѣнны для крестьянъ, неудовлетворяя ихъ нуждамъ, безъ достаточнаго количества смежной полевой земли; б) что срочно-обязанное положеніе, замѣняя крѣпостное право, то есть нынѣшнія неестественныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ между собою,—другими, новыми между ними отношеніями, тоже искуственными, усилитъ только антогонизмъ обоихъ сословій, и безъ того уже достаточно возбужденный, не обѣщая положительнымъ образомъ принести никакой пользы ни помѣщикамъ, ни крестьянамъ. Потому въ основаніи реформы ими установлены слѣдующія общія положенія: 1) предоставленіе крестьянамъ въ собственность отъ $1^1/_2$—2 десятинъ на каждую ревизскую душу усадебной и полевой земли въ одномъ особо отведенномъ участкѣ, съ тѣмъ, чтобы помѣщики получили за уступаемую ими землю полное добросовѣстное (по 60 руб. за десятину) вознагражденіе; 2) тотчасъ по введеніи новаго порядка, прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеніи между крестьянами и помѣщиками; 3) предоставленіе крестьянамъ строеній и всего ихъ движимаго имущества въ полную собственность безвозмездно. Оцѣнка земли въ 60 руб. за десятину сдѣлана для Раненбургскаго уѣзда по слѣдующимъ даннымъ. Земля оцѣнена капитализаціею (5%) двухъ третей средней наемной платы за десятину. Одна же треть жертвуется помѣщиками въ пользу улучшенія быта ихъ крестьянъ. Наименьшая наемная плата за десятину запольной земли составляетъ 4 руб., наибольшая же 5 руб. средняя—4 р. 50 коп. Отбросивъ ($^1/_3$ 1 р. 50 к.) въ пользу крестьянъ и капитализируя остальные $^2/_3$ (изъ 5%), получимъ стоимость десятины земли въ 60 руб.—Выходя изъ общихъ основаній, составители проекта установили слѣдующія положенія: 1) Такъ какъ новое положеніе не можетъ быть введено во всѣхъ имѣніяхъ разомъ,

то въ каждомъ имѣніи сохраняется во всей силѣ нынѣ существующій порядокъ, до введенія новаго, по очереди. 2) Новый порядокъ считается введеннымъ въ каждомъ имѣніи съ того дня, въ который крестьяне отъ помѣщика будутъ законнымъ образомъ переданы въ вѣдѣніе новаго ихъ управленія. 3) Съ того же времени помѣщичьи крестьяне получаютъ лично и по имуществу всѣ права, присвоенныя другимъ податнымъ состояніямъ въ государствѣ. Съ того же времени прекращаются всѣ обязательныя отношенія между помѣщикомъ и его крестьянами.

3.

На составленные редакціонными коммиссіями проекты Положенія депутаты отъ Рязанскаго Комитета подали обширныя замѣчанія и соображенія, касающіяся разныхъ сторонъ дѣла: юридической, хозяйственной, административной и финансовой. Замѣчанія эти состоятъ въ нижеслѣдующемъ:

Юридическіе вопросы. Основное начало Положенія состоитъ въ томъ, что *помѣщики сохраняютъ право собетвенности на всѣ свои земли, а крестьяне получаютъ изъ земель помѣщика надѣлъ въ постоянное безсрочное пользованіе*.—По мнѣнію депутатовъ, этимъ устанавливается *особый и небывалый видъ неполной собственности*, совершенно не согласный съ Высочайшимъ рескриптомъ. Рескриптъ не уничтожалъ крѣпостнаго права, а только требовалъ улучшенія быта крестьянъ посредствомъ регулированія повинностей и предоставленія крестьянамъ права въ теченіи опредѣленнаго времени выкупить свои усадьбы; такое регулированіе допускалось только на время срочнообязаннаго періода, въ продолженіи котораго помѣщики сохранили право вотчинной надъ крестьянами полиціи. Нынѣ редакціонная комиссія совершенно упраздняетъ крѣпостное право, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ помѣщиковъ отдавать крестьянамъ землю въ безсрочное и постоянное пользованіе за опредѣленныя разъ на всегда повинности. Это уже не есть улучшеніе крѣпостныхъ людей, но улучшеніе быта свободныхъ поселянъ на счетъ достоянія помѣщиковъ, чего никогда не требовалъ Высочайшій рескриптъ. Безъ совершеннаго нарушенія не только закона, но и понятія о правѣ собственности, полномъ и неполномъ, невозможно отнести ни къ какому изъ указанныхъ въ законѣ видовъ созданнаго коммиссіями новаго отношенія къ землѣ помѣщиковъ и крестьянъ. Положеніе это противно какъ смыслу Высочайшаго рескрипта

такъ и духу дѣйствующихъ постановленій нашего права. Сдѣланное Коммиссіею неправильное толкованіе закона о неполной собственности не только облекаетъ въ законную форму требованія объ уступкѣ помѣщиками части земли крестьянамъ, но, напротивъ, придаетъ сему требованію видъ споліаціи. Помѣщики имѣли всегда полное право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, а крестьяне не имѣли ни юридическаго, ни фактическаго права ни на какую часть этихъ земель. Помѣщикъ имѣлъ право владѣть крѣпостными людьми, но обязывался приписать ихъ къ какой либо недвижимой собственности, или даже къ капиталу. Вслучаѣ неисполненія этого правила, крѣпостной человѣкъ дѣлался свободнымъ, помѣщикъ же не лишался своей недвижимой собственности и не обязывался снабжать его землей. Помѣщикъ обязывался давать своимъ крѣпостнымъ людямъ достаточное пропитаніе, но отводилъ ли онъ имъ для сего землю въ томъ или другомъ количествѣ, или содержалъ на мѣсячинѣ, или отпускалъ на заработки,—все равно; законъ требовалъ только, чтобы матеріально крѣпостные люди не терпѣли нужды. Для обезпеченія крѣпостныхъ людей, правда, законъ обязывалъ помѣщиковъ при продажѣ земли изъ населенныхъ имѣній оставлять $4^1/_2$ дес. на душу; но вслучаѣ неисполненія сего правила крѣпостные люди отбирались въ казну, поземельныя же права помѣщика оставались неприкосновенными. Фактическое пользованіе крѣпостными помѣщичьею землею не только не было постоянное, но даже не опредѣлялось никакимъ обычаемъ. Помѣщики брали крестьянъ во дворъ, лишали ихъ земли, перемѣняли надѣлы по своему усмотрѣнію и налагали на крестьянъ за данную имъ землю повинности, какія считали возможными. Слѣдовательно, вводимое Комиссіею правило есть ничто иное, какъ споліація. Споліація не можетъ быть оправдана ни въ какомъ случаѣ, и если она вводится въ законъ и приводится въ исполненіе силою или хитростію, то смыслъ ея нисколько не измѣняется, а лишь только виновникомъ въ споліаціи представляется не тотъ, который получаетъ отъ нея выгоду, а самъ законъ. Обязанность закона охранять личность, свободу и собственность каждаго; но когда законъ, пользуясь своею силою, ограничиваетъ самопроизвольно право собственности гражданъ, то онъ перестаетъ быть охранителемъ права, а, напротивъ, поставляетъ волю и инициативу законодателя взамѣнъ воли и инициативы самихъ гражданъ; и этимъ путемъ законъ лишаетъ народъ всѣхъ правъ охранять которыя онъ призванъ: права личнаго, права

свободы и права собственности. Законъ хотѣлъ дать болѣе прочное устройство государственному порядку и ввелъ крѣпостное право, т. е. сполировалъ право свободы массы въ видахъ общественной пользы; теперь, если законъ пожелаетъ сдѣлать распредѣленіе поземельной собственности, онъ непремѣнно сполируетъ часть собственности помѣщиковъ въ пользу крестьянъ; тогда онъ поколебалъ понятія о правѣ личности, о свободѣ, теперь поколеблетъ понятія о правѣ собственности. Если допустить только, что правительство имѣетъ право по своему произволу устроивать благосостояніе одного класса на счетъ другого и принимать на себя распредѣленіе богатствъ, то неминуемымъ послѣдствіемъ этого будутъ нескончаемыя требованія всѣхъ классовъ народа, ненависть одного сословія къ другому и безпрерывныя волненія. Законъ и правительство должны ограждать только три необходимыя условія гражданской жизни: личность, свободу и собственность. Всякая сполиація нарушаетъ эти условія и носитъ въ себѣ начало революціонное. Юридически говоря, самое справедливое было бы—освобожденіе крестьянъ безъ земли, съ признаніемъ за помѣщиками права полной собственности на всю землю. Но тогда является вопросъ: возможно ли въ Россіи освобожденіе болѣе 10 милліоновъ земледѣльцевъ безъ земли? На этотъ вопросъ нельзя иначе отвѣчать, какъ отрицательно. Народъ нашъ никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу которыхъ онъ будетъ пущенъ на волю безъ крова и безъ хлѣба. Государство, при спутанности въ народѣ, вслѣдствіе крѣпостного права, идеи общей справедливости, не будетъ въ состояніи удержать безземельное народонаселеніе въ предѣлахъ, необходимыхъ для гражданскаго устройства и порядка. Словомъ, пріобрѣтеніе земель для крестьянъ является *необходимостью государственною.* Съ другой стороны, необходимо, чтобы пріобрѣтеніе это совершалось на основаніи нашихъ дѣйствующихъ законоположеній, безъ потрясенія гражданскаго права, лежащаго въ основаніи нашего гражданскаго устройства. Наше гражданское право допускаетъ отчужденіе частной собственности въ пользу общую или государственную; поэтому пріобрѣтеніе для крестьянъ земли можетъ быть законно допущено только на основаніи существующаго за правительствомъ права требовать отчужденія частной собственности для пользы государственной. Такимъ образомъ, въ основаніе проекта должны лечь слѣдующія положенія: *Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но въ видахъ общей*

государственной пользы предоставляютъ часть сихъ земель въ собственность крестьянъ за единовременное вознагражденіе. Правительство обязывается за опредѣленную оцѣнку пріобрѣсти покупкою, уступаемую помѣщиками для государственной пользы, землю въ общественную собственность каждаго селенія.

Хозяйственные вопросы. Комиссія *предоставляетъ право выкупа усадебъ не однимъ крестьянскимъ обществамъ, но и отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ.* Это предположеніе совершенно противорѣчитъ единогласному постановленію всѣхъ Губернскихъ Комитетовъ, основанному на доводахъ, признанныхъ справедливыми самою Комиссіею. Въ доводахъ своихъ Комиссія высказываетъ, что теперь обязательная продажа усадьбы получила совершенно иное назначеніе. Но какое же именно? Извѣстно, что послѣ Высочайшихъ рескриптовъ, хотя и позволено было Комитетамъ разсуждать о предоставленіи крестьянамъ въ выкупъ и полевыхъ угодій, но не иначе, какъ опредѣляя за усадьбу цѣну отдѣльно отъ полевой земли. Затѣмъ, въ журналѣ Главнаго Комитета заявлено только Высочайшее желаніе, чтобы предоставлена была крестьянамъ возможность постепенно дѣлаться поземельными собственниками. Наконецъ, извѣстно еще, что Комиссія предположила, что продажа усадебъ, отдѣльная отъ полевой земли, обязательна для помѣщиковъ только тогда, когда они не заявятъ своего намѣренія продать крестьянамъ полевую землю. Но это только предположеніе Комиссіи, а не постановленіе, утвержденное верховною властію. Да и въ самомъ этомъ предположеніи не видно причины распродажи по мелочи крестьянскихъ усадьбъ, принадлежащихъ помѣщику, развѣ только этимъ способомъ имѣется въ виду поставить его въ крайности согласиться на самыя невыгодныя условія. Въ такомъ случаѣ, способъ, изобрѣтенный Комиссіею, не достоинъ правительства. Вымогательство не можетъ принадлежать власти, созданной для отвращенія насилія. Второй доводъ Комиссіи состоитъ въ томъ, что необходимо выкупъ усадьбъ дѣлать для крестьянъ какъ можно доступнѣе. Но если имѣть въ виду одно это правило, то еще доступнѣе будетъ для крестьянъ способъ безвозмезднаго пріобрѣтенія усадьбъ отъ помѣщиковъ, какъ это уже указываетъ опытъ. Строенія, составлявшія по закону собственность помѣщиковъ, весьма доступно пріобрѣтаются крестьянами съ содѣйствія Комиссіи. Для крестьянъ это, правда, будетъ очень доступно, но не думается, чтобы способъ этотъ былъ доступенъ для государства,

ибо подобный произволъ ведетъ прямо къ сознанію, что государство не существуетъ для огражденія законно пріобрѣтенной собственности, а между тѣмъ люди только для такого огражденія и соединяются въ государство. Ясно, что Комиссія, руководствуясь не государственными видами, а филантропическими воззрѣніями, приходитъ къ такимъ заключеніямъ; оно отвергло безъ доказательствъ оцѣнку Комитетовъ усадебной осѣдлости и свою крайне низкую оцѣнку предоставляетъ крестьянскимъ обществамъ, не собственникамъ земли, разверстывать по своему усмотрѣнію. Затѣмъ, каждый крестьянинъ можетъ выкупить участокъ, а крестьяне выкупившіе имѣютъ право черезъ 9 лѣтъ отказаться отъ усадьбы и уйдти, куда угодно. Слѣдовательно, черезъ 9 лѣтъ помѣщикъ можетъ получить обратно свою собственность въ видѣ дыряваго холста, изъ котораго лучшіе куски выкуплены. Трудно придумать что нибудь менѣе справедливое и болѣе нарушающее безъ всякой пользы право собственности. Третій доводъ состоитъ въ томъ, что крестьянскія усадьбы находились въ личномъ или семейномъ владѣніи крестьянъ и что они никогда не подлежали распоряженію міра, какъ общественная собственность. Этотъ доводъ не согласенъ съ дѣйствительностію. Міръ, правда, не распоряжался усадебною землею потому, что она ему не принадлежала, а принадлежала помѣщику, или казнѣ; но передѣлы въ усадебныхъ земляхъ постоянно существовали; этого доказать на бумагѣ нельзя, это фактъ, его можно знать или незнать. Наконецъ, четвертый доводъ,—что такого рода выкупъ будетъ скорѣе совершенъ и послужитъ примѣромъ и поощреніемъ для другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ лучшее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ повинностей. Доводъ этотъ не основателенъ потому, что круговая порука считается самою Комиссіею необходимымъ обезпеченіемъ помѣщиковъ и казны въ исправной уплатѣ слѣдующихъ съ крестьянъ повинностей. Личные собственники, по предложенію Комиссіи, изъяты отъ круговой поруки, а теперь Комиссія говоритъ, что выкупъ личныхъ и семейныхъ участниковъ представляетъ лучшее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ повинностей. Ясно, что тутъ противорѣчіе и что доводы Комиссіи несостоятельны.—Поэтому, *слѣдуетъ предоставить выкупъ усадьбъ крестьянскимъ обществамъ, воспретивъ отдѣльную покупку усадьбъ безъ добровольнаго на то согласія помѣщика.*

Перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ допускается вслучаѣ неизбѣжной необходимости; новыя постройки должны быть произведены помѣщикомъ и

за его счетъ.—Депутаты замѣчаютъ, что выраженіе *неизбѣжная необходимость* слишкомъ неопредѣленно и ставитъ перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ въ слишкомъ большую зависимость отъ неизвѣстныхъ мѣстныхъ учрежденій. Есть случаи, какъ напр., узкость дачи и чрезполосность угодій помѣщичьихъ и крестьянскихъ, которыя могутъ всегда считаться достаточными причинами къ перенесенію усадьбъ и потому могли бы быть оговорены положительно. Перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ во многихъ случаяхъ будетъ одной изъ важнѣйшихъ потребностей будущаго сельскаго хозяйства и если помѣщики приносятъ такъ много жертвъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, то слѣдовало бы съ другой стороны, въ видахъ преуспѣянія будущаго сельскаго хозяйства, облегчить сколько возможно условія перенесенія крестьянскихъ усадьбъ. Въ черноземныхъ мѣстностяхъ выгоды отъ перенесенія усадьбъ будутъ неисчислимы; но безъ понужденія крестьяне рѣдко согласятся разстаться съ старыми усадебными мѣстами, хотя послѣ переселенія скоро сознаютъ всѣ выгоды новаго поселка. Близость полей при трехпольномъ хозяйствѣ есть главное условіе для доставленія хорошаго подножнаго корма скоту; осуществленіе обоихъ этихъ условій часто ничѣмъ другимъ не можетъ быть достигнуто, какъ только перенесеніемъ усадьбъ. Вотъ почему въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ узкость дачи должна быть первою главною и безспорною причиною къ перенесенію усадьбъ, а возможность устранить чрезполосность угодій—другою также безспорною причиною. Узкость дачи всегда служитъ доказательствомъ отдаленности полей. До сихъ поръ узкость дачи во многихъ имѣніяхъ была терпима только вслѣдствіе крѣпостного права. Помѣщику много выгоднѣе было не столько обращать вниманіе на отдаленность полей, сколько имѣть вблизи себя крѣпостныхъ работниковъ, которые употреблялись и на другія домашнія работы. Другое важное неудобство узкости дачи—потравы отъ скота, также при крѣпостномъ правѣ были не такъ чувствительны, ибо устранялись помѣщичьею властью. Совсѣмъ другое будетъ при новомъ порядкѣ. Узкость дачи и чрезполосность ея—два недруга будущаго сельскаго хозяйства, которыхъ всего болѣе боятся помѣщики и которые всего тягостнѣе будутъ для крестьянъ, а потому устраненіе ихъ есть крайняя необходимость. Устранить же ихъ ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только перенесеніемъ усадьбъ. Положенія Комиссіи совершенно уничтожаютъ всякую возможность перенесенія крестьянскихъ усадьбъ,

во первыхъ, потому, что никто изъ помѣщиковъ не рѣшится строить новыя усадьбы для крестьянъ, зная, что они могутъ всегда найти ихъ неудовлетворительными, а во вторыхъ, потому, что самыя правила поставятъ помѣщиковъ въ такое положеніе, что рѣдко кто изъ нихъ найдетъ достаточно средствъ выстроить усадьбы наймомъ. Таковой способъ похожъ болѣе на насмѣшку, чѣмъ на законодательную мѣру; онъ такъ непрактиченъ, что возбудитъ въ крестьянахъ смѣхъ, а въ помѣщикахъ негодованіе. Само собою разумѣется, что помѣщикъ, избѣгая хлопотъ и лишнихъ издержекъ, не приступитъ къ постройкѣ усадьбы на свой счетъ прежде, нежели исчерпаетъ всѣ средства къ убѣжденію крестьянъ согласиться на денежное съ его стороны вспомоществованіе. Слѣдовательно, предложитъ имъ столько денегъ, сколько можетъ, и, если затѣмъ крестьяне откажутся отъ денегъ, то помѣщику нечего начинать строить усадьбы на свой счетъ. Онъ всегда будетъ въ рукахъ крестьянъ и не найдетъ между ними работниковъ. Сосѣди крестьяне, узнавъ нужду помѣщика, также возвысятъ цѣну на свою работу и такимъ образомъ дозволеніе принудительнаго переселенія крестьянскихъ усадьбъ останется только на бумагѣ. Въ дѣйствительности же помѣщикъ навсегда лишится возможности устроить свое хозяйство. Принудительныя перенесенія крестьянскихъ усадьбъ въ настоящемъ случаѣ не есть прихоть помѣщика. Эта необходимость, возникшая вслѣдствіе общей государственной потребности упразднить крѣпостное право и обезпечить крестьянъ помѣщичьею землею. Помѣщики и безъ того одни несутъ въ этомъ дѣлѣ огромныя потери. Справедливо ли будетъ и издержки по перенесенію крестьянскихъ усадьбъ взваливать на однихъ помѣщиковъ? Отчего же сами крестьяне не могутъ помочь помѣщикамъ въ переносѣ своихъ усадьбъ? Развѣ помѣщики получили деньги за упраздненіе крѣпостного права, за которое до сихъ поръ платили деньги, и развѣ крестьяне ничего не выигрываютъ отъ совершающейся реформы? Есть одно средство облегчить тягость и уменьшить нѣсколько потери помѣщиковъ. Средство это заключается въ предоставленіи имъ возможности устроить свои хозяйства на остающейся у нихъ землѣ. Устройство же ихъ хозяйствъ будетъ зависѣть отъ принудительнаго перенесенія крестьянскихъ усадьбъ, а потому слѣдуетъ облегчить имъ возможность устроить это перенесеніе усадьбъ. Облегченіе же это практически возможно совершить ***раздѣломъ тягости перенесенія усадьбъ между помѣщикомъ и крестьянами.*** Пусть каждый изъ нихъ

при этомъ случаѣ дастъ, что можетъ: *помѣщикъ—всѣ нужные для перестройки усадьбы матеріалы, или равноцѣнное тому денежное вспомоществованіе, по взаимному согласію съ крестьянами, а крестьяне—трудъ свой.* Доставка лѣса крестьянами въ особенности окажетъ помощь помѣщикамъ. Для крестьянъ она не составитъ такого обремененія, какъ для помѣщика, во первыхъ, потому, что они исполнятъ это міромъ и на своихъ лошадяхъ, а, во вторыхъ, потому, что все таки они будутъ работать въ этомъ случаѣ и для самихъ себя.

Размѣръ надѣла, предоставляемаго крестьянамъ въ пользованіе, долженъ оставаться нынѣ существующій. Умалчивая о справедливости таковой мѣры самой по себѣ, въ особенности, когда она является нераздѣльно съ произвольнымъ уменьшеніемъ существующихъ повинностей и съ отдачею земли въ безсрочное пользованіе не крѣпостнымъ, а свободнымъ крестьянамъ, и за одну и ту же не измѣняемую повинность, слѣдуетъ обратиться къ единственному законному требованію, которое можетъ изъявить при настоящемъ случаѣ государство на частную собственность помѣщиковъ. Государственная польза заключается въ томъ, чтобы крестьянинъ не бродяжничалъ и сохранилъ земледѣльческій характеръ. Для сего нужна земля. Количество ея и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, одно и тоже. Земледѣлецъ не способенъ къ подвижности. Но для того, чтобы требованіе государства было законно, надо, чтобы оно простиралось на такую именно часть помѣщичьей земли, которая необходима для государственныхъ цѣлей; всякое лишнее требованіе будетъ уже споліаціею. Существующій надѣлъ съ предположенными Комиссіею ограниченіями еще можетъ оставаться въ оброчныхъ промысловыхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ по малопроизводительности почвы вся почти земля находится въ пользованіи крестьянъ и при томъ количество ея едва достаточно для ихъ продовольствія. Сверхъ того, въ сихъ мѣстностяхъ крестьянину необходимо имѣть довольно обширные луга для прокормленія скота, такъ какъ безъ усиленнаго удобренія земля въ сихъ губерніяхъ совершенно непроизводительна и такъ какъ, при незначительности урожаевъ въ сихъ мѣстностяхъ, крестьяне не имѣютъ достаточно соломеннаго корма, столь изобильнаго въ черноземныхъ мѣстностяхъ, и потому принуждены кормить и зимою свой скотъ сѣномъ. Въ мѣстностяхъ же черноземныхъ, земледѣльческихъ, предоставить крестьянамъ нынѣ существующій надѣлъ въ такихъ же размѣрахъ, было бы совершенно

несправедливо. Доселѣ надѣлъ соизмѣрялся только съ количествомъ господской запашки, такъ какъ большая часть имѣній черноземной мѣстности состоитъ на запашкѣ. Крестьянамъ почти всегда давалось столько земли, сколько они обрабатываютъ на помѣщика. Вслѣдствіе этой причины иногда размѣръ крестьянскихъ надѣловъ доходилъ до того, что крестьяне, не успѣвая сами обработывать всей своей и помѣщичьей земли, нанимали работниковъ. Это обстоятельство не только не служило крестьянамъ обремененіемъ, а, напротивъ, доставляло больше средствъ къ жизни, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ они лишены были свободы располагать своимъ трудомъ. Оставить и послѣ упраздненія крѣпостного права эти размѣры крестьянскихъ надѣловъ, значитъ лишить произвольно и безвозмездно большинство помѣщиковъ не только части ихъ земель, но и возможности продолжать свои хозяйства. Не пойдутъ работать по найму тѣ крестьяне, у которыхъ на своихъ поляхъ работы вдоволь. Въ этихъ мѣстностяхъ въ число нынѣшнихъ надѣловъ входятъ еще, часто отводимыя крестьянамъ подъ покосъ, степи. Сѣно крестьянину этихъ мѣстностей почти ненужно, въ особенности, когда онъ будетъ избавленъ отъ обязанности поставлять господскія подводы; ибо во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ крестьяне зимою кормятъ скотину соломою; посему крестьянинъ распашетъ эти степи и тогда не только не пойдетъ работать къ помѣщику, но часто еще самъ будетъ нуждаться въ работникахъ. Степи послѣ распашки даютъ баснословные урожаи. Нынѣшній крестьянскій надѣлъ въ черноземныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ не только обезпечивалъ всѣ потребности крестьянъ, но и давалъ имъ средства отправлять барщину. Съ уничтоженіемъ барщины крестьяне пріобрѣтаютъ весь чистый доходъ отъ настоящаго ихъ надѣла безъ исключенія того, что поглощала барщина, и, кромѣ того, новый промыселъ—работу по найму. Чѣмъ больше прибыль отъ уничтоженія барщины будетъ покрывать новыя повинности крестьянъ, тѣмъ менѣе они захотятъ воспользоваться новымъ промысломъ, т. е. работою по найму у помѣщиковъ, и тѣмъ менѣе хозяйства послѣднихъ будутъ имѣть возможности поддержаться. Государственные крестьяне, которые давно уже пользуются свободой, имѣя иногда земли меньше помѣщичьихъ крестьянъ, неохотно идутъ въ работники и неохотно берутся обработывать по найму поля сосѣдей, когда представляется къ тому случай. Предоставленіемъ крестьянамъ нынѣшняго надѣла узаконяется произволъ

и при томъ такимъ образомъ, что помѣщики, наиболѣе заботившіеся объ обезпеченіи своихъ крестьянъ, потеряютъ болѣе чѣмъ тѣ, которые поступали противнымъ образомъ. Нынѣшній крестьянскій надѣлъ, какъ соразмѣрявшійся отчасти съ количествомъ господской запашки, такъ и зависѣвшій отъ произвола владѣльцевъ, часто бываетъ меньшаго размѣра у тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ земли больше, и наоборотъ. Нельзя допустить, чтобы сохраненіе за освобожденными крестьянами таковыхъ случайно разномѣрныхъ надѣловъ облегчило правительству возможность отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія. Оправданіемъ отчужденія части помѣщичьей земли можетъ служить только то, что отчужденіе это необходимо въ видахъ общей государственной пользы. Но какъ объяснить ту государственную пользу, для достиженія которой нужно, чтобы одинъ помѣщикъ обезпечилъ крестьянъ землею вдвое, нежели сосѣдъ его, и при томъ тогда, когда у послѣдняго вдвое больше земли, чѣмъ у перваго? Говорятъ, сохраненіе нынѣшнихъ надѣловъ нужно еще вслѣдствіе того, что между русскимъ крестьяниномъ и обработываемою имъ землею существуетъ историческая связь. Между каждымъ земледѣльцемъ и обработываемою имъ землею есть связь; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы существовала какая либо исключительная историческая связь между крѣпостнымъ крестьяниномъ и *размѣромъ* его надѣла. Чтобы понять, какое историческое значеніе имѣютъ для крестьянъ размѣры ихъ нынѣшнихъ надѣловъ, нужно взглянуть въ исторію этихъ надѣловъ. Крестьяне одного имѣнія пользуются всею землею помѣщика, но по разнымъ причинамъ перестаютъ платить оброкъ; помѣщикъ переводитъ крестьянъ на барщину и половина ихъ надѣловъ поступаетъ подъ господскую запашку. Въ другомъ имѣніи продалъ помѣщикъ часть своей земли и вслѣдствіе того уменьшилъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Въ иномъ имѣніи помѣщикъ, прикупивъ земли, увеличилъ свою запашку и вслѣдствіе того увеличилъ надѣлъ крестьянъ. Иногда помѣщикъ отдаетъ подъ распашку свою степь и вслѣдствіе того уменьшаетъ количество дававшагося крестьянамъ, сѣна; или отходитъ отъ помѣщика полюбовному размежеванію треть его земли и вслѣдствіе того уменьшается надѣлъ крестьянъ и проч. Общая государственная польза требуетъ обезпеченія крестьянскаго земледѣльческаго быта просто вслѣдствіе того, что крѣпостной крестьянинъ не батракъ, а домохозяинъ, что у него есть свой домъ, свой скотъ, свои земледѣльческія орудія и т. п., и въ этомъ смыслѣ

свободы и права собственности. Законъ хотѣлъ дать болѣе прочное устройство государственному порядку и ввелъ крѣпостное право, т. е. сполiировалъ право свободы массы въ видахъ общественной пользы; теперь, если законъ пожелаетъ сдѣлать распредѣленiе поземельной собственности, онъ непремѣнно сполiируетъ часть собственности помѣщиковъ въ пользу крестьянъ; тогда онъ поколебалъ понятiя о правѣ личности, о свободѣ, теперь поколеблетъ понятiя о правѣ собственности. Если допустить только, что правительство имѣетъ право по своему произволу устроивать благосостоянiе одного класса на счетъ другого и принимать на себя распредѣленiе богатствъ, то неминуемымъ послѣдствiемъ этого будутъ нескончаемыя требованiя всѣхъ классовъ народа, ненависть одного сословiя къ другому и безпрерывныя волненiя. Законъ и правительство должны ограждать только три необходимыя условiя гражданской жизни: личность, свободу и собственность. Всякая сполiацiя нарушаетъ эти условiя и носитъ въ себѣ начало революцiонное. Юридически говоря, самое справедливое было бы—освобожденiе крестьянъ безъ земли, съ признанiемъ за помѣщиками права полной собственности на всю землю. Но тогда является вопросъ: возможно ли въ Россiи освобожденiе болѣе 10 миллiоновъ земледѣльцевъ безъ земли? На этотъ вопросъ нельзя иначе отвѣчать, какъ отрицательно. Народъ нашъ никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу которыхъ онъ будетъ пущенъ на волю безъ крова и безъ хлѣба. Государство, при спутанности въ народѣ, вслѣдствiе крѣпостного права, идеи общей справедливости, не будетъ въ состоянiи удержать безземельное народонаселенiе въ предѣлахъ, необходимыхъ для гражданскаго устройства и порядка. Словомъ, прiобрѣтенiе земель для крестьянъ является *необходимостью государственною.* Съ другой стороны, необходимо, чтобы прiобрѣтенiе это совершалось на основанiи нашихъ дѣйствующихъ законоположенiй, безъ потрясенiя гражданскаго права, лежащаго въ основанiи нашего гражданскаго устройства. Наше гражданское право допускаетъ отчужденiе частной собственности въ пользу общую или государственную; поэтому прiобрѣтенiе для крестьянъ земли можетъ быть законно допущено только на основанiи существующаго за правительствомъ права требовать отчужденiя частной собственности для пользы государственной. Такимъ образомъ, въ основанiе проекта должны лечь слѣдующiя положенiя: *Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащiя имъ земли, но въ видахъ общей*

государственной пользы предоставляютъ часть сихъ земель въ собственность крестьянъ за единовременное вознагражденіе. Правительство обязывается за опредѣленную оцѣнку пріобрѣсти покупкою, уступаемую помѣщиками для государственной пользы, землю въ общественную собственность каждаго селенія.

Хозяйственные вопросы. Комиссія *предоставляетъ право выкупа усадебъ не однимъ крестьянскимъ обществамъ, но и отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ.* Это предположеніе совершенно противорѣчитъ единогласному постановленію всѣхъ Губернскихъ Комитетовъ, основанному на доводахъ, признанныхъ справедливыми самою Комиссіею. Въ доводахъ своихъ Комиссія высказываетъ, что теперь обязательная продажа усадьбы получила совершенно иное назначеніе. Но какое же именно? Извѣстно, что послѣ Высочайшихъ рескриптовъ, хотя и позволено было Комитетамъ разсуждать о предоставленіи крестьянамъ въ выкупъ и полевыхъ угодій, но не иначе, какъ опредѣляя за усадьбу цѣну отдѣльно отъ полевой земли. Затѣмъ, въ журналѣ Главнаго Комитета заявлено только Высочайшее желаніе, чтобы предоставлена была крестьянамъ возможность постепенно дѣлаться поземельными собственниками. Наконецъ, извѣстно еще, что Комиссія предположила, что продажа усадебъ, отдѣльная отъ полевой земли, обязательна для помѣщиковъ только тогда, когда они не заявятъ своего намѣренія продать крестьянамъ полевую землю. Но это только предположеніе Комиссіи, а не постановленіе, утвержденное верховною властію. Да и въ самомъ этомъ предположеніи не видно причины распродажи по мелочи крестьянскихъ усадьбъ, принадлежащихъ помѣщику, развѣ только этимъ способомъ имѣется въ виду поставить его въ крайности согласиться на самыя невыгодныя условія. Въ такомъ случаѣ, способъ, изобрѣтенный Комиссіею, не достоинъ правительства. Вымогательство не можетъ принадлежать власти, созданной для отвращенія насилія. Второй доводъ Комиссіи состоитъ въ томъ, что необходимо выкупъ усадьбъ дѣлать для крестьянъ какъ можно доступнѣе. Но если имѣть въ виду одно это правило, то еще доступнѣе будетъ для крестьянъ способъ безвозмезднаго пріобрѣтенія усадьбъ отъ помѣщиковъ, какъ это уже указываетъ опытъ. Строенія, составлявшія по закону собственность помѣщиковъ, весьма доступно пріобрѣтаются крестьянами съ содѣйствія Комиссіи. Для крестьянъ это, правда, будетъ очень доступно, но не думается, чтобы способъ этотъ былъ доступенъ для государства,

ибо подобный произволъ ведетъ прямо къ сознанію, что государство не существуетъ для огражденія законно пріобрѣтенной собственности, а между тѣмъ люди только для такого огражденія и соединяются въ государство. Ясно, что Комиссія, руководствуясь не государственными видами, а филантропическими воззрѣніями, приходитъ къ такимъ заключеніямъ; оно отвергло безъ доказательствъ оцѣнку Комитетовъ усадебной осѣдлости и свою крайне низкую оцѣнку предоставляетъ крестьянскимъ обществамъ, не собственникамъ земли, разверстывать по своему усмотрѣнію. Затѣмъ, каждый крестьянинъ можетъ выкупить участокъ, а крестьяне выкупившіе имѣютъ право черезъ 9 лѣтъ отказаться отъ усадьбы и уйдти, куда угодно. Слѣдовательно, черезъ 9 лѣтъ помѣщикъ можетъ получить обратно свою собственность въ видѣ дыряваго холста, изъ котораго лучшіе куски выкуплены. Трудно придумать что нибудь менѣе справедливое и болѣе нарушающее безъ всякой пользы право собственности. Третій доводъ состоитъ въ томъ, что крестьянскія усадьбы находились въ личномъ или семейномъ владѣніи крестьянъ и что они никогда не подлежали распоряженію міра, какъ общественная собственность. Этотъ доводъ не согласенъ съ дѣйствительностію. Міръ, правда, не распоряжался усадебною землею потому, что она ему не принадлежала, а принадлежала помѣщику, или казнѣ; но передѣлы въ усадебныхъ земляхъ постоянно существовали; этого доказать на бумагѣ нельзя, это фактъ, его можно знать или незнать. Наконецъ, четвертый доводъ,—что такого рода выкупъ будетъ скорѣе совершенъ и послужитъ примѣромъ и поощреніемъ для другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ лучшее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ повинностей. Доводъ этотъ не основателенъ потому, что круговая порука считается самою Комиссіею необходимымъ обезпеченіемъ помѣщиковъ и казны въ исправной уплатѣ слѣдующихъ съ крестьянъ повинностей. Личные собственники, по предложенію Комиссіи, изъяты отъ круговой поруки, а теперь Комиссія говоритъ, что выкупъ личныхъ и семейныхъ участниковъ представляетъ лучшее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ повинностей. Ясно, что тутъ противорѣчіе и что доводы Комиссіи несостоятельны.—Поэтому, *слѣдуетъ предоставить выкупъ усадьбъ крестьянскимъ обществамъ, воспретивъ отдѣльную покупку усадьбъ безъ добровольнаго на то согласія помѣщика.*

Перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ допускается вслучаѣ неизбѣжной необходимости; новыя постройки должны быть произведены помѣщикомъ и

за его счетъ.—Депутаты замѣчаютъ, что выраженіе *неизбѣжная необходимость* слишкомъ неопредѣленно и ставитъ перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ въ слишкомъ большую зависимость отъ неизвѣстныхъ мѣстныхъ учрежденій. Есть случаи, какъ напр., узкость дачи и чрезполосность угодій помѣщичьихъ и крестьянскихъ, которыя могутъ всегда считаться достаточными причинами къ перенесенію усадьбъ и потому могли бы быть оговорены положительно. Перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ во многихъ случаяхъ будетъ одной изъ важнѣйшихъ потребностей будущаго сельскаго хозяйства и если помѣщики приносятъ такъ много жертвъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, то слѣдовало бы съ другой стороны, въ видахъ преуспѣянія будущаго сельскаго хозяйства, облегчить сколько возможно условія перенесенія крестьянскихъ усадьбъ. Въ черноземныхъ мѣстностяхъ выгоды отъ перенесенія усадьбъ будутъ неисчислимы; но безъ понужденія крестьяне рѣдко согласятся разстаться съ старыми усадебными мѣстами, хотя послѣ переселенія скоро сознаютъ всѣ выгоды новаго поселка. Близость полей при трехпольномъ хозяйствѣ есть главное условіе для доставленія хорошаго подножнаго корма скоту; осуществленіе обоихъ этихъ условій часто ничѣмъ другимъ не можетъ быть достигнуто, какъ только перенесеніемъ усадьбъ. Вотъ почему въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ узкость дачи должна быть первою главною и безспорною причиною къ перенесенію усадьбъ, а возможность устранить чрезполосность угодій—другою также безспорною причиною. Узкость дачи всегда служитъ доказательствомъ отдаленности полей. До сихъ поръ узкость дачи во многихъ имѣніяхъ была терпима только вслѣдствіе крѣпостного права. Помѣщику много выгоднѣе было не столько обращать вниманіе на отдаленность полей, сколько имѣть вблизи себя крѣпостныхъ работниковъ, которые употреблялись и на другія домашнія работы. Другое важное неудобство узкости дачи—потравы отъ скота, также при крѣпостномъ правѣ были не такъ чувствительны, ибо устранялись помѣщичьею властью. Совсѣмъ другое будетъ при новомъ порядкѣ. Узкость дачи и чрезполосность ея—два недруга будущаго сельскаго хозяйства, которыхъ всего болѣе боятся помѣщики и которые всего тягостнѣе будутъ для крестьянъ, а потому устраненіе ихъ есть крайняя необходимость. Устранить же ихъ ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только перенесеніемъ усадьбъ. Положенія Комиссіи совершенно уничтожаютъ всякую возможность перенесенія крестьянскихъ усадьбъ,

способу градацій, огульно для цѣлыхъ мѣстностей, а за повинность, опредѣленную по дѣйствительной цѣнности луговъ.

По проекту Комиссіи, *крестьянамъ предоставляется право, полученную ими отъ помѣщика за повинность, землю отдавать въ наймы,* въ числѣ другихъ вѣроятно и самому помѣщику. Но такъ какъ повинности крестьянъ за эту землю устанавливаются навсегда неизмѣнныя, а цѣнность земли возрастаетъ ежегодно, то, въ силу этого правила, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ произойдетъ то, что помѣщикъ долженъ будетъ платить крестьянамъ за то, чтобы пользоваться своею же землею. Есть въ Рязанской губерніи имѣнія, гдѣ крестьяне вовсе не имѣютъ земли, а надѣлены одними поемными лугами. По проекту Комиссіи, эти крестьяне будутъ платить не болѣе 3 рублей 50 коп. за первую десятину (положимъ, что второй нѣтъ). Туже десятину помѣщикъ будетъ нанимать у крестьянъ за 10 рублей. Слѣдовательно, съ перваго дня преобразованія помѣщикъ самъ за свою землю, отданную крестьянамъ за повинность, будетъ приплачивать по 6 рублей 50 коп. за каждую десятину. Воистину это право помѣщика есть право неполной собственности!

Дворянству принадлежало полное право собственности не только на всѣ его земли, но и на трудъ крѣпостныхъ крестьянъ, за пріобрѣтеніе котораго оно затрачивало капиталы. Сочувствуя общему благу, дворянство отказалось отъ крѣпостнаго права на крестьянъ, какъ скоро получило къ тому возможность по обнародованію Высочайшихъ рескриптовъ. Вмѣстѣ съ отреченіемъ дворянства отъ крѣпостнаго права въ сущности кончилось и дѣло освобожденія крестьянъ, ибо теперь уже ни дворянство отказаться отъ своего отреченія, ни государство не принять этого отреченія, не могутъ, и въ крестьянскомъ вопросѣ въ настоящее время дѣло уже идетъ не о крѣпостномъ, а о свободномъ сословіи крестьянъ. Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ возникаетъ другой вопросъ—объ обезпеченіи ихъ быта и о предупрежденіи вредной въ сельскомъ населеніи подвижности. Это уже вопросъ не помѣщичій и не крестьянскій, а вопросъ обще-государственный. Правительство находитъ, что обезпечить бытъ крестьянъ и предупредить развитіе бродяжества для государства необходимо и что оно можетъ достигнуть этого только предоставленіемъ крестьянамъ нѣкотораго количества земли. Выше указана законная причина, на основаніи которой правительство можетъ, если находитъ необходимымъ, пріобрѣсти нужную для крестьянъ зем-

лю отъ помѣщиковъ, равно опредѣлило то количество земли, которое совершенно достаточно для обезпеченія быта крестьянъ. Само собою разумѣется, что цифра, выражающая это количество земли, можетъ измѣняться по мѣстностямъ и роду хозяйства, но во всякомъ случаѣ она должна быть опредѣлена самымъ точнымъ образомъ, чтобы подъ прикрытіемъ государственной нужды не допустить произвола. Въ сущности, до помѣщиковъ дѣло объ обезпеченіи быта крестьянъ точно столько же касается, столько и до каждаго члена государства. И по закону, и по строгой справедливости помѣщики имѣютъ право требовать немедленнаго полнаго вознагражденія отъ государства за отходящую для общей пользы отъ нихъ собственность. Если они соглашаются принять вмѣсто сего вознагражденія обязательную повинность, то это съ ихъ стороны уступка. Не имъ нужна эта повинность, а государству, ибо помѣщики имѣютъ право требовать всей суммы вознагражденія, а государство находится въ невозможности удовлетворить этому законному требованію. Комиссія эту государственную нужду выражаетъ тѣмъ, *что повинность, отбываемая крестьянами, устанавливается безсрочно, въ размѣрѣ неизмѣнномъ, независимо отъ возвышенія или пониженія въ будущемъ цѣнности земли и добываемыхъ изъ нея продуктовъ.* Какъ назвать тотъ актъ правительства, которымъ бы оно рѣшилось въ настоящемъ (1859) году отобрать отъ помѣщиковъ часть земли по цѣнамъ, существовавшимъ 20 лѣтъ тому назадъ? Проектъ Комиссіи предлагаетъ правительству совершить тотъ же самый актъ, только не сейчасъ на дѣлѣ, а черезъ 10, 20, 30 лѣтъ послѣ. Никакой нѣтъ надобности прибѣгать къ подобнымъ дѣйствіямъ правительству, которое можетъ исполнить тоже самое открыто и прямо. Дворянство всегда было предано престолу и во имя этой преданности отвергается возможность подобнаго дѣйствія и заявляется требованіе, *чтобы повинности были установлены срочныя, съ правильною періодическою переоцѣнкою ихъ,* въ случаѣ, если государство не признаетъ возможнымъ произвести выкупъ земель для крестьянъ въ опредѣленный срокъ, или не признаетъ возможнымъ возвратить тогда эти земли собственникамъ—помѣщикамъ.

Въ основаніе обезпеченія исправнаго поступленія повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ Комиссія принимаетъ круговую поруку при общинномъ пользованіи и отдѣльную отвѣтственность членовъ общества при раздѣленіи земли на семейные участки. То и другое не дастъ никакого вещественнаго обезпеченія. На случай неисправности кресть-

янъ, предлагаются разныя мѣры взысканія, приводимыя въ исполненіе или самимъ обществомъ, или начальствомъ, по жалобѣ помѣщика. Будущее административное устройство неизвѣстно; что же касается до нынѣшняго мѣстнаго начальства, то можно сказать утвердительно только одно, именно что взысканіе недоимокъ чрезъ его посредство по большей части обойдется помѣщикамъ дороже самыхъ недоимокъ. Если же разсматривать эти мѣры независимо отъ устройства администраціи, то они представляютъ одно весьма важное неудобство, именно, неумѣренность наказаній, которая заставляетъ сомнѣваться въ возможности практическаго ихъ примѣненія. Большая или меньшая степень наказаній, обѣщаемыхъ закономъ недоимщику, можетъ дѣйствительно предупреждать недоимки настолько, насколько эти наказанія возможны въ примѣненіи. Практическая же сторона вопроса, то есть самый успѣхъ взысканія накопившейся уже недоимки не зависитъ отъ степени наказанія, ибо наказаніе не есть взысканіе. Что выигрываетъ помѣщикъ, напр., отъ того, что если даже цѣлое селеніе будетъ переселено на казенныя земли? Развѣ недоимка будетъ этимъ уплачена? Между тѣмъ, исправное отбываніе крестьянами повинностей не только важно для помѣщиковъ, но и для правительства, ибо оно, потребовавъ уступки земли отъ помѣщиковъ и находясь въ невозможности немедленно уплатить помѣщикамъ за эту землю, должно непремѣнно озаботиться исправнымъ отбываніемъ за отведенную землю повинностей; иначе, оно можетъ потерять нравственное свое значеніе, такъ какъ правительство обязано охранять личные и имущественные интересы всѣхъ членовъ государства, тѣмъ болѣе, если оно потребовало отъ нихъ уступки ихъ собственности въ то время, когда нашлось въ невозможности немедленно удовлетворить ихъ за убытки. Главное условіе для предупрежденія недоимокъ и для успѣшнаго ихъ взысканія состоитъ въ томъ, чтобы не допускать накопленія недоимокъ: копѣйку легче заплатить и взыскать, нежели рубль, рубль легче, нежели 10 и т. д., а потому слѣдовало бы неусложнять дѣла первоначальнаго взысканія канцелярскими формальностями. Не лучше ли устроить будущее таинственное мѣстное учрежденіе такъ, чтобы оно могло дѣйствовать самостоятельно, чтобы за нимъ не нужно было, какъ за всѣми почти нынѣ административными и судебными учрежденіями, слѣдить и начальству, и просителямъ, изъ боязни, чтобы не испортили дѣло. Отъ чего бы неустроить мѣстное учрежденіе такъ, чтобы мѣра участія въ

немъ самихъ крестьянъ не была бы только номинальною и тѣмъ не заглушало въ нихъ всѣ нравственныя и человѣческія чувства, а, напротивъ, развивала бы въ нихъ понятія здравыя, такъ, напр., понятіе о томъ, что владѣемая ими помѣщичья земля не есть милостыня начальства, а чужой капиталъ, съ котораго они платятъ проценты до возвращенія самого капитала. Тогда не нужно было бы назначать никакихъ сроковъ, никакихъ предварительныхъ провѣрокъ о справедливости жалобъ помѣщиковъ. О себѣ самомъ всякій самъ радѣетъ, всякій самъ все знаетъ. Если же новое управленіе будетъ устроено такъ, что безъ сроковъ и понуканій сверху и снизу ему обойтись нельзя будетъ, то не будетъ обезпеченія помѣщикамъ въ исправномъ поступленіи повинностей, хотя въ тоже время не будетъ житья и крестьянамъ отъ усерднаго взысканія недоимки. Впрочемъ, какъ бы ни была устроена администрація, строгая справедливость требуетъ, чтобы *по переходѣ крестьянъ съ натуральной повинности на денежную, послѣдняя была обезпечена всѣмъ государствомъ*, потому что эта денежная повинность ничто иное, какъ опредѣленный процентъ съ капитала, который въ видѣ земли ввѣренъ помѣщиками государству для его необходимости. Всякое другое обезпеченіе денежной повинности крестьянъ не можетъ добровольно быть принято помѣщиками и не можетъ законнымъ образомъ быть имъ навязано правительствомъ.

Крѣпостное право помѣщиковъ на дворовыхъ людей составляетъ движимую собственность помѣщиковъ. Доходъ, получаемый помѣщиками съ крестьянъ, относился болѣе къ землѣ, на которой крестьяне были водворены; доходъ же съ дворовыхъ падалъ часто на одну личность крѣпостныхъ людей; помѣщики не были виноваты въ томъ, что законъ дозволялъ имъ пользоваться таковымъ доходомъ. Передъ закономъ они были правы, а развитіе филантропическихъ идей не можетъ быть принимаемо ни въ какое соображеніе при разрѣшеніи законныхъ отношеній собственниковъ. Идеи эти производятъ реформы или революціи; существенная разница между реформою и революціею та, что первая предпринимается для отвращенія послѣдней и потому должна совершаться такъ, чтобы всякое право, несогласное съ требованіемъ идеи, прекращалось, но безъ насилія и съ полнымъ вознагражденіемъ того, кто отъ упраздненія этого права теряетъ. Иначе реформа будетъ революція, которая тоже уничтожаетъ право, но безъ всякаго вознагражденія, ломая все, что лежитъ на ея пути и не согласно съ ея мнѣніями. Посему, если желать произвести реформу въ

истинномъ смыслѣ слова, то должно, одновременно съ объявленіемъ дворовымъ личныхъ правъ, освободить ихъ отъ обязательной работы, вмѣнивъ однакожъ имъ въ обязанность сдать все, что находится у нихъ на рукахъ, и остаться въ теченіи одного года при господахъ, дабы дать симъ послѣднимъ возможность пріискать другую прислугу. *Помѣщикамъ же выдать за дворовыхъ деньги на точномъ основаніи закона, по 100 рублей за мужскую душу.*

Административные вопросы.—При существованіи крѣпостнаго права наше нынѣщнее управленіе близко по своему характеру къ вотчиннымъ, крѣпостнымъ отношеніямъ. Вся Россія раздѣлялась на вотчины частныя и государственныя и повсюду господствовалъ произволъ. Вся жизнь народа находится въ рукахъ чиновниковъ-бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ передъ судомъ не иначе, какъ только тогда, когда это угодно ихъ начальникамъ, такимъ же бюрократамъ. Вся жизнь народа взята подъ опеку и нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной народу. При всемъ этомъ, исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное лицо и управленіе имѣетъ надъ человѣческой личностью всѣ роды власти и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ. Будучи обязанъ произносить приговоръ на основаніи статей закона, регламентирующихъ всѣ роды доказательствъ, основываться на письменныхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ втайнѣ, и не имѣя возможности повѣрять дѣйствія слѣдователей,—нашъ судъ является только безполезною формою, машиною, исполняющею волю полновластной исполнительной власти. При всемъ томъ, судебныя должностныя лица поставлены подъ надзоръ исполнительныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Дѣлъ по управленію безчисленное множество, такъ что ни у одного чиновника нѣтъ физической возможности добросовѣстно исполнять обязанности и опека надъ жизнію народа, не исполнимая на практикѣ, дѣлается сама причиною беззаконій. При такомъ порядкѣ вещей низшія исполнительныя учрежденія не имѣютъ ни какой самостоятельности и, состоя въ произвольномъ распоряженіи своихъ административныхъ начальниковъ, и всего чаще отъ канцелярій, наполнены людьми, обратившими государственную службу въ постыдное ремесло. При всемъ этомъ, въ губерніяхъ нѣтъ высшаго надзора за ходомъ администраціи. Начальникъ губерніи, которому порученъ этотъ надзоръ, состоя членомъ

всѣхъ губернскихъ присутствій, является участникомъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и потому находится въ странномъ положеніи: онъ долженъ работать и имѣть надзоръ за своею работою. Поэтому, вся администрація наша представляетъ нескончаемый рядъ злоупотребленій. Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство приводятъ права разныхъ обществъ по своду законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ воспользоваться правами своими. Но какія же эти права? Дворянство избираетъ должностныхъ лицъ въ судебныя и полицейскія должности; но судъ не имѣетъ никакой власти, а объ выборѣ низшихъ полицейскихъ властей не можетъ быть и рѣчи, ибо выборные поступаютъ въ распоряженіе правительственныхъ канцелярій, а избиратели лишены возможности защищать своихъ избранныхъ отъ произвола начальства; при томъ же, выборъ утверждается начальникомъ губерніи, а одно это уничтожаетъ совершенно выборное начало. Остальныя выборныя лица имѣли чисто сословное значеніе и были посредниками между помѣщиками и крѣпостными людьми, или членами присутствій, въ которыхъ голоса ихъ ничего не значили вслѣдствіе огромнаго перевѣса бюрократіи. Правда, дворянство имѣло право представлять правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ, но опытъ убѣдилъ дворянство къ совершенной безполезности этихъ представленій. Жалобы на притѣсненія отъ мѣстной администраціи передавались на сужденіе тѣхъ, на кого жалобы приносились; представленія объ искорененіи злоупотребленій считались вмѣшательствомъ дворянства въ непринадлежащія ему дѣла; проекты объ освобожденіи крестьянъ недавно еще считались возмутительными сочиненіями. Духовенство, какъ сословіе, не имѣетъ никакого политическаго значенія. Городскія сословія въ общественныхъ дѣлахъ безгласны; на дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжаются Губернскія Правленія. Голова и гласные избираются только для того, чтобы платить оброки губернскимъ канцеляріямъ. Ратманы въ полиціяхъ не смѣютъ подать голоса, а засѣдатели въ палатахъ и судахъ при нашемъ порядкѣ судопроизводства ничего не значатъ. Положеніе государственныхъ крестьянъ еще хуже. Совершенная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняли у крестьянъ всякую возможность пользоваться общественными правами. Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины.

По освобожденіи крестьянъ, такой порядокъ вещей будетъ лишенъ всякой опоры, крестьяне подпадутъ подъ крѣпостную зависимость чиновниковъ, всегда худшую, чѣмъ помѣщичья, ибо чиновникъ, руководствуясь тѣмъ же произволомъ, не имѣетъ никакихъ выгодъ въ сохраненіи благосостоянія крестьянъ. Крестьяне будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ. Дворяне—владѣльцы не будутъ нисколько заинтересованы въ этомъ порядкѣ вещей, а, напротивъ, будутъ стараться объ избавленіи себя отъ онаго; чиновники же навѣрное не измѣнятъ своего образа дѣйствій. Притомъ же, съ освобожденіемъ крестьянъ, должно увеличиться число дѣлъ, а слѣдовательно, произволъ канцелярій. Наконецъ, самое объявленіе новаго положенія о крестьянахъ, при отсутствіи обезпеченія его неуклоннаго исполненія, будетъ искрою, способною взорвать существующій порядокъ. Расчитывать на личныя качества чиновниковъ, значитъ расчитывать на случайность, а расчитывать на авось въ дѣлѣ государственной безопасности—нельзя. Цѣль государственнаго устройства состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій, а потому для охраненія общественнаго порядка нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ. Думать, что прибавка жалованья или возвышеніе должностей разными отличіями могутъ привлечь лучшихъ людей къ государственной службѣ,—не основательно, ибо и теперь мы видимъ чиновниковъ, получающихъ огромныя жалованья и проживающихъ въ десять разъ болѣе, не смотря на то, что кромѣ жалованія они не имѣютъ никакого состоянія. Возвышеніе должности внѣшними отличіями не соблазнитъ никого. Привлечь лучшихъ людей къ службѣ можно только нравственнымъ возвышеніемъ должностей, а это нравственное возвышеніе можетъ быть произведено только самостоятельностью должностныхъ лицъ, возможно лишь при гласности дѣлопроизводства и отвѣтственности передъ независимою судебною властью. Все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи. Говорятъ, что судъ присяжныхъ у насъ невозможенъ потому, что народъ недостаточно развитъ для этого учрежденія. Присяжнымъ нужно развитіе на столько, на сколько его нужно для нагляднаго сужденія о фактѣ по совѣсти и здравому смыслу. Конечно, русскій народъ не лишенъ ни здраваго смысла, ни добросовѣстности. Судъ присяжныхъ требуетъ

гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели наше сложное, письменное судопроизводство. Поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ только и возможенъ судъ присяжныхъ и всего менѣе возможно наше письменное судопроизводство. Если допустить невозможность суда присяжныхъ потому, что не всѣ сословія у насъ одинаково развиты, то и это несправедливо, и теперь у насъ засѣдаютъ въ судахъ лица всѣхъ сословій, которыя не болѣе развиты своихъ собратій. Конечно, при отсутствіи всякаго значенія суда и при письменномъ судопроизводствѣ, городскія и сельскія сословія считаютъ повинностью государственную службу; засѣдатели ихъ подписываютъ только подаваемыя имъ бумаги, или прикладываютъ къ нимъ печати, но это происходитъ отъ сложности судопроизводства и отъ того, что судъ не имѣетъ значенія. Если же устроить самостоятельный судъ и притомъ словесный и гласный, то тѣже люди будутъ присяжными, поймутъ всю важность своего назначенія и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ.—Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ предъ судомъ выгодна для самой власти. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть останется во всякомъ случаѣ чистою отъ всякихъ подозрѣній. Одною изъ причинъ невозможности немедленнаго образованія общаго управленія выставляютъ, то, что на первый разъ необходимо раздѣленіе на вѣдомства. Въ доказательство приводятъ трудность совершенія нѣсколькихъ реформъ въ одно время и что высшему сословію будетъ оскорбительно участвовать вмѣстѣ съ низшими въ правленіи. Упраздненіе вѣдомствъ можетъ казаться труднымъ однимъ лишь бюрократамъ, для которыхъ передача дѣлъ отъ одного столоначальника другому кажется уже государственнымъ вопросомъ, требующимъ многолѣтнихъ соображеній. Для уничтоженія вѣдомства нужно лишь убѣжденіе правительства въ необходимости реформы и опредѣленіе порядка управленія обществъ въ хозяйственномъ отношеніи, что и безъ этого должно быть сдѣлано при составленіи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости; затѣмъ, сдѣлать распоряженіе о выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, передать имъ всѣ дѣла изъ уничтоженныхъ вѣдомствъ, а зданія, занимаемыя управленіями, назначить къ болѣе производительному употребленію. Что же касается до мысли устранить помѣщиковъ отъ дѣла общаго управленія, изъ опасенія оскорбить

ихъ самолюбіе, то странно думать, чтобы ихъ могло оскорбить предоставленіе нѣкотораго участія въ дѣлѣ общаго управленія, въ которомъ они всегда должны занимать первое мѣсто даже и по одному нравственному вліянію. Напротивъ, гораздо оскорбительнѣе для дворянства отчужденіе его отъ участія въ дѣлахъ своей страны, съ предоставленіемъ ему только права носить гражданскій парадный мундиръ.

Въ основаніи работъ Редакціонной Комиссіи лежитъ *подраздѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ на два совершенно отдѣльныя общества: общество хозяйственное* (мірское) *и общество административное* (волость). При такомъ устройствѣ исчезнетъ всякая самостоятельность крестьянъ. Какое значеніе будутъ имѣть общества крестьянъ, только вышедшихъ отъ крѣпостной зивисимости и вдобавокъ разбросанныхъ между селеніями другихъ вѣдомствъ и потому уже часто удаленныхъ отъ ближайшихъ сосѣдей и соединенныхъ съ чуждыми имъ деревнями одного вѣдомства? Какое значеніе будутъ имѣть крестьянскія общества при удаленіи ихъ отъ другихъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ народа? Понятно, что такое общество не представитъ ни внутренняго, ни внѣшняго единства. Эти общества будутъ лишь массы, насильственно связанныя внѣшнею силою, и что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ?—Свои общіе интересы; но они не имѣютъ общихъ интересовъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей мѣстности, собранныхъ также въ уединенныя вѣдомства. Всякое дѣло потребуетъ сношенія съ сими вѣдомствами и таковыя затрудненія поведутъ къ тому, что члены обществъ сдѣлаются равнодушными къ общественнымъ дѣламъ и обратятся къ другимъ средствамъ удовлетворять свои потребности. Такимъ образомъ разрушится насильственная связь общества. Съ другой стороны общества однихъ крестьянъ будутъ совершенно отчуждены отъ просвѣщеннаго слоя народонаселенія, имѣющаго опытность въ общественныхъ дѣлахъ и могущаго помочь имъ совѣтомъ и самымъ дѣломъ. Понятно, что это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи. Доказательствъ искать недолго: стоитъ только взглянуть на государственныхъ крестьянъ: они не менѣе помѣщичьихъ ожидаютъ освобожденія, хотя и самоуправляются. Помѣстное дворянство, просвѣщенное болѣе всѣхъ сословій, одно можетъ руководить и вразумлять народъ въ исполненіи

правительственныхъ распоряженій. Одни дворяне—землевладѣльцы имѣютъ истинную выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія. Притомъ, дворяне болѣе всѣхъ другихъ сословій пользуются довѣріемъ народа. Какъ же не воспользоваться въ общественныхъ дѣлахъ помощью просвѣщеннаго сословія, дѣйствія котораго облегчены въ этомъ случаѣ его выгодами? Какъ устранить дворянъ отъ общественныхъ дѣлъ, оставивъ однихъ крестьянъ съ ихъ невѣжествомъ и безграмотностью? Это можно допустить развѣ только для того, чтобы показать на опытѣ несостоятельность самоуправленія. Доказывая необходимость участія помѣщиковъ въ общественныхъ дѣлахъ, не допускается отнюдь, чтобы участіе это имѣло видъ какой бы то ни было власти. Здѣсь говорится, напротивъ, о необходимости призвать къ дѣлу мѣстнаго управленія всѣхъ жителей мѣстности, а въ томъ числѣ и помѣщиковъ, какъ высшаго и болѣе другихъ образованнаго сословія. Таковое участіе дворянства въ дѣлѣ общаго управленія не можетъ считаться оскорбительнымъ для этого сословія, въ особенности если ему будетъ предоставлено первое мѣсто въ собраніяхъ и предпочтительное право должности; что же касается до таковыхъ привиллегій, то онѣ не могутъ повредить самостоятельности крестьянъ, такъ какъ преимущество въ занятіи общественныхъ должностей просвѣщенными лицами послужитъ лучшимъ обезпеченіемъ правъ всего народонаселенія; притомъ, общественные интересы всѣхъ сословій, по уничтоженіи крѣпостнаго права, будутъ одни и тѣже, а зависимость должностей отъ выбора и отвѣтственность предъ независимымъ судомъ поставятъ всякое выборное лицо въ необходимость честно служить общественнымъ интересамъ. Такимъ образомъ, положеніе высшаго сословія нисколько не унизится, напротивъ, истинное униженіе ожидаетъ дворянство при уединеніи остальныхъ жителей въ отдѣльныя общества. При этомъ порядкѣ вещей дворяне будутъ жить между обществами въ видѣ какихъ-то отверженцевъ. Депутатское ихъ собраніе будетъ не болѣе, какъ архивъ офиціальныхъ документовъ. Избирательное право дворянства, и теперь имѣющее мало значенія, тогда потеряетъ всякій смыслъ; привиллегіи ихъ будутъ заключаться въ правѣ носить мундиръ въ торжественныхъ случаяхъ, кичиться родословными и занимать мѣста ворующихъ и полновластныхъ чиновниковъ. Когда масса людей ставится въ унизительное положеніе, то можно быть увѣрену, что большинство ея будетъ руководиться низкими побужденіями. Что можетъ дѣлать дворянинъ

при отчужденіи его отъ прочихъ сословій? Жить, занимаясь своими частными дѣлами; но при этомъ онъ будетъ лишонъ всякихъ политическихъ правъ и всякаго обезпеченія отъ грабежа чиновниковъ, ибо у дворянства остается одно право жаловаться такимъ же чиновникамъ, которые получаютъ оброкъ съ притѣснителей, или присоединиться къ числу притѣснителей и этимъ способомъ пріобрѣсть право гражданства. Чтобы достигнуть самостоятельнаго управленія, необходимо уничтожить всѣ вѣдомства и учредить такую административную единицу, которая бы дѣйствительно представляла мѣстные интересы и притомъ въ полномъ ихъ смыслѣ, а не въ отрывкахъ по вѣдомствамъ. Посему, соглашаясь съ Редакціонной Комиссіей въ необходимости учредить въ каждомъ селеніи мірское общество для хозяйственнаго управленія, волости слѣдуетъ придать большее значеніе, нежели то которое придаетъ ей Комиссія. *Волость должна обнимать всѣхъ жителей мѣстности безъ всякаго различія сословій и вѣдомствъ, а собраніе должно состоять не изъ однихъ креетьянъ, а изъ представителей всѣхъ сословій и обществъ въ предѣлахъ волости живущихъ.* Самоуправленіе, данное народу и основанное на самостоятельности всего общества, подкрѣпленное сильною охранительною полиціею и поставленной подъ защиту самостоятельнаго неподкупнаго суда, одного для всѣхъ сословій и лицъ, носитъ въ себѣ начало консервативное. Ошибка, какъ неизбѣжное при всякомъ человѣческомъ устройствѣ зло, не возлагается на правительство, напротивъ, служитъ поводомъ къ немедленному исправленію, такъ какъ въ интересахъ общества принимаютъ участіе всѣ его члены и дорожатъ ими изъ личныхъ выгодъ.

Учрежденіе сословнаго суда вредитъ самостоятельности судебной власти. Судъ, какой бы то ни былъ долженъ быть независимъ, иначе не будетъ ни суда, ни расправы. Выборный судъ ведетъ только къ потворству избирателямъ и къ уничтоженію судебной власти. При существованіи разныхъ судовъ затрудняется только дѣло. Если сословные суды не только не будутъ уничтожены, но еще умножены крестьянскими судами, то кончится тѣмъ, что ни одинъ проситель не будетъ знать, отъ какого суда ждать удовлетворенія. *Учрежденіе независимыхъ мировыхъ судей доставитъ достаточное число судебныхъ органовъ. Что же касается до обычнаго домашняго суда крестьянъ, то можно оставить его на степени обычая, не давая ему никакого законнаго значенія,* ибо судъ стариковъ-односельцевъ, судъ міра, есть часто судъ не безпристрастный. Этотъ судъ и сносенъ только до тѣхъ поръ, пока стоитъ на степени домашняго разбирательства.

Финансовые вопросы. Комиссія смотритъ на *выкупъ, какъ на лучшее средство прекратить въ скоромъ времени обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, то есть, собственно въ интересѣ однихъ крестьянъ.* Такой взглядъ весьма одностороненъ. Въ выкупѣ заключается единственное средство поддержать хозяйственный бытъ помѣщичьихъ имѣній, даже не въ одномъ интересѣ владѣльцевъ, но и въ интересѣ цѣлаго государства. Одни помѣщичьи хозяйства обезпечиваютъ средства народнаго продовольствія и поддерживаютъ нашу внѣшнюю и внутреннюю торговлю. При такомъ взглядѣ на предметъ необходимо должно придти къ заключенію, что выкупъ долженъ быть не постепенный, а одновременный съ прекращеніемъ крѣпостнаго права, основанный не на добровольныхъ соглашеніяхъ, а на законѣ отчужденія частной собственности, въ видахъ государственной нужды. Выкупъ требуется въ интересахъ цѣлаго государства, а не въ интересахъ одного или двухъ сословій. Съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости натуральная повинность дѣлается совершенно невозможною и помѣщики лишаются всякой возможности поддерживать свои хозяйства обязательнымъ трудомъ. Натуральныя повинности составляютъ единственный оборотный капиталъ помѣщиковъ, а безъ оборотнаго капитала не можетъ существовать никакая промышленность. Такимъ образомъ, если не замѣнить нынѣшній оборотный капиталъ помѣщиковъ, состоящій въ натуральной повинности крестьянъ, другимъ капиталомъ, то помѣщичьи хозяйства должны въ большей части случаевъ совершенно разстроиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно разстроиться и все государственное хозяйство. Правительство, не рѣшаясь на энергическія мѣры, при такой радикальной реформѣ, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, можетъ подвергнуть государственное хозяйство страшнымъ бѣдствіямъ. Вся наша торговля какъ внѣшняя, такъ и внутренняя основана на сбытѣ хлѣба, а въ торговлѣ обращается хлѣбъ почти исключительно помѣщичій; что же будетъ, если помѣщичьи хозяйства уничтожатся. Это поведетъ къ совершенному упадку хлѣбной торговли, а вмѣстѣ съ нею должна рушиться и вся русская торговля вообще. При такомъ всеобщемъ разстройствѣ частныхъ хозяйствъ средства государства, и теперь находящіяся въ незавидномъ состояніи, должны придти въ совершенное разстройство. Это будетъ необходимымъ послѣдствіемъ началъ, принятыхъ Комиссіею при составленіи Положенія.—Въ обязательномъ выкупѣ нѣтъ и тѣни насилія: здѣсь просто замѣна одного

денежнаго дохода, ничѣмъ не обезпеченнаго другимъ доходомъ, гарантированнымъ правительствомъ, и при томъ съ возвращеніемъ собственнику права распоряженія своею собственностію въ видѣ подвижнаго капитала. Правительство сознаетъ всю необходимость выкупа; оно видитъ въ немъ единственное средство разрѣшить вопросъ правильно и безобидно для обѣихъ сторонъ. Редакціонная Комиссія, усвоивъ эти виды правительства, направляла всѣ свои труды такъ, чтобы помѣщикъ необходимо долженъ былъ согласиться на выкупъ, а между тѣмъ этотъ выкупъ называется добровольнымъ; спрашивается: будетъ ли подобный образъ дѣйствій достоинъ сильнаго правительства? И не убьетъ ли онъ послѣднее довѣріе къ выкупной операціи? Для чего нуженъ такой образъ дѣйствій?—Развѣ для того, чтобы пройдти незамѣтнымъ образомъ по среднему пути между защитниками крѣпостнаго права и людьми, желающими полнаго его уничтоженія. Но такой путь никогда и никому не удавался въ важныхъ государственныхъ реформахъ; онъ во всякомъ случаѣ вооружитъ защитниковъ крѣпостнаго права и не удовлетворитъ лицъ, желающихъ полнаго освобожденія крестьянъ. Онъ заставитъ этихъ лицъ смотрѣть съ недовѣріемъ на всѣ предпринимаемыя мѣры, а потому, если правительство рѣшится принять такой образъ дѣйствій, то оно не встрѣтитъ сочувствія ни въ той, ни въ другой сторонѣ.— Опасенія, что одновременный выпускъ кредитныхъ бумагъ подвергнетъ ихъ курсъ значительнымъ колебаніямъ,—не основательно. Самая высшая цифра, до которой можетъ дойдти вся выкупная операція,—это миліардъ двѣсти тысячъ. На одну треть этой суммы помѣщичьи имѣнія мобилизированы залогомъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ и часть всей выкупной суммы, примѣрно 10%, должна быть выдана владѣльцамъ наличными деньгами. Итакъ выпускъ новыхъ кредитныхъ бумагъ потребуется не болѣе какъ на 600 мил. Такая ли это цифра, которой можетъ испугаться наше правительство, при тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ Россія? И въ особенности, когда средства къ уплатѣ находятся на лицо въ особыхъ источникахъ дохода, а именно—въ оброкахъ освобождаемыхъ крестьянъ? Притомъ, одно немедленное уничтоженіе крѣпостнаго права предоставляетъ возможность значительнаго возвышенія государственныхъ доходовъ по всѣмъ источникамъ. Какъ же бояться вѣрности этой операціи и при томъ еще предположеніи, что выручаемые чрезъ продажу государственныхъ имуществъ капиталы должны идти на поддержаніе этой операціи. Редакціон-

ная Комиссія при начертаніи правилъ о выкупѣ земли крестьянамъ, предположила: *оставаясь въ предѣлахъ добровольныхъ соглашеній, соразмѣрить участіе правительства въ выкупной операціи съ его средствами и съ требованіями государственнаго кредита.* Это правило противорѣчитъ понятію о государствѣ и правительствѣ; въ немъ проглядываетъ взглядъ крѣпостнаго права на эти отношенія. Правительство состоитъ не внѣ государства, а въ немъ самомъ, и всѣ средства свои почерпаетъ въ государствѣ, въ народѣ. Средства правительства и государства имѣютъ одинъ общій источникъ, а именно народный доходъ. Такимъ образомъ правительство получаетъ всѣ свои средства изъ рукъ каждаго частнаго лица, составляющаго народъ или государство, и помимо этого не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ. Поэтому средства правительства всегда соразмѣряются съ народными или государственными нуждами, а не наоборотъ. Въ этомъ то и состоитъ отличіе государственнаго хозяйства отъ частнаго, гдѣ, напротивъ, нужды соразмѣряются со средствами. Если въ государствѣ возникаютъ какія либо народныя нужды, то правительство соображаетъ съ ними свои средства и если не находитъ возможности удовлетворить этимъ потребностямъ прежними источниками доходовъ, то создаетъ новые: народъ всегда готовъ сдѣлать эти пожертвованія, если они только идутъ на удовлетвореніе его же потребностей. Съ другой стороны, правительство имѣетъ полное право обращаться къ чрезвычайнымъ средствамъ, когда возникаютъ безотлагательныя и чрезвычайныя потребности. Какимъ образомъ создать эти новые источники доходовъ безъ отягощенія народа— это задача государственныхъ людей, которую они обязаны рѣшить. Если правительство сознало какую либо безотлагательную потребность народную, то оно же обязано и удовлетворить оной, и недостатокъ средствъ не можетъ быть оправданіемъ, потому что эти средства въ рукахъ народа, который чувствуетъ потребность и всегда скорѣе пожертвуетъ средствами, чѣмъ откажетъ отъ удовлетворенія насущной потребности. Примѣняя это правило къ началу, принятому Редакціонной Комиссіей, оказывается, что если выкупъ крестьянскихъ земель необходимъ въ видахъ народнаго спокойствія, если правительство признало, что онъ составляетъ насущную потребность государственную, и что при осуществленіи его необходимо участіе правительства,—то средства его должны быть соразмѣрены съ этою потребностью и, вслучаѣ недостатка наличныхъ средствъ, должны быть созданы

новые источники государственнаго дохода. Въ этомъ случаѣ, всякая экономія, или неумѣніе найти новые источники доходовъ, ляжетъ тяжкой отвѣтственностью на совѣсти правительства и врядъ ли народъ проститъ ему и эту экономію, и это неумѣніе. Что значатъ требованія государственнаго кредита и почему съ ними нужно соразмѣрять участіе правительства въ выкупной операціи? Неужели и государственный кредитъ существуетъ отдѣльно и отъ народа и отъ правительства?—Государственный кредитъ обусловливается потребностями народа и развивается соразмѣрно развитію народной промышленности. Слѣдовательно, и это начало, положенное Редакціонною Комиссіею въ основаніе правилъ о выкупѣ, чтобы быть согласнымъ съ истиннымъ понятіемъ о государствѣ и государственномъ кредитѣ, должно быть выражено совершенно наоборотъ, а именно: *слѣдуетъ опредѣлить дѣйствительную необходимость выкупной операціи для народа и съ этою необходимостью соразмѣрить участіе правительства, какъ наличными средствами, такъ и государственнымъ кредитомъ.*—Что можетъ быть страшнаго въ единовременномъ выпускѣ кредитныхъ процентныхъ бумагъ до 600 мил.? Почему не погибла Россія, когда было выпущено слишкомъ 400 мил. въ безпроцентныхъ кредитныхъ знакахъ? А вѣдь всякій согласится, что выпускъ безпроцентныхъ бумагъ гораздо страшнѣе, нежели процентныхъ. Уничтожьте обязательный трудъ немедленно—и Россія почти совершенно избавится отъ того гнета, который лежитъ на ея промышленности, вслѣдствіе упадка денежнаго курса. Процентныя же бумаги никогда не имѣютъ такого вліянія на денежный курсъ, и, при высотѣ процента, ихъ биржевая цѣна не подвергнется и значительнымъ колебаніямъ. Нельзя также не принять въ соображеніе и то, что курсъ государственныхъ бумагъ зависитъ много отъ цѣли, для которой они выпускаются, а еще никогда бумаги не выпускались и съ болѣе производительною цѣлію, какъ если они будутъ выпущены съ цѣлію выкупа.—Все это приводитъ къ заключенію, что *выкупъ долженъ быть обязательный для помѣщиковъ и крестьянъ и подъ гарантіею правительства.*

Въ заключеніе своихъ замѣчаній депутаты высказали слѣдующее: все положеніе Редакціонной Комиссіи клонится только къ тому, чтобы крестьянинъ почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ и эта мысль увлекаетъ Комиссію за предѣлы не только законности, но и справедливости. Въ этихъ видахъ, Комиссія, избавляя

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставляетъ имъ въ безсрочное пользованіе не только количество земли, которое необходимо для обезпеченія ихъ быта, но весь существующій надѣлъ, которымъ помѣщики при крѣпостномъ правѣ платили крестьянамъ за добавочныя повинности къ трехдневной барщинѣ. Эту землю Комиссія уступаетъ крестьянамъ за неизмѣнныя, произвольно уменьшенныя и ничѣмъ не обезпеченныя повинности, и мало того, налагаетъ за ту же повинность разныя службы на такое имущество помѣщиковъ, которое сама Комиссія признаетъ состоящимъ на правѣ полной собственности помѣщика. Наконецъ, не только все это уступается крестьянамъ за произвольную и до того уменьшенную повинность, что она не составляетъ даже самой низкой цѣны наемной платы за землю, но даже предоставляетъ имъ распоряжаться этою землею по своему произволу, отдавать ее въ наймы, продавать невыкупленныя усадьбы и, наконецъ, отказываться отъ сей земли и возвращать ее помѣщику истощенною. Такимъ образомъ, Комиссія не ограничивается улучшеніемъ быта крестьянъ, а произвольно распоряжается помѣщичьею собственностію и создаетъ небывалое ни въ какомъ государствѣ положеніе для крестьянъ. Она дѣлаетъ крестьянъ безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ полными собственниками помѣщичьей земли, которая вся несетъ разныя службы въ пользу крестьянъ; крестьянамъ нужно топливо—налагаютъ службы на помѣщичій лѣсъ, крестьянамъ нуженъ прогонъ—налагается служба на помѣщичьи луга и проч. Наконецъ, въ правѣ, кажется, всякій собственникъ требовать, чтобы пользователь возвратилъ ему его собственность въ надлежащемъ ея видѣ, но и этого въ отношеніи къ крестьянамъ не допускаетъ Комиссія; крестьяне послѣ 9 лѣтъ могутъ оставить истощенныя ими земли, безъ всякаго вознагражденія. Мало того, во многихъ случаяхъ у помѣщика отнимается въ пользу крестьянъ вся его земля и онъ даже лишенъ возможности имѣть на своей землѣ свою собственную усадьбу.—Можетъ ли помѣщикъ считать интересы свои огражденными, когда у него отнята часть земли за повинности ни чѣмъ не обезпеченныя и произвольно уменьшенныя, и, притомъ, не на срочное время, а на безсрочное до тѣхъ поръ, пока крестьяне вынудятъ его уступить имъ эту землю за безцѣнокъ, или просто откажутся отъ нея безъ всякаго вознагражденія и безъ всякой возможности со стороны помѣщика устранить порчу и истощеніе этой земли? Можетъ ли помѣщикъ успокоиться, что интересы его ограждены,

когда вся остальная земля, лѣса, луга, площади въ селеніяхъ, все несетъ сервитутъ въ пользу крестьянъ, уже и то награжденныхъ его собственностью? Можетъ ли помѣщикъ считать интересы свои огражденными, когда въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ у него отнимается на безсрочное время вся земля за мнимое и незначительное со стороны крестьянъ вознагражденіе и онъ поставляется въ возможность получить въ свое владѣніе часть этой земли только тогда, когда крестьяне найдутъ это для себя выгоднымъ и добровольно ему ее уступятъ, или когда естественныя бѣдствія убавятъ народонаселеніе до извѣстныхъ предѣловъ? Можетъ ли помѣщикъ считаетъ интересы свои огражденными, когда въ глазахъ его будетъ совершаться продажа и отдача въ наймы его собственности изъ барышей крестьянамъ, для обезпеченія быта которыхъ у него отнята земля? Можетъ ли помѣщикъ успокоиться на счетъ своихъ интересовъ, когда не можетъ и съ ужасными пожертвованіями избавиться отъ сосѣдства свободныхъ крестьянъ, когда перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ, разграниченіе полей и угодій не предоставлено ему, а поставлено въ зависимость отъ крестьянъ и чиновниковъ? Можетъ ли быть помѣщикъ успокоенъ, когда у него принудительно берется собственность и онъ даже не имѣетъ голоса, чтобы заявить свои собственные интересы?

Довѣріе Государя налагаетъ на дворянство священную обязанность опредѣлить со всею добросовѣстностью степень пожертвованій, которыя правительство, въ виду государственной нужды, можетъ предложить сдѣлать дворянству Рязанской губерніи, а именно:

Крестьяне должны быть освобождены съ землею, въ количествѣ необходимомъ для сохраненія въ нихъ землевладѣльческаго характера. Количество это для Рязанской губерніи въ черноземной мѣстности не должно превышать $2^1/_2$ *десятинъ на душу, а въ нечерноземной 3-хъ десятинъ. Земля отводится къ одному мѣсту по указанію помѣщика и разграничивается отъ его дачи, при чемъ должно быть допущено свободное перенесеніе усадьбъ и обмѣнъ земли. Отведенная крестьянамъ земля должна быть оцѣнена по капитализаціи изъ 6% оброка, выведеннаго для разныхъ мѣстностей губерніи отъ 8—10 руб. на душу при максимумѣ надѣла. Немедленно, по объявленіи новаго положенія, должно быть приступлено къ разграниченію угодій и тотчасъ, по произведеніи онаго, къ обязательному выкупу для крестьянъ отведенной земли, съ гарантіею правительства. Если правительство не можетъ приступить къ немедленному выкупу земли у помѣщиковъ, то выкупъ считается только отсро-*

ченнымъ. Правительство же назначаетъ срокъ, въ который приступить къ выкупу, и обязывается до уплаты помѣщикамъ капитала гарантировать ренту съ крестьянъ. Въ случаѣ пропущенія сего срока должна быть произведена переоцѣнка и переоброчка земель, отведенныхъ крестьянамъ. Помѣщики и крестьяне должны быть допущены къ участію въ хозяйственно—распорядительномъ управленіи мѣстности и ограждены отъ насилія чиновниковъ самостоятельнымъ судомъ.

Этимъ предложеніемъ вполнѣ дестигается Высочайшее повелѣніе, состоящее въ томъ, чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился; чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены; чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушался.

Крестьянинъ, освобожденный отъ крѣпостной зависимости и обезпеченный возможностью пріобрѣсти въ собственность необходимую для него землю, немедленно почувствуетъ, что бытъ его улучшенъ. Помѣщикъ, имѣющій средство удобно развестись съ крестьянами въ поземельномъ владѣніи и обезпеченный въ возможности обратить, отходящую отъ него, землю въ подвижной капиталъ, и на это поддержать свое хозяйство, немедленно успокоится въ томъ, что интересы его ограждены. Помѣщики и крестьяне, учавствуя въ хозяйственно-распорядительномъ управленіи мѣстности, мирно покончивши свои щекотливыя отношенія, истекавшія изъ крѣпостнаго права, будутъ сами стараться, чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась и чтобы общественный порядокъ не нарушался. Въ этомъ будетъ состоять ихъ собственный интересъ, ибо только при этихъ условіяхъ имъ возможно будетъ мирно пользоваться плодами своихъ трудовъ. Самостоятельный же судъ будетъ служить для нихъ вѣрнымъ огражденіемъ отъ всякаго насилія.

4.

Изъ тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы представителями Рязанскаго Комитета на правительственный проектъ крестьянской реформы, видно, до какой степени они были недовольны этимъ проектомъ. Это недовольство еще болѣе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что участіе депутатовъ при обсужденіи правительственнаго проекта, по ихъ мнѣнію, было сведено къ нулю; выска-

зываемыя ими мнѣнія и замѣчанія выслушивались и принимались какъ бы для того, чтобы исполнить формальность. Возвратившись крайне недовольными всѣмъ этимъ въ Рязань, они сочли первымъ своимъ долгомъ оповѣстить дворянъ о своей дѣятельности и объ исполненіи возложеннаго на нихъ Комитетомъ порученія. Для сего литографированные экземпляры ихъ замѣчаній были разосланы ими всѣмъ предводителямъ дворянства, при особыхъ письмахъ. Въ письмахъ этихъ было изложено [1]), что они „выбраны Рязанскимъ Губернскимъ Комитетомъ для представленія высшему правительству свѣдѣній и объясненій по проекту, составленному въ Комитетѣ". По прибытіи нашемъ въ Петербургъ, продолжаютъ они, намъ объявлена была Высочайшая инструкція отъ 11 августа сего (1859) года, по которой намъ вмѣнялось въ обязанность доставлять свѣдѣнія и объясненія уже не высшему правительству, а Редакціоннымъ Комиссіямъ, предъявившимъ намъ свой проектъ, нисколько не основанный на трудахъ Комитетовъ. Цѣль этого проекта заключается въ томъ, чтобы путемъ стѣснительнаго для помѣщиковъ пользованія крестьянами отведенною имъ землею за повинности, никогда неизмѣняемыя, разъ навсегда произвольно установленныя и ничѣмъ существенно не обезпеченныя, довести помѣщиковъ до уступки отведенныхъ крестьянамъ земель въ выкупъ правительству за безцѣнокъ; причемъ количество назначаемой Комиссіями въ таковое пользованіе и выкупъ земли до такой степени значительно, что угрожаетъ не только совершеннымъ разореніемъ помѣщиковъ, но и уничтоженіемъ земледѣлія въ цѣломъ государствѣ. Послѣ многихъ колебаній, принять или отказаться отъ возлагаемыхъ на насъ означенною инструкціею новыхъ обязанностей, которыя не были въ виду ни членовъ Комитета, ни дворянства Рязанской губерніи, мы пришли къ тому заключенію, что оставить судьбу помѣщиковъ и крестьянъ безъ защиты въ рукахъ Редакціонной Комиссіи значило бы всѣ интересы дворянства, какъ матеріальные, такъ и нравственные, передать въ руки чиновниковъ, цѣль которыхъ очевидна: удалить дворянство отъ этого дѣла и подчинить всѣхъ жителей своему произволу. Неоднократно мы всѣ, съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты, старались довести до Государя Императора, что дворянство вовсе не противится видамъ правительства освободить крестьянъ и обезпечить ихъ бытъ, но всѣ наши усилія оставались

---

[1]) Копія сохранилась въ бумагахъ князя С. В. Волконскаго.

тщетными, сѣть бюрократіи не допускала проникнуть истинѣ до престола. Тогда, не видя другаго пути, какъ представленіе свѣдѣній и объясненій въ Комиссію, мы представили оной наши замѣчаніи на ея работы и соображенія о тѣхъ крайнихъ уступкахъ, которыя правительство можетъ предложить сдѣлать помѣщикамъ Рязанской губерніи; объ этихъ соображеніяхъ мы сочли нужнымъ заявить, что они сдѣланы нами не по уполномочію дворянства, которое ни на какія пожертвованія и уступки насъ не уполномочивало, и потому не могутъ считаться обязательными для дворянства Рязанской губерніи. Соображенія сіи сдѣланы нами по крайнему нашему разумѣнію, и въ силу Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, лично намъ 4 сентяря сего года объявленнаго, оказать правительству содѣйствіе наше въ опредѣленіи степени пожертвованій, которая можетъ быть дворянству предложена. Въ сихъ видахъ и руководясь желаніемъ, чтобы дворянство постоянно осталось во главѣ реформы, мы рѣшились предложить семь пунктовъ, изложенныхъ нами въ заключеніи къ нашимъ соображеніямъ. Въ настоящее время борьбы бюрократіи съ дворянствомъ, угрожающей послѣднему совершеннымъ уничтоженіемъ, намъ кажется необходимымъ и единственно возможнымъ для дворянства уступить за безъобидную цѣну часть земли своей крестьянамъ съ гарантіею правительства въ исправности платежа, и затѣмъ, устроивъ крестьянство на началахъ справедливости и согласно съ личнымъ желаніемъ Государя Императора, предъявить свои собственныя права на участіе въ администраціи и хозяйственномъ распоряженіи края, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока останется хотя тѣнь вотчиннаго права, вмѣшательство бюрократіи, при теперешнемъ ея развитіи и централизаціи, будетъ неизбѣжно и поведетъ за собою порабощеніе всѣхъ классовъ народа полновластными чиновниками". Препровождая предводителямъ дворянства эти письма и при нихъ экземпляры соображеній и замѣчаній на проектъ положенія, составленнаго Редакціонными Комиссіями, депутаты просили сообщить эти бумаги на разсмотрѣніе, какъ членовъ Рязанскаго Комитета, такъ и прочихъ дворянъ, интересы которыхъ депутаты „старались защищать, какъ умѣли и на сколько предстояло возможности при теперешнихъ затруднительныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставленъ крестьянскій вопросъ".

Письма эти были разосланы въ ноябрѣ 1859 года, а въ декабрѣ предстояло губернское собраніе дворянства для обычныхъ

выборовъ. Во избѣжаніе обсужденія въ собраніи крестьянскаго вопроса, получившаго уже опредѣленное направленіе, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о запрещеніи какихъ либо сужденій по крестьянскому дѣлу въ собраніи. По этому поводу Рязанскій губернаторъ сообщилъ губернскому предводителю дворянства [1]), что „по случаю предстоящихъ въ Рязанской губерніи дворянскихъ выборовъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, увѣдомляетъ его, губернатора, что дворянство, на собраніяхъ его, не должно входить ни въ какія сужденіи по предметамъ, до крестьянскаго вопроса вообще касающимся, такъ какъ разсмотрѣніе сего вопроса, согласно ходатайству самаго дворянства, Высочайше возложено было на Губернскій Комитетъ, составленный изъ лицъ, самимъ дворянствомъ для этого избранныхъ, и для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій по состоявшимся въ Комитетахъ Положеніямъ, вызываются въ С.-Петербургъ отъ каждаго Комитета избранные имъ члены".

Ко времени приближенія дворянскаго собранія дворяне ознакомились какъ съ содержаніемъ замѣчаній своихъ депутатовъ на правительственный проектъ, такъ и съ циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ. То и другое вызвало среди дворянъ настолько сильное броженіе, что оно отразилось и на губернаторѣ, который предвидѣлъ возможность серьезнаго нарушенія законнаго теченія дѣлъ въ собраніи.

За нѣсколько дней до открытія собранія, онъ писалъ г. министру внутреннихъ дѣлъ [2]), что „по пріѣздѣ въ Рязань нѣкоторыхъ дворянъ, по случаю предстоящихъ выборовъ, начали распространяться разговоры о томъ, что Высочайшее повелѣніе, изложенное въ циркулярномъ предписаніи его г. министра, воспрещающее дворянству на собраніяхъ его входить въ сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса вообще касающимся, не обязательно для дворянъ потому, что, отмѣняя законъ, дозволяющій имъ судить о своихъ нуждахъ, не иначе можетъ принять

---

[1]) 16 ноября 1859 года, № 11945. См. дѣло Рязанскаго дворянства депутатскаго собранія 1859 г. № 11.

[2]) 7 декабря 1859 г. № 12653. См. дѣло канцел. Ряз. губерніи о дворянскихъ выборахъ въ 1859 г. Второе донесеніе 12 декабря № 312; весьма конфиденціально 3-е донесеніе 15 декабря № 12954; 4-е секретно, письмо № 12955. Копій съ трехъ послѣднихъ бумагъ въ дѣлѣ не оставлено.

законную силу, какъ только порядкомъ, указаннымъ въ ст. 233, т. 1, св. зак. кн. IV. Передъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ, продолжаетъ губернаторъ, я употреблю всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобы объяснить дворянамъ, буде они войдутъ ко мнѣ по изложенному предмету съ вопросомъ, что..... (и т. д., слѣдуетъ объясненіе словами циркуляра), но если и за симъ дворяне дозволятъ себѣ входить въ присутствіи собранія ихъ въ сужденія по предметамъ, касающимся до крестьянскаго вопроса, то мною тотчасъ же будутъ закрыты сказанныя собранія и донесено объ этомъ немедленно вашему высокопревосходительству".

10 декабря было открыто дворянское собраніе, которое по исполненіи обычныхъ формальностей выслушало циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Вынесенное отъ этого дворянами впечатлѣніе было самое подавляющее. Дѣло представлялось имъ въ такомъ видѣ, что мнѣніе избраннаго ими Комитета во вниманіе не принято, депутаты не выслушаны, и въ концѣ концовъ, въ отмѣну существующаго закона, коимъ дворянству дозволяется ходатайствовать о своихъ нуждахъ,—послѣдовало запрещеніе обсуждать въ собраніи самый кровный для дворянъ вопросъ, да къ тому же и самая отмѣна закона послѣдовала не въ порядкѣ, закономъ указанномъ. Въ этомъ Рязанскіе дворяне усматривали уже начало произвола.

Обсужденіе циркуляра по уѣздамъ привело къ слѣдующимъ результатамъ. Рязанскій уѣздъ высказалъ, что 1) труды Редакціонныхъ Комиссій во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ крестьянскаго дѣла капитально различествуютъ съ Положеніемъ, написаннымъ Рязанскимъ Комитетомъ, и не уравновѣшиваютъ выгодъ обоихъ сословій, разрѣшая большею частію все въ прямой ущербъ дворянства; 2) что крестьянское дѣло такъ тѣсно соединено со всѣми вопросами не только общественной жизни, но и благосостоянія каждаго дворянина, что нѣтъ ни одного вопроса, подлежащаго сужденію, или рѣшенію дворянства, который могъ бы быть разрѣшенъ правильно, безъ принятія въ соображеніе и самого сужденія по крестьянскому дѣлу, и 3) что собраніе дворянства до сихъ поръ пользовалось правомъ совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ и въ случахъ важныхъ приносить Всеподданѣйшія прошенія и даже въ собственныя руки Его Величества. Мнѣніе, выраженное во 2 пун., раздѣлялось уѣздами: Спасскимъ, Егорьевскимъ и Зарайскимъ. Пронскій уѣздъ полагалъ, что крестьянскій вопросъ составляетъ самую существенную нужду

дворянства, почему дворяне не считаютъ возможнымъ приступить къ какимъ либо сужденіямъ и выборамъ, доколѣ имъ не будетъ возвращено право обсудить крестьянское дѣло. Труды Губернскаго Комитета оставлены совершенно безъ вниманія Редакціонными Комиссіями, которыя составили проектъ Положенія на совершенно другихъ началахъ нежели тѣ, которыя даны въ руководство Комитету и которыя заставляютъ опасаться дворянство, что исходъ настоящаго вопроса будетъ самый бѣдственный. Данковскій уѣздъ высказалъ, что предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ совершенно уничтожаетъ коренное право дворянства. Къ этому мнѣнію присоединились уѣзды: Сапожковскій и Ряжскій. Раненбургскій уѣздъ нашелъ, что кромѣ предметовъ, обсужденныхъ Губернскимъ Комитетомъ, съ крестьянскимъ вопросомъ тѣсно связаны и всѣ другіе вопросы, касающіеся нуждъ и пользъ дворянства. Уѣздами: Касимовскимъ, Скопинскимъ и Михайловскимъ никакого мнѣнія высказано не было. Независимо сего, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ дворянъ выражено: Замятинымъ, что Рязанскій Комитетъ составилъ проектъ положннія, въ основаніе коего приняты всѣ мѣстныя условія для наивозможнаго соглашенія выгодъ двухъ сословій. Проектъ Редакціонныхъ Комиссій во всѣхъ своихъ главныхъ основаніяхъ расходится съ проектомъ Рязанскаго Губернскаго Комитета, такъ что участіе Рязанскаго дворянства въ этомъ дѣлѣ какъ бы не существовало вовсе, а потому для возстановленія своего участія и надо пересмотрѣть труды Комиссіи и представить свои заключенія. Для сего слѣдуетъ составить новый Губернскій Комитетъ, замѣчанія котораго должны быть представлены дворянству въ особомъ чрезвычайномъ его собраніи. Графомъ Д. Н. Толстымъ,—что онъ „былъ свидѣтелемъ того горькаго впечатлѣнія, которое произвело чтеніе въ залѣ собранія извѣстной бумаги и нисколько не удивленъ имъ. Въ сословіи, душою котораго всегда была честь, всякій намекъ, хотя бы неумышленно ея затрогивающій, не можетъ не произвести подобнаго результата. Слышавшіе чтеніе не могли остаться равнодушными, когда дѣло шло о лишеніи насъ права, пріобрѣтеннаго заслугамн нашихъ отцовъ. Первое впечатлѣніе огорчило всѣхъ.“ Далѣе графъ Толстой развивалъ ту мысль, что существуетъ разница между отмѣною закона и удержаніемъ на извѣстное время силы дѣйствія его. Первое совершается въ порядкѣ законодательномъ, второе—приводится въ исполненіе Высочайшими повелѣніями, объявленными министрами; первое содержитъ въ себѣ распоряженіе обя-

зательное на будущее время безъ ограниченія; характеръ втораго опредѣляется однимъ извѣстнымъ случаемъ и дается всегда на данное, опредѣленное время. Данная бумага относится ко второму виду и объявлена въ законномъ порядкѣ, а потому „протестъ во имя закона противу даннаго повелѣнія былъ бы съ нашей стороны самымъ явнымъ нарушеніемъ того же закона и, сверхъ того, навлекъ бы на насъ гнѣвъ Государя, въ рукѣ котораго находятся всѣ наши права. Сокращеніе ихъ, скажу болѣе, отмѣна ихъ, будетъ возможна и мы навлечемъ на себя отвѣтственность передъ согражданами, что подали поводъ къ ограниченію правъ, столь для насъ драгоцѣнныхъ“. Въ результатѣ всѣхъ обсужденій, собраніе 12 декабря приняло составленный адресъ, въ коемъ выражалась Всеподданнѣйшая просьба дворянства о дозволеніи ему на нынѣшнихъ выборахъ, не ограничиваясь срокомъ, для оныхъ установленнымъ, обсуждать вполнѣ ихъ нужды и пользы, не стѣсняясь крестьянскимъ вопросомъ и другими, съ онымъ сопряженными, а 18 декабря губернаторъ извѣстилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ телеграммою увѣдомилъ его, что по ходатайству предводителей Государь не разрѣшилъ касаться крестьянскаго дѣла въ дворянскомъ собраніи; выборы окончить въ законный срокъ [1]).

Однако это распоряженіе не остановило дальнѣйшаго обсужденія въ собраніи дворянъ крестьянскаго вопроса, хотя это обсужденіе приняло неоффиціальный, частный характеръ. Дворяне вполнѣ одобряли сдѣланные ихъ депутатами замѣчанія на правительственный проектъ, за исключеніемъ размѣра надѣловъ, которые они находили высокими. Результатомъ обсужденія появилась особая записка, подписанная всѣми наличными дворянами, которую послѣдніе постановленіемъ 19 декабря рѣшили поднести черезъ посредство губернскаго предводителя дворянства на Высочайшее усмотрѣніе.

Въ составленной запискѣ изложенъ „проектъ освобожденія крестьянъ Рязанской губерніи съ землею“ [2]). Въ проектѣ этомъ значится, что Высочайшими рескриптами разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ возложено на дворянство, а потому дворянское сословіе и отвѣтственно передъ народомъ въ благополучномъ исходѣ сего дѣла.

---

[1]) Дѣло дворян. депут. собранія 1859 г. № 11.

[2]) Копія сохранилась въ бумагахъ Ф. С. Офросимова.

„На основаніи составленнаго въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ Положенія, крестьянамъ отдается помѣщичья земля въ безсрочное пользованіе за повинности чрезвычайно малыя, разъ на всегда опредѣленныя и никогда неизмѣняемыя и притомъ въ такомъ количествѣ, которое не только достаточно для обезпеченія ихъ быта, но поставляетъ крестьянъ въ положеніе, при которомъ у нихъ не будетъ ни охоты, ни времени, ни надобности искать вольно-наемной работы; этимъ самымъ всѣ прочія сословія будутъ лишены возможности продолжать свои промышленности, а помѣщичьи хозяйства должны будутъ уничтожаться, уничтоженіе же помѣщичьихъ хозяйствъ поведетъ за собою разореніе помѣщиковъ и голодъ во всемъ государствѣ.

„Земля, отводимая крестьянамъ, принадлежа въ собственность помѣщикамъ, поступаетъ въ полное владѣніе и распоряженіе крестьянъ, безъ всякаго существеннаго на эту землю права собственности; этимъ нарушается основное понятіе въ народѣ о неприкосновенности права собственности. Народъ нашъ еще не знакомый, въ силу крѣпостнаго состоянія, ни съ какими правами, научится не уважать одно изъ главныхъ основаній государственнаго устройства—собственность и ея права. Наконецъ, помѣщикамъ предоставляется самимъ получать съ свободныхъ и совершенно отъ нихъ независимыхъ крестьянъ оброкъ, или натуральную повинность, причемъ таковое полученіе повинности ничѣмъ не обезпечивается и обстанавливается въ составленномъ Положеніи такъ, что крестьяне могутъ всегда уклоняться отъ выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей, а помѣщики лишены всякихъ средствъ къ побужденію исполнять законныя требованія.

„Вслѣдствіе этого будущее положеніе землевладѣльческаго класса представляется въ слѣдующемъ видѣ: свободные крестьяне, награжденные съ избыткомъ землею и по закону, и по общему понятію о собственности, принадлежащею помѣщикамъ, обязанные нести за сію землю повинности, произвольно и помимо ихъ желанія постановленныя, взысканіе которыхъ ничѣмъ не обезпечено, не только не будутъ исполнять этихъ повинностей, но не пойдутъ къ помѣщикамъ работать и по найму; помѣщики, принужденные удѣлить крестьянамъ за крайне низкіе повинности значительную часть земли, принадлежащей имъ въ собственность, не будутъ въ состояніи ни получить за сію землю опредѣленную повииность, ни даже обработывать оставшуюся у нихъ землю, ибо обязательная работа свободныхъ людей не возможна, а для

вольно-наемнаго труда не будетъ въ предложенiи свободныхъ рукъ, а притомъ и оборотнаго капитала, безъ котораго вольно-наемная работа невозможна; наконецъ, помѣщики и крестьяне, два совершенно свободныхъ и независимыхъ одно отъ другаго сословiя, будутъ поставлены въ обязательныя другъ къ другу отношенiя, послѣдствiя таковыхъ отношенiй очевидны: безпрерывныя столкновенiя обоихъ сословiй, долженствующiя неизбѣжно превратиться въ ненависть одного сословiя къ другому".

Въ устраненiе такого положенiя въ проектѣ предлагается слѣдующее: *Скорѣйшее разрѣшенiе крестьянскаго вопроса*, такъ какъ тяжелое неопредѣлительное положенiе, въ которомъ находятся помѣщики и крестьяне, вредно въ хозяйственномъ и нравственномъ отношенiяхъ. *Освобожденiе крестьянъ съ землею*, причемъ для Рязанской губернiи оставляются существующiе надѣлы, съ опредѣленiемъ только высшей цифры оныхъ для всей части губернiи, лежащей по правую сторону р. Оки, въ 2 дес. 450 саж. на каждую ревизскую душу мужскаго пола, а для Заокской стороны въ 2½ десяты на душу. Во всѣхъ имѣнiяхъ, гдѣ за таковымъ надѣломъ у помѣщиковъ будетъ оставаться земли менѣе половины, тамъ дача дѣлится пополамъ. *Повинность за землею опредѣляется при высшемъ размѣрѣ надѣла для Рязанской губернiи въ 9 руб. сер.* Немедленно по освобожденiи крестьянъ должно приступить къ отводу имъ земель и по отводѣ оныхъ *къ обязательному со стороны крестьянъ выкупу сихъ земель*, который долженъ начаться въ губернiи единовременно. *Для произведенiя оцѣнки отходящихъ крестьянамъ земель капитализируется платимая ими за сiю землю повинность изъ 6%.* Помѣщики въ дѣлѣ выкупа ожидаютъ правительственной помощи; но ежели почему либо окажется, что государство не можетъ помочь помѣщикамъ, *то дозволить дворянству открыть въ Рязанской губернiи земскiй банкъ.* Въ основной капиталъ этого банка обращаются суммы, собранныя съ помѣщиковъ на предметъ народнаго продовольствiя. Банку предоставляется совершить выкупъ по формѣ, принятой въ кредитныхъ учрежденiяхъ на основанiи сложныхъ процентовъ. При одномъ процентѣ погашенiя, вся операцiя выкупа совершится въ 37 лѣтъ. Банкъ выдаетъ ежегодно владѣльцамъ въ опредѣленные сроки по 5% на сто, одинъ же процентъ поступаетъ въ погашенiе. Банкъ учреждается съ двоякою цѣлью, а) для произведенiя выкупа и б) для развитiя необходимаго для успѣха сельскаго хозяйства поземельнаго кредита, а потому можетъ производить изъ запаснаго капи-

тала ссуды единственно только подъ залогъ поземельныхъ угодій съ наивозможно меньшимъ процентомъ и на продолжительное время. Банкъ управляется губернскимъ предводителемъ и четырьмя избранными дворянами изъ среды своей директорами, а какъ онъ образовывается собственно изъ поземельныхъ доходовъ губерніи и въ особенности помѣщичьихъ, то и долженъ навсегда оставаться подъ контролемъ Рязанскаго общества землевладѣльцевъ. Все управленіе банка производится съ полною гласностію и отчеты онаго публикуются во всеобщеее извѣстіе ежегодно. Такъ какъ вся операція банка основывается на исправномъ взносѣ крестьянами слѣдующихъ съ нихъ суммъ, исправное же исполненіе крестьянами обязанностей существенно зависитъ отъ ихъ благосостоянія, которое при нашей администраціи и при безправіи, въ которое она поставляетъ жителей, особенно низшихъ классовъ, находится въ зависимости отъ мѣстныхъ чиновниковъ, то дозволить дворянству имѣть въ каждомъ уѣздѣ на все время выкупа Уѣздные Комитеты, состоящіе изъ уѣзднаго предводителя и двухъ дворянъ. Дворяне сіи избираются изъ жителей уѣзда помѣщиками и крестьянами. Обязанность членовъ этого Комитета заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы мѣстными властями не было дѣлаемо крестьянамъ никакихъ стѣсненій и чтобы они не были подвергаемы иикакимъ излишнимъ поборамъ. Всякое лицо безъ отличія его должностнаго и недолжностнаго характера, обнаруженное Комитетомъ въ стѣсненіи крестьянъ, подвергается суду присяжныхъ. Судъ присяжныхъ учреждается подъ предсѣдательствомъ судьи, опредѣленнаго Высочайшею властію и независимаго отъ административной власти, подлежащей въ свою очередь отвѣтственности передъ симъ судомъ. Для облегченія крестьянамъ и прочимъ жителямъ участія въ земскихъ повинностяхъ учреждается въ губерніи общее изъ всѣхъ сословій управленіе по части хозяйственной и распорядительной, на выборномъ началѣ основанное, съ устраненіемъ чиновниковъ отъ произвольнаго распоряженія суммами земскаго сбора. „Этимъ предположеніемъ, говорится въ заключеніи проекта, достигаются вполнѣ благотворныя предначертанія правительства Крестьяне дѣлаются поземельными собственниками и получаютъ гражданскую свободу, ограждаемые дворянствомъ, — высшимъ государственнымъ сословіемъ, лично заинтересованнымъ въ благосостояніи крестьянъ отъ притѣсненій мѣстнаго управленія. Крестьяне пріучаются пользоваться дарованными имъ правами, что

весьма важно, ибо двухвѣковая крѣпостная зависимость и господствовавшее повсюду безправіе, прекращенныя вдругъ, безъ надлежащаго руководителя, могутъ или обратить крестьянъ въ чиновничьихъ рабовъ, или, напротивъ, развить въ нихъ не самоуправленіе, а самоуправство. Помѣщики, получивъ законное вознагражденіе за отходящую отъ нихъ собственность, поставленные личнымъ своимъ интересомъ въ необходимость ограждать крестьянъ, связанные съ ними взаимными выгодами, могутъ съ успѣхомъ продолжать свое хозяйство и явиться полезными для государства дѣятелями. Все государство, освобожденное отъ крѣпостнаго права, не взволнованное смутами двухъ главныхъ сословій, составляющихъ всю его жизнь и силу, быстро пойдетъ по пути развитія и благоденствія, указанному ему Державнымъ его руководителемъ".

Чтобы придать большее значеніе замѣчаніямъ депутатовъ на правительственный проектъ, одобреннымъ собраніемъ дворянства,—одинъ изъ депутатовъ, Ф. С. Офросимовъ, счелъ своею обязанностію извѣстить предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій г. Ростовцева о послѣдовавшихъ въ дворянскомъ собраніи постановленіяхъ, съ цѣлію точнѣе опредѣлить характеръ, который получили эти замѣчанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе Коммиссій на цифру надѣла и на способы освобожденія крестьянъ [1]).

Въ январѣ 1860 года губернскій предводитель дворянства препроводилъ записку дворянъ къ губернатору, съ просьбою—повергнуть Всеподданнѣйшую просьбу дворянства, выраженную въ запискѣ, черезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ на Всемилостивѣйшее возрѣніе Государя Императора [2]). Губернаторъ, препровождая эту записку, присовокупилъ, что она „составлена была дворянами внѣ залы собранія и совершенно успокоила волновавшіеся въ то время умы дворянъ; почему я полагаю, продолжаетъ губернаторъ, что если бы ваше высокопревосходительство изволили признать возможнымъ представить на Всемилостивѣйшее возрѣніе Государя Императора изложенныя въ запискѣ обстоятельства черезъ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, то какое бы ни послѣдовало на это Высочайшее повелѣніе, оно совершенно окон-

---

[1]) Копія письма Ф. С. Офросимова къ губернскому предвод. дворянства сохранилась въ бумагахъ Офросимова.

[2]) 27 января 1860 г. № 95. См. дѣло канц. Рязанскаго губернатора о дворянскихъ выборахъ 1859 г.

читъ возникшую по сему предмету переписку“ [1]). Одновременно съ тѣмъ, губернаторъ обратился съ письмомъ къ Якову Александровичу Соловьеву, въ коемъ, извѣщая о препровожденной г. министру запискѣ, говоритъ: „искренно желая какъ можно скорѣе окончить всякую переписку, я покорнѣйше прошу васъ оказать въ этомъ возможное съ вашей стороны содѣйствіе, причемъ необходимымъ считаю объяснить, что разрѣшеніе представленной мною его высокопревосходительству записки дворянъ по Высочайшему повелѣнію было бы необходимо для совершеннаго прекращенія дальнѣйшихъ толковъ дворянства по этому предмету и потому, что, какъ я полагаю, въ случаѣ разрѣшенія представленія губернскаго предводителя дворянства не по Высочайшему повелѣнію, дворяне не оставятъ въ покоѣ губернскаго предводителя по этому дѣлу до тѣхъ поръ, пока онъ вновь не войдетъ со Всеподданнѣйшимъ представленіемъ прямо къ Государю Императору“ [2]).

На ходатайство дворянъ послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернатора: „препровожденное вашимъ превосходительствомъ Всеподданѣйшее ходатайство 156 дворянъ Рязанской губерніи объ устройствѣ для выкупа крестьянскихъ участковъ земскаго банка на суммы губернскаго продовольственнаго капитала, было представлено мною въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Журналомъ Высочайше утвержденнымъ 5 марта, Главный Комитетъ призналъ, что продовольственный капиталъ по дѣйствующимъ законамъ имѣетъ опредѣленное назначеніе и на другіе предметы употребленъ быть не можетъ. Что же касается до того, можетъ ли этотъ капиталъ, или часть его, не теряя своего назначенія, быть употребленъ какъ размѣнный фондъ земскихъ банковъ, когда сіи послѣдніе будутъ устроены, то этотъ вопросъ долженъ подлежать особымъ финансовымъ и государственнымъ соображеніямъ [3])“.

---

[1]) 30 января 1860 г. № 1048. Тоже дѣло.
[2]) 30 января 1860 г. № 1049. Тоже дѣло.
[3]) 8 марта 1860 г. № 50. Тоже дѣло.

Приложенія.

Замѣч. ред. Въ концѣ послѣдняго (XII) очерка по исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губерніи авторомъ было обѣщано „продолженіе“. О чемъ было бы „продолженіе“, вслѣдствіе особенности процесса изслѣдованія о крѣпостномъ правѣ Повалишинымъ (см. предисл.),—сказать трудно: было-ли бы оно продолженіемъ именно этого очерка,—или это былъ бы цѣлый рядъ картинъ изъ близко-знакомой автору эпохи введенія реформы, которыя должны были раскрыть предъ нами, одну-за другой, страницы „новой исторіи русскаго народа, наступившей послѣ 19 февраля 1861 г.“,—можно лишь догадываться. Трудно допустить, чтобы такіе захватывающіе, живые вопросы, какъ,—19 февраля въ Рязанской губерніи, первые шаги—эмансипаціи, жизненная выработка и установленіе взаимоотношеній заинтересованныхъ двухъ сословій, уставныя грамоты и мировые посредники, и т. п.—были бы оставлены безъ вниманія Повалишинымъ, при его теоретическомъ, архивномъ и практическомъ знакомствѣ съ этими страницами русской жизни. Въ черновыхъ его клочкахъ есть заголовокъ: „*Введеніе реформы*“.

Смерть остановила работу на самомъ концѣ первой половины его изслѣдованія. Повидимому, онъ не закончилъ даже и XII статьи. Его интересовали подробности пребыванія Рязанскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ихъ детальное участіе въ засѣданіяхъ Главнаго Комитета. На это указываетъ нѣсколько карандашныхъ выписокъ мѣстъ, относящихся до Рязанской губерніи, изъ печатныхъ сочиненій по исторіи освобожденія крестьянъ. Сами по себѣ эти выписки не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но въ связи съ XII очеркомъ онѣ имѣютъ интересъ какъ дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ статьи. Поэтому эти выписки печатаются въ особомъ приложеніи. Кромѣ того, въ приложеніи печатается „*Пожеланія Пронскаго дворянства въ 1858 году*“—архивное дѣло, проредактированное и поясненное Повалишинымъ, какъ образчикъ отзыва уѣзднаго Рязанскаго дворянства при рѣшеніи вопроса о крестьянской реформѣ. (Напечат. было въ тр. Арх. Ком. 1894 г. вып. I).

Нѣсколько черновыхъ выдержекъ изъ архивныхъ дѣлъ, сдѣланныхъ авторомъ, „очерковъ“,—приводятся для полноты иллюстраціи отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными.

Пожеланія дворянъ Пронскаго уѣзда въ 1858 году [1]).

Въ статьѣ моей: „участіе Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“ между прочимъ, указано на то, что еще прежде обсужденія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Губернскомъ Комитетѣ, открытомъ 26-го августа 1858 года,—губернаторомъ были разрѣшены въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предварительные съѣзды дворянъ для обмѣна мыслей по тому же вопросу. До послѣдняго времени мнѣ не удавалось добыть какихъ бы то ни было документовъ, указывающихъ на то, были ли созваны подобные съѣзды въ какомъ либо уѣздѣ и какой взглядъ ими былъ высказанъ на крестьянскій вопросъ. Между тѣмъ какъ уяснить этотъ взглядъ дворянъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ онъ указывалъ бы на первоначальное положеніе вопроса о крестьянской реформѣ. Намъ извѣстенъ взглядъ дворянъ, по скольку онъ выяснился въ работахъ Губернскаго Комитета. Эти работы нашли себѣ оцѣнку во всеподданнѣйшей запискѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ланского [2]), въ коей мнѣніе нѣкоторыхъ Губернскихъ Комитетовъ, и въ томъ числѣ (большинства) Рязанскаго, характеризовано такъ .....„мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергать ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ Губернскіе Комитеты первою статьею своихъ положеній единогласно постановили отреченіе отъ крѣпостного состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, выражается почти во всѣхъ Комитетахъ и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большин-

---

[1]) Напеч. въ Труд. Арх. Ком. за 1894 г. вып. I, т. IX.

[2]) Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (авг. 1858 г.). См. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II; Н. П. Семеновъ, т. I, стр. 826—134.

ство. Всего сильнѣе оно выразилось..... въ большинствѣ... Рязанскаго... Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта.. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не допуствивъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ, и восхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12-ти-лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе недать крестьянамъ земельнаго надѣла... Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настоящее время не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостного состоянія обратить въ выгодную для себя операцію"... Если такой взглядъ на дѣло крестьянской реформы существовалъ въ средѣ членовъ Губернскаго Комитета, то подобный же взглядъ долженъ былъ господствовать въ средѣ дворянъ уѣздовъ, такъ какъ члены Губернскихъ Комитетовъ выбирались изъ уѣздовъ же, и при томъ изъ числа дворянъ наиболѣе дѣятельныхъ и во взглядахъ своихъ наиболѣе отвѣчающихъ большинству уѣзднаго дворянства.

Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на быстрое развитіе крестьянскаго вопроса въ періодъ 1857—1861 годовъ. Положеніе, выработанное Губернскими Комитетами, всецѣло уже не находило поддержки со стороны депутатовъ тѣхъ же Комитетовъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, такъ какъ взгляды членовъ Комитетовъ къ тому времени значительно измѣнились; а по окончаніи работъ Редакціонныхъ Комиссій, ко времени изданія Положенія 19 февраля 1861 года,—большинство дворянства смотрѣло на предстоящую реформу уже совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде. Изъ этого можно предположить, что взгляды Рязанскаго Комитета, поскольку они выразились въ составленномъ имъ проектѣ, нашедшемъ себѣ оцѣнку въ запискѣ Министра Внутрен-

нихъ Дѣлъ,—не вполнѣ отвѣчали взглядамъ уѣзднаго дворянства, и представляли уже нѣкоторый шагъ впередъ. Подтвержденіе этой мысли и находится въ недавно найденномъ мною въ бумагахъ покойнаго Ф. С. Офросимова документѣ.

Изъ этого документа видно, что предварительный съѣздъ дворянъ былъ въ Пронскомъ уѣздѣ; что на этомъ съѣздѣ были поставлены, разработаны и подробно мотивированы г. Офросимовымъ (помѣщикомъ Пронскаго уѣзда) вопросы, которые были подвергнуты обсужденію и рѣшенію дворянъ. Подлинный документъ, подписанный всѣми принимавшими на съѣздѣ участіе дворянами, былъ переданъ въ распоряженіе г. Офросимова и долженъ былъ служить ему какъ бы инструкціей при обсужденіи крестьянскаго вопроса въ Губернскомъ Комитетѣ, членомъ коего отъ Пронскаго уѣзда былъ избранъ г. Офросимовъ. Съѣздъ былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, Долгова, въ составѣ болѣе 20 дворянъ, именно: Александрова, Бурцова, Биркина, Болотова, Горлова, Гвоздева, Загоскина, Клеванова князя Крапоткина, Кромина, Лысцова, Максимова, Мосолова, Острѣцова, Татаринова, Украинцова, Ѳедюкина, Филатова, Цѣнина, Щетинина и еще нѣкоторыхъ лицъ, фамиліи коихъ мнѣ не удалось разобрать. Изъ всѣхъ поименованныхъ лицъ въ настоящее время [1]) въ живыхъ находится только одинъ.

Обсуждавшіеся на съѣздѣ вопросы и рѣшеніе ихъ дворянами состоятъ въ нижеслѣдующемъ.

I. На основаніи программы (глава 1, п. 2) *помѣщичьимъ крестьянамъ даруются права лично и по имуществу, присвоенныя другимъ податнымъ сословіямъ въ Государствѣ.*

Податныя сословія раздѣляются на *городскія и сельскія.* Какія права въ настоящемъ случаѣ даруются крестьянамъ, и если имъ предоставить права *городскихъ податныхъ сословій*, то какъ согласовать сіи права съ Высочайшею волею, изъявленною въ рескриптѣ, чтобы крестьяне во время переходнаго состоянія оставались крѣпкими землѣ и несли въ отношеніи помѣщиковъ различнаго рода повинности. При томъ же, въ 790 ст. Св. Зак. о сост. существуетъ воспрещеніе свободнымъ хлѣбопашцамъ, не выполнившимъ обязанностей передъ помѣщикомъ, переходить въ городское сословіе безъ разрѣшенія на то помѣщика и согласія кре-

[1]) Писалось въ 1894 году. *Ред.*

дитнаго установленія, въ коемъ заложены. Посему, не слѣдуетъ ли помѣщичьимъ крестьянамъ предоставить токмо права, присвоенныя сельскимъ обывателямъ (ст. 661 и слѣд. IX т. Св. Зак.).

Рѣшеніе дворянъ. Предоставляются крестьянамъ права однихъ свободныхъ сельскихъ обывателей, съ ограниченіемъ права продажи усадьбы, если бы даже они въ цѣломъ составѣ общества и выкупили ихъ на основаніи 9 п. IV гл. программы.

II. Во 2-й главѣ программы (п. 2 и 3) *воспрещается крестьянамъ переходъ цѣлыми обществами, но дозволяется переходъ въ другое сословіе отдѣльно лицу, или семейству.*

На какихъ основаніяхъ дозволить таковой переходъ?

Въ 790, 791 и 792 ст. Свод. Зак. о состоян. постановлены правила, на которыхъ дозволяется переходъ въ другое сословіе свободнымъ хлѣбопашцамъ, не окончившимъ своихъ обязанностей къ помѣщику. Не могутъ ли сіи правила быть примѣнены въ настоящемъ случаѣ?

Рѣшеніе дворянъ. Примѣнить правила, изложенныя въ 790, 791 и 792 ст. IX т. Св. Зак., съ ограниченіемъ, существующимъ въ 488 ст. того же тома для удѣльныхъ крестьянъ.

III. Въ 3 п. 11 главы *требуется постановить крайній срокъ для срочно-обязаннаго положенія.*

Какой слѣдуетъ назначить срокъ?

По указанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ не долженъ превышать 12 лѣтъ.

Рѣшеніе дворянъ. 12 лѣтъ.

IV. Въ 1 п. 3 главы *постановлено опредѣлить неприкосновенность правъ помѣщиковъ на всю землю.*

Нельзя не признать, что настоящій переворотъ сильно поколебалъ довѣріе, которое имѣли помѣщики къ неприкосновенности ихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ. Если при предположенной перемѣнѣ сихъ правъ не будетъ ясно и твердо гарантировано право помѣщиковъ на всю землю, то съ одной стороны подъ вліяніемъ воспослѣдовавшаго уже нарушенія права собственности на личность крестьянъ безъ всякаго вознагражденія и на усадебную землю съ номинальнымъ вознагражденіемъ, а съ другой—имѣя въ виду подобный переворотъ въ Пруссіи, гдѣ правительство отдало $^2/_3$ земли крестьянамъ, вознаградивъ за нее помѣщика $^1/_3$ земли, считавшейся его же собственностью, помѣщики не будутъ имѣть никакого желанія дѣлать какія либо улучшенія въ имѣніяхъ, опасаясь новыхъ перемѣнъ и новыхъ нару-

шеній права собственности. А потому, дабы возстановить довѣріе, не слѣдуетъ ли потребовать, чтобы означенный 1-й п. былъ выраженъ въ такомъ смыслѣ. *Помѣщики сохраняютъ неотъемлемое право собственности на всю землю, безъ различія той, которая находится въ пользованіи помѣщика и отведена въ пользованіе крестьянъ, а равно и на усадьбы, доколѣ онѣ не будутъ выкуплены. Таковое право, по которому никакая часть земли, принадлежащей помѣщику, не можетъ быть отчуждена безъ воли и согласія помѣщика, есть коренной законъ землевладѣнія помѣщиковъ въ Россіи и составляетъ одно изъ неотъемлемыхъ помѣщичьихъ правъ.*

Рѣшеніе дворянъ. Изложить въ сихъ выраженіяхъ, а гл. 3 п. 4. такъ: *безусловное право помѣщика на минеральныя богатства и каменныя копи, хотя бы онѣ открылись и въ земляхъ, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ по отводѣ оныхъ; тѣ же самыя права распространяются и на лѣса. Что же касается до воды, то право крестьянъ на нее заключается въ одномъ водопоѣ, даже если бы она была и въ усадьбахъ.*

V. На основаніи 1 п. IV главы программы крестьянская усадьба заключается: 1) въ усадебныхъ строеніяхъ, 2) въ усадебной землѣ. Во 2 п. той же главы предписывается произвести оцѣнку усадьбы, а въ 6 п. отношенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ начальникамъ губерній объяснено, что размѣръ выкупа усадебной осѣдлости опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ.

Въ сихъ видахъ не слѣдуетъ ли раздѣлить усадьбы на три категоріи, или разряда: 1) усадьбы обыкновенныя, не представляющія особыхъ промысловыхъ выгодъ; 2) усадьбы сами по себѣ принадлежащія къ разряду обыкновенныхъ, но по мѣстнымъ условіямъ доставляющія крестьянамъ особыя промысловыя выгоды, какъ то: усадьбы, лежащія близъ городовъ, торговыхъ селъ, пристаней, большихъ судоходныхъ рѣкъ, близъ значительныхъ фабрикъ и пр. и 3) усадьбы сами по себѣ цѣнныя, какъ то: базарныя мѣста, пристани, скотопригонные дворы, постоялые дворы и пр.

1) *Обыкновенныя усадьбы.* а) *оцѣнка строеній.* При оцѣнкѣ строеній нельзя руководиться примѣрами продажи строеній на свозъ, потому что покупатель на свозъ, находясь въ необходимости перебирать и переносить строенія, убавляетъ оному цѣну, а слѣдуетъ оцѣнивать оныя по количеству и качеству матеріала сообразно мѣстнымъ цѣнамъ.

Обыковенная усадьба двухтягольнаго двора состоитъ изъ 8-ми аршинной избы съ сѣнями и горницей, трехъплетневымъ

крытымъ навѣсомъ на дубовыхъ столбахъ, плетневой риги и амбара. На это, примѣрно, надо лѣса: на избу 68 бревенъ 8 арш. по 30 коп.=10 р. 40 к.; на сѣни и горницу 56 бревенъ 7 арш. по 20 к.=12 руб.; деревъ на косяки, доски и переводы до 60 по 45 к.=27 руб.; столбовъ разныхъ 20 по 50 к.=10 руб.; слегъ 180 по 5 к.=9 руб.; жердей и крючьевъ 260 по 3 к.=7 руб. 80 к.; кольевъ и хворосту на 18 р.; за привозку лѣса, при существующемъ порядкѣ вывозки, на угощеніе 20 руб., плотникамъ 40 р.; 600 кирпичей на печь по 50 к.=3 р., гвоздей и костылей 3 р., моху 2 р. всего=172 р. 20 к. Полагая дворъ на 2 тягла, на каждое тягло упадаетъ 86 р., а считая на тягло 3 души, на каждую душу составитъ 28 р. 67 к.

б) *Оцѣнка земли.* Полагая оцѣнку земли усадебной подесятинно и принимая въ основаніе оной доходъ, который можно получить съ этой земли, если разводить на оной то, что наиболѣе на сей землѣ сѣютъ крестьяне въ настоящее время, а именно, коноплю, оказывается, что на десятину высѣвается до 9 мѣръ конопли, которой средній урожай по таковой сильно удобренной землѣ можно положить самъ 5, т. е. за сѣменами 45 мѣръ или 5 четвер. 5 мѣръ съ десятины. Средняя продажная цѣна сѣмя 2 р. 30 к. за четверть, всего получается съ десятины за сѣмя 13 р., съ десятины получится волокна до 20 пудъ; полагая оному цѣну 1 р. сер. за пудъ, десятина дастъ дохода до 33 р. сер. въ годъ, а по оцѣнкѣ дохода въ 10-лѣтней сложности, стоимость десятины усадебной земли должна до 330 р. Полагая на десятину 3 тягла, на каждое тягло приходится за выкупъ усадебной земли 110 р. сер., а на каждую душу, полагая 3 на тягло,—36 р. 66 к.

Итакъ оцѣнка строеній и земли составляетъ на тягло около 200 р., а на душу около 65 р. сер.

При таковыхъ обыкновенныхъ усадьбахъ, крестьяне доставляютъ доходъ помѣщику какъ рабочая сила.

По закону, крестьяне обязаны работать на помѣщика 3 дня въ недѣлю, или, что все равно, въ годъ 140 дней.

Полагая изъ сего числа 70 дней конныхъ и 70 дней пѣшихъ, и опредѣляя каждый конный день по средней цѣнѣ, лѣтній и зимній, въ 30 к., а пѣшій въ 10 к. сер., бабій же день среднимъ числомъ въ 7 к. сер.,—оказывается: за 70 конныхъ дней—21 р., за 70 пѣшихъ—7 р., за 140 дней бабьихъ—10 р., всего 38 руб. Присоединяя къ этому подводы, по 8 подводъ на 50 верстъ, по 1 р. 20 к. за подводу—9 р. 60 к., сгонные дни до 12, по 30 к.—

7 р. 20 к., столовый запасъ съ тягла 2 руб. 20 к.,—каждое тягло доставляетъ 57 руб. Капитальная сумма, исчисленная въ 10-лѣтней сложности,—съ тягла будетъ 570 р. сер.

Исключая изъ сего стоимость земли на тягло, полагая по $1^1/_2$ дес. въ полѣ и оцѣнивая землю въ 80 р. десятину, что всего въ трехъ поляхъ составитъ 360 р. и сѣнокоса на 10 руб., итого 370 р. въ остаткѣ будетъ за усадьбу капитальной суммы 200 р.

Наконецъ, принимая во вниманіе, что одинъ наемный работникъ съ наемною работницею при фермерскомъ обзаведеніи равняться должны по стоимости двумъ тягламъ,—выводится слѣдующій расчетъ: исчисляя капиталъ вольнонаемнаго труда, оказывается на каждаго работника—лошадей 2, по 25 р.=50 руб., соха 3 р. борона 1 р. 50 к., телѣга 7 р., сани 2 р., коса, грабли, вилы и пр. 2 р. 50 к., строенія на каждаго работника упадаетъ на сумму 5 р., всего 71 р. Полагая съ этого же капитала 10%—7 р. 10 к., годовому работнику жалованья 30 руб., годовой работницѣ жалованье 15 р., на содержаніе обоихъ 30 р., содержаніе 2-хъ лошадей 30 руб., всего 112 руб., слѣдовательно, на каждое тягло упадаетъ 56 р. сер. Но такъ какъ смѣло можно сказать, что ни въ какомъ хозяйствѣ не потребуется количества наемныхъ годовыхъ работниковъ противъ каждыхъ двухъ тяглъ одного, то сумма найма уменьшится по крайней мѣрѣ на $^1/_3$ часть, что составитъ 75 р. сер. на 2 тягла, или 37 руб. 50 к. на каждое, слѣдовательно 6% съ 570 р. сер., во что тягло оцѣнивается.

Изъ сихъ трехъ расчетовъ оказывается, что стоимость усадьбы, подъ которою слѣдуетъ разумѣть стоимость рабочихъ рукъ, можетъ быть оцѣнена въ 200 р. сер. на тягло, или въ 65 р. сер. на душу, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣнія на хлѣбопашествѣ и гдѣ не извлекается особаго дохода отъ промысловыхъ выгодъ мѣстности.

Рѣшеніе дворянъ. Въ усадьбахъ обыкновенныхъ строенія оцѣниваются въ 50 р. сер. на душу, а земля подесятинно въ 330 р. сер. и отдается въ потомственное пользованіе изъ 6%; если же крестьяне пожелаютъ выкупить усадебную осѣдлость въ собственность, то уплачиваютъ помѣщику по 50 р. сер. на душу за строенія и проч., сами же обязаны переселиться по указанію помѣщика, если онъ сіе признаетъ за нужное, на другую удобную землю, съ платою за оную по оцѣнкѣ обыкновенной пахатной земли.

2) *Усадьбы, сами по себѣ обыкновенныя, но по мѣстнымъ условіямъ доставляющія крестьянамъ особыя выгоды.*

Нужно ли возвышать въ сихъ имѣніяхъ цѣнность за усадьбы,

такъ какъ, если крестьяне не хлѣбопашцы, то отъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ ближайшихъ заработковъ, они не приносятъ помѣщику лишняго дохода, а если они на оброкѣ, то, сколько извѣстно, оброкъ нигдѣ не превышаетъ 30 р. сер. съ тягла при $4^1/_2$ десятинахъ земли, а принимая вышеозначенную оцѣнку пахатной земли и угодій въ 370 р. сер. и усадьбы въ 200 р., а всего въ 570 р. и исчисляя оброкъ изъ 6% съ этой суммы, получится 34 р. 20 к. съ тягла, слѣдовательно, выше нынѣ получаемаго оброка.

Рѣшеніе дворянъ. Не дѣлать возвышенія оцѣнки противъ обыкновенной.

3) *Цѣнныя усадьбы.* Эти усадьбы могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда: а) тѣ, въ которыхъ цѣнность усадьбы не зависитъ отъ поселенія на оной крестьянъ, напримѣръ: базарныя мѣста, скотопригонные дворы. Тамъ эти статьи дохода должны остаться въ полномъ ихъ составѣ неотъемлемою собственностью помѣщика, крестьяне же имѣютъ право выкупа усадьбы только на основаніи обыкновеныхъ усадьбъ.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено, съ тѣмъ, чтобы крестьяне не осмѣливались дѣлать помѣщику подрыва.

б) тѣ, въ которыхъ цѣнность усадьбы пріобрѣтаетъ отъ поселенія на оной крестьянъ, какъ то: пристани, постоялые дворы и пр. Сіи мѣстности должны быть оцѣнены каждая отдѣльно по получаемымъ помѣщикомъ и крестьянами доходамъ и исчислены изъ 6%. Причемъ должно предоставить крестьянамъ или выкупить сіи усадьбы по возвышенной оцѣнкѣ, или переселиться на другую землю, по указанію помѣщика, въ той же дачѣ, и платить по обыкновенной оцѣнкѣ.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

VI. Въ 7 п. IV главы предписывается изыскать удобнѣйшіе способы для выкупа усадьбъ.

Имѣя въ виду, что цѣна за выкупъ усадьбы упадаетъ на душу въ количествѣ 65 р. сер., самый удобнѣйшій способъ при содѣйствіи правительства могъ бы быть тотъ, чтобы эта сумма по имѣніямъ заложеннымъ была зачтена за долги помѣщика кредитнымъ установленіямъ, а по имѣніямъ не заложеннымъ предоставить помѣщику получить сію сумму изъ кредитнаго установленія. Тогда крестьяне могли бы получить полное право на усадьбу и платить вмѣстѣ съ податями по $5^1/_2$% съ погашеніемъ долга, т. е. по 3 р. 57 к. сер. съ души.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

Если же на сіе не согласится правительство, то на основаніи 8 п. IV гл. не слѣдуетъ ли представить крестьянамъ потомственное пользованіе усадьбою съ платежомъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества. При семъ не слѣдуетъ ли право выкупа предоставить не отдѣльнымъ семействамъ, а цѣлому міру, и—какой процентъ назначить за потомственное пользованіе усадьбою съ оцѣночной суммы?

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено, 6 процентовъ.

VII. Что принять за основаніе надѣла земли: *души*, или *тягла.?*

Не есть ли тягло вѣрнѣйшее выраженіе рабочей силы, чѣмъ душа, и потому не лучше ли принять за основаніе надѣла *тягла?* а не *души?*

Рѣшеніе дворянъ. Тягла, съ назначеніемъ 3 души на тягло.

VIII. 2 п. 5 гл. программы предписывается назначить наименьшій надѣлъ земли въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ, а въ 3 п. тойже главы предписывается опредѣлить, какія имѣнія признаются малоземельными, среднеземельными и многоземельными, по мѣстнымъ обстоятельствамъ?

Въ Пронскомъ уѣздѣ, кажется, можно безошибочно, сказать, что имѣнія малоземельными признаются тѣ, которыя имѣютъ до 3 дес. на душу, среднеземельными—отъ 3 до 6 и многоземельными отъ 6 выше 7 десятинъ, что кажется, есть самая высшая пропорція.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

Не слѣдуетъ ли опредѣлить надѣлъ по сему размѣру земли въ имѣніяхъ малоземельныхъ въ $^3/_4$ дес. въ полѣ, или всего $2^1/_4$ дес. на тягло, въ имѣніяхъ среднеземельныхъ въ 1 дес. въ полѣ, или въ 3 дес. на тягло и въ имѣніяхъ многоземельныхъ въ $1^1/_2$ дес. въ полѣ, или въ $4^1/_2$ дес. на тягло.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

Сѣнокосъ опредѣлить количествомъ десятинъ въ Пронскомъ уѣздѣ, по недостатку въ большей части мѣстности луговъ, невозможно, а не слѣдуетъ ли предоставить надѣлъ оныхъ обоюдному соглашенію съ помѣщикомъ.

Рѣшеніе дворянъ. Такъ какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ луговъ въ Пронскомъ уѣздѣ нѣтъ, а если и имѣются, то по оврагамъ и въ са-

момъ маломъ количествѣ при рѣкахъ, то оныя должны быть оставлены въ собственности помѣщика.

Выгонъ не слѣдуетъ ли оставить общимъ съ господскимъ, опредѣливъ число головъ, которое крестьяне имѣютъ право держать на немъ, на тягло, а именно: 4 штуки крупнаго (т. е. лошадь и корову) и до 6 мелкаго скота.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

Крестьянская земля должна быть отведена всему сельскому обществу, которое и распредѣляетъ оную между своими членами по количеству тяголъ.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено, съ тѣмъ, что, въ случаѣ переселенія, нынѣ существующій выгонъ измѣряется и половину онаго помѣщикъ нарѣзаетъ крестьянамъ.

7 п. V гл. предписывается опредѣлить случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель.

Такъ какъ нарѣзанныя крестьянамъ земли принадлежатъ въ собственность помѣщику, то не представить ли ему право, съ разрѣшенія мѣстныхъ присутствій, дѣлать перемѣны земель, объясняя уважительныя къ тому причины?

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

IX. 2 п. 11 отдѣл. VI гл. предписывается опредѣлить размѣръ повинностей крестьянъ помѣщику, основавъ оный на цѣнности усадьбъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

Въ Пронскомъ уѣздѣ предположено дать на тягло въ имѣніяхъ малоземельныхъ $^3/_4$ десят. въ полѣ, въ среднеземельныхъ 1 дес. и въ многоземельныхъ $1^1/_2$ дес. въ полѣ; сверхъ того, строенія оцѣнены на тягло въ 150, а земля усадебная въ 330 руб. сер. на десятину; за пользованіе усадебною землею положено $6^0/_0$. Пахатная земля въ Пронскомъ уѣздѣ оцѣнена въ 80 руб. сер. десятина. На семъ основаніи, капитальная сумма угодій, даруемыхъ на тягло, составляетъ въ имѣніяхъ малоземельныхъ, за $2^1/_4$ дес. пахатной земли на тягло 180 р., за $^1/_4$ дес. земли усадебной на тягло 82 р., за строенія и промысловыя выгоды на тягло 150 руб., всего 412 р. Въ имѣніяхъ среднеземельныхъ, за 3 дес. пахатной земли на тягло 240 р. за $^1/_4$ дес., земли усадебной на тягло 82 руб., за строенія и промысловыя выгоды 150 руб., всего 475 руб. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ, за $4^1/_2$ дес. пахатной земли на тягло 360 р., за $3^1/_2$ дес. усадебной и на тягло 82 руб. за строенія и промысловыя выгоды 150 руб., всего=592 руб. Изъ этой капитальной суммы помѣщикъ

долженъ получить за строенія и промысловыя выгоды уплату въ теченіи 12 лѣтъ, а съ остальной суммы получать проценты, не менѣе 6. Уплата 150 руб. сер., разложенная на года, въ теченіи 12 лѣтъ, составитъ въ годъ 12 р. 50 к.

Такимъ образомъ, оброкъ въ имѣніяхъ малоземельныхъ будетъ: 6% съ капитальной суммы за землю 10 руб. 80 к., 6% съ капитальной суммы за усадьбу 4 р. 92 к., уплата за строенія 12 р. 50 к., 3% съ капитала за строенія 4 р. 50 к., всего 52 р. 72 к.—Въ имѣніяхъ среднеземельныхъ: 6% съ капитальной суммы за землю 14 р. 40 к., 6% съ капитальной суммы за усадьбу 4 р. 92 к., уплата за строенія 12 р. 50 к., 3% съ капитала за строенія 4 р. 50 к., всего=36 руб. 32 к.—Въ имѣніяхъ многоземельныхъ: 6% съ капитала за землю 21 руб. 60 к., 6% съ капитала за усадьбу 4 руб. 92 к., уплата за строенія 12 руб. 50 к., 3% съ капитала за строенія 4 р. 50 к., а всего=43 р. 52 коп.

Замѣна оброка поденною работою. Каждое тягло обязано отправить для помѣщика 140 дней мужскихъ и 140 женскихъ. Конный день оцѣненъ въ 30 к., пѣшій въ 14, бабій въ 7 к.—Итакъ, въ имѣніяхъ малоземельныхъ полагается: конныхъ дней 40 по 30 к.=12 р., пѣшихъ дней 100 по 15 к.=15 р., бабьихъ дней 140 по 7 к.=9 р. 80 к. всего=36 р. 80 к. Въ имѣніяхъ среднеземельныхъ: конныхъ дней 50 по 30 коп.=15 руб., пѣшихъ дней 90 по 15 к.=13 р. 50 к., бабьихъ дней 140 по 7 к.=9 р. 80 к., всего= 38 р. 30 к. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ: конныхъ дней 70 по 30 к.=21 р. пѣшихъ дней 70 по 15 к.=10 р. 50 к., бабьихъ дней 140 по 7 к.=9 р. 80 к., а всего=41 р. 30 к. Сверхъ того, полагается сгонныхъ дней въ имѣніяхъ малоземельныхъ 3, среднеземельныхъ 6 и многоземельныхъ 12, въ разное время года. Помѣщикъ можетъ требовать, чтобы за 2 пѣшихъ дня ему былъ отправленъ 1 конный, или 1 пѣшій день за 2 бабьихъ, но не болѣе какъ на ²/₃ пѣшихъ дней. Обозы, исчисляются на 50 верстъ въ одинъ конецъ, не болѣе 8, и не простираться далѣе 200 верстъ по тому же разсчету. Поѣздки на разстояніе менѣе 40 верстъ считаются обыкновеннымъ коннымъ днемъ, а болѣе 40 верстъ, до 50 принимаются за 50 верстъ. За каждый обозный день, разсчитывая въ одинъ конецъ, зачитывается крестьянину 2 конныхъ, или 4 пѣшихъ; обратный путь крестьянинъ совершаетъ изъ своихъ дней.

Сгонные дни не должны быть браты сряду, а не болѣе, какъ въ мѣсяцъ по 2 дня.

Работы должны производиться по 3 дня въ недѣлю.

Обозы въ рабочую пору, т. е. въ яровой сѣвъ, въ сѣнокосъ, жнитво, озимый сѣвъ и возку сноповъ,—воспрещаются.

При такомъ разсчетѣ оказывается, что, полагая въ имѣніяхъ малоземельныхъ $1\frac{1}{2}$ дес. въ полѣ господской запашки, $1\frac{1}{2}$ дес. (въ 150 п. сѣна съ десятины) сѣнокоса и удобреніе на $\frac{1}{5}$ часть пароваго поля, по 400 возовъ на десятину, потребуется, для яроваго сѣва и возки сноповъ, конныхъ 6 дней, для взмета и двойки пара, озимаго сѣва и возки сноповъ,—10 дней для перевозки сѣна 225 пуд. 2 дня, для вывозки 120 возовъ навоза 12 дней, для обозовъ на 50 верстъ—32 дня, еще конныхъ дней въ разное время до 12; всего 74 дня.—Владѣлецъ малоземельнаго имѣнія имѣетъ въ годъ конныхъ 40 дней, сгонныхъ 3 дня, всего 43 дня, затѣмъ, недостаетъ 31 день конный, замѣняя оные пѣшими по 2 дня на одинъ конный, будетъ нужно взять у крестьянъ пѣшихъ 62; затѣмъ, пѣшихъ дней останется 38, и бабьихъ 140, чего весьма достаточно.

$1\frac{1}{2}$ дес. въ полѣ дадутъ дохода среднимъ числомъ, полагая 12 р. съ десятины, 36 р., за 225 п. сѣна по 5 к.=11 р., всего 47 р. Исключая изъ этого числа 12 руб. сер. за выкупъ строеній, или личности, доходъ землевладѣльца будетъ съ одной земли, кромѣ другихъ работъ, 35 руб. сер. съ тягла, а если изъ сего количества исключить стоимость угодій по арендной цѣнѣ, полагая 5 р. сер. за десятину, всего 15 р., тягло при надѣлѣ $\frac{3}{4}$ дес. въ полѣ земли дастъ чистаго барыша 20 руб. сер., или 6% съ земли, отведенной ему въ пользованіе.

Въ среднеземельныхъ имѣніяхъ, полагая господской запашки 2 дес., оказывается по тому же разсчету, что конныхъ дней потребуется 86, изъ нихъ среднеземельный владѣлецъ имѣетъ только 50 дней и 6 сгонныхъ, слѣдовательно, у него недостаетъ 30 дней; полагая 2 пѣшихъ за 1 конный, потребуется 60 дней пѣшихъ и у него останется 80 дней пѣшихъ и 140 бабьихъ,—2 дес. въ полѣ по тому же разсчету дадутъ 38 р., сѣна 300 пуд. 15 р., всего 63 руб., исключая 12 р. за личность, остается 51 р. А изъ сей суммы 51 р., исключая цѣнность угодій 20 р., чистый доходъ будетъ 31 р., что составитъ на 3 дес. въ полѣ и усадьбу около 9%.

Многоземельный владѣлецъ, полагая, что обработываетъ въ полѣ $2\frac{1}{4}$ десят., ему потребуется конныхъ дней 90, онъ имѣетъ конныхъ дней 70, сгонныхъ 12, всего 82 дня: ему недостаетъ конныхъ 8 дней; если взять по 2 дня пѣшихъ за 1 конный, надо взять 16 дней. Такимъ образомъ у него останется 54 дня пѣшихъ

и 140 бабьихъ.—Доходъ по тому же разсчету будетъ съ $2^{1}/_{4}$ дес. въ полѣ 54 р., за 360 пуд. сѣна 17 р., всего 71 р. Исключая изъ сего за личность 12 р.=59 р., а исключая цѣнность угодій 22 р., чистый доходъ равняется 37 р., или около 9% съ тягла.

Расчетъ долговъ Опекунскаго Совѣта: 100 при 3 дес. заложены по 50 р.=5000 р., платится въ годъ 275 р., 33 тягла даютъ чистаго дохода по 20 р. (по 35 р.?)=1155 руб., слѣдовательно, у владѣльца остается отъ уплаты въ Совѣтъ 880 р. Полагая цѣнность имѣнія въ 15000 р. сер., имѣніе дастъ ему валового дохода около 9%.

Повинности отправляются цѣлымъ мірскимъ обществомъ и съ круговою порукою въ исправности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи 2 п. V отдѣла отношенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ начальникамъ губерній, предоставляется помѣщикамъ право во все время переходнаго состоянія нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекрутство, или отдавать въ распоряженіе правительства, съ утвержденія мѣстныхъ присутствій. Причемъ, зачетныя рекрутскія квитанціи могутъ быть помѣщиками продаваемы.— Крестьяне, обученные помѣщиками для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей, должны точно также отправлять повинности, какъ и вообще крестьяне; если же они употребляются на ежедневныя работы, то излишнія работы сіи вознаграждаются помѣщикомъ или надѣленіемъ ихъ двойнымъ тягловымъ участкомъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы сей надѣлъ не шолъ въ общій составъ надѣла и продолжался бы до тѣхъ поръ, пока они будутъ при должностяхъ,—или избавленіемъ отъ повинностей тягла, буде крестьянинъ ремесленникъ, или...... *) двойнымъ или же...... награжденіемъ его, сообразно тягольному надѣлу, деньгами, включая въ счетъ оныхъ одежду и содержаніе. Срокъ службы ихъ тотъ же, какъ и для обязанныхъ крестьянъ, 12 лѣтъ.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено; оброкъ исчисляется по количеству надѣла, въ имѣніяхъ малоземельныхъ въ 33 р., въ имѣніяхъ среднеземельныхъ въ 36 р. и въ имѣніяхъ многоземельныхъ въ 43 р. сер. съ тягла, или, перелагая на поденную работу, опредѣляется количество дней, въ первыхъ—конныхъ 60, пѣшихъ 80 и бабьихъ 140; въ среднихъ—80, 60, 140, и въ послѣднихъ 90, 60, 140. Опредѣленіе того, на барщинѣ или на оброкѣ должны быть крестьяне, зависитъ непосредственно отъ помѣщика.

---

*) Здѣсь чернильное пятно.

X. Дворовые люди раздѣляются на два разряда: 1) дворовые люди, занимающіеся земледѣліемъ, записанные по ревизіи въ крестьянство, но не имѣющіе въ деревнѣ осѣдлости, а живущіе во дворѣ, и 2) собственно дворовые люди.

Дворовымъ людямъ перваго разряда предоставить, если пожелаютъ, на свой счетъ обзавестись въ той же деревнѣ крестьянскимъ хозяйствомъ, получить на общемъ основаніи отъ помѣщика усадьбу и въ семъ случаѣ подвергнуться всѣмъ условіямъ, для крестьянъ опредѣленнымъ; или же оставаться во дворѣ и быть ежедневными работниками съ полученіемъ отъ помѣщика жалованья, равняющагося 290 пѣшимъ днямъ, а именно 42 р. сер. и 280 днямъ бабьимъ, 19 р. 60 к.; въ счетъ этого жалованья полагается содержаніе дворовой семьи, полагая 3 души на одного работника, муки на 19 р. 80 к., крупъ на 3 р., приварокъ на 3 р. 20 к., всего 26 р. въ годъ; одежда, полушубокъ на 2 года, а въ годъ 2 р. 50 к., холста на 1 р. 5 к., армякъ на 2 года, а на годъ 1 р. 50 к., шерсти на 30 к., всего 5 р. 35 к. Если имѣютъ скотину и коноплянники, то содержаніе стоитъ столько же.—Принимая въ разсчетъ промысловыя выгоды мѣстности—12 р., помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе—до 5 р., казенныхъ повинностей 5 р. 40 к., на каждаго работника съ женою приходится 7 р. 85 к. сер. жалованья въ годъ.—За симъ, всѣ тѣ работники, которые входятъ въ составъ семей, могутъ быть употребляемы на работу не иначе, какъ съ платою за каждый мужской день 15 коп., а женскій 7 коп. сер.

Такимъ образомъ, въ имѣніи находится 30 душ., работниковъ, изъ нихъ слѣдуетъ считать 10, то сверхъ положеннаго содержанія и помѣщенія имъ слѣдуетъ выдать жалованья 78 р. 50 к.

Если работникъ отпускается на оброкъ, то обязанъ заплатить помѣщику 6% съ оцѣнки промысловыхъ выгодъ—9 р. сер., за выкупъ промысловыхъ выгодъ—12 р. 50 к., всего 21 р. 50 к., затѣмъ, онъ на свое лицо лишается мѣсячины.

Затягольные, отпускаемые по паспортамъ, уплачиваютъ по 1 р. 80 к. за избавленіе отъ сгонныхъ дней.

Дворовые пахари могутъ быть увольняемы въ другія сословія не иначе, какъ съ согласія помѣщика и когда общество приметъ на себя тягольный участокъ и уплату за промысловыя выгоды отходящаго.

Собственно дворовые люди.—Дѣйствительная служба дворовыхъ людей какъ должностныхъ при хозяйствѣ, такъ и находящихся

при домашней прислугѣ и дворовыхъ работниковъ,—начинается съ 16-лѣтняго возраста, въ періодъ же времени отъ 4 до 16 лѣтъ, какъ мальчики, такъ и дѣвочки были на попеченіи помѣщика. Можно безошибочно сказать, что въ то время каждый изъ нихъ стоилъ ежегодно помѣщику около 8 р. сер. Посему, всѣ дворы до 10 лѣтъ стоили помѣщику 96 р.; мальчикъ и дѣвочка обязаны выплатить этотъ капиталъ, а мальчики сверхъ того наравнѣ съ крестьянами должны выкупить промысловыя выгоды по 50 руб. на душу.

Такимъ образомъ, взрослые дворовые обязаны заплатить помѣщику въ теченіи 12 лѣтъ—мужчины 146 р., женщины 96 руб., или въ годъ первые 12 р. 16 к., а послѣднія 8 р. сер.

Сверхъ того, дворовые обязаны отправить помѣщику 365 дней въ году, но какъ ихъ служба легче крестьянской, то рабочій пѣшій день оцѣнивается—мужской въ 10 коп., а женскій въ 7 коп. Итакъ, 365 мужскихъ дней стоятъ 36 р. 50 к., изъ сего исключается содержаніе на застольной 15 р. *), одежда кромѣ верхней—3 р., подушныхъ 1 р. 80 к., всего 19 р. 80 к.; выкупъ содержанія и промысловыхъ выгодъ 12 р. 16 к., всего 31 р. 96 к.,—Дворовому человѣку въ 16 лѣтъ слѣдуетъ выдать жалованье 4 р. 54 к.; платы домашней прислугѣ въ счетъ не полагается. Жалованье сіе не измѣняется до 28 лѣтъ, въ каковое время оканчивается выкупъ содержанія. Достигшіе 28 лѣтняго возраста выкупаютъ лишь промысловыя выгоды въ теченіе 12 лѣтъ, а именно по 4 р. 16 коп. въ годъ, по таковому разсчету: служба 365 дней, 36 р. 50 к., изъ сего вычитается содержаніе и одежда 18 р., выкупъ промысловыхъ выгодъ 4 р. 16 к., подушные 1 р. 80 к., всего 23 р. 96 к. Жалованья слѣдуетъ въ годъ—мужчинѣ отъ 28 до 40 лѣтъ 12 р. 54 к. Дворовые, достигшіе 40 лѣтъ, уже выкупили также какъ и 28 лѣтъ свое содержаніе, но обязаны выкупить промысловыя выгоды въ теченіи 6 лѣтъ. Они зарабатываютъ 36 руб. 50 к., исключая содержаніе и одежду 18 р., промысловыя выгоды 8 р. 33 к., а всего 26 р. 33 к., —получаютъ жалованья 10 р. 22 к., и чрезъ 6 лѣтъ получаютъ свободу.

Отпущенные по паспортамъ дворовые мужчины платятъ оброкъ по тому же разсчету: отъ 16 до 28 лѣтъ за избавленіе отъ

---

*) Если же на мѣсячинѣ, то полагается взрослому отъ 18 лѣтъ по 2 п. муки въ мѣсяцъ, а малолѣтнимъ, начиная съ 5 лѣтъ, по 1 пуду въ мѣсяцъ, и имѣетъ на семейство 1 корову и 3 овцы на содержаніи отъ помѣщика, равномъ съ тѣмъ, которое употребляется на его скотоводство.

365 дней работы 36 р. 50 к., исключая изъ сего содержаніе и одежду 18 р., остается собственно оброку 18 р. 50 к., за выкупъ содержанія и промысловыхъ выгодъ 12 р. 16 к., всего 30 р. 66 к.; достигшіе 28 лѣтъ,—22 р. 16 к., а́ достигшіе 40 лѣтъ только выкупъ промысловыхъ выгодъ—8 р. 33 к.

Дворовыя женщины обязаны отправить въ годъ 365 дней по 5 к. сер., всего на сумму 25 р. 50 к. Изъ этого числа онѣ должны выкупить содержаніе свое отъ 4 до 16 лѣтъ, 8 руб., содержаніе на застольной 15 р., всего 23 р. Жалованье отъ 16 до 28 лѣтъ дворовая женщина получаетъ 2 руб. 50 коп. Отъ 28 до 35 лѣтъ жалованья приходится 5 руб. сер. Въ 35 лѣтъ дворовая женщина, если она незамужняя, дѣлается свободною, но въ настояще время всѣ дворовыя женщины, достигшія 35 лѣтъ, дабы не оставить господъ безъ прислуги, обязаны послужить 6 лѣтъ.

Оброкъ дворовыхъ женщинъ по тому же разсчету опредѣляется, отъ 16 до 28 лѣтъ—18 р. сер., съ 28 до 35 лѣтъ 10 р. сер.

Семейные дворовые подлежатъ тѣмъ же правиламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выкупаютъ промысловыя выгоды своихъ сыновей по 50 р. сер. на душу недостигшихъ совершеннолѣтія. Новорожденные послѣ ревизіи выкупа не представляютъ.

Если же дворовые люди сего не пожелаютъ, то въ такомъ случаѣ они подобно крестьянамъ раздѣляются на тягольныхъ или работниковъ и затягольныхъ, и образуютъ изъ себя общество. Сему обществу помѣщикъ обязанъ дать мѣсячины по 1 п. 30 ф. на работника и по 1 пуд. 30 ф. на работницу муки въ мѣсяцъ и по 1/2 м. крупъ или пшена, и на приварокъ деньгами или натурою по 25 к. сер. въ мѣсяцъ на обоихъ; затягольнымъ же выдается по 1 п. въ мѣсяцъ муки. Само собою разумѣется, гдѣ дворовые имѣютъ огороды, или присѣвокъ, тамъ выдача приварка отстраняется, а помѣщикъ обязанъ дать только нужное время для воздѣлыванія огорода. Выдача мѣсячины производится выбранному изъ общества старшинѣ, который по числу душъ распредѣляетъ на каждаго работника. Каждому работнику дозволяется имѣть на господскомъ кормѣ корову и 3 овецъ, и, сверхъ того, помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе отъ помѣщика.

Такимъ образомъ семейство двороваго пахаря, или тягла, состоитъ изъ работника, работницы и 2-хъ тяглыхъ. Получаетъ отъ помѣщика муки въ мѣсяцъ 5 пуд. 20 ф., а въ годъ 66 пуд. по 30 коп.=19 руб. 30 коп., крупъ въ мѣсяцъ 1/2 мѣры, а въ годъ 6 мѣръ по 50 коп.=3 руб., содержаніе коровы и 3 овецъ примѣр-

но 5 руб., помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе—примѣрно 5 руб., всего 32 руб. 80 коп.

Они обязаны отработать помѣщику 280 дней пѣшихъ мужскихъ, по 15 к.=42 р., 280 дней бабьихъ по 7 к.=19 р. 60 к., всего 61 р. 90 к. Исключая изъ сего содержаніе 32 р. 80 к., уплату промысловыхъ выгодъ по 50 руб. сер. на душу; въ годъ 12 руб. 50 к., 3% капитала въ 150 р., въ который оцѣнены промыслы 4 р. 50 к., итого 49 руб. 80 к.,—приходится дать жалованья работнику съ работницей 11 р. 80 к.—Затягольныя на работу не употребляются, но отправляютъ помѣщику до 12 дней сгонныхъ въ годъ, полагая за каждый таковой день по 15 коп. сер.; если помѣщикъ не желаетъ получить сгонныхъ дней, то сообразно съ симъ убавляется жалованье работнику съ работницей на 3 руб. 60 к. и составляетъ только 8 р. 20 к.—Если помѣщикъ принимаетъ на себя подушныя, то оныя изъ сего жалованья вычитаются, расчитывая на каждаго работника по 3 души.

Дворовые люди могутъ быть подобно крестьянамъ отдаваемы въ рекруты и ссылаемы на поселеніе.

Если дворовый человѣкъ прежде 12 лѣтъ пожелаетъ представить за себя выкупъ,—то выкупъ сей равняется 10-лѣтнему оброку, а именно: отъ 16 до 28 лѣтъ, 300 руб., отъ 28 лѣтъ до 40—220 руб.

Сорокалѣтніе выкупа не представляютъ, а только уплачиваютъ 60 р. сер. Женщины дворовыя отъ 16 до 29 лѣтъ 180 руб., отъ 28 до 35 лѣтъ 100 р.; въ 35 лѣтъ выкупа не представляютъ.

Настоящее положеніе не относится: 1) къ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 21 души, такъ какъ для нихъ дворовые доставляютъ болѣе значительные доходы, и 2) къ дворовымъ, обученнымъ на счетъ помѣщика разнымъ ремесламъ, которые, по выходѣ изъ ученья, во время переходнаго состоянія обязаны прослужить помѣщику по примѣру воспитанниковъ казенныхъ заведеній.

Въ обезпеченіе исправнаго платежа съ дворовыхъ оброка постановить въ обязанность каждому нанимателю не выдавать заработныхъ денегъ безъ представленія дворовымъ квитанціи въ уплатѣ оброка помѣщику, или самому пересылать оныя, при чемъ полиція должна оказывать полное содѣйствіе.

Рѣшеніе дворянъ. Утверждено.

Приложеніе 2-е.

Къ № XII.

Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ постоянно жила среди крѣпостныхъ, никогда не замирала, возгараясь съ особою силою съ перемѣною каждаго царствованія; такъ среди лицъ другихъ сословій таже мысль, явившись въ зародышѣ въ самый разцвѣтъ крѣпостнаго права, постоянно росла, развивалась и вылилась изъ неопредѣленной общей формы—несправедливости крѣпостнаго права—въ цѣльные практическіе проекты уничтоженныя этой несправедливости, упраздненія крѣпостнаго права, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ланского 12 окт. 1857 г. № 34 къ губернскому предводителю дворянства: „Ваше пр—во, доводя до свѣдѣнія моего о распространенныхъ въ Рязанской губерніи слухахъ о намѣреніи правительства уничтожить крѣпостное право, испрашиваете разрѣшенія уничтожить именемъ правительства эту молву. Вслѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить Васъ, М. Г., что я не нахожу удобнымъ принимать какія либо особыя мѣры къ прекращенію означенныхъ слуховъ, неоснованныхъ ни на какихъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ правительства и тѣмъ, что предводители дворянства должны въ настоящее время успокоить себя и дворянство тою мыслію, что если бы правительство нашло нужнымъ ввести какія либо перемѣны въ организаціи помѣщичьихъ крестьянъ, то прежде всѣхъ извѣстило бы о томъ начальнbackspaceковъ губерніи и губернскихъ предводителей.

(Секр. бум. личн. стола губ. предвод. за 1857—1859 гг.).

Слухи о намѣреніи правительства измѣнить крѣпостное право распространились болѣе или менѣе вездѣ; въ Рязанской губ. знали также подробности изъ дѣлъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

(Забл.—Десятов. гр. Киселевъ и его время т. 2 стр. 335).

Сами помѣщики увѣряютъ, что нигдѣ эти слухи не распространялись такъ быстро, не повторялись такъ часто, какъ въ настояще царствованіе (Николая I-го). Большинство убѣждено въ томъ, что эти слухи, эти толки рождаетъ ничто иное, какъ

духъ времени, противъ котораго не можетъ устоять никакая человѣческая сила. (Тамъ же, стр. 336). Тѣ изъ дворянъ нашихъ, кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Многіе не могутъ помириться съ мыслію, что ихъ Тришка и Епишка не будутъ принадлежать имъ и что они не вправѣ будутъ бить своего слугу по зубамъ. Имъ лишиться такого сладкаго права! У меня былъ родственникъ, 80-лѣтній старикъ, воспитывавшійся въ Женевѣ, жившій во Франціи въ самую революцію. Старикъ былъ умный и добрый, но никакъ не могъ рѣшиться на увольненіе людей. Это казалось ему нарушеніемъ должнаго повиновенія, которымъ холопъ обязанъ господину. Такова сила привычки! У него былъ одинъ человѣкъ, который самъ имѣлъ на имя господина 60 душъ крестьянъ. Человѣкъ этотъ былъ славный старикъ, росъ вмѣстѣ съ бариномъ; но жилъ и умеръ рабомъ. Господинъ ни за что не хотѣлъ его отпустить. При томъ весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ.

(Тамъ-же стр. 336).

Относительно правъ, дворяне не смотрятъ на предметъ сей съ точки права естественнаго, которое одно есть неизмѣнное и слѣдственно въ высшей степени справедливое; они не знаютъ его. Они видятъ только нарушеніе ихъ права частнаго. За что же отнимутъ, говорятъ они, у насъ вещь, которую мы купили за деньги, выработанныя нерѣдко трудомъ и терпѣніемъ? Хотите взять, такъ заплатите.

(Тамъ-же стр. 337).

Помѣщики говорятъ: конечно, покупать и продавать людей есть чудовищность; возьмите, освободите ихъ; мы будемъ нанимать ихъ для работъ; но оставьте намъ нашу землю, которую мы купили, она есть предметъ, всегда и вездѣ подлежащій куплѣ; слѣдовательно, уваженіе естественнаго права не имѣетъ здѣсь мѣста. „Пускай освободятъ крестьянъ, говорилъ намъ С—въ въ Рязани, но земли мы пяди не дадимъ". Разумѣется, это горячка, фарсъ.

(Тамъ-же стр. 338).

Вопросъ объ измѣніи крѣпостнаго права, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Когда пришли голодные годы (1840 г.,) помѣщики увидѣли всю бѣду,—и съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція; начали

думать, что хорошо было бы и освободить крестьнъ. Вообще, теперь мысль эта не дика никому: объ ней говорятъ не одни профессоры, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики.

(Тамъ-же стр. 342).

Волею Павла I-го положено начало ограниченія власти господъ. Требованія вѣка и настоянія нуждъ государственныхъ призываютъ самодержавную власть защитить крѣпостныхъ людей отъ своеволія господъ, поставить законъ выше произвола, открыть широкія двери нравственному образованію народа. Одна только самодержавная власть въ состояніи пролить вовый источникъ жизни, обезпечивъ свободное и разумное развитіе народной дѣятельности. Одна она въ силахъ привести въ исполненіе идеи, связывающія поколѣнія, отжившія историческія съ поколѣніями грядущими, направляя свои дѣйствія по вѣчнымъ законамъ порядка и истины, хотя бы при осуществленіи ихъ она встрѣтилась съ болѣзненнымъ ропотомъ какой нибудь забытой частной корысти.

(Тамъ-же, стр. 344).

Н. Семеновъ въ засѣданіи Редакціонной Комиссіи говорилъ: мнѣ извѣстны случаи въ Рязанской губерніи продажи и сведенія, изъ страха, рощъ у небогатыхъ помѣщиковъ и такихъ, которые берегли свои вѣковыя деревья, сведенія потому единственно, что они не знаютъ еще, какъ и какія угодья будутъ обязательно отданы ими въ пользованіе крестьянъ".

(Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II-го Н. П. Семенова, т. 1, стр. 414).

Положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, ст. 906, т. 9-го изд. 1842 г...—„Смыслъ сей статьи есть слѣдующій: я, помѣщикъ, долженъ отказаться отъ власти понудительной, которую я имѣю, и передать оную въ руки мировымъ и становымъ приставамъ. Кто имѣетъ какую нибудь опытность въ дѣлахъ, вѣрно никогда не рѣшится на такую отчаянную игру. Сдѣлать своихъ крестьянъ обязанными, значитъ предать и себя и ихъ въ руки земской полиціи, значитъ лишить себя всякой собственности безъ пользы даже для крестьянъ.

XXI

Колюпановъ. Біогр. А. И. Кошелева т. 2, первоначальный проэктъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ.

Изъ сочиненія Н. П. Смирнова—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра 2-го, т. І-й“.

Появленію инструкціи 11 августа 1859 года предшествовало представленіе Министромъ Вн. Дѣлъ Ланскимъ всеподданѣйшей записки: вглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (августъ 1859 года)“. Этотъ, тогда секретный, документъ, попалъ тѣмъ не менѣе въ руки депутатовъ перваго приглашенія, взволновавъ ихъ, и тогда же вскорѣ былъ кѣмъ то напечатанъ за границей. Онъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ для исторіи освобожденія крестьянъ, потому что подалъ поводъ къ преподанію Высочайшей инструкціи 11 августа 1859 года въ томъ смыслѣ, какъ она состоялась, а самая инструкція дала тонъ пріему членовъ губернскихъ комитетовъ въ столицѣ и опредѣлила характеръ ихъ отношеній какъ къ правительству, такъ и къ трудамъ и направленію комиссій“ (стр. 607).

По выслушаніи депутатами инструкціи и приложеній къ ней, „водворилось глубокое молчаніе... На лицахъ многихъ членовъ губернскихъ комитетовъ было замѣтно смущеніе и даже неудовольствіе. Было очевидно, что прочтенная инструкція, опредѣляющая ихъ отношеніе къ дальнѣйшему ходу крестьянскаго дѣла, не соотвѣтствовала ихъ ожиданіямъ“ (стр. 608).

„Составленіе инструкціи, прочитанной депутатамъ въ общемъ присутствіи комиссій 25 августа, происходило слѣдующимъ образомъ. Когда ожидалось прибытіе въ Петербургъ депутатовъ, тогда въ высшемъ столичномъ обществѣ, относившемся въ большинствѣ своихъ представителей со страхомъ и недовѣріемъ къ мирному освобожденію крестьянъ и ожидавшемъ неблагопріятныхъ отъ задуманной реформы послѣдствій, тѣ особенно, которые считали общее направленіе комиссій вреднымъ, возлагали на депутатовъ большія надежды. Они желали, чтобы депутаты, вооруженные знаніемъ мѣстнаго быта и потребностей дворянства, отклонили комиссію отъ вреднаго по ихъ понятіямъ направленія. Толки обо всемъ этомъ доходили до Государя Императора и представленная Ему Мин. Вн. Дѣлъ Ланскимъ записка побудила Государя обратить особое вниманіе на то, чтобы роль депутатовъ, при раз-

рѣшеніи крестьянскаго дѣла, была опредѣлена съ такою точностію, которая заранѣе устранила бы всякія недоразумѣнія и препятствія къ осуществленію видовъ правительства, въ общихъ чертахъ уже достаточно тогда установившихся, такъ какъ самъ Государь постоянно слѣдилъ за ходомъ работъ въ комиссіяхъ и прочитывалъ со вниманіемъ доклады, просмотрѣнные въ ихъ общихъ присутствіяхъ", (стр. 610).

Проектъ инструкціи составленъ Милютинымъ съ помощью Соловьева и обсужденъ въ особомъ секретномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми членами комиссіи. „На совѣщаніи Милютинъ предложилъ къ разрѣшенію прежде всего возбуждавшійся въ то время вопросъ: можно ли допустить сліяніе депутатовъ съ комиссіями въ такое смѣшанное собраніе, въ которомъ депутаты имѣли бы право голоса на правахъ съ членами комиссій. По его соображеніямъ, этого положенія домогались въ особенности противники общаго направленія комиссій, въ основательной надеждѣ, что предположенія ихъ, несогласныя съ большинствомъ проектовъ губернскихъ комитетовъ, встрѣтятъ довольно единодушный отказъ со стороны большинства депутатовъ и будутъ несомнѣнно отвергнуты, и что по крайнему разнообразію взглядовъ на предстоящую реформу, въ средѣ смѣшанной комиссіи компромиссовъ не найдется, соглашеній не послѣдуетъ и все останется по старому, съ легкими лишь измѣненіями и замѣною названій крѣпостныхъ—обязанными крестьянами". Участвовавшіе въ этомъ секретномъ совѣщаніи единодушно отвергли это совмѣстное обсужденіе, „опасаясь, что послѣдствіемъ такой инкорпораціи будетъ крушеніе всего дѣла" (стр. 610—611).

26 августа депутаты имѣли частное совѣщаніе у бывшаго СПБ. губернскаго предводителя дворянства Шувалова о томъ, „какъ поступить, чтобы имъ выйдти изъ положенія, которое считали для себя оскорбительнымъ". Результатомъ этого былъ проектъ адреса Государю; сообщили его Ростовцеву, а этотъ неоффиціально Государю. Въ адресѣ говорилось.... „искажавшая въ губернскихъ комитетахъ дѣянія Царя и народа, искажавшая въ продолженіи стольких лѣтъ всѣ лучшія царскія мысли и растравлявшая самыя благородныя чувства, бюрократія могла ли рѣшиться допустить, чтобы послѣдовало такое сближеніе, при которомъ Царь услышитъ голосъ своего народа иначе, какъ черезъ ея лживыя уста...—Депутаты, прибывшіе въ Петербургъ, встрѣтили величайшее пренебреженіе... Позволь, Великій Государь,

собраться всѣмъ депутатамъ, комитетами избраннымъ, не отстраняя назначенныхъ отъ меньшинства, въ собраніе главнаго комитета и тамъ приступить къ общему, вѣрному разсмотрѣнію, согласованію и исправленію положеній губернскихъ комитетовъ подъ предсѣдательствомъ личнымъ Твоимъ, Государь, или одного изъ членовъ царской фамиліи; это оказывается необходимымъ, ибо беззаконныя и недобросовѣстныя дѣйствія отняли у насъ всякое довѣріе къ лицамъ, распоряжавшимся отъ имени правительства по обсуживаемому нынѣ дѣлу“ (614—617).

Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (авг. 1859 г.)...... „Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудилъ въ большинствѣ помѣщиковъ безъотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостнаго труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатокъ мѣстныхъ администрацій, чрезполосность имѣній и продажа усадьбъ, долги кредитнымъ установленіямъ и, наконецъ, участь мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, представлялись неодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи... Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 48 губернскихъ комитетахъ и комиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1377, изъ числа коихъ можно положительно сказать, едва ли 1/10 доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ.

.......**Первое мнѣніе** тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика *). Всего сильнѣе оно выразилось въ большинствѣ Рязанскаго.....

Третье мнѣніе—принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ...... меньшинство...... *Рязанскаго*...... Сочувствуя видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею, они, впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ, между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, прі-

---

*) Этотъ отзывъ приведенъ въ приложеніи № 1.

обрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и всесторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ, обязательный или необязательной, всего или части крестьянскаго дѣла, въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ. Между лицами, которые придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее время желаніе вызвать какое либо явное появленіе того, что они называютъ *общественнымъ мнѣніемъ*, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать объ ожиданіи рѣшенія со стороны крестьянскаго сословія. Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу... По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и становится общимъ убѣжденіемъ. Въ настоящее время на мысли о выкупѣ сошлись комитеты самыхъ противуположныхъ концовъ Россіи и самыхъ противуположныхъ направленій, защищающіе исключительно помѣщичій интересъ и преданные крестьянскому дѣлу. Многіе изъ нихъ сознаютъ невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа, но нѣтъ ни одного, который не признавалъ бы его безусловно полезнымъ при добровольномъ соглашеніи помѣщика съ крестьянами... Но, дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи; а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей, полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ судей и другихъ, общихъ для обоихъ сословій, должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій... Не подлежитъ такъ же сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднять дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибель-

ныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные комитетами члены вызывались „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть". Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны желательными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Почему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ; уничтоженіе крѣпостнаго права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ—осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и отечества" (стр. 826—834).

Письмо депутатовъ къ Ростовцеву, подписанное нашими *) депутатами (стр. 834—836)... Если мы, каждый отдѣльно, будемъ порознь свои замѣчанія пояснять и пополнять, то отъ этого могутъ возникнуть новыя разнорѣчія, которыя усложнятъ окончательное разрѣшеніе существенныхъ вопросовъ; а потому только общія совѣщанія депутатовъ могутъ дать возможность согласовать различныя мнѣнія, надлежащимъ образомъ развить, уяснить ихъ и представить правительству соображенія, соотвѣтствующія важности онаго дѣла.

Отвѣтъ Ростовцева (стр. 836—837)... Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы члены губерн. ком. совѣщались между собою въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства. Государь Императоръ изволитъ находить полезнымъ, чтобы члены губернскихъ комитетовъ помогали одинъ другому совмѣстною опытностію, но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальности... Члены губерн. комит., не касаясь общихъ началъ, должны ограничиваться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ, для чего они и были вызваны въ Петербургъ и мнѣнія свои они должны представить отдѣльно по каждой

*) Рязанскими.

губерніи...—всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета, какъ о томъ было уже сказано въ инструкціи 11-го августа.

Стр. 1001. **Справка представленная предсѣдателю комиссіи графу В. Н. Панину, о пріемѣ депутатовъ перваго призыва.** „Съ 14 октября объясненія приняли другой характеръ. По бѣглому разсмотрѣніи поданныхъ депутами мнѣній и отзывовъ, вопросы шли отъ членовъ-редакторовъ комиссій и имѣли цѣлью разъяснить, и по возможности согласить эти мнѣнія съ предположеніями комиссій. Такихъ соглашеній, къ сожалѣнію, впрочемъ, воспослѣдовало очень мало. *Только Рязанскіе депутаты*, войдя въ систему, принятую комиссіями, помогли имъ въ болѣе правильномъ раздѣленіи губерній на мѣстности.

Стр. 112. **Засѣданіе 24 октября 1859 года общаго присутствія, совѣщаніе съ депутатами. Рязанскіе депутаты Офросимовъ и кн. Волконскій** представляли нѣкоторыя общія замѣчанія на доклады редакціонныхъ комиссій. Офросимовъ спорилъ противъ *установленія безсрочнаго ограниченія правъ собственности*. Ему возражали *Любощинскій и Жуковскій*. Они объяснили, что юридическое отдѣленіе въ своемъ докладѣ не касалось нынѣшнихъ правъ помѣщиковъ на ихъ земли. Оно имѣло въ виду только тѣ отношенія, которыя наступятъ по отмѣнѣ крѣпостной зависимости, а потому не могло выводить вновь создаваемыхъ отношеній изъ буквы существующихъ узаконеній. Съ государственной точки зрѣнія, при отмѣнѣ крѣпостной зависимости, прежде всего предстояло разрѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли обезпечить сельское населеніе установленнымъ надѣломъ земли или, освободивъ только личность крестьянъ, сдѣлать это освобожденіе безземельнымъ, и предоставить устройство поземельныхъ отношеній между помѣщиками и освобожденными крестьянами добровольнымъ соглашеніямъ. Высочайшіе рескрипты и постановленія главнаго комитета уже предрѣшили этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. Также понимало его и большинство губернскихъ комитетовъ, такъ какъ только **меньшинство проектовъ, подобно Рязанскому,** признавало надѣленіе крестьянъ землею срочнымъ на 12-лѣтній періодъ. Имѣя же въ виду будущую безсрочность надѣленія крестьянъ землею и неприкосновенность крестьянскихъ надѣловъ, юридическое отдѣленіе уже было въ правѣ, по точному и буквальному смыслу дѣйствующаго закона, признать, что право помѣщиковъ на земли, которыя будутъ предоставлены въ безсрочное пользованіе крестьянъ, все равно за

какія повинности, измѣняемыя или неизмѣнныя, есть право *неполной собственности,* такъ какъ въ ст. 432 т. X, ч. 1, прямо сказано, что „право собственности бываетъ неполное, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, также неполными на тоже самое имущество правами, каковы суть: право участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества".—Далѣе Офросимовъ указывалъ на то, что безрочное надѣленіе крестьянъ землею есть споліація правъ собственности помѣщиковъ; что тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе крестьянами земли есть государственная необходимость; но это можетъ совершиться по ст. 575 т. X, ч. 1. Потомъ Офросимовъ и кн. Волконскій предлагали включить въ положеніе: „1) помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли; но въ видахъ общей государственной пользы предоставляютъ часть своихъ земель, положеніемъ опредѣленную, въ собственность крестьянъ, за единовременное за сіи земли вознагражденіе, и „2) правительство обязывается, за опредѣленную оцѣнку, пріобрѣсти покупкою уступаемую помѣщиками для государственной пользы землю въ общественную собственность каждаго селенія".

Возражали: Милютинъ, Любощинскій, Петръ Семеновъ и Соловьевъ. Сущность ихъ замѣчаній заключалась въ слѣдующемъ. Они не сомнѣвались ни въ законномъ правѣ правительства примѣнить въ данномъ слусаѣ ст. 575 т. X, ч. 1, ни въ томъ, что вообще выкупъ крестьянскихъ надѣловъ представляетъ и государственную необходимость и единственный возможный исходъ изъ крайне трудной задачи—освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, съ одной стороны не пуская ихъ, какъ выразился Рязанскій депутатъ, „на волю безъ крова и хлѣба", а съ другой стороны, не нарушая правъ собственности и матеріальныхъ интересовъ помѣщиковъ; но выкупъ, представляющій громадную финансовую операцію, не можетъ быть осуществленъ немедленно, да и внезапное осуществленіе его произвело бы слишкомъ рѣзкій кризисъ въ неподготовленныхъ къ такому перевороту помѣщичьихъ хозяйствахъ, да и верховная власть, отъ усмотрѣнія которой и можетъ только зависѣть примѣненіе ст. 575, не усматриваетъ надобности прибѣгать къ установленной этою статьею экспропріаціи, въ убѣжденіи, что сами дворяне постепенно предоставятъ опредѣленные положеніемъ надѣлы на выкупъ крестьянамъ. Отсюда и является необходимость обезпеченія крестьянскаго быта регулированіемъ надѣловъ и повинностей, исходя

изъ существующаго факта и предоставленіемъ крестьянамъ права пользованія регулированнымъ надѣломъ, за регулярныя же повинности. Но такъ какъ выкупъ обусловленъ согласіемъ помѣщика и не стѣсненъ никакими сроками, то и право пользованія крестьянъ надѣлами можетъ быть только безсрочнымъ. Если въ нашемъ законодательствѣ положительный законъ, по буквальному смыслу своему, допускаетъ отчужденіе владѣльческихъ земель въ видахъ государственной и общественной пользы путемъ экспропріаціи, то нельзя признать противными духу законовъ и ограниченія правъ собственности въ видахъ той же государственной пользы. Въ этомъ духѣ поступало государство и въ предшедшее царствованіе въ юго-западномъ краѣ введеніемъ инвентарей, закрѣпившихъ даже за безправными крестьянами права пользованія помѣщичьими землями, дало крестьянамъ даже сервитутныя права на помѣщичьи лѣса и угодья, обращая ихъ тѣмъ самымъ, согласно опредѣленію закона, въ неполную собственность. Не признавалось противорѣчащимъ духу законовъ и освобожденіе крестьянъ въ царствѣ польскомъ и Остзейскомъ краѣ, гдѣ установленіе неприкосновенности крестьянскихъ надѣльныхъ земель (Rauerland) создало или покрайней мѣрѣ узаконенную форму неполной дворянской собственности. Отъ положенія о выкупѣ коммиссіи ожидаютъ сравнительно довольно быстраго осуществленія выкупа; отъ правительства всегда будетъ зависѣть разрубить впослѣдствіи гордіевъ узелъ, введеніемъ обязательнаго выкупа или примѣненіемъ 575 ст. къ имѣніямъ, въ коихъ выкупъ не состоялся въ то время, когда уже большинство имѣній перейдетъ на выкупъ, но все же до тѣхъ поръ за крестьянами, чтобъ не лишить ихъ „крова и хлѣба", должно быть обезпечено пользованіе землею, что и составляетъ ограниченіе права собственности помѣщика не на вѣчное, но во всякомъ случаѣ на *безсрочное* время, потому что опредѣлить въ точности срокъ повсемѣстнаго введенія выкупа, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ нынѣ законодатель, не предстоитъ возможности. Во всякомъ случаѣ, въ такомъ, конечно, ограничивающемъ права собственности помѣщика предоставленіи крестьянамъ безсрочнаго пользованія отводимыми имъ, согласно Положенію, надѣлами, члены комиссій отступленія отъ духа закона не усматривали.

Затѣмъ Рязанскіе депутаты Офросимовъ и князь Волконскій представили свои возраженія противъ оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ. По объясненію Офросимова, Рязанскій

Губернскій Комитетъ связанъ былъ требованіемъ Высочайшаго рескрипта объ улучшеніи быта крестьянъ на время срочно-обязаннаго періода. Улучшеніе быта крестьянъ могло состоять только въ уменьшеніи обязательныхъ для крестьянъ повинностей и предоставленіи имъ большей свободы труда. Но такъ какъ Губернскій Комитетъ не считалъ для себя возможнымъ принуждать помѣщиковъ къ какимъ бы то ни было добровольнымъ пожертвованіямъ, то ему оставалось только достигать уменьшенія повинностей, уменьшая пропорціонально надѣлъ до той нормы, которую онъ считалъ необходимою для обезпеченія быта крестьянъ. Этотъ крайній предѣлъ, по мнѣнію обоихъ Рязанскихъ депутатовъ, долженъ быть таковъ, чтобъ крестьяне этимъ надѣломъ были поставлены въ независимое отъ притѣсненія помѣщиковъ положеніе при наймѣ у нихъ земель, но отнюдь не въ такое, чтобъ наемъ крестьянами земель былъ бы для нихъ измѣнимъ. Количество надѣла, по мнѣнію Рязанскихъ депутатовъ, должно, конечно, находиться въ зависимости отъ производительности почвы, но отнюдь не отъ малоземелья или многоземелія мѣстностей, при одинаковыхъ условіяхъ. Поэтому, если въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи Редакціонныя Комиссіи приняли за высшую норму надѣла 3 десятины, то не было основанія принять для Сердобскаго уѣзда Саратовской, столь же плодороднаго, какъ и Раненбургскій, 4½ десятины. Конечно, въ Сердобскѣ земли у помѣщиковъ больше, а въ Раненбургѣ ея менѣе; но за то въ Сердобскѣ и трудъ дороже и земля дешевле. Крестьяне пріобрѣтутъ себѣ болѣе денегъ заработкомъ и наймутъ на однѣ и тѣже деньги большее количество земли у помѣщика, поэтому для всѣхъ черноземныхъ мѣстностностей, съ трехпольнымъ хозяйствомъ, норма надѣла должна быть одинаковая. Въ дополненіе къ этому объясненію князь Волконскій представилъ разсчетъ, по которому въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи для обезпеченія крестьянъ необходимо на душу 2 десятины пахатной и 450 сажень усадебной земли, съ выгономъ, а потому оба Рязанскіе депутата соглашались на принятіе во всей черноземной части губерніи за высшую норму надѣла 2½ десятины на душу, оставивъ во всѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ надѣлъ ниже этой цифры, существующій надѣлъ безъ измѣненія, какъ фактъ того, что крестьяне въ этихъ имѣніяхъ были вполнѣ обезпечены землею, даже и при крѣпостномъ правѣ. Для нечерноземной же части Ряз. депутаты предлагали прянять за высшую норму надѣла 3 дес.".

XXX

„На это Петръ Семеновъ замѣтилъ, что разъ уже допускается удержаніе существующаго надѣла, то нѣтъ возможности ставить такіе тѣсные предѣлы высшимъ нормамъ, при которыхъ отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ сдѣлались бы общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ Рязанской губерніи показываютъ, напримѣръ, что въ уѣздахъ: Раненбургскомъ, Данковскомъ, Михайловскомъ существующіе надѣлы менѣе, чѣмъ въ уѣздахъ Скопинскомъ, части Ряжскаго и Пронскомъ, въ которыхъ почва несомнѣнно хуже, хотя она также черноземная; потому нельзя не допустить въ черноземной части Рязанской губерніи по крайней мѣрѣ двухъ мѣстностей, изъ коихъ только въ лучшей возможно было бы допустить пониженіе высшаго размѣра надѣла противъ предположеній Комиссій. Что же касается до нечерноземной части губерніи, то здѣсь различіе въ количествѣ надѣловъ, при неоднородности почвы, еще значительнѣе и уже нѣтъ никакой возможности приравнивать, напримѣръ, промышленный Егорьевскій уѣздъ и нечерноземную часть Зарайскаго къ болотистому и лѣсистому Касимовскому и къ заокской части Спасскаго. Отъ того комиссіи никакъ не могутъ согласиться на принятіе одной нормы для высшаго надѣла въ черноземной и другой въ нечерноземной части губерніи, и весьма желательно, чтобъ гг. депутаты не уклонились отъ помощи Редакціоннымъ Комиссіямъ въ правильномъ раздѣленіи губерній на мѣстности“.

„Князь Волконскій и Офросимовъ отвѣтили, что они считаютъ своимъ долгомъ сообщить всѣ свѣдѣнія, которыми сами обладаютъ, и. становясь на точку зрѣнія Комиссій, постараются раздѣлить губернію правильнѣе, чѣмъ она была раздѣлена въ первоначальныхъ предположеніяхъ“.

Признавъ правильнымъ разверстаніе уѣздовъ и частей ихъ между черноземною и нечерноземною полосою, они указали въ черноземной полосѣ, какъ наиболѣе заслуживающіе пониженія высшихъ надѣловъ, уѣзды: Раненбургскій, Данковскій, Михайловскій и части Зарайскаго и Рязанскаго, а въ нечерноземной полосѣ указали, какъ на худшіе—на Касимовскій и на окскую часть Спасскаго, а какъ на лучшіе—на заокскую часть Зарайскаго, Егорьевскій уѣздъ и на нечерноземную часть Сапожковскаго. Комиссіи впослѣдствіи воспользовались этими указаніями“.

„Уже при первоначальныхъ предположеніяхъ Комиссій выходила отрѣзка отъ крестьянскихъ надѣловъ свыше 50 тысячъ десятинъ. При повѣркѣ надѣловъ Комиссіи уменьшили ихъ размѣры въ Раненбургскомъ, Данковскомъ, Михайловскомъ и частяхъ Ряжскаго, а также Касимовскаго на $1/4$ десят., а въ половинѣ Сапожковскаго на $1/2$ дес., въ частяхъ Спасскаго на 1 и $1^1/_2$ десят., а Рязанскій и Егорьевскій подраздѣлили на двѣ части, изъ коихъ въ одной уменьшили, а въ другой увеличили надѣлъ, такъ что отрѣзки увеличились на 11 тысячъ десятинъ. Положеніе 19 февраля уменьшило еще надѣлы въ частяхъ Рязанскаго, Егорьевскаго, Ряжскаго, Сапожковскаго и во всемъ Зарайскомъ и Касимовскомъ на $1/4$ десят., что увеличило отрѣзку еще на 9 тысячъ десятинъ. Въ надѣлъ крестьянамъ поступило милліонъ десятинъ, а если бы были приняты предположенія большинства Рязанскаго Комитета, то надѣлы крестьянъ въ губерніи составили бы только 600 тысячъ десят.“.

Стр. 132. „**Членъ Рязанскаго Губернскаго Комитета Кошелевъ,** представляя замѣчанія на доклады **юридическаго отдѣленія**, высказался противъ безсрочнаго надѣленія крестьянъ землею и предлагалъ заключеніе доклада юридическаго отдѣленія № 2 формулировать слѣдующимъ образомъ:

„1) Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли; но ради общей государственной пользы они имѣютъ предоставить часть земель, Положеніемъ опредѣленную, въ собственность крестьянства за единовременное за сіи земли вознагражденіе, на основаніи статьи 575, ч. I т. X св. законовъ гражданскихъ.

„2) Крестьянскія общества обязываются, за опредѣленную цѣну, выкупить, съ помощью государственнаго кредита, уступаемыя помѣщиками, ради общей государственной пользы, земли въ общинную собственность каждаго селенія.

3) Право собственности на пріобрѣтенныя крестьнами земли принадлежитъ цѣлому обществу, а отдѣльнымъ членамъ его предоставляется только право владѣнія“.

„На это Милютинъ и Любощинскій отвѣтили, что это предположеніе возбуждаетъ снова вопросъ объ обязательномъ выкупѣ, который былъ уже достаточно исчерпанъ въ предшедшемъ засѣніи Коммиссій“.

На доклады **административнаго отдѣленія**, Кошелевъ одобрилъ высказанную въ 1-мъ докладѣ отдѣленія мысль о томъ, что

нужно избѣгнуть созданія въ крестьянской администраціи двухъ инстанцій, какъ это было тогда у государственныхъ крестьянъ и возражалъ противъ принятой общимъ собраніемъ Комиссій замѣны названія сельскаго общества волостью, а поземельной общины—мірскимъ обществомъ, объясняя, что эта замѣна названія можетъ спутать понятія исполнителей Положенія и привести ихъ къ созданію въ крестьянскомъ управленіи двухъ инстанцій, противъ которыхъ справедливо высказывалось административное отдѣленіе. Кошелевъ напоминалъ Комиссіямъ, что въ большинствѣ случаевъ сельское общество и поземельная община совпадаютъ между собою, и только въ меньшинствѣ случаевъ эти понятія расходятся. А потому, по мнѣнію Кошелева, нужно признать административною единицею *сельское общество*, отнюдь не переименовывая его въ волость, а поземельныя общины признать за его дроби, и перечисливъ дѣла, подвѣдомыя сельскимъ сходамъ и сельскимъ управленіямъ, отмѣтить, какія изъ нихъ рѣшаются на полномъ сельскомъ сходѣ и какія на общинномъ, если община не совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ, придавъ этимъ частнымъ общиннымъ сходамъ, въ виду того, что они могутъ существовать и тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія, названіе участковыхъ сходовъ. Эти сходы по частямъ сельскихъ обществъ водились и доселѣ. Затѣмъ Кошелевъ настаивалъ на необходимости самостоятельнаго устройства сельскаго быта, дарованіемъ дворянству и крестьянамъ мѣстнаго самоуправленія путемъ децентрализаціи среднихъ и низшихъ дѣлъ, передачею ихъ мѣстной общественной дѣятельности въ мѣстныхъ собраніяхъ и учрежденіяхъ, въ которыхъ должны быть соединены и личные землевладѣльцы и крестьяне".

„По отношенію къ докладамъ **хозяйственнаго отдѣленія** самыя существенныя замѣчанія Кошелева основились къ вопросу о надѣлахъ. Соглашаясь съ справедливостью мысли объ оставленіи за крестьянами существующихъ надѣловъ, онъ возражалъ противъ широкихъ предѣловъ maximum и minimum, между которыми были поставлены эти надѣлы. По мнѣнію Кошелева, высшій надѣлъ въ $2^1/_2$ десятины на душу по южную сторону Оки и въ 3 десятины по сѣверную былъ бы вполнѣ достаточенъ, за то для низшихъ надѣловъ также должно было бы принять болѣе высшія нормы, за которыя Кошелевъ признавалъ $1^3/_4$ десятины на душу по южную сторону Оки и 2 по сѣверную. По отношенію къ повинности, Кошелевъ возставалъ противъ предположенной Комиссіями

ея неизмѣнности, принимая въ соображеніе, что правительство имѣетъ въ виду выкупъ и дворянство его желаетъ. Кошелевъ полагалъ возможнымъ установить повинности только на срочно-обязанный періодъ, въ теченіе коего эти повинности имѣютъ быть выкупленными, при пособіи правительства, чрезъ уплату помѣщикамъ капитализированной суммы сихъ повинностей".

„На предложеніе Кошелева о размѣрѣ надѣловъ Петръ Семеновъ доказывалъ цифрами, что при предложенныхъ имъ высшихъ нормахъ отрѣзки изъ крестьянскихъ надѣловъ будутъ громадны, а прирѣзки незначительны".

На замѣчаніе о неизмѣнности повинности, Соловьевъ отвѣчалъ, что еслибъ возможно было установить обязательный и притомъ еще срочный выкупъ крестьянскихъ повинностей, то, конечно, ни о какой неизмѣнности повинности въ предположеніяхъ Комиссій не могло бы быть и рѣчи".

„Нынѣшнія свѣдѣнія о поземельной собственности дозволяютъ расчислить эти отрѣзки и прирѣзки съ достаточною точностью. При принятіи предложенія Кошелева отрѣзка отъ крестьянскихъ надѣловъ составила бы свыше 250000 десятинъ, а прирѣзки далеко не достигли бы 25000 десятинъ".

(Общее присут. съ депутатами, 28 октября 1859 года).

Приложеніе къ трудамъ Редакц. Ком. т. 2. Отзывы Членовъ Губерн. Комитетовъ. Кошелева—стр. 143—309.

Стр. 238. Среднiй надѣлъ въ барщинныхъ имѣніяхъ земледѣльческой части Рязанской губерніи есть 2 указанныхъ десятины на тягло въ каждомъ полѣ. Есть надѣлы и по $1^1/_2$ и по $2^1/_2$ указныхъ десятины въ полѣ на тягло, но число имѣній съ такими надѣлами незначительно; сверхъ того, число имѣній съ посслѣднимъ надѣломъ, т. е. $2^1/_2$ десятиннымъ менѣе значительно, чѣмъ число имѣній съ первымъ надѣломъ, и заключавшихъ въ себѣ преимущественно селеніе, гдѣ вовсе нѣтъ луговъ. Двухъдесятинный надѣлъ на тягло въ каждомъ полѣ, при $^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$ десят. луга и при $^1/_2$ дес. усадебной земли, считается у нихъ такимъ нормальнымъ надѣломъ, что всякій излишекъ уполномочиваетъ самаго совѣстливаго помѣщика по требованію повинностей со стороны крестьянъ безропотно исполняющихъ, а всякій недостатокъ послѣднихъ жаловаться на малоземелье или на скудный надѣлъ. Можно рѣшительно сказать, что изъ 10 немалоземельныхъ имѣній, въ 8 даже въ 9-ти имѣется этотъ порядочный надѣлъ. Слѣдова-

тельно, можно признать незначительнымъ надѣломъ въ нашей губерніи по 7-ми десятинъ на тягло. Души числятся у насъ въ большей части имѣній отъ $2^1/_2$ до 3-хъ, хотя есть и по 4, но есть и по 2 души на тягло и потому можно безошибочно признать за среднее число $2^3/_4$ души на тягло. Раздѣливши 7 десятинъ на $2^3/_4$ души, получится среднимъ числомъ на душу земли по $2^1/_2$ десятины. Это число есть дѣйствительно настоящее.

Изъ сказаннаго почти очевидно, что соображенія хозяйственнаго отдѣленія даже въ отношеніи къ меньшему maximum'—у т. е. къ 3 десятин., не примѣняются къ Рязн. губ. и что эта цифра на цѣлую $^1/_6$ долю выше настоящей. На счетъ же 4-хъ десятиннаго надѣла, предположеннаго хозяйственнымъ отдѣленіемъ для имѣній Сапожковскаго уѣзда, лежащихъ за рѣкпю Парою, то такое назначеніе ни съ чѣмъ несообразно, ибо за Парою земли конечно хуже, но имѣнія тамъ по большей части малоземельныя и если можно и даже должно уменьшить повинность въ сравненіи съ болѣе плодородными имѣніями, то нѣтъ никакой возможности тамъ возвышать надѣлъ, что было бы въ отношеніи къ помѣщикамъ вопіющею несправедливостью и страшною несообразностью".

Засѣданіе Общаго Присут. Редакц. Ком. 7 января 1860 г.

„**Петръ Семеновъ.** А вотъ, князь, [1]) я долженъ возбудить вопросъ, который сдѣланъ **депутатами, а именно Рязанскими.** Тамъ, по Окѣ, есть имѣнія, богатыя поемными лугами. Все достоинство этихъ имѣній заключается въ лугахъ, и бываетъ такъ, что въ одномъ имѣніи очень много луговъ отдано въ пользованіе крестьянъ, въ другомъ же, смежномъ, нѣтъ ихъ въ надѣлѣ крестьянъ, тогда дозволеніе отрѣзывать только 10-ю часть пропорціи луговъ ко всей землѣ будетъ несправедливо. Я предложилъ бы хоть считать при обмѣнѣ десятину поемнаго луга за двѣ другаго свойства земли.

Князь Черкасскій. Да такое правило будетъ хуже для помѣщика. Сами Рязанскіе депутаты, о которыхъ вы упомянули, отказались отъ опредѣленія цѣнности этихъ угодій въ разныхъ имѣніяхъ, хотя бы они были рядомъ, и сознались, что писали объ этомъ приблизительно, наобумъ, что и въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ одного помѣщика сдѣлать это очень трудно".

---

[1]) т. е. Черкасскій.

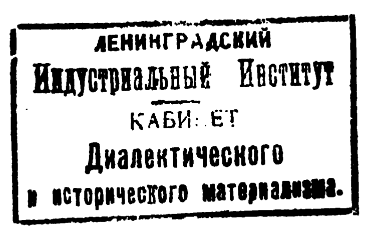
XXXV

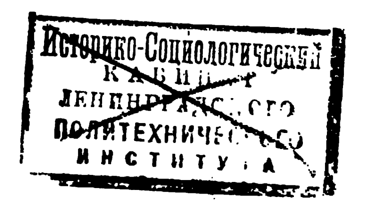
Засѣданіе Общаго Присутствія Редакц. Ком. 28 апр. 1860 г.

„**Кн. Чернасскій.** Рязанскіе депутаты сказали, что въ самыхъ лучшихъ частяхъ губерніи, которыя брали на выборъ, въ частяхъ Рязанскаго и части Зарайскаго уѣздовъ они удовлетворились бы оброкомъ въ 4 рубля съ души".

Изъ русскаго архива, № 8 за 1874 годъ, стр. 445. Къ исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи, Н. Семенова.

„Послѣ объявленія полож. 19 февраля я пріѣзжалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ мое имѣніе Рязанской губерніи Ряжскаго уѣзда для скрѣпленія уставной грамоты. Одинъ изъ крестьянъ сосѣдней деревни почтительно подошелъ ко мнѣ во время моей прогулки и и сказалъ: „Вы, баринъ, изъ Питера, и, мы слышали, писали Положеніе Какъ же теперь будетъ на счетъ нашей воли?" Я на это спросилъ: „Положеніе было ли вамъ объявлено?" Они отвѣчали: Да, точно, мы слышали, да вѣдь мы люди темные, грамотѣ не знаемъ, а говорятъ, что это малая воля, а будетъ сказываютъ большая". „Какую же волю вы еще ждете? Я ни о какой другой не слыхалъ". „Нынѣ намъ оставили землю, какую мы на себя пахали, а тамъ, говорятъ, отдадутъ всю, которая осталась у помѣщиковъ со всѣми ихъ усадьбами".—„Какъ же такъ, а гдѣ же будутъ жить помѣщики?"—„Имъ, сказываютъ, будетъ, особый указъ: Государь приметъ ихъ на свое иждивеніе".—Понятіе, поразившее меня и обличающее, что простому народу знакомы крупныя черты въ исторіи его жизни едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ иному записному литератору нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, служилое сословіе въ Россіи было долго на иждивеніи у праиительства и нынѣ еще находится на его иждивеніи. Мнѣ тутъ стоило большого труда и времени растолковать крестьянину сущность новыхъ положеній. Онъ поблагодарилъ, но отошелъ отъ меня, повидимому, не совсѣмъ убѣжденный".

Прилож. къ ст. 4-й

Крестьянинъ Егоръ Антоновъ подалъ на Высочайшее имя жалобу на помѣщика Воейкова, обвиняя его въ жестокомъ обращеніи. Жалоба не подтвердилась, Антоновъ преданъ суду и приговоромъ слѣдовало бы подвергнуть тѣлесному наказанію, но такъ какъ ему 70 лѣтъ, то, вмѣня ему содержаніе подъ стражею, выдержать его въ тюремномъ замкѣ одинъ мѣсяцъ.

(Ряз. Угол. Пал. 1828 г. № 380).

Крестьяне Терскаго попались въ воровствѣ зерна и во избѣжаніе наказанія подали жалобу на жестокое обращеніе.

(Ряз. Угол. Пал. 1829 г. № 451).

Дворовый пятнадцатилѣтній мальчикъ Еропкина Егоръ Гавриловъ укралъ у помѣщика кольцо, за что былъ наказанъ розгами и сосланъ въ деревню въ пастухи, скоро заболѣлъ и умеръ. Братъ умершаго сдѣлалъ доносъ, что смерть произошла отъ наказанія. Выяснилось, что смерть послѣдовала отъ воспаленія кишекъ. За доносъ Петръ Гавриловъ приговоренъ къ наказанію плетьми 10 ударовъ, но это наказаніе замѣнено Сенатомъ. „За неосторожное извѣщеніе на своего помѣщика сдѣлать строжайшее подтвержденіе, со внушеніемъ, дабы онъ былъ въ полномъ повиновеніи у своего помѣщика“.

(Ряз. Угол. Палата 1841 г. № 1150).

Фатовъ наказалъ своего человѣка Никиту Захарова за бродяжничество и собираніе милостыни розгами; а въ довершеніе наказанія еще побилъ его и приказалъ въ господскомъ ледникѣ разбивать ледъ. Онъ разбивалъ цѣлый день и въ изнеможеніи едва живой пришелъ домой, а въ ночь умеръ. Смерть произошла не отъ побоевъ, а отъ бывшей прежде болѣзни—удушья. Но такъ какъ ранѣе побои были, понятые и тутъ приписали смерть побоямъ. Виновные оправданы, но, по обычаю суда и полиціи, приговорены къ наказанію свидѣтели и только Сенатъ отмѣнилъ приговоръ: „не подвергать никакому взысканію и понятыхъ, за напрасное будто бы оглашеніе помѣщика Фатова, старосты и прикащика его въ причиненіи побоевъ Захарову, ибо основаніемъ къ таковому оглашенію послужили открывшіеся на тѣлѣ умершаго Захарова знаки, изъ которыхъ одинъ врачебная управа признала происшедшимъ отъ пораженія головы.

(Ряз. Угол. Пал. 1841 г. № 1172).

XXXVII

Крестьянка Прасковья Федорова жаловалась на жестокое обращеніе съ нею помѣщиковъ Лихаревыхъ; представила вырванную косу, но по слѣдствію онаго не было доказано. Сенатъ приговорилъ Федорову наказать розгами 50 ударовъ.

(Ряз. Угол. Пал. 1844 г. № 1323).

Дворовая дѣвка Настасья Кузьмина обвиняла помѣщика Полубояринова въ изнасилованіи. Ссылка ея на свидѣтелей вовсе не подтвердилась и доносъ оказался ложнымъ. Кузьмина была поведенія дурнаго, занималась мелкимъ воровствомъ, нрава сварливаго, сплетничала и поселяла раздоръ, часто была замѣчаема въ неприличномъ съ мужиками обращеніи и была лишена дѣвства уже за нѣсколько времени до обвиненія помѣщика. Послѣдній объ ней говорилъ: Кузьмина имѣетъ самый гадкій характеръ и поведеніе, безпрестанно дѣлаетъ мелкое воровство, лѣнива на работу и по ея гадкой физіономіи и нечистоплотности онъ не только чтобы посягнуть на нее, не всякій рѣшится даже на нее глядѣть.

(Ряз. Угол. Пал. 1847 г. № 1646).

Дворовая жена Прасковья Федорова жаловалась на жестокое обращеніе Лихаревыхъ и въ доказательство представила пукъ волосъ, выдранныхъ изъ головы ея дочери, Анны Карнѣевой. По дѣлу выяснилось, что волосы изъ головы Карнѣевой сильно лезутъ вслѣдствіе горячки, которою она была недавно одержима, и волосы не были вырваны, а вычесаны.

(Ряз. Угол. Пал. 1847 г. № 1663).

Прилож. къ ст. 2-й стр. 70.

Выводныя деньги. Если крѣпостной помѣщика женился на крѣпостной же дѣвушкѣ другаго помѣщика, то жена принадлежала тому помѣщику, крѣпостнымъ котораго былъ мужъ, но для сего она должна была получить выводную отъ прежняго господина, а въ такихъ случаяхъ и уплачивались ему выводные деньги, 22 марта 1804 года помѣщикъ Кропотовъ отпустилъ дворовую дѣвку Ирину Ефимову на выводъ въ вотчину колл. асс. Николая Александровича Кобякова въ замужество за крестьянина его Василія Ерофеева и за оную свою дѣвку взялъ выводныхъ денегъ 38 р. (Ряз. Граж. Пал. 1804 г. кн. 5, ст. 42). Выводныя деньги уплачивались не помѣщиками, въ вотчину котораго поступала женщина, а крестьяниномъ, бравшимъ ее себѣ въ жены. Въ приказѣ кн. С. В. Волконскаго 30 марта 1849 г. значится: объявить Титу Антипову, что я справился на счетъ его просьбы, но что опека не можетъ дозволить дать ему денегъ на покупку невѣсты ни гроша. „Т. е. жена продолжала быть въ крѣпостной зависимости только по мужу, а потому, въ случаѣ смерти послѣдняго, она вдовою дѣлалась вольною, но чтобы стать таковою по закону, то должна была получить отпускную отъ своего новаго помѣщика. 23 февраля 1804 года помѣщикъ Язвинцевъ и Кошелевъ отпустили умершаго крестьянина „нашего Ивана Федорова жену, вдову Татьяну Иванову дочь, вышедшую въ замужество за того крестьянина по свой волѣ дѣвкою, по отпускной, данной отъ прежняго его помѣщика, изъ дворянъ сержанта Степана Васильевича Собанѣева—вѣчно на волю“....

(Ряз. Граж. Пал. 1804 г. кн. 5, ст. 38).

.R9.P68
HD 719 .R9 .P68 C.1
Riazanskie pomieshchiki i ikh
Stanford University Libraries
3 6105 036 500 440
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
28D JUN 17 1996
JUN 25 1996

